

ISSN 0131-6044

РОМАН- ГАЗЕТА

(1145) · 1990

Дмитрий Волкогонов

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ

Беломорский канал

Историк-художник Р.И. Мельников трудится в архиве за убийство, кражу, подделку, воровство, а также за другие тяжкие преступления. В архиве — много документов, фотографий и других материалов, связанных с историей.

Дмитрий Антонович ВОЛКОГОНОВ родился в 1928 году в Забайкалье. После окончания средней школы вся жизнь связана с армией. В 1952 году окончил Орловское танковое училище, а в 1963-м — Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Длительное время проходил службу на различных должностях в Советской Армии. В 1968 году защитил докторскую диссертацию по философии, стал профессором. Несколько лет был заместителем начальника Главного политуправления Советской Армии. С апреля 1988 года — начальник Института военной истории. Воинское звание — генерал-полковник.

Им написаны более 20 книг, свыше 400 научных и публицистических статей по актуальным вопросам политики, философии и истории. Такие книги, как «Оружие истины», «Феномен героизма», «Психологическая война», «Советский солдат», «Доблести», и ряд других изданы за рубежом. Более десяти лет собирал материалы к политической биографии Сталина, которые легли в основу книги «Триумф и трагедия».

Дмитрий Волкогонов — народный депутат России, член ряда международных комитетов, выступал с лекциями по философии русской истории в Вашингтоне, Лондоне, Париже, Афинах, Хельсинки. Удостоен ряда литературных и научных премий.

РОМАН-19

ИЗДАНИЕ
ГОСУДАРСТ-
ВЕННОГО
КОМИТЕТА
СССР
ПО ПЕЧАТИ
МОСКВА

ГАЗЕТА

(1145) · 1990

Основана в 1927 г.

Дмитрий Волкогонов ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ И. В. СТАЛИНА

Фарисеи буржуазии любят изречение: *de mortuis aut bene aut nihil* (о мертвых либо молчат, либо говорят хорошее). Пролетариату нужна правда и о живых политических деятелях и о мертвых, ибо те, кто действительно заслуживает имя политического деятеля, не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть.

В. И. Ленин

Глава первая ОКТЯБРЬСКОЕ ЗАРЕВО

Сталин умирал. Лежа на полу столовой на даче в Кунцево, он уже не пытался встать, а лишь изредка поднимал левую руку, словно прося у людей помощи. Полуоткрытые веки вождя не могли спрятать отчаяния взгляда, косившегося на входную дверь. Губы немощного рта беззвучно и слабо шевелились. Уже прошло несколько часов после удара. Но никого рядом со Сталиным не было. Наконец, обеспокоенные долгим отсутствием признаков жизни за окнами особняка, в помещение несмело вошли его телохранители. Однако и они не имели права немедленно вызвать врачей. Один из самых могущественных людей за всю человеческую историю не мог на это рассчитывать. Нужно было личное распоряжение Берии. Его долго ночью искали. Но тот посчитал, что Сталин просто крепко спит после плотного ночного ужина. Лишь через десять — двенадцать часов перепуганные медики были привезены к умирающему вождю.

Сам факт такой смерти глубоко символичен. Ирония судьбы оказалась жестокой. Агонизировавший еще несколько десятков часов вождь в нужную минуту не смог вовремя получить помощь. И это он, почти земной бог, способный несколькими словами переместить миллионы людей с одного края страны на другой! Бюрократический «порядок», созданный им в обществе, сделал и самого вождя своим заложником. Медленно угасая, Сталин еще имел возможность оценить степень косности той системы отношений, которую он так долго создавал.

Невидимую черту, отделяющую бытие от небытия, можно перешагнуть только в одном направлении. Даже вожди вернуться обратно не в состоянии. Едва ли Сталин знал, что в отличие от других ему предстоит не только физическая, но и смерть политическая. Его кончина казалась для современников глубокой трагедией. Они не думали тогда, что именно этот человек относился к смерти миллионов людей лишь как к казенной сфере закрытой статистики. После своей

смерти Сталин оставил потомкам в наследство не просто долгое занятие — разбираться в том, что он создал, но и ожесточенные споры о «загадке» его судьбы. Даже часть ленинской фразы, приведенной в качестве эпиграфа: «...кто действительно заслуживает имя политического деятеля», — многие считают неприменимой к Сталину. Его смерть не стала его оправданием. Все свершения, деяния и преступления Сталина отданы на суд истории. Мифы рушатся. Но окончательно их развеять можно только правдой.

АНФАС И ПРОФИЛЬ

К началу 1917 года Иосифу Виссарионовичу Сталину (Джугашвили) было тридцать семь лет. Стылая Курейка, что у самого Полярного круга, была его обиталищем уже несколько лет. Времени и пищи для размышлений было много. Под бесконечный вой пурги он то и дело мысленно возвращался к наиболее памятным событиям. Декабрь 1905 года: первая встреча с В. И. Лениным на партийной конференции в Таммерфорсе. Шумные споры на заседаниях, а в перерывах дружеские разговоры — это всегда удивляло Сталина. Партийные съезды в Стокгольме и Лондоне, где он впервые, по существу, приобщился к политическому искусству борьбы, поисков компромиссов, принципиальной неуступчивости...

Все его немногочисленные поездки за границы России оставили в душе какой-то труднообъяснимый беспокойный осадок. Он часто ощущал себя чужим, лишним среди остроумных собеседников. Сталин не мог фехтовать словами так быстро и ловко, как это делали Плеханов, Аксельрод, Мартов. Ощущение внутренней раздраженности и интеллектуальной ущемленности не покидало кавказца, пока он находился рядом с этими людьми. Уже с тех пор где-то подспудно у него родилась устойчивая неприязнь к эмиграции, чужбине, интеллигенции: бесконечные споры в дешевых кафе, прокуренные номера захудалых гостиниц, рассуждения о философских школах, экономических учениях...

Дюктябрьская биография Сталина вся уместилась между семью арестами и пятью побегами из царских тюрем и ссылок. Но об этом периоде будущий вождь не любил публично вспоминать. Он никогда позже не рассказывал и о своем участии в вооруженных экспроприациях для партийной кассы, о том, что, будучи в Баку, одно время стоял на позиции «объединения во что бы то ни стало с меньшевиками», о своих первых беспомощных литературных опытах. Однажды, когда вьюга сотрясала избушку, Сталину вспомнилось одно из его ранних стихотворений, которое нравилось и даже удостоилось публикации в газете «Иверия». Тогда семинаристу было лет шестнадцать — семнадцать. Строки о его стране гор усилили тоску и вызвали какую-то смутную надежду. У Сталина была великолепная память, и вполголоса, почти шепотом он воссоздал образ родного края:

Когда луна своим сияньем
Вдруг озаряет мир земной
И свет ее над дальней гранью

Играет бледной синевой,
Когда над рощей в лазури
Рокочут трели соловья
И нежный голос саламури¹
Звучит свободно, не таясь,
Когда, утихнув на мгновенье,
Вновь зазвенят в горах ключи
И ветра нежным дуновеньем
Разбужен темный лес в ночи,
Когда беглец, врагом гонимый,
Вновь попадет в свой скорбный край,
Когда, кромешной тьмой томимый,
Увидит солнце невзначай, —
Тогда гнетущей душу тучи
Развеян сумрачный покров,
Надежда голосом могучим
Мне сердце пробуждает вновь,
И сердце бьется неспроста:
Стремится ввысь душа поэта;
Я знаю, что надежда эта
Благословенна и чиста!

Пока неожиданно для самого себя шептал, словно молитву, стихи своей юности, хозяйка убогого домишка раза два удивленно заглядывала в проем на угрюмого постояльца. А тот сидел с открытой книгой подле мигающей свечи и смотрел в слепое, обледеневшее оконце. В далекой юности Сталин навсегда оставил не только свои наивные стихи, но и многое из того, что интеллигенты называют сентиментальностью. Даже матери Сталин писал крайне редко. Суровое детство, жизнь подпольщика — вечного беглеца — сделали ссыльного холодным, черствым, подозрительным.

Сталин умел отгонять тревожные мысли, воспоминания. Однако, хотя прошло уже почти десять лет со дня смерти его жены Като, образ женщины, искаженный тифом, витал где-то рядом. И вот теперь, в ссылке, он вспомнил, как их тайно обвенчал одноклассник по семинарии Христофор Тхинволели в церкви святого Давида в июне 1906 года. Като (Екатерина) Сванидзе была очень красивая девушка, влюбленно и преданно глядевшая своими большими глазами на мужа, когда тот изредка появлялся дома перед тем, чтобы вновь надолго исчезнуть. Семейная жизнь была короткой. Беспощадный тиф отнял у Сталина единственное существо, которое, возможно, он по-настоящему любил. На фотографии, запечатлевшей похороны, Сталин, с копной нечесаных волос, невысокий и худой, стоит у изголовья умершей жены с выражением неподдельной скорби.

Семена черствости и жестокости, посеянные еще в детстве, прорастали все глубже. Подполье ожесточило его: с девятнадцати лет он только и делал, что скрывался, выполнял поручения партийных комитетов, арестовывался, менял фамилии, доставал фальшивые паспорта, переходил с места на место. В тюрьмах долго не задерживался, бежал и снова скрывался.

Жизнь многому научила Сталина, и не в последнюю очередь очередь хитрости и расчетливости. Печать замкнутости и внутренней холодности, которая была заметна еще в молодые годы, превратилась со временем в холодную бесчувственность и беспощадность. Но позже Ста-

¹ Саламури — разновидность свирели.

лин научиться носить маску спокойного, на людях даже приветливого человека с пронизательными глазами.

Почему Сосо Джугашвили стал революционером? Может быть, потому, что рано приобщился к крупным интеллектуальной пищи в Горьском духовном училище и Тифлисской духовной семинарии, в которых учился? Кто знает, не попали в его руки томики Руссо, Ницше, Локка, задумался ли бы семинарист над тем, почему его отец-сапожник латает башмаки для бедняков? Или неудовлетворенность теологическим затворничеством привела его к людям с бунтарским характером? А может быть, его заставила шире открыть глаза на мир попавшая в руки зачитанная тоненькая брошюра «Азы марксизма»? Никто на это не ответит достоверно. Не произошли, однако, в нем тогда, на пороге века, смутная, но решительная смена религиозных ориентиров на светские, еретические, одно из грузинских сел получило бы молодого православного священника. От всего мира его монотонная жизнь была бы отгорожена не только грядой величественных гор, но и мелкими заботами о нищем приходе, куче своих детей, мечтами о шумном Тифлисе. Мог ли сын бедняка знать, что волею судьбы и игры обстоятельств он на одном из этапов истории будет значить для великого народа неизмеримо больше, чем духовный пастырь?

До революции этот человек был хорошо известен различным отделениям департамента полиции. При каждом новом контакте жандармского управления с Джугашвили там его аккуратно фотографировали анфас и в профиль. Так, на бланке Бакинского губернского жандармского управления в этих двух позах запечатлен тщедушный небритый молодой человек. Жандармы не отличались умением охранять заключенных, зато описание «государственных преступников» делали дотошно. Под фотографиями, в тексте, сообщается, что Джугашвили «худ», волосы у него «черные и густые», «бороды нет и усы тонкие», лицо «рябое, с оспинными знаками», форма головы «овальная», лоб «прямой и невысокий», брови «дугобразные», глаза «впалые карие с желтизной», нос «прямой», рост «средний 2 арш. 2,5 верш», телосложения «посредственного», подбородок «острый», голос «тихий», «на левом ухе родинка», руки — «одна из них, левая — сухая», на левой ноге «2 и 3-й пальцы сросшиеся» и еще десятка два других примет. Когда Джугашвили-Сталин станет могущественным человеком, его блюстители государственной безопасности не станут со своими политическими заключениями заниматься такими пустяками. Ведь ни одному из них в «эпоху» Сталина не удастся совершить, как ему, пять побегов. Для определения в будущем судьбы многих, многих тысяч его, Сталина, потенциальных противников не будет иметь никакого значения, на каком ухе родинка и сколько аршин и вершков рост «врага народа».

Думаю, что читателя больше интересуют не физические и внешние данные будущего вождя, которые можно рассмотреть анфас и в профиль, а те политические и нравственные параметры, с которыми он пришел к семнадцатому году. Скажем сразу, Сталин не был «злодеем», с детства, как на это порой теперь намека-

ют. Но о его детстве надо вспомнить, чтобы лучше понять характер зрелого Сталина.

О детских годах Джугашвили мало что известно — сам Сталин не любил вспоминать об этом времени. Детство было беспросветно безрадостным. Екатерина и Виссарион Джугашвили, бедные крестьяне, а затем горийские плебеи, жили в страшной нужде. Из троих сыновей Михаил и Георгий, не прожив и года, скончались, остался лишь Сосо (Иосиф). Но и он, заболев в возрасте пяти лет черной оспой, едва выжил, дав основания жандармам в графе «особые приметы» теперь регулярно писать: «лицо рябое, с оспинными знаками». Как писал И. Иремашвили, грузинский меньшевик, знавший юного И. Джугашвили, отец Сталина, сапожник-кустарь, сильно пил. Матери и Сосо часто выпадали жестокие побои. Пьяный отец, прежде чем уснуть, норовил дать затрещину своеправному мальчишке, явно не любившему отца. Уже тогда Сосо научился хитрить, избегая встреч с пьяным отцом. Несправедливые побои отца ожесточили сына. А мать целиком посвятила себя Сосо. Именно по ее настоянию и ценой огромных усилий сына устроили в духовное училище, а затем и семинарию.

Семейная разлада продолжалась. Вскоре произошел окончательный разрыв матери с отцом, тот переехал в Тифлис, где в безвестности умер в ночлежке и был похоронен за казенный счет. После того как И. Джугашвили стал на тропу профессионального революционера, он навсегда покинул родительский дом. Как удалось установить, с 1903 года он всего четыре-пять раз видел мать. Екатерина Георгиевна лишь однажды побывала у сына в Москве, как раз в тот год, когда Сталин стал генсеком. Последний раз он видел мать в 1935 году в один из своих редких наездов в Тбилиси. Думал ли сын о том, что именно неукротимое желание неграмотной женщины «вытолкнуть» его из нужды наверх дало ему тот первый шанс, который он использовал? Через два года после этой встречи, дожив до июля трагического тридцать седьмого года, мать Сталина тихо скончалась в глубокой старости.

В декабре 1931 года немецкий писатель Э. Людвиг, беседуя со Сталиным, спросил собеседника:

— Что вас толкнуло на оппозиционность? Быть может, плохое обращение со стороны родителей?

— Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем неплохо.

Все, что нам известно о ранних годах И. Джугашвили, дает основание предположить, что сказанное вождем немецкому писателю о родителях относилось лишь к его матери. Людвиг, в свое время написавший очерки-портреты Муссолини, кайзера Вильгельма, Масарика, пытался с помощью одной часовой беседы проникнуть и во внутренний мир «загадочного советского диктатора». Едва ли это ему удалось. В частности, о своих ранних годах становления Сталин не захотел распространяться.

Рассматривая Сталина через призму нравственного «анфаса и профиля», нельзя не сказать, что, обучаясь в духовных учебных заведениях, мальчик обнаружил неплохие способности и феноменальную память. Религиозные тексты осваивались Сосо быстрее других.

Книги Ветхого и Нового завета вначале пробудили у семинариста неподдельный интерес. Он старался постичь идею единого бога как носителя абсолютной благодати, абсолютного могущества и абсолютного знания. Однако длительное изучение теологии как синтеза догматов и моральных принципов вскоре наскучило Джугашвили. Незаметно для него самого (а ведь проучился Сосо в духовных заведениях в общей сложности десять лет) в сознании способного ученика между тем сформировались важные для его дальнейшей судьбы особенности мышления и действия. К десяти годам религиозной учебы следует приплюсовать столько же лет тюрем и ссылок, выпавших на долю Кобы. Положение отверженного, преданного обществом остракизму, усиливало у молодого революционера глухую, но устойчивую ожесточенность и неудовлетворенность судьбой. Причудливый синтез усвоенных, но отвергнутых религиозных постулатов, роль социального изгоя и как результат — смутная тяга к «мятежной» деятельности, несомненно, оставили свой след на характере молодого Сталина. Первые два десятка лет становления, прошедшие в семинарских кельях и тюремных камерах, не могли не сказаться в конечном счете на интеллекте, чувствах и воле профессионального революционера. В мышлении, в частности, это проявилось в ряде особенностей.

Одна из них — стремление любое знание систематизировать и классифицировать, раскладывать на интеллектуальные «полочки», а это характеризует, если так можно сказать, «катехизисное мышление». Как правило, это мышление создает у окружающих впечатление о таком человеке как носителе «организованного», последовательного ума. Другая особенность сталинского мышления связана с отсутствием серьезного критического взгляда на собственные идеи и поступки. Джугашвили всю жизнь верил в постулаты, сначала христианские, а затем марксистские. Все, что не вписывалось в прокрустово ложе усвоенных концепций и схем, Сосо считал еретическим, а затем и оппортунистическим. Но поскольку он сам редко подвергал сомнению истинность тех или иных фундаментальных положений теории, в которые верил, то не считал необходимым критически относиться к собственным взглядам и намерениям. Ведь он никогда не отступал, по его мнению, от классических принципов марксизма. Пожалуй, он отдавал первенство вере, а не истине, хотя, наверное, не признался бы в этом и самому себе. Хорошо, когда вера в идеалы и ценности есть. Но едва ли хорошо, если она, вера, оттесняет истину на задний план. Религиозная пища и социальное положение способствовали выработке у Джугашвили скрытого, но глубокого эгоцентризма, преувеличения роли своего «я» в ткани окружающего бытия.

Сталин рано понял, что ему не на кого надеяться в своей жизни, кроме как на себя. Товарищи в Баку, Тифлисе не раз говорили Кобе: «У тебя крепкая воля». Похвала импонировала, и он решил закрепить эту особенность своего характера в революционном псевдониме, выразив его «железной» фамилией. С 1912 года свои статьи Джугашвили уже подписывал «Сталин». Впрочем, не только ему хотелось свою твердость за-

фиксировать в фамилии. Революционер Л. Б. Розенфельд, например, далеко не обладавший такой волей, как Джугашвили, решил довольствоваться псевдонимом «Каменев». Но «камень» со временем, как покажет история, не устоит перед «сталью». Сталин хотел верить в свою волю, свою неуязвимость, свое место регионального вожака. Вера — этот цемент догматизма — была у Сталина всегда.

Религиозное образование способствовало формированию у Джугашвили-Сталина устойчивого догматического мышления, хотя будущий вождь сам нередко подвергал догматизм критике, понимая его, однако, вульгарно-упрощенно. Сталин был склонен всегда жестко канонизировать те или другие положения марксистской теории, приходя часто к глубоко ошибочным выводам.

Конечно, будучи догматиком, Сталин тем не менее был атеистом. Но обильная религиозная пища, принятая им в детстве и юности, сформировала у будущего Генерального секретаря партии своеобразное мышление, для которого стали свойственны нетерпимость к взглядам, отличным от своих, склонность собственную идейную «застылость» оправдывать революционной левой фразой. Сталин на «подходе» к революции был в состоянии усвоить основные положения марксизма, но без ярко выраженной способности их творческого применения. Влияние религиозного образования (а иного Джугашвили не имел) сказалось, подчеркнем еще раз, прежде всего не на содержании его взглядов, а на методологии мышления. От пут догматизма, не всегда, правда, ярко выраженных, Сталин не смог освободиться до конца своих дней.

У Сталина почти не было близких людей, особенно таких, к которым бы он сохранил теплые чувства на всю жизнь. Политические расчеты, эмоциональная сухость и нравственная глухота не позволили ему приобрести и сохранить друзей. Тем удивительнее, что на исходе жизни Сталин неожиданно вспомнил о своих «одноклассниках» по духовному училищу и семинарии. Об этом свидетельствует, например, такой факт.

Однажды во время войны Сталин случайно увидел, что в сейфе его помощника Поскребышева находится большая сумма денег.

— Что это за деньги? — недоуменно и в то же время подозрительно спросил Сталин, глядя не на пачки купюр, а на своего помощника.

— Это ваши депутатские деньги. Они накопились за много лет. Я беру отсюда лишь для того, чтобы заплатить за вас партийные взносы, — ответил Поскребышев.

Сталин промолчал, но через несколько дней распорядился выслать Петру Копанадзе, Григорию Глурджидзе и Михаилу Дзерадзе весьма большие денежные переводы. Сталин на листке бумаги собственноручно написал:

- «1) Моему другу Пете — 40 000,
- 2) 30 000 рублей Грише,
- 3) 30 000 рублей Дзерадзе.

9 мая 1944 г. Сосо.

В этот же день набросал еще одну коротенькую записку на грузинском языке:

«Гриша!

Прими от меня небольшой подарок.
9.05.44. Твой Сосо».

В личном архиве Сталина сохранилось несколько аналогичных записок. На седьмом десятке лет в разгар войны Сталин неожиданно проявил филантропические склонности, но характерно, что вспомнил он друзей из далекой «семинарской» молодости. Это тем более удивительно, что Сталин никогда не отличался склонностью к сентиментальности, душевности, нравственной доброте. Правда, нам известен еще один случай филантропического излияния, которое проявил Сталин уже после войны. Вождь направил письмо такого содержания в поселок Пчелка Порбигского района Томской области:

«Тов. Соломин В. Г.

Получил Ваше письмо от 16 января 1947 г., посланное через академика Цицина. Я еще не забыл Вас и друзей из Туруханска и, должно быть, не забуду. Пошлю Вам из моего депутатского жалования шесть тысяч рублей. Эта сумма не так велика, но все же Вам пригодится.

Желаю вам здоровья.

И. Сталин».

В местах его последней ссылки, как рассказывал мне старый большевик И. Д. Перфильев, сосланный в те края уже в советское время, у Сталина была связь с местной жительницей, от которой появился ребенок. Сам вождь, разумеется, никогда и нигде не упоминал об этом факте. Мне не удалось установить, проявлял ли заботу Сталин об этой женщине, чей путь пересекался с этапной дорогой ссыльного революционера, или дело ограничилось признанием, что, «должно быть», друзей из Туруханска он «не забудет».

Сухость, холодность, расчетливость и осторожность Сталина, возможно, были усилены жизнью профессионального революционера, вынужденного жить с 1901 по 1917 год нелегально, часто попадать в тюрьмы и ссылки. Уже тогда все знавшие Сталина отмечали его редкую способность к самообладанию, выдержке и невозмутимости. Он мог спать среди шума, хладнокровно принять приговор, не возмутиться жандармскими порядками на этапе. Пожалуй, единственный раз его видели морально потрясенным, когда в ноябре 1907 года скончалась его жена, оставившая мужу-ски-талцу двухмесячного сына Якова. Мальчика вскормила сердобольная женщина Монаселидзе. Эта смерть еще более ожесточила его.

Находясь в своей последней перед революцией ссылке в Туруханском крае вместе с Я. М. Свердловым и другими революционерами, Сталин показал себя нелюдимым и мрачным человеком. В ряде писем из ссылки Свердлов называет Сталина «большим индивидуалистом в обыденной жизни». Прибыв в ссылку уже членом ЦК партии (там были в то время еще три члена Центрального Комитета — Свердлов, Спандарян и Голощекин), Сталин держал себя замкнуто, сдержанно. Его как будто интересовали лишь охота и рыбалка, к которым он пристрастился. Правда, одно время он хотел заняться изучением эсперанто (один из ссыльных привез учебник этого искусственного языка), но быстро

остыл к нему. Свое затворничество он нарушал лишь эпизодическими поездками к Сурену Спандаряну, жившему в селе Монастырском. На собраниях, которые устраивали ссыльные, Сталин обычно отмалчивался, отделяясь лишь репликами. Складывалось впечатление, что он просто устал от побегов. Во всяком случае, его общественная пассивность последние четыре года перед революцией поразительна.

Казалось бы, окрыленный написанием удачной работы «Марксизм и национальный вопрос», завершенной им в январские дни 1913 года в Вене, Сталин свое столь долгое пребывание в ссылке, где он не был обременен какими-либо обязанностями, использует для литературного труда. Ему, видимо, была известна высокая оценка В. И. Лениным его статьи по национальному вопросу. Однако это не вдохновило Сталина на дальнейшее углубленное изучение проблемы. Творческое и общественное бесплодие этих лет, занявшее довольно продолжительное время в биографии Сталина, свидетельствует о духовной депрессии ссыльного. За четыре года при наличии библиотеки Сталин даже не попытался написать что-либо серьезное. Кстати, дважды до этого высылаемый в Сольвычегодск, в 1908 и 1910 годах, Джугашвили вел себя так же. Похоже, что не только полная, но и частичная изоляция от революционных центров повергала Сталина (если он не бежал) в состояние пассивного выжидания. Когда он станет могущественным, то это умение выжидать будет уже не пассивным, а тонко рассчитанным.

Обычно ссыльные и арестованные революционеры, как свидетельствуют их воспоминания, очень много читали. Для них тюрьма была своеобразным университетом. Как вспоминал Орджоникидзе, в Шлиссельбургской крепости он прочел Адама Смита и Рикардо, Плеханова, Богданова, Джемса, Тейлора, Беккера, Ключевского, Костомарова, Достоевского, Ибсена, Бунина. Сталин немало читал и всегда удивлялся, как беззубо царский режим борется со своими «могильщиками», — можно было не работать, сколько угодно читать и даже бежать. Для побега из ссылки в основном нужно было лишь желание. Может быть, уже тогда он пришел к выводу, который оглашал впоследствии не раз: «Твердая власть должна иметь сильные «карательные органы». Став вождем и устроив кровавую баню в государстве, он согласился с предложением Ежова об изменении режима содержания политических заключенных. Именно по настоянию Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года в резолюции по докладу Ежова был внесен специальный пункт о том, что «тюремный режим для врагов Советской власти (троцкистов, зиновьевцев, эсеров и др.) — нетерпим. Он больше походит на принудительные дома отдыха, чем на тюрьмы. Допускается общение, сношение письмами с волей, получение посылок и т. д.». «Меры», разумеется, были приняты. Ни о каких «университетах» для несчастных не могло быть и речи. Люди, попавшие в далекие лагеря во времена единовластия Сталина, вели отчаянную борьбу за свое выживание. Удалось это далеко не всем.

Читая газеты, приходившие с большим опозданием в Туруханский край, станок Курейка, будущий вождь

не мой не чувствовать, что назревают большие события. Однако, когда разразилась мировая война, последние проявления какой-то общественной активности поселенца прекратились. Невольно складывалось впечатление, что Сталин уже не хотел вырваться из ссылки, хотя сначала думал об этом, по двум причинам: из-за трудностей, ожидавших его при нелегальном положении в военное время, а также из-за нежелания попасть в армию в ходе мобилизации. Впрочем, этого опасаться ему не следовало: когда в феврале 1917 года призывная комиссия в Красноярске намеревалась представить Сталина в «строй», он был признан полностью негодным к военной службе из-за физических недостатков (сухой руки и дефекта ноги).

Эти четыре года ссылки, когда в обществе постепенно полнились невидимые ручейки социальной напряженности, когда росло недовольство народа империалистической войной, Сталин словно чего-то выжидал. Может быть, к нему, уже пожившему человеку, пришло разочарование в бесплодности двух десятилетий революционной деятельности? Или Сталин предчувствовал, что ему скоро предстоит вступить совсем в иной этап жизни и борьбы? А может быть, его коснулось неверие в возможность опрокинуть самодержавие? Никто этого никогда не узнает. Об этом периоде своей жизни Сталин ничего не писал и рассказывал очень мало.

Сталин все четыре года был пассивен, ничего практически не писал, совершенно не проявил себя как член Центрального Комитета партии. Фактическими лидерами в ссылке стали Спандарян и Свердлов, вокруг которых группировались все ссылкинцы. Сталин держался особняком, хотя и не скрывал своих сдержанных симпатий к Спандаряну. Неистовому революционеру Сурену Спандаряну не суждено было увидеть зарево революции: он заболел и скончался в ссылке.

Думается, что период длительной духовной депрессии у Сталина был временем его личного духовного выбора. Раздумья о прожитом и грядущем. Ему было уже под сорок, а перспективы личного будущего были туманны. У Сталина не было никакой житейской специальности, он ничего не умел делать, практически никогда не работал. К слову сказать, тридцать лет нашей партией и страной руководил человек, не имевший никакой профессии, если не считать профессии священника-недоучки. Если, допустим, Скрябин (Молотов) окончил реальное училище, недоучившийся студент Маленков проявил себя в молодости как старательный технический секретарь аппарата, а Каганович был неплохим сапожником, то Сталин даже сапожником, как его отец, не был. Полицейские в графе анкеты «Знает ли мастерство (профессия)» делали прочерк или писали: «конторщик». Сам Сталин, заполняя анкеты накануне партийных съездов и конференций, испытывал затруднение при ответе на вопросы о роде занятий и социальном происхождении. Например, в анкете делегата XI съезда РКП(б), в котором он участвовал с советательным голосом, на вопрос: «К какой социальной группе себя причисляете (рабочий, крестьянин, служащий)?» — Сталин не решился что-либо ответить, оставив графу чистой.

Будущий генсек, являясь профессиональным рево-

люционером, жизнь рабочего, крестьянина, служащего знал гораздо хуже, чем, допустим, ссыльного или заключенного. Возможно, это было неизбежно в тех условиях деятельности, но вместе с тем явилось устойчивой чертой его личности: Сталин знал о жизни трудящихся как будто много, но... со стороны, поверхностно. Правда, придет время, и он все будет «знать и уметь». Туруханское долгое молчание было, пожалуй, своеобразной «ревизией» уже немалой по срокам жизни. Все говорило за то, что сходить с революционной тропы Сталину было поздно. Сообщения о росте антивоенных настроений и новом подъеме революционного движения в Петрограде постепенно вернули Сталину уверенность в себе, привели поселенца в былую «боевую» форму.

Правда, имеются и иные свидетельства об этом периоде биографии Сталина. Например, в брошюре жены Спандаряна В. Швейцер «Сталин в Туруханской ссылке. Воспоминания подпольщика», написанной в 1939 году, утверждается, что Сталин с началом империалистической войны был активен и тут же выступил со специальным письмом, осуждающим «оборончество». Мол, интернациональная позиция, как утверждалось автором книги, была выражена им быстро. Однако это письмо не только не сохранилось, но о нем никто и никогда не вспоминал и не слышал из тех, кто нес тогда свой крест в далеком Туруханском крае. Старая большевичка Вера Швейцер, правдиво описав жизнь, быт ссылкинцев, едва ли была volna так же писать о Сталине в разгар кровавых чисток. Она пишет, например, что «тезисы Ленина подтвердили его (Сталина. — Д. В.) установку по вопросу о войне», что, мол, уже в то время Сталин в беседах с товарищами предупреждал, что Каменеву нельзя доверять, — он «способен предать революцию», что «Сталин переводил в ссылке книгу Розы Люксембург на русский язык», что все время «товарищ Сталин напряженно работал», жил «одними думами, одними стремлениями с Владимиром Ильичем» и т. д. Апологетический характер подобных свидетельств очевиден. Но в те годы о Сталине и не могли появиться объективные работы — в этом приходится сомневаться.

Копаясь в архивах, анализируя воспоминания, свидетельства находившихся в Туруханской ссылке (а в конце концов там подобралась «солидная компания»: Голошекин, Каменев, Свердлов, Спандарян, Сталин, Петровский), приходишь к выводу, что четыре года накануне революции были самыми бездеятельными в жизни Сталина. Показалось бы просто невероятным и диким предположение, что человек со свалывшейся шевелюрой на голове, долгие годы лежавший на убогом топчане и думавший о чем-то своем под вой полярной пурги, через несколько лет возглавит могущественную партию огромного государства. Кто знает, что пробежало у него перед глазами в калейдоскопе воспоминаний: Таммерфорс, Батумская тюрьма, Вологда, квартира Аллилуева, «касательная» встреча с Троцким?

Рассматривая Сталина «анфас и профиль» накануне революции через призму современного знания, нельзя не упомянуть об устойчивой репутации «экспроприатора», долго державшейся за ним.

В начале века среди некоторых радикалов в рабо-

чем движении были распространены взгляды о «допустимости» экспроприаций для «интересов революционного движения». В письменных свидетельствах Дана, Мартова, Суварина, ряда других современников Сталина утверждается, что «кавказский боевик Джугашвили» причастен к некоторым экспроприациям если не непосредственно, то как один из организаторов. В частности, Мартов утверждал, что знаменитое по дерзости нападение 1907 года в Тифлисе на казачий конвой, сопровождавший экипаж с деньгами, «не обошлось без Сталина». Было «экспроприровано» около 300 тысяч рублей. По этому поводу Мартов писал в своей московской газете: «Кавказские большевики примазывались к разного рода удачным предприятиям экспроприаторского рода, хорошо известно хотя бы тому же г. Сталину, который в свое время был исключен из партийной организации за прикосновенность к экспроприациям».

Известно, что Сталин настойчиво пытался привлечь Мартова к революционной ответственности за клевету. Выступая, однако, по поводу заявления Мартова, Сталин делал акцент на том, что он никогда не исключался из партийной организации, обходя вопрос о его непосредственном участии в акциях экспроприаторов. Косвенное подтверждение своего участия в экспроприациях Сталин дал и в беседе с Э. Людвигом. Тот, в частности, спросил его:

— В вашей биографии имеются моменты, так сказать, «разбойных» выступлений. Интересовались ли вы личностью Степана Разина? Каково ваше отношение к нему, как «идейному разбойнику»?

— Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др.

Рассуждая и дальше об этих крестьянских вождях, Сталин ни словом не обмолвился о собственных «разбойных» выступлениях, сознательно уйдя от какого-либо ответа на этот вопрос. Годы участия в революционной деятельности, хотя и на региональном уровне, романтический ореол «экспроприатора», прошедшего этапы, тюрьмы, сибирские ссылки, исподволь создавали Сталину репутацию «боевика», практика, человека дела. Скорее всего такая характеристика близка к действительности, с учетом, однако, пассивных периодов его последних ссылок.

Конечно, на становление Сталина как марксиста большое влияние оказал В. И. Ленин. Известно его первое письмо, которое он написал в декабре 1903 года Сталину в Иркутскую губернию, село Новая Уда, где тот находился в ссылке. Владимир Ильич, очень внимательно присматривавшийся к революционерам с национальных окраин, заметил И. Джугашвили по ряду небольших публикаций в партийной печати и расказах товарищей. В своем письме он ориентировал его на некоторые насущные проблемы партийной работы. Первый раз об этом письме И. В. Сталин публично вспомнил на вечере кремлевских курсантов в конце января 1924 года, посвященном памяти В. И. Ленина. Глухим, невыразительным голосом Сталин рассказывал о своих встречах с Лениным.

«Впервые я познакомился с Лениным в 1903 году.

Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки... Письмецо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период... Это простое и смелое письмецо еще больше укрепило меня в том, что мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии. Не могу себе простить, что это письмо Ленина, как и многие другие письма, по привычке старого подпольщика, я предал сожжению»...

Сталин не мог пожаловаться на невнимательность Ленина к нему. Когда он находился накануне революции в ссылке в Сибири, на заседании ЦК РСДРП обсуждался специальный вопрос об организации побега из ссылки Я. М. Свердлова и И. В. Сталина. Несколько раньше Владимир Ильич высылает Сталину в Турханский край 120 франков. Ленин внимательно отнесся к письму Сталина из ссылки, в котором ставился вопрос о возможности издания статьи о «культурно-национальной автономии» и брошюры «Марксизм и национальный вопрос» в виде отдельного сборника.

До 1917 года состоялось несколько встреч Сталина с Лениным. Из них наиболее продолжительной была встреча в Кракове. Имели место контакты Сталина с Лениным и во время IV съезда партии в Стокгольме, V съезда — в Лондоне. Однако позже Сталин эти встречи стал рассматривать иначе. Уже в 1931 году он заявлял: «Всегда, когда я к нему приезжал за границу — в 1906, 1907, 1912, 1913 годах...» Выходит, Сталин отправлялся не на съезды и совещания, а «ездил к Ленину». Такое смещение биографических акцентов впоследствии «работало» на концепцию «двух вождей», создание мифа об особых отношениях Сталина с Лениным еще до революции. Правда, Сталин в своих утверждениях о близких отношениях с Владимиром Ильичем проявлял привычную для него осторожность. Вот пример.

Незадолго до войны на имя А. Н. Поскребышева пришло письмо следующего содержания:

«Тов. Поскребышеву.

Прошу согласовать вопрос о возможности опубликования в печати информации: «Музей революции к ленинским дням».

Ответственный руководитель ТАСС

Я. Хавинсон.

5 января 1940 г.»

К письму был приложен документ для «согласования».

«В. И. Ленину, через Крупскую, в Краков 7 марта 1912 г.

Транспорт литературы около двух пудов привезли. Средств у нас нет ни копейки. Сообщите куда следует, пусть посылают смену людей или шлют денег...

С товарищеским приветом Чижигов».

Сталин ниже, на документе, резюмировал:

«Письмо Чижигова — не мое письмо, хотя я и ходил одно время под фамилией Чижигова.

И. Сталин».

Генсек мог бы добавить, что он ходил не только под фамилией Чижигова, но и Ивановича, Чопура, Ги-

лашвили. В данном случае то ли кому-то «передали» фамилию Чижикова, то ли Сталин посчитал, что такое письмо его не «поднимает», во всяком случае, вождь не захотел хотя бы временно, хотя бы мысленно вернуться в прошлое. Даже в связи с Лениным.

Из искусства дореволюционной конспирации Сталин вынес немалое умение перевоплощаться. Он был одним на Политбюро, другим — выступая на съезде, третьим — беседуя со стахановцами. Не все могли сразу заметить эти перемены, но они были, Сталин в узком кругу мог быть более жестким, нежели «являясь народу». Об этом свидетельствуют лица, долго работавшие рядом с генсеком. А власть человека над другими людьми всегда зависит не только от силы ума, но и от впечатления, «кажимости» образа, привлекательности или непривлекательности руководителя. Находясь в Курейке, Сталин еще не думал об этом. Он все поймет позже. Тем более что до революции едва ли кто к Сталину, кроме жандармов, приглядывался. В его невнушительной фигуре, тихой речи, вкрадчивых манерах никто не мог бы усмотреть будущего диктатора.

Работа в Баку, Кутаиси и Тифлисе показала наличие у Кобы неплохих организаторских способностей. Но уже тогда проницательные подпольщики заметили, что Сталин смотрит на партийные организации как на аппарат, механизм, машину реализации тех или иных решений. Большевики Енукидзе, Джапаридзе, Шаумян, например, были более известны пролетариату, чем Джугашвили. Не уступая им в марксистской подготовке, опыте подпольной деятельности, Джугашвили заметно отставал от этих признанных лидеров Закавказья в личной популярности. У него еще не было аппарата, который появится позже, чтобы настойчиво создавать эту популярность.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ПРОЛОГ

Скупые вести, докатывавшиеся до Курейки, будоражили воображение, вызвали жаркие споры, отдавались упругими ударами сердца и покалыванием в висках. Сталин как-то сразу почувствовал приближение из-за горизонта будущего, которое виделось ему в контурах смутной надежды. Ведь только революция могла изменить положение ссыльного, в обычной жизни обреченного на прозябание, — ни профессии, ни дома. А ведь самое страшное для человека, когда его нигде не ждут. Революционные толчки встряхнули Сталина. Она, эта надежда, росла, отодвигая куда-то в глубь стылых снежных равнин неверие, сомнения, колебания. Пожалуй, и сама жизнь есть вечная надежда. Как только она умирает, человеку уже нечего делать на этой земле.

Возможно, в канун нового, 1917 года Сталин чувствовал, что скоро вновь окажется в городе на Неве, где он так нелепо был схвачен охранкой четыре года тому назад на вечеринке, устроенной Петербургским комитетом большевиков в зале Калашниковской биржи. Ссылные рвались на волю, где зрели бурные события. Угрюмый грузин, хотя и был уже с 1912 года членом Центрального Комитета партии, кооптированный в

его состав Пражской конференцией РСДРП, так и не стал, как мы уже говорили, среди ссыльных популярной личностью. Правда, Сталин довольно близко сошелся с Каменевым. На одной из фотографий, сделанной в Монастырском, Сталин — рядом с ним, своим будущим союзником, а затем и противником.

По своему характеру Сталин всегда был замкнут и малодоступен. Конспиратора, человека, имевшего другие духовные истоки своего становления, не привлекала пестрая община ссыльных с ее ожиданиями, обсуждениями писем, вестей с воли, семейными заботами, многочисленными проектами. Ему был чужд, как тогда говорили, «аристократизм духа»; не случайно уже после Октября он однажды назвал себя «чернорабочим революции». В глазах тех, кто его знал тогда, Сталин выглядел «боевиком», практиком подполья, но без большого полета мысли и фантазии. А в то время революционеры умели широко мечтать: о бесклассовом обществе, полной справедливости, свяшенном равенстве...

Пожалуй, любимой литературой большевиков того времени были книги о Великой французской буржуазной революции XVIII века, Парижской коммуне. День 14 июля, Бастилия, Версаль, «Декларация прав человека и гражданина», якобинцы, клуб кордельеров, Конвент, гильотинирование Людовика XVI и Марии-Антуанетты, диктатура, Робеспьер, Дантон, 9 Термидора... Сталин долгими зимними вечерами при скудных бликах свечи поглощал страницу за страницей зачитанной донельзя книги А. Олара «Политическая история французской революции», которую ему дал Свердлов. Вживаясь в образы, атмосферу, накал страстей давно ушедшего времени, Сталин впервые постигал тайны «той» революции. До этого он почти ничего не читал о ней. Революция представляла пред ним то безжалостной фурией, то грозным социальным шквалом, сметающим все на своем пути. Сталин почти физически ощущал трагические последствия нерешительности Робеспьера, когда заговор был раскрыт. Нет, он бы медлить и колебаться не стал...

Пока Курейка цепко, словно приморозив, держала ссыльных, в России зрели невиданные доселе события. Молох первой мировой войны вот уже тридцать месяцев собирал свою кровавую жатву. Залитые грязью и кровью окопы, газовые атаки, застывшие серые пятна солдатских фигур на колючей проволоке... В стране резко упало промышленное производство, наступал голод, быстро росло недовольство народных масс. Война до предела обострила кризис Российской империи. Назревал революционный взрыв.

Буржуазия надеялась найти выход в монархических рокировках, попытках утвердить демократию западного типа. Министерская чехарда лишь усугубляла положение режима. За три года войны сменилось четыре председателя Совета Министров, десятки других руководителей государственных ведомств. А дела на фронте шли все хуже. Об уровне руководства войсками можно судить, например, по такому примеру. Военный министр генерал Поливанов телеграфировал с фронта в царский дворец: «Уповаю на пространства непрохо-

димые, на грязь невылазную и на милость угодника Николая, покровителя Святой Руси».

Николай Второй, при всей его заурядности, долго и довольно умело лавировал, искал компромиссы, готов был идти на частичные уступки буржуазии, лишь бы сохранить монархию. Но роковой час для нее уже проби. Председатель последней Думы лидер октябристов М. В. Родзянко за три недели до краха самодержавия сказал царю: «Вокруг вас, государь, не осталось ни одного надежного и честного человека: все лучшие удалены или ушли, остались только те, которые пользуются дурной славой». Председатель Думы уговаривал, умолял царя «даровать народу конституцию», чтобы спасти престол. Но спасти его уже ничто не могло.

Революция растет, говорил В. И. Ленин, анализируя политическую ситуацию в стране, чутко прислушиваясь в далекой Швейцарии к нарастающему, как во время землетрясения, гулу грядущей революции. Первым и центральным актом февральского пролога явилось крушение самодержавия. Ссылные, среди которых был и Сталин, верившие в возможность этого крушения, не думали, что оно так быстро случится. Сталин, обращаясь к урокам революции 1905 года, вспоминая детали недавно прочитанной книги о Великой французской революции, понимал: в ближайшее время должно случиться то, чем оправдывалось само существование их как профессиональных революционеров.

Одним из крупнейших контрреволюционных деятелей того времени, В. В. Шульгин, проживший почти вековую жизнь, в своих известных мемуарах «Дни» вспоминал, как он с А. И. Гучковым по поручению Временного комитета Государственной Думы прибыл 2 марта 1917 года в Псков для принятия отречения царя от престола. Тогда они надеялись еще спасти монархию. «Император,— пишет Шульгин,— как всегда, был спокоен. После сбивчивой речи Гучкова Николай монотонным голосом, не выдавая своих эмоций, сухо произнес:

— Я принял решение отречься от престола. До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына, Алексея... Но к этому времени я переменил решение в пользу брата Михаила...»

Сделаем, однако, одно отступление.

В это время группы ссыльных из Монастырского, Курейки уже находились в Красноярске, Канске, Ачинске. Сталин с Каменевым были в Ачинске. Известие об отречении Николая в пользу Михаила и об отказе последнего принять корону встретили восторженно. Телеграмму с поздравлениями Михаилу «за его великодушные и гражданственность» неожиданно для Сталина подписал и Каменев. Спустя девять лет этот факт всплыл на поверхность на заседании ИККИ. Сталин постарался «монархическую слабость» Каменева максимально использовать для себя. Его выступление высвечивает и как бы приближает то далекое время февраля — марта 1917 года.

«Дело происходило в городе Ачинске в 1917 году,— необычно возбужденно начал Сталин,— после Февральской революции, где я был ссылкой вместе с тов. Каменевым. Был банкет или митинг, я не помню хорошо, и вот на этом собрании несколько граждан

вместе с тов. Каменевым послали на имя Михаила Романова (Каменев закричал с места: «Признайся, что лжешь, признайся, что лжешь!»). Молчите, Каменев (Каменев вновь закричал: «Признаешь, что лжешь?»), Каменев, молчите, а то будет хуже. (Председательствующий Тельман призывает к порядку Каменева.) Телеграмма на имя Романова, как первого гражданина России, была послана несколькими купцами и тов. Каменевым. Я узнал на другой день об этом от самого т. Каменева, который зашел ко мне и сказал, что допустил глупость. (Каменев вновь с места: «Врешь, никогда тебе ничего подобного не говорил»). Телеграмма была напечатана во всех газетах, кроме большевистских. Вот факт первый.

Второй факт. В апреле была у нас партконференция, и делегаты подняли вопрос о том, чтобы такого человека, как Каменев, из-за этой телеграммы ни в коем случае выбирать в ЦК нельзя. Дважды были устроены закрытые заседания большевиков, где Ленин отстаивал т. Каменева и с трудом отстоял как кандидата в члены ЦК. Только Ленин мог спасти Каменева. Я также отстаивал тогда Каменева.

И третий факт. Совершенно правильно, что «Правда» присоединилась тогда к тексту опровержения, которое опубликовал т. Каменев, т. к. это было единственное средство спасти Каменева и уберечь партию от ударов со стороны врагов. Поэтому вы видите, что Каменев способен на то, чтобы солгать и обмануть Коминтерн.

Еще два слова. Так как тов. Каменев здесь пытается уже слабее опровергать то, что является фактом, вы мне разрешите собрать подписи участников апрельской конференции, тех, кто настаивал на исключении тов. Каменева из ЦК из-за этой телеграммы. (Троцкий с места: «Только не хватает подписи Ленина»). Тов. Троцкий, молчали бы вы! (Троцкий вновь: «Не пугайтесь, не пугайтесь...») Вы идете против правды, а правды вы должны бояться. (Троцкий с места: «Это сталинская правда, это грубость и нежелательность»). Я соберу подписи, т. к. телеграмма была подписана Каменевым».

Мы забежали по времени вперед. Но здесь приведен спор, касающийся событий начала 1917 года. Даже Каменев, считавший себя ортодоксальным марксистом, видел тогда признак революционного достижения в «великодушии Михаила». Это сегодня нам «все ясно» о том далеком уже времени, а тогда маневры царя, буржуазии были способны поставить в тупик и некоторых членов ЦК партии...

Последние два февральских дня 1917 года перечеркнули все надежды «бывших» остановить революцию. Генерал Хабалов окончательно утратил власть над частями, распропагандированными большевиками. В ночь на 28 февраля министры последнего царского правительства оказались в Петропавловской крепости в роли арестованных. Февральская буржуазно-демократическая революция в России победила.

На далеких окраинах тысячи политических ссыльных еще до получения официальных бумаг готовились к отъезду в Петроград, Москву, Киев, Одессу, Тифлис, Баку, другие революционные центры. Сталин с груп-

пой таких же бывших ссыльных, добыв билеты в вагон третьего класса, жадно смотрел на огромные заснеженные пространства Западной Сибири, пробежавшие за окном. Он не мог знать, что немногим более чем через десять лет побывает здесь, но уже не в качестве безвестного «чернорабочего революции», а как вождь партии, быстро набирающий силу. Выскакивая на станциях за кипятком, Сталин не мог и предположить, что уже через год-полтора на этой земле, как когда-то в Бретани, Тулоне, Вандее, вспыхнут кровавые мятежи. Сталин еще не знал, что его ждет в Петрограде, чем он будет конкретно заниматься, кого из руководителей партии повстречает. Уныние и тоска остались на берегу заковавшего в ледовый панцирь Енисея. Вскоре водоворот социальных и политических событий захватит Сталина целиком, вначале скроет под волнами и пеной революции, а затем неожиданно выбросит в самом ее эпицентре.

На подъезде к Уралу и дальше ссыльных шумно встречали на вокзалах. Звучала «Марсельеза», лились речи, все казалось радужным. Говорили красноречивый Каменев, уверенный в себе Свердлов, другие их попутчики. Сталин молча смотрел на эту неожиданную эйфорию.

А между тем мелкая буржуазия, примыкая то к «полевым» капиталистам, то к пролетариату, все больше раскачивала лодку государственности. Нарастали настроения реформизма. Казалось, главное сделано: самодержавие рухнуло. «Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, — писал В. И. Ленин, — подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но идейно...» Гигантский социальный маятник колебаний справа налево и слева направо отражал исключительное своеобразие момента, не вписывающееся в прокрустово ложе классических схем буржуазно-демократических революций. Политическим выражением этого уникального положения стало двоевластие. В одном и том же дворце, Таврическом, бурно заседали два органа власти. В одном крыле дворца было, по выражению Милюкова, «играло» — Временный комитет Государственной Думы. Здесь тон задавала «левая» буржуазия — кадеты. В другом крыле дворца разместился Петроградский Совет как орган революционной власти. Во главе Совета стали меньшевики Чхеидзе, Скобелев, трудовик Керенский. В составе исполкома Советов большевики были в меньшинстве. И это не случайно, ибо меньшевики, находившиеся до Февраля на легальном положении, активно использовали свои возможности; в их рядах были многие видные интеллигенты, пропагандисты и теоретики научного социализма. В то же время В. И. Ленин, признанный вождь партии большевиков, находился еще в эмиграции, Бубнов, Дзержинский, Муранов, Рудзутак, Орджоникидзе, Свердлов, Сталин, Стасова, другие члены партийного руководства были в ссылке, тюрьмах, на каторге и только должны были вернуться.

Меньшевистский состав Совета в согласии с думцами одобрил передачу исполнительной государственной власти буржуазии в лице Временного правительства. Церетели и Керенский на все лады распеваали тезис,

что «новое революционное правительство будет работать под контролем Совета», что такова «воля истории». Пафос перемен, революционная фраза повернули общественное сознание в сторону поддержки Временного правительства.

Керенский, все делая для победы буржуазии, «на всякий случай» хотел сохранить и представителей династии. В одной из своих статей, написанной уже в бегах, «Отъезд Николая II в Тобольск», исторический временщик, вознесенный на миг событиями на самую вершину буржуазной траектории, писал: «Вопреки сплетням и инсинуациям, Временное правительство не только могло, но и решило еще в самом начале марта отправить царскую семью за границу. Я сам 7 марта (20) в заседании Московского Совета, отвечая на яростные крики: «Смерть царю, казнить царя», — сказал:

— Этого никогда не будет, пока мы у власти. Временное правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен за границу в Англию. Я сам доведу его до Мурманска.

Мое заявление вызвало, — писал Керенский, — в советских кругах обеих столиц взрыв возмущения... однако уже летом, когда оставление царской семьи в Царском Селе сделалось совершенно невозможным, мы — Временное правительство, получили категорическое официальное заявление о том (из Англии. — Д. В.), что до окончания войны въезд бывшего монарха и его семьи в пределы Британской империи невозможен. Тогда-то и отправили царя с семьей в Тобольск. Решая попутно такие «задачи», Временное правительство пыталось любой ценой набросить на революцию смиренную рубашку. Стремясь сохранить власть за буржуазией, как говорил тот же Керенский, они были намерены дать «наговорить народу».

Революция в этот момент как бы захлебнулась революционной фразой. Двоевластие усыпляло бдительность. Официально, вроде бы вся власть принадлежала Временному правительству, державшему в руках старый аппарат государства, а рядом гудел в калейдоскопе революционных будней Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Сожительство двух диктатур рядом; ни одна пока не обладала полной властью, ни одна пока не могла лишить другую ее атрибутов.

Но двоевластие, как социальная двусмысленность, не могло затормозить революционное творчество масс. Например, по инициативе большевиков 2 марта в «Известиях» был опубликован знаменитый приказ № 1. Он провозгласил введение демократических начал в армии: выборность комитетов в частях, отмену военных чинов и титулов, поддержку распоряжений властей лишь в случае одобрения Советами, необходимость соблюдения революционной дисциплины, уравнивание солдат и офицеров в гражданских правах. Князь С. П. Монсырев, бывший член Государственной Думы, в своих воспоминаниях пишет, что Чхеидзе категорически утверждал, что «приказ исходит не от Совета, а лишь его некоторой части, а посему он должен быть аннулирован». Однако усилия воен-

ного, министра Гучкова, Керенского, Чхеидзе дезавуировать революционный документ ни к чему не привели. Революция следует своей логике, а не директивам и распоряжениям ее временщиков.

Все это, повторяю, происходило до приезда многих революционеров в Петроград. Ленин еще только готовился прорваться в мятежную Россию, Троцкий придет в город на Неве в начале мая, еще не зная окончательно, с кем он будет, — с меньшевиками или большевиками. Меньшевики и эсеры доминировали в Петроградском Совете, и с их помощью начало бесславно функционировать правительство, которое позже назовут коалиционным. Керенские, черетели, черновы, скобелевы заботились лишь об одном: как бы не допустить выхода «революционной энергии из-под контроля».

Все эти нюансы политической обстановки были пока незнакомы Сталину, который «ехал в революцию». Где остановиться, вопроса не было, — у Аллилуевых. В течение долгих лет ссылки он если и получал от кого-нибудь регулярно письма, то, видимо, лишь от Сергея Яковлевича Аллилуева, своего будущего тестя, большевика, вошедшего в нашу историю прежде всего тем, что в драматические дни июля 1917 года он укрывал у себя В. И. Ленина от преследований Временного правительства.

Революции совершаются не партиями. «Не Государственная Дума — Дума помещиков и богачей, — а восставшие рабочие и солдаты низвергли царя», — писал в марте В. И. Ленин. Но во главе этих восставших должна быть его партия. Все помыслы Ленина были в России, где, как он понимал, мало было устроить тризну на месте останков самодержавия. Нужно было идти дальше. Непременно дальше!

Особую роль до приезда В. И. Ленина сыграло Русское бюро ЦК, в которое были кооптированы новые лица, и среди них И. В. Сталин. Бюро утвердило состав редакции «Правды», в которую он также вошел. Возобновление выхода пролетарской газеты (легально!) имело огромное мобилизующее значение.

Как проявил себя Сталин в Февральской, а затем и в Октябрьской революциях? Какова была его подлинная роль? Кем он был в революции: лидером, аутсайдером, статистом? Анализ документов, партийных материалов, свидетельств участников позволяет ответить на этот вопрос.

Долгое время освещение роли Сталина в революции было вымышленным, фальшивым. В «Краткой биографии» утверждалось, что «в этот ответственный период Сталин спланирует партию на борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Сталин, совместно с Молотовым, руководит деятельностью Центрального Комитета и Петербургского комитета большевиков. В статьях Сталина большевики получают принципиальные руководящие указания для своей работы». Сказано как о вожде, лидере революции, как будто заменившем на этот период Ленина. Как свидетельствуют исторические хроники, оснований для такого вывода совсем не было, это чрезвычайно далеко от правды. Никаких

«руководящих указаний» Сталин не отдавал. Приехав в Петроград, он стал одним из многих партийных функционеров революции. В документах этого периода редко-редко можно встретить фамилию Сталина в списке определенной группы лиц, исполнявших задание Центрального Комитета партии. Да, Сталин входил в высокие политические органы, но ни в одной области деятельности в эти месяцы он не заявил о себе громко. Его почти никто не знал, кроме узкого круга партийцев. У него абсолютно не было популярности. Такова правда.

Но не точен и Л. Д. Троцкий, описывая этот период деятельности Сталина в своей книге «Февральская революция». «Положение в партии, — указывал он, — еще больше осложнилось к середине марта, после прибытия из ссылки Каменева и Сталина, которые круто повернули руль официальной партийной политики вправо». Троцкий рассуждает, что если Каменев, в течение ряда лет оставаясь с Лениным в эмиграции, где находился главный очаг теоретической работы партии, вырос как публицист, оратор, то Сталин в качестве так называемого «практика» без должного теоретического кругозора, без широких политических интересов и без знания иностранных языков был неотделим от русской почвы. Фракция Каменева — Сталина все больше превращалась в левый фланг так называемой «революционной демократии» и приобщалась к механике парламентарно-закулисного «давления» на буржуазию. Троцкий обвиняет в своей книге Сталина в оборончестве, что не всегда соответствовало истине. Но нельзя не уловить в его рассуждениях и верные нотки об отсутствии масштабы дооктябрьского мышления Сталина, что вело к узкому практицизму, ограниченному рамками лишь ближайшей перспективы. Сталин был лишен и революционной страсти.

Но Февраль не застал полностью Сталина враждебным. Несмотря на длительный период депрессии, он верил, что революция неизбежна. Для него истина была неотделима от веры в нее. Если истина не облекалась в одеяние веры, она для Сталина была неполноценной. В этом, может быть, и нет ничего негативного, но здесь всегда таится опасность проявления догматического мышления. Сталину вера в программы, курсы, решения, «линии» всегда помогала сохранять твердость и уверенность в правильности своих действий. Быть или не быть революции зависело не от него. Но что она будет, в этом он никогда не сомневался. В это он просто верил. И всегда верил, что этот исторический акт произойдет еще при его жизни. Но неожиданно он почувствовал, что у его дела, которому посвятил всю свою жизнь, как и у его личной судьбы, есть не просто исторический шанс, а нечто большее.

НА ВТОРЫХ РОЛЯХ

Двенадцатого марта Сталин был уже в Петрограде. Ни его, ни Каменева, ни Муранова, приехавших одним поездом, не встречала толпа. Петроград был занят своими революционными заботами; тем

более что Сталин даже в партийных кругах был мало известен. Взяв в руки свой фанерный сундучок, Сталин отправился к Аллилуевым. В тот же день он встретился с несколькими членами ЦК. Вечером его ввели в состав Русского бюро Центрального Комитета и в состав редакции «Правды».

Фактически с середины марта руководство «Правдой» было возложено на Каменева, Муранова и Сталина. И уже в первые дни их работы газета допустила целый ряд заметных теоретических и политических сбоев, которые, конечно же, были не случайны. Сталин не обладал сильным самостоятельным мышлением, отточенной позицией, ясным пониманием сложнейшей диалектики предоктябрьской грозы. Он привык исполнять указания и был способен проводить «линию», а здесь решения нужно было принимать самому. Сначала этот сбой выразился в одобрении Сталиным для публикации статьи Каменева «Временное правительство и революционная социал-демократия», в которой Каменев прямо утверждал, что партия должна оказывать поддержку Временному правительству, ибо оно «действительно борется с остатками старого режима». Это явно противоречило ленинским установкам.

Буквально на следующий день Каменев, отличавшийся «скорописью», опубликовал еще одну статью — «Без тайной дипломатии», в которой фактически стал на позиции «революционного оборончества». Поскольку германская армия ведет войну, революционный народ будет, писал Каменев, «стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд — снарядом. Это непреложно». Подобные оборонческие воззрения Каменева не встретили тогда отпора со стороны Сталина, который еще слабо разбирался в хитросплетениях большой политики. Это проявилось, в частности, и в том, что уже на следующий день после материала Каменева Сталин сам допустил политическую ошибку в статье «О войне». Написанная в целом с антивоенных позиций, статья тем не менее делала вывод, идущий вразрез с ленинскими установками. Выход из империалистической войны Сталин видел в «давлении на Временное правительство с требованием изъятия им своего согласия немедленно открыть мирные переговоры».

Справедливости ради следует сказать, что позднее, в 1924 году, в своем выступлении на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС Сталин публично признает ту ошибку. Характеризуя свою позицию по отношению к Временному правительству в вопросе о мире, он скажет, что «это была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс». Забегая вперед, скажем, что если в двадцатые годы еще были отдельные публичные признания Сталиным своих промахов, ошибок, то позже, по мере того как он становился «непогрешимым», о них не было и речи.

Не без влияния Сталина Бюро ЦК через неделю после публикации статьи «О войне» приняло резолюцию «О войне и мире», в которой сохранялась идея «давления» на Временное правительство с целью на-

чала мирных переговоров. В отсутствие Ленина в партийном органе было сильно влияние Каменева, он оказался настоящим «героем» межвременья. Оборонческие соглашательские тенденции в марте заметно окрепли. Сталин не мог противостоять им из-за своего ограниченного влияния и авторитета. Даже в отсутствие Ленина, других видных руководителей партии, когда нужно было энергичное сплочение партии, вышедшей из подполья, Сталин не смог проявить себя. Свердлов, Каменев, Шляпников были более заметны и видны в той сложной обстановке уточнения политических ориентиров, определения тактических маршрутов движения партии. Сталин был во власти ветра событий.

Думаю, что Сталин не мог в то время и помышлять о том, что провозгласит Ленин менее чем через месяц, — о курсе на социалистическую революцию. В тех революционных маневрах, которыми Сталин был захвачен в марте, ему виделась уже достигнутая цель. В течение трех недель с момента приезда Каменева, Сталина, а позднее и других руководителей, весьма заметно чувствовалось отсутствие Ленина. На усредненном уровне интеллекта и революционной страсти решать сверхзадачи невозможно, а подняться выше этого уровня приехавший из Курейки Сталин не мог. В это время, писал в своих воспоминаниях небезызвестный меньшевик Суханов, «Сталин на политической арене был не более как серым, тусклым пятном». Другие члены Бюро — П. А. Залуцкий, В. М. Молотов (Скрябин), А. Г. Шляпников, М. И. Калинин, М. С. Ольминский — также не смогли в ряде вопросов последовательно проводить в жизнь установки, изложенные Лениным в его «Письмах из далека». Чувствовалось, что Сталин, Каменев, некоторые другие руководители не избавились полностью от иллюзий оборончества, веры во Временное правительство, считали достойным венцом достижений буржуазно-демократические завоевания.

Эти предоктябрьские эпизоды колебаний Сталина не были беспричинными. Сталин не обладал собственной концепцией реализации великой идеи. В Февральской революции и дни Октябрьского штурма рельефно проявились его слабые стороны: «мелкая» теоретическая подготовка, низкая способность к революционному творчеству, неумение (пока еще) переложить политические лозунги в конкретные программные установки. Никто и никогда не бросал Сталину упрека в том, что он уклонялся от борьбы, искал легких путей, боялся конфронтации с политическими противниками, но внимательный исследователь заметит: у него, профессионального революционера, было уже тогда одно, среди других, весьма уязвимое место. И он знал о нем.

Когда возникала потребность идти в цех, на завод, в воинскую часть, на уличный митинг, у Сталина появлялось чувство внутренней неуверенности и тревоги, которые он, правда, со временем научился скрывать. Он не любил, да, пожалуй, и не умел хорошо выступать перед людьми. В одном из свидетельств начала двадцатых годов приводится оценка рабочего

Кобзева, слушавшего Сталина во время митинга на Васильевском острове в апреле 1917 года: «Вроде все говорил правильно, понятно и просто; да как-то не запомнилось его выступление». Не случайно, что Сталин меньше, чем кто-либо другой из ленинского окружения, выступал перед людьми на митингах, встречах, манифестациях.

Выступать перед толпой, массами особенно было трудно, когда приехали Ленин и Троцкий, когда пошли на площади Луначарский, Володарский, Каменев, Зиновьев, другие блестящие ораторы. Троцкий, например, «облюбовал» постоянным местом своих выступлений цирк «Модерн», всегда забитый толпами народа. Нередко Троцкого несли к трибуне через головы на руках. Создавалось впечатление, что Троцкий содержание речи ставил на второй план, обращая особое внимание на эмоциональную сторону воздействия на сознание слушателей. «Первые недели своего пребывания в Петрограде, — писал в своих записках Суханов, — Троцкий, закончив очередное выступление в «Модерн», мчался на Обуховский завод, оттуда — на Трубочный, далее — на Путиловский, затем — на Балтийский, из Манежа — в казармы; казалось, что он говорил везде одновременно». Сталину было трудно, просто невозможно «тягаться» с этим цистероном революции. Троцкий упивался ростом своей популярности, взрывом известности, он умел зажечь людей. Сталин, слушая выступление Троцкого на каком-либо заседании или совещании, всегда испытывал к этому человеку устойчивую неприязнь. Троцкий же, особенно до Октябрьских событий, буквально «не замечал» Сталина. Однажды, когда еще Троцкий был членом Политбюро, Сталин бросил Товстухе о нем: «Меньшевистский перевертыш!»

Сталин предпочитал писать статьи, отклики, давать газетные реплики по поводу тех или иных политических событий. В период после приезда из ссылки в середине марта и по октябрь 1917 года Сталин, например, опубликовал в газетах «Правда», «Пролетарий», «Солдатская правда», «Пролетарское дело», «Рабочий и солдат», «Рабочий», «Рабочий путь», других изданиях около шестидесяти статей и заметок. Будучи посредственным публицистом с точки зрения литературного стиля, художественного слога, он был последователен и неизменно категоричен в выводах. Религиозные догмы, которые он отверг по содержанию, нравились ему за их строгую форму и ясность. Видимо, не случайно в его работах все было элементарно простым — в них не было мудреных терминов, сложных дефиниций, логических ухищрений. В большинстве его бесхитростных статей были ясно изложены простые вещи, которые спустя десятилетия никогда бы не привлекли внимания людей, не будь их автором Сталин.

Более по душе ему была работа в «штабе», в управляющем органе, Бюро, Комитете, Совете. Уже в марте Бюро ЦК к имеющимся поручениям добавляет еще одно: делегирует Сталина в состав Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Бюро собиралось почти ежедневно, обсуждая

самые разные вопросы революционной практики, поручая то одному, то другому его члену новые и новые задания. Так, Сталин принял участие в установлении регулярных связей с организациями партии в Закавказье, другими регионами страны. К этому времени во многих губерниях стали создаваться объединенные организации большевиков и меньшевиков.

Объективно говоря, наш традиционный взгляд на недопустимость таких объединений явно сомнителен. Тогда, когда это усиливало революцию в борьбе с самодержавием, а позже — с буржуазией, это могло, конечно, рассматриваться как практика политических компромиссов для достижения определенных целей. Сталин проявлял, в частности, большую энергию в разрушении, ликвидации таких объединенных организаций. А может быть, следовало попытаться усилить большевистское влияние на инакомыслящих? Бесспорно, когда соглашательство ставило под угрозу идеалы, программные установки, конкретные завоевания, этот разрыв был понятен. Но концентрация усилий против меньшевиков и особенно против эсеров иногда наносила больше ущерба, чем пользы. Со временем это станет сомнительной традицией. Фашизм, например, в 30-е годы уже рассматривал нас через перекрестье прицела, а мы все еще видели в социал-демократах едва ли не «главного врага».

Ленин рвался в Россию, но сделать это было очень сложно. После тщательного продумывания всех возможных осложнений В. И. Ленин с группой русских эмигрантов, среди которых был и Г. Е. Зиновьев (Радомысльский), выехал из Швейцарии через Германию и Швецию в Россию. Германское правительство не препятствовало проезду. Уже 3 апреля на станции Белоостров (первой русской остановке) Ленина в 9 часов вечера встречали представители ЦК и Петроградского комитета РСДРП (б), делегации рабочих. Среди встречавших были Л. Б. Каменев, А. М. Коллонтай, И. В. Сталин, М. И. Ульянова, Ф. Ф. Раскольников, А. Г. Шляпников. Едва войдя в купе, обменявшись сердечными приветствиями с Лениным, вспоминал Раскольников, он сразу же был ошарашен вопросом Ильича:

— Что вы пишете в «Правде»? Несколько номеров удалось посмотреть, за которые мы вас здорово ругали... — В пути от Белоострова до Петрограда Ленин беседует с встретившими его товарищами о положении в партии; здесь же высказал Л. Б. Каменеву серьезные критические замечания о его статьях в «Правде», которыми он фактически поддерживал Временное правительство, а в оценке войны не раз сползал на оборонческие позиции.

Пафос встречи Ленина в нашей литературе весьма широко описан. Революция, партия встречали своего признанного вождя. Не бога, не жреца, не политического апостола, а подлинного лидера, обладавшего огромной духовной мощью, непререкаемым моральным авторитетом у революционных масс. Небезынтересно привести описание встречи В. И. Ленина его идейным противником, одним из меньшевистских лидеров и теоретиков, Н. Н. Сухановым (Гиммером). В своих

в целом малоинтересных «Записках о революции», изданных в 1922—1923 годах, Суханов, бывший на встрече, описывает ее так:

«На Финляндском вокзале, в так называемую «царскую комнату» вошел или, пожалуй, вбежал Ленин, в круглой шляпе, с изыбшим лицом и — роскошным букетом в руках. Добежав до середины комнаты, он остановился перед Чхеидзе, как будто натолкнувшись на совершенно неожиданное препятствие. И тут Чхеидзе, не покидая своего прежнего угрюмого вида, произнес следующую «приветственную» речь, хорошо выдерживая не только дух, не только редакцию, но и тон иравоучения: «Тов. Ленин, от имени Петроградского Совета и всей революции мы приветствуем вас в России... Но мы полагаем, что главной задачей революционной демократии (и это было «солью», главной идеей речи Чхеидзе. — Д. В.) является сейчас защита нашей революции от всяких на нее посягательств, как изнутри, так и извне. Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели». Чхеидзе замолчал. Я растерялся от неожиданности...

Но Ленин, видимо, хорошо знал, как отнестись ко всему этому. Он стоял с таким видом, как бы все происходящее ни в малейшей степени его не касалось: осматривался по сторонам, разглядывал окружающие лица и даже потолок «царской комнаты», поправляя свой букет (довольно слабо гармонировавший со всей его фигурой), а потом, уже совершенно отвернувшись от делегации Исполнительного комитета, ответил так: «Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие. Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас, как передовой отряд всемирной пролетарской армии... Недалек час, когда по призыву нашего товарища Карла Либкнехта народы обратят оружие против своих эксплуататоров-капиталистов... Русская революция, совершенная вами, открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция!»

Мы привели эту пространную выдержку Суханова потому, что даже человек, идейно глубоко расхопившийся с Лениным, не мог без восхищения не отметить политической мудрости и интеллектуального изящества вождя российского пролетариата.

После знаменитого выступления с броневика Ленин и многотысячные колонны рабочих, солдат и матросов двинулись к зданию ЦК большевиков. Это было грандиозное ночное шествие революционной силы, вдохновленной возвращением политического вождя. С таким эскортом Ленин прибыл в сопровождении большой группы членов ЦК во дворец Кшесинской — «атласное гнездо придворной балерины», не дожившей впоследствии за рубежом до ста лет, менее года. Опять начались приветственные речи. Для Ленина это было уже слишком. «Ленин претерпевал потоки хвалебных речей, — пишет об этом Троцкий, — как нетерпеливый пешеход переживает дождь под случайными воротами. Он чувствовал искреннюю обрадованность его прибытием, но досадовал, почему эта радость так многословна. Самый тон официаль-

ных приветствий казался ему подражательным, аффектированным, заимствованным у мелкобуржуазной демократии, декламаторской, сентиментальной и фальшивой. Он видел, что революция, не определившая еще своих задач и путей, уже создала утомительный этикет». Ленину наконец удалось прервать этот поток революционных изъятий и перевести встречу в рабочее русло.

Сталин позднее вспоминал, что уже вечером 3 апреля ему «много стало значительно яснее». Ленин, прибывший «издалека», тем не менее лучше других видел и понял историческое своеобразие момента русской революции. На другой день Сталин, слушая выступление Ленина в Таврическом дворце, огласившего и прокомментировавшего свои знаменитые десять тезисов, вошедших в историю как «Апрельские», еще и еще раз поражаюсь мощи его ума. Тезисы не оставили камня на камне от тактики «постольку поскольку», показали опасность выжидательного, пассивного курса.

Однако для соратников Ленина признанный вождь не был «неприкасаемым». Не все оказались готовыми принять ленинскую программу. Кое-кто говорил: Ленин оторвался от русской действительности за границей, впал в крайний радикализм. Сталину после его осторожного доклада на мартовском совещании большевиков ленинские выводы звучали прямым укором. Суханов позже писал, что после ленинской речи «у многих закружилась голова». С Лениным не соглашались, критиковали, подвергали сомнению его выводы многие, а не только Зиновьев, Каменев и Троцкий, как потом у нас было принято считать. Так было и после революции — Ленин сам на этом настаивал. Прямо высказывать свои взгляды было нормой. Например, в мае 1919 года Антонов-Овсеенко прислал резкое письмо в ЦК, в котором выразил несогласие с ленинской оценкой военного положения на одном из участков Южного фронта. Ленин поручил специалистам из Реввоенсовета сделать компетентное заключение.

Ленин никогда не обожествлялся прежде всего потому, что он сам не позволял этого, ценил оригинальную парадоксальную, неординарную идею, решение, мысль, подход. Поэтому скрытое восхищение Сталина ленинской духовной мощью не было данью уважения вождю, а в значительной мере способностью понять новизну ленинской идеи. К слову сказать, это могли сделать далеко не все и не всегда. Те же известные «Апрельские тезисы» (до партийной конференции) не были поддержаны большинством Петроградского комитета. Ленин не раз оставался в меньшинстве, но не делал из этого трагедии, как не подчеркивал и своего триумфа тогда, когда большинство было на его стороне.

Механическое, автоматическое большинство может быть менее ценным, чем положение, в котором выявлены, вскрыты различные позиции, точки зрения, новые оригинальные подходы. Если я считаю себя правым, то не страшно остаться и в меньшинстве. В этом случае, говорил Ленин, «лучше остаться одному, как Либкнехт: один против 110».

Ленинские тезисы на седьмой Всероссийской конференции РСДРП(б) (24—29 апреля 1917 г.) легли в основу ее решений. Впервые было обнародовано, что 151 делегат конференции представляет 80 тысяч членов партии. И этой горстке — по сравнению с многомиллионным населением России — в ближайшие месяцы предстояло «потрясти мир». Ленин на конференции исторически смело ответил на вопросы, поставленные русской революцией, — о переходе от ее демократического к социалистическому этапу, об отношении пролетариата и его партии к войне и Временному правительству, о роли Советов и завоевании в них большинства и многие другие.

На конференции развернулась жаркая полемика. Каменев подверг Ленина критике за то, что он якобы недооценивает сложившиеся возможности, а поэтому нужно работать в блоке с Временным правительством. Несогласие с Лениным выразили Сидович, Рыков, Пятаков, Милютин, Багдатыев. Придет время, и все эти выступления будут квалифицированы Сталиным как «предательские», «враждебные», «контрреволюционные». Их обязательно внесут в реестр «преступлений». После выступления А. С. Бубнова о формах контроля за Временным правительством «сверху» и «снизу» выступил Сталин в поддержку ленинских тезисов. Однако его речь была бледной и малоубедительной в силу слабой аргументации. Известно, что аргументы — это мускулы идей. Но убедительных доводов для отклонения поправки Бубнова Сталин не смог привести. Более весомым был его доклад по национальному вопросу, в котором проводилась мысль о том, что «организация пролетариата данного государства по национальностям ведет к гибели идеи классовой солидарности». Для пролетариата многонационального государства самый верный путь — создание единой партии. Поэтому предложение Бунда о так называемой «культурной автономии», говорил докладчик, неинтернациональны. Сталин добросовестно, но без блеска исполнил свою роль «твердого практика».

Знакомясь с документами той поры, решениями ЦК, стенограммами партийных форумов, телеграммами революционных органов, — быстро замечаешь, что не в пример (я, конечно, не говорю о Ленине, который все время был в эпицентре революции, где бы он ни находился) Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, (приехавшему в Россию из эмиграции лишь в мае 1917 года), Бухарину, Свердлову, Дзержинскому, другим активным деятелям Сталин упоминается в этих материалах крайне редко, хотя в собрании сочинений И. В. Сталина и в его «Краткой биографии» назойливо проводится магистральная мысль: Сталин всегда был рядом с Лениным. Например, в третьем томе сочинений прямо утверждается: «В. И. Ленин и И. В. Сталин руководят работой VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевистской партии», «Десятого октября ЦК создает для руководства восстанием Политическое бюро ЦК из семи человек во главе с В. И. Лениным и И. В. Сталиным». «24—25 октября В. И. Ленин и И. В. Сталин руководят октябрьским вооруженным восстанием». Подобные ут-

верждения, а на них «учили» миллионы людей не одно десятилетие, неизмеримо далеки от истины.

Вновь возвращаясь к протоколам, стенограммам, дневникам, мемуарам, в которых упоминается Сталин, приходишь к выводу, что в революцию Сталин вошел не как выдающаяся личность, властитель дум, пламенный трибун и организатор, а как малозаметный функционер партийного аппарата. Например, в хронике, подготовленной комиссией по истории Октябрьской революции в 1924 году, Сталин за четыре месяца (июнь — сентябрь 1917 г.) упоминается всего девять раз, а, допустим, Савинков — более четырех десятков раз, Скобелев — более 50, Троцкий — более 80 раз. Можно спорить, что такой «статистический» способ оценки политической активности несовершенен. Разумеется, но какую-то грань роли личности, преломленную через призму общественного мнения, он улавливает. Да, Сталин был членом ЦК, работал в «Правде», был в ряде других органов, советов и комиссий, но, кроме того, чтобы перечислить «членство» в различных комитетах, мало что можно сказать о конкретном содержании его деятельности. Главная причина такого положения заключается, на наш взгляд, в слабой способности Сталина к революционному творчеству.

Он был хорошим исполнителем, но не обладал богатым воображением. Не случайно, что на мартовском совещании большевиков в своем докладе Сталин не смог предложить ничего конструктивного, кроме предупреждения: «Не форсировать события». Ни одной крупной идеи, оригинального решения, нового подхода Сталин выдвинуть не смог. За три недели до приезда Ленина Сталин, будучи членом ЦК, не смог проявить себя как руководитель российского масштаба. После приезда Ленина стала рельефно ясной причина популярности Владимира Ильича и незаметности бывшего ссыльного из Курейки. Ленин стремился выражать интересы народа, решая задачи сегодняшнего дня, видел будущее. Сталин же был выразителем интересов аппарата, функционеров. Ленин искал любую возможность для общения, диалога с народными представителями, Сталин ограничивался контактами с представителями организаций и комитетов.

Конечно, то, что Сталин в 1917 году был в тени, происходило не только от его социальной пассивности, а от характера уготованной ему роли исполнителя, для которой у него были несомненные данные. Сталин был неспособен в переломные, бурные месяцы 1917 года подняться над обыденностью, повседневностью. Многие из тех, кто находился рядом с ним в то время, были более яркими индивидуальностями. Маловероятно, что в то время Сталина снедали амбициозные устремления. Его постоянное присутствие на вторых ролях медленно, но исподволь, незаметно создавало ему, однако, стабильный политический авторитет среди большевистских лидеров. На VII (Апрельской) конференции Сталин вновь был избран в состав Центрального Комитета партии.

После приезда Ленина меняется и «Правда». Владимир Ильич становится редактором центрального

органа партии. Соглашательские, оборонческие нотки, явно прослушивавшиеся в газете, когда ею руководили Каменев и Сталин, исчезли. Ленин придавал работе «Правды» исключительное значение. В здании, что на набережной Мойки (дом 32/2), Ленин ежедневно проводил по несколько часов, нередко засиживаясь до глубокой ночи. К нему в «Правду» шли рабочие, солдаты, матросы, провинциальные работники партии. Активно сотрудничали в газете А. Е. Бадаев, М. И. Калинин, М. К. Муранов, М. С. Ольминский, Г. И. Петровский, М. И. Ульянова, П. Ф. Куделли. Продолжал работать в газете и Сталин, правда, выступал он, как правило, с небольшими заметками, репликами, сообщениями по вопросам текущих политических событий. В это время Сталин часто встречается с Лениным, теперь уже полностью разделяя его курс на социалистическую революцию. Мартовские сбоя соглашательства, недооформленность позиции по ряду ключевых вопросов у Сталина незаметно отошли в прошлое, но он оставался «человеком для поручений».

ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

С приходом Ленина роль Сталина стала более определенной: он регулярно выполнял задания партийного руководства. Находясь в тени, редко попадая в поле зрения революционных масс, Сталин оказался нужным человеком для руководства по части конспиративных вопросов, установления связей с комитетами, организации текущих дел на разных этапах подготовки к вооруженному восстанию.

Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов, избранный на I Всероссийском съезде (3—24 июня), не был большевистским, подавляющее большинство делегатов представляли эсеры и меньшевики. Наряду с Лениным, Дзержинским, Каменевым, Подвойским, Шаумяном и другими известными руководителями большевиков в состав ЦИК вошел и Сталин. Решения съезда, как и ЦИК, были соглашательскими. Особенно это проявилось после разгрома Временным правительством июльской мирной демонстрации. Стало ясно, что мирным путем социалистическую революцию осуществить не удастся. Ленин писал позже, что «наша партия исполнила свой безусловный долг, идя вместе со справедливо возмущенными массами 4 июля и стараясь внести в их движение, в их выступление возможно более мирный и организованный характер. Ибо 4 июля, еще возможен был мирный переход власти к Советам». Но эсеро-меньшевистские лидеры, по словам Ленина, уже «скатились на самое дно отвратительной контрреволюционной ямы», пойдя на сговор с правительством, которое бросило войска на мирную демонстрацию. Двоевластие кончилось. Наступил новый этап подготовки социалистической революции.

Сталин по поручению ЦК организует с другими товарищами переход Ленина на нелегальное положение. Некоторое время В. И. Ленин находился на квартире С. Я. Аллилуева. Здесь 7 июля состоялось

совещание членов Центрального Комитета партии, где наряду с Лениным, Ногиным, Орджоникидзе, Стасовой и другими присутствовал и Сталин. Шел спор, как реагировать на требование властей отдать себя в руки «правосудия». Известно, что Ленин до этого совещания заявлял: «В случае приказа правительства о моем аресте и утверждении этого приказа ЦИК-ом, я явлюсь в указанное мне ЦИК-ом место для ареста». Мнения разделились. Вначале многие высказывались за явку на суд — при даче определенных гарантий со стороны ЦИК. Но Либер и Анисимов (члены ЦИК, меньшевики) заявили, что «никаких гарантий они дать не могут». В условиях разнузданной травли в печати против Ленина и других руководителей партии большевиков становилось ясно, что реакция ждет расправы над вождем. После долгих обсуждений убедили Владимира Ильича отказаться от явки на суд и скрыться на время вне Петрограда. У Сталина, нужно отдать ему должное, с самого начала не было колебаний. С категоричностью, свойственной его натуре, Сталин однозначно сказал:

— Юнкера до тюрьмы не доведут. Убьют по дороге. Нужно надежно укрыть товарища Ленина...

Для такого заявления было более чем достаточно оснований. В своих мемуарах Половцев, в частности, пишет, что офицер, посланный в Терюки задержать Ленина, спросил его:

«Как доставить этого господина — в целом виде или по кускам?»

Я ответил ему с улыбкой, что люди, которых арестовывают, часто совершают попытку к бегству...

На Сталина была возложена задача обеспечить отправку Ленина в безопасное место. При этом, безусловно, учитывался опыт Сталина как конспиратора. С помощью верных людей план выезда Ленина из Петрограда был тщательно выработан и продуман.

В эти дни, полные драматизма и социальной напряженности, в личной жизни Сталина происходит важное событие: он знакомится с дочерью С. Я. Аллилуева Надеждой, своей будущей второй женой, которая была моложе его на двадцать два года. Семью Аллилуевых Сталин знал с конца девятых годов, со времени своего пребывания в Баку. Кстати, дочь Сталина Светлана Аллилуева в «Двадцати письмах другу» утверждает, что в 1903 году Сталин спас свою будущую жену, когда та, будучи двухлетней девочкой, свалилась с набережной в море, а он вытащил ее. Для Надежды Аллилуевой это предание, возможно, казалось романтическим, не лишенным налета мистики.

В тот памятный вечер Надя, вернувшись домой, застала в квартире много незнакомых людей. Ее стали осторожно расспрашивать об обстановке на улицах. Девушка возбужденно рассказывала, что, говорят, виновники июльского восстания — не кто иные, как «тайные агенты Вильгельма», которые уже бежали на подводной лодке в Германию, и главный среди них Ленин. Узнав, что герой ее уличных сведений находится у них в квартире, младшая Аллилуева была страшно смущена...

Собравшиеся еще раз сделали свой вывод: предложение Орджоникидзе и Ногина о неявке в суд правильное — над Лениным готовится расправа. Решили, что В. И. Ленина после гримировки и переодевания нужно направить сначала в Сестрорецк, а затем в Финляндию.

С. Я. Аллилуев позже вспоминал:

«Вечером мы все отправились на Приморский вокзал. Впереди шел Емельянов. За ним на небольшом расстоянии Владимир Ильич и Зиновьев, а я и Сталин шли сзади всех. Поезд уже стоял... трое отъезжающих сели в задний вагон. Мы со Сталиным дождались благополучного отбытия поезда, повернули обратно».

Сергей Яковлевич Аллилуев в своих воспоминаниях допустил неточности. Зиновьева среди провожавших не было — он сам в это время находился на нелегальном положении. Загримированного Ленина сопровождали кроме С. Я. Аллилуева рабочий В. И. Зоф и И. В. Сталин. Одним из связующих звеньев Ленина с ЦК станет отныне Сталин.

Есть все основания полагать, что Ленин ему полностью доверял, давал инструкции, советы. Так, накануне VI съезда партии Сталин встречался с Лениным. Естественным, никаких стенограмм этих встреч нет, но печать мысли и воли Ленина лежит на всех важнейших документах съезда. Ленин радовался, что присутствовавшие делегаты представляли около 240 тысяч членов партии, — за четыре месяца рост партии в три раза! Вождь революции видел в этом факте важное доказательство и подтверждение верности взятого курса. Ленинские работы «Политическое положение», «К лозунгам», «Ответ» и другие легли в основу резолюций, принятых съездом. Съезд специальной резолюцией подтверждает верность решения о неявке Ленина на суд. Линия на вооруженное восстание, выдвинутая Лениным, съездом была подтверждена.

С тех пор Сталин, несмотря на занятость, стал часто бывать у Аллилуевых: его, черствого, холодного человека, тянуло к чистому и наивному полуребенку, своей будущей жене. На политической арене он вновь едва заметен. Партия наполовину оказалась в подполье. По поручениям Ленина Свердлов и Сталин ведут необходимую работу. В массах Сталин по-прежнему неизвестен, но в аппарате ЦК его роль повысилась.

А тем временем события, несомые, как сухие листья осенним ветром, приближали страну к Октябрю. Были здесь события будничные и комические, трагические и подлинно исторические. Мы не будем их ни оценивать, ни комментировать, а приведем лишь некоторые, чтобы почувствовать политический колорит тех дней. Вот как об этом времени сообщали петроградские газеты, как оно запечатлено в архивах.

26 июля открылся VI съезд РСДРП(б). Анкеты заполнили 171 человек, при этом из них отбывали тюремное заключение 110 человек в течение 245 лет, на каторге были 10 человек в течение 41 года, всего подвергались аресту 150 человек 549 раз, были эми-

грантами 27 человек в течение 89 лет. Съезд по поручению организационного бюро открывает Ольминский. В президиум выбраны Свердлов, Ольминский, Ломов, Юренев и Сталин, почетными председателями — Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Коллонтай, Луначарский.

8 августа 1917 года. Великий князь Кирилл во дворце над своим домом красный флаг, а Николай II, теперь уже бывший император, записывает в своем дневнике, что начинает читать «Тартарена из Тараскона».

24 августа Керенский посещает бывшего царя, чтобы в беседе подготовить его и близких к «отъезду в безопасное место». Николай (и вновь спокойно!): «Я не беспокоюсь. Я верю вам...»

28 августа генерал Корнилов послал верховному командующему войсками Московского военного округа телеграмму: «В настоящую грозную минуту, дабы избежать междоусобной войны и не вызвать кровопролития на улицах Первопрестольной, предписываю вам подчиниться мне и впредь исполнять мои приказания». Верховный ответил: «С ужасом прочитал ваш приказ не подчиняться законному правительству. Начало междоусобной войны положено вами, и это, как я вам говорил, — гибель России. Можно и нужно было менять политику, но не подрывать последние силы народа во время прорыва фронта. Присягу не меняю как перчатки...»

10 октября Ленин после долгого перерыва присутствовал на заседании Центрального Комитета. Заседание состоялось на квартире меньшевика Суханова, жена которого была большевичкой. Председательствовал Свердлов. Ленин констатировал: «Большинство теперь за нами. Политическое дело совершенно созрело для перехода власти... Надо говорить о технической стороне. В этом все дело».

12 октября в «Речи» появляется сообщение, что закончилось дело Сухомлинова. Ему дана бессрочная каторга, а его жена оправдана.

16 октября в Петрограде состоялось заседание ЦК РСДРП(б) с представителями других партийных организаций. Несколько страничек из Центрального партийного архива говорят нам об этом заседании. Присутствовали Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Сокольников, Ломов. Бокий из Петроградского комитета сообщает о готовности и настроениях в районах: «Боевого настроения пока нет, но боевая подготовка ведется. В случае выступления массы поддержат».

Крыленко от Военного бюро сообщает, что у них резкое расхождение в оценке настроения. В полках настроение поголовно наше.

Выступал еще раз Бокий, затем Володарский, Рович, Шмидт, Шляпников, Скрипник, Свердлов, другие члены ЦК. Сталин молчит...

Обсуждался вопрос о вооруженном восстании. Принята следующая резолюция, предложенная Лениным: «Собрание призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания...» За резолюцию подано 19 голосов, против — 2. Избран практический

центр по организационной подготовке восстания в составе: Бубнов, Дзержинский, Урицкий, Свердлов, Сталин.

«Рабочий путь» сообщает, что «русская революция низвергла немало авторитетов. Ее мощь выражается, между прочим, в том, что она не склонялась перед «громкими именами», она их брала на службу либо отбрасывала их в небытие, если они не хотели учиться у нее. Их, этих «громких имен», отвергнутых потом революцией, — целая вереница: Плеханов, Кропоткин, Брешковская, Засулич и вообще все те старые революционеры, которые только тем и замечательны, что они «старые». Мы боимся, что лавры этих «столпов» не дадут спать Горькому. Мы боимся, что Горького «смертельно» потянуло к ним, в архив. Что ж, вольному воля!.. Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов...».

24 октября вечером В. И. Ленин из Выборгского района перешел в Смольный, в Военно-революционный комитет. Той же ночью отряд юнкеров явился в дом № 6 по Финляндскому проспекту с целью арестовать редакцию газеты «Рабочий путь» и В. И. Ленина, но отрядом Красной гвардии он был разоружен и препровожден в Петропавловскую крепость. В этот же день состоялось заседание ЦК. Рассматриваются вопросы: доклад Военно-революционного комитета; о съезде Советов; о Пленуме ЦК. Каменев предлагает, чтобы сегодня без особого постановления ни один член ЦК не мог уйти из Смольного. Троцкий считает необходимым устроить запасной штаб в Петропавловской крепости и послать туда с этой целью одного члена ЦК. Каменев вносит предложение, что в случае разгрома Смольного надо иметь опорный пункт на «Авроре». Сталина на заседании нет...

В ночь на 25-е Военно-революционный комитет перешел к штурму Зимнего дворца, где окопалось Временное правительство...

25 октября. Заняты Николаевский вокзал, просветительные учреждения. Крейсер «Аврора» подошел и отдал якорь у Николаевского моста. Павловский полк на Миллионной улице, близ Зимнего дворца, выставил пикеты, останавливает всех, арестовывает, направляет в Смольный институт. Командой моряков занят государственный банк без сопротивления. Петроградские казачьи полки отказались выступить в поддержку Временного правительства. Выключены телефоны штаба и Зимнего дворца. Занят Варшавский вокзал. Из «Крестов» освобождены политические заключенные. Подразделения Измайловского полка заняли Марининский дворец и потребовали от членов предпарламента очистить помещение. Павловским полком занят Невский проспект. Чем занимается Сталин — неизвестно.

В 14.35 под председательством Троцкого открылось экстренное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Под шумные аплодисменты Троцкий заявил, что Временного правительства больше не существует, предпарламент распущен, освобождены заключенные, в действующую армию посланы радиogramмы о падении старой власти. Судьба Зимнего дворца должна решиться в ближайшие ча-

сы. Затем встреченный бурной овацией выступил впервые после долгого перерыва открыто появившийся Ленин:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась.

Известно, что организационная подготовка восстания была возложена на Военно-революционный центр из членов ЦК (куда вошли пять человек, в том числе и Сталин), а также на Военно-революционный комитет при Петроградском Совете, который проводил огромную работу по мобилизации революционных сил для решающего приступа. В своем историческом письме 24 октября к членам ЦК Ленин убеждал партийное руководство:

«Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д. Нельзя ждать! Можно потерять все!»

...Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!

Промедление в наступлении смерти подобно!»

Империалистическая война расшатала государственную машину и социалистическая революция победоносно свершилась. Ее первые результаты были закреплены на Втором Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов, открывшемся вечером 25 октября. В президиум съезда избраны большевики: Ленин, Зиновьев, Троцкий, Каменев, Склянский, Гогин, Крыленко, Коллонтай, Рыков, Антонов-Овсеенко, Рязанов, Муранов, Луначарский, Стучка, а также левые эсеры Комков, Спиридонова, Каховская, Мстиславский, Закс, Карелин, Гутман. Сталин в событиях этих дней просто затерялся. Находясь в Военно-революционном комитете Петроградского Совета, он занимался исполнением текущих поручений Ленина, передавал циркулярные распоряжения в комитеты, принимал участие в подготовке материалов для печати. Ни в одном архивном документе, с которыми мне удалось ознакомиться, касающемся этих исторических дней и ночей, его имя не упоминается.

На съезде Мартов пытался предложить резолюцию о необходимости мирного разрешения кризиса; эсер Гендельман от имени ЦК ПСР навязывал резолюцию, осуждающую «захват власти» (но даже среди эсеров она собрала лишь 60 голосов при 93 против), Бунд выступил против захвата власти, как и правые эсеры. Большевики-интернационалисты и другие группировки покинули съезд. А между тем к двум часам ночи Зимний дворец был занят. Широкому читателю сегодня мало что говорят фамилии бывших министров Временного правительства Кишкина, Пальчинского, Рутенберга, Бернацкого, Вердеревского, Манниковского, Салазкина, Маслова и других, которых по приказу Антонова-Овсеенко заключили в Трубечкой бастион Петропавловской крепости. А съезд до самого утра продолжал работу.

Джон Рид так описывал его атмосферу: всюду вокруг — между колоннами, на подоконниках, на каждой ступеньке, ведущей на сцену, да и на краю са-

мой сцены — публика, также состоящая из простых рабочих, простых крестьян, простых солдат. Кое-где в публике щетинятся штыки. Измученные красногвардейцы, опоясанные патронными лентами, спят на полу у колонн. Зал не отапливается, лишь от тел исходит живое тепло, и на стеклах высоких окон выступает иней. Воздух сизый от табачного дыма и дыхания.

На этом съезде были приняты знаменитые ленинские Декреты о земле и мире. Съезд избрал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) в составе 101 человека, в котором у большевиков уже было 62 места, однако в руководстве партии не было единства. Каменев, Зиновьев, Ногин, Милютин полагали необходимым поделить власть с другими группировками. В качестве одного из условий создания коалиционного социалистического правительства демократы требовали устранения из него Ленина и Троцкого. Развернулась ожесточенная политическая борьба. На стороне Ленина оказались Бубнов, Дзержинский, Сталин, Свердлов, Стасова, Троцкий, Иоффе, Сокольников, Муранов, некоторые из которых в будущем еще не раз качнутся в сторону от «линии» партии.

Следует со всей определенностью сказать, что большевики взяли власть в союзе или при поддержке левых эсеров. Да, у них было немало пунктов, по которым они расходились с большевиками, но тем не менее левые эсеры находились в главном русле революционного потока. Партия левых социалистов-революционеров (в ноябре состоялся ее учредительный съезд), выражая интересы крестьянства, выступала против диктатуры пролетариата, за более широкое представительство социалистических партий в Совете Народных Комиссаров.

В результате переговоров в декабре 1917 года левые эсеры вошли в состав Советского правительства, где имели около одной трети портфелей. Такие лидеры партии левых эсеров, как И. З. Штейнберг, П. П. Прошьян, А. Л. Коллегаев, В. Е. Трутовский, В. А. Карелин, В. А. Алгасов, М. Н. Бриллиантов, стали народными комиссарами. Думаю, что в этом социалистическом плюрализме коренился исторический шанс. Ленин это понимал, утверждая, что союз большевиков с левыми эсерами «может быть честной коалицией, честным союзом, ибо коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян нет». Сохранись этот союз, возможно, многих трагических проявлений монопольной политической силы просто бы не произошло. Но ни сами эсеры, ни большевики не оценили в полной мере исторической значимости этого союза, распад которого летом 1918 года стал истоком многих будущих бед. К слову говоря, Сталин считал левых эсеров типичной мелкобуржуазной партией, которая, по его мнению, больше тяготела к контрреволюции. К несчастью, так думал тогда не один Сталин. Исторический шанс утверждения революционного плюрализма был упущен. Политическая монополия, однодумство, безальтернативность власти обернулись в грядущем жестоким единовластием.

Как вел себя Сталин в критические дни Октября? Почему его имя крайне редко встречается в революционных хрониках, хотя он регулярно, почти всегда, входил в различные руководящие органы?

Сначала несколько свидетельств. Вот как оценивает роль Сталина в революции «Краткая биография И. В. Сталина». В ней говорится, что «Ленин и Сталин — вдохновители и организаторы победы Великой Октябрьской социалистической революции. Сталин — ближайший сподвижник Ленина. Он непосредственно руководит всем делом подготовки восстания. Его руководящие статьи перепечатываются областными большевистскими газетами. Сталин вызывает к себе представителей областных организаций, инструктирует их и намечает боевые задачи для отдельных областей. 16 октября Центральный Комитет избрал Партийный центр по руководству восстанием во главе с тов. Сталиным». И фактически все! Апологетика явная: только Ленин и он, Сталин. Руководит он не иначе как путем «вызовов» и «инструктажей», но это уже взято из практики и терминологии 30-х годов. Авторам биографии было трудно сказать что-то конкретное, ибо Сталин в дни революционного апогея ничем не «руководил», ничто не «направлял» и никого не «инструктировал», а лишь эпизодически исполнял текущие поручения Ленина, решения ВРК при Петроградском Совете. Это был малозаметный функционер.

Сталин продолжал писать небольшие статьи, комментирующие партийные решения. Действительно, 24 октября, когда Керенский распорядился закрыть центральный орган партии «Рабочий путь», Сталин с отрядом красногвардейцев принял меры по защите пролетарской газеты. И уже днем 24 октября в номере была опубликована невыразительная, совсем не в духе времени статья Сталина «Что нам нужно?», где он продолжает говорить о необходимости созыва Учредительного собрания. Фактически сталинская статья каким-то образом перекликается с довольно известным письмом Зиновьева и Каменева «К текущему моменту» от 11 октября, в котором эти две мучущиеся фигуры выступают против решения ЦК о подготовке вооруженного восстания. Зиновьев и Каменев писали, что «мы держим революцию у виска буржуазии» и что, мол, под этой угрозой она не сможет сорвать Учредительное собрание. Сталин тоже в канун восстания счел возможным вновь вернуться к идее собрания. Одновременно он доказывал, что «правительство Кишкина — Коновалова необходимо заменить правительством Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Сталин вошел в первое Советское правительство, став народным комиссаром по делам национальностей. Но, войдя в «обойму» партийных лидеров, решавших все важнейшие вопросы революции, никогда ни в одном деле в 1917 году Сталин не проявил крупной инициативы, творческого начинания, не выдвинул перед ЦК какой-либо оригинальной идеи. Это был человек из второго-третьего эшелона руководства, и все последующие славословия об исключитель-

ной роли Сталина в революции не соответствуют действительности. Она, эта роль, сочинена.

Сталин, включенный почти во все возможные революционные органы, между тем почти ни за что конкретно не отвечал. Но внимательный, цепкий взгляд многое видел. Его удивляли энергия Троцкого, работоспособность Каменева, импульсивность Зиновьева. Сталин несколько раз видел и Плеханова, к которому почему-то испытывал чувство наподобие уважения. Его поразили резкие слова Плеханова на одном из митингов: «Русская история еще не смогла той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма».

Как мы знаем, блестящий пропагандист марксизма и один из основателей Российской социал-демократической рабочей партии на этом не остановился. Плеханов «Апрельские тезисы» Ленина назвал «бредом», осудил Октябрьскую социалистическую революцию, а впоследствии и Брестский мир. Отторгнутый стихией революции, Плеханов, разочаровавшись в действительности, не «соответствующей» его теории, уехал в Финляндию. Октябрь он принять не мог, но и бороться против него не захотел. Его политические принципы были нравственными.

Когда 4 июня 1918 года на объединенном заседании ВЦИК, Моссовета, профессиональных и рабочих организаций Москвы, на котором присутствовал и Ленин, почтили память умершего Плеханова минутой молчания, Сталин был удивлен. Для него человек, выразивший публичное несогласие с его делом, навсегда становился врагом. Так же он считал излишней на этом заседании траурную речь Троцкого, некролог Зиновьева в «Правде». Для Сталина революция была лишь борьбой. Или — или. Или союзник, или враг. Бинарная логика Сталина, если он не был готов поддержать одну из сторон, допускала лишь выжидание, не больше. Почести покойному Плеханову Сталин в душе назвал «либерализмом», недостойным революционеров. Его товарищи по партии еще будут иметь возможность убедиться в последовательности убеждений будущего «вождей».

Спустя три года после Октябрьского вооруженного восстания группа участников тех событий собралась на вечер воспоминаний 7 ноября 1920 года. Был приглашен и Сталин, но он не захотел участвовать в вечере. Пришло много людей, в том числе Троцкий, Садовский, Мехоношин, Подвойский, Козьмин, другие участники событий. Сохранилась стенограмма этого вечера. Очень часто вспоминали о Ленине, много говорили о Троцком, упоминали Каменева, Зиновьева, Ногина, Свердлова, Ломова, Рыкова, Шаумяна, Маркина, Лазимира, Чичерина, Вальдена, других творцов рождения нового мира. Никому в голову не пришло назвать имя Сталина ни в связи с деятельностью Военно-революционного комитета, ни с конфликтом из-за вывода гарнизона, ни в свете работы большевиков среди солдат и матросов. А ведь почти все упомянутые выше и многие, многие другие мчались в те исторические часы на «Аврору», перехватывали вызванные Керенским батальоны самокатчиков, организовывали захват банка, телеграфа, вок-

залов. Сталин остался для всех незаметным статистом, неспособным на революционное творчество.

Будущий единодержец очень болезненно переживал свою «незаметность», малозначительность. В тридцатые годы Сталин мог спокойно слушать об Октябре лишь в свете деяний «двух вождей». Сначала подлинных героев революции «подвергли» умолчанию, «исторической чистке» и корректировке, а затем в трагические 37—39-е годы устранили и физически. К сороковым годам активных руководителей Октябрьского вооруженного восстания уже можно было пересчитать по пальцам. Остались, как правило, те, кто создавал новую «октябрьскую биографию» вождя. Чем меньше становилось ветеранов революции, тем гипертрофированнее изображалась роль Сталина в дни Октября.

Естественно, Троцкий, сделавший после двадцать девятого года Сталина основным объектом своих критических изысков, пишет об октябрьском периоде деятельности Сталина весьма резко. В своей работе «Сталинская школа фальсификаций» он утверждает, что на заседаниях в семнадцатом Сталин, как правило, отмалчивался, следовал официальной колее, предложенной Лениным, «но мы не найдем у него ни одной самостоятельной мысли, ни одного обобщения, на котором можно было бы остановиться. Где представлялся случай, Сталин становился между Каменевым и Лениным». Здесь Троцкий, видимо, имеет в виду несколько случаев, когда Сталин, поддерживая Ленина, вместе с тем пытался защищать Каменева с его политическими зигзагами, в том числе и на страницах печати. Какое-то время и после возвращения Сталина и Каменева из туркестанской ссылки между ними сохранялись довольно дружеские отношения. В последующем, особенно в тридцатые годы, и Каменев, и Зиновьев в трагические для себя минуты будут пытаться заставить Сталина вспомнить старую «дружбу», но они его плохо знали...

После смерти Ленина Троцкий опубликовал очерк об ушедшем вожде. На одной из страниц своей работы он приводит такой диалог:

«— А что, — спросил однажды меня Владимир Ильич вскоре после 25 октября, — если нас с вами убьют, то смогут ли справиться с делом Свердлов и Бухарин?»

— Авось не убьют, — ответил я смеясь.

— А черт их знает, — сказал Ленин и сам рассмеялся.

После появления очерка... члены тогдашней «тройки» — Сталин, Зиновьев и Каменев — почувствовали себя кровно обиженными моими строчками, хотя и не пытались оспорить их правильность. Факт остается фактом: Ленин не назвал в числе преемников эту тройку, а назвал лишь Свердлова и Бухарина. Другие имена просто не пришли ему в голову».

Затем этот же фрагмент Троцкий приводит во втором томе своих воспоминаний «Моя жизнь». Брать их полностью на веру едва ли стоит, зная честолюбие и властолюбие Троцкого, в душе считавшего, что лишь он может быть «наследником» Ленина на стезе вождя партии. Можно с одинаковым основанием по-

лагать, что Троцкий задним числом пытался в 1924 году упрочить свои позиции и репутацию в борьбе за власть.

Известно, что Сталин всегда очень болезненно реагировал на любые сведения, просачивающиеся в печать, которые высвечивали его более чем скромную роль в Октябре. Именно в значительной степени этими мотивами было продиктовано выступление Сталина в ноябре 1924 г. на пленуме ВЦСПС, изданное отдельной брошюрой в Госиздате лишь в 1928 году. В своей речи Сталин так анализирует роль Троцкого в Октябрьском вооруженном восстании. «Да,—говорил Сталин,—Троцкий хорошо дрался в дни Октября. Но в период Октября хорошо дрался не только тов. Троцкий, недурно дрались даже такие люди, как левые эсеры, стоявшие тогда бок о бок с большевиками. Но спрашивается, когда Ленин предложил избрать практический Центр по руководству восстанием, почему он туда не рекомендовал Троцкого, а предложил Свердлова, Сталина, Дзержинского, Бубнова и Урицкого. Как видите,—продолжал Сталин,—в состав Центра не попал «вдохновитель», «главная фигура», «единственный руководитель восстания» — Троцкий. Как примирить это с ходячим мнением об особой роли тов. Троцкого?» Здесь Сталин вновь передергивает факты. Ходом восстания руководил Военно-революционный комитет, а не практический Центр.

Как видим, два известных деятеля партии спустя несколько лет после революции пытаются, с одной стороны, подчеркнуть свою особую роль в свершении вооруженного восстания, а с другой — принизить, умалить вклад своего политического и личного оппонента. Хотя в дни Октября не могло быть явления, которое позже назовут кабинетным руководством, роль Сталина была ограничена подготовкой указаний, директив ЦК и их передач революционным органам. Нет ни одного документального свидетельства его непосредственного участия в боевых действиях, организации вооруженных отрядов революции, выездов в части, на корабли, заводы с задачей подъема масс на решение конкретных тактических и оперативных задач. Волею обстоятельств Сталин оказался в штабе революции, на ее центральной сцене, но... в качестве статиста. Интеллектуальных данных, нравственной привлекательности, зажигающего энтузиазма, клокующей энергии, которые так любит революционное время, у него не оказалось. В революции, в самом ее эпицентре, всегда была фигура Ленина. Много ниже Троцкий. Еще ниже — Зиновьев, Каменев, Свердлов, Дзержинский, Бухарин... За ними — целая когорта большевиков ленинской школы, где-то в ее рядах и Сталин. «Двух вождей» в революции не было. Если, допустим, сказать бы в 1917 году Крестинскому, Радеку, Раковскому, Рыкову, Томскому, Серебрякову, десяткам других большевиков о том, что через полтора десятка лет в «официальной истории» будет сообщено, что революцией руководили два вождя — Ленин и Сталин, они, думаю, сочли бы это даже не шуткой, а бредом. Но увы! История, ее поток необратимы. Только мысленно можно задать

эти вопросы тем, кого давно уже нет... Сталин стал «героем» задним числом.

Хотя Сталин был членом партии с конца 90-х годов прошлого столетия, членом ЦК с 1912 года, членом различных Советов, комитетов, редакций, наркомом по делам национальностей, это все ему создавало лишь официальный (в известном смысле бюрократический) статус среди революционеров. Присутствие Сталина на многочисленных заседаниях, совещаниях, конференциях поддерживало его имя на уровне лица, входящего в высшие эшелоны руководства. Все это позволило ему узнать, изучить широкий круг людей, глубже постичь механизм аппаратной работы, набраться политического опыта. А главное, Сталину, как он надеялся, заслужить оценку В. И. Ленина о себе как надежном политическом работнике, способном не только на прямолинейные решения и действия, присущие простому исполнителю, но и на умелые компромиссы, лавирование, выделение главного звена в широком спектре возникающих проблем. В октябрьском большевизме Сталин был центристом, умеющим выжидать и приспособляться.

Все социальные революции олицетворяют насилие. Сталин это считал естественным. Протесты против применения силы считал «либеральной бесхребетностью». Его, например, возмутила статья М. Горького, опубликованная 7(20) ноября 1917 года в «Новой жизни», где писатель утверждал: «...Ленин, Троцкий и сопутствующие им отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия. Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся якобы по пути к «социальной революции» — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции». Подобные заявления Сталин оценивал как проявления гнилой интеллигентщины. И наоборот, всячески одобрял «твёрдость» и готовность к террору. Такую, например. Когда в июне 1918 года В. Володарский (М. М. Гольдштейн) был убит эсером, В. И. Ленин направил Г. Е. Зиновьеву в Петроград письмо:

«Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удёржали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает. Привет! Ленин».

То, что инициировалось и поощрялось в «архивное» время, Сталин будет поддерживать всегда...

В Октябрьскую революцию Россия вышла из берегов. Социальное половодье все сметало со своего пути. Главный месяц главного года новой истории Советской России оказался исключительно бурным и триумфальным для большевиков. Сравнительно небольшая партия еще в канун 1917 года в течение нескольких месяцев превратилась в мощную политическую силу. Однако «медовый месяц» был слишком кратким. Отодвинутые, казалось, проблемы заявили о себе уже в конце незабываемого года грозными, смертельными опасностями. Большевики, захватывая власть, обещали народу землю, хлеб, мир. Землю они начали давать. Земля давала надежду на хлеб. Но мир зависел не только от большевиков; как нельзя аплодировать одной ладонью, так и нельзя мира добиться лишь одной стороне. Тем более мира справедливого, демократического, без аннексий и контрибуций... Как его достичь, если полчища Габсбургов и Гогенцоллернов уже топтали западные земли России?

Вождь революции проявил невиданную прозорливость и волю. Если мы не подпишем мир, тяжелый, несправедливый, то «крестьянская армия, невыносимо истощенная войной, после первых же поражений — вероятно, даже не через месяцы, а через недели — свергнет социалистическое правительство». Речь шла, таким образом, о судьбах революции. На совещании ЦК по вопросу о мире столкнулись две полярные точки зрения — Ленина и левых коммунистов.

Мы знаем, что Троцкий, возглавивший на этом этапе советскую делегацию в Брест-Литовске, несмотря на то, что соотношение сил в ЦК к моменту его отъезда изменилось в пользу мира, неожиданно сделал «революционный» шаг. На очередном заседании 10 февраля 1918 года после непродолжительных дебатов по частным вопросам Троцкий вдруг заявляет о разрыве переговоров. «Наш солдат-пахарь, — говорит он, — должен вернуться к своей пашне, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю, которую революция из рук помещика передала в руки крестьянина. Наш солдат-рабочий должен вернуться в мастерскую, чтобы производить там не орудия разрушения, а орудия созидания... Мы выходим из войны, мы отдаем приказ о нашей демобилизации наших армий... В связи с этим заявлением, — продолжал Троцкий, — я передаю следующее письменное и подписанное заявление:

«Именем Совета Народных Комиссаров, Правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения правительств и народов, воюющих с нами, союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннекционистского договора, Россия со своей стороны объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным.

Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту.

Народный комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

Члены делегации: В. Карелин, А. Иоффе, М. Покровский, А. Биценко.

Председатель Всеукраинского ЦИК Медведев.

Выступая через три дня на заседании ВЦИК, Троцкий пытался доказать, что его решение «революционизирует» рабочее движение на Западе, что лозунг «ни мира, ни войны» поддержан даже немецкими солдатами.

Авантюрный лозунг «ни мира, ни войны» открывал агрессору дорогу в глубь России. В истории и по сей день авторство этой фразы приписывают Троцкому. Однако еще в апреле 1917 года французский посол в Петрограде Палеолог в своем донесении в Париж так оценивал военные возможности русского союзника: «На нынешней стадии революции Россия не может заключить ни мира, ни вести войну». Знал ли Троцкий о «приоритете» сценки французского посла, сказать трудно. Ленин настаивал принять германские грабительские условия, ибо действовать иначе значило погибнуть. Семью голосами против четырех решение о подписании мира было принято. 3 марта Г. Я. Сокольников без обсуждений подписал протокол о мире.

Позиция Сталина выглядела бледной. Скажем сразу, его роль по большей части была пассивной не столько из-за несогласия с той или иной позицией, а просто в силу недостаточной ясности для него всей этой сложной и динамичной проблемы. 23 февраля, например, на заседании ЦК, когда Ленин с целью оказать давление на своих товарищей пошел (в критической ситуации!) на угрозу выхода из правительства и ЦК в случае отклонения его предложения подписать мир, Сталин дрогнул и заколебался, успев, правда, задать вопрос: не «означает ли уход с постов фактического ухода из партии?» — на что Ленин ответил отрицательно.

Троцкий изображает положение следующим образом. У Сталина не было четкой позиции по этому острейшему вопросу. «Он выжидал и комбинировал. Старик все еще надеется на мир, — кивал он мне в сторону Ленина, — не выйдет у него мира. Потом он уходил к Ленину и делал, вероятно, такие же замечания по моему адресу. Сталин никогда не выступал. Никто его противоречиями особенно не интересовался. Несомненно, что главная моя забота: сделать наше поведение в вопросе о мире как можно более понятным мировому пролетариату, — была для Сталина делом второстепенным. Его интересовал «мир в одной стране», как впоследствии — «социализм в одной стране». В решающем голосовании он присоединился к Ленину. Лишь несколько лет спустя, в интересах борьбы с троцкизмом, он выработал для себя некоторое подобие «точки зрения» на брестские события». В речи на VII съезде партии Троцкий заявил:

«Я воздержался от голосования в Центральном Комитете при решении этого важнейшего вопроса по двум причинам: во-первых, потому, что я не считаю решающим для судеб нашей революции то или другое наше отношение к этому вопросу... По вопросу о том, где больше шансов: там или здесь, — я думаю, что больше шансов не на той стороне, на которой стоит

тов. Ленин... Только тов. Зиновьев с самого начала стоял на точке зрения немедленно подписать мир». Говоря о тех, кто настоял на подписании мира, Троцкий заявил, что этот путь имеет «некоторые реальные шансы. Однако это есть опасный путь, который может привести к тому, что спасают жизнь, отказываясь от ее смысла».

Ленин не побоялся обвинений в «капитулянтстве», «отступлении», «сдаче на милость империализма», которыми осыпали его левые эсеры, левые коммунисты, люди фразы и люди, прямолинейно, примитивно понимавшие суть революционной чести. Оставались с ним в эти драматические дни единомышленниками Стасова, Свердлов, Сокольников, Смилга и Каменев. В минуты решающих голосований Сталин оставался с Лениным, но, повторяю, было ясно, что и в этой ожесточенной игре он играл роль политического статиста.

РОССИЙСКАЯ ВАНДЕЯ

Вожди Октября часто в своих речах искали аналогии и примеры из истории Великой французской революции. В начале восемнадцатого года, менее чем через полгода после победоносного Октябрьского восстания, у них появился повод вспомнить Вандею — обширную область в Западной Франции между Бретанью и Луарой. В июне 1793 года Вандея восстала. Новое никогда не принимается сразу всеми, и для неграмотных мужиков, подстрекаемых загнанными в угол богатыми собственниками и фанатичным духовенством, революция представляла в виде загадочного чудовища, пожирающего без разбора все устоявшееся и привычное. Кровавая междоусобица охватила Бретань, Нормандию, Пуату, Бордо, Лимож. Вандея стала эпицентром провинциальной контрреволюции. «Вандея обратилась, — отмечал П. Кропоткин, — в гнойную рану республики», став символом жестокой гражданской войны, усугубляемой иностранным вмешательством. В Советской России зрела собственная Вандея.

Передышка была недолгой. Уже в марте — апреле 1918 года началась иностранная военная интервенция, возродившая надежду у буржуазии и помещиков на реванш. Повсюду — мятежи, контрреволюционные выступления белого офицерства, казаков, кулаков, националистов. Страна, разрушенная четырехлетней войной, оказалась не просто в огненном кольце, она была сама вся в пламени войны. У республики не было границ, были одни фронты.

В Париже, Лондоне, Берлине, Токио, Вашингтоне, десятках других столиц мира были уверены: Россия в агонии. На это время приходится одна из самых крупных волн эмиграции. Буржуа, помещики, промышленники, профессура, значительная часть творческой интеллигенции, крупные чиновники покидали Россию. В своих статьях, заявлениях, обращениях многие из них живописали не только ужас, который пришел в страну после захвата власти «торжествующим хаомом», но и предрекали скорый конец Советов. М. И. Калинин, выступая несколько лет спустя по поводу публикаций в белогвардейских «Днях», писал

в «Известиях»: «Сейчас вы — жертвы, несущие невзгоды гражданской войны, но и ваши невзгоды, как бы они ни казались вам велики, являются каплей в море народного страдания от 1914 до 1917 года. Вы не видели народных мук, вы их заглушали патристическим воем».

Конец Советской власти казался недалеким, тем более что началась настоящая охота на комиссаров. В Петрограде эсер Кенегиссер выстрелом срывает Урицкого; в июле убит белогвардейцами Нахимсон, известный комиссар латышских стрелков; комиссар продовольствия Туркестанской республики Першин сражен мятежниками в Ташкенте. Самый страшный удар в восемнадцатом году контрреволюция нанесла в Москве: после выступления перед рабочими завода Михельсона в Ленина стреляла эсерка Фанни Каплан.

Кровавая межа раскалывает Россию. Вандея гражданской войны, когда брат мог идти на брата, отец сражался со своими сыновьями, захлестнула многострадальную Россию. Слова Жана Жореса, обращенные к Вандее 1793 года, словно были написаны и для характеристики гражданской войны в России: «Сколько неистовых страстей загорается в этих городах, ощутивших почти у самого сердца острие ножа! Какая ненависть вспыхнет завтра! Сколько репрессий и против врага, и против тех, кого заподозрят в том, что они были его сообщниками, помогавшими ему активными действиями или своей инертностью!» По своей ожесточенности и непримиримости гражданская война в России сродни той глубокой классовой ненависти, которая разделила народ на два враждующих лагеря. Жизнь падает в цене. Классовый зов сильнее сострадания, жалости, мудрости, рассудительности. Страна залита кровью соотечественников. Войну эту вели не только вооруженные силы соперничающих классов, в ней фактически участвовала и большая часть населения. Главным катализатором и вдохновителем этой войны была иностранная военная интервенция. «Всемирный империализм, — определял В. И. Ленин, — который вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну, и виновен в ее затягивании...» ЦК объявляет военное положение в стране, создает Реввоенсовет. Республики во главе с Троцким. Главнокомандующим вооруженными силами назначается Вацетис, его сменил С. С. Каменев. В ответ на белый террор начинается террор красный.

В гражданской войне Сталин более заметен. Хотя он по-прежнему на вторых ролях. Поручения Ленина, Центрального Комитета теперь более сложны и ответственны. На правом фланге Восточного фронта к середине восемнадцатого года важную роль стал играть Царицын, и не столько из-за военных соображений, сколько из-за продовольственных трудностей. Сталин посылается туда как особый уполномоченный ЦК по продовольственному снабжению. 31 мая В. И. Ленин подписывает постановление СНК от 29 и 30 мая 1918 года о назначении И. В. Сталина и А. Г. Шляпникова общими руководителями продовольственного дела на юге России, облеченными чрезвычайными правами. У Ленина, по-видимому, уже сложилось устойчивое мнение об одном из наркомов

Советского правительства как надежном исполнителе. Немногословный кавказец редко задавал вопросы, публично никогда не подвергал сомнению принимаемые ЦК решения, спокойно брался за любое поручение. Казалось, что он был доволен уготованной ему ролью незаметного, но надежного функционера. Так же спокойно Сталин воспринял свое направление в Царицын. Перед отъездом на юг ему сообщили, что Ленин в добавление к постановлению СНК отдал распоряжение ответственному работнику Наркомвоенна С. И. Аралову выделить отряд в 400 человек (в том числе обязательно 100 латышских стрелков) для отправки его вместе со Сталиным.

Сразу же Сталину пришлось решать военные задачи: Царицын оказался в плотном кольце казачьего окружения. Он возглавляет Военный совет округа, и за короткое время Военному совету удается объединить разрозненные части, провести мобилизацию, сформировать несколько новых дивизий, ряд специальных частей, колонну бронепоездов, создать рабочие отряды ополчения. По просьбе Сталина Ленин направляет срочную телеграмму Главному управлению водного транспорта с предписанием немедленно и беспрекословно исполнять все приказы и распоряжения чрезвычайного уполномоченного СНК наркома И. В. Сталина.

Царицын был объявлен на осадном положении. Какое-то время Сталин до относительной стабилизации положения действовал как военный диктатор. В своих ежедневных телеграммах в Москву он, требуя снаряды, патроны, вооружение, не проявлял панических настроений: «Революционной рукой наведем порядок и удержим фронт». Сталин, находясь в штабе, пишет большое количество «бумаг» с указаниями своим подчиненным частям и учреждениям, одновременно требуя помощи от центра. Так, на телеграмму Сталина от 9 июня 1918 года с просьбой дополнительной отправки денег и товаров для заготовки хлеба Ленин ему отвечает о предпринимаемых мерах в этом отношении, просит обеспечить охрану поездов, а саботажников и хулиганов арестовывать. Сталин через голову командующих, Главкома, Реввоенсовета Республики часто напрямую обращается прямо к Ленину, порой и с мелкими, рутинными вопросами.

Положение Царицына стало более прочным, когда сюда прибыли из Донбасса части бывшей 5-й армии. Интересно отметить, что свои донесения Сталин не направлял Троцкому, хотя оперативно оказываясь в его подчинении. Для большинства телеграмм Сталина характерно отсутствие глубоких обобщений, политических оценок, прогнозов. Они, если так можно сказать, сугубо эмпиричны. В результате принятых мер Царицын за короткий срок подготовился к осаде. Несмотря на помощь Деникину со стороны предателя, бывшего царского офицера Носовича, штурм Царицына не принес успеха белогвардейцам. В последующем Царицын, как и другие места, где бывал во время гражданской войны Сталин, приобрел не просто легендарное, а прямо-таки мистическое значение в нашей истории.

Сталин, не обладая оперативными, тактическими

познаниями, в критические моменты битвы за Царицын проявил диктаторские замашки, «твердую руку». В записке в центр Сталин пишет: «Гоню, ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим положение. Можете быть уверены, что не пощадим никого — ни себя, ни других — а хлеб все же дадим. Если бы наши военные «специалисты» (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия фронта не была бы прорвана. И если она будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им». Измена Носовича, ряда других бывших офицеров царской армии усилила и без того подозрительное отношение Сталина к военспецам. Нарком, облеченный чрезвычайными полномочиями в вопросах продовольственного дела, не скрывал своего недоверия к специалистам. У него были последователи. Не случайно В. И. Ленин в своей речи по военному вопросу на VIII съезде партии осудил партизанщину и однозначно сказал, что «на первом плане должна быть регулярная армия, надо перейти к регулярной армии с военными специалистами». Сталин не возражал Ленину, но даже в конце тридцатых годов корпоративная принадлежность красного командира к царскому офицерству в прошлом служила отягчающим обстоятельством.

Реввоенсовет Южного фронта в составе И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, председателя Царицынского Совета С. К. Минина и командующего фронтом П. П. Сытина работал недружно. Сталин считал, что решения, даже незначительные, должны приниматься коллегиально, а Сытин как командующий пытался в соответствии с военной логикой избежать бесконечных «согласований» и «уточнений» принимаемых решений. Сталин дает в Москву понять, что Сытин не заслуживает доверия. Сытин отвечает специальной запиской в Реввоенсовет Республики, в которой утверждает, что Минин, Сталин и Ворошилов ограничивают его деятельность как командующего фронтом, требуя согласования всех, даже мелких вопросов с Военным советом, что резко осложняет оперативное управление. Сталин одержал верх — в начале ноября Сытин был отозван с поста командующего. В результате многочисленных телеграмм Ленину, Реввоенсовету Республики Сталин в конце концов получает полномочия, с помощью которых он ставит военспецов в положение постоянно контролируемых. Сталин знал, что Троцкий из Москвы и из своего поезда, на котором он непрерывно курсировал с фронта на фронт, держал сторону военспецов. Уже тогда между ними не раз вспыхивали телеграфные стычки, которые развили глубокую неприязнь друг к другу, перешедшую во враждебность, а в конце концов и ненависть.

Сталин не утруждал себя посещением окопов, лазаретов, сборных мест и наблюдательных пунктов — он был постоянно в штабе, без конца слал депеши, вызывал комиссаров, командиров, требовал донесений, сводок, угрожал трибуналом, посылал людей для контроля. Уже в годы гражданской войны Сталин не раз прибегал к крайним мерам: распоряжениям о расстреле саботажников, подозрительных военспецов, лиц, которые, по мнению особого уполномоченного, вредили делу. Так было в Царицыне, Перми, Петро-

граде, Ленин в своей речи на VIII съезде прямо говорит о расстрелах Сталина в процессе его работы в Царицыне, о разногласиях по этому вопросу, которые были между ними. Сталин в этой войне чувствовал себя более уверенно, чем в октябре семнадцатого. Он был похож на комиссара Конвента Каррье, описанного Ж. Мишле, который считал естественным безудержное выплескивание жестоких страстей и насилия во имя достижения цели. Уже тогда, в гражданской войне, Сталин поверил во всемогущество насилия, которое, по его мнению, всегда оправданно в отношении врагов.

Стиль его работы многим не нравился. Наиболее проницательные командиры не могли не почувствовать уже в то время, что у этого человека железная хватка, его трудно «столкнуть» на случайное решение, повлиять на его замысел. Интересно в этом отношении письмо Антонова-Овсеевко, написанное им 19 мая 1919 года в Центральный Комитет РКП(б), в котором он сетует на «несправедливое отношение к нему, как командующему Украинской армией». Жалуясь на слабую поддержку Центром его деятельности, он тем не менее отмечает, что «Лев Давидович это понимает» (речь идет о Троцком), но что «стоило тов. Сталину цыкнуть, как украинские товарищи перешли от интриг к делу». Антонов-Овсеевко этим косвенно подтверждает способность Сталина влиять на положение дел на фронте.

Не зная тонкостей оперативного искусства, Сталин напирал на дисциплину, пролетарский долг, революционную сознательность и часто на угрозы «революционной кары». После Царицына он почувствовал себя значительно увереннее среди своих сотоварищей по Центральному Комитету и Совнаркому. К этому времени в кругу партийных руководителей, членов Центрального Комитета, «военруков» Сталин был уже достаточно известным человеком. Правда, бывая на фронтах гражданской войны, выполняя задания Ленина, он каких-то особых военных талантов не проявил. Оценка оперативной обстановки, выводы из соотношения сил, выдвижение оригинальной стратегической идеи — здесь у нас нет каких-либо достоверных объективных свидетельств, подтверждающих его «высокие способности». «Нажимной» стиль, впоследствии укоренившийся как командно-бюрократический, может считать своим автором прежде всего Сталина. Его оперативные установки весьма упрощены, если не сказать — примитивны. Как пример можно привести запись разговора по прямому проводу члена Реввоенсовета Южного фронта И. В. Сталина с членом Реввоенсовета 14-й армии Г. К. Орджоникидзе в октябре 1919 года. Орджоникидзе доложил Сталину, что армия готовится отбить обратно город Кром, нужны подкрепления. Сталин отвечает:

— Смысл нашей последней директивы в том, чтобы дать вам возможность собрать полки в одну группу и истребить лучшие полки Деникина. Повторяю — истребить. Ибо речь идет об истреблении. Взятие Кром противником — эпизод, который всегда можно исправить, основная же задача — не пускать полков ударной группы поодиночке, а бить противника еди-

ной массивной группой, в одном определенном направлении.

Силовой напор в указаниях члена Реввоенсовета Южного фронта всегда ощущается, чего нельзя сказать о военном искусстве руководителя, хотя именно о полководческом искусстве Сталина в тридцатые годы и позже написано немало книг и защищено диссертаций. Особенно апологетичны работы К. Е. Ворошилова о Сталине как «величайшем полководце всех времен», а ведь он был не военный руководитель, а политический представитель Центра, уполномоченный, в ряде случаев член Реввоенсовета. Многие члены ЦК проявили себя в гражданской войне более продуктивно, чем Сталин. Это прежде всего Антонов-Овсеевко, Гусев, Берзин, И. Н. Смирнов, Смирла, Сокольников, Лашевич, Муралов, Фрунзе, Орджоникидзе...

Как бы там ни было, личное участие Сталина в гражданской войне отмечено не только исполнением им своих обязанностей комиссара двух наркоматов, но и заметно в политическом, пропагандистском и собственно в военном отношениях. В ходе гражданской войны Ленин часто использовал Сталина как специального уполномоченного ЦК, человека, направленного для инспекции, выправления дела, получения подробной информации для Центра. Так, в июне 1918 года В. И. Ленин телеграфирует Сталину о том, что распоряжения правительства, направленные флоту в Новороссийск, должны быть безусловно выполнены, в противном случае виновные будут объявлены вне закона. В телеграмме предлагается Сталину направить в Новороссийск авторитетного работника, способного провести в жизнь приказ о потоплении Черноморского флота. Выступая в том же месяце на конференции профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы, В. И. Ленин, отвечая на вопрос о судьбе Черноморского флота, объяснил ситуацию, добавив: «Народные комиссары — Сталин, Шляпников и Раскольников, приезжают скоро в Москву и расскажут нам, как было дело».

В. И. Ленин, инструктируя Сталина перед поездками на фронт, видел в нем не только члена ЦК, но и одного из представителей многонациональной страны, судьба которой в огромной степени зависела от союза России с другими советскими республиками. Готовя проект постановления Политбюро по защите Азербайджана, Ленин собственноручно написал: поручить Сталину через Оргбюро «выудить отовсюду максимальное количество мусульман-коммунистов для работы в Азербайджане».

Роль политического руководителя в отдельных «главах» гражданской войны Сталин исполнял неоднократно. Так, во время первой контрреволюционной попытки ликвидировать Советскую власть с помощью мятежа генерала Краснова Сталин по поручению В. И. Ленина вместе с Ф. Э. Дзержинским, Г. К. Орджоникидзе, Н. И. Подвойским, М. С. Урицким, Я. М. Свердловым принимал участие в организации обороны Петрограда, мобилизации наличных сил для разгрома мятежников. По предложению Ленина Сталин выполнял конкретные задания по приведению в

боевую готовность войск Петроградского гарнизона, строительству оборонительных рубежей, созданию отрядов Красной гвардии на заводах и фабриках.

Уже здесь многие имели возможность убедиться в напористости и непреклонности невысокого грузина, диктовавшего директивы, отдававшего распоряжения голосом, не терпящим возражений. Но одновременно наблюдательные партийцы замечали не только напористость, но и мстительность, злопамятность. В декабре 1918 года Сталин вместе с Ворошиловым обвинил в дезорганизаторстве члена Реввоенсовета Южного фронта А. И. Окулова. По настоянию Сталина Ленин принимает решение: «Ввиду крайне обострившихся отношений Ворошилова и Окулова считаем необходимым замену Окулова другим». Ленин, согласившись в данном случае со Сталиным, на VIII съезде партии сказал свое слово в защиту Окулова: «Тов. Ворошилов договорился до таких чудовищных вещей, что разрушил армию Окулов. Это чудовищно. Окулов проводил линию ЦК, Окулов нам докладывал о том, что там сохранилась партизанщина». В этой же речи Ленин подверг резкой критике Ворошилова за насаждение партизанщины: «Не было никаких военных специалистов, и у нас 60 000 потерь. Это ужасно». Ведь именно против этого и боролся Окулов.

В июне следующего года в Петрограде у Сталина вновь произошла стычка с Окуловым, который требовал подчинения Петроградского военного округа командованию Западного фронта. В результате настоячивых требований чрезвычайного уполномоченного ЦК РКП(б) и Совета Обороны в Петрограде Ленин поручает зампредреввоенсовета Склянскому отправить от имени его, Ленина, телеграмму: отозвать Окулова, «дабы конфликт не разросся». Но в итоге Сталин все припомнит Окулову в конце тридцатых годов.

Пожалуй, в гражданской войне Ленин начал активно использовать Сталина еще с момента ликвидации мятежа Духонина. Когда 9 ноября 1917 года В. И. Ленин находился у аппарата прямой телеграфной связи со ставкой Духонина, рядом с ним были Сталин и Крыленко. Монархист Духонин игнорировал распоряжения Советского правительства, и тогда после краткого совещания здесь же, у прямого провода, Ленин передал в Ставку короткий приказ: Духонин отстраняется от поста главнокомандующего армией и вместо него назначается народный комиссар по военным делам прапорщик Н. В. Крыленко. Через день новый главнокомандующий в сопровождении отряда в 500 бойцов выехал в Ставку, где в стычке со сторонниками мятежников Духонин был убит.

В. И. Ленин, Реввоенсовет Республики использовали Сталина и для расследования причин поражений, катастроф на отдельных участках фронта. Это было необходимо, поскольку не только неорганизованность характеризовала действия войск на ряде направлений, но иногда и прямые предательские действия отдельных попутчиков революции, замаскированных монархистов и белогвардейцев. В декабре 1918 года потерпела крупную неудачу 3-я армия в районе Перми, что создавало серьезную угрозу соединения Колчака с войсками контрреволюции на севере

и частями английских, американских и французских войск, оккупировавших значительные территории у Мурманска и Архангельска. ЦК РКП(б) командировал в Вятку специальную комиссию во главе со Сталиным и Дзержинским. Посланцы-уполномоченные действовали решительно и без промедлений. Группа лиц, признанных ответственными за поражение, была предана военному трибуналу, слабые командиры и комиссары отстранялись от руководства войсками, были сделаны акценты на усиление политической работы с красноармейцами, укрепление дисциплины, улучшение снабжения. Сталин, всегда относившийся к командирам из военспецов с подозрением, используя действительные факты измены некоторых бывших офицеров, действовал круто, безжалостно. В итоге принятых мер 3-я армия (совместно со 2-й) в январском контрнаступлении смогла восстановить положение. В своем донесении в Центр он пишет, что в «результате принятых мер боеспособность войск восстановлена. В тылу армии идет серьезная чистка советских и партийных учреждений. В Вятке и уездных городах организованы революционные комитеты. Очищена и наполнена новыми работниками губернская чрезвычайная комиссия...».

Выводы Сталина, как всегда, категоричны. Вот, например, как был оценен Реввоенсовет 3-й армии. Он «состоит, — писал Сталин, — из двух членов, из коих один (Лашевич) командует; что касается другого (Трифонов), так и не удалось выяснить ни функции, ни роли последнего: он не наблюдает за снабжением, не наблюдает за органами политического воспитания армии и вообще ничего не делает. Фактически никакого Реввоенсовета третьей армии не существует». В докладе Сталин, не называя Троцкого, прозрачно «намекает» на слабую роль «некоторых руководителей» Реввоенсовета Республики, ограничивающих свою работу отдачей лишь «общих распоряжений».

По указанию Сталина большая группа работников была отдана под суд военного трибунала. И тут перегибы Сталина пришлось исправлять: после обсуждения доклада уполномоченных на заседании ЦК 5 февраля 1919 года было решено «всех арестованных комиссией Сталина и Дзержинского в 3-й армии передать в распоряжение соответствующих учреждений». В этой поездке Сталин ближе узнал Дзержинского и, похоже, проникся к нему уважением за обстоятельность в делах и решительность, ведь решительность и волю он ценил больше всего — дефицита этих качеств у самого Сталина никогда не было.

Иногда его решительность проявлялась в категоричных требованиях и к Центру. В своем письме к В. И. Ленину с фронта 3 июня 1920 года он потребовал скорейшей ликвидации Крымского фронта. Нужно, писал Сталин, «либо установить действительное перемирие с Врангелем и тем самым получить возможность взять с Крымского фронта одну-две дивизии, либо отбросить всякие переговоры с Врангелем, не ждать момента усиления Врангеля, ударить на него теперь и, разбив его, освободить силы для Польского фронта. Нынешнее положение, не дающее ясного ответа на вопрос о Крыме, становится нестерпи-

мым». В. И. Ленин прямо на этом письме написал Троцкому: «Это явная утопия. Не слишком ли много жертв будет стоить? Уложим тьму наших солдат. Надо десять раз обдумать и примерить. Я предлагаю ответить Сталину: «Ваше предложение о наступлении на Крым так серьезно, что мы должны осведомиться и обдумать архиосторожно. Подождите нашего ответа. Ленин. Троцкий».

Получив ответную записку Троцкого, где говорилось, что Сталин, обращаясь непосредственно к Ленину, нарушает сложившийся порядок (по его мнению, об этом должен был бы доложить командующий Юго-Западным фронтом А. И. Егоров), Ленин приписал: «Не без каприза здесь, пожалуй. Но обсудить нужно спешно. А какие чрезвычайные меры?»

Несмотря на попытки Ленина наладить отношения Сталина и Троцкого, они у них были холодно-настороженными. Будущий генсек болезненно воспринимал рост популярности Троцкого; считал ее незаслуженной. Во время редких приездов в Москву в Реввоенсовете Республики ему показали несколько телеграмм схожего содержания. Приведем одну из них:

«Председателю Реввоенсовета тов. Троцкому. В первую годовщину Октябрьской революции... граждане села Кочетовки Зосимовской волости Тамбовской губернии постановили переименовать село, назвав его вашим именем — село Троцкое. Мы просим разрешить нам называть наше село дорогом для нас именем вождя и вдохновителя Красной Армии. Председатель совдепа С. Нечаев». К слову говоря, первые переименованные города в Советской России (нынешние Гатчина и Чапаевск) еще в гражданскую войну стали носить имя «Троцк».

Сталин, находясь в оперативном отношении в подчинении Троцкого, часто его игнорировал, а иногда действовал и вопреки директивам. Так, будучи в Царицыне, через голову высшего органа пытался отдавать распоряжения девятой армии — последовали протесты. Реакция Троцкого в поддержку Раскольникова и командования девятой армии была такова:

«Вполне присоединяюсь к протесту товарища Раскольникова против вмешательства отдельных лиц (разрядка моя.— Д. В.) из Комиссариата Национальностей в распорядки на фронте. Соответственное заявление мною сделано Комиссариату Национальностей...»

Отмена некоторых военных распоряжений Сталина Троцкий больно уязвила уполномоченного, который никогда не забывал обид.

В военной переписке Ленина встречаются несколько раз фразы, выражающие удивление обидчивостью и препирательством Сталина. Так, на одну из телеграмм Ленина о необходимости помочь Кавказскому фронту Сталин ответил: «Мне не ясно, почему забота о Кавфронте ложится прежде всего на меня... Забота об укреплении Кавфронта лежит всецело на Реввоенсовете Республики, члены которого, по моим сведениям, вполне здоровы, а не на Сталине, который и так перегружен работой». Ленинский ответ был твердым и лаконичным:

«На вас ложится забота об ускорении подхода подкреплений с Юго-Запфронта на Кавкфронт. Надо вообще помочь всячески, а не препираться о ведомственных компетенциях.

20 февраля 1920 г.

Ленин».

Но и позже нотки капризности в донесениях Сталина слышны весьма отчетливо. Четвертого августа этого же года Ленин запросил телеграммой Сталина:

«Завтра в шесть вечера назначен пленум Цека. Постарайтесь до тех пор прислать Ваше заключение о характере заминок у Буденного и на фронте Врангеля, а равно и о наших военных перспективах на обоих этих фронтах. От Вашего заключения могут зависеть важнейшие политические решения.

Ленин».

Сталин обескуражен. С одной стороны, он, видимо, не хочет нести ответственность за возможные «важнейшие политические решения», а с другой — он никогда не отличался прогностическими способностями. В телеграмме он отвечает, что «война есть игра и всего учесть невозможно», а по сути предложения Ленина отвечает:

«Я не знаю, для чего, собственно, Вам нужно мое мнение, поэтому я не в состоянии передать Вам требуемого Вами заключения и ограничиваюсь сообщением голых фактов без освещения.

Сталин».

Да, это был исполнитель директив Центра. Но в случаях, когда от Сталина требовалось нечто большее, чем он хотел сам, в ответах и поведении «особого уполномоченного» явно чувствуются обида, недоумение, замешанные на капризности, которую так тонко уловил Ленин.

В начале девятнадцатого года стал намечаться перелом на фронтах гражданской войны в пользу революционных сил. Но уязвимым местом в работе была раздробленность Красной Армии, настоятельная необходимость тесного военного союза народов России. В апреле 1919 года Главком И. И. Вацетис и член Реввоенсовета Республики С. И. Аралов подготовили Ленину доклад, в котором на основе анализа положения дел ставили вопрос о подчинении всех вооруженных сил советских республик единому командованию. В. И. Ленин, изучивший доклад, предложил Реввоенсовету Республики «составить текст директивы от ЦК ко всем «националам» о единстве (слиянии) военном». В следующем месяце В. И. Ленин подготовил «Проект директивы ЦК о военном единстве». В нем говорилось, что для защиты революционных завоеваний необходимо «единое командование всеми отрядами Красной Армии и строжайшая централизация в распоряжении всеми силами и ресурсами социалистических республик». Сталину как народному комиссару по делам национальностей по поручению Ленина вменялось осуществить ряд мер в реализации этих идей. Однако Сталин, будучи народным комиссаром двух наркоматов, часто выезжая по поручениям Ленина на фронты, сам лично в то время

мало занимался национальными отношениями, как, впрочем, работой и другого наркомата, который он возглавлял.

Позволю сделать одно отступление. В архивах сохранилась обширная почта Л. Д. Троцкому. Особенно много писал ему А. А. Иоффе, его давнишний сторонник и единомышленник. В одном из своих пространных писем (более чем на 20 страницах) Иоффе фактически просит протекции Троцкого на какой-либо влиятельный пост, возможно, народного комиссара РКИ. Иоффе пишет, что «если Сталина в интересах дела можно снять с поста Наркома РКИ, ибо он будет полезен на любом посту, а в РКИ не работает, то Чичерина все же нельзя снять с поста Наркома И. Д., ибо он нигде более полезен не будет». Трудно понять, почему Сталин будет «полезен на любом посту». Потому что «не работает»? Или Иоффе учитывал потенциальные возможности наркома? К слову сказать, в письме дается характеристика и другим деятелям, скорее всего через призму личных амбиций Иоффе. Так, например, он пишет, что «Карахан, в сущности, является заведующим хозяйством Наркоминдела и ни на что другое не способен. Что касается Чичерина, то он обладает большим достоинством, умея сделать вполне свою идею, поданную ему сверху... Но у него тот недостаток, что никаких собственных идей у него никогда не возникает».

Писал А. А. Иоффе и Ленину. На что получил ответ такого содержания:

«Во-первых, Вы ошибаетесь, повторяя (неоднократно), что «Цека — это я». Это можно писать только в состоянии большого нервного раздражения и переутомления...

Во-вторых... Как же объяснить дело? Тем, что Вас бросала судьба. Я это видел на многих работах. Пример — Сталин. Уж, конечно, он-то бы за себя постоял. Но «судьба» не дала ему ни разу за три с половиной года быть ни наркомом РКИ, ни наркомом национальностей. Это факт...

Крепко жму руку. Ваш Ленин».

В течение гражданской войны Сталин еще не раз посылался, как и многие другие товарищи из Центра, уполномоченным, чрезвычайным уполномоченным ЦК на различные фронты. Так, весной 1919 года Сталин с мандатом чрезвычайного уполномоченного постоянно находился либо в Петроградском Совете, либо в штабе войск обороны. Как всегда, методы его работы были диктаторскими: отстранение несправившихся, предание суду тех, кого он считал повинным в создавшемся положении, налаживание снабжения, «перетряска» управляющих органов. В штабе Западного фронта, как и в 7-й армии, оборонявшей Петроград, был раскрыт заговор; заговорщики, естественно, расстреляны. Митинговая бесшабашность медленно уступала место деловой собранности и революционной решимости. В соответствии с воззванием «В защиту Петрограда» руководители обороны города Ремезов, Томашевич, Позери, Шатов, Петерс, приехав-

ший Сталин, другие товарищи готовили отпор контрреволюции. За оборону Петрограда Сталин, как и Троцкий, был награжден орденом Красного Знамени.

Раньше дело изображалось так: там, куда посылался Сталин, обстановка менялась в лучшую сторону. Это было далеко не так. К тому же добавим, что, как правило, Сталин ехал в составе группы и реализовывал установки Ленина и ЦК. Собственно в военном плане его заслуги более чем скромны, но уже с восемнадцатого года товарищи в руководящем ядре партии знали: это не просто самоотверженный исполнитель, но и специалист по «чрезвычайным мерам». Уже тогда у Сталина начали проскальзывать нотки самовосхваления.

В телеграмме Центру из Петрограда Сталин сообщает: «Вслед за «Красной горкой» ликвидирована и «Серая лошадь». Орудия на них в полном порядке, идет быстрая очистка и укрепление всех фортов и крепостей. Морские специалисты уверяют, что взятие «Красной горки» с моря опрокидывает всю морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой».

Когда Сталин возвращался из очередного выезда, его использовали в аппарате ЦК для текущих дел. Ряд телеграмм с фронта свидетельствует, что Сталин уже в то время обладал определенной реальной властью. Так, 15 ноября 1921 года Троцкий в телеграмме Сталину пишет: «Необходимо твердо и окончательно урегулировать вопрос о закавказских национальных бригадах и военных складах». Троцкий далее говорит о необходимости провести через Политбюро три решения в этой области. Это одна из редких телеграмм Троцкого Сталину — они старались как бы не замечать друг друга. Сталина возмущало, что Предреввоенсовета Республики разъезжал по фронтам в особом поезде в сопровождении одного, а то и двух бронепоездов, специального большого отряда затянутых в кожу молодых красноармейцев. Комфорт, с которым воевал Троцкий, был для Сталина вызывающим. Но где-то в душе он завидовал (и ненавидел одновременно) блестящей репутации председателя, его энергии, привлекательности для людей. Когда Троцкий публично заявлял: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни», Сталин не осуждал этой линии, в душе он был с ней согласен. В критических ситуациях он сам прибегал к этим мерам, да и не только он. 12 мая 1920 года член Реввоенсовета Юго-Западного фронта доносил:

«Предреввоенсовета Республики тов. Троцкому,

На фронте 14 армии были случаи позорного бегства частей во время наступления поляков. Отдан приказ расстреливать каждого десятого из бежавших.

Берзин».

К слову сказать, Председатель Реввоенсовета в деле репрессий подавал «пример». Вот, например, выдержка из приказа № 10 от 8 августа 1918 года:

«Всем, всем, всем...

В поезде Наркомвоена, где пишется этот приказ, заседает Военно-революционный трибунал, который снабжен неограниченными полномочиями. Назначенный мною начальник обороны железнодорожного пути Москва — Казань т. Каменьщиков распорядился о создании в Муроме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей, куда будут заключаться темные агитаторы (так в тексте. — Д. В.), контрреволюционные офицеры, саботажники, паразиты, спекулянты, кроме тех, которые будут расстреливаться на месте преступления или приговариваться трибуналом к другим мерам...

Председатель Революционного военного Совета Л. Троцкий».

Сталин не возражал против такой «революционной решительности», тем более что о ней Троцкий не раз «напоминал». Вот еще фрагмент из приказа № 18 Председателя Реввоенсовета:

«...Предупреждаю: если какая-либо часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар части, вторым — командир. Мужественные храбрые солдаты будут награждены по заслугам и поставлены на командные посты. Труссы, шкурники и предатели не уйдут от пули...»

Вандей гражданской войны жестока и к врагам, и к своим. Сталин это считал в порядке вещей и все больше убеждался в «универсальности», широких возможностях для достижения желанного результата методов насилия. Как вспоминал полковник царской армии Носович, бывший начальник оперативного отдела одной из армий Южного фронта (перебежавший затем к белым), Сталин не проявлял колебаний, если был уверен, что перед ним враги. Так, в Царицыне были арестованы инженер Алексеев, два его сына и несколько бывших офицеров, которых обвинили в причастности к контрреволюционной организации. Резолюция Сталина была лаконичной: «Расстрелять». Люди немедленно, без всякого суда, были расстреляны. Сталин глубоко уверовал в безотказность карательных средств, способных обеспечить нужный политический «результат».

На заседании ЦК РКП(б) 25 октября 1918 года среди других вопросов обсуждалось письмо Сталина о саботаже в деле снабжения 10-й армии. Сталин решительно настаивал отдать под суд военного трибунала командующего фронтом и членов Военного совета. Заседание ЦК, которое вел Свердлов, решило, однако, иначе: «Никого к судебной ответственности не привлекать, а поручить т. Аванесову произвести расследование и результаты доложить в ЦК».

Почувствовав силу, способность влиять на события, текущие процессы хотя и локального значения, но достаточно заметные, Сталин в ряде случаев начинает проявлять свой характер, который в будущем станет одним из источников многих бед. Будучи членом Реввоенсовета Южного фронта, Сталин разошелся во мнениях с членом Реввоенсовета Республики Смирной в отношении определения направления главного удара по войскам Деникина. В рассуждениях

Сталин был резок, груб, нетерпим. Для него было важно не просто настоять на своей точке зрения, но и одновременно унижить своего оппонента. Вместо терпеливого обсуждения с товарищами (ведь все они члены совета) плюсов и минусов тех или иных предложений занял непримиримую позицию, близкую к озлобленному неприятию других точек зрения. К слову сказать, В. И. Ленин через три года в одной из последних своих записок отметил проявление при решении важных дел озлобленности у Сталина. Но «озлобление вообще, — заметил Ленин, — играет в политике обычно самую худую роль». Сталин, если с ним не соглашались, спорили, на помощь призывал авторитет Центра, указания, директивы Москвы, выражал сомнения в благонадежности человека. Практически все, с кем у него были конфликты (а их было немало) в гражданскую войну, жестоко поплатились за это через два десятилетия. Сталин обладал злой памятью.

Свое несогласие он выразил рядом телеграмм и писем в Политбюро, Ленину, Главному С. С. Каменеву. В частности, в телеграмме от 14 ноября для Политбюро он в ультимативной форме потребовал принятия его плана наступления через Донбасс. Сталин требовал прекращения вмешательства Троцкого в дела фронта, отзывая С. И. Гусева с поста члена Реввоенсовета Республики и «немедленной отмены» прежнего плана борьбы с Деникиным. Политбюро, изучив все обстоятельства военно-политической ситуации, одобрило в своей директиве идею, предлагающуюся Серебряковым и Сталиным, — главный удар наносить через Курск, Харьков, Донбасс. Вместе с тем Политбюро записало в своих решениях о недопустимости Сталиным «подкреплять свои деловые требования ультиматумами и заявлениями об отставках». К слову сказать, Сталин еще не раз в своей политической жизни в начале двадцатых годов прибегнет к ультиматумам и дважды в 1924 году подаст в отставку с поста Генерального секретаря, но в обоих случаях его отставка не будет принята.

Будучи довольно длительное время членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта, Сталин достаточно быстро нашел общий язык с его командующим А. И. Егоровым, будущим Маршалом Советского Союза, крупным военачальником, который с ведома и одобрения Сталина во времена кровавой чистки будет репрессирован. Был даже эпизод, когда Сталин (редчайший случай!) заступился за сослуживца. За неудачи на фронте в Москве рассматривалось предложение Троцкого о замене А. И. Егорова на посту командующего фронтом. Спросили мнение Сталина. Оно оказалось весьма своеобразным.

«Москва, ЦК РКП, Троцкому.

Решительно возражаю против замены Егорова Уборевичем, который еще не созрел для такого поста, или Корком, который как комфронта не подходит. Крым проморгали Егоров и Главком вместе, ибо Главком был в Харькове за две недели до наступления Врангеля и уехал в Москву, не заметив разложения Крымской армии. Если уж так необходимо наказать кого-либо, нужно наказать обоих. Я считаю, что лучшего, чем Егоров, нам сейчас не найти. Следовало бы

заменить Главкома, который мечется между крайним оптимизмом и крайним пессимизмом, путается в ногах и путает комфронта, не умея дать ничего положительного.

14 июня 20 г.

Сталин».

Скорее всего Сталин защитил Егорова потому, что предложение исходило от Троцкого. А что касается тех, кто «проморгал Крым», то ведь здесь тоже был и Сталин. Уже в двадцатом году Сталин мог безапелляционно заявить о Главкоме: «путается в ногах». Моральная ущербность Сталина давно стала его жизненным атрибутом. По мере упрочения положения эта ущербность станет в будущем все более опасной и злобшей. Следя за этой эволюцией, иногда задаешься мыслью: а было ли у Сталина вообще уважение к нормам нравственности?

Со времен гражданской войны Сталин знал близко не только Егорова, но и многих других советских полководцев, рожденных революцией, — Тухачевского, Крыленко, Корка. После первых крупных успехов в борьбе с буржуазно-помещичьей Польшей войска Красной Армии, как известно, потерпели серьезную неудачу. Почти через двадцать лет Сталин вменит в вину Егорову, Тухачевскому, другим военачальникам «преступную медлительность, продиктованную предательскими замыслами». Ему и в голову не придет, что он как член Военного совета также полностью несет ответственность и за удачу, и за поражения.

Когда 2 августа 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение выделить крымский участок Юго-Западного фронта в самостоятельный Южный фронт, Сталин внес предложение передать Западному фронту 12-ю, 14-ю армии и 1-ю Конную. Быстро передачу осуществить не смогли, а 13 августа Егоров и Сталин донесли Главкому, что армии фронта уже втянуты в бои в районе Львов — Рава Русская и «изменение основных задач армиям в данных условиях осуществить невозможно».

Когда же Главком С. С. Каменев направил командованию Юго-Западного фронта новую директиву о передаче 12-й и 1-й Конной армий Западному фронту, Сталин отказался подписать директиву, подписал ее лишь член Военного совета Р. И. Берзин. Пока шли эти препирательства, увязки, согласования, время было упущено. Вывод 1-й Конной армии из сражения на Львовском направлении начался лишь 20 августа, и оказать помощь Западному фронту она не успела. Конечно, вина за стратегический просчет лежит на Реввоенсовете Республики, на Главкоме, командовании фронта. Но ведь еще 5 августа Сталин сам внес предложение о передаче трех армий Западному фронту, а в решающий момент затормозил дело, что имело тяжелые последствия. Никаких усилий по реализации собственного предложения, утвержденного в Москве, Сталин не приложил. Он в такой же мере виновен в крупной неудаче, как Троцкий, Тухачевский, Егоров, другие должностные лица. Но, естественно, Сталин и не думал признавать собственного просчета, у него уже тогда рождались задатки «непогрешимости».

Ленин еще раз показал, что в оценке любых ситуаций никогда нельзя отступать от правды. Анализируя истоки неудачи, В. И. Ленин говорил, что когда наши войска подошли к Варшаве, они «оказались настолько измученными, что у них не хватило сил одерживать победу дальше, а польские войска, поддерживаемые патриотическим подъемом в Варшаве, чувствуя себя в своей стране, нашли поддержку, нашли новую возможность идти вперед. Оказалось, что война дала возможность дойти почти до полного разгрома Польши, но в решительный момент у нас не хватило сил». Весьма характерно, что в последующем военные летописцы, подчеркивая «особые» заслуги Сталина в деле «перелома» на Южном, Восточном, Северо-Западном фронтах, никогда не вспоминали его роль в польской кампании.

Несмотря на большую загруженность, частые поездки, заседания, Сталин не прекращал своего участия в пропагандистской деятельности. В годы гражданской войны им опубликовано более трех десятков статей по различным вопросам борьбы с классовым врагом. Наиболее заметные среди них — «О Петроградском фронте», «К военному положению на юге», «Новый поход Антанты на Россию» — напечатаны в «Правде». По-прежнему статьи Сталина просты, бесхитростны, доступны и категоричны. Таковой его идеологическая продукция останется на всю жизнь.

Абстрагируясь от всего того, что Сталин еще совершит в будущем страшного, непростительного, и не считая его злодеем от рождения, нельзя отрицать определенных заслуг Сталина в гражданской войне. Но это заслуги «уполномоченного», человека для поручений. Никакого «решающего вклада», как стали писать позже, Сталин не вносил, хотя с самого начала революции он входил в высшие органы партий, был одним из тех, кто одновременно исполнял несколько должностей. Сталин был наркомом по делам национальностей, наркомом госконтроля, членом Реввоенсовета Республики, членом Военных советов ряда фронтов (поочередно), членом Совета труда и обороны. Постепенно, исподволь, особенно к исходу гражданской войны, положение Сталина окрепло, он стал одним из основных членов руководящего ядра партии.

Внимательный анализ деятельности Сталина в это время показывает, что он уступал многим партийным лидерам. Как теоретик, он был не больше чем популяризатор; не славился ораторским искусством, так важным в моменты исторических революционных потрясений; никто не мог о нем сказать, что это «душевный» «добрый» человек. Моральными качествами, которые принято относить к добродетелям, Сталин был явно обделен, но он имел нечто другое, чего не имели Зиновьев, Каменев, Троцкий, Рыков, Томский, Бухарин, другие вожди революции и молодого социалистического государства. Сталин неожиданно для многих проявил редкую целеустремленность и одержимость конкретной идеей. При достижении поставленных руководством целей его воля, твердость, решительность производили впечатление на людей, с которыми он работал. Нельзя не видеть, что Сталин

как руководитель сформировался в значительной мере в годы гражданской войны. Он почувствовал власть, понял ее механизм в центре и на местах, уверился в том, что нажим, давление, насилие в критические моменты способны дать желаемые результаты.

В среде руководителей партии немало товарищей было из интеллигенции, или, как однажды, уже в конце двадцатых годов, с сарказмом заметил Сталин, «были писателями». Он никогда публично не развивал эту тему прежде всего потому, что В. И. Ленин был тоже и «интеллигент», и «писатель», и «эмигрант». Но вес этого человека был столь велик, что Сталин, выдвинув позже концепцию «второго вождя», который был всегда «рядом с Лениным», не допускал каких-либо прямых личных выпадов против действительного, бесспорного вождя партии и революции. Когда Ленин критиковал Сталина (по вопросу «автономизации», монополии внешней торговли, фронтовым делам, другим), тот всегда обычно быстро соглашался с ленинскими доводами. Духовная, интеллектуальная «власть» Ленина над Сталиным была полной.

Кто знает, не подстереги так рано смертельная болезнь Владимира Ильича, как дальше пошло бы становление Сталина как руководителя «второго-третьего» ряда? На одном из партийных или советских постов? Кто знает, хотя для всех нас, теперь уже много знающих об этом человеке, сама мысль о Сталине — руководителе любого масштаба — отзывается болью и протестом.

Самое редкое мужество —
это мужество мысли...

— А. Франс

Глава вторая

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ВОЖДЯ

Мог ли кто предположить по окончании гражданской войны, что в плеяде русских революционеров — соратников Ленина находится и тот, кто станет его преемником, не будучи талантливее, умнее, ярче других? Мог ли сам Сталин даже думать при жизни Ленина, что именно он станет во главе партии, а фактически и всего народа? Мог ли кто-нибудь тогда сказать, что стечение объективных обстоятельств, состоявшихся решений, исторических случайностей вынесет Сталина на самый высокий гребень власти в гигантском государстве? Едва ли. Скорее всего и сам Сталин, пока Ленин был здоров, думал лишь о том, чтобы не выпадать из общей, весьма высокой по своему интеллектуальному и нравственному уровню когорты его соратников.

Ленин редко жаловался на здоровье. Он был крепishим, способным выдерживать колоссальные физические и духовные нагрузки. Достаточно мысленно представить, сколько Ленин написал (сам, без обязательных теперь помощников и референтов) глубоких

вещей только в годы революции и гражданской войны! И это при том, что на его плечах лежала колоссальная ответственность за судьбы самой революции, ее настоящего и будущего. Пока Ленин был здоров, вопрос о его соратниках, окружении никогда не вставал в плоскости возможных преемников, «наследователей» его роли. Но как только в конце 1921 года появились первые признаки нечеловеческого переутомления, а затем и болезни, все большее количество людей невольно стало обращать внимание на тех, кто рядом с Лениным...

«Первые слухи о болезни Ленина, — вспоминала Н. И. Седова, — передавались шепотом. Никто как будто никогда не думал о том, что Ленин может заболеть. Многим было известно, что Ленин зорко следил за здоровьем других, но сам, казалось, не был подвержен болезни. Почти у всего старшего поколения революционеров сдавало сердце, уставшее слишком от большой нагрузки. Моторы дают перебой почти у всех, жаловались врачи. «Есть только два исправных сердца, — говорил профессор Гетье. — Это сердца у Владимира Ильича и Троцкого». Как писали потом в «Известиях» известные профессора Ферстер, Осипов, Абрикосов, Фельдберг, Вейсброд, Дешин и наркомздрав Семашко, «начало болезни В. И. Ленина относится к концу 1921 года; точное время начала болезни определить трудно, т. к. по всем данным она развивалась медленно и постепенно подтачивала его могучий организм в расцвете его деятельности, причем сам Владимир Ильич не обращал на свою болезнь должного внимания. В марте 1922 года врачи, исследовавшие Владимира Ильича, еще не могли обнаружить никаких органических поражений ни со стороны его нервной системы, ни со стороны внутренних органов вообще, но ввиду сильных головных болей и явлений переутомления ему было предложено отдохнуть в течение нескольких месяцев, вследствие чего он переехал в «Горки». Однако скоро вслед за этим, в начале мая, обнаружились первые признаки органического поражения мозга. Первый приступ выразился общей слабостью, утратой речи и резким ослаблением движения правых конечностей... Благодаря сильному организму и заботливому уходу окружающих в июле уже наступило существенное улучшение, настолько закрепившееся в августе и сентябре, что в октябре Владимир Ильич вернулся к своей деятельности, хотя и не в прежнем размере. В ноябре он произнес три большие программные речи».

По нынешним меркам Ленин был еще молод. С момента возвращения в Россию в апреле 1917 года Ленин практически не отдыхал. Будучи уже больным, рассказывают его секретари, он как-то заметил, что лишь дважды «отдохнул» за все эти годы. Первый раз, скрываясь в Разливе от ищек Временного правительства (но мы-то знаем, что за это время им был создан крупный труд «Государство и революция»); второй — по «милости» Фанни Каплан, стрелявшей во Владимира Ильича. Работал он по четырнадцать — шестнадцать часов в сутки.

Ленин, почувствовав первые сигналы серьезного недуга, понимал, что в его отсутствие, возможно, про-

изойдет нечто такое, что способно привести к расколу в партийном руководстве. Думается, уже в конце 1921 года Владимир Ильич попытался по-особенному взглянуть на своих соратников. Может быть, уже тогда у него впервые родилась идея «Завещания». В ноябре 1922 года, словно предчувствуя новые приступы жестокой болезни, Владимир Ильич, передавая библиотекарю Ш. М. Манучарьянц просмотренные книги, особенно просит оставить у него книгу Ф. Энгельса «Политическое завещание (Из неопубликованных писем)». На обложке пишет: «Сохранить на полке. 30.11.1922. Ленин».

Менее чем через месяц, едва оправившись от тяжелого приступа в ночь на 26 декабря, Ленин продиктует Л. А. Фотевой третью часть «Письма к съезду». Именно оно, это письмо, свидетельствует, что, несмотря на боли и страдания, тревоги сегодняшнего бытия, Ленин все время думал о грядущем, о том, что будет после него. Ленин был вождем без официального статуса, в силу исключительных интеллектуальных и нравственных качеств. Кто же был рядом с ним? Почему они оказались на гребне революции? Как выглядел Сталин в плеяде ленинских соратников? Попытаемся ответить на эти вопросы.

ПЛЕЯДА СОРАТНИКОВ

Фактическим мозгом страны на рубеже двадцатых годов стал Центральный Комитет партии, возглавляемый Лениным. В то время его численный состав был небольшим. Например, X съезд избрал ЦК в составе 25 членов и 15 кандидатов, незначительно увеличился ЦК и на XI съезде, последнем, которым непосредственно руководил В. И. Ленин, — 27 членов и 19 кандидатов. Пленумы Центрального Комитета проводились при жизни Ленина обычно один раз в два месяца. В составе ЦК сложилось ядро, главным образом из московских товарищей, на долю которых выпадала основная тяжесть текущей работы, решение хозяйственных вопросов и военного строительства, налаживание тесных отношений с национальными отрядами партии и определение курса по отношению, допустим, к «децистам», «рабочей оппозиции», реализации лэповской политики и т. д. При этом некоторые члены этого, как бы теперь сказали, «неформального», не «институционного» ядра сами часто примыкали к тем или иным группировкам, «платформам», фракциям. Все было вновь: партия стала правой, ее власть реальной. Поэтому от политических позиций, моральных качеств, профессионализма руководящих работников ядра зависело очень многое.

Ленин был единственным членом ЦК, которого на всех послевоенных съездах — X, XI и XII (хотя на нем он не присутствовал) — избирали единогласно! Его влияние, опыт, теоретические труды, вся линия поведения были уникальны по мощи своего воздействия на Центральный Комитет партии и его руководящее ядро. Особенно это все остро почувствовали, когда Ленин заболел.

Сталин, выступая с организационным отчетом на

XII съезде партии 17 апреля 1923 года, подчеркнул: «Внутри ЦК имеется ядро в 10—15 человек, которые до того наловчились в деле руководства политической и хозяйственной работой наших органов, что рискуют превратиться в своего рода жрецов по руководству. Это может быть и хорошо, но это имеет и очень опасную сторону: эти товарищи, набравшись большого опыта по руководству, могут заразиться сомнением, замкнуться в самих себе и оторваться от работы в массах... Если они не имеют вокруг себя нового поколения будущих руководителей, тесно связанных с работой на местах, то эти высококвалифицированные люди имеют все шансы закостенеть и оторваться от масс». Так говорил Сталин при жизни Ленина. Все содержание этой части доклада пронизано ленинской идеей постоянного обновления руководящего ядра. Через полтора десятка лет эволюция взглядов Сталина приведет его к совершенно другим выводам, хотя даже в 37—38-м годах он часто на словах будет говорить одно, а поступать полярно противоположно. Но тогда, в начале двадцатых, разрыва слова и дела у него еще не просматривалось. В докладе на съезде, развивая мысль о руководящем ядре партии, по сути, соратников и учеников Ленина, Сталин сформулировал свою мысль следующим образом: «Ядро внутри ЦК, которое наводрилось в деле руководства, становится старым, ему нужна смена. Вам известно состояние здоровья Владимира Ильича; вы знаете, что и остальные члены основного ядра ЦК достаточно поизносились. А новой смены еще нет — вот в чем беда. Создавать руководителей партии очень трудно: для этого нужны годы, 5—10 лет, больше 10 лет; гораздо легче завоевать ту или другую страну при помощи кавалерии тов. Буденного, чем выковать 2—3 руководителей из низов, могущих в будущем действительно стать руководителями страны».

Можно, видимо, согласиться с выводами Сталина о необходимости постоянного обновления состава ЦК. Но каким же он, этот состав, был тогда молодым по нынешним меркам! Ленин, которому едва перевалило за пятьдесят, был самым «старым»! Не случайно порой соратники между собою называли его Стариком. Основная группа членов ЦК — это сорокалетние революционеры. Возраст, который еще древние греки называли периодом акме — счастливым венцом жизни, ибо считалось, что именно к сорока годам достигается гармония умственных и физических сил, пора наивысшего расцвета.

Прежде чем рассмотреть штрихи к портрету некоторых соратников Ленина, бросим им всем без исключения запоздалый и бесполезный теперь уже упрек. Он краток: соратники не берегли Ленина. Они его любили, ценили, уважали, но... не берегли. Посмотрите, чем занимался Ленин в обычные дни своей работы. Конечно, все главные, кардинальные решения проходили через его руки. Однако рядом было так много такого, что уже тогда называлось «мелочечкой», «вермишелью», «текучкой». Ленин занимается вопросами подвоза топлива в Иваново-Вознесенск, ведет переписку с членом коллегии Наркомтруда А. М. Аникстом о снабжении шахтеров одеждой, за-

нимается вопросом изготовления динамо-машин; пишет проекты десятков текущих документов, постановлений, торговых договоров; занимается решением вопроса о распределении пайков; рецензирует по просьбе товарищей книги и брошюры; выясняет вопросы, поднятые в письме к нему инженером П. А. Козьминым об использовании ветряных двигателей для освещения деревни...

Конечно, все эти вопросы важны. Их решение Лениным навсегда вошло в историю как поразительный пример глубокой, конкретной, непосредственной работы высокого руководителя.

Но почему же все-таки соратники не освободили Ленина от решения этих и многих других текущих вопросов? Тот же Троцкий регулярно выезжал на рыбалку и охоту, на отдых в Подмосковье, брал отпуска для написания своих трудов, Сталин, не жалевший себя на работе, ведавший организационными вопросами в ЦК, тоже не искал путей, чтобы радикально разгрузить вождя революции от многих текущих, часто рутинных дел. Бывало даже наоборот. Когда Ленин еще не оправился от приступов болезни, Сталин, например, 28 июля 1922 года советовал ему принять для беседы корреспондента. Ленин был вынужден отказать. Хотя позже, когда в декабре 1922 года Пленум ЦК возложил специальным постановлением на Сталина персональную ответственность за соблюдение режима, установленного врачами для Ленина, он сочтет допустимым угрожать Н. К. Крупской за его «нарушение».

С определенной степенью точности можно сказать, что в руководящее ядро партии, состоявшее из плеяды соратников В. И. Ленина, в начале двадцатых годов входили следующие товарищи: Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, Г. Е. Зиновьев, М. И. Калинин, Л. Б. Каменев, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе, Я. Э. Рудзутак, А. И. Рыков, И. В. Сталин, Я. М. Свердлов, Л. Д. Троцкий, М. В. Фрунзе. Возможно, также стоит причислить к ядру Молотова, Пятакова, Петровского, Радека, Смильгу, Томского. Конечно, это были люди с самой разной революционной судьбой, образованием, различными личными симпатиями и антипатиями. Почти половина из ближайших ленинских соратников провела годы в эмиграции, участвовала в многочисленных социал-демократических, социалистических и просто гуманитарно-культурных конференциях, конгрессах, совещаниях. Сталин выпадал из этой «обоймы». Судьба сформировала Сталина не столько как революционера, сколько как функционера идеи, исполнителя директив и «линий». Сталин раньше, чем кто-либо другой в ленинском окружении, понял и почувствовал возможности аппарата, его силу. Большинство же тех, кто входил в ленинскую когорту, явно недооценивали роль безличных структур власти. У Сталина исподволь складывалось свое отношение к каждому члену руководящего ядра. Эти люди, которые, по словам Сталина, «наострились в деле руководства», были очень разными.

Сталин, например, первое время чувствовал себя весьма неуверенно, сталкиваясь с красноречием Троц-

кого, его высокомерием, самомнением. Но позже он поймет, что это порой человек позы, фразы, красивого слова. В революции и гражданской войне Троцкий «блеснул» — качества трибуна ему очень помогли. Пришла широкая популярность, появились сторонники. Нашлись люди, которые видели в нем не просто «второго» человека, но и будущего лидера партии. Троцкий являл собой человека, у которого самая сильная сторона заключалась не в организаторском таланте, а в ораторских способностях. Благодаря им Троцкий мог вести за собой людей, зажигать их на фронтах гражданской войны, искусно подогревая свою популярность. Но когда пришла пора монотонных будней, стал быстро «линять», тускнеть. Для Троцкого главное — лозунг, трибуна, эффектный жест, а не черновая работа. Будущий генсек, пожалуй, раньше многих разглядел и сильные, и бутафорские грани этого человека. Сталин, учитывая большую популярность Троцкого, на первых порах хотел установить с ним если не дружеские, то хотя бы лояльные отношения. Был даже эпизод, когда Сталин пытался наладить более тесные отношения с Троцким при помощи Ленина. Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма Владимира Ильича Троцкому 23 октября 1918 года. В ней излагалась беседа Ленина со Сталиным, оценки членом Военного совета положения в Царицыне и желание более активно сотрудничать с Реввоенсоветом Республики. В конце телеграммы Троцкому Ленин писал:

«Сообщая вам, Лев Давидович, обо всех этих заявлениях Сталина, я прошу Вас обдумать их и ответить, во-первых, согласны ли Вы объясниться лично со Сталиным, для чего он согласен приехать, а во-вторых, считаете ли Вы возможным, на известных конкретных условиях, устранить прежние трения и наладить совместную работу, чего так желает Сталин. Что же меня касается, то я полагаю, что необходимо приложить все усилия для налаживания совместной работы со Сталиным».

Однако из этого ничего не получилось. Троцкий не скрывал своего высокомерного отношения к человеку, интеллектуальный уровень которого, по его мнению, во многом был ниже, чем у него. Сам Троцкий пишет о Сталине так: «При огромной и завистливой амбициозности он не мог не чувствовать на каждом шагу своей интеллектуальной и моральной второсортности. Он пытался, видимо, сблизиться со мной. Только позже я отдал себе отчет в его попытках создать нечто вроде фамильярности отношений. Но он отталкивал меня теми чертами, которые составили впоследствии его силу на волне упадка: узостью интересов, эмпиризмом, психологической грубостью и особым цинизмом провинциала, которого марксизм освободил от многих предрассудков, не заменив их, однако, насквозь продуманным и перешедшим в психологию миросозерцанием». Сталин в нескольких выступлениях высоко отзывался о роли Троцкого в революции и гражданской войне, но это абсолютно не изменило его холодного отношения к нему.

Интересные характеристики членов ядра ЦК со-
держатся в «Революционных силуэтах» А. Луначар-

ского, вышедших в 1923 году, в «Портретах и памфлетах» К. Радека, в книгах и статьях Н. Дуделя, М. Орахелашвили, Н. Подвойского, М. Рошала, В. Бонч-Бруевича, А. Слепкова, И. Левина. В этих работах, как и многих других, раскрывается облик ленинских соратников, портреты тех, кто пришел с Лениным в революцию, кто победил в ней и приступил к созданию первого в мире социалистического государства.

Заметное место среди этой плеяды занимали Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев. В историю они вошли своеобразным «дуэтом». Были близки по взглядам друг другу, почти никогда не полемизировали между собой, как правило, придерживались одинаковых позиций. Лидером в этом тандеме всегда был Зиновьев (Г. Е. Радомысльский), долго занимавший видное положение в партии. В его бурной политической карьере были высокие взлеты и оглушительные падения. Вступив в партию еще в 1901 году, Зиновьев долгие годы провел в эмиграции, занимаясь литературным трудом. В дни Октябрьского восстания и Зиновьев, и Каменев, как известно, здорово подмочили свою революционную репутацию. В. И. Ленин позже напишет, что «октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью».

Апогеем политической деятельности Зиновьева было пребывание, в течение почти семи лет на посту председателя Исполкома Коминтерна. Его перу принадлежит множество статей, которые он активно пытался издавать отдельными сборниками, брошюрами и даже в специальном собрании сочинений. Вот образчик стиля Зиновьева: «Идущий к своей победе международный пролетариат в лице своих отдельных отрядов еще не раз и не два собьется с пути и, обливаясь кровью, будет искать новую дорогу. Разгромленный в первой мировой империалистической войне, распятый и обманутый лжевождями из Второго Интернационала, международный пролетариат еще не освободился от кошмарного ощущения бездорожья».

Многие свои лучшие качества Зиновьев отшлифовал, долгое время близко общаясь с Лениным еще со времени эмиграции. А. Луначарский в своих «Революционных силуэтах» идет особенно далеко в оценке роли Зиновьева. Он считал, что Зиновьев был одной из опор Ленина, что именно он «из тех 4—5 человек, которые представляют по преимуществу политический мозг партии». Луначарский пишет, что все считали Зиновьева «ближайшим помощником и доверенным лицом Ленина».

Зиновьев был великолепным оратором, широко известен партии, клокотал вулканической энергией, но в его настроениях были частые перепады. То необузданный оптимизм, то уныние — вплоть до упадка или «холодной» истерики. Его нужно было постоянно взбадривать, «заводить». Долгое время он относился к Сталину снисходительно, даже высокомерно. Несколько раз, правда, беззлобно, где-то в начале двадцатых годов Зиновьев подтрунивал над стилем сталинских статей, страдающих тавтологией и сухостью. Некоторые из его многочисленных статей весьма содержательны. Например, статья «Из первых боев за

ленинизм», в которой Зиновьев тонко, аргументированно показывает несостоятельность претензий Троцкого на особое положение в партии.

Будучи руководителем Петроградской партийной организации, Зиновьев в свое время пытался проявить твердость и даже диктаторские замашки, хотя в момент приближения Юденича к колыбели революции откровенно растерялся. И эту растерянность заметил тогда И. В. Сталин, мысленно оценивший Зиновьева как «хлюпика», часто проявлявшего тем не менее тщеславие и обостренное честолюбие. До смерти Ленина Сталин старался поддерживать с Зиновьевым и Каменевым почти дружеские отношения. Когда В. И. Ленин проводил в начале ноября 1922 года узкое совещание в составе Зиновьева, Каменева, Сталина, вполне могло сложиться впечатление, что эта «тройка» очень сплочена, дружна и едина. Но так могло казаться только какое-то время — у каждого из троицы важное место занимали и личные амбициозные планы. Кто мог знать, что именно по инициативе Сталина Зиновьев будет дважды исключен из партии и затем восстановлен и что в третий раз, в 1934 году, исключение будет означать скорую гибель. Впрочем, точно такая же судьба ожидала и другую половину «дуэта» — Каменева.

Зиновьев считался одним из лучших ораторов партии. Не случайно на XII и XIII партийных съездах ЦК в отсутствие Ленина именно ему поручал делать основные, политические отчеты. Зиновьев был одним из тех, кто одобрял наличие ядра в политическом руководстве. Выступая в 1925 году на XIV съезде партии, Зиновьев говорил: «Владимир Ильич хворал... мы должны были первый съезд проводить без него (XII съезд. — Д. В.). Вы знаете, что были разговоры о сложившемся ядре в Центральном Комитете нашей партии, что XII съезд молчаливо сошелся на том, что это ядро и будет вести, конечно, при полной поддержке всего Центрального Комитета нашу партию, пока встанет Ильич».

Зиновьев долго считался (как и Каменев) одним из близких друзей Сталина. Когда его в 1926 году вывели из состава Политбюро, Зиновьев полагал, что это ненадолго. Накануне нового, 1927 года они с Каменевым, захватив бутылку коньяка и шампанское, неожиданно явились на квартиру Сталина, благо жили близко друг от друга. Казалось, «мировая» достигнута. Говорили на «ты», вспоминали былое, друзей, но не говорили о деле. Коба был хлебосольным, тепло принял старых «друзей», разговаривал просто, душевно, как будто не он в июле и октябре добился их ухода из Политбюро. «Дуэт» ушел окрыленным, однако Сталин уже давно решил, что эти люди, так много знавшие о нем, больше генеральному секретарю не нужны.

Будет еще один случай, когда они придут (нет, их приведут!) к Сталину вместе. В 1936 году они оба уже сидели в тюрьме, написали письма «вождю», и тот вдруг откликнулся. Бывшие соратники Ленина, бывшие члены Политбюро, не без оснований рассчитывавшие на высокое положение в партии и государстве после смерти Владимира Ильича, войдут в кабинет

человека, которого они когда-то так недооценили. Кроме Сталина, там были Ворошилов и Ежов. Поздоровались. Сталин не ответил, как, впрочем, не последовало и приглашения сесть. Расхаживая по кабинету, Сталин предложил сделку: вина их доказана, на новом суде могут приговорить к «высшей мере». Но он помнит их прошлые заслуги. (Наверное, у Зиновьева и Каменева при этих словах что-то дрогнуло внутри.) Если они на процессе все признают, особенно непосредственное руководство их подрывной деятельностью со стороны Троцкого, он спасет их жизни. Постарается спасти. А затем добьется, чтобы их и освободили. Решайте. Так нужно для дела... Наступило долгое молчание. Зиновьев, более податливый и слабый, негромко скажет: «Хорошо, мы согласны». Он привык решать и за Каменева. Через два месяца их расстреляют.

Вот что рассказывал мне в Сибири в 1947 году один заключенный, которого, помню, звали Борисом Семеновичем. Сам он «сел» в тридцать восьмом году, до этого работал в «органах» в той тюрьме, где сидели бывшие соратники Сталина. Он и сопровождал их на последнее «свидание» к нему. Когда ночью пришли за Зиновьевым и Каменевым, то вели они себя по-разному. Они оба написали Сталину не одно прошение о помиловании и, видимо, надеялись на милость (ведь обещал же!), но тут почувствовали, что это конец. Каменев молча шел по коридору, нервно пожимая ладони. Зиновьев забился в истерику, и его вынесли. Менее чем через час они перешагнули через роковую линию. Они, как никто другой, укрепили позиции Кобы. Плата за «услуги» — их жизнь.

Л. Б. Каменева (Розенфельда) Сталин знал ближе по ссылке в Туруханском крае, о которой мы уже говорили. Сталин еще тогда отметил в нем хорошую эрудицию и какую-то импульсивность: способность быстро приходить к определенным решениям, но так же быстро и отказываться от них. На отношение Сталина к Каменеву сильно влияло то обстоятельство, что тот был заместителем Ленина в Совнаркоме (наряду с должностью председателя Моссовета) и часто вел пленумы, заседания Совнаркома, неоднократно председательствовал на партийных съездах. Еще при Ленине Каменев, как правило, председательствовал на заседаниях Политбюро. Хотя Зиновьев и Каменев были заметными ораторами и публицистами, эти люди были без твердого «стержня», способны в критическую минуту, в переломный момент сделать зигзаг в своем поведении, осуществить маневр, преследующий прежде всего личные цели. К сожалению, свою борьбу со Сталиным они, хотели того или нет, перенесли в сферу аппарата, партийной машины, но уже тогда у них в этой области шансов на успех было мало, хотя оба руководителя обладали незаурядными способностями, высокой интеллигентностью, настойчивостью в достижении цели.

Ленин, зная о слабостях Зиновьева и Каменева, тем не менее активно на них опирался. Особенно это относится к Каменеву, который неоднократно выполнял многие личные поручения Ленина. Было известно, что Каменев хорош для переговоров, улаживания

различных щекотливых дел в партийной среде. Каменев был менее популярен, чем Зиновьев, однако более основателен, более интеллигентен. У него были свои идеи, он был способен на достаточно глубокие теоретические обобщения, был смел и решителен. В историю войдут слова, которые Лев Борисович Каменев произнес 21 декабря 1925 года (как раз в день рождения Сталина), выступая на XIV съезде партии:

«Мы против того, чтобы создавать теорию «вождя», мы против того, чтобы делать «вождя». Мы против того, чтобы Секретариат, фактически объединяя и политику и организацию, стоял над политическим органом. Мы за то, чтобы внутри наша верхушка была организована таким образом, чтобы было действительно полновластное Политбюро, объединяющее всех политиков нашей партии, и вместе с тем, чтобы был подчиненный ему и технически выполняющий его постановления Секретариат... Лично я полагаю, что наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб... Именно потому, что я неоднократно говорил это т. Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба. Эту часть своей речи я начал словами: мы против теории единоличия, мы против того, чтобы создавать вождя!»

Это были мужественные слова. Более того, из публично сказанного против единовластия Сталина, которое тогда еще только-только начинало проглядываться, это были самые вещные слова предупреждения. За одно это Каменев заслуживает уважения. Урок мужества мысли, который преподавал партии В. И. Ленин, он усвоил, похоже, лучше других. Но почему же тогда «группа товарищей-ленинцев», как их назвал Каменев, не поддержала трезвые, пророческие предложения одного из членов руководящего ядра? В этом виноваты не только «товарищи-ленинцы», близоруко оценившие ситуацию, но и сам Каменев. Его беспринципные шараханья в борьбе со Сталиным то к Троцкому, то от него создали впечатление (недалекое от истины), что движущие мотивы его поведения были в значительной мере связаны с личными амбициями. Каменеву не суждено было стать той личностью, которая «остановила» бы Сталина. Вместо ослабления Сталина произошло укрепление его позиций: ведь Каменев «атаковал» генсека, будучи «опозиционером».

Между Троцким, Зиновьевым и Каменевым отношения были сложные. Несмотря на то, что Каменев был зятем Троцкого, близких связей между ними, по существу, не было. Все дело в том, что и Троцкий, и Зиновьев претендовали на лидерство в партии, особенно тогда, когда выяснилось, что ситуация со зловредом у вождя опасная. Троцкий, написавший свои сенсационные «Уроки Октября», в самом неприглядном свете показал роль Зиновьева и Каменева в революции. Последние, как известно, потребовали выведения автора «Уроков» из Политбюро и исключения

из партии. Но Сталин был еще не тот, каким он станет в конце двадцатых — тридцатых годах. На XIV съезде партии он скажет по этому поводу, что ЦК ограничил снятием Троцкого с поста наркомвоен. «Мы не согласились с Зиновьевым и Каменевым потому, что знали, что политика отсечения чревата большими опасностями для партии, что метод отсечения, метод лускания крови — а они требовали крови — опасен, заразителен: сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего, — что же у нас останется в партии?»

Эти слова Сталина съезд встретил аплодисментами, а через три-четыре минуты после их, продолжая свое заключительное слово, Сталин скажет в связи с запрещением издания журнала «Большевик» в Ленинграде: «Мы не либералы. Для нас интересы партии выше формального демократизма. Да, мы запретили выход фракционного органа и подобные вещи будем и впредь запрещать». Эти слова были встречены уже бурными аплодисментами. Делегатам нравились твердость и решительность Сталина. Знали ли они, что пройдет не так уж много времени, и Сталин созреет для «метода отсечения», и на гильотину беззакония взойдут очень многие из них?! А от революционной демократии едва ли что останется, кроме формальных атрибутов...

Забегим немного вперед. Когда Каменев, выброшенный из руководящей обоймы, стал директором Института мировой литературы, Сталин во время очередного доклада Ягоды бросил:

— Посматривайте за Каменевым... Думаю, что он связан с Рютиным. Лев Борисович не из тех, кто быстро сдаётся. Я его знаю больше двадцати лет. Это враг...

И Ягода «посматривал». В 1934 году Каменева арестовали, судили, дали пять лет. Вскоре вновь судили — срок увеличили до восьми лет. Через полтора года поставили точку. Вечную.

Выполняя свои обязанности, Сталин внимательно приглядывался прежде всего к членам Политбюро, другим авторитетным товарищам из ЦК. Для себя он отметил, что самую влиятельную часть ядра составили те, кого он про себя называл «писателями». Так он именовал бывших эмигрантов. Он не мог не отметить, что все они отличались большим интеллектом, теоретической подготовленностью, высокой общей эрудицией. Это вызывало у Сталина внутреннее раздражение: «Пока мы тут готовили революцию, они там читали да писали...»

Однажды он сказал об этом почти открыто. Когда одного товарища утверждали уполномоченным ЦК при губкоме, выяснилось, что он едва умеет читать и писать. Но Сталин бросил на весы решения свое мнение:

— За границей не был, где же ему было выучиться!.. Справится.

В ленинском окружении было немало выдающихся лиц. Сталин мог заметить, что Бухарин, Рыков, Томский хотя и не составляют какой-то особой группы, весьма тяготеют к экономическим, хозяйственным, промышленным вопросам. Это были хорошие эконо-

мисты, «технократы». К сожалению, позже, в 30-е годы, да и десятилетия спустя после Великой Отечественной войны такого рода деятелями практически не находилось места в верхних эшелонах власти. Их места, как правило, занимали администраторы-бюрократы типа Кагановича и Маленкова. Впрочем, при директивно-командном стиле работы крупные экономисты, такие, как Вознесенский, и не были нужны.

В этой троице (Бухарин, Рыков, Томский), конечно, выделялся Бухарин. Уже в его первой книге «Политическая экономия рантье» чувствовалась глубина проникновения в генезис хозяйственных отношений. В 1920 году появился первый том «Экономики», в которой Бухарин намеревался раскрыть процесс трансформации капиталистической экономики в экономику социалистическую. Захваченный вихрями борьбы, меняющихся обстоятельств, Бухарин так и не написал второго тома. В «Экономике» он утверждал, что «капитализм не строили, а он строился. Социализм, как организованную систему, мы строим. Самое главное для нас — найти равновесие между всеми элементами системы». Сталин, обладавший лишь примитивными, начальными экономическими знаниями, внимательно присматривался к Бухарину.

Особых осложнений в отношениях между ними в то время не было: ведь Николай Иванович был покладистый, «мягкий интеллигент». Порой складывалось впечатление, что Сталин и Бухарин близкие друзья, да и жили они в Кремле в соседних квартирах. Вскоре будущий генсек понял, что у Бухарина нет амбициозных планов. Бухарин считал, что при всей колоссальной значимости Ленина для революции, партии ее высший орган — Центральный Комитет. Ему были непонятны и неприятны борьба за лидерство, трения, начавшие проявляться между отдельными членами Политбюро. Не случайно, что довольно долго он старался не занимать определенной позиции по поддержке то ли «триумvirата», то ли Троцкого. Его выступления в дискуссиях и речи впоследствии Троцкий назвал «странным миротворчеством». Думается, несостоявшийся лидер не прав: Бухарин превыше всего ценил авторитет Ленина, хотя часто и жарко с ним спорил, и коллективное мнение Политбюро.

К Рыкову Сталин всегда относился настороженно. Не только потому, что тот после смерти Ленина заменил его на посту Председателя Совнаркома. Рыков был исключительно прямой, откровенный человек. Благодаря таким чертам характера Рыкову не всегда удавалось устанавливать с сослуживцами хорошие отношения. Например, известен случай, когда И. Т. Смилга направил жалобу в ЦК РКП(б), в которой просил освободить его от должности заместителя Председателя ВСНХ и начальника Главтопа ввиду невозможности сработать с А. И. Рыковым. Ленин, ознакомившись с письмом Смилга, пишет записку Сталину, в которой рекомендует пока воздержаться от освобождения Смилга, полагая, видимо, что отношения между партийцами могут и должны быть улажены.

Рыков обычно говорил в лицо то, что думал.

И писал так же. В 1922 году он написал работу «Хозяйственное положение страны и выводы о дальнейшей работе». По существу, Алексей Иванович выступил в поддержку нэпа, против попыток решить экономические проблемы путем директивных методов. С именем Рыкова связаны ГОЭЛРО, Днепрострой, Турксиб, рост кооперативного движения, первый пятилетний план, другие памятные «заделы» социалистического государства. Именно Рыков пытался в последующем убеждать Сталина и его сторонников, что социализм должен совершенствоваться, развивать товарно-денежные отношения, не ограничивать хозяйственную самостоятельность непосредственных производителей. Увы, разговор шел словно на разных языках...

Уже когда Сталин в конце двадцатых годов имел большой политический вес, Рыков однажды после обсуждения очередных директив по коллективизации бросил ему в лицо: «Ваша политика экономикой и не пахнет!» Генсек остался невозмутимым, но реплики не забыл. Сталин вообще ничего не забывал: его холодная компьютерная память цепко держала в своих ячеях тысячи имен, фактов, событий. Он не забыл и того, что Ленин очень ценил Рыкова, — в сочинениях вождя фамилия Рыкова упоминается 198 раз, не многим меньше, чем Сталина. Будучи Предсовнаркомом СССР, с 1926 года Рыков возглавляет Совет труда и обороны, комитет по науке и содействию развития научной мысли. Сталин не забыл, как Рыков, выступая в марте 1922 года на Пленуме Моссовета, сказал, что недопустимо вновь скатываться к методам «военного коммунизма», подверг резкой критике тех, кто нападал на нэп, назвав эти наскоки «необычайно вредными и опасными», требовал отказаться от методов насилия в деревне, где нужно, по его словам, соблюдать «революционную законность». Когда спустя много лет А. И. Рыков в последний раз в своей жизни выступит на Пленуме ЦК, отвергая чудовищные обвинения в шпионаже, диверсиях, терроре, Сталин почему-то вспомнит, что партийный псевдоним Рыкова в подполье был — Власов... И еще: Рыков вошел в первое Советское правительство в качестве наркома внутренних дел. Но через несколько дней, совершив ошибку, подал в отставку в знак протеста против того, что все правительство было не коалиционным, а большевистским. Сталин злорадно усмехнулся: «Всегда такой был».

Бухарина и Рыкова как-то особенно волновала судьба русского крестьянства, в то время как Троцкий (да и Сталин в душе с ним соглашался) считал, что «это — материал для революционных преобразований». Нельзя было не видеть, сколь большой популярностью в народе пользовались Бухарин и Рыков. Они ходили без охраны, были очень доступны, отзывчивы. Простые люди всегда эти качества руководителей высоко ценят. Сталин же эту простоту и доступность называл «заигрыванием с народом». Даже естественное поведение порядочного человека для него было подозрительным.

Так же с недоверием Сталин всегда относился к М. П. Томскому (Ефремову). Участник трех револю-

ций, видный профсоюзный работник умел отстоять свою точку зрения. Сталин долго терпел этого «друга Рыкова», пока не ввел в Президиум ВЦИПС Кагановича и Шверника, которые «вытеснили» из Президиума его председателя. Когда 22 августа 1936 года на даче в Болшеве Томский покончил жизнь самоубийством, Сталин сказал:

— Его самоубийство — подтверждение вины перед партией...

Но мы сегодня знаем, что все было наоборот — то была крайняя форма протеста.

Заметное место в ядре партии занимали Ф. Э. Дзержинский и М. В. Фрунзе. Бухарин называл Дзержинского «пролетарским якобинцем». Это был один из старейших членов партии и организаторов социал-демократии Польши и Литвы. К. Радек, оценивая позже роль Дзержинского, отмечал: «Враги наши создали целую легенду о всевидящих глазах ЧК, о всеслышащих ушах ЧК, о вездесущем Дзержинском. Они представляли ЧК в качестве какой-то громадной армии, охватывающей всю страну, просовывающей свои щупальца в их собственный стан. Они не понимали, в чем сила Дзержинского. А она была в том, в чем состояла сила большевистской партии, — в полнейшем доверии рабочих масс и бедноты». У Сталина были хорошие отношения с Дзержинским, особенно после ряда совместных выездов с ним на фронты в годы гражданской войны. Скупой на возвышенные оценки, Сталин сказал после преждевременной кончины Дзержинского: «Он сгорел на бурной работе в пользу пролетариата».

Не очень броским внешне, но чрезвычайно обаятельным был М. В. Фрунзе. Сталин, сам испытавший годы тюрем и ссылок, с особым уважением относился к Арсению, так иногда и после революции называли Фрунзе старые товарищи. Все знали, что в 1907 году Михаил Васильевич был дважды приговорен к смертной казни, провел долгие недели в камере смертников, на каторге. Мало кто тогда в деталях знал, сколь большую работу провел Фрунзе для достижения победы на Восточном, Туркестанском, Южном фронтах. Сталин, сам обладавший недюжинной решительностью, изумлялся спокойной манере руководства этого пролетарского полководца, способного на высшее проявление политической и военной воли. За короткое время пребывания на посту наркомвоенмора Фрунзе поразил всех глубиной интеллектуальных выкладок о военной доктрине, предложениями по реформе вооруженных сил, взглядами на оперативное искусство в современной войне.

Не подстереги Фрунзе нелепая, а в известной мере и загадочная смерть от довольно простой и по тем временам операции (как потом оказалось, и вовсе не обязательной), можно было бы предположить, что роль Фрунзе в высшем партийном и государственном руководстве стала бы еще более весомой.

Фрунзе страдал язвенной болезнью желудка, предпочитал консервативное лечение, тем более обострение проходило. Но консилиум делает заключение: «Нужна операция». По ряду свидетельств (книга И. К. Гамбурга «Так это было», Б. Пильняка «По-

весть непогашенной луны» и др.), Сталин с Микояном приезжали в больницу, говорили с профессором Розановым и настаивали на операции. Незадолго до операции Фрунзе написал записку жене: «Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым, и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не менее оба консилиума постановили ее делать».

После смерти Фрунзе многие медики высказали мнение, что операция не была необходимой. Сталин на похоронах М. В. Фрунзе скажет: «Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу. К сожалению, не так легко и далеко, не так просто поднимаются наши молодые товарищи на смену старым». Кто-то увидел в этих словах сокровенный, известный лишь одному Сталину смысл. Но не будем гадать: у нас нет доподлинных доказательств для категорических выводов. Ясно одно: Сталин чувствовал, что Фрунзе смог бы сыграть на политической сцене выдающуюся роль, Сталин помнил и то, как относился Ленин к Фрунзе. Э. М. Склянский рассказывал ему о поддержке Лениным «умного предложения» М. В. Фрунзе, в то время командующего войсками Украины и Крыма, о том, что нужно призывать в армию молодежь преимущественно из голодающих губерний. Все, чем занимался Фрунзе, носило печать его незаурядного, оригинального ума.

Крупным организатором в ЦК был Я. М. Свердлов. У Якова Михайловича, как пишет Луначарский, полностью отсутствовало личное честолюбие, это был классический, самоотверженный исполнитель: «У него были ортодоксальные идеи на все, он был только отражением общей воли и общих директив. Лично он их никогда не давал, он только их передавал, получая от ЦК, иногда лично от Ленина». Когда он говорил, вспоминал Луначарский, то его речи походили на передовицы официальной газеты. Но он обладал и тем, в чем сравниться с ним могут не многие, — блестящим знанием малейших нюансов положения в партии, великолепными организаторскими способностями. Можно даже сказать, что до момента, когда было принято решение иметь в секретариате первое лицо — Генерального секретаря ЦК, эти обязанности уже выполнял Я. М. Свердлов. Сталину нравилось, как Свердлов деловито, немногословно вел заседания ЦК. После ранней кончины Свердлова В. И. Ленин дал ему самую блестящую оценку: такие люди незаменимы, их приходится заменять целой группой работников.

Сталин, входя в когорту ленинских соратников и учеников, должен был, по идее, воспринять немало ценного из общения с вождем, его окружением, однако этого не произошло. Много, заложенное в нем в ранние годы — скрытность, холодный расчет, ожесточенность, осторожность, бедность чувств, — со временем не только не исчезло, но и развилось до предела. В характере Сталина начало просматриваться еще одно качество, которое Гегель называл «пробабилизмом». Суть его заключается в том, что личность, совершающая какой-либо нравственно неблагоприятный

проступок, старается внутренне оправдать его какими-то своими особыми доводами. Сталин, убедившись в том, что общепризнанный вождь серьезно болен, начал исподволь большую «игру» с целью максимального упрочения своего положения в руководстве. На первых порах он пытался доказать себе, что это нужно в интересах защиты ленинизма. Позже принцип «пробабилизма» займет важное место в арсенале политических средств Сталина. Люди должны знать, полагал Сталин: все, что делает он, — во имя блага народа.

Думаю, что многие из окружавших Ленина людей долго не могли «раскусить» Сталина. Для некоторых он казался просто исполнителем, для других — неплохим представителем национальных отрядов партии, для третьих — обычной посредственностью, коих всегда бывает немало в руководящих кругах любых режимов и систем.

Да, соратники Ленина недооценили Сталина, зато он «раскусил» всех, даже тех, кто был близок к Ленину, — Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, Томского, Рудзутака, Косиора, Евдокимова, многих других. Ведь это он «заметил», что в гражданской войне руководили Красной Армией почти исключительно «враги народа»: Троцкий, Блюхер, Егоров, Уборевич, Дыбенко, Муралов, сотни и тысячи других «предателей». Ленин не догадывался, а Сталин, видите ли, проницательно «разглядел», что «командиры промышленности» почти сплошь были «вредителями»: Пятаков, Зеленский, Серебряков, Лифшиц, Гринько, Лебедь, Семенов, тысячи других; только Сталин смог «рассмотреть», что во главе советского международного ведомства также были сплошь «шпионы»: Крестинский, Раковский, Сокольников, Карахан, Богомолов, Раскольников... А сколько других «двурушников» «раскусил» член руководящего ядра, «разоблачил» практически во всех сферах жизни народа! Едва ли такой могла быть простая «посредственность» — Троцкий здесь ошибся. Робеспьер, выступая в Конвенте 5 февраля 1794 года, заявил: «Первым правилом нашей политики должно быть управление народом — при помощи разума и врагами народа — при помощи террора». Каким дуалистичным и неуниверсальным был метод Робеспьера! Сталин свое правило политики сделал монистическим: управлять и теми, и другими одним методом — насилием.

Скажем еще раз: Троцкий, конечно же, ошибался в том, что Сталин был «выдающейся посредственностью». Это выглядит похвалой: у посредственности не бывает явных врагов, как и друзей. У Сталина и тех и других было предостаточно, скоро об этом узнают вся партия, весь народ. Сыграв самую незаметную роль в революции, несколько активнее проявив себя в гражданской войне, Сталин почувствовал: люди из ленинского окружения, имея, возможно, преимущество перед ним во многом, в чем-то ему и уступают. Если бы он знал Гегеля, то мог хотя бы мысленно произнести: «Человек — господин своей судьбы и своего назначения».

Одиннадцатый съезд партии был последним, на котором присутствовал Ленин. Доклад об организационной деятельности ЦК сделал В. М. Молотов. Охарактеризовав состояние внутривнутрипартийной жизни, Молотов показал, как перегружены работой отделы ЦК. За «год через ЦК прошло 22,5 тысячи партийных работников, т. е. около 60 товарищей в день». Молотов поставил вопрос об упрощении «передвижки» кадров, налаживании должного учета, внесении большей организации в деятельность аппарата ЦК. В докладе подчеркивалось, что за минувший год увеличилось количество заседаний ЦК, увеличилось количество вопросов, обсуждавшихся в ЦК, увеличилось количество конференций, других всепартийных совещаний. Выступавшие на съезде делегаты выражали неудовлетворение работой центрального органа. Так, Осинский упрекал Политбюро за то, что оно много занимается «вермишелями» (то есть мелкими) делами, наподобие того, «отдать наркомзему «Боярский двор» или нет, отдать типографию такому-то учреждению или оставить другому?». Делегаты для совершенствования управления партией и страной предлагали иметь в ЦК три бюро: Политбюро, Оргбюро и Экономбюро.

Читая стенограммы первых съездов, восхищаешься открытостью, подлинной гласностью в выражении мнений. Критика была естественна как воздух. Не было славословия, чиновничества, лести. Никто не добивался единства ради единства, были вожди, но культ их не было. Например, на XI съезде доклад Ленина при общей высокой оценке его положений и выводов подвергали критике многие делегаты: Скрыпник, Антонов-Овсеенко, Преображенский, Осинский. Рязанов, например, под общий смех делегатов, критикуя деятельность ЦК, заявил: «Наш ЦК совершенно особое учреждение. Говорят, что английский парламент все может; он не может только превратить мужчину в женщину. Наш ЦК куда сильнее: он уже не одного очень революционного мужчину превратил в бабу, и число таких баб невероятно размножается». Далее Рязанов продолжал, что «пока партия и ее члены не будут принимать участия в коллективном обсуждении всех этих мер, которые проводятся от ее имени, пока эти мероприятия будут падать как снег на голову членов партии, до тех пор у нас будет создаваться то, что тов. Ленин назвал паническим настроением».

Открытое, открытое обсуждение всех вопросов, касающихся партийной жизни, было непреложной нормой. К слову сказать, позже, в 30-е годы, все критические выступления, сделанные ранее, уже расценивались как «вредительские». Целые десятилетия затем можно было только «единодушно одобрять», «поддерживать», восхищаться...

Еще в двадцатом году практика работы аппарата ЦК показала, что для организации деятельности секретариата нужно ведущее, специально выделенное лицо. ЦК РКП на своем заседании 5 апреля 1920 года, обсудив этот вопрос, вынес такое решение:

«1. Секретарями избрать тт. Крестинского, Преображенского, Серебрякова. Вопрос о назначении одного ответственного секретаря не предпринимать. Представить секретарям, по указанию опыта, через некоторое время вынести в ЦК предложение по этому поводу».

2. В состав Оргбюро кроме 3-х секретарей ввести тт. Рыкова и Сталина».

Знакомство с протоколом ЦК, который велся на отдельных листочках школьной тетрадки в линейку, показывает, что «вопрос о назначении одного ответственного секретаря» возник не в 1922 году, а значительно раньше. После XI съезда один из секретарей был уже выделен особо. Ответственные секретари избирались и раньше: Стасова, Крестинский, Молотов, но теперь речь шла о повышении статуса ответственного секретаря до уровня генерального. Чье это было предложение? Откуда исходило? По имеющимся данным, от Каменева и Сталина. Несомненно и то, что Ленин знал об этом предстоящем нововведении. Есть все основания считать, что предварительно эти вопросы были «оговорены» с ним.

Состоявшийся 3 апреля Пленум ЦК, сформированный на XI съезде партии, избрал в соответствии с пожеланиями делегатов Политбюро, Оргбюро и секретариат. На Пленуме было принято решение ввести должность Генерального секретаря ЦК РКП(б). В этот же день первым генсеком (кто мог тогда предположить, что на долгие годы) был избран И. В. Сталин. (Если быть точным, после XVII съезда партии Сталин, как об этом говорят документы, официально не избирался в качестве Генерального секретаря. Но он уже и без формального статуса был более чем «генеральный», если судить по степени его единовластия. Да, он был единоличным «вождем», и это, видимо, устраивало его больше. Кстати, когда он умер, в официальных документах не было упоминания о нем как о Генеральном секретаре.) Таким образом, Сталин занял сразу три высоких поста: члена Политбюро, члена Оргбюро и Генерального секретаря. Тогда же секретарями были избраны кандидат в члены Политбюро Молотов и Куйбышев. Сегодня историки, философы, все люди, которых волнует отечественная история, задаются вопросом: почему именно Сталин, а не кто-нибудь другой? Кто предложил его кандидатуру? Какое участие в этом акте принял Ленин? Подразумевало ли назначение Сталина генсеком передачу ему особых полномочий? Чтобы ответить на эти и подобные вопросы, обратимся к бесстрастным документам.

На Пленуме ЦК присутствовали его члены: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Дзержинский, Петровский, Калинин, Ворошилов, Орджоникидзе, Ярославский, Томский, Рыков, Андреев, Смирнов, Фрунзе, Чубарь, Куйбышев, Сокольников, Молотов, Коротков. Участвовали в заседании и кандидаты в члены ЦК: Киров, Киселев, Кривов, Пятаков, Мануильский, Лебедь, Сулимов, Бубнов, Бадаев и член ЦКК Сольц.

Заслушали и приняли решение по нескольким вопросам. Первый — конституирование ЦК. О председателе:

«Подтвердить единогласно установившийся обычай, заключающийся в том, что ЦК не имеет председателя. Единственными должностными лицами ЦК являются секретари; председатель же избирается на каждом данном заседании».

Затем обсудили вопрос, почему на списке членов ЦК, избранных съездом, есть отметки о назначении секретарями тт. Сталина, Молотова и Куйбышева. Каменев разъяснил (Пленум принял к сведению), что «им во время выборов, при полном одобрении съезда было заявлено, что указание на некоторых билетах на должности секретарей не должно стеснять Пленум ЦК в выборах, а является лишь пожеланием известной части делегатов». Прежде всего это «пожелание» исходило от Каменева, Зиновьева и негласно от Сталина.

Хотя официально съезд избирал только членов ЦК, есть основания полагать, что Каменевым была проведена немалая «работа» по организации поддержки избрания будущих секретарей. Нельзя не усмотреть в этом (поскольку Каменев знал, что будет рассматриваться вопрос о новой должности Генерального секретаря) стремления провести в Секретариат определенных людей. А проще говоря, Каменев хотел иметь в качестве «своего» человека руководителя аппарата ЦК. В то время у него отношения со Сталиным были весьма хорошими. Будущий генсек не раз подчеркивал особое положение Каменева, бывшего заместителем Ленина по Совнаркому, — тогда это котирировалось выше, чем, пожалуй, положение в партийной иерархии. Многие косвенные доказательства таковы, что Каменев стремился провести Сталина на вновь вводимый пост явно с ведома и желания последнего: Сталину нравилась работа в аппарате, и он почувствовал те возможности, которые она открывает.

Далее в протоколе Пленума ЦК говорится:

«Установить должности Генерального секретаря и двух секретарей. Генеральным секретарем назначить т. Сталина, секретарями тт. Молотова и Куйбышева».

В протоколе, ниже, рукой Ленина записано:

«Принять следующее предложение Ленина:

ЦК поручает Секретариату строго определить и соблюдать распределение часов официальных приемов и опубликовать его, при этом принять за правило, что никакой работы, кроме действительно принципиально руководящей, секретари не должны возлагать на себя лично, перепоручая таковую работу своим помощникам и техническим секретарям.

Тов. Сталину поручается немедленно приискать себе заместителей и помощников, избавляющих его от работы (за исключением принципиального руководства) в советских учреждениях.

ЦК поручает Оргбюро и Политбюро в 2-х недельный срок представить список кандидатов в члены коллегии и замы Рабкрин с тем, чтобы т. Сталин в течение месяца мог быть совершенно освобожден от работы РКИ».

На следующий день, 4 апреля, в «Правде» было сообщено: «К сведению организаций и членов РКП. Избранный XI съездом РКП Центральный Комитет утвердил Секретариат ЦК РКП в составе: т. Сталина (генеральный секретарь), т. Молотова и т. Куйбышева.

Секретариатом ЦК утвержден следующий порядок приема в ЦК ежедневно с 12—3 час. дня: в понедельник — Молотов и Куйбышев, во вторник — Сталин и Молотов, в среду — Куйбышев и Молотов, в четверг — Куйбышев, в пятницу — Сталин и Молотов, в субботу — Сталин и Куйбышев. Адрес ЦК: Воздвиженка, 5. Секретарь ЦК РКП Сталин».

На этом же Пленуме было избрано Политбюро в составе семи человек: Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев, Томский, Рыков и трех кандидатов: Молотов, Калинин, Бухарин. Сформировали Оргбюро. На пост генсека была предложена одна кандидатура (Каменевым), возражений не было ни у кого. Так все это было.

О необходимости улучшения работы ЦК, Политбюро В. И. Ленин говорил на XI съезде, обращая особое внимание на совершенствование организационной работы. При этом Ленин делает ряд очень важных замечаний, которые, к сожалению, ни тогда, ни позже, при Сталине, не были полностью учтены. Одно из них касается культуры, умения управлять. Ленин говорил, что у многих ответственных работников-коммунистов культура управления просто мизерная и жалкая. А один из методологических устоев управления, замечает он, заключается в умении выделить основное звено в общей цепи проблем. На сегодня, говорил Ленин на съезде, таким главным звеном является подбор нужных людей.

Сразу после революции секретарские, технические функции исполняли несколько товарищей, которыми руководил Я. М. Свердлов. После его смерти в 1919 году от элементарной простуды все сразу ощутили, сколь заметна потеря. Текущие дела захлестнули работу ЦК. После VIII съезда была введена должность ответственного секретаря; им стала член партии с 1898 года Е. Д. Стасова. Затем ее сменил Н. Н. Крестинский, избранный одновременно и членом Политбюро (при этом он выполнял еще и обязанности наркома финансов РСФСР). После IX съезда партии в помощь Крестинскому были избраны еще два секретаря — Преображенский и Серебряков. На X съезде вместо них секретарями были избраны Молотов, Михайлов и Ярославский. После смерти Свердлова Ленин был часто недоволен работой Секретариата: его медлительностью, рутинностью и ошибками. Так, в своей записке В. М. Молотову 19 ноября 1921 года В. И. Ленин выразил неудовлетворение постановлением Оргбюро, определяющим отношение судебно-следственных учреждений к проступкам коммунистов, которое готовил Молотов. Ленин писал:

«Т. Молотов!

Я переносу этот вопрос в Политбюро.

Вообще неправильно такие вопросы решать в Оргбюро: это чисто политический, всецело политический вопрос.

И решать его надо иначе».

Можно сказать, что введение нового партийного поста диктовалось необходимостью упорядочить работу «штаба» ЦК — Секретариата. Но вместе с тем подчеркиваем, что пост генсека тогда совсем не представлялся

главным, ключевым, решающим. Если бы это было так, то, видимо, первым Генеральным секретарем был бы Ленин.

Врачи продолжали настаивать на серьезном лечении Ленина, в апреле 1922 года они пришли к выводу, что необходим продолжительный отдых и горный воздух. Решили, что будет полезна поездка на Кавказ. Ленин согласился и даже написал несколько писем И. С. Уншлихту и Г. К. Орджоникидзе, работавшим в это время на Кавказе. Вот одно из этих писем, отправленное 9 апреля 1922 года:

«Т. Серго!

По поводу просьбы Камо и в связи с ней я должен еще добавить, что мне надо поселиться отдельно. Образ жизни больного. Разговора даже втроем я почти не выношу (однажды были Каменев и Сталин у меня: уху дшени е!). Либо отдельные домики, либо только такой большой дом, в коем возможно абсолютное разделение. Это надо принять во внимание. Посещений быть не должно...

Ваш Ленин».

Но, увы, план поездки на лечение осуществить не удалось... Ленин продолжал работать. Он хотел отладить деятельность аппарата ЦК, исключив рутину и бюрократизм.

Политбюро заседало в соответствии с ленинским предложением раз в неделю, а текущую работу необходимо было осуществлять ежедневно. Секретариат готовил материалы на заседания Политбюро, организовывал доведение его решений до исполнителей, выполнял поручения членов Политбюро. Секретариат непосредственно не занимался вопросами экономики, обороны, государственного аппарата, просвещения. Он выполнял в значительной мере техническо-исполнительную роль в общем механизме управления партийным аппаратом. Поскольку основные ведомства возглавлялись видными большевиками, не очень уделявшими внимание технической стороне дела, было принято решение одного из членов Политбюро сделать отвечающим за всю работу Секретариата в ранге новой должности Генерального секретаря.

Были ли данные у Сталина занять этот пост? Формально, видимо, были. Судите сами: Сталин с 1898 года — член партии, с 1912 года — член ЦК, входит в бюро ЦК, член Оргбюро и член Политбюро. Единственный из членов Политбюро занимает два государственных поста: нарком по делам национальностей и нарком государственного контроля (РКИ); член коллегии ВЧК — ОГПУ от ЦК, член Революционного военного совета республики, член Совета труда и обороны... Мы называли еще не все должности И. В. Сталина, на которых он находился к моменту его избрания Генеральным секретарем ЦК.

Бесспорно, вхождение в самые высокие партийные, государственные органы свидетельствовало не только о признании его вклада в дело революционного переустройства общества, но и знание Сталиным механизма политического и государственного управления. Если многие крупные революционеры того времени тяготились или, скажем так, не особенно были склонны к

административной работе, то приверженность Сталина к управленческой работе была замечена многими. В целом выдвижение Сталина на новый пост не было воспринято как нечто неожиданное. Большинство руководителей продолжали считать этот пост обычным, организационным. Все так и было, пока был здоров и жив Ленин, пока вопрос о лидере партии, вожде государства не вставал. В новой роли Сталин для партии, для народа был по-прежнему один из многих, в руководстве же с этого момента все его положительные и отрицательные качества стали видны более рельефно.

Пройдут десятилетия, прежде чем станет возможным описать характер Сталина: этот человек умел прятать свои чувства очень глубоко, даже гнев его видели немногие. Он был способен самые жесткие решения принимать спокойно. В будущем в его окружении это расценят как признак великой мудрости и прозорливости. Разве всем дано сохранять спокойствие среди бесконечной сумятицы мира? Жалость была неведома Сталину. Чувства сыновней любви, к детям, внукам? Едва ли: из восьми своих внуков он видел несколько раз только детей дочерей Светланы да дочь и сына Якова, своего первенца. Личная жизнь полностью огорожена, только работа, работа, работа. Решения, совещания, заслушивания, указания, выступления...

Окружающий мир у Сталина был как у дальтони-ка, лишь белым или черным, все цвета радуги бесконечно богатого мира втиснуты в ложе: если не соответствует «линии», то все это враждебное. Полутон он не признавал, любил, по сути, бинарную логику, вращения вокруг двух категорий — «да» и «нет». Категоричность и однозначность. Но жизнь ведь неизмеримо богаче, в ней так много волнующих неопределенностей, туманностей, переходов, игры красок бытия... Сталину это было непонятно. Категоричный, телеграфный стиль записок, речей, докладов. Уже тогда это многим нравилось: человек дела, человек долга. Никаких сентиментальностей, он не любил слово «гуманизм». Но об этом и многом другом никто пока и ничего еще толком не знает. Все видят в ЦК: выше партийной дисциплины, партийного долга и генеральной линии РКП(б) для Сталина ничего не существует.

В течение 1922-го, начала 1923 года, пока Ленина окончательно не лишила возможности писать и диктовать болезнь, им было направлено Сталину несколько десятков записок, проектов документов, писем. Из них видно, что Ленин озабочен организационным и политическим решением ряда вопросов. Совсем не случайно, что через девять (!) месяцев после избрания Сталина на пост генсека Ленин приходит к выводу, что кандидатура является неудачной и ее нужно переместить на другое место. В этом Ленина убедил ряд опрометчивых шагов, сделанных Сталиным на посту генсека еще при его жизни.

Так, например, ошибочным было решение Сталина в поддержку предложения Сокольников и Бухарина об отмене государственной монополии внешней торговли. В своей записке Сталину Ленин категоричен:

«Т. Сталин!.. Предлагаю о про с о м членов Политбюро провести директиву: «ЦК подтверждает монопо-

лию внешней торговли и постановляет прекратить всюду разработку и подготовку вопроса о слиянии ВСНХ с НКВТ. Секретно подписать всем наркомам» и вернуть оригинал Сталину, копий не снимать.

15.V

Ленин».

В сентябре, когда Ленин поправляется после первого тяжелого приступа, Сталин выступил с идеей об «автономизации», то есть об объединении национальных республик через их вступление в РСФСР. Фактически это была линия не на создание Союза Советских Социалистических Республик, а Российской Советской Социалистической Республики, в которую на правах автономии войдут другие национальные образования. Сталин уже успел провести свое предложение через комиссию ЦК, занимавшуюся этим вопросом. Ленин среагировал немедленно в своем письме Каменеву, адресованном для членов Политбюро:

«Т. Каменев! Вы, наверное, получили уже от Сталина резолюцию его комиссии о вхождении независимых республик в РСФСР...

По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться. Надо Вам (Вы когда-то имели намерение заняться этим и даже немного занимались) подумать хорошенько; Зиновьеву тоже».

Пожалуй, никто так часто не бывал у Ленина в Горках во время его болезни, как Сталин. Иногда Владимир Ильич приглашал Сталина для информации о текущих делах сам, часто генсек приезжал по своей инициативе. Во время многочисленных бесед В. И. Ленин подробно расспрашивал о работе аппарата, ходе выполнения партийных решений, интересовался самочувствием товарищей, здоровье которых было плохим, — Дзержинского, Цюрупы, других работников. Известно, например, что Ленин обсуждал и здоровье самого Сталина, побеседовав предварительно по телефону с лечащим врачом Сталина В. А. Обухом.

После опрометчивой идеи Сталина об «автономизации» Ленин приглашает 26 сентября генсека в Горки и около трех часов беседует с ним о путях объединения советских республик. Ленин предлагает принципиально новую основу создания союзного государства: добровольное объединение независимых республик, в том числе и РСФСР, в Союз Советских Социалистических Республик, с сохранением полного равноправия каждой из них. Сталин не спорил с Лениным, быстро принимал его аргументы, хотя, со ссылкой на советские источники двадцатых годов, иногда утверждают, что позицию Ленина в национальном вопросе Сталин характеризовал как «либеральную».

Эти частые беседы с генсеком были для Ленина не просто способом получения информации, передачи советов, предложений, но и одновременно учебой руководителя аппарата ЦК, его изучением. Представляется, что Ленин в ходе многочисленных встреч и бесед со Сталиным смог лучше понять сильные и слабые стороны этого человека, оценки и предложения в отношении генсека, сделанные им в конце 1922-го — начале 1923 годов, — результат глубокого анализа и размышлений. Национальный вопрос, попытки решения его Сталиным по-своему открыли для Ленина не только некоторые новые политические грани этой личности, но

и прежде всего грани нравственные. Позже, но еще в этом году, в своих записках «К вопросу о национальностях или об «автономизации» В. И. Ленин расценил эту идею как отступление от принципов пролетарского интернационализма. Как бы резюмируя, Ленин обобщает политические и нравственные характеристики генсека:

«Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычную самую худую роль».

«Достается» в этом письме и Орджоникидзе за «рукоприкладство» во время его поездки на Кавказ с комиссией. Ленин со всей определенностью пишет, что «никакой провокации; никаким даже оскорблением нельзя оправдать этого русского рукоприкладства и что тов. Дзержинский непоправимо виноват в том, что отнесся к этому рукоприкладству легкомысленно». В этом конфликте Сталин не занял принципиальной позиции, что позволило Ленину публично отметить у генсека не только «торопливость и администраторское увлечение», но и, что особенно важно, «озлобление» при решении политических дел.

Ленин неоднократно возвращался к этому делу, о чем свидетельствует «Дневник дежурных секретарей В. И. Ленина», в котором есть запись Л. А. Фотиевой о том, что Владимир Ильич распорядился о доставке дополнительных материалов по «инциденту». Сталин ответил отказом, ссылаясь на необходимость ограждения больного от ненужных волнений. Но Ленин настойчив. За пять дней до нового обострения болезни, в результате чего Ленин утратит речь, он 5 марта 1923 года пишет записку Троцкому:

«Уважаемый тов. Троцкий!

Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив».

В этот же день Ленин пишет еще одну записку, на этот раз Сталину. Письмо внешне носит личный характер, но только внешне. Предыстория его такова. В декабре 1922 года В. И. Ленин диктует Н. К. Крупской ряд важнейших для судьбы партии писем. После одной из таких диктовок, по-видимому, письма Троцкому по вопросу о монополии внешней торговли, в ночь с 22 на 23 декабря происходит ухудшение в состоянии здоровья Владимира Ильича — наступает паралич правой руки и правой ноги. Об этом докладывают членам Политбюро. Сталин на следующий день в самой грубой, бесцеремонной форме отчитал, отругал по телефону Надежду Константиновну за «нарушение режима больного вождя». Сделано это было в предельно бестактной, грубой манере. На другой же день, 23 декабря, Надежда Константиновна Крупская, потрясенная бесцеремонностью генсека, пишет Каменеву:

«Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один

день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию, как более близким товарищам В. И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности. Н. Крупская». Сталин в соответствии с решением Политбюро оберегал вождя от волнений, но можно предположить, что изоляция Ленина от информации, ограничение его влияния на дела в партии входило в его планы укрепления своего положения в период болезни Ленина.

Каменев довел содержание записки Крупской до Сталина. Тот без всяких споров написал письмо с извинениями Надежде Константиновне, объясняя свое поведение исключительно заботой об Ильиче. Насколько здесь был искренен генсек — судить трудно. Ведь нормы морали он исповедовал исключительно прагматично: если было ему выгодно, он мог переступить любую. Как бы то ни было, о выходе Сталина в отношении своей жены Ленин узнал лишь через два месяца от Надежды Константиновны — 5 марта 1923 года. В этом поступке генсека вождь увидел не только личное, а нечто большее.

Итак, вскоре после разговора с женой Ленин вызывает М. А. Володичеву, диктует ей письмо Троцкому, просит передать его по телефону и как можно скорее сообщить ответ, а затем продиктовал письмо И. В. Сталину. Вот его содержание:

«Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете прервать между нами отношения.

С уважением. Ленин. 5-го марта 23 года».

Ленин резок. Никто в партии не знает, что им еще в декабре 1922-го — январе 1923 г. написано «Письмо к съезду», где он дает оценки личным качествам деятелей из ядра партии, предлагает переместить Сталина с поста генсека. Запиской Сталину от 5 марта он лишь дополняет политическую и нравственную картину обстоятельств своего отношения к нему. Ленин окончательно пришел к выводу о том, что моральная ущербность Сталина, нежелательная, но вынужденно терпимая в обиходе между рядовыми товарищами, является абсолютно недопустимой для руководителя. Ленин провидчески усмотрел в нравственных аномалиях сталинского характера опасность для политики, всего

дела партийного руководства. К сожалению, в долгие последующие годы моральные характеристики по сравнению с классовыми, политическими вообще стали мало что значить.

Но это не все. На следующий день Ленин диктует свой последний в жизни документ, в котором фигурирует Сталин.

«Т. Мдивани, Махарадзе и др. Копия — тт. Троцкому и Каменеву. Уважаемые товарищи! Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для Вас записки и речь.

С уважением. Ленин. 6-го марта 23 г.».

К великой горечи, ни записок, ни речи Ленин не приготовил. Через четыре дня новый удар лишил его возможности не только писать, но и диктовать. Однако есть все основания предполагать, и об этом говорят последние три записки, продиктованные Лениным 5 и 6 марта, что действия Сталина в отношении грузинского инцидента еще больше убедили Ленина в верности выводов, сделанных в «Письме к съезду». Ленину было нелегко убедиться в том, что выбор, сделанный ЦК в начале апреля 1922 года, оказался глубоко ошибочным. Ошиблись тогда все, в том числе и он, поддержавший предложение Каменева. Однако есть возможность ошибку поправить. Нельзя допускать, чтобы во главе аппарата ЦК стоял человек безнравственный, потенциально опасный для дела. Если Сталин способен на грубость, двуличие, проявление озлобленности в отношении самых близких Ленину людей, то как он поведет себя с остальными? Может быть, и не является случайным ухудшение состояния Ленина именно в эту, первую декаду марта? У нас нет оснований категорически заключать, что «грузинский инцидент» или личная стычка со Сталиным ускорили роковое течение болезни Ленина, но именно в эти мартовские дни мы видим столь драматическое стечение обстоятельств, что такая возможность велика.

Здесь мы добавим лишь, что то, за что боролся Ленин в области национальных отношений, было осуществлено. На Первом съезде Советов, открывшемся 30 декабря 1922 года, было провозглашено образование Союза Советских Социалистических Республик. С докладом, в основу которого были положены идеи письма В. И. Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации» (само ленинское письмо увидело свет лишь через тридцать четыре года), выступил И. В. Сталин. В его выступлении, как и в Декларации об образовании СССР, которую огласил Генеральный секретарь ЦК РКП(б), стержневой была мысль о пролетарском интернационализме, приверженности всех национальностей Союза дружбе, классовой солидарности, верности революционным идеалам. На нынешнем этапе, повторял Сталин ленинские идеи, но уже выдавая их за свои, особая задача нового Союза заключается в ликвидации фактического неравенства наций, унаследованного от прошлого.

Ленин был болен, но смог с исключительной настойчивостью отстоять достаточно верное решение национального вопроса в огромной стране, населенной более чем ста национальностями.

Многочисленные зарубежные биографы Сталина типа А. Авторханова делают прямое заключение о виновности Сталина в кончине Ленина. Примерно так же считает и Троцкий, утверждая в мемуарах, что только болезнь помешала Ленину «политически разгромить Сталина». Он пишет, что своеволие генсека часто выводило больного вождя из себя, в результате чего болезнь стала прогрессировать. У нас нет конкретных данных о намерении Ленина «разгромить» генсека. Однако сам факт, что после избрания Сталина на эту должность 2 апреля 1922 года, всего через девять месяцев, а именно 4 января 1923 года, Ленин пришел к выводу о необходимости «перемещения» его с поста генсека, говорит о многом. В этом смысле ленинское «Письмо к съезду», известное вместе с другими последними статьями и письмами как его «Завещание», имеет ключевое, методологическое значение для понимания политического и нравственного лица И. В. Сталина.

«ПИСЬМО К СЪЕЗДУ»

Сегодня мы знаем, что Ленин велик не только потому, что он был мудр, обладал колоссальной духовной мощью и нравственным стоицизмом, но и был человеком поразительного политического мужества. Стоя у роковой черты, утром 23 декабря он просит врачей разрешить ему (всего в течение пяти минут!) продиктовать несколько строк, ибо его «волнует один вопрос». Он настойчив, он просит. Он требует. Разрешение получено. Ленин начинает диктовать свое знаменитое «Письмо к съезду». То было величайшее мужество мысли.

В минуты, когда никто не мог быть уверен, не возобновится ли приступ, не последует ли новый удар, Ленин думает о будущем. Его письмо было философским напутствием-предостережением. Он чувствовал опасность, боялся, что тот руководитель, кто попытается увидеть себя эпицентром бытия, может погубить дело, которому он сам отдал всю жизнь.

О чем думал вождь, готовясь диктовать свои последние статьи и письма? Не о том ли, что, вопреки ожиданиям и прогнозам, пожар Октября не перекинулся на другие страны Европы, не получилось и «революционного прорыва на восток»? И теперь России, не ставшей детонатором мировой революции, предстоит утвердить, защитить себя в национальных границах? А может быть, о том, что только теперь, когда большевики держат власть в руках, во всей гигантской сложности перед ними предстала бездна труднейших проблем? Может быть, он думал и об этом. А может, вспомнил слова патриарха русских социал-демократов Г. В. Плеханова, с которыми тот обратился к Ленину:

— В новизне твоей мне старина слышится!

— Почему?

— Время плебейской революции не пришло...

Да, отпал от революции Плеханов. Но, пожалуй, остался в истории научного социализма рядом с Каутским, Лафаргом, Гедом, Бебелем, Либкнехтом. Остался навсегда.

А может, в ту минуту ему вспомнился Мартов (Ю. О. Цедербаум)? Когда-то за рубежом говорили о «тройке»: Ленин, Потресов, Мартов. За убийственно скучными речами Мартова скрывался тонкий, даже изящный ум, способный «расчленил» все, что сказал противник, и использовать абсолютно каждый промах и каждый мельчайший уклон. Пожалуй, он был певцом философского импрессионизма, испытывавшим удовольствие от бесконечной перемены своих взглядов. Это был тот случай, когда утонченность личной культуры не опиралась на прочные социальные, мировоззренческие устои. В последний раз о союзе с Мартовым Ленин думал в июне 1917-го. Но тот, вечно клонящийся вправо, как писал А. Луначарский, «сам решил свою судьбу: быть непризнанным ни в сех, ни в тех и вечно прозябать в качестве более или менее кусательной, более или менее благородной, но всегда бессильной оппозиции». Так ведь и остался блестящий марксист на задворках революции! Почти два года назад на заседании ЦК в длинном перечне вопросов, подлежащих обсуждению, Ленин увидел и такой:

«10. Письмо ЦК РСДРП в Совет Народных Комиссаров о разрешении выехать за границу Мартову и Абрамовичу...

Решили: ходатайство ЦК РСДРП — удовлетворить».

Бежал в чужие веси. Возможно, Троцкий прав, дав еще в апреле 1922 года меткую и убийственную характеристику Мартову в своем восьмом томе сочинений «Политические силуэты». Как всегда категорично, но не без интеллектуального изящества Троцкий писал: «Мартов несомненно является одной из самых трагических фигур революционного движения. Даровитый писатель, изобретательный политик, проницательный ум. Прошедший марксистскую школу, Мартов войдет тем не менее в историю рабочей революции крупнейшим минусом. Его мысли не хватало мужества, его проницательности недоставало воли. Это погубило его. Лишенная волевой пружины мысль Мартова всю силу своего анализа направляла неизменно на то, чтобы теоретически оправдать линию наименьшего сопротивления. Вряд ли есть и вряд ли когда-нибудь будет другой социалистический политик, который с таким талантом эксплуатировал бы марксизм для оправдания уклонений от него и прямых измен ему. В этом отношении Мартов может быть без всякой иронии назван виртуозом... Необыкновенная, чисто кошачья цепкость — воля безволия, упорство нерешительности — позволяла ему месяцами и годами держаться в самых противоречивых и безвыходных положениях».

Но у революции есть не только задворки, есть и авангард, передовая линия, есть «штаб». О нем сейчас речь. В ЦК, в Политбюро, тревожно, нужны изменения, необходимо единство, надо утверждать демократические начала в работе ЦК. Его мнение уважаемо, он должен его высказать. Ленин еще раз требует, чтобы ему, разрешили диктовать. Его план грандиозен: он не только намерен сказать о путях укрепления руководства партией, но и продиктовать свое новое видение путей строительства социалистического общества.

Судьба последних ленинских работ драматична.

Значительная их часть была скрыта от партии, окутана саваном сталинской тайны. Исключительно глубокие работы «О придании законодательных функций Госплану», «К вопросу о национальностях или об «автономизации», «Письмо к съезду», некоторые другие ленинские записи увидели свет лишь после XX съезда партии. Статью «Как нам реорганизовать Рабкрин» хотели вначале отпечатать лишь в... одном экземпляре, чтобы показать Ленину. Но и опубликовав ее (с купюрами), Политбюро и Оргбюро направили специальное письмо в губкомы, где говорилось, что это — страница из дневника больного Ленина, которому разрешили в силу невыносимости умственной бездеятельности писать. Эту бестактность подписали Андреев, Бухарин, Куйбышев, Молотов, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий 27 января 1923 года.

Ленинский поиск, основанный на понимании опасностей авторитаризма, не был понятен Сталину. Ленин стоял настолько выше своих соратников в интеллектуальном отношении, что довольно часто его голос словно не доходил до их сознания. Ленин как бы чувствовал, что победившая революция требует «уточнения», корректировки ее выводов. Однако Владимир Ильич, при всей своей мощи, был продуктом своей эпохи. Он не поставил под сомнение диктатуру одного класса (который был в подавляющем меньшинстве по сравнению с крестьянством), не вернулся к идее революционного плюрализма, которую отстаивал в конце 1917 года, не осудил насилие как революционный способ решения социальных проблем... Он жил в своем времени и, хотя видел много дальше других, не смог, а может быть, и не разглядел все опасности, которые таила ставка на непогрешимость одной партии. Складывается впечатление, что он многого не успел сказать. Ортодоксальность многих теоретических догм марксизма, сформулированных в прошлом веке, не подвергалась сомнению... Но тем не менее значимость последних работ Ленина велика.

Главная идея, прослеживающаяся во всех этих работах, глубоко оптимистична: у социализма в России есть будущее. Все кардинальные вопросы — индустриализации, переустройства сельского хозяйства на кооперативных началах, превращения культуры во всенародное достояние, вопросы создания партийного и государственного механизма управления — рассматриваются через призму осуществления подлинного народного владычества, непрерывной демократизации всех сторон жизни общества. Изложенные контуры плана создания нового общества требовали людей, которые могли бороться за его реализацию; сейчас для Ленина это было главным.

Внимательное изучение последних писем, заметок, статей Ленина дает основание говорить о том, что он раньше других увидел опасность авторитарного правления. А. Грамши, рассуждая об истоках цезаризма, высказал однажды интересную мысль о том, что, когда противоборствующие силы истощают друг друга, может вторгнуться третья сила, которая подчинит себе соперничающие стороны. Но, думается, речь здесь должна идти не только и не столько о конкретных группировках людей, а прежде всего об основных социаль-

ных силах страны. Они, эти силы, представлялись рабочим классом, крестьянством и партией, а точнее, как говорил Ленин, «громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией». Строить социализм можно было лишь на основе мудрого компромисса, предложенного Лениным, — нэпа и постепенной кооперации деревни. Любой другой путь вел к столкновению с крестьянством, утверждению тоталитарных методов правления, а тоталитарности всегда нужны цезари. Сталин, как и некоторые другие лидеры из окружения Ленина, не смог понять ленинских слов, что «наша партия, маленькая группа людей по сравнению со всем населением страны... а поэтому нэп становится главным условием движения к социализму».

Большевики — это продукт городского пролетариата. Союз с крестьянством, если и не мог тогда быть еще равноправным, должен был исходить из возможности крестьянина владеть землей и вести свободную торговлю. Приблизить крестьянина к социализму, как провидчески узрел Ленин, могла только добровольная кооперация, а цементировать союз двух сил можно было с помощью нэпа. Даже в «тончайшем слое» партии не все поняли глубину замыслов вождя и величину тех опасностей, которые могли ждать народ на любом ином пути. Другой путь не мог обойтись без насилия, прямого движения к авторитаризму и цезаризму.

Ленин, будучи очень больным, спешил. Судьба могла и не дать ему времени для размышлений о грядущем. Ленин настаивал, просил. Утром 24 декабря Сталин, Каменев и Бухарин обсудили ситуацию: они не имеют права заставить молчать вождя. Но нужны осторожность, предусмотрительность, максимальный покой. Принимается решение:

«1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5—10 минут, но это не должно носить характера переписки и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются.

2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений».

Во время болезни у Ленина находились дежурные секретари. Он диктовал записки в Политбюро, просил передать что-либо по телефону товарищам, запрашивал различные данные, материалы, документы. Обычно по очереди у него бывали Н. С. Аллилуева (жена Сталина), М. А. Володичева, М. И. Гляссер, Ш. М. Манучарьянц, Л. А. Фотиева, С. А. Флаксерман. 23 декабря, когда Ленин начал диктовать «Письмо к съезду», дежурила М. А. Володичева. Ее запись в дневнике лаконична:

«В продолжение 4-х минут диктовал. Чувствовал себя плохо. Были врачи. Перед тем, как начать диктовать, сказал: «Я хочу Вам продиктовать письмо к съезду. Запишите!» Продиктовал быстро, но болезненное состояние его чувствовалось».

Глядя в окно, за скрытые заснеженными деревьями дали, Ленин произносит:

Письмо к съезду...

Ведь в апреле следующего года должен состояться очередной, XII съезд партии. Если он не поднимется к его началу, пусть прочтут его письмо делегатам. Фразы отточены, продуманы. Ведь они давно выношены.

«Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе».

Ленин категоричен. При первом чтении «спотыкаешься» — речь идет об изменениях в «политическом строе». Но уже через несколько строк начинаешь понимать, что Ленин ведет разговор о самом насущном: демократии в партии, народовласти в обществе, путях их достижения. Великий мыслитель прозорливо увидел в демократизме важнейший рычаг, средство, наконец, способ существования нового строя.

«Мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными.

В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни. Мне думается, что нашему Центральному Комитету грозили бы большие опасности на случай, если бы течение событий не было бы вполне благоприятно для нас (а на это мы рассчитывать не можем), — если бы мы не предприняли такой реформы.

...Мне думается, что 50—100 членов ЦК наша партия вправе требовать от рабочего класса и может получить от него без чрезмерного напряжения его сил.

...Такая реформа значительно увеличила бы прочность нашей партии и облегчила бы для нее борьбу среди враждебных государств, которая, по моему мнению, может и должна сильно обостриться в ближайшие годы. Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз.

Ленин.

23.XII.22 г.

Записано М. В.».

Первый шаг на пути подлинной демократизации всех сторон жизни партии и государства, по мысли Ленина, — шире представить в штабе партии главную силу революции — рабочих. Надо увеличить состав ЦК в два-три раза. Шире представительство — полное обновление, ближе к массам, меньше возможность непомерного влияния конфликтов малых групп на судьбы всей партии. И еще. Ленин предупреждает: международная обстановка в ближайшем обозримом будущем обострится, надо спешить!

К сожалению, часто, слишком часто Ленин не был полностью понят его соратниками, о чем мы уже говорили. Но это, пожалуй, не вина ленинского окружения, а его беда. То, что видел Ленин, не видели соратники. В последний раз он не будет понят и поддержан и после своей смерти: многие его предостережения будут недооценены. Раньше, даже когда Ленин оставался в меньшинстве, силы его аргументов, страсти и воли было достаточно, чтобы повести за собой верным путем весь революционный караван. Теперь этого не будет, и он никогда не узнает о том, что его последняя воля в отношении Сталина не будет исполнена.

24 декабря 1922 года.

«Я имею в виду устойчивость, как гарантию от рас-

кола на ближайшее время, и намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства.

Я думаю, что основным в вопросе устойчивости этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек».

До сих пор некоторые исследователи недооценивают политический вес Троцкого в то время. «Большая половина опасности» — это отношения между Троцким и Сталиным. Ленин видел, что Троцкий был более популярен, чем генсек, но уже убедился, какой хваткой обладает последний. Натянутые отношения этих центральных теперь фигур грозят вылиться в конфликт, который может расколоть партию.

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

В чем заключалась «необъятная» власть генсека? На его плечи легло решение всех текущих вопросов, часто жизненно важных для партии. Но главное, в чем проявлялась эта власть, — в подборе, выдвижении партийных кадров в центре и на местах. Тысячи работников... Вначале политические возможности, связанные с расстановкой нужных партработников, не всеми были замечены. К тому же Сталин в ряде случаев аппарат отождествлял с партией. Ленин разглядел это раньше других.

«С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением, чисто административной стороной дела...»

Ленин мог вспомнить бойкий доклад Троцкого о Красной Армии на последнем съезде. В конце своего не очень глубокого анализа Троцкий вместо обобщающих выводов о путях совершенствования военного строительства заговорил об «элементарном военном культурном воспитании солдат». Под общее оживление зала Троцкий провозгласил: «Давайте добьемся, чтобы у солдат не было вшей. Это — огромная, важнейшая задача воспитания, ибо тут нужно настойчивостью, неутомимостью, твердостью, примером, повторением освободить массы людей от неопрятности, в которой они выросли и которая в них въелась. А ведь солдат с вошью — не солдат, а полсолдата... А неграмотность? Это — духовная вшивость. Мы должны ее ликвидировать, наверно, к 1-му Мая, а затем продолжать эту работу с неослабным напряжением». Ленину понравилось выражение: «неграмотность — это духовная вшивость». Как часто в Троцком публицист брал верх над политиком, самолюбование над здравым смыслом, стремление нравиться окружающим над элементарной скромностью! Нет, со Сталиным они не уживутся. То, что он сказал о Сталине, а затем о Троцком, говорит определенно об их полярности...»

«Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он так же мало может быть ставим им в вину лично, как меньшевизм Троцкому».

Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики).

В дневнике дежурных секретарей М. А. Володичева после ленинской диктовки записала: «На следующий день (24 декабря) в промежутке от 6 до 8-ми Владимир Ильич опять вызывал. Предупредил о том, что продиктованное вчера (23 декабря) и сегодня (24 декабря) является абсолютно секретным. Подчеркнул это не один раз. Потребовал все, что он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать категорически секретным...» К сожалению, Фотиева, работавшая заведующей Секретариата Совнаркома и также записывавшая диктовки Ленина, проинформировала Сталина (как и некоторых членов Политбюро) о записях в декабре. Поэтому полностью неожиданным «Письмо» Ленина для руководства партии уже не было.

На следующий день В. И. Ленин продолжал диктовать свой уникальный документ, который захватит воображение миллионов, но... спустя многие годы.

«25.XII. Затем Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе...

25.XII.22 г.
Записано М. В.»

Ленин.

26 декабря Ленин продолжал диктовать «Письмо к съезду», развивая идею расширения внутрипартийной демократии. В этом он видел залог улучшения работы и государственного аппарата. А он у нас, писал Ленин, «в сущности, унаследован от старого режима, ибо переделать его в такой короткий срок, особенно при войне, при голоде и т. п., было совершенно невозможно». При этом Ленин делает важное добавление, что расширение ЦК должно осуществляться не только за счет рабочих, но и крестьян. Владимир Ильич считает необходимым их присутствие и на заседаниях Политбюро. Однако, диктуя эти идеи, он по-прежнему возвращается к конкретным лицам.

Дав исчерпывающую в своем лаконизме характеристику ядру ЦК, Ленин продолжал размышлять над вопросом: кто может стать лидером в случае его ухода? Ему во всей ясности предстало, что пост генсека в его отсутствие становится решающим, с «необъятной

властью». Он — признанный вождь «де-факто», не в силу должностей, а в результате интеллектуальных и моральных данных. Болезнь властью отстранила его от непосредственного управления Центральным Комитетом, и автоматически на первые позиции выходил один из членов Политбюро. Сталин не только член Политбюро, но и генсек, ведающий всей работой Секретариата, текущей работой. Становилось ясно, что в случае непоправимого (а Ленин это вполне допускал, иначе не стал бы готовить «Завещание») Сталин попытается закрепить свое положение потенциального лидера. Но этого же может добиваться и Троцкий. Будет борьба, возможен раскол. Нужен еще более конкретный совет-предостережение. И спустя несколько дней, уже в январе 1923 года, В. И. Ленин диктует судьбоносной важности добавление к письму от 24 декабря 1922 года:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перекрестком, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.

4 января 1923 г.

Ленин».

Знаменитое добавление. Полная определенность в главном: Сталина нужно переместить с поста генсека на другое место. К нему, Сталину, нет крупных политических претензий. Он, пожалуй, верен большой идее. Правда, понимает, похоже, ее не так, как надо бы. В то же время Сталин не «виляет», как Троцкий, его политическое реноме пока не запятано. Но с политической всегда рука об руку идет мораль. Если здесь нет гармонии, то родится либо политиканство, либо диктаторство. История Парижской коммуны дает богатую пищу для размышлений. В ленинском добавлении — глубокая озабоченность будущим, но нет личной неприязни. Ленин умел подниматься выше ее. «В отношении его к противникам, — писал А. Луначарский, — не чувствовалось никакого озлобления, но тем не менее он был жестоким политическим противником... В политической борьбе пускал в ход всякое оружие, кроме грязного».

У Сталина Ленин заметил зловещие моральные аномалии, но опасен и Троцкий. И главное не только в том, что это чрезмерно самоуверенный человек. К нему нет полного доверия в политическом плане — долгий «меньшевизм» Троцкого не мог пройти бесследно. Амбициозность последнего известна всей партии, политическая неразборчивость уже не раз приводила Троцкого к противопоставлению всему ЦК. Бонапартистские амбиции Троцкого так сильны, что он считал обидным и неприемлемым для себя принять предложение,

сделанное ему в сентябре 1922 года, занять пост заместителя председателя Совнаркома, заместителя Ленина. Троцкий рассчитывал на особое положение. Как писал биограф Троцкого И. Дейчер, «реализация ленинского завещания о перемещении Сталина с неизбежностью привела бы Троцкого на пост руководителя партии. Он, Троцкий, был в этом уверен».

Обжигающие в своей откровенности и прямоте оценки Ленина «двух выдающихся вождей» — непреодолимый пример моральной принципиальности. К слову сказать, товарищеская прямота всегда была характернейшим качеством настоящих коммунистов, ее не смогли полностью ликвидировать и годы культа личности. Вот лишь пример из 42-го года, далеко отстоящего от событий, которые мы на этих страницах рассматриваем.

Полковой комиссар ПУРККА Верхорубов, выезжая на фронты, по существовавшей тогда практике, после завершения работы писал краткие характеристики на политработников, чью работу он проверял. Вот что содержит его отзыв о начальнике политотдела дивизионном комиссаре Л. И. Брежнев, сохранившийся в личном деле политработника, будущего генсека. В первой части характеристики говорится о преданности комиссара идеям партии Ленина — Сталина, о готовности выполнить свой долг. А далее следуют несколько фраз такого содержания: «Черновой работы чурается. Военные знания т. Брежнева — весьма слабые. Многие вопросы решает как хозяйственник, а не как политработник. К людям относится не одинаково ровно, склонен иметь любимчиков». Всего несколько фраз, но читатель сам имеет возможность судить об объективности или субъективности вывода полкового комиссара.

Возвращаясь после этого отступления, заметим, что Ленин, предлагая переместить Сталина с поста генсека, не отвечает на вопрос: кого назначить вместо него? И в этом, на наш взгляд, — большая мудрость вождя. Указание конкретной фамилии «принца» походило бы на буквальное «наследование». Владимир Ильич верит в мудрость партии, ее ЦК, способных в своем составе, а не только в ядре, о котором упоминал Сталин на XII съезде, найти достойного преемника. Думаю, после состоявшейся партии бессмысленны перестановки на шахматной доске истории возможных альтернативных фигур. Уверен, что Ленин, охарактеризовав наиболее известных политических деятелей в своем «Письме», дал понять, что ни один из них не подходит на роль лидера партии. Ни один! Это ясно из текста его завещания, как ясно и то, что он не предлагает искать этого лидера и среди других руководителей. Вероятно, Ленин предполагал, что тончайший слой «старой гвардии» должен, обязан, способен выступить коллективным вождем. Этот коллективный «вождь», создав, сформулировав правовые, политические и нравственные гарантии, предохраняющие возможность отторжения власти в пользу одного лица, мог избрать на первую роль любого из одного-двух десятков известных политических деятелей. Тогда не имело бы решающего значения, очень талантлив или менее талантлив выдвинутый руководитель. «Работа-

ла» бы прежде всего демократическая система, которая поддерживала бы в соответствии с конституционными и партийными нормами только то, что соответствует интересам народа, государства, партии. Только в этом случае можно обеспечить интересы общества, а не аппарата.

Сталин же смог с помощью именно «старой гвардии» создать не демократическую, а бюрократическую систему. До сих пор никто не может дать удовлетворительного ответа, почему это произошло, почему Сталин «неожиданно» для всех оказался на вершине пирамиды власти. Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить историю России с ее самодержавными традициями, надо представить тот низкий уровень политической культуры народа и партии, отсутствие демократических традиций в новом обществе, однопартийность, которая предъявляет особо высокие требования к социальной зрелости масс, отсутствие правовых гарантий от злоупотреблений властью, особенность классовой структуры в СССР.

В ряду этих причин есть еще одна тайна «неуязвимости» Сталина, которая оказалась в личном плане решающей: он узурпировал право представлять, толковать, комментировать идеи Ленина. В конце концов его систематическая «защита» ленинизма создала устойчивое представление у миллионов людей, что рядом с вождем всегда был Сталин, его соратник, ученик, продолжатель. Феномен Сталина — это феномен социальный, исторический, духовный, нравственный, психологический. Ленин, готовя «Завещание», как бы чувствовал возможность с помощью «необъятной власти» генсека так трансформировать нарождающуюся систему, что она станет олицетворением тоталитарной бюрократии.

Ленин, обдумывая «Письмо к съезду», конечно же, знал о послании Маркса Кугельману, в котором Маркс отмечал, что революционное развитие в сильной степени зависит от многих случайностей, «среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения». Те, кто не отвечает требованиям исторического момента, должны уступить дорогу другим. Ведь Энгельс в своих неопубликованных письмах, изданных в 1922 году как его «Политическое завещание», отмечал: «Пролетариат в своем движении неизбежно проходит через различные ступени развития, оставляя на каждой ступени часть людей, которые дальше не идут». Ленину было ясно, что Сталин дальше идти в руководящем ядре партии не должен. Значимость ленинского предостережения в полной мере может быть понята лишь на фоне грядущих «триумфов» вождя и трагедии народа.

За два месяца до XII съезда состоялся Пленум ЦК. На нем были рассмотрены тезисы о реорганизации и улучшении центральных учреждений партии, составленные на основе ленинской статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин» (идеи этой статьи были продолжены и развиты Лениным в другой статье — «Лучше меньше, да лучше»). Исходя из пожеланий Владимира Ильича, было решено организационный вопрос рассмотреть особым пунктом повестки дня съезда. В тезисах указывалось, что целесообразно увеличить состав

ЦК с 27 до 40 членов, ввести регулярную подотчетность Политбюро Пленумам ЦК. Предполагалось, чтобы три постоянных представителя ЦКК присутствовали на заседаниях Политбюро. Эта группа представителей, писал в своей статье Владимир Ильич, должна будет следить, невзирая на лица, «за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека (разрядка моя. — Д. В.), ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел».

Ленин считал, что кроме контроля съезда над выборным руководящим органом надо, чтобы в промежутках между форумами коммунистов специальная комиссия контролировала работу ЦК, Политбюро. Пленум в основном согласился с ленинскими выводами и признал необходимым расширить состав Центральной Контрольной Комиссии, установить самую тесную связь между органами государственного и партийного контроля. Кто мог тогда знать, что в скором времени роль ЦКК будет низведена до малозначащих регистраций партийных дел наверху, а затем и вообще упразднена?

Хотя Сталин был генсеком уже около года, его положение внешне ничем не выделялось. Когда участники Пленума ЦК стали рассматривать представленные Сталиным тезисы доклада «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве», они подвергли их серьезной критике. Пленум, правда, принял тезисы за основу, но в постановлении высказал длинный ряд принципиальных замечаний. Было решено после доработки показать тезисы Ленину. Текст их, подготовленный самим Сталиным, подтвердил, что и в вопросе, где генсек считался «специалистом», у него много пробелов. Для окончательной доработки тезисов Пленум создал комиссию в составе Сталина, Раковского, Рудзутака.

На Пленуме непримиримую позицию занял Троцкий. По его словам, расширение состава ЦК лишит его «необходимой оформленности и устойчивости» и в конечном счете «грозит нанести чрезвычайный ущерб точности и правильности работ ЦК». Он выдвинул идею создать «Совет партии» из двух-трех десятков выборных лиц. Этот орган, по мысли Троцкого, давал бы директивы ЦК и контролировал его работу. Фактически Троцкий, этот демон революции, предлагал «двоевластие», «двоецентрие» в партии. Пленум ЦК без долгих дискуссий отверг эти предложения. Сегодня мы знаем, что XII съезд поддержал предложение Ленина и создал объединенный орган ЦКК — РКК. Так, документы ленинского «Завещания» начали работать уже при его жизни, правда, далеко не все.

Известно, что «Письмо к съезду» было перепечатано в пяти экземплярах, они были положены в запечатанные конверты: один — для секретариата Ленина, три экземпляра — для Надежды Константиновны и пятый — для Владимира Ильича. Ленин сказал, чтобы стенографистка М. А. Володичева написала на конвертах: «Вскрыть может только Ленин, а после его смерти — Крупская». Слова «после его смерти» Володичева не решилась отпечатать. Лишь первая часть

письма (об увеличении состава ЦК) была передана Сталину. Предложение об увеличении численности Центрального Комитета было доложено съезду как одно из положений доклада Сталина «По организационному отчету ЦК», однако авторство Ленина не упоминалось. Ленин был жив, и конверты с его «Завещанием» не вскрывались. Делегаты съезда единогласно (только его одного!) избрали Ленина в состав нового ЦК и послали теплое приветствие вождю. Председательствующий на заседании съезда Л. Б. Каменев зачитал его под бурные аплодисменты:

«От глубины сердца партии, пролетариата, всех трудящихся съезд посылает своему вождю, гению пролетарской мысли и революционного действия, привет и слова горячей любви Ильичу, который и в эти дни тяжелой болезни и длительного отсутствия не менее, чем всегда, сплывает съезд и всю партию своей личностью».

Более чем когда-либо партия сознает свою ответственность перед пролетариатом и историей. Более чем когда-либо она хочет быть и будет достойной своего знамени и своего вождя. Она твердо верит, что недалек день, когда кормчий вернется к кормилу.

Съезд посылает свое товарищеское и братское сочувствие Надежде Константиновне, жене-соратнице, и Марии Ильиничне, сестре-другу Ильича, и просит их помнить, что все тяжкие тревоги переживаются вместе с ними изо дня в день той великой семьей, которая называется РКП».

Хотелось только добавить, что в будущем будут приниматься тысячи, а может, и миллионы приветственных писем Сталину, Хрущеву, Брежневу, другим руководителям, писем, безликих в своей бюрократической штампованности. Письмо Ленину и его близким волнует искренностью, человечностью, идущими от самого сердца.

В марте 1923 года новый страшный удар потряс Ленина. Его возможности влиять на положение в партии отныне могли быть реализованы лишь его именем, идеями и авторитетом. Непосредственно вмешаться в реализацию своего «Завещания» Владимир Ильич уже не мог. Вопрос о будущем лидере партии встал во весь рост.

СТАЛИН ИЛИ ТРОЦКИЙ?

Среди историков недостаточно четко выяснен вопрос: к какому съезду готовил Ленин свое «Завещание»? Мы помним, что оно начинается словами: «Я советовал бы очень предпринять на этом (разрядка моя. — Д. В.) съезде ряд перемен...» Можно предположить, что к XII съезду, хотя прямо на это нигде не указано. С другой стороны, есть свидетельства, что Ленин завещал вскрыть конверты с «Письмом к съезду» лишь после его смерти. Возможно, оно адресовалось и XII, и XIII съездам. Поскольку на XII съезде партии вопрос о генсеке не поднимался, он с новой силой встал перед ЦК после мартовского приступа болезни Ленина, в результате которого он потерял фактически возможность активно общаться.

С этого времени Сталин, продолжая исполнять обязанности генсека, предпринял целый ряд мер по упро-

чению своего положения. Авторитет его в определенной мере укрепился после XII съезда партии, на котором он выступил с организационным отчетом ЦК и по вопросу «О национальных моментах в партийном и государственном строительстве», а также с заключениями по этим докладам. Пожалуй, он больше всех был на виду у делегатов съезда. В доклады ЦК Сталин привнес немало личных моментов и прежде всего ярко выраженный схематизм. Он всегда любил все раскладывать «по полочкам», а это обычно производит впечатление, поскольку усиливает ясность, четкость, определенность идеи. Так, именно он ввел в оборот идею об «аппаратах» и «приводных ремнях», соединяющих партию с классом. «Первым, основным приводным ремнем» он называл профсоюзы, где теперь, по его словам, «у нас сильных противников нет». Второй «ремень» — кооперативы: потребительские, сельскохозяйственные. Но здесь, признал Сталин, «мы все еще не в силах высвободить первичные кооперативы из-под влияния враждебных нам сил», имея в виду кулака. Третьим «приводным ремнем», по мнению докладчика, являются союзы молодежи. Атаки противника в этой области особенно настойчивы. Сталин все перечисляет эти «ремни»: женское движение, школа, армия, печать. При этом старается давать им всем по-своему крылатые выражения: печать — «язык партии», армия — «сборный пункт рабочих и крестьян» и т. д. Очень характерно, что генсек в своем докладе очень мало говорит собственно о содержании работы этих «приводных ремней», но зато особо много — о том, какие враждебные силы здесь нам противостоят. Классовая борьба еще продолжалась, но теперь уже больше в скрытых, неявных формах, однако Сталин жил борьбой, схватками, противоборством с явными и мнимыми противниками...

Еще несколько лет назад, в бурные дни Октября, годы войны, он не мог и предположить, что обстоятельства могут сложиться таким образом, что он сможет реально претендовать на самые высшие посты в партии и государстве. Судьба причудлива. Человек, у которого не было ни образования, ни профессии, ни морального обаяния или вулканической энергии революционера, неожиданно для всех оказался у самых вершин пирамиды власти. Вот здесь-то он и показал потенциальным соперникам, что тонкий расчет, помноженный на умелое манипулирование аппаратом, значит немало.

Скажем к слову, что нынешние оппоненты Сталина часто атакуют его за сокрытие истинного положения дел в стране. До начала тридцатых годов этого не было — ленинская традиция гласности умерла не сразу, в этом можно убедиться, взяв в руки общедоступные партийные документы, газеты тех лет. Так, в докладе на XII съезде партии Сталин с горечью говорил о голоде 1922 года, его последствиях, «ужасающей депрессии промышленности», распылении рабочего класса и других горьких вещах. Что было, то было.

После мартовского приступа болезни у В. И. Ленина Сталин стал проявлять повышенную активность, все больше ограничивая свои советы с Зиновьевым, Каменевым, реже говорил с Бухариным и крайне мало с

Троцким. Постепенно политический авторитет Сталина в партии стал медленно, но неуклонно расти, что прежде всего выразилось в усилении влияния генсека в Политбюро. Этого он добился путем усиления изоляции Троцкого, чего, в свою очередь, нельзя было осуществить без поддержки Зиновьева и Каменева.

Как рассказывал мне Алексей Павлович Балашов, старый большевик, работник секретариата Сталина, возник так называемый «обруч». «Однажды на Политбюро вспыхнула перепалка между Зиновьевым и Троцким. Поддержали все точку зрения Зиновьева, который бросил Троцкому: «Разве вы не видите, что вы в обруче? Ваши фокусы не пройдут, вы в меньшинстве, единственном числе». Троцкий был взбешен, но Бухарин постарался все сгладить. «Часто бывало, — продолжал А. П. Балашов, — когда до заседания Политбюро или какого-то совещания у Сталина предварительно встречались Каменев и Зиновьев, видимо, согласуя свою позицию. Мы в секретариате между собой эти встречи «троицы» у Сталина, так и называли — «обруч». В двадцатые годы у Сталина было всегда по два-три помощника. В разные годы это были Назаретян, Каннер, Двинский, Мехлис, Бажанов... Все они знали резко отрицательное отношение Сталина к Троцкому и действовали в аппарате соответственно». Постепенно оттеснить Троцкого, популярность которого после гражданской войны стала падать, от реальной власти активно помогали Зиновьев и Каменев, вынашивавшие сами весьма честолюбивые планы, особенно первый.

Сталину привлечь «дуют» на свою сторону удалось без особого труда, ибо и тот и другой больше опасались Троцкого, чем Сталина. Поэтому, когда 8 октября 1923 года Троцкий направил письмо членам ЦК, содержащее резкую критику партийного руководства, Сталин не преминул этим воспользоваться, тем более что объективно он во многом был прав, выступая против домогательств своего политического оппонента.

Троцкого поддержала группа большевиков, подписавших так называемую «платформу 46-ти». Среди них находились и такие известные в партии люди, как Преображенский, Пятаков, Косиор, Осинский, Сапронов, Рафаил и другие. В качестве главного упрека ЦК Троцкий выдвигал тезис: «Партия не имеет плана дальнейшего движения вперед». Вновь повторяет свои идеи «о жесткой концентрации промышленности», предусматривавшей закрытие ряда крупных заводов, «ужесточении политики в отношении крестьянства», вновь настаивает на политике «милитаризации труда». На этом стоит остановиться подробнее.

Еще на IX съезде РКП(б) в своей речи Троцкий провозгласил, что «когда мы подходим к вопросу о строительстве общественного хозяйства на основах коммунизма, то мы сразу упираемся в вопрос о милитаризации. Милитаризация теперь является тем более необходимой, что мы перешли к широкой мобилизации крестьянских масс, формируя из нее части, которые по своему типу приближаются к воинским частям. То же относится и к любым трудящимся массам. Рабочая масса при едином трудовом хозяйстве должна быть перебрасываема, назначаемая, командирована точно так же, как солдаты. Это и есть основа милитаризации

труда, и без этого ни о какой промышленности на новых основах в условиях разрухи и голода мы серьезно говорить не можем». Спустя три года Троцкий считает, что идея применения военных методов в промышленности и сельском хозяйстве не утратила своего значения. Будучи певцом «казарменного коммунизма», Троцкий часто противоречил себе: с одной стороны, правильно говорил об отсутствии демократии в партии, с другой — настаивал на использовании методов милитаризации как универсальных в переходный период. Так или иначе, затеянная Троцким осенью 1923 года дискуссия по экономическим вопросам в условиях, когда Ленин был тяжело болен, имела целью скомпрометировать не столько политику ЦК по этим вопросам, но прежде всего Сталина на посту генсека.

Объединенный Пленум ЦК и ЦКК РКП(б) осудил действия оппозиции Троцкого. За него проголосовало лишь два человека из 114-ти, участвовавших в заседании. Фактически еще до начала борьбы за место лидера в партии Троцкий оказался в одиночестве, его поражение было предreshено. Тогда он пытается опереться на армию, где еще имел немалый авторитет. С помощью начальника ПУРа Антонова-Овсеенко, своего дарного сторонника, он намеревался использовать вооруженные силы для выражения несогласия с линией ЦК. Однако коммунисты армии и флота не поддержали Троцкого, за небольшим исключением. Итоги дискуссии подвела XIII партконференция, не только осудившая инакомыслие, но и принявшая ряд новых решений в области экономической политики. Впоследствии Троцкий писал, что атаки на ЦК, дискуссии, затеваемые им, имели цель не допустить бюрократизации партии. Однако бросается в глаза, что каждую свою дискуссию Троцкий начинал в крайне невыгодный для себя момент, фактически заранее зная, что его ждет поражение.

Очень символично, что именно в тот момент, когда Троцкий написал письмо в ЦК о «бюрократическом режиме в партии», Ленин последний раз посетил Москву. Как будто чувствуя, что его наихудшие опасения в отношении раскола в руководстве партии могут стать реальностью, вождь вопреки воле врачей 18 октября приезжает на автомобиле в столицу. Глядя на здание ЦК, Совнаркома, Ленин, вероятно, думал, что октябрьское письмо Троцкого — это новый этап борьбы за лидерство в партии. Почему у людей бывают такими сильными личные амбиции? Что питает их властолюбие? Почему здесь, в Москве, они не поймут, что революции надо выжить? А выжить можно, лишь уняв цезаристские мотивы. На следующий день его внимательный взор последний раз окинет площадь и соборы Кремля, улицы Москвы, павильоны Сельхозвыставки. Вернувшись в Кремль, Ленин отберет для себя книги из библиотеки и поедет назад в Горки. Встреч с соратниками не было. Его безмолвное и полутайное посещение Москвы, Кремля было как, бы прощанием со всем тем, что связывало Ленина с этим беспокойным и смутным миром...

Каково политическое лицо Троцкого, человека, претендовавшего после смерти Ленина на самую первую роль? Известно, что со II съезда партии он примкнул

к меньшевикам. После февраля 1917 года Троцкий в составе так называемых «межрайонцев» на VI съезде партии был принят в ее ряды и сразу же избран в состав ЦК. В период Октября, будучи председателем Петроградского Совета, Троцкий проделал огромную работу. Это отмечал и Сталин. В своей речи «Троцкизм или ленинизм?» он говорил: «Я далек от того, чтобы отрицать несомненно важную роль тов. Троцкого в восстании... Да, это верно, Троцкий хорошо дрался в Октябре. Но в период Октября хорошо дрался не только тов. Троцкий...»

Действительно, Троцкий в революции, гражданской войне быстро завоевал себе широкую популярность благодаря незаурядным организаторским и ораторским качествам, мастерству публициста. Известна высокая оценка Троцкого и Лениным в сентябре 1917 года. Говоря о выдвижении кандидатов партии в Учредительное собрание, Ленин сказал, что «никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Троцкого, ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во-вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата».

Видимо, будет исторической правдой сказать, что на каком-то определенном этапе после Октябрьского вооруженного восстания, в ходе гражданской войны и сразу после нее, Троцкий по популярности уступал только Ленину. При перечислении фамилий тогда не пользовались «алфавитным» принципом, и Троцкий всегда (или почти всегда) шел вторым после Ленина. Просматривая протоколы заседаний Пленумов ЦК за 1918—1921 годы, где обозначены присутствующие на них члены руководящего партийного органа, видишь, что, как правило, перечисление было таким: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Рудзутак, Томский, Рыков, Преображенский, Бухарин, Калинин, Крестинский, Дзержинский, Радек, Андреев. Так перечислены, например, члены ЦК на заседании Пленума ЦК РКП от 20—21 ноября 1920 года. Но популярность Троцкого не выражалась в большом количестве его сторонников. Складывалась парадоксальная картина: Сталин, не будучи лично популярным, олицетворял «линию» партии. Троцкий, заметно более популярный деятель, рано приобрел печать «фракционера», что не могло серьезно прибавить ему единомышленников. К тому же, как писал И. Дейчер, «Троцкий был настолько уверен в своем положении в партии и в стране, в своем превосходстве над противником, что долго не хотел ввязываться в открытую борьбу за преемственность». Он и так считал, что после Ленина партия обязательно остановит выбор на нем.

При внимательном анализе работ Троцкого видно, что многие идеи его исходят из главного: неизбежности мировой революции. Известно, что в своей борьбе со Сталиным, вспыхнувшей после смерти Ленина, он пытался взять на вооружение идеи социалистической демократии, хотя в то же время он одобрял военные методы в строительстве нового мира...

Они были ровесниками со Сталиным (оба родились в 1879 году с интервалом в два месяца), но интеллект Троцкого был более утонченным, более богатым. Ему были свойственны, как свидетельствуют люди, знавшие его, и многочисленные биографы Троцкого, живость мысли, солидная европейская культура, неукротимая энергия, широкая эрудиция, блестящая манера выступать. Но от переоценки значимости своей персоны Троцкий со всеми, за исключением Ленина, был высокомерен, авторитарен, нетерпим к другим мнениям. Отсутствие прочных кристаллов марксистских убеждений сделало его «героем момента», наивным пророком, несостоявшимся лидером.

Сталин постепенно нащупал все слабые качества натуры Троцкого и с максимальной последовательностью использовал их в своей борьбе с ним. Троцкий не очень заботился о «причесанности» и взвешенности своих выступлений, замечаний, высказываний, думая больше об их афористичности, парадоксальности и образности. Однажды в разговоре с Лениным он сказал «крылатую фразу», которая стала известна Сталину: «Кукушка скоро прокукует смерть Советской Республике». Отныне у Сталина появился «железный» аргумент для обвинений Троцкого в неверии и капитулянтстве. И чем больше оправдывался Троцкий, тем больше он обвинял себя. Сталин уже тогда проявил себя исключительно цепким и изощренным бойцом, устоять против короткого политическому или идеологическому противнику было очень не просто.

Если практическая деятельность Троцкого в годы революции и гражданской войны заслуживает серьезной оценки, правда, с рядом существенных оговорок, то в политическом, теоретическом отношении это был человек, преследующий свои узкоэгоистические, карьеристские интересы. Это был сторонник жестких методов, репрессий и смертной казни. В своих мемуарах в этом отношении он так излагает свое кредо: «Нельзя армию строить без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. Надо ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади», — так цинично рассуждал несостоявшийся премьер.

В. И. Ленин, как и многие другие руководители партии, отмечая ораторские, литературные способности крайне честолюбивого человека, видел его политическую близорукость, заключающуюся прежде всего в переоценке перспектив мировой социалистической революции.

А. М. Горький вспоминает, что он был удивлен высокой оценкой, которую дал Ленин организаторским способностям Троцкого: «Заметив мое удивление, Владимир Ильич добавил:

— Да, я знаю, о моих отношениях с ним что-то врут. Но — что есть — есть, а чего нет — нет, это я тоже знаю. Он вот сумел организовать военных специалистов».

Действительно, Троцкий с редкой настойчивостью провел в жизнь ленинскую идею об использовании старых специалистов в интересах революции. В своем при-

казе № 21 от 11 августа 1918 года Троцкий писал: «В полученных мною донесениях указывается, что молодые генштабисты (офицеры Генерального штаба последних выпусков) в недавних боях на Восточном фронте сражались героически. Считаю долгом своим довести об этом до сведения всей страны. Стало быть, старое кадровое офицерство выделило из себя не одних изменников, которые продают себя поочередно каждой из воюющих сторон. Среди молодых генштабистов немало таких, которых революция связала с рабочим народом и советской властью. Честь им и место. Изменники будут раздавлены, а молодые генштабисты будут призваны строить Рабочую и Красную Армию вооруженной России. Наркомвоен Троцкий».

Именно по его инициативе на заседании ЦК 25 октября 1918 года было принято решение освободить из-под ареста всех офицеров, взятых в качестве заложников. Было записано в постановлении ЦК, что те из них, в отношении которых не будет обнаружена принадлежность к контрреволюционному движению, могут быть приняты в Красную Армию. Правда, здесь же было оговорено, что они «должны предоставить список своих семейств» и им указывается, что «семьи будут арестованы в случае их перехода к белогвардейцам». Сталин запомнил это заседание ЦК. Предложения Троцкого о бывших царских офицерах тогда поддерживали, а проект Сталина о привлечении к суду военного трибунала командующего и члена Военного совета Южного фронта отклонили. Записали: «Никого к судебной ответственности не привлекать и поручить т. Аванесову произвести расследование и результаты сообщить в ЦК». Сталин оба этих решения расценил как «интеллигентский либерализм», особенно в отношении бывших офицеров.

Карл Радек в первом издании своих «Портретов и памфлетов» в статье «Лев Троцкий» пишет, что тому «благодаря своей энергии удалось подчинить бывшее кадровое офицерство... Он сумел завоевать себе доверие лучших элементов специалистов и превратить их из врагов Советской России в ее убежденных сторонников. Я помню ночь, когда пришел ко мне в комнату покойный адмирал Альтфатер, один из первых офицеров старой армии, который начал не за страх, а за совесть помогать Советской России, и сказал мне просто:

— Я приехал сюда потому, что был принужден. Я вам не верил, теперь буду помогать вам и делать свое дело, как никогда я этого не делал, в глубоком убеждении, что служу родине».

Троцкий, пишет Радек, был беспощадным человеком. Когда возникла смертельная опасность Советской России, Троцкий не останавливался ни перед какими экономическими, материальными жертвами. Он, вспоминает Радек, сказал парадоксальную фразу: «Мы ограбили всю Россию, чтобы победить белых». В своем очерке К. Радек идеализирует Троцкого, приписывает ему много из того, что отличало не только его. Но можно предположить, что Ленин, видя ум и большие организаторские и пропагандистские способности Троцкого, долго пытался «довернуть» его в нужную сторону. Однако немалая высокая амбициозность и неоднозначность мировоззренческих устоев одного

из «вождей революции» очень сильно мешали этому. Хотя, как знать, не эволюционировал ли бы Троцкий, будь жив Ленин. Сделать ему это было трудно: почти по всем основным пунктам он в разное время расходился и с Лениным, и с партией. Как пишет С. Козн, Троцкий, например, «в нэпе увидел первый признак вырождения большевизма и утраты радикального характера русской революцией». Его предложения о «диктатуре промышленности», развертывании «трудовых армий», необходимости «крови и нервов» при достижении цели при внешнем левачестве были крайне опасны. Троцкий, продолжает С. Козн, «почувствовал, что, когда гражданская война закончилась — завершилась и кульминационная точка его судьбы».

Задним числом, уже в эмиграции, Троцкий будет усиленно распространять версию, что Ленин хотел привлечь его в «блок» против Сталина и хотел осуществить вместе с ним, Троцким, акцию смещения генсека на XII съезде партии. В книге «Моя жизнь» Троцкий утверждает, что «Ленин систематически и настойчиво ведет дело к тому, чтобы нанести на XII съезде, в лице Сталина, жесточайший удар бюрократизму, круговой поруке чиновников, самоуправству, произволу и грубости. Ленин успел в сущности, — пишет далее Троцкий, — объявить войну Сталину и его союзникам, причем и об этом узнали лишь непосредственно заинтересованные, но не партия». Зачем понадобились эти откровения? А затем, чтобы без обвиняемых заявить: Ленин готовил его, Троцкого, своим преемником. С этой целью он по-своему комментирует ленинское «Письмо к съезду» и делает вывод: «Бесспорная цель завещания — облегчить мне руководящую работу (разрядка моя. — Д. В.). Ленин хочет достигнуть этого, разумеется, с наименьшими личными трениями». Вот в этих словах, возможно, потаенный (да и потаенный ли?) смысл долгой борьбы Троцкого. Он уже видел себя лидером, диктатором, вождем.

О несостоятельности версии Троцкого говорят ленинские строки. Ленину совсем ни к чему был «блок» с Троцким для смещения Сталина. Авторитет Ленина был непререкаемым. Другое дело, что иногда в силу разных «высот» интеллектов его не понимали. Когда Владимир Ильич заболел, это непонимание кое-кто пробовал объяснить следствием болезни, трудностью общения, оторванностью вождя от реалий бытия. Однако не вызывает сомнений: если бы Владимир Ильич был здоров, одно его предложение о замене генсека на заседаниях Политбюро, подкрепленное, как всегда, глубокими аргументами, сыграло бы свою роль. Ленин считал неудачной фигуру Сталина на посту генсека, но не менее неудачной, а политически тоже опасной была и кандидатура Троцкого.

До смерти В. И. Ленина отношения Сталина с Троцким были сложными. Сталин вначале даже восхищался «трибуном», но впоследствии довольно быстро понял, что «кажимость» Троцкого еще не отражает всей его сути. Сталин раньше других, не считая, разумеется, Ленина, почувствовал, что Троцкий замахнулся на роль преемника вождя. Постепенно внутренняя неприязнь Сталина к Троцкому вылилась в тщательно

скрываемую до поры до времени ненависть. Про себя Сталин своего врага мысленно называл «авантюристом», «жуликом», перефразируя ленинские слова о «жульничании» бывшего меньшевика Троцкого. Обладая отличной памятью, он нанизывал многочисленные ошибки, зигзаги, повороты, авантюры Троцкого на нить своих будущих аргументов, разоблачений, критики, осуждения...

Он не забыл «революционной» фразы Троцкого во время Бреста, смахивавшей на предательство; помнил, как Троцкий отдал приказ расстрелять большую группу политработников Восточного фронта за измену нескольких военспецов (трагедию удалось предотвратить лишь благодаря вмешательству Ленина); держал в уме нелепое предложение Троцкого о посылке корпуса кавалерии в Индию для инициирования революции, памятовал о «кукушке» Троцкого, которая была готова прокуковать конец советской власти...

Многим не нравилось, что вскоре после революции Троцкий окружил себя целым штатом помощников и секретарей. Глазман, Бутов, Сермукс, Познанский, другие «оруженосцы» помогали Троцкому вести большой архив, переписку, готовить тезисы и материалы к бесчисленным статьям и выступлениям, давали нередко и творческие импульсы. Троцкий в этом отношении предвосхитил роль интеллектуального окружения политических деятелей конца XX века, которые нередко просто беспомощны без такого аппарата.

Генсек был убежден, что Троцкий в революции, гражданской войне, в первые годы перехода на мирные рельсы страны смотрел на все многочисленные проблемы России лишь через призму своих властолюбивых интересов. Вскоре их отношения характеризовались уже глубокой взаимной неприязнью. К месту будет сказано, что у Троцкого были плохие отношения не только со Сталиным. Так как он не скрывал своего «превосходства» над другими, то фактически никогда не имел в руководстве близких сторонников. Даже кратковременный союз с Зиновьевым и Каменевым, который возникнет позже лишь на антисталинской основе, будет вынужденным. Но надо сказать прямо, Троцкий сильно недооценил Сталина, эту «выдающуюся посредственность в партии», как он стал говорить открыто после его вывода в 1926 году из состава Политбюро.

С мартовского приступа болезни у Владимира Ильича Сталин внутренне считал себя обязанным не допустить Троцкого к руководству партией. Поражение последнего в развязанной его сторонниками дискуссии заметно уменьшило его шансы независимо от того, какое решение принял бы съезд по ленинскому письму. Сталин был убежден, о чем он впоследствии не раз говорил в узком кругу, что, приди к руководству партией Троцкий, революционным завоеваниям угрожала бы смертельная опасность. Троцкий не только недооценил волю и изощренный ум Сталина, но и своими бесконечными выпадами, дискуссиями, язвительными статьями невольно поднял авторитет Сталина, который в этих условиях уже выступал как защитник ленинского наследия, хранитель единства партии. Чем больше «наскикивал» Троцкий на Сталина, тем сильнее падала его

популярность. И дело здесь не в Сталине, а в представлении, создавшемся в общественном мнении, о том, что Троцкий атакует линию партии. По существу, Троцкий сам помог Сталину укрепить его политические позиции. Сталин в глазах членов партии ни разу не «качнулся» вправо или влево (а в действительности стал в оппозицию Ленину), опираясь в борьбе с Троцким на своих будущих противников Зиновьева и Каменева.

Кому нужно в полуразрушенной стране вечно спорящее руководство? Именно об этом напомнила XIII партконференция, которая состоялась в течение трех дней в середине января 1924 года. Она обсудила очередные задачи экономической политики и вынесла свой вердикт троцкистской оппозиции. В резолюции конференции «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии» была дана политическая оценка оппозиции. 19 и 20 января Н. К. Крупская постепенно, «дозами» читала Ленину материалы партконференции. «Когда в субботу, — вспоминала позднее Надежда Константиновна, — во время моего чтения Владимир Ильич стал волноваться, я сказала ему, что резолюции приняты единогласно». Обсуждение вопроса об оппозиции шло остро, Зиновьев и Каменев, будущие союзники Троцкого, требовали на конференции его, вывода из состава Политбюро и ЦК. Нетрудно представить, как было тяжело Ленину на протяжении многих месяцев, будучи в полной ясности сознания, не принимать активного участия в партийных делах! Все видеть, слышать, понимать, много думать и быть бессильным... Могучая мысль была в нем заточена. Можно только догадываться о глубине духовной трагедии вождя. Ленин понимал, что его предположения о возможности обострения фракционной борьбы в партийном руководстве — реальность.

Днем 21-го произошло резкое ухудшение в состоянии здоровья В. И. Ленина. Евдокия Смирнова, работница швейной фабрики, которая со дня мартовского приступа Ленина помогала Надежде Константиновне ухаживать за больным Ильичем, вспоминала:

— Утром, как всегда, подала я ему кофе, а он поклонился приветливо и прошел мимо стола, а пить не стал, ушел к себе в комнату и лег. Я ждала его до четырех часов с горячим кофе, все думала, проснется, выпьет. А уж ему плохо стало. Спросили у меня горячие бутылки... Пока их наливали да принесли, они уж не нужные ему были...

Вечером, в 18.50, Ленина не стало. Диагноз врачей лишь подтвердил причины смерти: основной болезни явился резко выраженный склероз сосудов мозга от чрезмерной напряженной умственной деятельности. Непосредственная причина — кровоизлияние в мозг. Троцкий, находившийся на южном курорте, по каким-то неясным причинам не прибыл на похороны, хотя в его распоряжении было достаточно времени. Однако он с Тифлисского вокзала 22 января передал по телеграфу в «Правду» коротенькую статью. В ней есть такие строки:

«И вот нет Ильича. Партия осиротела. Осиротел рабочий класс. Именно это чувство порождается прежде всего вестью о смерти учителя, вождя. Как пойдем вперед, найдем ли дорогу, не собьемся ли?»

Наши сердца потому поражены сейчас такой безмерной скорбью, что мы все, великой милостью истории, родились современниками Ленина, работали рядом с ним, учились у него.

Как пойдем вперед? — С фонарем ленинизма в руках...

Было бы кощунственно ставить под сомнение искренность скорбных слов Троцкого — перед Лениным не мог не преклоняться и он. Но акцент на «сиротстве» не случаен, ведь есть же «современники» Ленина, которые «работали рядом с ним».

Ночью 22-го состоялся экстренный Пленум ЦК, а 27 января гроб с телом Ильича был установлен в Мавзолее на Красной площади. На II Всесоюзном съезде Советов, открывшемся 26 января, были приняты важные решения по увековечению памяти В. И. Ленина.

Траурное заседание II съезда Советов проходило в затаянном в креп Большом театре.

В 6 часов 20 минут вечера первый Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин обратился с предложением к членам Президиума ЦИК СССР и членам ЦК РКП занять места за столом президиума. В нашей печати до недавнего времени дело изображалось так, что выступал один Сталин со своей «клятвой». Но все было иначе. Председатель ЦИК СССР Петровский предоставил слово М. И. Калинин, затем Н. К. Крупской, Г. Е. Зиновьеву. Председатель Исполкома Коминтерна Зиновьев прямо спросил присутствующих: «Сумеет ли мы провести нашу страну дальше в тот край обетованный, который предносился духовному взору Владимира Ильича? Сумеет ли мы, хотя бы с грехом пополам, напрягая все силы коллективного разума и коллективной организованности, выполнить то, чему учил нас Владимир Ильич?» Выступали Бухарин, Клара Цеткин, Томский, Бухтарасулин, Краюшкин, Сергеев, Нариманов, Зверева, Каменев. В выступлении последнего прозвучала интересная мысль: «Он никогда не боялся остаться один, и мы знаем великие поворотные моменты в истории человечества, когда этот вождь, призванный руководить человеческими массами, был одинок, когда вокруг него не было не только армий, но и группы единомышленников. Единственно, что не оставляло его никогда, — это вера в творчество подлинных народных масс». Держали речи на заседании Ольденбург, Ворошилов, Смородин, Рыков. Сталин выступал четвертым, после Зиновьева.

Речь была произнесена Сталиным (как всегда, текст готовил он сам, с последующим ознакомлением с ней членов Политбюро) в необычной для него патетической манере клятвы. «Катехизисное» мышление и здесь дало о себе знать. Все разложено по «полочкам». Призвал создать «царство труда на земле, а не на небе». Но в его речи было и нечто такое, что всегда до последних дней его жизни будет присуще ему: гимн силе, готовности к жертвам — «мы не пощадим сил», «отражая бесчисленные удары», «сила нашей страны», «в этом наша сила», «не пощадим своей жизни». Сталин от имени партии клялся хранить звание члена партии, ее единство, укреплять диктатуру пролетариата, крепить союз рабочих и крестьян, укреплять

союз братских республик, верность интернационализму. В речи не было упомянуто ни народовластие, ни социалистическая демократия. Возможно, они подразумевались в русле упрочения диктатуры пролетариата? Ведь она имеет не только насильственную сторону. Однако скорее всего Сталин просто в этих «тонкостях» не нуждался.

Начиналась новая глава истории. Преемником Ленина на должности Председателя Совнаркома стал А. И. Рыков, а на пост Председателя Совета Труда и Обороны был выдвинут Л. Б. Каменев. Сталин, оставаясь на посту генсека, стал ждать решения XIII съезда партии, где, согласно воле умершего В. И. Ленина, должны были зачитать его письмо к съезду. Но знали ли он доподлинно об этом письме? На этот счет есть разноречивые данные.

ДАЛЬНИЕ ИСТОКИ ТРАГЕДИИ

Есть события, которые до поры до времени остаются в тени истории, хотя они заслуживают неизмеримо большего. Это касается, в частности, судьбы ленинского «Письма к съезду». Мы уже говорили, что оно могло быть адресовано делегатам и XII, и XIII съезда партии, но не стало «пленарным» предметом их внимания. Мысли Ленина, изложенные в письме, для конкретного исторического момента не смогли в силу противодействия сыграть ту роль, на которую были рассчитаны, но для будущего их роль неопределима. В истории политической мысли они останутся как предупреждение-пророчество, гласящее: самые высокие и благородные цели требуют для своей реализации моральной чистоты.

Письмо В. И. Ленина от 24—25 декабря 1922 года и добавление от 4 января 1923 года, перепечатанные и уложенные в конверты, Н. К. Крупская в соответствии с волей Владимира Ильича передала в ЦК партии 18 мая 1924 года, за пять дней до открытия очередного, XIII съезда РКП(б). В специальном протоколе, фиксирующем передачу этих бесценных документов, рукой Н. К. Крупской записано: «Мною переданы записи, которые Владимир Ильич диктовал во время болезни с 23 декабря по 23 января — 13 отдельных записей. В это число не входит еще запись по национальному вопросу (в данную минуту находящаяся у Марии Ильиничны).

Некоторые из этих записей уже опубликованы (о Рабринке, о Суханове). Среди неопубликованных записей имеются записи от 24—25 декабря 1922 года и от 4 января 1923 года, которые заключают в себе личные характеристики некоторых членов Центрального Комитета. Владимир Ильич выражал твердое желание, чтобы эта его запись после его смерти была доведена до сведения очередного партийного съезда. Н. Крупская».

Пленум, состоявшийся накануне съезда, по докладу комиссии, принимавшей ленинские бумаги, принял постановление такого содержания: «Перенести оглашение зачитанных документов, согласно воле Владимира Ильича, на съезд, произведя оглашение по делегациям и установив, что документы эти воспроизведены

не подлежат и оглашение по делегациям производится членами комиссии по приему бумаг Ильича».

Это был первый съезд без Ленина. Политический доклад делал Зиновьев. Начал чтение доклада необычно и взволнованно: «В сегодняшней «Правде» один из наших родных рабочих-поэтов прекрасно изобразил настроение партии, относящееся как раз к данному моменту съезда:

Видно, у мыслей
Дрогнули колени,
В омуте глаз
Заблудилась тоска.
— Политотчет Цека...
Читает... читает...
Не Ленин...

Без Ленина, без светильника, без самой гениальной головы на земле приходится нам разрешать теперь те громадной важности вопросы, от которых зависят судьбы нашей партии».

В пространном докладе Зиновьева рассматривался широкий круг вопросов: итоги года, о факторе времени в социалистических преобразованиях, о работе ЦК и Политбюро, об итогах дискуссии, о национальном вопросе, международном положении. Работе РКП(б) в Коминтерне, о результатах нэпа, о ленинском плане кооперации. В докладе есть специальный раздел о том, чтобы РКП(б) «не была только партией города», о «культурных ножницах» и т. д. Однако ни в докладе Зиновьева, ни в орготчете Сталина вопросы, поднятые В. И. Лениным в его последних письмах, фактически не были затронуты. Ленин ведь не просто изложил «план построения социализма», как потом долго у нас говорили, в области индустриализации, коллективизации и культуры. Здесь тоже сказался схематизм мышления Сталина, привыкшего все расчленять и упрощать до неузнаваемости. Ленинское «Завещание» — это его концепция социализма, в центре которой находятся вопросы, обосновывающие народовластие, рассматривающие гарантии демократии. По сути, Ленин искал пути: как не допустить отчуждение рабочего человека, труженика, от его власти? как победить нарождающуюся бюрократию? как сделать демократичным, гибким аппарат, как поднять роль общественного контроля? Все эти вопросы и составляли суть ленинского намерения о «ряде перемен в нашем политическом строе», хотя, как мы знаем сегодня, эти идеи не являются универсальными.

К великому сожалению, Политбюро, его ядро — Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Бухарин — не захотели, а может быть, не смогли в полной мере понять последних замыслов Ленина. XIII съезд партии, рассматривая многие важные вопросы текущей жизни, решал задачи сегодняшнего дня, а не завтрашнего. Центральная идея ленинского «Завещания» о развитии народовластия не стала главной в работе съезда.

Вопросы расширения демократической стороны диктатуры пролетариата, обновления руководящих органов, широкое привлечение масс к решению государственных вопросов фактически не поднимались. Сталин лишь коснулся вопроса расширения ЦК. Однако, мы помним, Ленин говорил о расширении ЦК за счет

рабочих и крестьян, в то же время и на XII, и на XIII съезде в состав ЦК вошли пусть и достойные люди, но в подавляющем большинстве это были профессиональные революционеры. Новых членов ЦК из числа рабочих и крестьян было очень мало, а это, согласитесь, не одно и то же.

В политическом докладе Зиновьева вопросы социалистической демократии, о которых так заботился Ленин, были освещены своеобразно. Докладчик привел высказывание одного инженера завода, специалиста, заявившего, что мало дать людям предметы первой необходимости, им нужно дать «права человека». Пока не имеем этих прав, заявил инженер, мы будем инертны. Пока не будет признано, что «человек — высшая ценность в государстве», у людей будет низкая общественная и трудовая активность. Правда, наряду с этим глубоким высказыванием специалист допустил немало и неверных суждений. Зиновьев на подобное настроение интеллигенции реагировал следующим образом: «Нам надо улучшить материальное положение специалистов, но политических прав, какие они просят, они не получают как своих ушей без зеркала». Так думал не только Зиновьев, но и многие в ЦК, не имевшие возможности постичь глубоко гуманистическую концепцию социализма. В этом неведении также кроются истоки будущих бед. Слов нет, после революции прошло лишь шесть с половиной лет. Без диктатуры пролетариата союз республик просто бы не устоял под напором внутренних и внешних врагов, но забвение демократических начал, народовластия, о чем так заботился Ленин, не могло рано или поздно не сказаться.

Ленинское письмо на съезде не заняло того места, какое оно должно было занять. Отдельные делегации были ознакомлены с письмом специально выделенными людьми. Особенно активничал Каменев. Никаких обсуждений не было. В завершение такого информирования товарищем из комиссии по приему ленинских документов вносилось заранее подготовленное предложение: рекомендовать Сталину в своей практической работе учесть критические замечания Ленина. На этом работа вокруг письма заканчивалась. По существу, благодаря такой форме доведения ленинского письма оно фактически недооценивалось. Важнейший документ исторического значения не стал основой для утверждения демократических норм в партийной жизни, основой организационных изменений в руководящем эшелоне партии и выдвижении нового лица на пост Генерального секретаря.

Нужно учесть при этом, что с момента написания «Письма» прошло почти полтора года. За это время Сталину пришлось возглавить борьбу с Троцким, который еще незадолго до смерти Ленина повел, используя разные предлоги, яростные атаки на генсека. Сталин выступил решительно против этих нападок, и его поддержало большинство партии. Все это не могло не сказаться на отношении делегатов к Сталину. Многие могли рассуждать: убрать Сталина — это значит признать правоту Троцкого...

Политическая культура многих делегатов (и это не

их вина, а отражение общей ситуации в стране) была невысокой. Многие слабо разбирались в хитросплетениях реальной политики, часто кажимость принимали за сущность.

В делегациях при чтении письма не возникали сомнения, почему этот важнейший документ не обсуждают непосредственно на съезде. Зачем эта келейность? Почему не обнародовать ленинские предложения? Все это является не только результатом определенной «обработки» и давления, но и прежде всего невысокой политической культуры многих делегатов.

Одна из причин будущих бед — в неразвитости на определенном этапе политической культуры не только большей части населения, но и членов партии. Едва ли многие из них догадывались, что именно сейчас, отставшись после революции от бога на небе, они сделали шаг к тому, чтобы создать его на земле. Не знали они и того, что бог на небе был символом и требовал чаще символических жертв, а «бог» на земле не удовлетворится этим, и жертвы для него будут страшными. Увы, такие провидцы, как Ленин, — уникальная историческая редкость.

Но ведь не у всех же была невысокой политической культура! Разве Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский, Дзержинский, Калинин, Рудзутак, Сокольников, Фрунзе, Андреев, многие другие большевики не понимали, что нужно самым внимательным образом проанализировать «Завещание» вождя? Думаю, что понимали, но лозунг «единства», часто понимаемый формально, глушил голос интеллектуальной совести. Можно даже сказать, что ее, совести, шанс не был использован. Так будет еще не раз. возвышение нового вождя будет происходить не только в условиях непрерывного сжигания, урезания, кастрирования реальной демократии, превращения партии в машину власти, но и глушения зова совести многих из тех, кто должен был публично, открыто протестовать против узурпации власти одним человеком. Все знают, чем бы это кончилось для конкретного человека, но в том-то и дело, что использовать этот шанс совести можно лишь в союзе с мужеством мысли. Внутреннее же рабство, как правило, оказывалось сильнее.

Когда Сталину стало известно о ленинском письме, он заявил о своей отставке. Это был правильный шаг — только так должен был поступить любой революционер на его месте. Если бы она была принята, возможно, многое пошло бы по-другому. К слову сказать, в двадцатые годы Сталин не раз заявлял о своей отставке. После XV съезда, например, в довольно категорической форме. Троцкистско-зиновьевская оппозиция потерпела тогда поражение, съезд организационно это оформил. На первом Пленуме после съезда Сталин обратился к членам ЦК с просьбой:

«Я думаю, что до последнего времени были условия, ставящие партию в необходимость иметь меня на этом посту как человека более или менее крутого, представлявшего известное противоядие оппозиции. Сейчас оппозиция не только разбита, но и исключена из партии. А между тем у нас имеется указание Лени-

на, которое, по моему, нужно провести в жизнь. Поэтому прошу Пленум освободить меня от поста генерального секретаря. Уверю вас, товарищи, что партия от этого только выиграет». Но к этому времени авторитет Сталина возрос, и он олицетворял собой в партии человека, борющегося за единство, непримиримо выступающего против различных фракционеров. Отставка вновь была отклонена. Но, похоже, Сталин в этом был уже уверен; и просьба об отставке имела цель укрепить свое положение.

Каменев и Зиновьев на XIII съезде предприняли все меры, чтобы ленинская настоятельная рекомендация осталась без удовлетворения, Сталина уговорили взять свое устное заявление обратно и выработали сообщательную линию, согласно которой Сталину предложено учесть пожелания и критические замечания умершего вождя. Зиновьев и Каменев лично проводили эту работу в крупных делегациях, фактически дезавуируя идеи Ленина. Они немало сделали, чтобы обелить своего будущего могильщика!

Этим политикам, не лишенным способностей и заслуг перед революционным движением, на том этапе казалось главным не допустить Троцкого на первые роли. Не судьбы революции, судьбы ленинского «Завещания» и будущее страны их интересовали в первую очередь. Старый, как сам мир, императив вышел на первый план: личные интересы, амбиции, тщеславие. Сталина они оба, как и Троцкий, явно недооценивали. Известно, например, что Зиновьев в начале двадцатых годов в узком кругу говорил: «Сталин — хороший исполнитель, но им всегда нужно и можно управлять. У самого Сталина этих способностей к самоуправлению нет». Видимо, Зиновьев, а с ним и Каменев в своих планах рассчитывали, что Сталин останется в роли генсека лишь как руководитель секретариата, а в Политбюро роль первой скрипки будет играть другой человек. Конечно, Зиновьев! Сталин видел эти расчеты и до поры до времени делал вид, что такой «расклад» его устраивает. Ведь не случайно же он добился, чтобы докладчиком по основному, политическому вопросу на XIII съезде выступил Зиновьев! Зиновьев и Каменев опасались Троцкого и не считали опасным Сталина. Троцкий же на съезде был пассивным, похоже, он просто ждал, когда его позовут... Такова была обстановка в руководящем ядре ЦК.

Сегодня, спустя десятки лет, можно сказать, что главные лица, ставшие на пути реализации воли Ленина, были Зиновьев и Каменев (разумеется, и сам Сталин, но один он ничего бы не смог сделать). Именно эти два политика, руководствуясь сиюминутными личными интересами, пошли наперекор последней воле вождя. Они выступили против него в 1917 году, выступили против него и тогда, когда его не стало. А ведь Зиновьев любил публично с гордостью говорить, что до революции на протяжении целых десяти лет (с 1907 по 1917 г.) он был ближайшим учеником Ленина! Что, мол, никто так не поддерживал Ленина в Циммервальде и Кинтале, как он, Зиновьев. Каменев был лично близок семье Ульяновых и не скрывал этого. Как бы то ни было, эти два политических близнеца уверовали в свою особую роль после Ленина. Именно они совме-

стно со Сталиным приняли решение не предавать гласности ленинское «Письмо к съезду». И хотя на XV съезде партии этот документ, по предложению Орджоникидзе, был опубликован в текущем бюллетене, до широких слоев партии он не дошел.

Авторитарность, антидемократичность, проявленные в истории с письмом, были хорошо усвоены Сталиным, и он в последующем еще не раз воспользуется уроком, «школой» Зиновьева и Каменева. Они хотели прошлое оставить прошлому, но это не всегда можно сделать. Сами не ведая, эти люди посеяли конфликт прошлого с будущим. В кровавой жатве падут со временем и их головы. Сталин сразу же, как только одолеет с их помощью Троцкого, потеряет в них всяческую нужду, а через десяток с небольшим лет хладнокровно санкционирует их физическое уничтожение. Нетрудно представить, сколько раз мысль Зиновьева и Каменева с отчаянием возвращалась ко времени, когда они, презрев ленинское письмо, сами подтолкнули наверх диктатора, своего будущего палача!

Правда, когда между Сталиным, с одной стороны, и Зиновьевым и Каменевым, с другой, произошел разрыв, тут они стали прозревать. Поскольку речь зашла о личном положении, политические близнецы, забыв о недавней защите Сталина, выступили против него. На XIV съезде партии в декабре 1925 года Каменев, как мы знаем, обратится к делегатам: «Я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба». Делегаты съезда это заявление оценят как очередной выпад фракционеров. То, что сделали эти недалёковидные политики раньше, сохранив Сталина вопреки ленинскому пожеланию на посту генсека, изменить им уже не удастся. Как, впрочем, и никому.

В этих условиях Троцкий, потерпевший безоговорочное поражение в прошедшей дискуссии попытался «сохранить лицо», временно заняв гуттаперчевую позицию. Его выступление на XIII съезде Зиновьев охарактеризовал не «съездовской» речью, а «парламентской». По его мнению, Троцкий адресовался не к делегатам, а к партии и пытался «говорить совсем не то, что думает». Действительно, выступление Троцкого было необычным. Его основное содержание было направлено против бюрократизации партийного аппарата. Для убедительности он ссылался на Ленина, Бухарина, атакуя руководство ЦК с позиций новатора, борца за сохранение революционных традиций в партии. «Масса мыслит медленнее, чем мыслит партия», — утверждал Троцкий. Чтобы сохранить способность партии «мыслить быстро и верно», надо освободиться от недомоганий в виде бюрократии партийного аппарата. Могло показаться, что он знаком с идеями последних (пока еще неизвестных) писем Ленина. Но, оказывается, Троцкий свои стрелы против бюрократизма пускал с иной целью: по его мнению, бюрократия плодит фракционность. Бюрократия, полагал он, оправдывала идеологические и политические атаки штаба партии. Другими словами, его вызов партии для дискуссии был как бы ответом на бюрократию в ЦК, губкомах, всех эшелонах партийной иерархии. Троцкий остался самим собой: тогда борца за демократию ему по-

надобилась как серьезный повод для оправдания своих нападок на курс ЦК. Хотя в партии не забыли, что именно он был одним из инициаторов методов «казарменного коммунизма», с неизбежностью рождающего бюрократические извращения.

Можно сказать, что уже XIII съезд не пошел вперед в деле развития ленинских идей демократизации. Здесь находится источник многих будущих трагедий. Владимиру Ильичу хватило девяти месяцев, чтобы со всех сторон рассмотреть Сталина в роли генсека и увидеть в нем нечто такое, что его серьезно насторожило, но делегаты съезда не выполнили последней воли Ленина.

Справедливости ради следует сказать, что, возможно, многие члены ЦК понимали: если сместить Сталина, то невольно создается впечатление правоты Троцкого. И кто знает, не скомпрометирует Троцкий себя октябрьским (1923 года) вызовом, его шансы были бы довольно высокими. Альтернатива Троцкого не устраивала большинство соратников Ленина, так что с известной долей допущения можно сказать, что Сталин сохранил свой пост генсека и благодаря «помощи» Троцкого.

Демократические основы строительства были Лениным лишь в какой-то степени продуманы, но он не успел их развить. Возьмем лишь одну грань демократии: ротация руководящих работников. Ведь если бы даже Сталин был оставлен на посту генсека, но его пребывание было ограничено установленным уставным сроком, культового уродства в будущем можно было бы не допустить. Вполне понятно, когда королева Виктория, императрица Екатерина II или шах Ирана Реза Пехлеви находились на троне десятилетиями, они монархи! Но пребывание Сталина три десятилетия на посту, фактически ничем и никем не ограниченное, не могло не привести к деформациям. Не могло! В ленинском предложении XII съезду партии «Как нам реорганизовать Рабкрин» просматривается мысль об обязательном обновлении руководящих партийных органов, о разграничении функций ЦК и соввласти. Первые ростки демократии не были ухожены, постепенно их полностью заглушили более мощные побег догматизма, бюрократии, механического администрирования. Будущий культ «великого вождя» не был случайностью.

На первых порах не было никаких внешних признаков узурпации партийной власти, наоборот, Сталин вел борьбу с Троцким под лозунгом коллективной борьбы с его бонапартистскими, диктаторскими замашками, претензиями на единоличное лидерство и непомерные амбиции. Троцкий продолжал эксплуатировать политический капитал, нажитый им в годы гражданской войны, не замечая, что он, этот «капитал», стремительно таял. Сталин, критикуя претензии Троцкого на особую роль в руководстве, предлагал другую, более прогрессивную и демократическую альтернативу — «коллективное руководство». Правда, это руководство постепенно трансформировалось в сторону, выгодную самому генсеку. Сталин уже наметил для себя план постепенного изменения руководящего ядра партии. Первый, кого он должен устра-

нить из руководства, конечно же, Троцкий, но пока не надо форсировать события. Так, Политбюро после XIII съезда фактически осталось прежним, даже Троцкий сохранил в нем свое место. Новым членом оказался лишь быстро завоевывающий авторитет в партии Бухарин. Ленинская характеристика Бухарина как «любимца партии» ускорила его вхождение в высший партийный орган. Кандидатами в члены Политбюро были избраны Дзержинский, Сокольников, Фрунзе. Секретариат же предстал в новом виде: генсек — Сталин, второй секретарь — Молотов, секретарь — Каганович. Новый состав ядра ЦК стал более прочным, с точки зрения поддержки Сталина. Пожалуй, самые трудные часы партийной карьеры Сталиным были пережиты: он оказался не только не смещенным с поста генсека, на чем настаивал Ленин, но и упрочил свое положение в партийном руководстве.

После XV съезда партии ленинское «Письмо к съезду» на целые десятилетия исчезло из поля зрения партии, оно не было опубликовано в «Ленинском сборнике», хотя Сталин сам обещал добиться этого. Правда, в середине двадцатых годов «Письмо» несколько раз всплывало в связи с внутривнутрипартийной борьбой. Оно даже было опубликовано в бюллетене № 30 XV партийного съезда (тираж более 10 тысяч экземпляров) с грифом: «Только для членов ВКП(б)», разослано в губкомы партии, коммунистические фракции ЦИК и ВЦСПС; часть письма была опубликована в «Правде» 2 ноября 1927 года. Поэтому нельзя говорить, что партия совсем не знала об этом документе. Но, не исполнив волю Ленина сразу, позже это было сделать труднее и прежде всего потому, что на первых порах Сталин пытался хотя бы внешне изменить свое поведение. Со временем письмо стало «тайной». До поры до времени о нем знали лишь делегаты XIII съезда партии, члены ЦК, но постепенно круг их редел, — генсек будет отдавать предпочтение людям без прошлого. Правда, по ряду свидетельств, в 1926 году были предприняты последние попытки сохранить письмо для легальной партийной истории. Рыков и Петровский предлагали приложить его к стенограмме съезда, готовившейся к публикации, либо опубликовать в «Ленинских сборниках». Однако, как мы знаем, партия о ленинском завещании узнала лишь после XX съезда КПСС. Такие «тайны» опасны, они, как коррозия, уничтожают демократические основы, невольно создавая ложные представления у людей, что истина может быть в заточении. Кстати, К. Радек в своей брошюре «Итоги XII съезда РКП», вышедшей в 1923 году, пишет, что некоторые лица хотели «нажить капитал» на последних письмах Ленина, говоря, «что тут есть какая-то тайна», не дающая возможности их опубликовать.

Чем больше прячется от света истина, тем больше, как об этом свидетельствует опыт истории, возможностей для злоупотреблений. История «Письма» еще раз напоминает, что ложь всегда делают, фабрикуют, создают, а истину «фабриковать» не надо — ее просто нужно открыть, осветить, защитить. Для истины нужен свет, много света; ложь всегда ищет

темноту, закрытость и «секретность». А Сталин страшно любил «секреты». Множество грифов скоро появятся на «делах», папках, элементарных документах. Конечно, государственные и партийные секреты всегда существовали и, видимо, будут существовать. Но превращение в некую тайну простой переписки, отчетов, телеграмм, элементарных сведений создавало как бы особый пласт жизни для некоторых. Никто не задумывался, что чрезмерная засекреченность государственной и общественной жизни — почва для продажности. В центре всех «тайн» стоял сам Сталин, находивший время для личного реагирования на непрерывный поток сообщений.

Не без участия Троцкого текст ленинского «Письма к съезду» на Западе неоднократно публиковался. Вначале в США М. Истмэн опубликовал текст документа с пространными антисоветскими комментариями. Затем в 30-х годах во Франции Б. Суварин, французский гражданин русского происхождения, работник «Юманите», вернулся к этому документу. Постоянные усилия по привлечению внимания к «Письму» прилагал Троцкий, вырывая из него отдельные фрагменты и используя их как аргументы. В конце своей жизни, повторяем, он фактически толковал этот ленинский документ однозначно: Ленин предложил сместить Сталина с поста генсека и рекомендовал делегатам выдвинуть в качестве лидера партии его, Троцкого, как самого способного и умного. Он так часто повторял в своих книгах, статьях этот тезис, что, видимо, стал в него верить и сам.

Ленинские идеи, содержащиеся в «Завещании», предусматривали широкий спектр демократических шагов в первом мире социалистическом государстве. Предполагалось усиление притока свежих сил в руководство партии и государства, повышение роли профсоюзов, Советов, общественных организаций, народных и контрольных органов, подотчетности руководителей трудящимся. Пусть еще не стояли конкретно вопросы о плебисцитах, референдумах, опросах, обязательной отчетности руководителей, о строгой ротации партийных кадров, других аспектах «технологии» демократии. Важно, что суть социализма Ленину виделась в синтезе демократии, гуманизма и справедливости. Но Ленин отрицал политический плюрализм, что в немалой степени обессиливало его идеи.

Постепенный отход от ленинских позиций не мог не сказаться во всех сферах жизни государства. Здесь находятся глубинные истоки всех будущих деформаций, культовых уродств, злоупотреблений властью. Но идейный заряд Октября был силен, его не смогли полностью погасить и заглушить все фильтры и изоляторы догматизма и бюрократии.

Создававшаяся политическая система общества огромное значение придавала воспитанию населения, подрастающих поколений на идеалах революции, социализма и коммунизма. В ходу был образ идеального «нового человека», некая модель личности грядущего. Уже в двадцатые годы, несмотря на начало усиления бюрократических тенденций, идеологической стороне переустройства общества придавалось первостепенное значение. Простота, скромность в быту,

непритязательность в повседневном общении, готовность откликнуться на любой призыв общества, глубокая неприязнь к мещанству, накопительству, высокая одухотворенность людей, чуждых меркантильным расчетам, — все эти черты человека двадцатых, тридцатых, сороковых и более поздних годов свидетельствовали: бюрократизм еще не убил лучшее в человеке первой земли социализма. Люди были сильны верой в идею. Но вера не позволяла видеть истину.

Дальние истоки трагедии среди тех, что мы называли, видятся и в том, что создававшаяся строго централизованная система уже в потенции несла опасность. Человек, сосредоточивший в своих руках «необъятную власть», функционер идеи, уже тогда поставил перед собой цель — взять в руки единоличное управление этой системой, и ему в этом не помешали. Предостережение Ленина не было оценено, «старая гвардия», занятая междоусобной борьбой, не взяла на себя историческую роль коллективного лидера. Завоеванная свобода затуманила видение грядущего. Как писал Николай Бердяев в своем опыте философской автобиографии: «Опыт русской революции подтверждал мою давнюю уже мысль о том, что свобода не демократична, а аристократична. Свобода не интересна и не нужна восставшим массам; они не смогут вынести бремени свободы». Спорная мысль, однако, интересна в такой плоскости: распорядиться завоеванной свободой так, как учил Ленин, ни массы, ни «старая гвардия» не смогли и не сумели. Грядущее, как всегда, было в дымке...

Руководство будущего не менее загадочно, чем необратимость и тайны ушедшего,

Истина есть дочь времени,
а не авторитета.

Ф. Бэкон

Глава третья. ЕГО БОРЬБА

После XIII съезда партии к Сталину начала возвращаться утраченная было им уверенность. До смерти Ленина его едва ли посещали серьезные честолюбивые намерения, но после... вряд ли с полной уверенностью можно утверждать, что уже тогда он поверил в возможность реализации, казалось бы, невозможного шанса.

В библиотеке Сталина, которая стала потихоньку создаваться уже с 1920 года в его маленькой кремлевской квартире, большая часть литературы была дореволюционного издания: сборники трудов Маркса, Энгельса, Плеханова, Лафарга, Люксембург, Ленина, утопистов, книги Толстого, Гаршина, Чехова, Горького, Успенского, малоизвестные теперь работы Г. Бинштока, Р. Зонтера, Гобсона, Кенворти, Танхилевича. Многие из книг, как десятилетия спустя будет случаться у наших современников, не являлись

лишь антуражем скромного обиталища. Во многих книгах есть карандашные пометки, подчеркивания, сделанные, возможно, Сталиным.

В «Мыслях» Наполеона жирно отчеркнута на полях фраза из воспоминаний императора: «Именно вечером у Лоди¹ я уверовал в себя как в необыкновенного человека и проникся честолюбием для свершения великих дел, которые до тех пор представлялись мне фантазией». Не был ли для Сталина его Лоди момент сохранения за ним, вопреки воле Ленина, поста генсека? Пожалуй, для политической карьеры Сталина это был кульминационный момент: сорокапятилетний секретарь почувствовал, что после смерти Ленина он отнюдь не слабее своих сотоварищей по Политбюро и ЦК.

Об этом Сталин все чаще задумывался в редкие минуты отдыха, приезжая на свою загородную дачу в Зубалово. В начале двадцатых годов в Подмосковье оказались сотни заброшенных особняков, дач, загородных домов, покинутых «бывшими». Многие из них бежали за границу, иные пали в кровавой рубке гражданской войны, у третьих эти атрибуты «буржуазной роскоши» просто экспроприировали. Большинство этих домов отдали под больницы, приюты для беспризорников, дома отдыха и склады многочисленных госучреждений, что начали быстро плодиться. Недалеко от станции Усово стояло с десяток дач. Одну из них, принадлежавшую раньше нефтепромышленнику Зубалову, выделили Сталину. Рядом поселились Ворошилов, Шапошников, Микоян, немного позже — Гамарник, другие партийные, государственные и военные руководители страны.

В семье у Сталина в 1921 году родился сын Василий, через несколько лет появится Светлана. Позже сюда приедет жить и сын от первой жены Яков. Надежда Сергеевна, жена Сталина, с самоотверженностью и рвением молодой хозяйки возьмется за устройство бесхитростного быта. Жили скромно на зарплату Сталина, пока жена не пошла работать в редакцию, секретариат Совнаркома, а затем стала учиться в Промакадемии. Как-то за столом Сталин неожиданно сказал жене: «Я никогда не любил денег, потому что у меня их обычно не бывало». Знакомая с документами сталинского архива, интересно было читать расписки Сталина, переданные им Стасовой в подтверждение получения в партийной кассе аванса по 25, 60, 75 и т. д. рублей «в счет жалованья» за следующий месяц. Этот человек о безденежье знал не понаслышке.

Потом в доме появятся няня и экономка. Не было тогда ни многочисленной охраны, ни комендантов, ни курьеров, десятков других должностей, которые возникнут позже, и сами руководители партии и государства будут называть этих людей «обслугой», чтобы не повторять буржуазного «прислуга».

Первые годы после революции Сталин, как и все

руководители партии, жил просто и скромно в соответствии с семейным бюджетом и партийными установками. Еще в октябре 1923 года ЦК и ЦКК РКП(б) подготовили и разослали во все партийные комитеты специальный документ, в котором излагались меры, выработанные еще на IX партконференции РКП(б). В нем говорилось о недопустимости использования государственных средств на благоустройство частных жилищ, оборудование дач, выдачу премий и натуральных вознаграждений ответственным работникам. Предписывалось самым строжайшим образом следить за моральным обликом партийцев, не допускать большого разрыва в заработной плате между «спецами» и ответработниками, с одной стороны, и основной массой трудящихся — с другой. Игнорирование «этого положения», — говорилось в циркуляре, — нарушает демократизм и может явиться источником разложения партии и понижения авторитета коммунистов». Подтверждалось ленинское положение, что «ответственные работники-коммунисты не имеют права получать персональные ставки, а равно премии и сверхурочную оплату». При Ленине существовала даже неписаная традиция передачи членами ЦК своего литературного гонорара в партийную кассу.

У руководителей партии не было ценных вещей, и даже разговоры о чем-либо подобном были признаком дурного, мещанского, даже антипартийного тона. Скажем сразу, что Сталин смог на всю жизнь сохранить внешний аскетизм как показную черту своего характера. После смерти у него фактически не оказалось личных вещей, кроме подшитых валенок и залатанного крестьянского тулупа, хотя уже в тридцатые годы сформировался большой штат «обслуги». Такими же были и большинство его товарищей по ЦК.

Иногда по воскресеньям, если позволяла обстановка, собирались вместе, чаще у Сталина. К нему приезжали Бухарин с женой, бывали здесь Орджоникидзе, Енукидзе, Микоян, Молотов, Ворошилов, Буденный, часто с женами и детьми. Под аккомпанемент гармоник Буденного пели русские и украинские песни, даже плясали... Но к Сталину на дачу никогда не приезжал Троцкий.

Сидя за столом, вели долгие разговоры о положении в стране, партий, текущих внутренних и международных делах. Бывал здесь и старый большевик С. Я. Аллилуев, отец жены Сталина, которого весьма уважал его зять. Обычно Аллилуев вставлял лишь реплики о «старине» (он был членом партии с момента ее основания, чем очень гордился). Часто спорили, порой резко. Все обращались на «ты». Сталин был одним среди равных. Даже признаков какого-то чинопочитания, тем более славословия или заискивания не было. Это встречались люди, которые еще менее десяти лет назад были париями общества, а теперь волею исторических обстоятельств оказались во главе гигантского государства, едва-едва оправлявшегося от бесчисленных ран, нанесенных ему мечами войны, междоусобиц, мятежей. Многие вопросы, обсуждаемые здесь, нередко затем выносили

¹ Во время итальянской кампании 1796—1797 годов молодой Бонапарт одну из своих блистательных побед одержал у городка Лоди.

на Политбюро. Так, например, Молотов однажды за столом привёл любопытную справку: сколько в России зерна уходит на самогон, сколько денег недоисчисляется казна от этого. Через несколько дней, 27 ноября 1923 года, на заседании Политбюро после сообщения В. М. Молотова постановили: «Поручить секретариату создать постоянно действующую Комиссию для борьбы с самогоном, кокаином, пивными и азартными играми (в частности — лото) в составе: председатель — т. Смидович, заместитель — т. Шверник, члены — тт. Белобородов, Данилов, Догадов, Владимирив. Секретарь ЦК Сталин».

Как видим, ничто не ново под луной... Правда, с «лото» мы сейчас как будто не боремся, но появилось и нечто более опасное в лице наркомании.

Так же обсуждая в узком кругу причины болезни и смерти Ленина, решили предпринять некоторые меры по повышению заботы и контроля за здоровьем руководства партии. На заседании Пленума ЦК 31 января 1924 года Ворошилов выступил с вопросом «Об охране здоровья партверхушки». Обговорив, постановили:

«Просить Президиум ЦК обсудить необходимые меры по охране здоровья партверхушки, причем предпринять необходимость выделить специального товарища для наблюдения за здоровьем и условиями работы партверхушки».

Думаю, при Ленине вопрос был бы поставлен иначе, шире, через призму заботы о здоровье всего народа, в том числе и руководящего состава.

Часто спорили, как «внедрять социализм». Пунктирная линия движения в будущее, намеченная Лениным, словно траектория, терялась где-то в дымке за горизонтом. Вектор движения, его направление были ясны. Но как идти, какими должны быть темпы, методы, способы борьбы за будущее, — все это выглядело смутно.

КАК СТРОИТЬ СОЦИАЛИЗМ

Идеально, когда между силой и мудростью существует гармония. Так бывает очень редко, чаще будущее принадлежит сильным, не обязательно, к сожалению, мудрым. Обычно одно из начал берет верх на каком-то отрезке исторического пути. Осознаем мы или не осознаем этот феномен, но он наряду с другими существует. Однажды Сократ высказал мысль, актуальную не только для его времени: «Философы должны быть правителями, а правители — философами». Силе всегда нужна мудрость. Сталин обладал силой, но не обладал мудростью, хотя мы все долго его хитрость, изощренность, коварство ума принимали за мудрость. В момент выбора средств, путей реализации великих идей это сыграло трагическую роль.

Энергия масс первого в мире государства рабочих и крестьян была освобождена. Как ее верно направить к цели, к идеалу, к вершинам, которые даже Ленину казались близкими? Как материализовать социализм? Партийная печать полна статей «старых» и новых теоретиков, дающих советы, указания, как идти дальше, как строить социализм. Все было вно-

ве. Часто казалось: достаточно верного лозунга — и дело пойдёт.

Троцкий в конце 1924 года написал в Кисловодске свои смелые «Уроки Октября». В них он вновь попытался принизить роль других лидеров революции, невольно и Ленина, с тем чтобы «теоретически» обосновать свои претензии на лидерство. Троцкий, как отмечалось в статье «Большевика» (№ 14 за 1924 год), с позиций «летописца» перешел в этих «уроках» на позицию пристрастного прокурора. Он доказывает в очередном томе своих сочинений, где опубликованы «Уроки Октября», что в революции «ЦК был прав тогда, когда он был согласен с Троцким, а Ленин неправ тогда, когда несогласен с Троцким». Троцкий писал, что в делах революции бывает течение, которое следует принимать за «паводок», и если упустить его, то паводок может не вернуться целые десятилетия. Революция «состоялась», потому что вопреки большинству «старого большевизма» во главе ее стали Ленин и Троцкий. Такова была версия нового пророка.

Троцкий вновь ставит вопрос о том, что судьбы революции в России в решающей мере будут зависеть от того, «в какой последовательности будет происходить революция в разных странах Европы...». В своей работе «Перманентная революция» он говорит еще более определенно: «Завершение социалистической революции в национальных рамках невозможно. Сохранение пролетарской революции в национальных рамках может быть лишь временным режимом, хотя бы и длительным, как показывает опыт Советского Союза». Вот только после этого можно всерьез говорить о путях и средствах строительства нового мира. На вопрос, как строить социализм, Троцкий, по существу, отвечал: с «ожидания мировой революции», подталкивания ее.

Поэтому теория социализма в отдельной стране, считал Троцкий, поднявшаяся на дрожжах реакции, несовместима с теорией перманентной революции. Только сверхиндустриализация за счет крестьянского сектора, писал Преображенский, поддерживая Троцкого, может дать государству промышленную основу, шансы на социализм.

Сталин очень примитивно, поверхностно знал экономику, однако он видел, в каком тяжелом положении находится страна. Полоса дискуссий и споров, захватившая почти на десятилетие партию, была периодом борьбы не только за определение уровня и характера демократического общества, но и за поиски путей хозяйственного развития. Если бы у Сталина была экономическая проницательность, то он смог бы увидеть в последних статьях Ленина контуры концепции социализма, связанные с необходимостью индустриализации и кооперации страны, крупного подъема культуры широких масс, совершенствования социальных отношений, непреложного развития демократических начал в обществе. Ленинские слова о том, что именно политика непа дает уверенность, что из России неповской будет Россия социалистическая, Сталиным никогда не были поняты до конца.

Первые годы его интересовали экономические воззрения таких людей, как Бухарин, Преображенский, Струмилин, Леонтьев, Брудный, но Сталин с трудом понимал суть хитросплетений экономических терминов, законов, тенденций. И этот человек, который никогда не был на производстве, не вдыхал запаха весенней пашни, не одолел даже азов экономической политграммоты, в конце концов согласился с неизбежностью «товарного голода» при социализме, который сопровождает нас до сих пор. Правда, Сталин все же пытался что-то понять в экономике. В его библиотеке лежит брошюра О. Ерманского «Научная организация труда и система Тейлора». Известно, например, что Ленин похвалил автора за то, что он смог дать изложение «системы Тейлора, притом, что особенно важно, и ее положительной и ее отрицательной стороны». Может быть, поэтому Сталин и читал брошюру?

Однако, основываясь на его работах, записках, высказываниях, а главное, практических действиях, убеждаешься, что экономическое кредо Сталина было простым: страна должна быть сильной, нет, не просто сильной, а могучей. Самое главное — всемерная индустриализация. Затем — максимально приобщить крестьянство к социализму. Путь, метод, средство — широчайшая опора на диктатуру пролетариата, в которой Сталин признавал только одну «силовую» сторону. Как-то во время совещания в ЦК он высказал при этом такую формулу: «Чем крупнее будут стоять перед нами задачи, тем больше будут трудности». В «Большевике» (№ 9-10 за 1926 год) эту идею отразили так: «Мы ставим перед собой все более серьезные и крупные задачи, разрешение которых обеспечивает все более успешные шаги по направлению к социализму, но укрупнение задач сопровождается и ростом трудностей». Как это все переключается с будущей зловещей формулой об «обострении классовой борьбы по мере ускорения продвижения к социализму»? В середине двадцатых годов Сталин очень туманно представлял себе пути социалистического строительства, но метод у него, несомненно, уже был: сила, команда, директива, указание. Разве это противоречит диктатуре?

Сталин, читая многочисленные выступления видных деятелей партии, чувствовал, что широкий спектр взглядов на судьбы социализма в СССР обусловлен не только дифференциацией идейных и теоретических позиций их авторов, но и тем, что действительность оказалась намного сложнее, чем предполагали большевики. Вот правильно ведь пишет Николай Иванович Бухарин в «Большевике»: «Раньше мы представляли себе дело так: мы завоевываем власть, почти все захватываем в свои руки, сразу заводим плановое хозяйство; какие-то там пустячки, которые топорщатся, мы частью берем на цугундер, частью преодолеваем, и на этом дело кончается. Теперь мы совершенно ясно видим, что дело пойдет совсем не так». Да, дело идет «совсем не так».

Перелистывая статьи, читая доклады, справки, донесения, Сталин чувствовал, что наиболее опасен в этой полосе неопределенности Троцкий. Даже при

мысленном упоминании этого имени Сталина охватывало состояние глубокой неприязни, переходящее в озлобление. Однажды ему сказали: выступая в кругу своих приверженцев, Троцкий заявил, что некоторые новые «вельможи» в партии не могут простить ему исторической роли, которую он сыграл в Октябре. Конечно, «вельможа» в его устах — это Сталин. До генсека доходили и более нелестные эпитеты Троцкого и его сторонников в свой адрес.

Хотя у Сталина продолжали оставаться внешне неплохие отношения с Зиновьевым и Каменевым, он чувствовал, что его прямолинейность и постепенное усиление влияния не по душе «дуэту». Особенно остро он это понял после XIII съезда партии. В своем докладе на курсах секретарей укомов Сталин подверг критике высказывание Каменева о существовании «диктатуры партии». Но ведь у нас, товарищи, заключил Сталин под одобрительный гул слушателей, есть диктатура пролетариата, а не партии. Ради истины следует сказать, что и Бухарин в то время разделял идею «диктатуры партии». На одном из Пленумов ЦК он заявил следующее: «Наша задача — видеть две опасности: во-первых, опасность, которая исходит от централизации нашего аппарата. Во-вторых, опасность политической демократии, которая может получиться, если демократия пойдет через край. А оппозиция видит одну опасность — в бюрократии. За бюрократической опасностью она не видит политической демократической опасности. Но это меньшевизм. Чтобы поддержать диктатуру пролетариата, надо поддержать диктатуру партии». Радек тут же добавил: «Мы диктаторская партия в мелкобуржуазной стране». Фактически так и было.

Но Сталин стал критиковать лишь Каменева. Ему совсем ни к чему было «воевать» со многими. Главное — постепенность, поочередность, всему свое время. Тут же политический тандем среагировал. На заседании Политбюро критика Сталина в адрес Каменева была осуждена как «нетоварищеская» и неточно выражающая «суть позиции критикуемого». Сталин тут же заявил о своей отставке, вторично в своей истории генсека и не в последний раз. Отставка и на сей раз была отклонена... самим же Каменевым при поддержке Зиновьева. Сталин почувствовал в этом акте растущую неуверенность своих оппонентов — они по-прежнему боялись Троцкого. А генсек еще раз убедился во «флюгерности» мышления как Каменева, так и Зиновьева. Чего только стоит книга последнего «Ленинизм»! Фактически Зиновьев еще раз пытается закамуфлировать, оправдать свое с Каменевым капитулянтство в период Октября, свои разногласия с Лениным. Сталин обязательно использует потом эти факты. Когда он нанесет разящий удар по Троцкому, настанет очередь Зиновьева и Каменева, если они не станут ручными. А факты эти надо пока приберечь, выписать, сохранить. Вот они, эти факты, зафиксированные в документах:

«Нашу позицию по отношению к Временному правительству и войне надо оберегать как от разлагающего влияния «революционного оборончества», так и от критики т. Ленина»;

«Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую»;

«Тезисы (Апрельские) Ленина ничего не говорят о мире. Ибо совет Ленина — «разъяснять широким слоям неразрывную связь капитала с империалистической войной» — решительно ничего не разъясняет».

Сталин уже тогда принял решение: как только будет покончено с Троцким как потенциальным соперником, он уберет этих «беспринципных говорунов». Даже его, превратившего свою грубость в достоинство, иногда коробила безапелляционность Зиновьева. Выступая на вечернем заседании Пленума ЦК 14 января 1924 года по поводу «Дискуссионного листка», Зиновьев давал вольные характеристики многим членам ЦК, большевикам, участникам дискуссии; словно он оценивал, будучи командиром эскадрона, своих подчиненных. «Пятаков, — самоуверенно говорил Зиновьев, — большевик. Но его большевизм еще незрелый. Зелено, незрело». Еще несколькими часами раньше, говоря о поправках Пятакова к резолюции по экономическим вопросам, Зиновьев категорично заявлял: «Это не поправки, а платформа, которая отличается от хорошей платформы тем, что она плоха. Больше ничего». Говоря о Сапронове, назвал его «почвенным человеком. Он стоит обеими ногами на земле и представляет что угодно, но только не ленинизм». Осинский — «представитель уклона более интеллигентского, который ничего с большевизмом не имеет». Даже не преминул лягнуть Троцкого, что Сталину явно понравилось, хотя без какой-либо видимой связи: «Когда мы приехали в свое время на конгресс в Копенгаген, нам дали номер газеты «Форвертс» с анонимной статьей, где говорится, что Ленин и вся его группа — уголовники, экспроприаторы. Автором этой статьи был Троцкий».

Сталин слушал и думал: уже считает себя «вождем», лидером. Выскачка, пустозвон! Конечно, на том Пленуме никакой реакции Сталина на выступление Зиновьева не было, но через два года он от позиции Зиновьева не оставит в дискуссии камня на камне. В мае 1926 года, например, разбирая одно из очередных заявлений Зиновьева, Сталин направил записку членам бюро делегации ВКП(б) в Коминтерне на имя Мануильского, Пятницкого, Лозовского, Бухарина, Ломинадзе и самого Зиновьева, в которой пишет, что «натолкнулся на целых восемь сплетен и одно смехотворное заявление т. Зиновьева». По каждому пункту: о Бордиге, ликвидаторском заявлении Рафеса, о Профинтерне, об ультралевом уклоне в Коминтерне и т. д., — Сталин дает свои категорические оценки, а о самом Зиновьеве резюмирует следующим убийственным образом: «Тов. Зиновьев с бахвальством заявляет, что не тт. Сталину и Мануильскому учить его необходимости борьбы против ультралевого уклона, ссылаясь на свою 17-летнюю литературную деятельность. Что т. Зиновьев считает себя великим человеком, это, конечно, не требует доказательств. Но

чтобы партия также считала т. Зиновьева великим человеком, в этом позволительно усомниться».

За период с 1898 года вплоть до Февральской революции 1917 года мы, старые нелегалы, успели побывать и поработать во всех районах России, но не встречали т. Зиновьева ни в подполье, ни в тюрьмах, ни в ссылках, если не считать нескольких месяцев в Ленинграде. Наши старые нелегалы не могут не знать, что в партии имеется целая плеяда старых работников, вступивших в партию много раньше т. Зиновьева и строивших партию без шума, без бахвальства. Что такое так называемая литературная деятельность т. Зиновьева в сравнении с тем трудом, который несли наши старые нелегалы в период подполья в продолжение двадцати лет?»

Уже в середине двадцатых годов основные оппоненты Сталина поймут, что «выдающаяся посредственность» — незаурядный политик: жесткий, хитрый, коварный, волевой. Скоро это поймут все его противники, а через годы — многие руководители партий и государств, которые будут иметь с ним дело.

У читателя может сложиться впечатление, что автор слишком много уделяет внимания личной борьбе в процессе выбора. К сожалению, все так и было. Для понимания сути этого выбора важно, по моему мнению, понять ряд вещей.

Развернувшаяся после Ленина дискуссия о путях и методах социалистического строительства сильно осложнилась личным соперничеством, борьбой за персональное лидерство. В эту борьбу включились прежде всего Сталин, Троцкий, Зиновьев. За ней, конечно, стояли конкретные вопросы политики, строительства, отношения к крестьянству, путей индустриализации, теории и практики международного коммунистического движения. Иногда различия во взглядах на эти проблемы носили второстепенный характер, они могли быть достаточно легко приведены к «общему знаменателю». Но личные амбиции, соперничество, воинственная непримиримость, особенно Сталина и Троцкого, придали драматический характер этой борьбе, способствовали тому, что любые отличные, допустим, от взглядов Сталина идеи, взгляды, позиции рассматривались только как «классово-враждебные», «капитулянтские», «ревизионистские», «предательские» и т. д.

То обстоятельство, что Сталин все время «защищал» Ленина, совсем не значит, что он был прав. Ленина «защищали» и оппозиционеры, те, кто выступал против Сталина, — все дело в том, как интерпретировались ленинские идеи, ленинские установки. В нашей исторической науке долго господствовало представление, что Сталин «не отступал» от ленинских взглядов, по крайней мере в двадцатые годы. Это не так. Достаточно сказать об ошибочных установках Сталина в национальном вопросе, в отношении к нэпу, путям социалистических преобразований в деревне, о насаждении бюрократического стиля управления в партии и государстве и т. д. Отход Сталина от ленинизма во многих вопросах наметился еще тогда, в двадцатые годы. Если не сказать это с полной определенностью, то получится, что все, что

делал Сталин, соответствовало ленинской концепции социализма. А это, разумеется, далеко не так. А во многих случаях и совсем не так.

Неверно смотреть на события и таким образом, что ошибались только оппозиционеры, а партия, Сталин всегда были правы. Многие ошибочные решения Сталина освящены, закреплены партийными документами. Ведь если бы партия не ошибалась и всегда принимала верные решения, то не было бы культа личности, кровавого террора, волюнтаризма и субъективизма в руководстве, не было бы лет застоя и сегодня мы бы не провозглашали жизненную необходимость обновления: «Больше социализма и больше демократии!»

Наконец, еще одно соображение. Сталин не сразу остановился на какой-то определенной концепции строительства нового общества. Он не всегда понимал, и возможно, и не разделял взгляды Ленина, особенно изложенные в его последних письмах и статьях. Сталин мысленно часто возвращался к идеям «военного коммунизма», но был вынужден какое-то время «терпеть» нэп, понимая, что без тесного, органичного союза рабочего класса и крестьянства решить многочисленные проблемы СССР не сможет. Сталин не был глубоким теоретиком, его выводы опирались чаще на цитаты, помноженные на волевые импульсы. Ему внутренне были близки «силовые» методы Троцкого, по сути, он в этом отношении был к нему ближе, чем к кому-либо другому из большевистских лидеров. Но это внутреннее сходство, окрашенное личной непримиримостью, поддерживало постоянное «отталкивание», напряжение между двумя полюсами амбиций.

Сталин, перебирая в мыслях перлы Зиновьева и Каменева, усмехался: «И эти люди пишут о ленинизме!» О ленинизме напишет он, и напишет так, чтобы все почувствовали коренную противоположность понимания ленинизма Сталиным и его временными попутчиками. А пока нужно ударить по Троцкому. Сталин особенно тщательно готовится к своему плановому выступлению на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС 19 ноября 1924 года. После доклада Каменева он выступит, поставив в качестве заголовка своей речи: «Троцкизм или ленинизм?»

Генсек все свое большое выступление посвятил беспощадной критике Троцкого, взяв, правда, мимоходом под защиту (пока!) Каменева и Зиновьева. Октябрьский эпизод у этих деятелей Сталин охарактеризовал как случайный: мол, «разногласия длились всего несколько дней, потому и только потому, что мы имели в лице Каменева и Зиновьева ленинцев, большевиков». Здесь он покривил душой — он не считал их ни ленинцами, ни большевиками. Просто пока они были нужны ему для борьбы с Троцким и упрочения собственного положения. Сталин бросает в зал вопросы:

— Для чего понадобились новые литературные выступления Троцкого против партии? В чем смысл, задача, цель этих выступлений теперь, когда партия не хочет дискутировать, когда партия завалена неотложными задачами, когда партия нуждается в

сплоченной работе по восстановлению хозяйства, а не в новой борьбе по старым вопросам? Для чего понадобилось Троцкому тащить партию назад, к новым дискуссиям?

После этой длинной тирады он обводит глазами зал и глухим, ровным голосом жестко отвечает:

— А «умысел» этот состоит, по всем данным, в том, что Троцкий в своих литературных выступлениях делает еще одну (еще одну!) попытку подготовить условия для подмены ленинизма троцкизмом. Троцкому «до разреза» нужно развенчать партию, ее кадры, проводившие восстание, для того, чтобы от развенчивания партии перейти к развенчиванию ленинизма.

Сталин излагает: Троцкий, награждая Ленина, ленинизм лестными эпитетами, в которых они, кстати, не нуждаются, исподволь, многократно ставит под сомнение важнейшие взгляды Ленина на построение социализма. По Троцкому, без поддержки других стран социализм в России невозможен; индустриализация только за счет крестьянства; нэп — начало капитуляции; кооперативный план преждевременен; Октябрь — это просто продолжение Февральской революции; без воспитания населения в «трудармиях» оно не поймет «преимуществ социализма» и т. д.

Учитывая, что уже и Зиновьев и Каменев побежали навстречу Троцкому, сколачивая так называемую «новую оппозицию» с целью «осадить» Сталина, выступление последнего сначала против Троцкого, а позже и против его «новых» союзников обычно квалифицировалось защитой ленинизма. Сталин боролся пока еще дозволенными методами, но «защищал» чаще цитаты без их творческого осмысления. Все его речи этого периода — сплошное цитирование. Завершая выступление перед членами ЦК профсоюзов, Сталин однозначно сказал: «Говорят о репрессиях против оппозиции и о возможности раскола. Это пустяки, товарищи. Наша партия крепка и могуча. Она не допустит никаких расколов. Что касается репрессий, то я решительно против них».

Сталин пока «поощаил», не подверг критике Зиновьева и Каменева, даже взял их под свою защиту от нападок Троцкого. Однако основатели «новой оппозиции» не приняли этот жест генсека. На одном из заседаний Политбюро в начале 1925 года Каменев, поддержанный своим единомышленником, заявил, что техническая, экономическая отсталость СССР в сочетании с капиталистическим окружением становятся непреодолимым препятствием для построения социализма. По существу, в главном вопросе Зиновьев и Каменев заблокировались с Троцким, которого они еще несколько месяцев назад именно за то, что они провозгласили сейчас, подвергали уничтожающей критике.

Выступление против политики РКП(б) требовало быстрой выработки общепартийной директивы о дальнейших действиях в области социалистического строительства. В этом смысле важное место занимает XIV партконференция РКП(б), состоявшаяся в конце апреля 1925 года. Сталин не выступал на ней ни с докладом, ни в прениях. Стержневыми на конференции были вопросы о кооперации (докладчик Рыков),

металлопромышленности (Дзержинский), о сельхозналоге (Цюрупа), о партийном строительстве (Молотов), о революционной законности (Сольц), о задачах Коминтерна и РКП в связи с расширенным пленумом ИККИ (Зиновьев). Каменев по традиции (или по инерции?) вел конференцию. Так же, как обычно, он вел заседания Совнаркома, заседания Политбюро. Больше ему с Зиновьевым не председательствовать на таких форумах... Пожалуй, главное, что определила конференция, это утверждение, вопреки первоначальным тезисам Зиновьева, о возможности победы социализма в СССР даже в условиях замедления темпов развития мировой пролетарской революции. Однако окончательной победа социализма может считаться лишь тогда, сделала вывод конференция, когда будут международные гарантии от реставрации капитализма.

Важным было обсуждение вопроса о революционной законности. Докладчик Сольц, отбывавший когда-то вместе со Сталиным ссылку в Туруханском крае, отметил, что после победы революции мы «более остро чувствовали потребность в улучшении нашего хозяйства, чем в установлении революционной законности». Теперь же, проникательно говорил Сольц, «надо членам партии, надо тем, кто осуществляет Советскую власть, понять, что наши законы во всех своих проявлениях также утверждают и укрепляют то строительство, которое мы хотим осуществить и укрепить, и нарушение наших законов разрушает это строительство». Жаль только, что где-то через десятилетие эти верные мысли, закрепленные в постановлении конференции, будут забыты.

Через несколько дней после XIV партконференции Сталин выступил с докладом на партактиве Московской организации РКП(б). В своем большом и довольно скучном докладе генсек выделил в качестве специального раздел «О судьбах социализма в Советском Союзе». Он еще раз подверг ядовитой критике Троцкого, упомянув многие его работы, высмеяв — в который раз! — теорию «перманентной революции» в редакции этого автора. С большим пафосом и убежденностью Сталин разъяснял партактиву суть полной и окончательной победы социализма в СССР, но при этом уже стали появляться первые признаки своей особой роли и особого места в партии. Так, например, он счел возможным, отбросив скромность, пространно цитировать самого себя. Излагая известные положения, Сталин постепенно готовил партию к тому, что он обладает особыми правами на провозглашение истины.

Генсек пытался апробировать собственное понимание путей перехода к социализму не только в своих выступлениях в ЦК, печати, но и в очень редких случаях при встречах с рабочими. Помощник Сталина Товстуха записал одну такую речь, с которой генсек выступил в Сталинских мастерских Октябрьской железной дороги.

Оглядывая сотни глаз рабочих, с любопытством рассматривающих малоизвестного человека, Сталин неспешно, размахивая рукой в такт своей речи, рассуждал:

«Мы совершаем переход из крестьянской страны в промышленную, индустриальную, обходясь без помощи извне. Как проходили этот путь другие страны?

Англия создавала свою промышленность путем грабежа колоний в течение целых 200 лет. Не может быть и речи, что мы могли бы стать на этот путь.

Германия взяла с побежденной Франции 5 миллиардов. Но и этот путь — путь грабежа посредством победоносных войн нам не подходит. Наше дело — политика мира.

Есть еще третий путь, которым следовало царское правительство России. Это путь внешних займов и кабальных сделок за счет рабочих и крестьян. Мы на этот путь стать не можем.

У нас есть свой путь — путь собственных накоплений. Без ошибок здесь нам не обойтись, недочеты у нас будут. Но здание, которое мы строим, столь грандиозно, что эти ошибки, эти недочеты большого значения в конечном счете не имеют».

На другой день корреспондент Светланов давал отчет в «Рабочей Москве»:

«Ведет собрание Угланьч. Пулеметная дробь аплодисментов. Человек в солдатских хаки, с трубкой в руке, в стоптанных сапогах остановился у кулис. «Да здравствует Сталин! Да здравствует ЦК ВКП(б)». Записки Сталину. Покручивая черный ус, прилежно изучает записки. Смолкает прибой зала, и Сталин, генеральный секретарь партии большевиков, именем которого названы мастерские, начинает свой разговор с рабочими». Это чрезвычайно редкий случай: Сталин, повторим, больше любил выступать на совещаниях в Кремле, на Пленумах ЦК. Свои «явления» народу он сделал в последующем еще более редкими — загадочный, таинственный вождь всегда дает больше пищи для легенд.

В условиях достижения первых успехов в хозяйственном и культурном строительстве проходила подготовка к XIV съезду партии. В 1925 году удалось достичь, а по ряду показателей превзойти довоенный уровень в области сельского хозяйства. Так, валовой объем сельхозпродукции превысил 112 процентов от довоенного уровня. Промышленное производство, находившееся более пяти лет в полном развале, превысило три четверти довоенного. Появились первые новые стройки, это, естественно, электростанции — ленинский завет об электрификации памятовался прежде всего. А ведь крупнейшие зарубежные экономисты предрекали достижение довоенного уровня не ранее чем через 15—20 лет! Значительные успехи были достигнуты в борьбе с неграмотностью. Росла сеть школ, особенно в национальных республиках, были сделаны крупные шаги по созданию системы высшего образования в стране. ЦК, Политбюро приняли ряд важных постановлений по форсированию культурно-просветительной и образовательной работы в государстве. Российская Академия наук была преобразована во Всесоюзную. Уже в это время появились работы мирового уровня таких советских ученых, как В. И. Вернадский, Н. И. Вавилов, В. Р. Вильямс, Н. Д. Зелинский, И. М. Губкин, М. Н. Покровский, А. Ф. Иоффе, А. Е. Ферсман и многих других. С од-

современным осуществлением военной реформы Красная Армия успешно переводилась на мирное положение. Особенно быстро эта работа пошла после освобождения на январском 1925 года Пленуме ЦК с поста Наркомвоенмора и Председателя РВСР Троцкого и назначения Комиссаром по военным и морским делам Председателя РВС СССР М. В. Фрунзе.

Стоит, видимо, напомнить один эпизод, происшедший на Пленуме, когда Зиновьев и Каменев сделали неожиданный ход. Каменев предложил вместо Троцкого на пост Наркомвоенмора и Председателя Реввоенсовета республики... Сталина. Это можно расценивать по-разному. Не исключено, что Зиновьев и Каменев, чувствуя неконтролируемый рост влияния генсека, решили перевести его на почетное, ответственное место, которое бы позволило им на предстоящем съезде переместить Сталина с нынешнего поста, вновь «подняв» ленинское «Письмо к съезду». Возможно, политический тандем этим шагом хотел убить сразу двух зайцев: окончательно устранить Троцкого и резко понизить шансы Сталина. Но, увы, если Троцкий и выполнил роль одного из партийных «зайцев», то Сталин уже никак не мог на нее согласиться. Генсек публично не скрыл своего удивления и неудовольствия предложением, что заметили на заседании многие члены ЦК. Большинство голосов предложение Каменева было отклонено.

Вопрос решался без Троцкого — он сказался бесполезным. В самые решающие моменты борьбы этот политик делал крайне неудачные ходы, облегчая задачу Сталину «бить врагов по частям». В целом этот Пленум для Сталина значил многое. Позиции Троцкого еще более ослабили. Пленум, по сути, отказал также в поддержке Зиновьеву и Каменеву. В «игре комбинаций» генсек смог сделать то, что не смогли его оппоненты: убил двух зайцев, то бишь ослабил Троцкого и старый дуэт. По существу, влиятельная тройка в лице Сталина, Зиновьева, Каменева распалась — генсек в ней больше не нуждался.

Страна шла к съезду партии, который станет важной вехой в выборе путей индустриализации, механизации, технизации народного хозяйства. Но к декабрю 1925 года, когда состоялся съезд, с трудом верилось, что то, о чем писали газеты, сбывается. Днепр пока спокойно катил свои воды, не будучи обуздан плотинами; там, где протянется Турксиб, песчаные бури гнали тучи песка; на месте будущего знаменитого Сталинградского тракторного завода лежал пустырь; никто не мог и думать, что у вековой горы через пятилетку взметнутся ввысь дома Магнитки; кто мог предположить, что пионеры ракетостроения приближали эру космических полетов, — в начале тридцатых произойдет запуск первой советской ракеты «ГИРД-Х»...

Новая экономическая политика давала дополнительные шансы большевикам. Нэп помог поднять сельское хозяйство, промышленность приблизилась к довоенному уровню. Проницательные люди видели в плане ГОЭЛРО не просто путь электрификации страны, а и способ поднять социалистическую экономику

до высот нового политического уклада. Но это было только начало.

Промышленные тресты, начав действовать на основах коммерции, сами устанавливали цены. Появились перекосы: например, за кусок мыла, аршин ситца, ведро керосина крестьянин должен был продать зерна в 3—4 раза больше, чем в 1913 году. Усиливалось недовольство, это было тревожным симптомом. Промышленность не может расти за счет ослабления сельского хозяйства. Надежды на развитие концессий не оправдались, ожидаемые займы от капиталистических государств получить не удалось, а объем внешней торговли не достиг и половины довоенного уровня. У бирж труда толкалось полтора миллиона безработных. Каждый, второй, взрослый человек в стране еще не умел читать и писать. Не на что было покупать станки и машины, почти не было новых крупных строек. Но люди, следившие за газетами, чувствовали: страна накануне огромных перемен. У молодого государства, возможно, не было иного выбора, чтобы выжить в этом сложном, опасном мире, надо было сделать мощный рывок.

На таком фоне состоялся XIV съезд партии. Самой заметной фигурой на нем уже был Сталин и прежде всего потому, что политический доклад, который был сделан генсеком, занимал основное место в работе делегатов. Съезд подтвердил решение XIV партконференции о возможности полного построения социалистического общества. В резолюции съезда отмечалось экономическое наступление пролетариата на базе новой экономической политики и продвижение экономики СССР в сторону социализма. Съезд провозгласил переход к индустриализации как ключевой задаче социалистического переустройства общества. Делегаты отдавали себе отчет в том, что этот курс потребует сверхнапряжения и жертв. Встал вопрос о темпах. Полной ясности у многих, в том числе и руководителей, в этом вопросе не было.

Наряду с рассмотрением главного вопроса экономического характера в центре работы съезда оказались и вопросы борьбы с «новой оппозицией». Известно, что основные силы оппозиции представляла ленинградская делегация, возглавляемая Зиновьевым. Именно он выступил с содокладом от оппозиции, но его речь на съезде прозвучала весьма бледно. Аргументы Зиновьева и его единомышленников были слабыми и неубедительными. Зиновьев, Каменев, Сокольников вместе с тем не без оснований предупреждали об опасности бюрократизации партии. Однако их выступления носили слишком личный характер, чтобы произвести должное впечатление на уmonoстроение делегатов. Каменев на съезде впервые прямо сказал, что он «пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роль объединителя большевистского штаба». Когда Каменев произнес эти слова, большинство делегатов съезда стали скандировать: «Сталина! Сталина!» — и фактически устроили овацию генсеку. Сталин почувствовал, что его линия «на защиту ленинизма», о чем он не устал повторять, получает все большую поддержку партии. Авторитет Сталина исподволь достиг общепартийного уровня. Думается,

что здесь сыграло решающую роль и то обстоятельство, что все прошедшее после смерти В. И. Ленина время Сталин выступал от имени «коллективного руководства», боролся за реализацию наиболее понятных массам заветов Ленина: экономического восстановления страны, развития кооперации, оживления торговли, распространения грамотности.

Сталин как будто ни разу не «качнулся» к какой-то оппозиции. Но такое впечатление складывается потому, что любой свой шаг, решение, критику, предложение он выдает только за ленинские! В то же время анализ практической деятельности Сталина убеждает, что он допускал немало самых различных ошибок, часто поддерживал то одну, то другую группировку, но умел быстрее других «корректировать» свои позиции. Сталин, как никто другой, научился на словах отождествлять свою линию, свою политику с ленинской. Здесь кроется одна из «тайн» поддержки партией Сталина. Конечно, по многим (но не по всем!) вопросам Сталин действительно выступал в защиту ленинских идей, но чем дальше, тем становилось очевиднее, что его, Сталина, видение этих идей все больше приобретало автократический характер. Для подавляющего числа большевиков курс партии, работа ЦК во многом олицетворялись в конкретном лице. И поскольку в отсутствие Ленина не было явного лидера, «объединитель большевистского штаба» Сталин выступил личностным выразителем первых успехов в народном хозяйстве, курса на единство партии, с его именем связывалось оживление сельского хозяйства, происшедшее благодаря введению закона о продналоге. Большинству делегатов было ясно, что Зиновьев, Каменев и остававшийся на этом съезде в тени Троцкий все свои атаки на ЦК, его курс вели, исходя прежде всего из своего стремления занять лидирующее положение. Но поражение оппозиции было безоговорочным.

Очередной этап борьбы в партии нашел и организационное выражение. ЦК ВКП(б) (так стала именоваться теперь партия) отозвал Зиновьева с поста председателя Исполкома Коминтерна, а вскоре по инициативе советской делегации этот пост был упразднен. Руководителем Ленинградской партийной организации стал С. М. Киров. Каменева освободили от должности заместителя Председателя Совнаркома и сняли с поста Председателя Совета Труда и Обороны. Правда, еще некоторое время Зиновьев и Каменев сохранили свое членство в Политбюро. Впервые в его состав вошли Ворошилов и Молотов, чем были резко усилены позиции Сталина. В своем более чем часовом заключительном слове по Политическому отчету Центрального Комитета Сталин подверг еще раз уничтожающей критике Зиновьева, Каменева, Сокольникова, Лашевича, других их сторонников.

Несомненно, основная линия заключительного слова направлена на утверждение курса партии на строительство социализма, единства ее рядов. Но вместе с тем от внимания наблюдательных людей не могло ускользнуть, в частности, то обстоятельство, что Сталин делает нормой постоянное цитирование собственных статей, записок, обращений и делает это

без какой-либо тени смущения. Люди, обладающие высокой политической культурой, которых, к сожалению, тогда было не так много, не могли не заметить и бесцеремонности Сталина, которую он проявил во время своего критического анализа. Так, в оскорбительном тоне Сталин отозвался о выступлении Крупской, назвав ее взгляды «сушей чепухой». Потом он еще раз вернулся к Крупской: «А чем, собственно, отличается тов. Крупская от всякого другого ответственного товарища?» И продолжил не без доли демагогии и кощунства: «Не думаете ли вы, что интересы отдельных товарищей должны быть поставлены выше интересов партии и ее единства? Для нас, большевиков, — патетически под аплодисменты закончил тираду Сталин, — формальный демократизм — пустышка, а реальные интересы партии — все». Лашевича он назвал «комбинатором», Сокольникова — склонным без предела «куролесить» в своих речах, Каменева — «путаником», Зиновьева — «истериком» и т. д. Похоже, что Сталин уже начал сползать к позиции, когда и неформальная демократия для него будет «пустышкой». А непростительную грубость в адрес Крупской следует объяснить не просто политической бестактностью по отношению к ней и памяти Ильича, но и подспудной мстостью за те памятные письма, звонки, разговоры, к которым она имела отношение при жизни Ленина.

Сталин, видимо, чувствуя, что где-то в своем заключительном слове он «перехлестнул», «перебрал» в оценках, прибегнул к приему, который потом использует еще не раз. Поясняя разностный характер своего критического отзыва на слабую статью Зиновьева «Философия эпохи», Сталин говорил, что его грубость проявляется лишь к враждебному, чуждому, но это от его прямоты. Генсек постепенно свою отталкивающую черту характера превращал в общепартийную добродетель, чуть ли не революционное качество. Но уже тогда, на XIV съезде, в 1925 году не нашлось, к сожалению, коммуниста, делегата, члена ЦК, способного спокойно, но по достоинству оценить это сползание к разностной критике, которая, придет время, будет звучать как приговор тому или иному человеку.

Сталин, подвергнув бесцеремонной критике многих оппозиционеров, естественно, не обошел вниманием и Троцкого. Почувствовав поддержку большинства съезда, он отменил предложение Каменева о превращении секретариата в простой технический аппарат, заявив вместе с тем, что он против «отсечения» отдельных членов руководства от ЦК. «Метод отсечения, метод пускания крови, — заявил под аплодисменты Сталин, — опасен, заразителен: сегодня одного отсекали, завтра другого, послезавтра третьего, — что же у нас останется в партии?». Бравируя поддержкой большинства, счел уместным вновь заявить, что если товарищи будут настаивать, он «готов очистить место без шума». Сталин вел свою речь, как опытный политик, добиваясь снова и снова поддержки делегатов, показывая как бы личное бескорыстие и заботу об общепартийных нуждах. Высмеивая, критикуя фракционеров, Сталин смог тонко показать

свое «великодушие», обрамляя речь словечками типа «что ж, бог с ним». Хотя Сталин уже решил, что с Зиновьевым и Каменевым «пора кончать», он тем не менее счел нужным продемонстрировать миролюбие: «Мы за единство, мы против отсечения. Политика отсечения противна нам. Партия хочет единства, и она добьется его вместе с тт. Каменевым и Зиновьевым, если они этого захотят, без них — если они этого не захотят».

В последних фразах заключительного слова Сталин сформулировал ряд положений, которые, если бы они выполнялись, могли бы предотвратить самый тяжелый период в истории нашей партии. Под аплодисменты и явное одобрение делегатов Сталин заявил, что «Пленум решает у нас все, и он призывает к порядку своих лидеров, когда они начинают терять равновесие. Если кто-либо из нас будет зарываться, нас будут призывать к порядку, — это необходимо, это нужно. Руководить партией вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича, глупо об этом говорить. Коллегиальная работа, коллегиальное руководство, единство в партии, единство в органах ЦК при условии подчинения меньшинства большинству, — вот что нам нужно теперь».

Конечно, все это как бы правильные слова. Но если бы эти идеи о коллективности были подкреплены реальными нормами, демократическими параметрами, то были бы исключены возможности для будущих злоупотреблений властью. Но все дело в том, что верные принципы не нашли своего закрепления в уставных положениях о ротации руководства, сроках пребывания генсека и других лидеров на партийных должностях, подотчетности руководителей и т. д. А именно к этому вели ленинские идеи о совершенствовании партийного аппарата, упрочении демократических начал в РКП(б) и обществе. XIV съезд был, пожалуй, последним при Сталине, когда критика и самокритика были еще неотъемлемыми элементами атмосферы форума. На последующих съездах ее было все меньше и меньше. В дальнейшем критиковать мог только Сталин или кто-то, но по его указанию. Демократические начала в партии не получили своего развития, и великое едва ли ведало, что рядом с ним рождается его отрицание. Не все знали тогда, что за авторитарное могущество придется платить личной свободой, — это не парадокс, а закон единовластия.

«ПОПУЛЯРИЗАТОР» ЛЕНИНИЗМА

Слова «теория», «теоретик» в молодости у Джугашвили вызвали внутренний трепет. «Верная теория, — говорил Мартов, — всегда дружит с истиной». Теперь Сталину эта фраза была понятна — он общился и к теории, и к теоретикам. В 1907 году в Лондоне в церкви Братства, где проходил V съезд РСДРП, разглядывая непривычные по сравнению с православным храмом готические очертания, Сталин вспомнил одну из притч Соломона: «Милость и истина да не оставят тебя; обвяжи ими шею твою, напиши их на скрижалях сердца твоего». Он был в юно-

сти прилежным семинаристом, и годы скитаний не выветрили из сознания библейских коллариев. «Милость» была ему ни к чему: сентиментальности он никогда не любил, а вот истину...

Ему казалось, что на съезде он не очень обогатился ею. Долгие споры об отношении к буржуазным партиям, о классовой солидарности, о роли пролетариата в буржуазной революции казались ему отвлеченными, плохо связанными с русской действительностью. А она напомнила о себе, эта действительность, в середине работы съезда весьма властно: прервав заседание, председательствующий вдруг объявил, что на завершение работы, оплату помещения, проживание в гостинице и обратный путь делегатам в партийной кассе не хватает денег. Объявили, что один либерал согласился дать вексель в три тысячи фунтов стерлингов при условии возвращения под крупные проценты, и если под векселем подпишутся все делегаты... После паузы все громко заговорили, соглашаясь. Более десяти лет пришлось ждать неожиданному меценату возвращения своих фунтов. Он рисковал: далеко не все революции в истории свершались как «по заказу».

Накануне, в перерыве заседания, Джугашвили оказался рядом с Лениным, Розой Люксембург и Троцким, спорившими о перманентной революции. Раздался звонок, приглашавший на заседание, и Ленин шуткой закончил спор:

— Наверное, Роза знает русский язык немного хуже, чем марксистский, поэтому у нас с ней и есть кое-какие разногласия... Но это дело поправимо!

Джугашвили смутно понимал суть перманентной революции и не включился в тот мимоletный спор. А ведь здесь тоже должна быть истина. Сколько таких истин нужно революционеру? Они ему теперь, пожалуй, особо нужны, хотя он и не собирался писать их на скрижалях своего сердца. К этому времени делегат съезда с совещательным голосом Джугашвили уже был автором двух-трех десятков простеньких статей и первой своей, как он считал, крупной теоретической работы «Анархизм или социализм?». Сталин в душе гордился ею, хотя еще никто из «литераторов» в Лондоне с этой работой не был знаком.

Мог ли Сталин знать, что через тридцать с небольшим лет он будет единогласно избран почетным академиком Академии наук могущественной страны? Мог ли он даже подумать, что крупнейшие светила мировой науки из этой Академии преподнесут ему в день семидесятилетия толстенный фолиант-панегирик почти в восемьсот страниц, где слова «гениальный ученый», «гениальный теоретик», «величайший мыслитель» будут повторены бесконечное число раз?! Академики М. Б. Митин, А. Я. Вышинский, Б. Д. Греков, А. В. Топчиев, А. Ф. Иоффе, Т. Д. Лысенко, А. И. Опарин, В. А. Обручев, А. В. Винтер и другие скажут в этой величественной книге, сколь огромен оказался вклад И. В. Сталина в развитие теории научного коммунизма, философии, политической экономики, как и методологическое значение его идей для науки вообще. «Величайший мыслитель и корифей науки», как было записано в протоколе № 9 общего собрания Академии наук от 22 декабря 1949 года,

между тем был и останется на долгие годы догматическим популяризатором марксизма, примитивным, но напористым толкователем ленинских идей.

В 1949 году академик П. Н. Пospelов напишет статью: «И. В. Сталин — великий корифей марксистско-ленинской науки», а спустя несколько лет он же по поручению ЦК подготовит ошеломляющие разоблачительные выводы, которые лягут в основу знаменитого доклада Н. С. Хрущева на XX съезде партии. Такова злая ирония судьбы...

Но вернемся в двадцатые годы. Оказавшись во главе ядра ЦК, Сталин быстро почувствовал, что, кроме организаторских качеств, которыми он обладал, «твердой руки», которую уже почувствовали многие в аппарате, ему нужно проявить себя и как теоретика. С одной стороны, переход к новым стадиям борьбы за создание нового общества требовал теоретического осмысления широкого круга вопросов. С другой стороны, Сталин понимал, что лидер партии, а он хотел им стать не только формально, но и фактически, должен иметь устойчивую репутацию теоретика-марксиста. Он понимал, что подавляющее большинство его текущих статей не оставили какого-либо следа в общественном сознании партии, рабочего класса. Большинство их было посвящено какому-нибудь эпизоду, моменту многоцветной действительности. В этой пестрой мозаике лозунгов, идей, призывов, которые выплеснула революция на сознание людей, сталинские скучноватые статьи просто терялись. Правда, ко времени, когда Сталин начал постепенно утверждаться в руководстве партии, им было опубликовано и несколько теоретических работ. Одну мы уже называли: «Анархизм или социализм?» О том, каков ее теоретический, философский уровень, можно судить хотя бы по такому фрагменту. «Буржуазия постепенно теряет почву под ногами,— пишет Сталин,— и с каждым днем идет вспять, но как бы сильна и многочисленна ни была она сегодня, в конце концов она все же потерпит поражение. Почему? Да потому, что она как класс разлагается, слабеет, стареет и становится лишним грузом в жизни. Отсюда и возникло известное диалектическое положение: все то, что действительно существует, т. е. все то, что изо дня в день растет,—разумно, а все то, что изо дня в день разлагается,—неразумно и, стало быть, не избегнет поражения». Удручающий примитивизм и наивность этих умозаключений очевидны, что, правда, не помешало академику М. Б. Митину назвать этот фрагмент «классической характеристикой нового».

Малозаметными трудами остались и такие его теоретические работы, как «Марксизм и национальный вопрос» (1913), «Октябрьский переворот и национальный вопрос» (1918), «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов» (1923) и некоторые другие. Сталин довольно скоро почувствовал, что он принципиально не в состоянии внести свое в теорию марксизма, что могло бы стать подлинно новым словом в великом учении. Он все больше убеждался, что гений Ленина предвосхитил чрезвычайно многое. К какой бы сфере деятельности ни приходилось Сталину прилагать свои усилия в сутолоке буд-

ней, он видел в ней следы ушедшей далеко вперед тени вождя.

Ожесточенная междоусобица, которая не прекращала потрясать партию, объективно потребовала от Сталина максимально широко прибегнуть к «пропаганде» ленинского наследия. Так к нему пришла идея прочесть небольшой курс лекций «Об основах ленинизма» в Свердловском университете. Вскоре после смерти В. И. Ленина эти лекции и были прочитаны, затем они в апреле и мае 1924 года были опубликованы в «Правде». Пожалуй, именно лекции принесли Сталину определенное признание как «теоретика».

Образованность не только основной массы населения — крестьянства,— но и рабочего класса, партийцев была невысокой, и часто просто требовалось изучение элементарной азбуки ленинизма. Только предельная популярность, доходчивость, ясность, простота могли обеспечить понимание основных идей ленинизма. Сталин к решению этой задачи оказался готов. Ему не пришлось перестраиваться: все его и ранние и более поздние работы примитивны, просты и непритязательны. «Катехизисное» мышление Сталина пригodiлось тут как нельзя лучше. Телеграфно короткие фразы, никаких мудреных терминов, отсутствие глубины, но ясность, ясность, ясность... Лекции после публикации были хорошо приняты, их широко использовали агитпропы для ликвидации политического невежества больших масс людей. В последующем «Вопросы ленинизма», «Об основах ленинизма» были канонизированы и превращены усердными сталинскими пропагандистами в догматический цитатник. Работы и впрямь походили на мозаику из цитат: пожалуй, если бы их убрать из сборников, то в некоторых работах остались бы лишь знаки препинания. Одно издание следовало за другим...

Сталин оказался способным популяризатором: сложные идеи и положения он смог сделать доступными для полуграмотных людей. Но если быть точным, то это было не популяризаторство. Сталин не стремился специально писать в общедоступной форме; он не умел иначе. Его мышление было теоретически упрощенным само по себе. Белое — черное, союзник — враг, победа — поражение... В рамки этих антиномий он втискивал все многообразие действительности. Но это не популяризаторство, а выражение примитивизма теоретического мышления. Но при этом генсек, трактуя ленинские выводы, существенно переключил многие из них. Так, раскрывая сущность диктатуры пролетариата, он фактически сделал акценты лишь на ее насильственной стороне; начисто «освободив» ее от демократического содержания. Сегодня, например, нельзя без содрогания читать страницы сталинской теории «ликвидации кулачества как класса», зная, что стояло за этим.

Сборник за сборником выходили в Государственном издательстве политической литературы. Редакторы не смели без Сталина что-либо менять, уточнять, поправлять. Поэтому, читая, например, сборник сталинских статей и выступлений «Вопросы ленинизма», выпущенный одиннадцатым изданием в 1945 году, сталкиваешься с местами, от которых берет оторопь.

Сталин полемизирует, адресуется, ругает, критикует, шельмует... Зиновьева, Троцкого, Каменева, Сорина, Слуцкого, Бухарина, Рыкова, многих, многих других, как будто они все еще живы: «Давайте послушаем Радека»; «Троцкий говорит уже два года», «Каменев имеет в виду», «А как говорит Зиновьев?», «Эти факты известны Зиновьеву», «Бухарин опять говорит...». Конечно, мы знаем, что эти работы Сталина, стоящие на конвейере издательства, написаны были тогда, когда все эти люди, как тысячи и миллионы других, были живы. Но с тех пор прошли годы, а Сталин продолжает полемизировать со своими оппонентами, которых он распорядился убить, уничтожить. Аргументы, которые выдвигает Сталин, борясь теперь уже с тенью ушедших людей, предстают не просто научно несостоятельными, но и в высшей степени кощунственными. В книге то и дело жирным шрифтом набрано: «Аплодисменты переходят в овацию», «Гром аплодисментов», «Все встают и приветствуют любимого вождя», «Громовое ура!» — и все это было, — не покидает ощущение, что сама книга из кошмарного сна. Уничтожить своих теоретических оппонентов и продолжать измышлять над мертвыми мог лишь человек, полностью преступивший общечеловеческие нормы морали. Поэтому даже верные суждения, которые встречаются в примитивном популяризаторстве Сталина, не могут не восприниматься как кощунство.

Когда Сталин готовил лекции для чтения, а затем и для печати, он еще не был полностью в плену идеологических предрассудков, которые затем сам усиленно культивировал. Так, например, невозможно представить, чтобы Сталин мог позволить в конце своей жизни то, что он написал о ленинском стиле руководства в 1924 году. В середине двадцатых годов он мог справедливо утверждать, что стиль ленинизма состоит в соединении русского революционного размаха и американской деловитости. «Американская деловитость — это та неукротимая сила, — писал он, — которая не знает и не признает преград, которая размывает своей деловой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело». Думаю, что если бы кто-нибудь публично сказал в более поздние годы такие сталинские слова, как: «Соединение русского революционного размаха с американской деловитостью — в этом суть ленинизма в партийной и государственной работе», то ему бы пришлось об этом горько пожалеть. В двадцатые годы мысль Сталина, пусть и без полета и озарения, все же еще не была полностью стянута обручем воинствующего догматизма.

Можно утверждать, особенно по «знаменитой» четвертой главе «Краткого курса истории ВКП(б)», что Сталин так и не разобрался до конца в соотношении теории и метода, взаимосвязи объективного и субъективного, сути законов общественного развития. Его утверждения, что все в природе и обществе запрограммировано железной необходимостью, явно смахивают на фатализм: «Социалистический строй последует за капиталистическим, как день за ночью». Марксистская теория — это компас на корабле, который обязательно доплывет до другого берега, но с «компасом»

быстрее. Сталин высмеивает тех, кто прислушивается к «требованиям разума», «всеобщей морали», и воспекает вульгарный материализм, замешанный на насилии. Конечно же, он утверждает, что «примером полного соответствия производственных отношений характеру производительных сил являются социалистическое народное хозяйство в СССР». Его аргументация всегда звучит либо как утверждение, либо как приговор. Вся история, изложенная в «Кратком курсе», — это цепь победы одних и поражения других: шпионов, двурушников, врагов, преступников. Сталин все уложил в прокрустово ложе схемы: в жизни должно быть так, как в теории, той, которую он излагает. Это как раз тот случай, о котором говорили Маркс и Энгельс, — подобный подход может свести идеологию к «ложному сознанию». Все, что происходит, по логике Сталина, — это закономерность: рост коммунистических партий — да; разгром правого уклона — несомненно; «предательство» социал-демократических партий — естественно и т. д. Творчеству, воле, игре воображения, дерзости сознания в главе абсолютно не оставлено места.

Сталинский интеллект — в плену схемы. Судите сами: три основные черты диалектики, четыре этапа развития оппозиционного блока, три основные черты материализма, три особенности Красной Армии, три основных корня оппортунизма и т. д. Вся теория разложена «по полочкам» и нишам. Да, в учебных целях это, пожалуй, и допустимо: студенты любят схемы знаний. Но «инвентаризировать» всю теорию и сводить ее к нескольким чертам, особенностям, этапам, периодам — все это обедняет обществоведение, делает мировоззрение догматическим.

В сталинских работах с определенного времени начали просматриваться и ритуальные элементы. В его мышлении трудно выделить оттенки, переходы, оговорки, оригинальные идеи, парадоксы. Интеллект вождя однозначен: все, что выходит из-под его пера, — это развитие марксистско-ленинской теории. Каждое его изречение — программа. Все, что не согласуется с его установками, — подозрительно, а скорее всего враждебно. Вульгаризация, упрощенчество, схематизм, прямолинейность, безапелляционность придали интеллекту Сталина примитивно-ортодоксальный, в известном смысле даже манихейский характер. Есть полные основания утверждать, что у Сталина не возникало сомнений в «гениальности» того, что он говорил. Одно из доказательств подобного вывода — любовь к собственному цитированию.

При всем при этом интеллекту Сталина была, пожалуй, присуща и сильная черта: его практический характер. Каждое теоретическое положение (часто весьма механически) генсек пытался увязать с конкретными запросами и потребностями социальной практики. Скажем сразу: не всем работам других марксистов присуща эта конкретно-практическая направленность. Но у Сталина она, подчеркнем еще раз, не носила диалектического характера. Механицизм, автоматизм действия, часто смахивающий на фатализм, нередко придавали карикатурный характер сталинским трудам.

Выступая на Первом Всесоюзном совещании стахановцев, Сталин говорил: «Очень трудно, товарищи,

жить одной лишь свободой (*Одобрительные возгласы, аплодисменты*). Чтобы можно было жить хорошо и весело, необходимо, чтобы блага политической свободы дополнялись благами материальными. Характерная особенность нашей революции состоит в том, что она дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и возможность зажиточной и культурной жизни. Вот почему жить стало у нас весело, и вот на какой почве выросло стахановское движение». Добавить какой-либо комментарий к такой «аргументации» источников стахановского движения нет нужды. Вульгарность и примитивизм долго насаждался в общественное сознание народа, и мы еще порой не отдаем отчета в том, сколь тяжелые и дальние последствия влекло за собой такое «засорение» сознания людей.

Выбор методов борьбы за социалистическое переустройство общества сопровождался в двадцатые годы активизацией теоретической работы руководителей партии. В «Правде», «Большевике» — теоретическом органе, который начал выходить в 1924 году, регулярно появлялись статьи Троцкого, Зиновьева, Каменева, Сталина, Бухарина, Калинина, Ярославского, других деятелей партии. Некоторые из них весьма преуспели в публикации своих трудов. Так, в журнале «Большевик» было помещено несколько рецензий на сочинения Л. Д. Троцкого, который за десять лет после революции успел издать двадцать один том. «Правда» 4 октября 1924 года сообщала о начале издания ленинградским отделением Государственного издательства сочинений Г. Е. Зиновьева в двадцати двух томах. Комиссия по изданию сочинений оценила их как своего рода «рабочую энциклопедию». Здесь же, в «Правде», помещена информация о выходе сборника «Октябрь. Избранные статьи В. И. Ленина, Н. И. Бухарина и И. В. Сталина». Особенно много появлялось в это время материалов, подготовленных Бухариным, — «Противоречия современного капитализма», «О новой экономической политике и наших задачах» и другие статьи.

Сталин стремился не отставать. Однако большая часть его статей в двадцатые годы была посвящена не столько популяризации ленинизма, сколько полемике с руководителями различных группировок, оппозиций, фракций. Здесь Сталин чувствовал себя как рыба в воде. Пожалуй, благодаря борьбе с оппозициями, напористой, громкой критике своих вчерашних соратников, он и стал «теоретиком». Выступления с докладами на партийных съездах и конференциях, пленумах, заседаниях Политбюро были жесткими, решительными, по большей части непримиримыми, хотя, правда, порой Сталин, исходя из тактических соображений, и позволял себе либеральные «послабления». Так, 11 октября 1926 года Сталин выступил на заседании Политбюро с вопросом «О мерах смягчения внутривластной борьбы». Эти «смягчающие меры» свелись к формулированию пяти ультимативных пунктов, которые должны принять лидеры оппозиции, если они хотят остаться в ЦК.

В полемике с идейными оппонентами Сталин преуспевал — появлялась хлесткость выражений, порой, правда, носящих личный оскорбительный харак-

тер. Генсек даже гордился репутацией грубого, но непримиримого борца за единство партии, против фракционности, за чистоту ленинизма. Выступая с заключительным словом по Политическому отчету ЦК на XIV съезде партии, Сталин, словно бы присваивая себе право на грубость как атрибут генсека, под одобрительный смех делегатов подчеркнул: «Да, товарищи, человек я прямой и грубый, это верно, я этого не отрицаю».

В ответе С. Покровскому, пытавшемуся выяснить позицию Сталина по теории пролетарской революции, генсек в самом начале письма называет своего корреспондента «самовлюбленным нахалом». На такой же ноте он и заканчивает ответ: «Вы ни черта, — ровно ни черта, — не поняли в вопросе о перерастании буржуазной революции в революцию пролетарскую? Вывод: надо обладать нахальством невежды и самодовольством ограниченного эквилибриста, чтобы так бесцеремонно переворачивать вещи вверх ногами...» Таким был стиль и язык критики Сталина своих оппонентов, которым он без тени особого смущения зачастую бросал в лицо: «болтун», «клеветник», «путаник», «невежда», «пустозвон», «подпевала»... Серьезные аргументы, которые использовал Сталин в борьбе против оппозиции, часто обрамлялись эпитетами на грани брани. Генсек с полной уверенностью судил: здесь истина, а здесь заблуждение.

Мы уже говорили, что Сталин по мере утверждения своего авторитета и повышения политической значимости поста генсека все чаще прибегал к использованию в качестве аргументов высказывания из собственных статей и речей. В этом случае они уже представляли как истина в высшей инстанции. Так, дав определение ленинизма в своих лекциях в Свердловском университете, Сталин в работе «К вопросам ленинизма» фактически превозносит эту дефиницию как совершенную и универсальную. Далее он многократно прибегает к собственному обильному цитированию, сопровождаемому неизменными оценками, — «все это правильно, т. к. целиком вытекает из ленинизма» и т. д. Порой поражаешься, сколь высоко ставит и ценит собственные выводы генсек. В последующем это станет правилом: отсылать читателей к своим статьям и книгам.

В ответе товарищу Покоеву «О возможности построения социализма в нашей стране» Сталин не только полностью умалчивает, что эта идея целиком принадлежит В. И. Ленину, но и утверждает, что именно он, Сталин, является автором этой концепции. Не утруждая себя особыми аргументами, генсек в post scriptum к статье без обиняков говорит: «Взяли бы «Большевик» (московский) № 3 и прочли бы там мою статью. Это облегчило бы Вам дело». Что касается собственно ответа Покоеву, то наряду с верными положениями Сталин педалирует на одну идею: «рабочий класс в союзе с трудовым крестьянством может добить (здесь и далее разрядка моя. — Д. В.) капиталистов нашей страны», «оппозиция же говорила, что добить своих капиталистов и построить социалистическое общество мы не сможем»; «если мы не рассчитывали добить наших капиталистов... то мы зря брали власть» и т. д. Акцент на «добивание» в 1926 году

остатков эксплуататорских классов слишком очевиден. «Битье» и «добивание» скоро станут едва ли не главным занятием Сталина.

Но, пожалуй, самое негативное в теоретическом «творчестве» Сталина заключается в том, что он постепенно «обосновал», если так можно выразиться, «жественный социализм». Фактически гуманистическая сущность социализма была им отброшена. Цена сталинской модели социализма безмерна, но именно это и соответствовало его теоретическим «взглядам». Эти мировоззренческие установки генсека со временем позволяют ему с легким сердцем пойти на неслыханные массовые репрессии, широкое применение насилия как главного социального метода строительства нового общества. По сути, сопоставление теоретических взглядов Сталина (и особенно их материализации) говорит нам, что генсек постепенно отошел от ленинизма. Звучит парадоксально, но это факт: Сталин, формально оставаясь большевиком, в конце концов не станет ленинцем! Из многих разновидностей социализма — утопического, мелкобуржуазного, казарменного, научного — Сталин создал нечто свое, социализм бюрократический, несущий в себе черты и догматического, и казарменного. Одним словом, «сталинский». Конечно, он не смог, не сумел, не успел все деформировать в живой ткани социализма, который строили миллионы. Но сегодня мы знаем, что говорить о государстве, где высока степень обобществления, где коллективное «выше» личного, где лишь все планируется, как о государстве социалистическом еще рано. Подлинный социализм, каким его видел Ленин, — тот, когда в его центре стоит человек. Истинная концепция социализма — это демократия, гуманизм, социальная справедливость. Подобный подход никогда не может подразумевать насилие, отчуждение власти от народа, существование вождя — полубога.

При всей, популяризаторской, часто примитивной сути теоретических изысканий Сталина нельзя не сказать, что над своими статьями, речами, репликами, ответами генсек обычно трудился сам. Свидетельства его помощников, в разное время работавших с ним, — Товстухи, Мехлиса, Каннера, Стасовой, Бажанова, Поскребышева, других ответственных лиц из аппарата Генерального секретаря, дают основания сделать вывод: при огромной загруженности Сталин весьма много работал над собой. Ему ежедневно по его специальным заказам делали подборку литературы, давали вырезки из статей, сводки о партийной печати губерний, обзоры зарубежной печати.

Однажды он долго сидел над письмом из Берлина с обратным адресом: Целлендорф, Вальдемарштрассе, 11, «Вилла Ница», В. П. Крымову. Это было довольно необычное письмо. Его автор — писатель, бежавший из России в 1917 году, но пристально, до боли в глазах следивший за тем, что там происходило после революции. Читая письмо, Сталин подчеркивал строки: «Я пишу Вам, как одному из самых крупных государственных деятелей в современной России. Я пацифист и интернационалист, но все-таки я люблю Россию больше всякой другой страны. Мне отсюда м. б. видно кое-что, что Вам не так ясно, при всей Вашей осведом-

ленности изнутри. (Здесь красный карандаш проделал двойной путь.)

...Нужно во что бы то ни стало сохранить власть в ваших руках, вожakov пролетариата, ничего не щадя. Помните: «Кто не способен на злодейство, тот не может быть государственным человеком». Прежде всего армия. Она не должна воевать, но она должна быть. Все должны знать о ней преувеличенное. Чем больше всяких военных демонстраций, тем лучше... Никаких средств не надо щадить в заботах об увеличении населения России и полном его воспитании. Это самое страшное оружие против капиталистического мира. Сегодня ясно, что современная Россия может дать новый закон истории: размаха маятника в другую сторону может и не быть; он может навсегда остаться слева... Не нужно лжи, но нужны две правды, и о большей умолчать на время и тем заставить верить в меньшую; а когда понадобится, малая отступит перед большой... Не надо притеснять религию, это укрепит ее. Привлекайте частный капитал. Пока государственная власть у вас — это не представляет никакой опасности... Проявление современного русского творчества нужно поддерживать, не жалея затрат. Скажем, литературу, м. б. балет. Нужно бросить в остальной мир яркие кристаллики современной России: этим можно иногда сделать больше, чем самой широкой пропагандой... Революция сделала уже колоссально много. Но эксперимент затягивается, нужны какие-нибудь реальные результаты. Нужны какие-то выполнения обещанного благополучия пролетариата. А пока у вас волокиты больше, чем в царском строе. Есть случаи, когда тянуть выгодно, но сплошь эта система гибельна».

Сталин долго сидел над письмом, перестав подчеркивать, ибо почти каждая строка была, как ему казалось, умной, взвешенной, выстраданной. Взглянул еще раз на размашистую подпись: «Вл. Крымов, опубликование моего письма нежелательно». Сталин отложил письмо в папку, где лежали бумаги, к которым он еще возвращался.

В 1924—1928 годах Сталин неоднократно приглашал к себе профессоров из Промышленной и Коммунистической академий для получения консультаций в области общественнознания. Особенно он чувствовал свою слабость в философии; историю пока знал весьма посредственно; к углублению своих экономических знаний особого рвения не проявлял. Вместе с тем длительный опыт работы на посту, где ему приходилось заниматься самыми разнообразными проблемами, сформировал тонкое чутье, весьма практичный ум, способный быстро оценить ситуацию и ориентироваться как в kaleйдоскопе проблем, так и выделять в них главные звенья. Природная наблюдательность, отличная память на лица, фамилии, факты, богатый опыт общения с целой когортой образованнейших людей из ленинского окружения не могли не выработать у Сталина и нечто свое, в своем роде неповторимое. Например, не будучи крупным теоретиком, он превосходил многих своих сотоварищей по прагматическому подходу к теории, умению максимально полно «состыковать» ее с практическими задачами.

...Готовясь к выступлению на торжественном заседании в Военной академии, он вспомнил о многочисленных письмах инвалидов гражданской войны. Пока государство ничего (или почти ничего) не могло им дать. Подумалось, что проект постановления Совнаркома, обсуждаемый в Секретариате и Оргбюро, нужно быстрее принимать. В нем предусматривалось, что инвалиды Красной Армии будут получать пенсию от шести до 15 рублей в месяц. А поскольку государство не располагает этими средствами, установить для реализации такого решения следующее:

— четырехпроцентный сбор с пассажирских билетов;

— двадцатипятипроцентный сбор с билетов в театрах и кинематографе;

— десятипроцентный сбор с наследственных и судебных пошлин...

Сталин редко оглядывался назад, но инвалиды войны — это не просто рана прошлого. Пока власть не смогла дать многого из того, что было обещано, что казалось таким естественным при наличии народовластия... Однако Сталин всегда останавливал себя в этих размышлениях — не расслабляться, революция продолжается, будут еще жертвы, никаких сантиментов!

Сталин был большим мастером упрощения теории марксизма-ленинизма, часто до примитивизма. Именно ему принадлежит заслуга насаждения схематизма в теории, истории партии. Вскоре, к концу двадцатых годов, можно было только комментировать, «разбирать», славословить сталинские работы. На целые десятилетия теоретическая мысль в общественствовании впала в состояние глубокой стагнации, застоя. Именно Сталин положил начало подгонке тех или иных выводов теории к реалиям жизни, общественному бытию. Сведение марксизма-ленинизма к элементарным схемам, даже определенное его препарирование резко затормозили развитие общественной мысли. Догматизм можно сравнить с судом, сидящим на мели. Волны бегут, а корабль стоит, но видимость, кажимость движения сохраняется. Сталин к идеологии подходил сугубо прагматически, полагая, что настоящая идеология внутри страны должна функционировать подобно цементу, а вне ее — как взрывчатка...

Многие из его «теоретических» выводов стали со временем источником больших социальных бед. Иногда мне думается, что интересный, оригинальный вывод имеет как бы «окраску»: оранжевую, фиолетовую, пурпурную, изумрудно-лазурную... Это все равно как если бы луч пронизал туман, мрак, сумерки, очерчивая контуры желанной Истины. Пожалуй, мир мысли не только многострунен, но и многоцветен, но эти краски надо уметь видеть. У Сталина мысль была серой и со временем на практике проявляла себя в самых мрачных тонах. Судите сами.

14—15 января 1924 года состоялся Пленум ЦК, рассмотревший целый ряд вопросов. О международном положении доклад сделал Зиновьев. Докладчик и выступающие подвергли критическому анализу неудачи в Германии, где, по мнению многих, не была

использована революционная ситуация. В своем выступлении Сталин остановился на роли Радека в этих событиях, бывшего в то время в Германии. «Я против того, чтобы применять к Радеку репрессии за его ошибки в германском вопросе. Он допустил их целый ряд, из которых я выделяю здесь семь штук». Любимое занятие Сталина — нанизывать ошибки других на длинную бечеву; мы не будем воспроизводить их все, назовем лишь ту ошибку, которую Сталин пронумеровал, как в инвентарной описи, «четвертой». Радек считает, продолжал генсек свою речь, «главным врагом в Германии фашизм и полагает необходимой коалицию с социал-демократами. А наш вывод: нужен смертельный бой с социал-демократией». Это не просто теоретическая ошибка в анализе. Политическая близорукость Сталина в оценке фашизма и социал-демократии дорого обойдется коммунистам, демократическим силам в будущем. Его «серое» освещение острой проблемы свидетельствует о явном неумении анализировать многозначные связи.

Или еще пример его теоретической «недалекости». Во время октябрьского (1924 года) Пленума ЦК РКП(б) обсуждался среди других вопрос о работе в деревне. Докладчиком был Молотов. С длинной речью выступил Зиновьев, плохо ориентировавшийся, как, впрочем, и Молотов и Сталин, в аграрных вопросах. Но и он довольно верно оценил общую обстановку: «Мы обсуждаем сейчас не только вопрос о работе в деревне, но и об отношении к крестьянству вообще, т. е. гораздо более общий вопрос, который, вероятно, не сойдет с очереди в течение ряда лет, т. к. он целиком упирается в проблему о проведении диктатуры в данной обстановке». Сталин своим выступлением попытался дать ряд политических и теоретических рекомендаций, в которых можно рассмотреть зародыши будущих крупных ошибок. Он опять начал заниматься «инвентаризацией». Первое, что нам надо делать, — «это завоевать крестьянство заново»; во-вторых, видеть, что «изменилось поле борьбы»; в-третьих, «надо создать в деревне кадры». Идет 1924 год, а речь Сталина звучит как будто уже из 1929-го... Удивительная «проницательность» и последовательность в утверждении тяжких ошибок. Таким был Сталин как «интерпретатор» ленинизма, и мы еще не раз коснемся его теоретических воззрений.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ СМЯТЕНИЕ

Последователь Вл. Соловьева философ Е. Трубецкой в статье «Два зверя» развивал идею о том, что России угрожают две крайности — «черный зверь реакции и красный зверь революции». Для многих деятелей культуры, литературы эти «звери» оказались реальными. Идейные колебания шли по самой большой амплитуде: от прямого, откровенного неприятия самой идеи революции (З. Гиппиус, Д. Мережковский, И. Бунин) до ее восторженного прославления (Д. Бедный, А. Жаров, И. Уткин, М. Светлов). Однако далеко не все быстро определили свои идейные позиции.

Сила старого была сломлена, но было бы неестественным ждать, что все художники начнут приветствовать наступающий рассвет. И на главной улице большой литературы, и на ее задворках шло глухое, а иногда и бурное брожение. Главные вопросы, терзавшие художественную интеллигенцию, были: какое место культуры в «новом храме», проблема творческой свободы, отношение к духовным ценностям прошлого. Кое-кто из писателей всерьез считал, что у русской литературы одно будущее — ее прошлое. Многие мастера слова революционный шквал напугал, в нем они увидели угрозу не только себе, но и всей культуре.

Большинство интеллигенции не приняло социалистическую революцию. Это не обязательно, что все непринявшие стали ее врагами, нет. Пожалуй, большую часть интеллигентов устроили бы результаты Февральской буржуазно-демократической революции, с каким-нибудь парламентом и другими атрибутами либерального многовластия. Растерянность, интеллектуальное смятение продолжались несколько лет, затем стали вырисовываться диаметрально противоположные тенденции: полное принятие идей Октября и их полное отрицание, долгие колебания и постепенные повороты. Весьма характерен в этом смысле небольшой сборник «Смена вех», вышедший в июле 1921 года в Праге. Выступившие в нем авторы, в основном кадетской организации, активные деятели лагеря белых, призвали «пойти в Каноссу». Ключников, Потехин, Бобрищев-Пушкин, Устрялов заявляли, что по воле «роковой иронии истории» большевики сделались «хранителями русского национального дела». Кстати, в своих выступлениях в двадцатые годы Сталин неоднократно упоминал Устрялова и само «сменовеховство» как символ разложения вражеского лагеря. Авторы «Смены вех» не скрывали, что считают большевизм утопией, но понимали, что с ними, беглецами России, «расправится и уже расправляется история». Ностальгические мотивы, окрашенные в славянофильские тона, знаменовали нечто более важное: поворот части интеллигенции к поддержке, социалистической России. Эта смутная тяга к Родине глушила классовые инстинкты, мирила, хотя и с болью, с новыми реальностями в России.

Но многие интеллигенты совсем не приняли большевизма. Журнал «Политработник» в 1922 году в статье «Беглая Россия» писал о них так: «Великая Октябрьская революция имеет свой «Кобленц»... Известны «патриотические» подвиги и образ жизни этой беглой России. Она не имеет даже и налета той печальной красоты глубокой осени, отпечаток которой можно уловить на представителях погибающего феодального общества в Кобленце Великой французской революции. Здесь господствуют гниль, мерзость запустения, склока, мелкое и крупное интриганство и подхалимство, громко именуемое «деланием политики».

Выразителем крайнего неприятия Октября стала З. Н. Гиппиус, которая в своих «Серой книжке» и «Черном блокноте» выразила полное отрицание идеи

революции, по ее мнению, похоронившей культуру России:

Напрасно все: душа ослепла,
Мы червю преданы и тле;
И не осталось даже пепла
От русской правды на земле.

Гиппиус сравнивала революцию с «пустоглазой рыжей девкой, поливающей стильные камни». Характеризуя свою и мужа (Д. С. Мережковского) политическую позицию, она с гордостью говорила: «Пожалуй, лишь мы храним белизну эмигрантских риз». В своей родине они увидели «царство Антихриста». Даже Троцкий, довольно терпимо относившийся ко всем этим метаниям и считавший неизбежным интеллектуальное смятение интеллигенции, бросил злую реплику по поводу «нытья» Гиппиус. Ее искусство, в котором преобладала проповедь мистического и эротического христианства, писал Троцкий, сразу же трансформировалось, стоило «подкованному сапогу красноармейца наступить на ее тонкий носок. Она немедленно стала завывать криком, в котором можно было узнать голос ведьмы, одержимой идеей о святости собственности». Спектр эстетических интересов Сталина был неизмеримо уже эрудиции Троцкого, и декадентские, иконоборческие традиции и тенденции его мало волновали. Едва ли Сталин что-нибудь серьезное знал о Гиппиус, Бальмонте, Бердяеве, Белом, Воронском, Лосском, Осоргине, Шмелеве и многих других интеллектуалах, так или иначе оставивших след в истории отечественной культуры. С его умом, эмпирическим и лишенным эмоционального богатства, он на весь храм культуры смотрел вначале сугубо с прагматических позиций: «помогает», «не помогает», «мешает», «вредит». Художественные критерии, если они у него и были, не имели, по его мнению, решающего значения.

Справедливости ради нужно сказать, что хотя волна эмиграции за рубеж была весьма большой, возможно, более двух — двух с половиной миллионов человек, в основном это были представители состоятельных слоев, интеллигенции, в том числе художественной (М. Алданов, К. Д. Бальмонт, П. Д. Боборыкин, И. А. Бунин, Д. Бурлюк, З. Н. Гиппиус, А. И. Куприн, Д. С. Мережковский, И. Северянин, А. Н. Толстой, Саша Черный, В. Иванов, Г. Иванов, В. Ф. Ходасевич, И. С. Шмелев, М. Цветаева и многие другие), — не все они были враждебно настроены против Советской России. Многие были просто высланы. Различна и их судьба. Немало таких, кто нашел свою смерть в трущобах Шанхая, ночлежках Парижа или вернулся в края родные. Одних ждала возможность возрождения литературного творчества, другие не смогли адаптироваться в новой социальной среде и навсегда замолчали, третьи попали под жернова беззакония.

Художественная интеллигенция, оставшаяся в России, вела себя тоже по-разному. Стали быстро возникать художественные союзы, творческие объединения: «Союз крестьянских писателей», «Серрапионовы братья», «Перевал», «Российская ассоциация пролетарских писателей», «Ассоциация художников рево-

люционной России», «Кузница», ЛЕФ, другие творческие альянсы. В стенах холодных клубов и Дворцов шли жаркие дискуссии о пролетарской культуре, литературе и политике, возможностях использования ценностей буржуазной культуры. В процессе этого литературного брожения, а порой и интеллектуального смятения рождались свои концепции, возник уникальный шанс в создании и утверждении творческого плюрализма в художественном сознании. В то время еще не были в ходу командные методы, которые для искусства, литературы равнозначны творческой атрофии.

Сталин, мало интересовавшийся поначалу этими вопросами, не видел какой-то опасности в мозаике литературных школ, направлений, тем более что большинство (на свой лад) говорило о революции, новом мире, новом человеке, «зовущих даях». Даже авангардистские, часто сектантские увлечения «радикальными методами» творчества казались только наивными, забавными — не более. В ЦК еще не было идей и доктрин ждановского толка, все это придет позже. Этот творческий плюрализм, естественный, как само искусство, за короткий срок смог дать в кино, литературе, живописи произведения, навсегда вошедшие в сокровищницу нашей духовной культуры.

В целом двадцатые годы характеризуются раскрепощенностью мысли, творческими поисками, смелым новаторством. Художники, мастера слова, сцены, кинематографа много говорили о свободе творчества. У писателей было рожденное революцией стремление постичь тайны великого, вечного, непреходящего. Много говорили о гениях, гениальности, часто «перехлестывая» в своих суждениях через край. А, впрочем, самая высокая вершина пирамиды творчества — всегда гениальность, и почему бы мастеру слова не стремиться к ней? Может быть, и прав был крупный русский писатель и философ Н. Бердяев, когда говорил, что «культ святости должен быть заменен культом гениальности»?

Революция форсировала творческое созревание многих, и, видимо, было естественным и плодотворным состояние частых дискуссий, споров, соревнования различных художественных школ. Как жаль, что через несколько лет эта атмосфера искательства в значительной мере испарится в каменоломнях бюрократического слога, однодумства, как духовной униформы, родит множество книг с «грибной жизнью», о большей части которых сейчас никто и не вспомнит.

В нескольких номерах журнала «Большевик» (1926 год) была опубликована статья П. Ионов о пролетарской культуре и «напостовской путанице», дававшая критический анализ воззрений столпов «напостовства» Вардина и Авербаха, которые выражали свои взгляды в журнале «На посту» (отсюда «напостовцы»). «Большевик» доказывал невозможность существования «чистого искусства», не подверженного влиянию социальных бурь, экономических потрясений, классовых схваток. Через некоторое время «Большевик» поместил ответ П. Ионову Леопольда Авербаха, сводящийся к тому, что культурная революция будет сопровождаться обострением классовой борьбы: «Кто

кого переработает — массы ли старую культуру сумеют разбить на кирпичи и нужное им взять, или здание целостной старой культуры окажется сильнее пролетарского культурничества».

Вскоре будет провозглашен тезис о необходимости административного управления процессами культуры. Весьма характерна в этом отношении, например, передовая статья в том же журнале «Большевик», озаглавленная «Командные кадры и культурная революция». В ней постулируется, что проблема «воспитания культурных командных кадров строителей социализма» — проблема политическая. Ну, а как только подвспитались «командные культурные кадры», стали рушиться церкви, исчезать самобытные творческие объединения, замолкать неповторимые индивидуальности. А искусство, отчужденное от духовной сути человека, уже становится суррогатом культуры.

Конечно, не только сомнительно методы идейного руководства подменять директивным стилем. У политики есть много областей, где она диктовала и будет диктовать, но есть и такие сферы, где она может лишь взаимодействовать, где «политический скальпель» противопоказан, иначе он в процессе своего применения добывается противоположного, чем ждали, результата.

Сталин внимательно наблюдал за процессами брожения в литературе. Он чувствовал, что культурная революция, начавшая огромные смещения в общественном сознании, с неизбежностью вызовет повышенный интерес к художественной литературе, культурным ценностям вообще. К середине двадцатых годов грамотность населения страны заметно повысилась. Особо поразительными были перемены в национальных республиках. К 1925 году по сравнению с 1922 годом число трудящихся, овладевших грамотой, возросло в Грузии в 15 раз, в Казахстане в пять раз, в Киргизии в четыре раза. Аналогичной была картина и в других местах. Подлинными очагами культуры, грамотности становились рабочие клубы в городах, избы-читальни в деревне. В три раза по сравнению с 1913 годом возрос объем тиражей периодических изданий, увеличился выпуск книг, начался массовый процесс создания библиотек. Открываются киностудии в Одессе, Ереване, Ташкенте, Баку.

Политбюро неоднократно рассматривало вопрос о создании лучших условий приобщения масс к художественной культуре, усилении на нее идейного, большевистского влияния. В июне 1925 года Политбюро одобрило резолюцию «О политике партии в области художественной литературы». В постановлении отмечалась необходимость бережного отношения к старым мастерам культуры, принявшим революцию, а также, по предложению Сталина, важность продолжения борьбы с тенденциями сменовеховского характера. В документе подчеркивалось, что «партия должна всемерно искоренять попытки самодельного и некомпетентного административного вмешательства в литературные дела». К сожалению, в тридцатые годы эти верные выводы будут преданы забвению. А в то время ЦК партии еще следовал ленинскому завету о том, что для подлинного социализма нужна «именно

культура. Тут ничего нельзя поделать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще».

Помощники Сталина регулярно «докладывали» генсеку о новых книгах, статьях пролетарских писателей. Все, естественно, он читать не мог, но в библиотеке Сталина сохранились тома, книжки тех лет в дешевых переплетах с его пометками красным карандашом. К слову сказать, большинство своих замечаний на полях книг он делал цветными карандашами и особенно любил красный. Многие из его соратников вольно или невольно подражали ему, в частности, К. Е. Ворошилов. Судя по пометкам, есть основания полагать, что Сталин ознакомился с «Чапаевым» и «Мятежом» Фурманова, «Железным потоком» Серафимовича, повестями Вс. Иванова, «Цементом» Гладкова, книгами Горького, которого генсек любил, стихами поэтов Безыменского, Бедного, Есенина, других известных мастеров слова. Сталин заметил Платонова с его повестью «Впрок». Но, судя по всему, талантливый писатель, проникший в глубокие пласты человеческого духа, остался им не понятным. Бессонный сатанонд поисков писателя вызывал раздражение генсека, о чем он, в частности, поведал однажды Фадееву.

Сталин любил театр и кинематограф. В последующем, особенно в 30-е и 40-е годы, он был частым посетителем Большого театра, регулярно смотрел по ночам в Кремле или на даче новые фильмы. Живопись любил меньше и не скрывал, что не обладает должным вкусом. Вопросы художественной культуры нередко обсуждал не только в кругу членов Политбюро, где большинство были невысокими ценителями искусства, но и с писателями: Горьким, Демьяном Бедным, Фадеевым и, конечно, с Луначарским.

В его речах художественные образы присутствуют неизмеримо реже, чем у Ленина, Бухарина, Троцкого, некоторых других деятелей партии. Они были ему нужны, как правило, для усиления критического запала выступлений. Одним из редких примеров такого использования можно назвать выступление Сталина на объединенном заседании Президиума ИККИ и ИКК в сентябре 1927 года. Отвечая Вуйовичу, Сталин бросает:

— Критика Вуйовича не заслуживает ответа.— И дальше говорит: — Мне вспомнилась маленькая история с немецким поэтом Гейне. Однажды он был вынужден ответить своему назойливому критику Ауфенбергу следующим образом: «Писателя Ауфенберга я не знаю; полагаю, что он вроде Дарленкура, которого тоже не знаю». — И, продолжая, Сталин добавил:

— Перефразируя слова Гейне, русские большевики могли бы сказать насчет критических упражнений Вуйовича: «большевика Вуйовича мы не знаем», полагаем, что он вроде Али-баба, которого тоже не знаем».

Но, повторяю, его обращение к классике было редким, что отражало и весьма ограниченное знакомство генсека с шедеврами мировой и отечественной литературы.

В ряде публичных выступлений Сталин не уходил от возможности выразить свое отношение к тем или иным писателям и их произведениям. Суждения генсека, как всегда, были категоричны и безапелляционны. Например, в своем письме к Билль-Белоцерковскому Сталин однозначно осудил дирижера Большого театра Голованова за то, что тот выступал против механического обновления репертуара за счет классики. Генсек тут же охарактеризовал «головановщину» как «явление антисоветского порядка». В тридцатые годы такая оценка могла стоить головы. Здесь же Сталин оценил и «Бег» Булгакова как антисоветское явление, добавив, правда, смягчающую тираду такого содержания: «Впрочем, я бы не имел ничего против постановки «Бега», если бы Булгаков прибавил к своим восьми снам еще один или два сна, где бы он изобразил внутренние социальные пружины гражданской войны в СССР, чтобы зритель мог понять, что все эти, по-своему «честные» Серафимы и всякие приватдоценты, оказались вышибленными из России не по капризу большевиков, а потому, что они сидели на шее у народа».

Продолжая «разбор» творчества Булгакова, Сталин вопрошает:

«Почему так часто ставят на сцене пьесы Булгакова? Потому, должно быть, что своих пьес, годных для постановки, не хватает. На безрыбье даже «Дни Турбиных» — рыба». И далее дает пьесе такую оценку: «Пьеса эта не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: «если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, — значит большевики непобедимы»...

Эти фразы Сталина еще раз высвечивают старую истину о том, что окончательную оценку тому или иному произведению дает время. Вельможный вердикт может спустя годы оказаться смешным и наивным, несправедливым и жестоким, даже учитывая конкретность исторического момента. А ведь как часто в нашей истории пытались давать «окончательные» оценки! Именно так, например, поступал генсек, и в подобной категоричности весь Сталин: не сомневающийся, уверенный в себе, презирающий интеллектуальные раздумья художника.

Генсек мог быть жестким даже к тем, к кому обычно относился с уважением. Демьян Бедный, большевик с 1912 года, быстро стал после революции признанным пролетарским поэтом. Множество его басен, частушек, песен, стихотворных фельетонов, повестей, притч пользовались неизменным успехом у широких масс, злободневность каждой строки народного поэта постоянно поддерживала его популярность. Но вот в ряде своих произведений («Перерва», «Слезай с печки», «Без пощады») Бедный подвергает критике косность и другие чуждые нам традиции, которые, словно шлейф, тянутся за нами из прошлого. В отделе пропаганды ЦК это было расценено как антипатриотизм. Д. Бедный пожаловался на окрик в своем

письме Сталину. Ответ был быстрым и безжалостным:

— Вы вдруг зафыркали и стали кричать о петле...

— Может быть, ЦК не имеет права критиковать Ваши ошибки?

— Может быть, решения ЦК не обязательны для Вас?

— Может быть, Ваши стихотворения выше всякой критики?

— Не находите ли, что Вы заразились некоторой неприятной болезнью, называемой «зазнайством»?

После этих уничтожающих вопросов Сталин резюмирует, что критика в произведениях Д. Бедного является клеветой на русский пролетариат, на советский народ, на СССР. «В этом суть, а не в пустых lamentациях перетрусившего интеллигента, с перепугу болтающего о том, что Демьяна хотят якобы «изолировать», что Демьяна «не будут больше печатать» и т. п.

Вот так. Жестко и однозначно. Всего несколькими годами раньше, в июне 1925 года, Сталин сам редактировал постановление ЦК о политике в области художественной литературы, где говорилось, что нужно изгонять «тон литературной команды», «всякое претенциозное, полуграмотное и самодовольное комчванство». В конце двадцатых годов эти верные положения были Сталиным уже забыты.

Ведь всего за три-четыре года до этого Сталин просил передать благодарность Д. Бедному за «верные, партийные» стихи о Л. Троцком. Они были помещены 7 октября 1926 года в «Правде» под заголовком «Всему бывает конец». Пожалуй, стоит привести хотя бы часть стихотворения, чтобы полнее почувствовать атмосферу, политический колорит того сложного времени:

Троцкий — скорей помещайте портрет в «Огоньке»!
Усадите всех его лицемерием! —
Троцкий гарцует на старом коньке,
Блестя измятым оперением,
Скачет этаким красноперым Мюратом
Со всем своим «аппаратом»,
С оппозиционными генералами
И тезисо-моралами, —
Штаб такой, хоть покоряй всю планету!
А войска-то и нету!
Ни одной пролетарской роты!
Нет у рабочих охоты —
Идти за таким штабом на убой,
Жертвуя партией и собой.
Довольно партии нашей служить
Мишенью политиканству отпетому!
Пора наконец предел положить
Безобразию этому!

Генсек с удовольствием прочитал стихи, позвонил Молотову, еще кому-то. Все с одобрением оценили политическую сатиру Бедного. Сталин заметил: «Наши речи против Троцкого прочитает меньшее количество людей, чем эти стихи». В этом он, пожалуй, был прав. Но стоило поэту чуть «сбиться с тона», проявить «обиду», Сталин стал совсем другим: холодным, злым, повелевающим, указующим.

Зная, как сильно зависит от его оценки судьба произведения, мастера художественного слова обращались к Сталину с просьбой высказать свое мнение.

Чаще его резюме было снисходительным, с обязательным указанием «слабостей» работы. Иногда же он поднимался до похвалы. Так, в письме Безыменскому Сталин начертал: «Читал и «Выстрел» и «День нашей жизни». Ничего ни «мелкобуржуазного», ни «антипартийного» в этих произведениях нет. И то, и другое, особенно «Выстрел», можно считать образцами революционного пролетарского искусства для настоящего времени».

Свидетельства лиц, близко знавших Сталина, подтверждают: генсек очень внимательно следил за политической физиономией наиболее крупных писателей, поэтов, ученых, деятелей культуры. Он чувствовал, что в среде художественной интеллигенции не все приняли революцию, и примеры тому — не только многочисленная эмиграция. Его насторожило письмо В. Короленко Луначарскому, опубликованное уже после смерти крупного русского писателя в Париже, в котором он выражал тревогу, что насилие в послереволюционной России затормозит рост социалистического сознания. Сталин посчитал письмо фальшивкой. Его возмутила и статья Е. Замятина «Я боюсь», опубликованная в одном из небольших петроградских журналов «Дом искусств». Писатель, который в начале тридцатых годов станет невозвращенцем, запальчиво, но по существу верно писал: «Настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благонадежные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики. Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока не перестанут смотреть на демос российский как на ребенка, невинность которого надо оберегать. Я боюсь, — продолжал Замятин, — что настоящей литературы у нас не будет, пока мы не излечимся от какого-то нового католицизма, который не менее старого опасается всякого еретического слова». О мировоззренческих настроениях некоторых писателей свидетельствовала книга А. Богданова, который утверждает, что настоящее творчество возможно лишь в случае, если будет устранено принуждение между людьми, если в общественной системе не допустят веры в фетиши, мифы и штампы. Богданов явно намекал на недопустимость диктатуры по отношению к художественному творчеству. Это было уж слишком.

Сталин стал обдумывать способы, чтобы художественную мысль полнее канализировать, направить с ее помощью народ, массы на решение тех бесчисленных проблем, которые стояли перед страной. Но формы воздействия на людей творчества в понимании Сталина были в основном административные: постановления, высылка неугодных, создание цензуры. Кстати, здесь он согласен с Троцким, хотя обнародовать это единодушие не собирался. Троцкий в своей работе (о чем только этот плодовитый беллетрист не писал!) «Литература и революция» безапелляционно утверждал, что в стране победившего пролетариата должна быть «жесткая цензура». Этот совет Сталин утрат — он поможет художникам сделать правильный выбор! Как? Подумает, но политическая цензура в этом деле займет не последнее место.

Пока Ленин болел, по инициативе ГПУ и при

поддержке Сталина была предпринята необычная акция: 160 человек, представлявших ядро русской культуры (писатели, профессура, философы, поэты, историки), были высланы за границу. «Правда» 31 августа 1922 года опубликовала статью с многозначительным заголовком: «Первое предостережение», в которой обосновывалась необходимость более решительной борьбы с контрреволюционными элементами в области культуры. Рождение и утверждение принципа социалистического реализма сопровождалось борьбой, непониманием, духовным смятением многих творческих работников. Делая акцент на прагматических гранях этого принципа, работники «идеологического фронта» превращали его в директиву, вместо того чтобы помочь осознать сердцем и умом каждому художнику его место в революционной перестройке Отечества.

Безусловно, высылка была сигналом. Вместо широкого демократического вовлечения деятелей науки, литературы и искусства в процесс социалистического строительства, терпеливой работы с ними Сталин дал понять, что диктатура и в области культуры — это прежде всего власть, сила. Недостатка решимости применить ее у Сталина никогда не было. Пожалуй, только с А. М. Горьким он не мог себе позволить снисходительного, порой грубого тона, каким говорил нередко с другими писателями. Почти в то же время, когда разнесил Д. Бедного за критику-«клевету», генсек совсем по-иному писал Горькому. Тот в письме Сталину из-за рубежа выражал сомнение в целесообразности излишней критики и самокритики наших недостатков. Сталин убежденно отвечал писателю:

«Мы не можем без самокритики. Никак не можем, Алексей Максимович. Без нее неминуемы застой, загнивание аппарата, рост бюрократизма... — И дальше продолжает: — Конечно, самокритика дает материал врагам. В этом Вы совершенно правы. Но она же дает материал (и толчок) для нашего, продвижения вперед».

Как видим, Сталин был способен выражать зрелые суждения по вопросам демократизации общественной жизни, в том числе и в области литературы. Но все дело в том, что постепенно правильные выводы и оценки кардинально расходились с социальной и литературной практикой.

Вождю помощники иногда докладывали и о литературе русских эмигрантов. Когда ему показали многотомный роман белогвардейского генерала П. Н. Краснова «От двуглавого орла к красному знамени», вышедший в Берлине в 1922 году, Сталин не стал даже брать его в руки, заметив:

— И когда успел, сволочь?

Не без его участия было разрешено возвращение в СССР в разное время А. Куприну, А. Толстому, некоторым другим менее известным поэтам и писателям. Когда Сталину сказали, что И. А. Бунин стал первым русским, который удостоен Нобелевской премии, генсек заметил:

— Ну, теперь он и вовсе не захочет вернуться... О чем же он сказал там, в своей речи?

Прочитав коротенькое сообщение «выжимку» о

традиционной речи нового лауреата Бунина в Стокгольме, в котором приводились сказанные им на банкете слова: «Для художника главное — свобода мысли и совести», Сталин промолчал и задумался. Для него это было непостижимо: разве Бунину бы здесь не дали возможности думать, мыслить в соответствии с тем, какова его интеллектуальная совесть?! Разве он, Сталин, против свободы мысли, если она служит диктатуре пролетариата? Сталин, правда, не мог вспомнить, что принадлежит перу Бунина, но смутно и, пожалуй, не очень ошибаясь дал «свою» оценку его творчеству: «Что-то о тайне смерти и божьем мире вещал этот дворянский писатель». Больше Бунин его не занимал.

Поэзией Сталин вообще мало интересовался, хотя в юности, как мы уже упомянули, написал десятка три наивных стихотворений. Он никогда не понимал, что самые сильные стихи те, в которых поэт как бы «захлебывается». Бесконечная борьба, ставшая в прошлые годы для Сталина сутью его жизни, не дала ему дара для постижения этого человеческого волшебства. Стихи читать ему почти не приходилось. Правда, однажды, еще в Царицыне в качестве основы для шифра взяли какое-то пушкинское стихотворение. С его помощью сообщали в Москву количество отправленных эшелонов с хлебом, их литеры...

Еще об одном эмигранте — поэте В. Ходасевиче — докладывали Сталину, говорили, что очень талантлив, «может быть, даже более, чем Д. Бедный». Прочли даже его какие-то строки об «усыхании творческого источника на чужбине». Но этот безысходный тупик Ходасевича, как и В. Иванова, И. Шмелева, А. Ремизова, М. Осоргина, П. Муратова и других беглецов, был Сталину неинтересен.

30 декабря 1925 года в «Правде» был опубликован некролог в связи со смертью С. Есенина, этого «народника революции». Вот эта газета:

«Вряд ли кого-нибудь из поэтов наших дней так читали и любили, как Есенина».

«В лице Есенина русская литература, может быть, потеряла своего единственного подлинного лирика».

«Город не мог Есенин принять и понять до конца... Он остался романтиком соломенной России. И есть что-то символическое в его гибели: Лель, повесившийся на трубе от центрального отопления. И оно ведь — достижение культуры».

Самоубийцы были непонятны Сталину; это что-то вроде добровольной сдачи в плен... Да и вообще он где-то читал, что «Пегас должен быть в узде».

Его больше интересовало отношение писателей, поэтов, драматургов, режиссеров, находившихся здесь, в Москве, Ленинграде, других городах Отечества, к тому, что происходит в стране. Протыворечивые чувства он испытывал от «Голого года». Б. Пильняка, «Конармии» И. Бабеля, произведений А. Платонова, В. Кина, А. Веселого, Ю. Тынянова, В. Хлебникова, Н. Клюева... Ему сразу пришлось по душе ясные работы Д. Фурманова, А. Федины, А. Толстого, Л. Леонова... Сталину понравились фильмы Д. Вертова, Л. Кулешова, С. Эйзенштейна, В. Пудовкина, Ф. Эрмлера. Он слышал, хорошо идут льесы А. Луначарско-

го «Оливер Кромвель», К. Тренёва «Любовь Яровая», Вс. Иванова «Бронепоезд 14—69», Л. Сейфуллиной «Виринея». Его жена Н. Аллилуева смотрела эти спектакли вместе с сотрудниками Наркомнаца. Хорошо, что такие большие режиссеры, как Вл. Немирович-Данченко и К. Станиславский, обратились к советским пьесам — революция на сцене укрепляет революцию в жизни.

Что происходило в живописи, музыке, Сталин знал хуже. С пренебрежением смотрел на все изыски «индустриальной живописи», авангардистов, конструктивистов, футуристов, кубистов. Люди, стоявшие за этими мало понятными ему (а он был уверен, что и другим) «вывертами», не были, по его мнению, «приставлены» к настоящему делу.

Среди художников не прекращались жаркие споры. Спорили часто не о том, поддерживать революцию или нет, — дискуссии шли о формах искусства, свободе выражения, «точках отсчета» нового творчества... Как пестрая мозаика, мелькали с газетных страниц названия все новых и новых творческих союзов и объединений: «ПРОУН» (Проект утверждения нового), «НОЖ» (Новое общество живописцев), Театральная студия Пролеткульта и многие другие. Сталин считал, что в этом калейдоскопе нужно навести порядок, правда, руки до этого у него не доходили: шла борьба то с одной, то с другой оппозицией. Луначарский же, по его мнению, допускал слишком много «вольностей».

В партии нужно единство, нужен согласованный, принятый большинством курс в будущее. Последний съезд многое сделал в этом направлении. Сталину все более становилось ясно, что без индустриализации и кооперирования крестьянства не обойтись. Пока был ненавистный царь, помещики, буржуазия, тяготы борьбы были оправданы, но ведь скоро десятилетие со дня Октябрьского революционного восстания! Да, мы покончили с эксплуатацией, дали крестьянину землю, рабочие получили доступ к управлению заводами, но почему так много недовольных? Почему дело идет медленнее, чем бы хотелось? Может быть, права в чем-то оппозиция?

Все говорят о бюрократии. Вот и сегодня в «Правде» опубликован доклад тов. Лебеда «Меры к улучшению госаппарата и по борьбе с бюрократизмом». Вон как хлестко пишет: «Какие недостатки имеются в нашем госаппарате? Основные из них: раздутые штаты и низкая квалификация работников, причем последнее... надо отнести к низовому советскому аппарату. Громоздкость структуры, параллелизм в работе, бюрократизм и волокита, подбор специалистов не всегда правильный, основанный на слабом учете квалификации этих специалистов, наконец, плохой, а иногда и совершенно отсутствующий контроль исполнения заданий высших органов и контроль за работой самих учреждений». Об этом и Маяковский пишет...

У Сталина зреет мысль (правда, пока он не знает, как ее осуществить) ускорить разгром всех этих, изрядно всем надоевших оппозиций на платформе ускорения социалистических преобразований. Здесь-то

и можно будет активнее «нажать» на интеллигенцию, полнее «впрячь» ее в общее дело индустриализации, перестройки сельского хозяйства, тогда и брожений умов у этих художников будет меньше. В классовом обществе нет и не может быть нейтрального, свободного искусства. Нужно, думает Сталин, привлекая известных старых мастеров, воспитывать своих, рабоче-крестьянских писателей. Антипролетарским элементам в культуре делать нечего...

Интеллектуальное смятение художников представлялось Сталину просто контрреволюционной ересью, правда, менее опасной, чем та, которую проповедовал Троцкий, непримиримый враг генсека.

Прежде чем перейти к анализу очередного этапа борьбы с Троцким, сделаем еще одно замечание. Мы говорили о культуре, интеллигенции и отношении к ним Сталина, наиболее характерной чертой которого со временем стало полное неуважение свободы творчества, свободы выражения художественных идей, свободы постижения тайн искусства. Это не случайно; Сталин признавал лишь свободу власти. Он считал естественным отказ от свободы духа во имя силы, во имя могущества, не задумываясь, он мог пожертвовать и личной свободой миллионов. В тридцатые годы проблема свободы для него уже не существовала — свободой обладал только он (хотя и был пленником своей Системы). Даже формальный глава государства не имел «отношения» к свободе.

В начале двадцатых годов Н. Бердяев был на приеме у М. И. Калинина с прошением об освобождении из тюрьмы писателя М. Осоргина, арестованного по «делу комитета помощи голодающим и больным». Выслушав знаменитого русского философа-идеалиста, М. И. Калинин заявил:

— Рекомендация Луначарского об освобождении не имеет никакого значения; все равно, как если бы я дал рекомендацию своей подписью, — тоже не имело бы никакого значения. Другое дело, если бы товарищ Сталин рекомендовал.

Уже тогда Калинин говорил, что он, глава государства, по сравнению со Сталиным не имеет никакого значения. А все это означает торжество несвободы.

Н. Бердяев в своей книге «Царство духа и царство кесаря» проникательно пишет, что «кесарь имеет непреодолимую тенденцию требовать для себя не только кесарева, но... и подчинения себе всего человека. Это есть главная трагедия истории, трагедия свободы и необходимости... Государство, склонное служить кесарю, не интересуется человеком; человек существует для него лишь как статистическая единица». Интеллектуальное смятение интеллигенции, часто протест, исход, творческое молчание были результатом покушения на свободу. Кесарь и свобода несовместимы. То, что составляло ленинское видение социализма, исключало идолопоклонство, а единовластие, наоборот, предполагает и требует его.

Сталин никогда не обращался к философской категории свободы. Он мыслил утилитарно, прагматически, но с «его времени» мы привыкли надежды и чаяния людей связывать главным образом с будущим.

Да, человек должен видеть перспективы, свои и общества, но без конца говорить о прогрессе, судьбах людей только в контексте «блаженства грядущих поколений» — это и есть иллюзорная свобода. Гармония, совершенство, изобилие, процветание, перенесенные только в будущее, немного стоят. Нужно найти оптимальное соотношение нынешнего, реального с грядущим, которое имеет смысл только в связи с ныне живущими. Об этом как раз говорили и писали многие из тех художников, которых не мог или не хотел понять Сталин. Пройдут годы, и искусство, литература будут главным образом заниматься тем, чтобы славить его, вождя. Останется тень свободы, а ее возвращение будет долгим и трудным.

ПОРАЖЕНИЕ «ДЕМОНА РЕВОЛЮЦИИ»

Троцкий любил путешествовать, любил хорошо отдыхать, много заботился о своем здоровье, за которым следили несколько врачей. Весной 1926 года он с женой решил осуществить вояж в Берлин для консультаций с врачами. В Политбюро отговаривали Троцкого от поездки, но он настоял. С женой и бывшим начальником своего фронтового поезда Сермуксом Троцкий, попрощавшись на вокзале с Зиновьевым и Каменевым, отбыл в Германию. Документы ему были оформлены на имя члена Украинской коллегии Комиссариата народного просвещения Кузьменко.

Мы уже говорили, что Троцкий был посредственным политиком в борьбе за власть, и прежде всего из-за переоценки своего влияния на ход дел, своей личной популярности. Борясь со Сталиным, Троцкий, как порой складывается впечатление, часто принимал самые худшие для себя решения: не приехал на похороны Ленина, не явился на ряд заседаний Пленума ЦК, Политбюро. И каждый раз его «отрывали» от этих важных политических дел поездки на отдых, путешествия, охотничьи вылазки. Его отсутствие Сталин максимально полно использовал для усиления собственных позиций.

Потом у Троцкого будет много времени описать эти годы. В одной из своих работ он скажет, что, будучи в Берлине, пришел к выводу, что компромисса со Сталиным быть не может, один из них должен уступить дорогу, но он продолжал верить, что на обочине окажется Сталин. К нему, вспоминал Троцкий, стали льнуть Зиновьев с Каменевым, и они решили, что вместе могут вырвать инициативу из рук генсека. «Я думал, что мы еще сможем не дать произойти термидорианскому перерождению», — высокопарно писал Троцкий. — Сталина нужно было заставить выполнить ленинскую волю».

Кроме публичных выступлений против Троцкого, Сталин исподволь вел работу по ограничению его влияния. Как свидетельствует работник секретариата Сталина А. П. Балашов, нередко до заседания Политбюро у генсека собирались его сторонники, где оговаривалась позиция по ослаблению влияния Троцкого. На эти предварительные совещания не приглашались лишь Троцкий, Пятаков и Сокольников. «Мы

уже знали, — говорил мне Алексей Павлович, — что Сталин готовит очередное антитроцкистское блюдо».

Сталин однажды обнаружил, что в программе политучебы для красноармейцев Троцкий по-прежнему называется «вождем РККА». Реакция была немедленной. Сохранялась записка Сталина Фрунзе от 10 декабря 1924 года с предложением как можно быстрее пересмотреть эти программы. Через несколько дней они были уточнены. В записке Фрунзе с приложенным рапортом начальника агитпропа ПУ ВВСР Алексинского говорится, что «Троцкий в политучебе больше не фигурирует как вождь Красной Армии». Сталин «приложил руку» и к тому, что со второй половины 1924 года имя Троцкого больше не присваивалось населенным пунктам и предприятиям, меньше фигурировало в печати в апологетическом стиле. Известны и другие шаги Сталина по постепенному ограничению популярности и влияния бывшего «вождя РККА».

Сталин, а его поддерживало большинство ЦК, последовательно, настойчиво в течение периода между XIV и XV съездами партии инициировал проведение ряда объединенных Пленумов ЦК и ЦКК, Пленумов Центрального Комитета, заседаний Политбюро, на которых обсуждались действия оппозиции, выносились соответствующие решения. По отношению к Троцкому и его союзникам применялись самые различные меры воздействия: предупреждения, вынесение партийных взысканий, вывод из состава партийных органов. Линия оппозиционеров, однако, была неизменной: одновременно с борьбой «за правильный» курс партии шла борьба за лидерство. Но в стане оппозиции скоро появились крупные бреши. По инициативе Сталина, поддержанной другими партийными руководителями, Зиновьев был выведен из состава Политбюро в июле, а Троцкий в октябре 1926 года. Каменев был освобожден от обязанностей кандидата в члены Политбюро, тогда же, как помним, Пленум ЦК признал невозможной дальнейшую работу Зиновьева в Коминтерне. Были освобождены от партийных и государственных постов и ряд других несогласных.

Во время XV партконференции, состоявшейся в октябре — ноябре 1926 года, Сталин сделал доклад «Об оппозиции и внутрипартийном положении», в котором оппозиционная тройка и ее соратники подверглись жесткой критике. Эти же идеи Сталин изложил и в своем докладе на VII расширенном Пленуме ИККИ в декабре того же года. По черновикам докладов видно, как тщательно Сталин готовился к изобличению строптивцев. На специальных листочках были выписаны все слабые пункты оппозиции, ее «грехи»:

1) Троцкий, Зиновьев, Каменев: нет фактов, а есть лишь измышления и сплетни.

2) Пусть Троцкий объяснит, к кому он примыкал до Октября: левым меньшевикам или правым меньшевикам?

3) Почему Троцкий не состоял в рядах левой Циммервальда?

4) Разве преследует Сталин полуменьшевика Мдивани? Сплетня.

5) Каменев говорил на IV съезде партии, что допущена ошибка в том, что «открыт огонь налево». Это Каменев левый?

6) Троцкий утверждает, что «предвосхитил» апрельские тезисы Ленина... Сравнил муху с каланчой!

7) Телеграмма Каменева Михаилу Романову.

8) Зиновьев настаивал на принятии кабальных условий концессии Уркарта.

9) Зиновьев: «диктатура партии» и т. д.

Сталин пунктуально, дотошно собрал все известные ему крупные и мелкие прегрешения оппозиционеров (а у Сталина их разве не было?) и на протяжении своих долгих докладов неумоимо подбрасывал все новые и новые изобличающие факты в костер борьбы. На Пленуме ИККИ его доклад «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии» вместе с заключением продолжался около пяти часов! Сталин основной бой оппозиции дал по пункту «Ленинизм или троцкизм?». Собрав в кучу все прошлые ошибки, вихляния, многочисленные «платформы», генсек поставил оппозиционеров в безысходное положение глухой обороны. Сталин не критиковал, а «бил» словами. При этом он не замечал, что, громя своих противников, все чаще сам оказывается в оппозиции ленинизму. Наряду с верной критикой в его выступлениях было много мелкого, второстепенного. Ортодоксальность генсека душила саму идею борьбы мнений. Сталин уже тогда считал, что любое, даже честное, инакомыслие недопустимо.

Руководители оппозиции имели возможность защищать свои взгляды. Зиновьев, Каменев, Троцкий говорили неубедительно, но подолгу, уговаривая делегатов вначале дать им по часу для выступления, затем еще по полчаса, потом просили добавить еще по десять — пятнадцать минут... Знакомство со стенограммой конференции беспристрастно свидетельствует, что, кроме бесчисленного количества цитат основоположников марксизма-ленинизма, своих собственных, они немного смогли противопоставить обвинениям в фракционности. Даже Троцкий, славящийся своим красноречием, не мог найти удовлетворительных аргументов, оправдывающих его бесчисленные атаки на ЦК, партию. В конце чрезвычайно пространного, невнятного заявления он лишь подтвердил: «Мы не принимаем навязываемых нам взглядов». Выступивший следом за ним делегат Ларин метко заметил, что все они присутствуют при моменте, когда «революция перерастает часть своих вождей». Ларин верно сказал, что в долгих докладах лидеров оппозиции был лишь «литературный спор о цитатах и различных толкованиях различных мест различных сочинений». Троцкий, Зиновьев и Каменев «вели себя не как политические вожди, а как безответственные литераторы». Выступавшие отмечали, что индустриализацию эти лидеры хотели бы осуществить лишь за счет крестьянства, не думая о социальных последствиях.

Бои с Троцким шли не только в ЦК и ЦКК, в печати, но и в Коминтерне, членом Исполкома которого он был. Когда в мае 1927 года на X Пленуме ЦКК обсуждался вопрос о китайской революции, Сталин решил нанести Троцкому удар и здесь. При-

ведем фрагмент этого малоизвестного широкому читателю выступления генсека.

«Я постарюсь, по возможности, — говорил Сталин, — отместить личный элемент в полемике. Личные нападки тт. Троцкого и Зиновьева на отдельных членов Политбюро ЦК ВКП и Президиума ИККИ не стоят того, чтобы останавливаться на них. Видимо, т. Троцкий хотел бы изобразить из себя некоего героя на заседаниях Исполкома с тем, чтобы превратить работу Исполкома по вопросам военной опасности, китайской революции и т. д. в работу по вопросу о Троцком. Я думаю, — продолжал Сталин, — что т. Троцкий не заслуживает такого большого внимания (голос с места: «Правильно!»), тем более что он напоминает больше актера, чем героя, а смешивать актера с героем нельзя ни в коем случае. Я уже не говорю, что нет ничего оскорбительного для Бухарина или Сталина в том, что такие люди, как тт. Троцкий и Зиновьев, уличенные VII расширенным Пленумом Исполкома в социал-демократическом уклоне, поругивают почем зря большевиков. Наоборот, было бы для меня глубочайшим оскорблением, если бы полуменьшевики типа тт. Троцкого и Зиновьева хвалили, а не ругали меня».

Неглубокое по существу выступление Сталина было тем не менее напористым, злым, приклеивало ярлыки оппозиционерам, унижало их как деятелей. Исполком готовился к исключению Троцкого из своих рядов, которое и произошло 27 сентября того же года. Троцкий остался в одиночестве, но настойчиво продолжал бесперспективную борьбу. Вскоре голос Троцкого после его высылки из СССР окажется, пожалуй, единственным, который до 1940 года будет изобличать Сталина. Как бы мы ни относились к Троцкому, допустившему немало ошибок, нельзя не признать, однако, что он один из немногих, кто не согнулся перед Сталиным, кто заметил надвигающуюся угрозу единовластию. Но чем дольше и яростней будет раздаваться этот одинокий голос, тем будет очевидней: Троцкий борется не только за революцию и ее идеалы, но и за себя. Он никогда, до последнего дня не сможет примириться со своим фиаско, когда его, почти «геня», вытолкнет за кордон, как он скажет, «коварный осетин». Скоро для Троцкого марксизм, социалистические ценности будут иметь значение прикладное: главное — как их использовать для развенчания Сталина. А для генсека Троцкий до самой его смерти в Мексике будет символом зла, перерождения, самым глубоким личным ненавистником. Пожалуй, в своей жизни он испытает чувство ненависти такого же накала только к Гитлеру, «обманувшему», «обхитрившему» его в 1939—1941 годы. А пока борьба продолжалась.

Оппозиционеры не сложили оружия: весной они направили в ЦК новую платформу, которую подписали 83 сторонника Троцкого. После нескольких заседаний ЦК и ЦКК Троцкий и Зиновьев в октябре 1927 года, в десятую годовщину Октября, были исключены из ЦК ВКП(б), а в следующем месяце их вместе с Каменевым исключили и из членов партии. Правда, Зиновьев и Каменев, в очередной раз пока-

явшись, вновь будут восстановлены в партии и даже выступят с покаянными речами на XVII съезде.

Орер Троцкого как «героя революции» постепенно «полинял» и померк. В глазах партии и международного пролетариата он все больше представлял как фразер, политикан, несостоявшийся диктатор. Навязывая партии дискуссию за дискуссией, Троцкий помимо своего желания, как никто другой, больше всех укреплял авторитет Сталина как нового лидера партии. Это выглядит парадоксом, но это факт. Характерно, что когда слово для доклада (как и заключительного слова на XV партконференции) было предоставлено Сталину, только ему одному делегаты устроили овацию. Здесь еще нельзя обвинять его в «организации» подготовленного им «спектакля»: в глазах большей части делегатов генсек начинал постепенно олицетворять реального вождя партии. Это впечатление заметно усиливалось на фоне неубедительных выступлений представителей оппозиции, которой вдобавок уже не хватало и мужества. Каменев, защищаясь одними цитатами, старался в то же время заигрывать со Сталиным, называя его доклад «обстоятельным», с «правильным цитированием», «верными выводами» и т. д. «Единственной заботой Зиновьева и его друзей стало теперь, — зло вспоминал Троцкий, — своевременно капитулировать... Они надеялись если не заслужить благоволение, то купить прощение демонстративным разрывом со мной».

Всем стало ясно, что объединение Троцкого со своими бывшими противниками (что очень умело использовал Сталин) произошло на платформе борьбы против генсека. Сталин, в ком честолюбивые мотивы и вера в свое особое предназначение все более крепли, не упустил этого исключительно благоприятного шанса. Начав с борьбы идейной, он решил завершить разгром Троцкого политически. Об этом, в частности, свидетельствует его речь на заседании объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 октября 1927 года, обсуждавшего вопросы повестки дня предстоящего XV съезда партии. Было решено на очередном съезде поставить и вопрос о троцкистской оппозиции. Во время Пленума было несколько выкриков из зала, как, впрочем, и записок, что ЦК скрыл завещание Ленина и не выполнил его волю. Сталину больше нельзя было молчать по этому поводу.

Его часовая речь была полна гнева и неприкрытой ненависти к Троцкому. Сталин заученно вновь вспомнил и огласил все грехи отверженного лидера начиная с 1904 года. Видя, что Троцкий свою стратегическую линию борьбы против него ведет, опираясь на ленинские слова о негативных качествах генсека, Сталин наносит удар Троцкому именно на этом «направлении».

«Оппозиция думает «объяснить» свое поражение личным моментом, грубостью Сталина, неуступчивостью Бухарина и Рыкова и т. д. Слишком дешевое объяснение! Это знахарство, а не объяснение... За период с 1904 года до Февральской революции 1917 года Троцкий вертелся все время вокруг да около меньшевиков, ведя отчаянную борьбу против партии Ленина. За этот период Троцкий потерпел целый ряд

поражений от партии Ленина. Почему? Может быть, виновата тут грубость Сталина? Но Сталин не был еще тогда секретарем ЦК, он обретался тогда вдали от заграницы, ведя борьбу в подполье, против царизма, а борьба между Троцким и Лениным разыгрывалась за границей, — при чем же тут грубость Сталина?»

Генсек ведет атаку под флагом защиты Ленина, которого Троцкий в начале века называл «Максимилиан Ленин», намекая на диктаторские замашки Робеспьера. Генсек буквально добил Троцкого упоминанием о том, что ранняя брошюра оппозиционера «Наши политические задачи» посвящена меньшевику П. Аксельроду. Сталин прочитал посвящение под гул зала: «Дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду».

«Ну, что же, — закончил речь Сталин, — скатертью дорога к «дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду!». Скатертью дорога! Только поторопитесь, почтенный Троцкий, так как «Павел Борисович», ввиду его дряхлости, может в скором времени помереть, а вы можете не успеть к «учителю».

Сталин, вернувшись в своем выступлении к прошлому Пленуму ЦК и ЦКК в августе этого года, пожалел, что тогда он отговорил товарищей от немедленного исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК. «Возможно, что я тогда передобрал (разрядка наша. — Д. В.) и допустил ошибку». Да, это просто редчайший случай, когда Сталин «передобрал» и вообще использовал слово «добро! Тогдашняя кратковременная слабость была эпизодом. Теперь же он призывает к поддержке «тех товарищей, которые требуют исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК». А что касается ленинского «Письма к съезду», то Сталин дал ему свою трактовку.

В выступлении на Пленуме генсек пошел на искажение исторической правды, заявив: «Было доказано и передоказано, что никто ничего не скрывает, что «Завещание» Ленина было адресовано на имя XIII съезда партии, что оно, это «Завещание», было оглашено на съезде, что съезд решил единоголосно не опубликовывать его, между прочим, потому, что Ленин сам этого не хотел и не требовал». «Завещание», как мы помним, на съезде не было оглашено, а лишь по делегациям; съезд не принимал решения, тем более единоголосного, о неопубликовании «Письма». В отношении того, что «Ленин сам этого не хотел», утверждение полностью лежит на совести Сталина.

Генсек, почувствовав свою крепнущую силу, решил дать бой по самому уязвимому для себя пункту, не останавливаясь перед явной фальсификацией, тем более что во время речи из зала раздавались голоса в его поддержку. В данном случае он использовал факт публикации в «Большевике» по настоянию Политбюро и прежде всего его, Сталина, в сентябре 1925 года специального заявления Троцкого о том, что никакого «Завещания» Владимир Ильич не оставлял и само его отношение к партии, как и характер самой партии, исключали возможность такого «Завещания». Троцкий, поддавшись нажиму Сталина,

написал тогда, что «Владимир Ильич со времени своей болезни не раз обращался к руководящим учреждениям партии и ее съезду с предложениями, письмами и пр. Все эти письма и предложения, само собою разумеется, всегда доставлялись по назначению, доводились до сведения делегатов XII и XIII съездов партии и всегда, разумеется, оказывали надлежащее влияние на решения партии... Всякие разговоры о скрытом или нарушенном «Завещании» представляют собой злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича».

Мог ли знать тогда Троцкий, что, пытаясь отмежеваться от циркулирующих на Западе слухов, будто «секретные документы Ленина попали на Запад через руки Троцкого», он окончательно загонит себя в угол, борясь со Сталиным? Истмен, автор книги «После смерти Ленина», где были опубликованы рассуждения о ленинском «Завещании», был весьма близок к Троцкому, неоднократно с ним встречался в Москве, что и дало основания для слухов.

Приведем цитату Троцкого из «Большевика», Сталин пошел напролом: «Это пишет Троцкий, а не кто-либо другой. На каком же основании теперь Троцкий, Зиновьев и Каменев блудят языком, утверждая, что партия и ее ЦК «скрывают» «Завещание» Ленина?..

Говорят (! — Д. В.), что в этом «Завещании» тов. Ленин предлагал съезду ввиду «грубости» Сталина обдумать вопрос о замене Сталина на посту генерального секретаря другим товарищем. Это совершенно верно. Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю. Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается. Я на первом же заседании пленума ЦК после XIII съезда просил пленум ЦК освободить меня от обязанностей генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос... Все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своем посту. Что же я мог сделать? Сбежать с поста? Это не в моем характере, ни с каких постов я никогда не убегал и не имею права убегать, ибо это было бы дезертирством... Через год после этого я вновь подал заявление в Пленум об освобождении, но меня вновь обязали остаться на посту.

Что же я мог еще сделать?.. Характерно, что ни одного слова, ни одного намека нет в «Завещании» насчет ошибок Сталина. Говорится там только о грубости Сталина. Но грубость не есть и не может быть недостатком политической линии или позиции Сталина».

Эта уничтожающая и торжествующая тирада Сталина означала для Троцкого политический конец. После речи генсека, как напишет Троцкий позже в Мексике, он физически почувствовал над головой нож гильотины. Он не отказал себе тогда в мрачном удовольствии вспомнить 9 термидора и последние слова Робеспьера в Конвенте: «Республика погибла! Настало царство разбойников!» Разумеется, под Робеспьером Троцкий мог понимать только себя, разница была

лишь в том, что Троцкий не мог рассчитывать, как Робеспьер, на санкюлотов Парижа, плебейство столицы. Он оказался «фельдмаршалом» без войск. Партия была к нему настроена враждебно — она устала от его интриг. Все было кончено.

Внутренний диалог поверженного кандидата в диктаторы был, наверное, самоуничтожительным; как мог он, Троцкий, кумир митинговой толпы, недооценить этого «усатого осетина»? Ему вспомнились строки Блока, которые процитировал в своей речи этот недоносок, вечно хитрящий Зиновьев, с которым он поневоле спутался:

Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых наших лапах?

Но при чем тут Блок? Какое отношение ко всему этому имеет Зиновьев, когда добивают его, Троцкого? Свой шанс он упустил, роились мрачные мысли в мозгу поверженного «фельдмаршала Троцкого», как с иронией называл его в годы гражданской войны Красин.

Уже за рубежом Троцкий прочтет книжку эмигранта Эссада Бея, в которой так будет изображено противостояние «двух выдающихся» вождей: «Сталин и Троцкий — два противоположных полюса в коммунистической партии. Ни в области личной, ни политической у них не было никаких точек соприкосновения. Троцкий — блестящий европеец, изощренный, тщеславный журналист, и Сталин — типичный азиат, человек без всякой суетности, без личных потребностей, с холодным, мрачным умом восточного заговорщика — эти два человека должны были возненавидеть друг друга. Сталин не переносил Троцкого уже чисто физически, точно так же, как Троцкому внушал глубокое отвращение один вид Сталина и его изрытое оспой лицо». Эмигранту, и теперь до конца жизни, добавить было нечего.

На том октябрьском (1927 года) Пленуме состоялось последнее выступление Троцкого как политического деятеля партии (на нем он будет выведен из состава ЦК). Выступление было сумбурным, неубедительным. Позже Троцкий писал, что он хотел, но не смог в полной мере предупредить «слепцов», что «триумф Сталина долго не продлится и крушение его режима придет неожиданно. Победители на час чрезмерно полагаются на насилие. Вы исключите нас, но вы не предотвратите нашей победы». Всю свою речь Троцкий, нагнувшись за трибуной, быстро читал по бумаге, а ведь Сталина и других руководителей партии в своем кругу он часто пренебрежительно называл «шпаргалщиками», стараясь перекрыть шум в зале. Его плохо слушали, перебивая возгласами: «клевета», «ложь», «болтун»... Троцкий спешил выпалить все, что он написал: об ослаблении революционного начала в партии, засилье аппарата, создании «правящей фракции», которая ведет страну и партию к термидорианскому перерождению... В речи не было убедительных аргументов, ясных тезисов о социализме, хотя и не все в ней следовало признавать ошибочным. Видна: ненависть к руководству ЦК, злоба к

Сталину, но это не находит отклика ни у членов Плenums, ни у коммунистов, которые имели возможность ознакомиться с этой речью Троцкого из дискуссионного листка к XV съезду партии.

Попытка провести в десятую годовщину Октября демонстрацию сторонников Троцкого была вызовом, поставившим его вне партии. Окружение Троцкого решило, что они должны выйти на демонстрацию. Лозунги были такие, что их оппозиционный смысл мог понять только посвященный: «Долой кулака, нэпмана и бюрократ!», «Долой оппортунизм!», «Выполнить завещание Ленина!», «Хранить большевистское единство!» Попытались нести портреты Троцкого и Зиновьева. Сталин заранее принял «надлежащие» меры, милиция рассеяла крохотные группки троцкистов. Зиновьев, специально выехавший в Ленинград, и Троцкий, объехавший на автомобиле улицы и площади Москвы в центре, убедились окончательно в том, что за ними идут единицы. Троцкий мог бы позволить себе вспомнить, как десять лет назад под овацию зала бросил вслед уходящему из Советов Мартову со своими сторонниками: «Ваше место в мусорной яме истории!» Теперь такие же слова раздались, обращенные к нему; когда Троцкий пытался на площади Революции обратиться к колонне демонстрантов, идущих на Красную площадь, в него полетели камни. 14 ноября Троцкий был исключен из ВКП(б).

Еще раз Троцкий пытался публично обратиться к массе в связи со смертью своего единомышленника А. А. Иоффе, покончившего жизнь самоубийством. В прошлом меньшевик, вступивший в партию вместе с Троцким в 1917 году, он был кандидатом в члены ЦК, членом ВЦИК, с 1918 года находился на дипломатической работе. Убежденный сторонник Троцкого, Иоффе написал предсмертное обращение к нему. Формально речь в письме идет об обиде за то, что на этот раз ЦК партии отказал ему в денежных средствах для лечения за границей, но политическая суть письма иная. Иоффе пишет, что «цензура Политбюро» не дает возможности сказать правду в литературе о квазивождях, ныне «возведенных в сан». Я не сомневаюсь, писал Иоффе, что моя смерть «является протестом борца», убежденного в правильности пути, который избрали Вы, Лев Давидович. «Политически Вы всегда были правы, а теперь более правы, чем когда-либо». Иоффе в письме утверждал, что «собственными ушами слышал, как Ленин признавал, что и в 1905 году не он, а Вы были правы. Перед смертью не лгут, и я еще раз повторяю Вам это теперь... Залог победы Вашей правоты — именно в максимальной неуступчивости, в строжайшей прямолинейности, в полном отсутствии всяких компромиссов...». Письмо стало ходить по рукам, давая повод для кривотолков. По решению ЦК оно было опубликовано в журнале «Большевик» (№ 23-24 за 1927 год) с сопроводительной статьей Ем. Ярославского «Философия упадничества», в которой, в частности, дается справка, что Иоффе регулярно и многократно ездил для лечения за границу за счет государства. Соль письма содержится в утверждении Иоффе, что исключение Зиновьева и Троцкого может стать именно тем толчком, ко-

торый пробудит партию и остановит ее на пути к термидору.

На похоронах Иоффе было много троцкистов, молодежи, перед которыми выступили Троцкий, Каменев, другие их единомышленники. Это было последнее публичное выступление Троцкого в СССР и последняя публичная демонстрация несогласных. Но широкого резонанса, на который рассчитывали разгромленные оппозиционеры, их речи уже не получили. Покрывало немоты опустится на долгие годы.

Троцкий был повержен, но не сломлен. Сталин искал пути и способы изоляции своего самого ненавистного соперника. Он торжествовал победу, но чувствовал, что борьба не окончена. На аппаратных совещаниях Сталин давал указания «следить за троцкистами», «ослабить еще больше их влияние», «добить политически». Начались аресты и ссылки.

Свою горькую чашу испили до конца и члены обеих семей Троцкого. Его первая жена, Александра Соколовская, и две ее дочери, Зина и Нина, как и их мужья, были горячими поклонниками троцкизма. Троцкий оставил первую семью еще в 1902 году, когда младшей дочери шел лишь четвертый месяц. Первое время он писал Александре Львовне из-за границы, но затем время и новая семья отодвинули Соколовскую с дочерьми, по его словам, в «область невозвратного». Правда, Троцкий всегда заботился о том, что останется о нем в истории. Упредив историков, он напишет в 1929 году в своих воспоминаниях о первой жене: «Жизнь развела нас, сохранив непоручимо идейную связь и дружбу». Обе дочери после революции оказались в лучах славы отца, затем, через несколько лет, в положении глубокого ostrакизма. Судьба первой семьи Троцкого в последующем печальна. Сталин не только за политическое инакомыслие, но и за принадлежность к «роду врагов» (в тридцатые годы писалось: «социально опасные элементы по происхождению») отмерял всем одной страшной платой.

Вторая жена Троцкого, Наталья Седова, тоже начинала «революционеркой». Одно время они жили в Петербурге под фамилией Викентьевых. Седова в дальнейшем постоянно была с мужем, разделив с ним и триумф его взлета в годы революции и гражданской войны, и бесконечные метания на чужбине. Попутно отметим, что до 1917 года Троцкий, будучи сыном очень состоятельных родителей, не нуждался так, как другие русские эмигранты.

От второго брака у Троцкого было два сына. Старший сын, Лев, был всегда рядом с отцом, стал активным троцкистом и умер при загадочных обстоятельствах в Париже уже после изгнания отца еще весьма молодым. Младший, Сергей, ушел из дома, когда Троцкие жили еще в Кремле, заявив, что ему «противна политика»; не стал вступать в комсомол, погрузился в науку. Отказавшись уехать с отцом в изгнание, Сергей, естественно, в последующем, как сын Троцкого, был обречен. В январе 1937 года в «Правде» появилась статья, где сообщалось: «Сы-

Троцкого Сергей Седов пытался 'отравить рабочих'. Сосланный к этому времени в Красноярск, он был объявлен «врагом народа». На митинге в кузнечном цехе машиностроительного завода мастер Лебедев говорил: «У нас в качестве инженера подвизался сын Троцкого — Сергей Седов. Этот достойный отпрыск продавшегося фашизму своего отца пытался отравить генераторным газом большую группу рабочих завода». Говорили на митинге и о племяннике Зиновьева Заксе, их «покровителе» директоре завода Субботине... Судьба всех меченных этими «обвинениями» была predetermined.

Трагедия семьи Троцкого, в которой погибли все дети в результате кровавого водоворота борьбы Сталина с их отцом, придала ореол мученичества изгнаннику. Наталья Седова пережила Троцкого и умерла позже Сталина, «неразлучного врага» ее мужа.

Генсек вначале даже публично распоряжался, чтобы «не трогали родственников Троцкого», однако судьба всех их горька, лишь кое-кто из его дальних родственников уцелел. Они живут сейчас в Москве, и мне довелось с ними встречаться. Носят они, естественно, другие фамилии.

В своих многочисленных книгах — а в изгнании Троцкий напишет их еще около полутора десятков — он часто, особенно накануне гибели, будет обращаться к личной судьбе. «История русской революции» в трех томах, «Что дальше?», «Скрытое завещание Ленина», «Их мораль и наша», «Дневник в изгнании», «Моя жизнь», «Третий Интернационал после Ленина» и другие книги несут на себе печать трагического эгоцентризма. Троцкий уже не сможет жить без того, чтобы о нем не говорили, писали, спорили. Известность, популярность, слава станут для него важнее хлеба. Это почувствуют не только в Москве, но и те, кто живет изгнанником на задворках европейских столиц. Его бывшие единомышленники, меньшевики, будут частенько «щипать» поверженного «вождя». Некий Д. Долин в «Социалистическом вестнике» уже после выдворения бывшего наркомвоенмора напишет:

«Из всех сил старается Троцкий, чтобы его — упаси боже — не стали забывать. Он пишет и день, и ночь толстые книги и маленькие статьи, выпускает семейные бюллетени и варьирует на всех языках все те же мотивы о вероломстве Сталина, о предательстве китайской революции и о нежной любви Ленина к Троцкому. Но человечество неблагодарно — и о Троцком чем дальше, тем меньше вспоминают и говорят».

Эти слова Троцкий прочтет уже на Принцевых островах...

В Политбюро несколько раз обсуждался вопрос, как поступить с Троцким, продолжавшим выражать не просто антипартийные настроения, но, как полагают Сталин, теперь уже и антисоветские. В конце концов в Политбюро пришли к выводу о необходимости высылки Троцкого из Москвы. Вначале лидера оппозиции попросили из Кремля, где после революции жили некоторые руководители. Были отселены также Зиновьев, Каменев, Радек, другие бывшие «вожди».

«Исход» из Кремля был недолгим. Зиновьев и Каменев тут же решили обратиться к очередному съезду с покаянием. «Лев Давидович, — твердили они Троцкому, — пришло время, когда мы должны иметь мужество сдаться». Партия была проиграна окончательно, но они пытались зацепиться за подножку поезда истории.

Вскоре было принято решение об отправке Троцкого в Алма-Ату. Руководить высылкой, по некоторым данным, было поручено Н. И. Бухарину. Во время отъезда сторонники опального вождя пытались осуществить акцию политического протеста. Троцкий отказался выйти и сесть в автомобиль сам, и его вынесли на руках. Так же на руках его занесли в вагон. Старший сын все время громко кричал: «Товарищи, смотрите, как несут Троцкого!» Вот как в мемуарах Троцкого описывается этот эпизод, зафиксированный его женой, с явным налетом мелодрамы, преувеличения и картинности. «На вокзале была огромная демонстрация. Ждали. Кричали: «Да здравствует Троцкий!» Но Троцкого не видно. Где он? У вагона, назначенного для нас, бурная толпа. Молодые друзья выставили на крыше вагона большой портрет Льва Давидовича. Его встретили восторженным «ура». Поезд дрогнул. Один, другой толчок... подался вперед и внезапно остановился. Демонстранты забегали вперед паровоза, цеплялись за вагоны и остановили поезд, требуя Троцкого. В толпе прошел слух, будто агенты ГПУ провели Льва Давидовича в вагон незаметно и препятствуют ему показаться провожающим. Волнение на вокзале было неопишное. Пошли столкновения с милицией и агентами ГПУ, были пострадавшие с той и другой стороны, произведены были аресты».

Сталин, находясь в Кремле, напряженно следил за процедурой высылки Троцкого. Ему часто звонили по телефону, генсек молча выслушивал, в конце лишь зло бросал: «Не миндальничать! Никаких уступок! Помощников Троцкого отсечь! Быстро и без волынки!» Кончив говорить, нервно расхаживал по кабинету, что-то напряженно обдумывая. Через несколько лет, сидя за столом на даче со своими соратниками, после обсуждения поступившей информации о последнем выступлении Троцкого он бросит:

— Тогда совершили две ошибки. Нужно было оставить до поры в Алма-Ате... Но за границу ни в коем случае нельзя было выпускать... И еще: как ему мы разрешили вывезти столько бумаг?

Находясь в Алма-Ате, Троцкий продолжал политическую деятельность. Из ссылки по разным адресам, по его же данным, он ежемесячно направлял сотни писем, телеграмм, обмениваясь информацией и поддерживая затухающий огонь антисталинской борьбы. В мемуарах Троцкий признает, что была налажена и секретная переписка с его сторонниками. Старший сын в своих заметках раскрывает объем переписки. «За апрель — октябрь 1928 г. нами было послано из Алма-Аты 800 политических писем; отправлено около 550 телеграмм. Получено свыше 1000 политических писем, больших и малых, и около 700 телеграмм... Кроме того, шла почта и конспиративная, с нарочными». Троц-

кий пытался активизировать оппозиционные силы, и роль опального вождя давала ему, как обычно, некоторые моральные преимущества. Ссылка лидера оппозиции не изменила ни образ его мыслей, ни желание вызвать брожение в партии. Ненависть к Сталину окончательно утвердилась в центре всех его политических интересов. Через год, в январе 1929-го, по решению Политбюро, после долгих обсуждений различных вариантов Троцкий с женой и сыном Львом был выслан через Одессу в Константинополь. Подплывая стылым утром в феврале 1929 года на пароходе «Ильич» к Константинополю, Троцкий решил быстрее привлечь к себе внимание мирового общественного мнения. В его заявлении президенту Турции Кемаль-паше говорилось:

«Милостивый государь!

У ворот Константинополя я имею честь известить Вас, что на турецкую границу я прибыл отнюдь не по своему выбору и что перейти эту границу я могу, лишь подчиняясь насилию.

Л. Троцкий. 12 февраля 1929 г.»

Вскоре несостоявшийся «фельдмаршал» мировой революции начал свое «путешествие» по ряду стран, последней остановкой которого стала Мексика. Для Троцкого наступило десятилетие самой активной борьбы, и теперь уже не только против Сталина, но и бюрократии социалистического государства, которое на первых порах он помогал активно строить и защищать. Развязка была ускорена междоусобной схваткой «двух выдающихся вождей». Личная ненависть, даже злоба к Сталину порой подавляли у Троцкого элементарную порядочность по отношению к тем идеалам и ценностям, которые он сам еще недавно превозносил, и иногда ставили его в глубокий идейный тупик. Едва прибыв в Константинополь, Троцкий передал буржуазной прессе сборник из шести своих статей под названием «Что и как произошло?». Центральное место в одной статье занимало утверждение, которое Троцкий всего лишь год-полтора назад пытался сильно маскировать: «Теория о возможности построения социализма в одной стране есть реакционный вымысел, главный и наиболее преступный подкуп под революционный интернационализм». Эта «теория» имеет административное, а не научное обоснование. Здесь он был прав. Сталин, прочитав через две недели эти строки из утренней почты, которую ему подаст один из его помощников, скажет: «Наконец подлец перестал притворяться».

Оказавшись за рубежом, Троцкий всячески старался заботиться о «ренеме революционера», постепенно создавая свое детище — IV Интернационал. Он продолжил издание своих сочинений в зарубежье, не останавливаясь иногда перед фальсификациями, натяжками, измышлениями с единственной целью: больнее уколоть Сталина и представить себя в историческом зеркале «вторым гением», человеком, которому Ленин хотел передать власть; однако Сталин, нарушив волю вождя, вероломно помешал этому. Часто Троцкий походя считал возможным оскорбить и весь народ: в двадцатом томе своих сочинений в статье,

написанной еще до революции, он позволил себе издевательские пассажи в адрес русского народа. В его представлении «ни один государственный деятель России никогда не поднимался выше третьеразрядных имитаций герцога Альбы, Меттерниха или Бисмарка», а что касается науки, философии и социологии, «Россия дала миру круглый ноль». Думается, что эти славянофобские высказывания углубляют понимание политического облика человека, убежденного, что он призван играть в истории лишь первые роли.

Справедливости ради следует сказать, что до конца своих дней Троцкий с глубоким уважением относился к Ленину, мучительно искал тот «бугорок», за который «запнулась русская революция». Сталин и сталинизм он справедливо считал «исторической ненормальностью, «роковой аномалией».

Троцкий назвал себя за границей человеком, для которого стала доступна вся планета без визы. Ему принадлежат слова «Ленина везли в революцию в plombированном вагоне через Германию. Меня помимо воли привезли на пароходе «Ильич» в Константинополь. Поэтому свою высылку я не считаю последним словом истории». Он не учел, что истории угодно самой распоряжаться в своем храме, что свое «последнее слово» она иногда произносит десятилетия спустя.

«ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ» ГЕНСЕКА

А может ли она быть, эта «личная жизнь», у человека, находящегося на виду миллионов своих соплеменников, сограждан, сотоварищей? Но Сталин не был «на виду». До конца двадцатых годов газеты о нем упоминали редко, правда, губкомы ежемесячно получали не одну директиву за лаконичной подписью: «И. Сталин». Ему еще тогда могли возражать, публично критиковать. Так, в журнале «Большевик», № 11-12 за 1925 год, появилась статья М. Семича, выражавшего несогласие с тем, как Сталин трактует его позицию по национальному вопросу. В апреле 1926 года там же была напечатана реплика Вл. Сорина, где он писал о неверной оценке генсеком его взглядов на взаимоотношения партии и класса. Сталин в ответе, опубликованном в том же номере журнала, фактически приносит извинения Сорину.

Сталин казался всем, кто его знал и кто не знал, обычным человеком. У такого обычного индивидуума должна быть и своя личная жизнь, под которой подразумевают все то, что «остается» человеку вне службы, вне работы. Для политического портрета Сталина эти грани не являются главными, определяющими, но и они позволяют лучше понять его.

Мне довелось беседовать со многими людьми, знавшими Сталина, если так можно выразиться, в «домашней обстановке»: врачами, охранниками, работниками его секретариата, писателями, военачальниками, другими людьми, так или иначе общавшимися с ним. Распорядок дня у него мало менялся, был ли это понедельник или воскресенье. Другое дело, что в конце своей жизни, когда годы, работа и нечеловеческая сла-

ва стали пригибать генсека к земле, он не всегда ездил в Москву, а продолжал работать на даче. Здесь он принимал руководителей, здесь проходили редкие заседания Политбюро, встречи с иностранными гостями, здесь он изредка выходил в парк, чтобы почувствовать свежесть ночи.

Привычка работать без выходных была рождена необходимостью трудных лет революции, а затем функционированием той бюрократической системы управления, которую он сам создавал. Перед нами записка В. И. Ленину от товарищей Ровио и Гюллинга с просьбой принять их по карельскому вопросу. Из Совнаркома ее передают Сталину, как наркому по делам национальностей. Резолюция на записке лаконична: «Могу принять в воскресенье в 3½ часа в Наркомнаце. Сталин. 4 февраля 1922 года». В фонде документов генсека множество других подобных свидетельств. Правда, иногда по воскресеньям Сталин с членами Политбюро и другими приглашенными людьми за полночь засиживался за обеденным столом. Но за ним шло то же, хотя внешне и «вольное», обсуждение насущных проблем, стоящих перед партией и страной.

Сталин, получивший небольшую квартиру по распоряжению Ленина, первое время жил в ней. Сохранилось письмо А. В. Луначарского от 18 ноября 1921 года с пожеланием найти И. В. Сталину более удобную квартиру. В. И. Ленин, ознакомившись с ним, направляет записку начальнику охраны А. Я. Беленькому:

«Тов. Беленький. Для меня это новость. Нельзя ничего иного найти? Ленин. Вернуть».

Кроме этой записки имеется короткое письмо В. И. Ленина секретарю ВЦИК А. С. Едугидзе с просьбой ускорить предоставление квартиры наркому по делам национальностей И. В. Сталину и сообщить по телефону об исполнении. Вскоре квартира Сталину в Кремле была подобрана, в старое время это было помещение для слуг. Жильца здесь видели редко, он появлялся поздно вечером или глубокой ночью и рано утром уходил на работу. Бесхитростный быт: остатки старой мебели, затертый пол, маленькие окна. В начале двадцатых годов, как мы уже говорили, Сталин переселился на дачу в Зубалово, а позже, в тридцатых, в Кунцево. Дачу по его приказанию все время перестраивали. В последние годы рядом с большим домом срубили небольшой деревянный, куда он и перебрался.

А. Н. Шелепин, в прошлом известный партийный и государственный деятель, рассказывал мне: «После смерти Сталина, когда переписывали имущество генсека, выяснилось, что работа эта короткая и простая. Не оказалось никаких ценных вещей, кроме казенного пианино. Даже ни одной хорошей, «настоящей» картины не было. На стенах висели бумажные репродукции в деревянных простеньких рамках. В зале, на центральном месте, висела увеличенная фотография, где запечатлены В. И. Ленин и И. В. Сталин, сделанная в сентябре 1922 года в Горках М. И. Ульяновой. (Та самая, которую вдруг ныне стали дружно объявлять фальшивой, смонтированной). Такое происходит, когда поиск истины делают выборочно. Все, что вписывается в концепцию, берут; остальное — нет, не отбрасывают, а тоже, деформируя, укладывают в ложе задуманной

схемы. Надо ли говорить, что подобная «последовательность» ничего общего с истиной не имеет. — Д. В.) На полу два ковра. Спал генсек под солдатским одеялом. Кроме маршальского мундира, из носильных вещей оказалась пара простых костюмов (один парусиновый), подшитые валенки и крестьянский тулуп».

У большого письменного стола — вертящееся кресло. Прислуга рассказывала, что Сталин, устав работать, поворачивался в кресле к окну и подолгу молча смотрел в парк. Генсек не любил густого леса и по весне сам указывал деревья, которые надо было спилить. Сохранилась фотография: ссутулившийся Сталин держит за руку дочку, а человек из «обслуги» по указанию «хозяина» метит топором деревья для вырубки.

Генсек не любил ничего импортного — свою неприязнь к иностранному перенес и на быт. Аскетический образ жизни, пожалуй, не был позой, а следствием сохранившегося с дореволюционных лет искреннего неприятия роскоши. Однако вся жизнь Сталина свидетельствует: нет прямой зависимости между политическими, нравственными параметрами человека и его отношением к быту, ценностям, вещам; все значительно сложнее. Просто Сталин умел «выделять» главное, а самым главным в его жизни была власть как цель, средство, непреходящая ценность. Бытовая «оправа» этой власти не имела для Сталина большого значения, хотя квартиру с 1938 года подобрали Сталину в Кремле другую, в великолепном здании, построенном Казаковым в XVIII веке и предназначенном для сената. Квартира находилась на втором этаже и занимала почти этаж. Комнаты для гостей, для охраны, для приема. Этажом выше — служебные помещения. Великолепные окна, высокие потолки, крутые лестницы. Но в этой квартире Сталин почти не жил, предпочитая ей ближнюю дачу. Была и дальняя, где он тоже не жил.

К семидесятилетию вождя Берия в качестве подарка построил великолепную дачу на берегу водохранилища и уговорил Сталина посмотреть. Старейший вождь сдался, приехал. Не раздеваясь, походил по комнатам, обошел дом вокруг, посмотрел на сопровождающих, сел молча в машину и уехал. Больше он там никогда не появлялся.

Обслуживало вождя большое количество людей, и эту антиленинскую традицию «руководящие» люди потом усвоят быстро и прочно, и не просто усвоят, но и будут обогащать долго, настойчиво, с выдумкой...

Образ жизни генсек вел нездоровый, уже в двадцатые годы у него выработалась привычка ночной работы. Сталин очень много курил. В упоминавшемся интервью Э. Людвиг спросил генсека:

— Вы курите папиросу. Где ваша легендарная трубка, господин Сталин? Вы сказали когда-то, что слова и легенды проходят, дела остаются. Но поверьте, что миллионы за границей, незнающие о некоторых ваших словах и делах, знают о вашей легендарной трубке.

Сталин:

— Я забыл трубку дома.

Почти за год до смерти Сталин бросил курить и

очень этим гордился — трубка стала ему совсем не нужна.

Обычно перед обедом он выпивал немного сухого грузинского вина, мало гулял, у Сталина не было, как он говорил, «аристократической привычки» проводить долгие часы на охоте или рыбалке.

Люди, окружавшие Сталина, вспоминают, что в редкие минуты, когда он появлялся в парке, они видели, как его ссутулившаяся фигура описывала один-два круга по асфальтовой дорожке, затем застыла где-нибудь у клумбы или куста сирени. Сталин как бы любовался вечным чудом природы, а в действительности думал о своем. У многих людей мысли о бытии рождаются, когда они смотрят в бездну неба и облаков, колдовские глаза лесного костра или когда они слушают дыхание моря. Сталин, бывая в Сочи, любил стоять на берегу и слушать шум прибоя... Усмехнувшись, глядя на буйство зелени, он в очередной раз соотносил вечный порядок в Великой Природе со своими делами: «Суета сует».

...Вот только что просмотрел папку дел от Ворошилова. Чем только не приходилось заниматься: испрашивалось разрешение об освобождении от военных сборов трактористов и комбайнеров, предлагалось построить новый дом для РККА, сообщалось о выступлении Пилсудского, докладывалось о письме командира 26-го кавполка о недоразумении с уполномоченным Гостинцевым, тут же письмо т. Ильина о необходимости развертывания дирижаблестроения, материалы о строящихся новых оборонных объектах.

Подумалось: завтра главное не это. Надо будет отправить телеграмму Среднеазиатскому бюро РКП — Ходжаеву, Любимову, Рыскулову, Светлову, члену Военного совета Туркестанского фронта Печерскому с указанием не арестовывать басмачей, переходящих на сторону Советской власти со сдачей оружия... Не забыть ответить и секретарю Полтавского губкома Магидову, который ставит вопрос о плохой информации местных работников... А сколько он продиктовал сегодня телеграмм! Последнюю помнит дословно:

«Рязань, секретарю Сасовского района, село Просянские Поляны.

От учительницы Ширинской получена телеграмма. Защитить учительницу татарской школы от ненужных грубых бесчинств уполномоченного Кадомского РИКа Иванова, врывающегося в квартиру под видом ликвидации имущества отца, требующего выдать никому не нужный шкаф...

Прошу немедленно вмешаться, оградить Ширинскую от каких бы то ни было насилий и сообщить ЦЕКА о результатах.

Секретарь ЦК И. Сталин».

А сколько еще таких дел подбросит завтра Товстуха?

Со временем всю эту работу возьмут на себя помощники, секретари, аппарат, но Сталин до конца дней любил зачастую решать сам мелкие вопросы, судьбы отдельных людей, особенно связанные с назначениями, «своевољством», инакомыслием или чьей-то строптивостью.

Чем больше повышался вес Сталина в партийных и государственных делах, тем ретивее стремились многие положиться при решении множества вопросов на личное указание генсека. Что, о трактористах, их призыве не может решить сам нарком? А строительство нового дома в столице? Разве судьбой учительницы Ширинской не может заняться один из секретарей? Но где-то подспудно у Сталина крепла торжествующая мысль: не могут без меня, а я все могу. Может быть, такова доля всех высших руководителей?!

Сталин интуитивно чувствовал, что рост централизации, обрамляемой сложнейшими бюрократическими ритуалами, делает его пленником такой системы управления, может быть, тормозит и даже губит дело. А зачем же наркоматы, где их гибкость, что решают многочисленные всесоюзные ведомства, «конторы»? Он, думаю, понимал это, но не хотел другого: единовластие, если его «разделить», уже не единовластие.

Мы уже говорили о любви Сталина к театру и кино; ни один фильм, о котором начинали говорить в народе, не минул небольшого кинозала в Кремле, а позже и его дачной установки. При встрече с руководителями агитпропа он как-то бросил: «Кино — не что иное, как иллюзион, но жизнь диктует свои законы». Сталин всегда признавал в кинематографе лишь одну, воспитательную функцию, как, впрочем, и в искусстве вообще.

С двадцатых годов его начала приобщать к театру жена Надежда Сергеевна. После ее смерти театр, а если конкретно, то Большой театр Союза ССР, прочно вошел в его жизнь. Думаю, что большинство его постановок он видел по многу раз. Как рассказывал мне А. Т. Рыбин, один из его телохранителей и комендант ГАБТа, в начале пятидесятых годов, накануне инсульта, Сталин смотрел «Лебединое озеро», возможно, это был двадцатый или тридцатый спектакль, который он видел... Обычно он бывал в театре один, занимал место, когда в зале гасили свет. Садился в углу ложи, в глубине. После премьеры передавал свои благодарности, даже бывал на генеральных репетициях. Видимо, духовное образование воспитало у Сталина и потребность в общении с музыкой.

Конечно, личная жизнь — это всегда семья. Надежда Сергеевна Аллилуева, как мы уже отмечали, сразу из гимназисток стала женой одного из руководителей партии. Документы, человеческие свидетельства, в том числе и дочери Сталина Светланы Аллилуевой, говорят о том, что его жена, несмотря на молодость, была цельной натурой. Со временем она стала членом партии, работала в Наркомате по делам национальностей, училась. Приходилось ей бывать в качестве дежурного секретаря и в Горках, у Ленина. Когда встал вопрос о перенесении столицы из Петрограда в Москву, Сталин забрал с собой и родителей жены. В его записке Пестковскому, управляющему делами, говорится:

«Прошу Вас, т-щ Пест-ский, занести в эвакуационный лист нашего комиссариата в рубрику — «Сталин, члены его семьи», следующих лиц: Сергей Аллилуев, Ольга Аллилуева (жена его). Их адрес: ул. Рождественская, дом 17а, кв. 9. Телефон в подъезде 167-86.

Сталин. 10 марта 1918 года».

В небольшой кремлевской квартире старики долго жили с ними. Надежда Сергеевна быстро привыкла к той атмосфере бесконечных совещаний, митингов, борьбы, поездок, в которой жил ее муж. Знакомство с документами сталинского архива показывает, что многие письма, распоряжения, указания, телеграммы написаны не только рукой помощников и членов секретариата Сталина Назаретяна, Товстухи, Каннера, Мехлиса, Двинского, но и Надеждой Сергеевной. Она видела, что муж принадлежит делу, и только ему, и не понимала вначале, как мало отведено ей места в его жизни. Нередко на упреки: «Тебя не интересуют семья, дети» — он грубо обрывал Надежду Сергеевну, иногда с бранью. В какой-то степени дефицит общения Аллилуевой восполняла работа, учеба, частые встречи с женой соратников мужа — Полиной Семеновной Жемчужиной (женой Молотова), Дорой Моисеевной Хазан (женой Андреева), Марией Марковной Каганович, Эсфирью Исаевной Гурвич (женой Бухарина).

В двадцатые годы у них появилось двое детей; сначала Василий, а потом Светлана. Затем приехал и стал жить у них и сын Яков от первой жены Сталина — Екатерины Сванидзе. Он был лишь на семь лет моложе своей мачехи, которая, однако, любила этого не избалованного отцовской лаской пасынка. Поскольку Аллилуева работала, с детьми занималась няня.

В кремлевской квартире или на даче в Зубалове всегда было много народу, родственников. Кроме родителей жены, здесь часто бывали братья Н. С. Аллилуевой Федор и Павел, сестра Анна со своими близкими. Находили себе место и родственники Сталина по линии первой жены. В тридцатые годы, после смерти жены, этот шумный хоровод родственников, который он видел не часто, заметно поредел и распался: только родители Аллилуевой умрут своей смертью, а многие из близких Сталину людей положат свои головы как «враги народа». Павел, брат Надежды Сергеевны, несколько раз попытается завести с генсеком разговор об ошибочности многих арестов, репрессий, в том числе и близких людей, но все будет безрезультатно. Вождь слепо верил карающей деснице своей машины безопасности.

Сам Сталин, будучи большим руководителем, не смог да, видимо, и не хотел по-настоящему заниматься воспитанием своих детей.

Он их и видел-то крайне редко: в отдельные воскресенья, когда их привозили на дачу или на юг, где генсек до войны неоднократно отдыхал — в Сочи, Ливадии или Мухалатке. Это, к сожалению, не столь уж редкий случай, когда у крупных исторических фигур вырастают дети, ущербные уже в силу того, что их родители — знаменитости. Дети мало что знали об отце. Василий, по свидетельству Светланы, однажды ей выдал «тайну»: «Знаешь, наш отец в молодости был грузином», по-детски непосредственно выразив мысль о сильном обрусении отца.

Наиболее трагически сложилась судьба старшего сына Сталина, Якова. У него были тяжелые отношения с отцом, который считал его слабым человеком и, как оказалось впоследствии, ошибался. Сталин был недоволен выбором Яковом первой да и второй жены,

Юлии Исааковны Мельцер. От этих браков у него осталось двое детей. Светлана Аллилуева вспоминает, что Яков, доведенный до отчаяния холодным отношением отца, даже стрелялся, но пуля, к счастью, прошла навылет и он остался жив, хотя долго болел. Сталин, увидев после этого случая сына, лишь издевательски бросил ему:

— Ха, не попал!

Все, особенно Надежда Сергеевна, были потрясены ледяной безжалостностью Сталина. Будучи политическим деспотом, он таким же оставался и дома. Другое дело, что Сталин, общаясь с руководителями, принимая делегации, выступая на совещаниях, беседуя с деятелями культуры, мог умело перевоплощаться. Назвав однажды Сталина за эту способность «великим Артистом», я подумал: не обижаю ли невольно представителей этой древней и великолепной профессии? Может быть, эта способность быстрого, с умыслом перевоплощения дает основание назвать Сталина «великим Лицемером»?

Яков с согласия отца окончил Транспортный институт в Москве, работал на электростанции Завода имени Сталина (что чувствует человек, работая на предприятии, носящем имя живого отца?), затем пожелал стать военным. По распоряжению помощников Сталина Яков Джугашвили был зачислен на вечернее отделение Артакадемии РККА, а затем сразу переведен на четвертый курс первого факультета того же военного учебного заведения.

При знакомстве с личным делом старшего лейтенанта Я. И. Джугашвили мне невольно (в который раз!) бросились в глаза вопросы, на которые должен ответить каждый офицер, составляя автобиографию. Их несколько десятков, но, чтобы полнее почувствовать «колорит» того времени, приведу три-четыре вопроса из типового бланка автобиографии:

— Состоял ли в троцкистской, правой, национал-шовинистских и прочих контрреволюционных организациях, в каком году и где?

— Были ли отклонения от генеральной линии партии, колебания? Если колебался, то по каким вопросам и как долго продолжались эти колебания?

— Участвовал ли в антипартийной белорусско-тольмачевской группировке?

— Служил ли в белой армии и армии интервентов, в антисоветских националистических отрядах (учредилорцы, петлюровцы, мусаватисты, дашнаки, меньшевики Грузии, банды Махно, Антонова и другие); где, когда, в качестве кого, как попал туда, когда, в какой части служил, сколько времени?..

Вот такая была эпоха, выворачивающая все наизнанку, — могли придаться к чему угодно. Но к Якову Джугашвили не придирались, хотя и в то время было немало людей, не торговавших своей совестью. Например, офицеры академии Иванов, Кобря, Тимофеев, Шереметов, Новиков (инициалов в деле нет) в аттестациях и характеристиках на сына Сталина писали, по-видимому, то, что он заслуживал: «Политическое развитие удовлетворительное. Дисциплинирован, но недостаточно овладел знанием воинских положений о взаимоотношениях с начальниками. Практических за-

ятий не проходил. Со стрелково-тактической подготовкой знаком мало. Имеет большую академическую задолженность. Государственные экзамены: сданы на удовлетворительно и хорошо». Это писали сыну все-сильного вождя! И хотя непосредственные начальники Я. Джугашвили рекомендовали назначить его на должность командира дивизиона и присвоить сразу звание капитана, начальник факультета Шереметов советовал не спешить: «С аттестацией согласен, но считаю, что присвоение звания «капитан» возможно лишь после годичного командования батареей».

В одном единодушие полное: Яков был порядочный, честный и застенчивый человек, как бы «обожженный» неприязнью отца. Он по-своему переживал, что, «перепрыгнув» через несколько курсов, учился слабо и чувствовал себя неуверенно в роли командира. Может, это тоже в решающий момент сыграло роковую роль в его судьбе на фронте?

С первых же дней войны Яков оказался на фронте. По имеющимся документальным свидетельствам, он храбро сражался, до конца выполнял свой долг, пока его часть не попала в окружение и он оказался в плену. Есть редкая фотография из немецких архивов, где группа гитлеровских офицеров, окружив капитана Я. Джугашвили, с нескрываемым любопытством разглядывает его. Самое интересное в этом снимке — выражение лица, сама поза Якова: со сжатыми кулаками, с ненавистью смотрит он на своих пленителей. Фашисты пытались использовать своего узника в пропагандистских целях, разбрасывали листовки с фотографией Якова, но советские люди относились к ним как к фальшивкам.

Сталин переживал не столько за жизнь сына, сколько боялся, что в концлагере могут сломить волю Якова и заставят сотрудничать с немцами. В воспоминаниях Долорес Ибаррури, вышедших отдельной книгой в Барселоне в 1985 году, приводится малоизвестный факт, не получивший затем ни подтверждения, ни опровержения. Она пишет, что в сорок втором году за линию фронта была заброшена специальная группа с задачей вызвать из плена Якова Джугашвили, находившегося к тому времени в Заксенхаузене. В составе спецгруппы был и испанец Хосе Парро Мойсо с документами на имя офицера франкистской «Голубой дивизии». Но операция закончилась неудачей и гибелью группы.

Яков также боялся, что путем пыток, специальной обработки, использования особых препаратов он может быть сломлен и в глазах отца и народа станет предателем. Сама эта мысль была ему ненавистна, это казалось страшнее смерти. 14 апреля 1943 года Яков Джугашвили бросился на колючую проволоку лагерного ограждения, и часовой застрелил его.

Сталин ошибся в сыне, как и во многих других людях. Он никогда не был непогрешимым, как скоро его станут изображать. По словам С. Аллилуевой, ее отец уже после победы под Сталинградом как бы невзначай сказал ей:

— Немцы предлагали обменять Яшу на кого-нибудь из своих... Стану я с ними торговаться! Нет, на войне как на войне.

Горестна судьба и другого сына вождя, Василия, которого отец не смог воспитать сильным, твердым, умным человеком. После смерти матери наставником мальчика фактически стал Власик, начальник охраны Сталина. Однако обстановка лести, вседозволенности сформировала капризного, слабохарактерного человека. Он воевал, но не столько хорошо, чтобы, начав войну капитаном, в 1947 году уже стать генерал-лейтенантом. Личное дело Василия Иосифовича Сталина весьма красноречиво свидетельствует о кадровом произволе, который творило сталинское окружение с молчаливого согласия всемогущего отца. Приведу просто несколько выдержек и фактов из тощей папки личного дела:

В двадцать лет В. И. Сталину сразу, минуя несколько ступеней, присваивается звание «полковник» (приказ НКО № 01192 от 19 февраля 1942 года).

В двадцать четыре года В. И. Сталин — генерал-майор авиации (постановление СНК СССР от 2 марта 1946 года), через год он генерал-лейтенант.

Будучи совсем «зеленым», посредственным летчиком, в 1941 году назначается начальником Инспекции ВВС РККА.

В январе 1943 года назначается командиром 32-го гвардейского истребительного авиаполка; через год — командиром 3-й, а затем 286-й истребительной авиационной дивизии. В 1946 году В. И. Сталин — командир корпуса, затем заместитель, а потом и командующий ВВС МВО.

Феерический взлет, не основанный, однако, на деловых и моральных качествах. За время войны, как указывают его начальники в деле, Василий совершил лишь двадцать семь боевых вылетов и сбил один самолет противника типа ФВ-190; награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, орденом Суворова II степени.

А вот что писали в аттестации на В. И. Сталина генерал-лейтенант авиации Белецкий и генерал-полковник авиации Папивин:

«По характеру горяч и вспыльчив, допускает недвусмысленность: имели место случаи рукоприкладства к подчиненным... В личной жизни допускает поступки, несовместимые с занимаемой должностью командира дивизии, имелись случаи нетактичного поведения на вечерах летного состава, грубость по отношению к отдельным офицерам, имелся случай легкомысленного поведения — выезд на тракторе в г. Шяуляй с конфликом и дракой с контрольным постом НКВД. Состояние здоровья слабое, особенно нервной системы, крайне раздражителен; это оказало влияние и на то, что за последнее время в летной работе личной тренировкой занимался мало, что приводит к слабой отработке отдельных вопросов. Все эти недостатки в значительной мере снижают его авторитет как командира и несовместимы с занимаемой должностью командира дивизии».

Последующие аттестации аналогичны, однако везде их венчает вывод: «Желательно послать на учебу в академию». Прославленные генералы Руденко, Савицкий (в последующем маршалы) не видели в то время

иного способа избавить подчиненные им соединения от «беспутного принца».

К слову сказать, «династическое», «наследное» родственное выдвижение своих чад, близких не изжито и по сей день. Конечно, человек не «виноват» в известности, славе, положении своих родителей, но это не должно давать никакого «гандикапа», социальных преимуществ и незаслуженных благ детям. Принадлежность к «фамилии» должна лишь обязывать человека к повышенной ответственности, долгу, скромности, порядочности.

Доброхоты, преследуя свои цели, осыпали благами и чинами сына Сталина, который незаметно для всех стал хроническим алкоголиком. Можно представить, сколько горя принес своим многочисленным женам (не менее четырех) этот опустившийся человек. Он, видимо, не интересен сам по себе, но на примере этой разгульной и несчастной судьбы можно еще раз убедиться: злоупотребление властью калечит все вокруг, в том числе и собственных детей. Так уже не раз бывало в истории: цезари, достигая высот владычества, часто оставляли после себя детей, хилых духом и плотью, морально убитых атмосферой торжествующей безнравственности, окружавшей диктаторов.

Еще при жизни отца В. И. Сталин лишился высокого поста командующего авиацией столичного округа и покатился вниз. Не случайно, что уже через двадцать один день после смерти «вождя» Приказом Министра обороны № 0726 генерал-лейтенант В. И. Сталин был уволен из армии в возрасте тридцати двух лет без права ношения военной формы.

Вскоре Василий на несколько лет попадает в тюрьму. Его вина не очень ясна. Дочь уверяет, что суда над ним не было. Но, видимо, то, что произошло ранее, вспомнилось теперь. А главное — хотели спрятать подальше человека, который немало знал. Ведь соратники Сталина все остались на своих местах...

О судьбе Василия мне рассказывал А. Н. Шелепин. Хрущев попросил его съездить в Бутырку, куда Василия привезли из 2-й Владимирской тюрьмы. В тюрьме он содержался под фамилией Васильев (его отец, Верховный Главнокомандующий в годы войны, нередко в шифровках подписывался — «Васильев»).

«Привели его ко мне, хромающего, с палкой в руках, — говорил Александр Николаевич, — он бросился на колени и заплакал: «Простите, простите, не подведу больше». Рассказал о встрече Хрущеву. Тот промолчал и говорит: «Привезите его ко мне».

Назавтра Василия доставили Хрущеву, и тот опять бросился в ноги: молил, плакал, клялся. Хрущев, обняв Василия, тоже плакал, долго говорили об отце. После встречи решили Василия досрочно освободить. Подготовили решение, выпустили. В тот же день к Василию нагрянули многочисленные друзья. Все началось, как прежде... Через несколько дней он вновь сел за руль машины, и вновь авария. Хрущев долго ругался матом, спрашивал:

— Что будем делать? Посадить — погибнет. Не посадить — тоже.

Решили выслать. Подобрали место — Казань.

Уехал Василий с медсестрой, своей очередной женой. От долгого пьянства высох, стал как подросток. Цирроз печени безжалостен: в марте 1962 года он умер, оставив четверых детей у разных жен и трех усыновленных. Памятник на могиле с надписью: Джугашвили Василий Иосифович (1920—1962). Единственному от Джугашвили». Не В. Сталин, как в жизни, не В. Васильев, как хотели власти, а Джугашвили...

Диктатор, одного слова которого было достаточно, чтобы за предельно короткое время прорыть огромный канал, построить дворец, переселить миллионы людей с «воли» за колючую проволоку, оказался полностью бессильным в отцовстве. Его мудрости, воли, «прозорливости», «тепла», о которых так много писали, совсем не оказалось, чтобы вырастить сына полезным Отечеству. Тот же упрек, видимо, ему бросят летописцы, коснувшись судьбы и его дочери Светланы. Будучи до предела ортодоксальным, догматическим марксистом, Сталин породил в дочери отрицание своей системы. Эволюция ее судьбы известна советским людям, с самого начала она вызывала лишь горечь и недоумение. Коротая, с небольшим перерывом, свои годы на чужбине, она вряд ли думала о том, что ее жестокий, безжалостный отец с «железной» фамилией, в самые тяжкие годы своих бесчисленных арестов тем не менее никогда не помышлял об эмиграции. Она сделала иной выбор.

Когда 1 ноября 1984 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении в гражданстве СССР С. И. Аллилуевой и о приеме в гражданство СССР ее дочери Питерс О. В., казалось, что «блудная дочь» поняла свои заблуждения, тем более что на пресс-конференции она заявила:

«Попав в этот самый так называемый «свободный мир», я сама не была в нем свободна ни единого дня. Там я попала в руки бизнесменов, адвокатов, политических дельцов и издателей, которые превратили имя моего отца, мое имя и мою жизнь в сенсационный товар». Но дочь «железного» отца еще раз подтвердила истину: характер не наследуется, как и убеждения. Они вырабатываются. Зарубежье в конце концов стало ей новой родиной.

Возможно, дети Сталина и выросли бы другими, будь жива Надежда Сергеевна Аллилуева. Свидетельства, которыми мы располагаем, говорят о том, что и здесь поведение вождя стало (а впрочем, косвенной ли?) причиной смерти его жены. В ночь с 8 на 9 ноября 1932 года Аллилуева-Сталина покончила жизнь самоубийством. Поводом для этого рокового шага, думается, послужила едва заметная для окружающих ссора, которая произошла на небольшом праздничном вечере в пятнадцатую годовщину Октября, где были Молотов, Ворошилов с женами, некоторые другие лица из окружения генсека. Очередной грубой выходки Сталина хрупкая натура Надежды Сергеевны не перенесла, она ушла к себе в комнату и застрелилась.

Каролина Васильевна Тиль, экономка семьи, придя утром будить Аллилуеву, застала ее мертвой. «Вальтер» лежал на полу. Позвали Сталина, Молотова, Ворошилова. Очевидно, покойная оставила посмертное письмо, но это мы можем только предпола-

гать: на свете всегда есть и останутся большие и маленькие тайны, которые никогда не будут разгаданы.

Сталин был потрясен, когда узнал о случившемся, но и здесь он остался верен своему безнравственному кредо: поступок Аллилуевой расценил не как свою вину, а как ее предательство по отношению к себе. У него не возникла, видимо, даже мысль, что его черствость, отсутствие тепла и внимания так жестоко ранили жену, что в минуту глубокого душевного волнения и депрессии она решилась на крайний шаг. Попрощавшись на гражданской панихиде с женой, на кладбище Сталин не поехал. Люди из его окружения вскоре попытались устроить еще один брак Сталина с одной из родственниц близкого к вождю человека. Казалось, все решено, но по причинам, известным только вдовцу, брак не состоялся. До конца дней Сталин прожил один, передоверив домашнюю заботу о себе экономке из многочисленной «обслуги». Когда Сталин умер, его экономка В. В. Истомина в присутствии членов Политбюро упала покойному вождю на грудь и закричала в голос. Ей он, видимо, был гораздо ближе, чем соратникам.

В самом конце пути Сталин, подводя какие-то итоги своей жизни, вдруг вспомнил свою жену: в столовой и его кабинете на даче, как, впрочем, и в квартире в Кремле, появились фотографии Аллилуевой.

Нет никаких сомнений в том, что Н. С. Аллилуева любила Сталина и старалась всячески помогать ему на многотрудном посту. Ее родственники свидетельствовали, что в последние годы жизни Аллилуева переживала глубокий внутренний надлом. Возможно, Сталин по-своему ее тоже любил, но одержимость делом, планами, работой, властью не оставила в его сердце места ни жене, ни детям, ни родственникам, на месте чувств — стальные струны. Сталин мог неделями не замечать никого из родных, никогда не интересовался самочувствием, здоровьем близких. Многих своих внуков, а их было восемь, он никогда не видел и не стремился к этому. Когда был арестован Александр Семенович Сванидзе, брат его первой жены, с которым он был очень близок, у Сталина даже не возникла мысль: как человек, которого он знал всю жизнь, с детства, мог оказаться «врагом»? В самой структуре морального облика вождя были целые бреши, провалы. Его поступки, поведение, отношение к окружающим и близким свидетельствовали, что Сталину были неведомы благодеяния, сострадание, великодушные, сочувствие, терпимость, человечность, раскаяние, искупление...

Конечно, эти страницы политической биографии генсека характеризующие его, так сказать, «нравственные» черты, возможно, не главные. Но весьма символично, что и сам Сталин пренебрежительно относился к морали и «морализаторству»: для него политика всегда была фаворитом в соотношении с нравственностью. И для исследователя столь сложной личности, какой был Сталин, именно здесь приоткрывается одна из «тайн» его характера. Его душевная скупость, переросшая в исключительную черствость, а затем и безжалостность, не только стояла жизни жене и исковерканным судьбам детей. Самое

страшное, что и в политике Сталин не находил достойного места для моральных ценностей. Для него было верхом благородства, когда Павлик Морозов доносил на своего отца, «врага народа».

Когда Берия арестовал жену его ближайшего помощника А. Н. Поскребышева, Брониславу Соломоновну, то никакие просьбы мужа уже не могли спасти ее. У Сталина, рассказывает дочь Поскребышева, Галина Александровна, был один ответ: «Это от меня не зависит. Я ничего сделать не могу. В НКВД разберутся». Смехотворное обвинение в шпионаже было стандартным. Продержав в тюрьме три года, ее расстреляли. А ведь ее муж по четырнадцать — шестнадцать часов в сутки продолжал быть около Сталина, подавать документы, готовить справки, вызывать людей, отдавать распоряжения вождю... «Даже Берия, по приказу которого был осуществлен арест, продолжал бывать в то время в нашей семье, — рассказывала Галина Александровна. — Впрочем, у нас бывали и многие другие известные люди: Шапошников, Рокоссовский, Н. Г. Кузнецов, Хрулев, Мерецков. Сталин был лично знаком с моей матерью и, конечно, понимал, что обвинение в шпионаже (брат жены Поскребышева ездил за медицинским оборудованием за границу — главный аргумент обвинения; потом он тоже, конечно, был расстрелян. — Д. В.) не имеет под собой никаких оснований».

Когда я знакомился с подобными фактами, мне однажды пришла на первый взгляд парадоксальная мысль: арестовывая близких, родственников, жен людей из своего окружения, Сталин... испытывал их лояльность, проверял их верноподданнические чувства. Калинин, Молотов, Каганович, Поскребышев, многие другие не подавали виду, что в их доме произошла катастрофа. Сталин наблюдал за их поведением и, видимо, испытывал удовлетворение от их безропотности. Чудовищные по своей безнравственности и жестокости испытания, посланные им людям, — это и есть строки предельно аморальной биографии Сталина, его портрета. Ничего святого, благородного, порядочного не скрывалось за личиной «великого Артиста», который мастерски играл множество ролей в жизни, больше всего походившей на фильмы ужасов. Ведь Поскребышев-то верил, когда Сталин говорил ему смиренно, что это не зависит от него, что он ничего сделать не может. А что говорил Берия, ведь он продолжал бывать дома у Поскребышева? Говорил то же самое... Эти люди жили во Лжи, Цинизме, Жестокости. И у такого человека была «личная жизнь»?! Самое печальное (и это опять из области морали), что Сталину фактически никто не возражал. А ведь шансы совести всегда существуют! Даже в условиях невероятно сложных...

Мы как-то привыкли считать, что гуманизм, мораль, общечеловеческие нормы нравственности — это, мол, все из области правоучительства. Но ведь мораль возникла раньше политического, правового, даже религиозного сознания. Когда у людей появилась первая потребность в осознанном общении, возникла нравственность, без нее человек никогда не стал бы человеком. Метко заметил однажды Бертольт Брехт:

«Чтобы человек почувствовал себя человеком, его кто-то должен окликнуть». И в этом смысле конкретная «личная жизнь» позволяет увидеть в человеке его подлинную суть. Кто знает, может быть, именно в «частной жизни» Сталина кроется один из глубинных истоков тех деформаций и преступлений, которые будут в тридцатые годы освящены его именем?

Сталин был «сильной личностью» того типа, который с неизбежностью стремится только к величию, неограниченной власти, а такое величие, как справедливо писал Н. Бердяев, «слишком связано с ложью, со злобой, жестокостью, насилием и кровью». Сталин постепенно, исподволь обоготворил насилие, не забывая о нравственном обосновании своей политики. Культ силы вне моральных ценностей — драгоценность фальшивая. Ленин видел смысл революции в максимальном достижении вершин свободы человеком в рамках социальной необходимости, но которая гуманистична по своей сути. Для Сталина нравственные параметры революции, строительство нового мира были не более чем «буржуазным морализаторством».

Страшно то, что Сталин не сомневался и в своей нравственной правоте. В одном из томиков М. А. Бакунина генсек однажды подчеркнул фразу: «Не теряйте времени на сомнения в себе, потому что это пустейшее занятие из всех выдуманных человеком». Что можно сказать по этому поводу? Бакунин-то мог позволить себе не сомневаться — он не был генеральным секретарем партии.

О злая дель — на сладостной облате:
Твоих сетей всегда обилён лов.

Ев р и п и д

Глава четвертая

ДИКТАТУРА ИЛИ ДИКТАТОР!

Боги не знают возраста. Кто сегодня скажет, сколько лет Зевсу, Афродите, Артемиде, Палладе, Фемиде? Видимо, никто. Но именно в представлении людей боги вечны. А это все равно что допустить невозможное — «застылость» времени. Но, может быть, они потому и боги, что стоят над абсолютно невозможным — над временем? Человек для своего удобства расчленил его на века, десятилетия, годы, месяцы, сутки, часы, минуты, секунды... А оно, время, течет, не замечая этих эфемерных рубежей. В повседневье, правда, иногда возникает иллюзия власти судьбы над временем. Чаще всего люди допускают эту ошибку в мгновения памятных дат и юбилеев...

21 декабря 1929 года Сталину исполнилось пятьдесят лет. Нет, еще не было бесконечного славословия, припадания к алтарю вождя множества подхалимов, приписывания буквально всех заслуг только ему одному. Сотни тысяч коллективов еще не будут посылать приветственные письма в его адрес, все передовицы газет и журналов еще не начинаются и не заканчиваются его именем.

Однако уже сейчас половина площади газеты

«Правда» посвящена юбилею. Здесь статьи Л. Кагановича «Сталин и партия», Г. Орджоникидзе «Твердокаменный большевик», В. Куйбышева «Сталин и индустриализация страны», К. Ворошилова «Сталин и Красная Армия», М. Калинин «Рулевой большевизма», А. Микояна «Стальной солдат большевистской партии» и других деятелей. Началось славословие положено. В приветствии ЦК и ЦКК ВКП(б), в частности, говорится, что они приветствуют лучшего ленинца (разрядка моя. — Д. В.). В огромной шапке газеты Сталин называется «верным продолжателем дела Маркса и Ленина», «организатором и руководителем социалистической индустриализации», «вождем партии пролетариата» и т. д. Юбилей для судьбы Сталина пришелся как нельзя кстати: он вызвал повышенное внимание к человеку, который разделился с очередной оппозицией, или, как теперь уже говорили, «уклоном». Проницательные люди уже тогда заметили, что к своему пятидесятилетию Сталин обрел повышенную уверенность, властность, безапелляционность.

В день пятидесятилетия, принимая поздравления от членов Политбюро, народных комиссаров, руководителей многочисленных советских и общественных организаций, Сталин осязаемо почувствовал, что за эти двенадцать лет после революции он научился или, как он говорил, «наловчился» управлять временем. Нет, конечно, не в том смысле, как об этом пишет Герберт Уэллс, а в том, что он стал чувствовать и понимать, в какой момент надо форсировать события, когда нанести разящий удар по фракционерам, как использовать фактор времени в гонке индустриализации и начавшейся коллективизации.

Молотов и Каганович предлагали более торжественно отметить пятидесятилетие признанного уже почти всеми вождя. Но Сталина удержала не скромность, просто у него очень свежа была в памяти такая же годовщина Ленина. Он не раз ловил себя на мысли, что ленинские слова о нем, Сталине, обычно приходили ему в голову, когда нужно было делать принципиальный выбор. Подлинный выбор предполагает способность субъекта ставить себя на место тех, кто зависит от него. Ленин умел мысленно принять роль другого, умели это и многие его соратники, но только не Сталин. Даже трудно вообразить, чтобы Сталин мог себя поставить, допустим, на место своей жертвы — его прямолинейное мышление не допускало таких коллизий. Но сдерживать себя Сталин умел, особенно в начале своего восхождения. Поэтому и теперь, в канун своего юбилея, Ленин пока сдержал его.

Пятидесятилетие Владимира Ильича отмечалось в Московском Комитете партии, правда, не было... самого юбиляра. Вечер открыл Мясников. С пространной, но маловыразительной речью выступил Каменев, что Владимир Ильич в «словах хвалы не нуждается, и пролетариат не привык словами, торжественными одами чтить своих вождей, своих лучших товарищей». Он долго говорил о войне, которая «вздернула на дыбы массы», что Ленина по праву можно назвать главнокомандующим армии пролетариата, который придет к победе и к сокрушению старого мира. Говорил Горький, почему-то повторяя слова Троцкого о том, что русская

история бедна выдающимися людьми. Как всегда оригинально, с пафосом выступал Луначарский, показывая руками, как вокруг Ленина всегда «веет ветер, ветер вершин». Читал стихи пролетарский поэт Александровский, говорил о высоком демократизме Ленина Ольминский. Сталину тогда показались совершенно неактуальными его слова: «Одна из самых характерных черт Ильича — его демократизм. Ленин — демократ по самой своей природе». Сталин помнит, что его покорило от этих слов Ольминского: война еще не кончилась, а тут о демократии. Разве для революционера это главное?! И здесь он услышал, как Мясников предоставил слово ему, Сталину.

Он готовился к речи, искал что-то необычное и неожиданно решил в день юбилея Ленина сказать... об умении вождя признавать свои ошибки. Сталин говорил о том, что Ленин был сторонником участия в выборах Виттевской думы, а затем публично сказал всем, что ошибался. Так и в семнадцатом году, негромко читал свой текст Сталин, Ленин ошибался в отношении к «предпарламенту», но затем публично признал свою ошибку. «Иногда т. Ленин в вопросах огромной важности признавался в своих недостатках. Эта простота особенно нас пленяла, — завершал свою речь Сталин. — Это, товарищи, все, о чем я с вами хотел поговорить». Слушатели жидко-поаплодировали пятиминутному выступлению Сталина, немного недоумевая от неубиленных слов наркомнаца, как вдруг в зал вошел Ленин.

Речь его была короткой, динамичной, запоминающейся. «Я прежде всего, естественно, должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а, во-вторых, еще больше за то, что меня избавили от выслушивания юбилейных речей». Затем Ленин сказал, что юбилей надо отмечать по-другому, и заговорил о положении в большевистской партии. Успехи революции, одержанные победы временно отодвинули от нас задачи, которые мы должны решать сегодня в самых различных областях. «Нам предстоит громадная работа и потребуются приложить труда много больше, чем требовалось до сих пор. Позвольте мне закончить пожеланием, — сказал В. И. Ленин, — чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии».

Почему тогда, во время чествования вождя, он решил отметить его «ошибки», Сталин сейчас не мог ответить. Показать, что наркомнац не «ручной»? Выделиться? Или знал, что Ленин не боялся никакой правды? Обо всем этом можно только догадываться. Во всяком случае, упоминание об этом выступлении первое время вызывало у самого Сталина неловкость. Когда В. Адоратский обратился к Сталину с просьбой разрешить включить в сборник статей «О Ленине» его выступление на юбилейном вечере, тот отказался. Резолюция на письма была красноречивой:

«Тов. Адоратский.

Речь записана по существу правильно, хотя и нуждается в редакции. Но я бы не хотел ее печатать: неприятно говорить об ошибках Ильича. И. Ст.»

Позже, однако, его «отредактированное» выступление попадет в собрание сочинений. Неловкость, «лож-

ная скромность», чувство совестливости покинут его довольно скоро. Уже в начале 1925 года он согласится с предложением Молотова о первом крупном увековечении своего имени. Председатель ЦИК Союза ССР М. Калинин и Секретарь ЦИК А. Енукидзе подписали постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета, в котором говорилось: «Переименовать гор. Царицын — в гор. Сталинград; Царицынскую губернию — в Сталинградскую; Царицынский уезд — в Сталинградский; Царицынскую волость — в Сталинградскую и ж. д. станцию Царицын — в Сталинград».

На дворе было 10 апреля 1925 года. После смерти Ленина прошло немного более года. То был один из первых залпов Сталина по совести. Впрочем, никакого смущения от «скромного» согласия на массовые переименования Сталин не испытывал, поскольку же через пять дней в своем приветствии первой Всесоюзной конференции пролетарского студенчества он призывал будущих молодых специалистов выполнять свою роль «не за страх, а за совесть». Гегель, которого он невзлюбил за свои бесплодные попытки овладеть хотя бы «оглавлением» его философии, писал, что совесть — это «процесс внутреннего определения добра». У Сталина то, что люди называют совестью, находилось во внутреннем заточении.

Таким был человек, ставший волею обстоятельств во главе партии в огромной крестьянской стране.

СУДЬБА КРЕСТЬЯНСТВА

Герберт Уэллс, изобразивший в своем художественно-публицистическом репортаже Россию «во мгле», не преувеличивал — она произвела на него «впечатление величайшего и непоправимого краха». На необозримых гигантских пространствах на бескрайней плоской равнине лежали сотни тысяч деревень, с наступлением ночи погружавшихся, как сто, двести, триста лет назад, в вековую мглу. Все эти деревни были когда-то «окняжены», «обоярены», пережили мрак крепостничества и надежду освобождения.

В манифесте, который подписал 19 февраля 1861 года Александр II, были слова: «Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови с нами Божье благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и благо общественного». Но крестьянская община, решавшая свои дела на сельском сходе, по-прежнему была задавлена налогами: подушная подать, общественный сбор, земский сбор, выкупные платежи, акцизы питейные, соляные... И хотя потом некоторые из этих крестьянских денежных и натуральных налогов были отменены, положение русского крестьянства было всегда тяжелым. Малоземелье, высокие повинности, тяготы всех войн, которые вело государство, почти поголовная неграмотность сохранились до самой Октябрьской революции. В первой трети XX века заметно усилилось и социальное расслоение крестьянства.

Почти все мы имеем глубинные корни в крестьянстве. Когда в памяти возникают солнечные пятна детства, то чувствуешь, осязаешь как наяву запах талого

снега, видишь потемневший лед на речке, слышишь скрип санных полозьев на деревенской улице. И лица давно ушедших людей.

Иногда хочется хотя бы мысленно усадить всех своих ближайших предков за один длинный фамильный стол. Потемневшие иконы увидели бы сидящих на лавках крестьян. Бородатые мужики в холщовых рубахах с заскорузлыми ладонями вечных трудяг, добрые и покорные глаза их жен, становящихся старухами в сорок лет, светлоголовых ребятишек. Обязательно за столом сидели бы один-два старика с «Георгием», прошедшие турецкую, японскую, германскую войны. Общинная мораль, превыше всего чтящая православие, труд, семью, отечество, руководила этими неграмотными людьми. Может быть, за столом и нашелся бы один грамотей, выписывавший «Ниву».

Мужики, бабы, крестьяне... От них осталось сегодня лишь то, что мы сохранили в своей памяти, и, пожалуй, то, что осталось в некоторых из нас крестьянского, — истовость в работе, бережливость, доверчивость, готовность прийти на «помочь» всем обществом. В этом крестьянском мире еще в начале тридцатых годов жило подавляющее большинство наших соотечественников, именно здесь скоро развернется настоящая революция, похожая на побоище, санкционированное сверху.

Правда, первые жесткие схватки на селе прошли в ходе национализации помещичьих, удельных, монастырских земель. Созданные в середине 1918 года комитеты бедноты повели наступление на кулака. Более половины принадлежавших им земель было отобрано, конфискованные машины, скот распределили между середняками и беднотой. В итоге кулацкая прослойка резко уменьшилась, деревня стала более середняцкой. Нэп принес в деревню возможность торговли после выполнения «твердого налога». Еще при жизни Ленина, в конце 1923 года, Советская Россия продала другим странам около 130 миллионов пудов пшеницы. Тогда выглядела дикой, кощунственной сама мысль покупать хлеб...

В восстановительный период удалось несколько поднять зерновое хозяйство страны, хотя оно еще далеко не достигло довоенного уровня. Если в целом и вырос объем производства хлеба, то товарного зерна государству явно не хватало — это объяснялось и низкими заготовительными ценами, и отсутствием товаров для села, производственная кооперация делала лишь первые шаги. Поддержка бедняцких и середняцких хозяйств обеспечивалась политикой нэпа на селе, хотя, естественно, в этот период оживились и кулацкие хозяйства. Но они, эти зажиточные хозяйства, не были опасными для государства при наличии политической власти в форме диктатуры пролетариата. Ведь социалистические идеалы нельзя понимать как призывы к бедности. Марксизм выступает лишь против богатства, созданного эксплуатацией чужого труда. Большинство кулаков свои зажиточные хозяйства создали собственным трудом.

Ленин предвидел, что социалистические преобразования будут идти наиболее трудно на селе, но он верил в пропаганду электричеством, тракторами,

книжками! Он полагал: для того чтобы обеспечить через нэп широкое участие крестьянства в кооперации, «требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия». В одной из последних своих работ В. И. Ленин формулирует исключительной важности положение: «Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма...» «При условии полного кооперирования, — диктовал В. И. Ленин, — мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве». Разумеется, ленинские идеи кооперирования сельского хозяйства не были развиты до конца, не были раскрыты многие детали реализации его установок, не определены этапы, да это было и невозможно сделать в 1923 году.

Снижение налогового обложения дало возможность середнякам и кулакам увеличить излишки сельскохозяйственных продуктов, и прежде всего хлеба, в стране одновременно усилился товарный голод, и поэтому крестьяне не спешили продавать хлеб — им были нужны не бумажные деньги, а машины и другие промышленные товары. Возникли трудности со снабжением городов. На горизонте 1927 года замаячил хлебный кризис. Кулаки да и середняки придерживали хлеб, ждали более выгодных цен, товаров.

Оппозиция пыталась использовать в своих целях растущие трудности. Так, Каменев, выступая на XV съезде партии, обвинил руководство в недооценке капиталистических элементов в деревне и, по существу, призвал ужесточить курс против кулака. Представители оппозиции еще ранее предлагали провести насильственное изъятие у кулака и середняка недостающих для нормального снабжения 150—200 миллионов пудов хлеба. У Политбюро, обсуждавшего готовящийся доклад Сталина на съезде, хватило мудрости отклонить этот путь. В политическом отчете съезду Сталин, разделявший тогда взгляды Бухарина, однозначно сказал: «Неправы те товарищи, которые думают, что можно и нужно покончить с кулаком в порядке административных мер, через ГПУ: сказал, приложил печать — и точка. Это средство — легкое, но далеко не действенное. Кулака надо взять мерами экономического порядка. И на основе советской законности. А советская законность не есть пустая фраза». Кто не согласится с такими выводами? Разве это не верные слова? И их говорил Сталин!

Но все дело в том, что ему были присущи не только частые разрывы между словом и делом, но и плохое знание крестьянского вопроса. За всю свою жизнь он фактически только один раз посещал сельские районы: это было в 1928 году, во время его поездки в Сибирь, в связи с хлебозаготовками. С тех пор до конца своей жизни Сталин на селе не появлялся. Кабинетное знание сельского хозяйства с особой силой выразилось позже в принятии целого ряда единоличных грубых ошибочных решений, имевших далекие последствия.

На XV съезде, взявшем курс на коллективизацию сельского хозяйства, вносились дельные предложения по устранению хлебных трудностей в стране. В выступлениях А. И. Микояна, в частности, говорилось,

что товарная масса застревает в городах, не попадая в деревню, где спрос на нее огромен. «Чтобы добиться серьезного перелома в ходе хлебозаготовок, нужен решительный поворот. Этот перелом должен заключаться в переброске товаров из городов в деревню даже за счет временного (на несколько месяцев) оголения городских рынков с тем, чтобы добиться хлеба у крестьянства. Если мы этого поворота не произведем, мы будем иметь чрезвычайные трудности, которые отзовутся на всем хозяйстве».

Казалось, ставка на укрепление союза рабочего класса и крестьянства, решение проблем деревни делается теперь не только на политические, но и экономические средства. Так считал и Ленин: именно строй «цивилизованных кооператоров» позволит максимально возможно соединить личный и общественный интересы. Ведь это самое трудное в социалистических преобразованиях! Главное — не делать ставку лишь на командные, бюрократические, директивные методы этого сочетания, надо обязательно учитывать экономические законы, использовать экономические рычаги в решении важнейшей, исторической по значимости программы кооперирования крестьянства.

В специальном большом докладе о работе партии в деревне, который сделал В. М. Молотов на съезде, делались верные в основном выводы. В частности, был сделан акцент на то, что «развитие индивидуаль-

ного хозяйства по пути к социализму — есть путь медленный, есть путь длительный. Требуется немало лет для того, чтобы перейти от индивидуального к общественному (коллективному) хозяйству. Отмечалось, что в этом процессе недопустимо насилие. «Тот, — продолжал Молотов, — кто предлагает нам политику принудительного изъятия 150—200 млн. пудов хлеба хотя бы у десяти процентов крестьянских хозяйств, т. е. не только у кулацкого, но и у части середняцкого строя деревни, то, каким бы добрым желанием ни было это предложение проникнуто, — тот враг рабочих и крестьян». В этом месте доклада Сталин громко произнес:

— Правильно!

Он еще несколько раз в ходе доклада подбадривал Молотова подобными возгласами.

Казалось, съездом выработана линия на широкое использование экономических методов в кооперировании, на соблюдение добровольности, последовательности. В резолюции по докладу Молотова прямо говорилось, что опыт подтверждает «целиком и полностью правильность кооперативного плана Ленина, по которому именно через кооперацию социалистическая индустрия будет вести мелкокрестьянское хозяйство по пути к социализму». На съезде были решительно осуждены попытки навязать методы командования в крестьянском вопросе.

(Окончание в следующем номере.)

Дмитрий Антонович Волкогонov

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ

(Политический портрет И. В. Сталина)

Книга первая

Редактор В. Малюгин

Иллюстрация В. Терещенко

Художественный редактор А. Моисеев

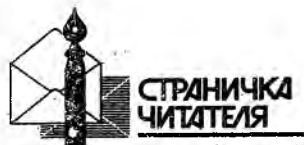
Технический редактор Л. Ковнацкая

Корректоры О. Коваль и А. Ошанина

Сдано в набор 22.05.90. Подписано в печать 25.07.90. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 11,34. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 3 360 000 (1-й зав. 1—2 610 000) экз. Заказ 1048. Цена 1 р. 23 к.

Адрес редакции: Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати. 142300, г. Чехов Московской обл.

Рукописи ранее не опубликованных произведений редакцией не принимаются и не рассматриваются. Во всех случаях полиграфического брака просим бракованные экземпляры отсылать для замены в типографию, где печатался данный экземпляр.

«Прошу передать Дмитрию Михайловичу Балашову сердечную благодарность за его исторические романы.

Истинное наслаждение получила, читая роман «Ветер времени».

Низко кланяюсь Вам, Дмитрий Михайлович!»

**Т. Дмитриева,
г. Ульяновск**

«Уважаемая редакция!

Громаднейшее вам спасибо за великолепные книги Дмитрия Михайловича Балашова «Симеон Гордый» и «Ветер времени». При нынешнем интересе к истории вы просто молодцы, опубликовав эти произведения.

Откровенно говоря, к книге раньше не испытывал большого интереса, но, начав читать романы Д. Балашова, так увлекся, что не мог оторваться. Как интересно жили наши предки!»

**А. Сергеев,
г. Ухта**

«Наша история — история государства Российского — оказалась нам почти неизвестной, и большое спасибо вам за публикацию романов Дмитрия Балашова «Симеон Гордый» и «Ветер времени».

Успех этих романов объясняется жаждой познать свою историю — историю родного края».

**И. Карпичко,
г. Сочи**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Валерий ГАНИЧЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Сергей АЛЕКСЕЕВ

Юрий БОНДАРЕВ

Семен БОРЗУНОВ

Витаутас БУБНИС

Олесь ГОНЧАР

Геннадий ГОЦ

Даниил ГРАНИН

Юрий ГРИБОВ

Владимир ДУДИНЦЕВ

Александр ЖУКОВ (ответственный секретарь)

Сергей ЗАЛЫГИН

Феликс КУЗНЕЦОВ

Леонид ЛЕОНОВ

Виктор МЕНЬШИКОВ (заместитель главного редактора)

Василий НОВИКОВ

Евгений НОСОВ

Петр ПРОСКУРИН

Валентин РАСПУТИН

Леонид ФРОЛОВ

1 р. 23 к.

РОМАН-19 ГАЗЕТА

70782

191

№ 26 (144). 21 июля, 1928 года. № 76 (144)

ВРЕДИТЕЛИ ПЕРЕД ПРОЛЕТАРСКИМ СУДОМ.

Показательный процесс...

На убийство жены Московского суда

ISSN 0131-6044

РОМАН-20 ГАЗЕТА

(1146)-1990

Дмитрий Волкогонов
ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ

СОКОЛЬНИКОВЫ И СОТРУДНИКИ ТРУДОВОЙ ДОМ

ПАРЕНА ЧИСТЫХ СЕРДЦА

ВНЕШНИЙ ВИД

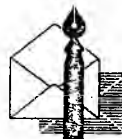
ЧЕЛОВЕКА НА БЛАГОУСТРОЙСТВЕ

НАСЛЕДИЕ

НАСЛЕДИЕ

СТРАНИЧКА
ЧИТАТЕЛЯ

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПИСАТЕЛИ

— По результатам читательского опроса, проведенного «Роман-газетой», роман «Дмитрий Донской» Ю. Лощица занял четвертое место. Многих читателей интересует, над чем сейчас работает писатель.

— Очень меня притягивает эпоха русской истории, начальной вехой которой можно условно назвать как раз смерть Дмитрия Донского, — ответил Юрий Лощиц. — Именно в эти десятилетия — при детях и внуках Куликовского героя — Русь, несмотря на пережитые ею потрясения, перестала быть «вещью в себе», ее голос стал слышен далеко за пределами Москвы. Большого я, пожалуй, сейчас не стану говорить о своем замысле.

— Не отвлекают ли от работы ваши служебные обязанности как заместителя главного редактора «Литературной России»?

— Конечно, отвлекают. Но, надеюсь, этого рода отвлечения могут в итоге пойти на пользу. Работа в такой уникальной, единственной сегодня в своем роде газете, как «Литературная Россия», думаю, поможет мне и в осмыслении событий пятивековой давности. В те поры русская судьба то и дело висела на волоске. Это очень похоже на то, что мы видим сегодня. Как никакая другая из выходящих в стране газет «Литературная Россия» «болеет» русской, российской темой. Я очень даже хочу понять тех людей, которые называют ее единственной сегодня по-настоящему русской газетой в стране. Кому-то подобное мнение покажется диким: ведь газет-то на русском языке у нас сотни. Но какая из них еще говорит о русских болях, бедах, об утратах, понесенных Россией в XX веке, с такой открытостью, как это делает «Литературная Россия»?

РОМАН-20 ГАЗЕТА

ИЗДАНИЕ
ГОСУДАРСТ-
ВЕННОГО
КОМИТЕТА
СССР
ПО ПЕЧАТИ
МОСКВА

(1146)-1990

Основана в 1927 г.

Дмитрий Волкогонов ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ И. В. СТАЛИНА

Книга первая

(Окончание)

Тем более странным выглядело решение Сталина, Молотова, бывшего тогда секретарем ЦК ВКП(б) по работе в деревне, форсировать процесс не просто кооперирования, а прежде всего коллективизации. Вскоре после съезда Сталин все чаще стал высказывать мнение о необходимости «взвинчивания темпов» и в деле индустриализации и коллективизации. Ему очень понравилась статья будущего академика С. Г. Струмилина, в которой тот сформулировал кредо «директивной» экономики: наша задача не в том, чтобы изучать экономику, а в том, чтобы переделывать ее... никакие законы нас не связывают... нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять... вопрос о темпах решают люди. Сталин неоднократно цитировал, заимствовал, заклинал слушателей и читателей полюбившимися фразами. Они как нельзя лучше отражали его собственные намерения.

За подписью Сталина в конце декабря 1927 года, сразу же после съезда, пошли в губернии грозные директивы, требующие усилить нажим на кулака, начать непосредственную работу по коллективизации. Возможно, такое решение подсказывалось и хлебными трудностями, но попытка решить продовольственную проблему путем искусственного форсирования процесса обобществления была первым крупным отступлением от ленинского кооперативного плана.

Начало см. «Роман-газета» № 19 за 1990 г.
Журнальный (сокращенный) вариант.

Думается, что грандиозность социальной «революции» на селе, которую генсек решил форсировать сверху, не могла не привлечь к нему симпатий большинства в партии. Радикальные, левацкие настроения после революций продолжали устойчиво жить в массе коммунистов — многим хотелось одним «ударом» решить те вековые проблемы, которые требовали взвешенного и спокойного подхода. Сталин после долгих раздумий пошел на политику сплошной коллективизации миллионов крестьянских хозяйств, зная, что большинство полуграмотных мужиков еще не было к этому готово. Утопическо-догматический взгляд Сталина на решение крестьянского вопроса выражался, по существу, в намерении превратить сельского производителя в бездумный «винтик» аграрной машины. Для этого надо было осуществлять отчуждение крестьянина от средств производства и распределения продукта. По сути, Сталин решил изменить социальный статус крестьянина как свободного производителя, превратив его в бесправного работника, крепостного. На смену экономическим законам приходят командно-экономические, постепенно убившие нэп, материальную заинтересованность крестьян, их предприимчивость и истовость в работе.

Некоторые из опальных левых, близкие в прошлом к троцкизму, одобрительно отнеслись к «решительным мерам» в деревне и поддержали Сталина. Пятаков, Крестинский, Антонов-Овсеенко, Радек, Преображенский и некоторые другие подали покаянные заявления и были восстановлены в партии. Пятаков стал председателем Госбанка, затем заместителем наркома тяжелой промышленности. Однако и он, и его «сотоварищи» в тридцать седьмом испили горькую чашу до дна — прошлого «вольнодумства» Сталин никому не простил.

Вторым крупным отступлением от ленинских идей явилось использование насилия как инструмента экономического переустройства. Первым пятилетним планом предусматривалось за пять лет охватить кооперированием до 85 процентов крестьянских хозяйств, в том числе до 20 процентов в форме колхозов. Однако под нажимом сверху на Украине, Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге принимаются решения сократить эти сроки до одного года! Курс на широкое применение насилия по отношению к кулаку и в целом в вопросе коллективизации фактически означал конец нэпа. Вот как это осуществлял сам Сталин.

Приехав в январе 1928 года в Сибирь, Сталин в своих выступлениях на совещаниях партийного и хозяйственного актива делал особый акцент на усиление давления на кулака. Поездка походила на объезд командующим своих гарнизонов. По приезде в очередной пункт к Сталину вызывали местных партийных и советских работников, кратко заслушивали их с неизменным выводом Сталина:

— Работаете плохо! Бездельничаете и потакаете кулаку. Посмотрите, нет ли и среди вас кулацких агентов... Так долго терпеть этого безобразия мы не можем.

После раздраженного разноса следовали конкретные рекомендации:

— Посмотрите на кулацкие хозяйства, там амбары и сараи полны хлеба, хлеб лежит под навесами ввиду недостатка мест хранения, в кулацких хозяйствах имеются хлебные излишки по пятьдесят — шестьдесят пудов на каждое хозяйство...

Сталин все свои выступления заканчивал одинаково, предлагая:

а) потребовать от кулаков немедленной сдачи всех излишков хлеба по государственным ценам;

б) в случае отказа кулаков подчиниться закону привлечь их к судебной ответственности по 107-й статье Уголовного кодекса РСФСР... а 25 процентов конфискованного хлеба распределять среди бедняков и маломощных середняков;

в) нужно неуклонно объединять индивидуальные крестьянские хозяйства, являющиеся наименее товарными хозяйствами, в коллективные хозяйства, в колхозы.

Такой нажимный стиль широко распространялся и поощрялся. Теоретическое и политическое обоснование лозунга, брошенного некоторыми ретивыми администраторами — «За бешеные темпы коллективизации!», — содержалось в статье Сталина «Год великого перелома». Некоторые перемены в настроениях, общественном сознании людей в пользу кооперации (не обязательно колхозов! это лишь одна из ее форм) были восприняты генсеком как повсеместная готовность середняка пойти в колхозы. Последовали новые решительные директивы и указания...

Через неделю после своего пятидесятилетия Сталин выступал на конференции аграрников-марксистов. Его речь была знаменательна тем, что он еще до принятия постановления ЦК объявил: «От политики ограничения эксплуататорских тенденций кула-

чества мы перешли к политике ликвидации кулачества как класса». Это было чрезвычайно страшное решение, затронувшее самым трагическим образом судьбы миллионов людей. Тридцать седьмой год в общественном сознании считается апогеем насилия и беззакония в нашей стране. Он коснулся в значительной мере интеллектуального слоя общества, и неудивительно, что об этом так много пишут, превратив именно тот год в кульминацию исторического внимания. В конце двадцатых — начале тридцатых годов «железная пята» захватила большее число людей, среди которых, возможно, было немало и настоящих противников нового строя, но неизмеримо больше невинных: середняков, причисленных к кулакам, просто «строптивых» крестьян с их семьями.

Историкам еще предстоит разобраться в деталях всего этого процесса. Свободное кооперирование мелких хозяйств, возможно, было исторической необходимостью. Однако было ли неизбежным массовое насилие в этом экономическом перевороте? Без боязни впасть в ошибку можно сказать: нет, такой необходимости не было. Процесс обобществления должен быть добровольным!

По настоянию Сталина для облегчения раскулачивания был составлен документ, «очерчивающий» параметры кулака: доход в год на едока, превышающий 300 рублей (но не менее полутора тысяч на семью), занятие торговлей, сдача внаем инвентаря, машин, помещений, наличие мельницы, маслобойни и т. д. Наличие хотя бы одного из этих признаков делало крестьянина кулаком. Как видим, применялся не социальный критерий, а имущественный, что является недостаточным для определения «класса». По существу, создавалась широкая возможность подвести под раскулачивание самые различные социальные элементы. Насилие справило пышный пир, а крестьянство пережило самое тяжелое потрясение в XX веке, а может быть, и за его пределами. Пострадали наиболее старательные, умелые, предприимчивые работники. Конечно, среди них было и немало таких, которые весьма настороженно относились к новой власти, но всех их Сталин и его помощники давно отнесли к врагам социализма, которые должны быть ликвидированы.

Специальная комиссия к январю 1930 года подготовила проект постановления ЦК «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Сталиным (собственноручно!) сроки были сокращены в два раза. Без всякого научного обоснования, учета всех позитивных и негативных факторов генсек настойчиво требовал: быстрее, быстрее, быстрее! Сводки, доклады, легучки в губкомах, волостях. Массы уполномоченных. Одни обещают трактора, керосин, соль, спички, мыло: «Все будет, чем быстрее запишетесь в колхоз!» Другие действуют более решительно: «Кто не хочет в колхоз, тот враг Советской власти!» Страсти, конфликты, обрезы, убийства партработников, колхозных активистов, многочисленные письма в Москву с жалобами, ходяки за правдой... Таков был внешний антураж того вначале драматического, а затем и трагического поворота, ко-

который переживало крестьянство. Объективная потребность в кооперировании, начавшая постепенно материализовываться в различных добровольных формах, была затем «подкреплена» целой системой жестких, беспощадных мер административного, политического, правового характера.

По некоторым нашим подсчетам, к моменту начала массовой коллективизации кулаков в стране насчитывалось в общей массе крестьянских хозяйств не более трех процентов. Тогда в русский язык вошло слово «раскулачивание», под которое попали около трех миллионов крестьянских хозяйств, и не только кулацких. Многие сотни тысяч семей в полном составе после изъятия у них всех средств производства, ценностей, недвижимости выселялись в отдаленные места. Едва ли когда-нибудь удастся назвать точную цифру людей, захваченных этим штормом беззакония.

По одним данным, в 1929 году в Сибирь, на Север было выслано более 150 тысяч семей кулаков, в 1930-м — 240 тысяч, в 1931-м — более 285 тысяч. Но ведь раскулачивание велось и в 1928 году, и после 1931 года... По нашим подсчетам, восемь с половиной — девять миллионов мужчин, женщин, стариков, детей подпали под раскулачивание, большая часть которых была сорвана с насиженных мест, где остались могилы предков, родной уголок, весь бесхитростный крестьянский скерб... Многие были расстреляны за оказание сопротивления, немало погибло на дорогах Сибири и Севера. В ряде мест, захваченных инерцией социального насилия, а иногда и материальной заинтересованности, подвергли раскулачиванию и середняка. Всего, по нашим подсчетам, около шести—восьми процентов крестьянских хозяйств оказалось захваченными штормом раскулачивания.

Конечно, те кулацкие хозяйства, которые имелись в сельском хозяйстве к началу коллективизации, представляли определенную опасность этому процессу. Мы знаем, что во времена продразверстки, хлебной монополии именно кулачество организовывало сопротивление властям. Продотряды, комбеды, создание частей особого назначения — это было вызвано необходимостью защиты бедноты от кулачества. Нужно было, видимо, применить продуманные административные меры против тех групп кулаков, которые вели прямую антисоветскую борьбу. Но ведь основная часть кулацких хозяйств могла быть вовлечена в процесс обобществления, кооперации путем дифференцированного обложения, производственных заданий и обязательств. Этого не делалось. Отказ кулаку в самой возможности участия в общем процессе ставил его по ту сторону барьера, где ему оставался трагический выбор: бороться или ждать участи — раскулачивания и ссылки.

Интересно, пожалуй, привести в связи с вопросом о кулаке выдержку из беседы Сталина с Черчиллем 14 августа 1942 года. Закончились переговоры. Сталин пригласил английского премьер-министра поужинать к себе на кремлевскую квартиру.

В мемуарах Черчилля это выглядит так. Премьер спросил Сталина:

— На вас лично так же тяжело сказываются тяготы нынешней войны, как и проведенная вами политика коллективизации?

«Эта тема,— пишет Черчилль,— сейчас же оживила вождя».

— Политика коллективизации была страшной борьбой,— сказал Сталин.

— Я так и думал, что для вас она была тяжелой. Ведь вы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей...

— С десятью миллионами,— сказал Сталин, подняв руки.— Это было что-то страшное, это длилось четыре года. Чтобы избавиться от периодических голодовок, России было необходимо пахать землю тракторами. Мы были вынуждены пойти на это. Многие крестьяне согласились пойти с нами. Некоторым из тех, кто упорствовал, мы дали землю на Севере для индивидуальной обработки. Но основная их часть была весьма непопулярна и была уничтожена самими батраками...

Известно, что с легкой руки Черчилля цифра десять миллионов пошла гулять по страницам печати. Наши данные несколько меньше, хотя это, разумеется, отнюдь не уменьшает размах человеческой трагедии. То был первый массовый кровавый террор, развязанный Сталиным в собственной стране. После XIII партсъезда это была вторая полоса в жизни Сталина, где он шел напролом.

А коллективизация продолжалась. Десятки тысяч писем шли в Москву на имя Сталина с жалобами, болью, недоумением, страхом, ненавистью. Запущенная машина беззакония продолжала перемалывать человеческие судьбы. Лишь в марте 1930 года Сталин, до которого не мог не дойти размах морального протеста и социального сопротивления крестьянства, выступил с небезызвестной статьей «Головокружение от успехов». Как зловещая ода социальному насилию, читается сегодня второй абзац статьи: «Это факт, что на 20 февраля с. г. уже коллективизировано пятьдесят процентов крестьянских хозяйств по СССР. Это значит, что мы перевыполнили пятилетний план коллективизации к 20 февраля 1930 года более чем вдвое».

Проценты, цифры плана, его двойное «перевыполнение»... Неужели Сталин никогда не задумывался, что за всеми этими (и множеством других!) цифрами стоят человеческие судьбы?! Ведь он не привел другие цифры: сколько сослано, раскулачено, уничтожено, погибло людей...

Иногда говорят, что процесс такого гигантского преобразования не мог пройти безболезненно, гладко, без ошибок. Но кто дал право Сталину исключить свободу выбора простого человека, а все решить за него? Где же внимание к ленинским предостережениям «Не смей командовать!» да, наконец, к собственным заявлениям и заверениям: «Кулака надо взять мерами экономического порядка и на основе советской законности!»? Для Сталина становилось обычной нормой относиться как к фикции к любым решениям, выводам, положениям, если

в тот или иной момент они не соответствовали его планам.

В статье однозначно делается вывод (как будто по этому вопросу прошел в стране референдум!), что ни товарищество по совместной обработке земли, ни коммуна сегодня не устраивают социалистическое преобразование деревни. Только колхозы! Вот эта форма сельхозартели является единственно приемлемой, решил аграрий Сталин, который больше никогда ни в какое село не поедет. В последующем он, как заявил Н. С. Хрущев на XX съезде, «изучая сельское хозяйство только по кинокартинам». Это, конечно, не совсем так, но трудно представить руководителя, который о любой проблеме может верно судить, только сидя в своем кабинете. Самое печальное, что характеризует Сталина в целом, — он никогда не признавал своих ошибок, никогда! Даже в 1945 году, выступая на приеме в честь командующих войсками, он скажет: «У нашего правительства было немало ошибок». И здесь, в статье, он пишет, что виновники «перегибов», «головокружения от успехов», «чиновничьего декретирования», оказывается, находились лишь на местах: в губерниях, волостях, артелях! Сам Сталин, конечно, ни в малейшей степени «не повинен» в многочисленных извращениях, перегибах, беззаконии. А его прямые указания, директивы, контрольные цифры, соревнование по «охвату»?

После «Головокружения от успехов» к Сталину хлынул новый поток писем от крестьян. Он был вынужден еще раз разъяснить позицию партии в вопросе о коллективизации, порой вольно или невольно своими обобщениями дискредитируя саму идею переустройства сельского хозяйства на путях постепенной кооперации. В ответах колхозникам генсек писал:

«Иные думают, что статья «Головокружение от успехов» представляет результат личного почина Сталина. Это, конечно, пустяки. Это была глубокая разведка ЦК (разрядка моя. — Д. В.)»

И далее:

«Трудно остановить во время бешеного бега и повернуть на правильный путь людей, несущихся стремглав к пропасти».

На социальные, экономические, культурные, духовные вопросы Сталин предпочитает отвечать военными терминами: «разведка», «фронт», «наступление», «отступление», «перегруппировка сил», «подтягивание тылов», «подвод резервов», «полная ликвидация врага». Речь, разумеется, шла и о «ликвидации кулачества как класса». И при всем при этом — признание в том, что массы людей «неслись стремглав к пропасти». Как бы резюмируя свое понимание сути и методов преобразования села, Сталин на конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 года заявил: для того, чтобы мелкокрестьянская деревня пошла за социалистическим городом, нужно «насаждать (выделено Сталиным. — Д. В.) в деревне крупные социалистические хозяйства в виде совхозов и колхозов».

На основании работы специальной юркомиссии о кулаке в январе 1930 года было принято, по настоя-

нию Сталина, постановление ЦК «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Эта партийная директива усилила напряженность в деревне, поскольку в соответствии с постановлением кулакам путь в колхозы был закрыт. Положение этой группы крестьянства стало трагическим и безысходным. Выступления кулачества против Советской власти усилились, принимая порой большой размах.

Методы принуждения, насилия, администрирования, которые в свое время проповедовал Троцкий, были подхвачены Сталиным и использованы в максимальной мере, а это все означало глубокое отступление от взвешенной политики по отношению к крестьянству. Промышленность только развешивала производство тракторов. Зерновое хозяйство сразу же «забуксовало», следом и животноводство. А главное, сразу же была «подсечена» предприимчивость крестьянина, производительность труда стала ниже, чем в индивидуальном хозяйстве. Последствия были исключительно тяжелыми. Во многих районах начался массовый забой скота: к 1933 году по сравнению с 1929 годом его количество сократилось в два-три раза. Чтобы помешать засаливать мясо, резко ограничили продажу соли. Сократились площади засеваемых земель...

Все это время, особенно с начала 1928 года (поездка Сталина в Сибирь), в Политбюро велась глупая борьба. Курсу радикализации Сталина вначале осторожно, а затем все более настойчиво противодействовал Бухарин, которого поддерживали Рыков и Томский. Это не было группировкой «правых», как ее вскоре нарекут. Просто эти руководители со своими взглядами проповедовали более умеренный, взвешенный подход к проблеме крестьянства. Они спокойно отнеслись и к так называемому «Шахтинскому делу», на основании которого Сталин ребром поставил вопрос «быстрейшей замены, контроля» за специалистами, доставшимися стране от старого строя. В выступлениях Сталина и Бухарина без упоминания фамилий стала содержаться критика (эзоповским языком) друг друга. Так, 28 мая 1928 года Сталин выступил в Институте красной профессуры, где Бухарин, недавно выдвинутый здесь и ставший единственным академиком из числа высших руководителей, пользовался особо большой популярностью. Он решил поставить под сомнение позицию Бухарина в крестьянском вопросе и решении хлебной проблемы, гипертрофировав ее до «защиты кулачества». В своем большом выступлении, к которому Сталин тщательно готовился, он допустил несколько выпадов, адресат которых поняли все.

— Есть люди, — читал текст Сталин, — которые усматривают выход из положения в возврате к кулацкому хозяйству, в развитии и развертывании кулацкого хозяйства... Эти люди полагают, что Советская власть могла бы опереться сразу на два противоположных класса — на класс кулаков, хозяйственным принципом которых является эксплуатация рабочего класса, и на класс рабочих...

Бухарин более чем кто-либо другой понимал, по-

чему Сталин форсирует колхозное строительство, — из коллективного хозяйства легче изъять хлеб! Сталин знал: производство, включенное в командную систему, проще заставить фактически вновь вернуться к практике «военного коммунизма». На смену твердому налогу пришла обязательная «сдача», а не продажа хлеба.

С этого момента положение крестьянства стало очень тяжелым. Там, где «выгребли» весь хлеб — Северный Кавказ, Поволжье, Украина, другие регионы, — наступила полоса жестокого голода...

Ликвидировался не только кулак, вытеснялся и единоличник вообще. На совещании в ЦК в 1934 году Сталин заявил однозначно:

— Надо создать такое положение, при котором индивидуалу в смысле усадебного личного хозяйства жилось бы хуже, чтобы он имел меньше возможностей, чем колхозник... Надо усилить налоговый пресс...

И этот пресс все плотнее давил не только «индивидуалов», но и колхозников, делая их не хозяевами на своей земле, а каким-то бесправным сословием. Как раз этого-то и опасался Бухарин больше всего.

До неузнаваемости исказив позицию Бухарина, изобразив его «защитником кулака» и человеком, не понимающим суть ленинских идей кооперации, Сталин впервые вынес разногласия с Бухариным на люди.

В своих публичных выступлениях Бухарин говорил о недопустимости администрирования в экономике. Главный теоретик Политбюро проводил в них такую мысль: без процветающего сельского хозяйства невозможна успешная программа индустриализации, посему нажим, реквизиции, насилие в колхозном строительстве недопустимы. В начале 1928 года исход борьбы был еще неясен. На первых порах однозначно поддерживали Сталина лишь Молотов и Ворошилов, а Бухарина, как уже говорилось, Рыков и Томский. Куйбышев, Калинин и Рудзутак колебались, стремились примирить двух влиятельнейших членов Политбюро. Но, как всегда, Сталин в аппаратных, закулисных делах оказался более искусным и изощренным.

Апрельский, а затем и ноябрьский Пленумы ЦК и ЦКК ВКП(б) заняли жесткую позицию в отношении альтернативы, предлагаемой в крестьянском вопросе Бухариным. По существу, линия Сталина, его единомышленников реанимировала многие методы гражданской войны. Сталин не просто «подталкивал» преобразования, он полностью рушил все старое, а это подразумевало широчайшее насилие. Бухарин же предлагал эволюционный путь преобразования деревни, в ходе которого кооперация, общественный сектор будут постепенно вытеснять индивидуальное хозяйство экономически, силой примера. Не во всем, думается, «любимец партии» был прав, но борьба Бухарина против триумфа злой силы, примененной к миллионам граждан Советского государства, оправдана и по моральным, и по политическим соображениям. Бухарин, бесспорно, глубже разобрался в сути концепции кооперации.

При терпеливой совместной товарищеской работе, обсуждении острейших проблем в духе партийной принципиальности, безусловно, можно было избежать террора и трагедий, которые не уступают, а во многом, повторяем, превосходят по своим масштабам и последствиям террор 1937—1938 годов. Конечно, насилие и в том, и другом случае не просто прискорбно, оно глубоко преступно. «Удавшаяся» операция с «ликвидацией кулачества как класса» придавала уверенности Сталину в его «правоте», он почувствовал свои диктаторские возможности и не остановился перед тем, чтобы окончательно ликвидировать всех тех, кто когда-либо выступал против партийного курса или мог выступить против него.

Совершив насильственную революцию сверху, Сталин на долгие десятилетия обрек сельское хозяйство на прозябание, несмотря на множество последующих реформ и постановлений. Свободная торговля быстро зачахла: у колхозов не оказалось товарной массы. А Сталин все продолжал изыскивать методы ужесточения командного управления притихшими селами... На многочисленных совещаниях генсек расписывал победы колхозного строя и принимал решения по «коренному» улучшению положения дел в сельском хозяйстве, а положение неизменно ухудшалось. Страх и равнодушие пришли в село. Колхозами командовали все, никто даже не вспоминал об их кооперативной природе.

Так умер нэп, так оборвалась умеренная линия в руководстве Политбюро. Так было положено начало фактическому отмиранию на долгие годы коллективного руководства, так возобладало откровенное стремление Сталина решать все вопросы единолично. Огромная притягательная сила социализма, родившаяся в мире после Великой Октябрьской социалистической революции, стала ослабевать.

Аналитики социализма и по сей день, желая показать нашу несостоятельность, обращаются в первую очередь к нашим крестьянским делам. Ничего не скажешь: Сталин дал обильную пищу и богатые аргументы для дискредитации когда-то столь привлекательных идей. Вот, например, как заявляет об этом в книге «Урожай горя» Р. Конквист: «В период с 1929 по 1932 год Сталин нанес двойной удар по крестьянству ликвидацией кулака и насильственной коллективизацией».

В разгар Великой французской революции, когда большинство ее вождей не чувствовали приближающейся беды, Сен-Жюст, ощущая подземные токи приближающегося кризиса, бросил: «Революция зачечнела». Сталин, решившись на беспрецедентное использование насилия против собственного народа, подрезал жилы огромной социальной группе населения страны, так много получившей от революции, но не сумевшей из-за цезаризма воспользоваться ее плодами.

С конца 1928 года в биографии Сталина начинается новый этап, характеризующийся не только устранением всех непосредственных соперников в руководстве, но и началом всего того, что мы привыкли называть «культом личности». Падение Бухарина было заметной вехой в этом процессе.

ДРАМА БУХАРИНА

Пытаясь нарисовать политический портрет Сталина, понимаю, что без освещения людей из его окружения, соратников, противников, беспрекословных соглашателей и поддакивателей это сделать невозможно. Чтобы показать еще одну грань Сталина, остановимся на драме Бухарина в двадцатые годы — трагедия будет позже.

Долгое время между Сталиным и Бухариным были тесные дружеские отношения. С 1927 года Бухарин по настоянию Сталина жил в Кремле, а после смерти Н. С. Аллилуевой они поменялись квартирами. Сталин объяснил это желанием освободиться от постоянных воспоминаний о роковом дне самоубийства жены. Николай Иванович Бухарин, будучи утонченной натурой, свято охранял чувства дружбы, порядочности, искренности в отношениях со Сталиным. С ним они были всегда на «ты». Сталин обращался к Бухарину просто: Николай, а последний обычно звал генсека Кобой. С 1924 по 1928 год Сталин всегда внимательно прислушивался к Бухарину, неоднократно подчеркивал, что «его теоретический ум высоко ценил Ленин», что партия дорожит этим самородком. Для Николая Ивановича личная дружба была духовно высоким, святым чувством, от нее он не мог отмахнуться просто так, как это довольно неожиданно публично сделал Сталин в апреле 1929 года на Пленуме ЦК и ЦКП ВКП(б).

Сталин начал речь как раз со своих отношений с Бухариным:

— Товарищи! Я не буду касаться личного момента (а ведь уже коснулся! — Д. В.), хотя личный момент в речах некоторых товарищей из группы Бухарина играл довольно внушительную роль. Не буду касаться, так как личный момент есть мелочь, а на мелочах не стоит останавливаться. Бухарин говорил о личной перепалке со мной. Он прочитал несколько писем, из которых видно, что мы, вчера еще личные друзья, теперь расходимся с ним в политике. Я думаю, что все эти сетования и вопли не стоят ломаного гроша. У нас не семейный кружок, не артель личных друзей, а политическая партия рабочего класса.

Воспользовавшись далее словами К. Маркса по отношению к Дантону, Сталин пытался убедить Политбюро, ЦК в том, что Бухарин, хотя и находился на вершине Горы, был в значительной мере вождем Болота.

Все вроде правильно: интересы дела выше личных отношений. Но сколько все же отталкивающего, просто мерзкого в словах Сталина: напоминания о дружбе не стоят и «ломаного гроша», у нас «не артель личных друзей». Наивный идеалист Бухарин получил от Сталина еще один урок макиавеллизма. Оказывается, его дружба, советы, мнения, отношения для Сталина просто «мелочь».

А ведь так было не всегда.

Мнение Николая Ивановича было для Стали-

на очень важно при определении своего собственного отношения к конкретному вопросу.

Так каким же был Бухарин? Почему из всех соратников Ленина, оставшихся после его смерти на партийных постах, именно о Бухарине у людей сохранились наиболее теплые воспоминания с привкусом неоправимой горечи? Почему Ленин называл его «любимцем партии», а Сталин в конце концов уничтожил этого выдающегося деятеля?

Итак, Н. И. Бухарин родился в Москве в 1888 году в семье школьного учителя, дослужившегося до чиновника седьмого класса (звание надворного советника). Судьба Бухарина подтверждает еще раз, что большинство вождей Октябрьской революции не имели пролетарского происхождения. И этому есть объективное объяснение: трудно быть лидером вне огромного объема усвоенной духовной культуры. Усвоить ее, развить, разработать методологию использования в социальной практике могли в то время преимущественно выходцы из более или менее обеспеченных слоев. В 1906 году Бухарин стал членом партии. О ранних годах будущего теоретика есть любопытные заметки его молодого друга тех лет Ильи Эренбурга. Будучи студентом экономического отделения юридического факультета, Бухарин принимал самое активное участие в пропагандистской деятельности среди рабочих и студентов. Рассказывают, что его небольшую подвижную сухощавую фигуру с редкой бородкой и рыжими волосами над высоким лбом часто можно было видеть в те годы не только на студенческих митингах в Московском университете, но и на предприятиях Замоскворецкого района. После ареста в 1910 году ему удается бежать из Онеги, маленького городка Архангельской губернии, и он вскоре оказывается за рубежом. В Россию Бухарин вернется лишь после революции.

Шесть лет эмиграции были для него чрезвычайно плодотворными. Там он познакомился с Лениным, всегда относившимся к Бухарину не просто с теплыми чувствами, но и большой любовью, что, правда, не мешало Ильичу вести с ним жесткие дискуссии. Начинаящий теоретик не вылезал из библиотек, быстро овладел немецким, французским и английским языками. За границей Николай Иванович подготовил рукописи двух крупных теоретических работ: «Политическая экономия рантие» и «Мировое хозяйство и империализм». Характеризуя государство, попавшее в руки тирана, Бухарин использует художественный образ, заимствованный у Джека Лондона. Тогда он пророчески написал, что такой диктатор будет ходить своей «железной пятой» по лицам людей. Это было абстрактное, но пророческое предупреждение против единовластия, милитаристской силы, для которых нет ничего святого.

В Нью-Йорке Бухарин познакомился с Троцким. Здесь и застала его весть о Февральской революции. Путь в Россию был долгим; в Японии Бухарин был арестован, затем за пропаганду среди солдат попал под стражу уже на родине, во Владивостоке, и смог добраться до Москвы лишь в мае 1917 года. Вскоре Бухарин стал редактором «Правды» и находился на

этом посту с одним небольшим перерывом почти двенадцать лет. Как редактор главной партийной газеты Бухарин принимал активное участие в выработке партийной политики и ее пропаганде. Он был человеком, который не умел ни хитрить, ни притворяться, ни «разводить дипломатию». Так, в драматические недели борьбы за заключение мирного договора с Германией Бухарин, мы помним, стал фактически лидером оппозиции: в течение двух месяцев он возглавлял различные группы «левых», выступавших против Брестского мира и проповедовавших революционную войну. Левокоммунистические пристрастия Бухарина не были случайными — в годы гражданской войны он был олицетворением самой радикальной «левой» линии. И именно Бухарин был одним из идеологов и так называемой политики «военного коммунизма».

В работе «Экономика переходного периода» Бухарин как раз и занялся апологетикой этой теории и практики. Элементы насилия, декретирования в экономике Бухарин называл «издержками революции». Они, эти «издержки», по существу, являются «революционным законом». Когда баррикады строятся в гражданской войне из трамвайных и железнодорожных вагонов, экономика страдает больше всего. Пролетарская революция, по Бухарину, вначале разрушает экономику, но затем создает ее быстрыми темпами. Хотел того потом или не хотел Бухарин, но во время революции, гражданской войны он, повторяем, был одним из певцов «военного коммунизма».

Наибольшее выражение эти его взгляды получили в широко известной работе «Азбука коммунизма», готовить которую ему помогал Е. Преображенский, тоже способный молодой теоретик. В «Азбуке», как в энциклопедии, были изложены основные положения о революции, классовой борьбе, диктатуре пролетариата, роли рабочего класса, программе коммунистов и т. д. Успех «Азбуки» был большим, она переиздавалась около двадцати раз, распространялась за рубежом. Благодаря этой популярной книжке его имя в партии и стране стало известно не менее, чем имени Троцкого, Зиновьева, Каменева.

На Западе по этой книге о Бухарине долго судили как о «жреце ортодоксального марксизма». И на то были основания. Вот, например, что писал Бухарин в своем сборнике теоретических статей «Атака». Грандиозный мировой переворот, который грядет, включает в себя и оборонительные и наступательные войны со стороны победоносного пролетариата: оборонительные — чтобы отбиться от наступающих империалистов, наступательные — чтобы добить отступающую буржуазию». Мировая революция будет захватывать одну страну за другой. Этому не помешают «все эти лиги наций и прочая дребедень, которую напевают с их голоса социал-предательские банды». В революции, гражданской войне Бухарин представлял собой тип революционного радикала, готового пойти на самые крайние меры. Стоит ли его за это осуждать? Видимо, нет — время было такое. Тогда любые надгосударственные, общечеловеческие идеи представляли просто буржуазными. Многие из того, что мы говорим сегодня, в то время повергло

бы просто в ужас не только ортодоксального марксиста, каким казался тогда всем Бухарин.

Тем удивительнее был тот быстрый поворот, который произошел в умонастроениях Бухарина несколько лет спустя. Можно безошибочно сказать, что эволюция во взглядах у него произошла под влиянием Ленина, его последних работ. Во время болезни Ленина Бухарин часто навещал вождя и нередко подолгу наедине с ним обсуждал злободневные вопросы теории и практики социалистического строительства. Обо всем этом, правда, можно только догадываться и строить предположения, однако, как бы там ни было, с 1922—1923 годов Бухарин начинает олицетворять умеренное крыло в большевистском руководстве.

В нашей истории, к сожалению, часто на высоких партийных и государственных постах находились люди (Сталин — ярчайший пример тому), слабо, прикичивно, вульгарно знавшие экономику, ее законы и «тайны». Часто умение диктовать директивы, провозглашать лозунги типа «Экономика должна быть экономной», строить сегодня бесконечные планы на завтра, а завтра на послезавтра, не отдавая себе реального отчета в задуманном и содеянном, считалось достаточным, чтобы распоряжаться судьбами многих миллионов людей. Уроки сталинской биографии, деятельности людей из его окружения властно напоминают: для политического руководителя мало одной идейной убежденности в истинности той или иной «платформы» и искреннего желания материализовать ее на практике.

Нужна не просто компетентность, а нечто более высокое: если не гениальность, то обязательно талант. И сегодня при ознакомлении с многочисленными работами Н. И. Бухарина, на которые для советских людей было наложено «табу» на целых пятьдесят лет, мы видим, что он был типом руководителя новой формации: убежденным, знающим и талантливым человеком.

Если Троцкий увидел в нэпе первый признак «вырождения большевизма», то Бухарин, наоборот, разглядел в нем великолепный исторический шанс соединить новые возможности, которые дает социализм экономике, обществу, с предпринимательским элементом старых, отвергнутых структур. То, что один из вождей революции считал «троянским конем термидора», другой определил как «дополнительный рычаг в процессе общественного переустройства».

Однажды, где-то в начале 1925 года, между Сталиным и Бухариным состоялся долгий «экономический разговор». Суть его свелась к высказыванию генсеком сомнений по поводу нэпа и защите Бухариным сути этой концепции. Бухарин в своих записках упоминает об этом разговоре так: Сталин все время «нажимал» на то, что долгая ставка на нэп «задушит социалистические элементы и возродит капитализм». Генсек не понимал сути действия экономических законов и более полагался на «пролетарский напор», «директивы партии», «выработанную линию», «ограничение потенциальных эксплуататоров» и т. д. Разговор, повторяем, был долгим, но уже тогда Бухарин почувствовал, что Сталин не поднимает и

не доверяет нэпу, видит в нем, как и Троцкий, угрозу завоевания революции. Бухарин, обескураженный этим диалогом, решил изложить свое понимание нэпа в печати. Вскоре в «Большевике» появилась его глубокая, не потерявшая своей актуальности до наших дней статья «О новой экономической политике и наших задачах», в которой он использовал и выводы своего доклада на собрании актива Московской парторганизации 17 апреля 1925 года. Приведем фрагмент из статьи:

«Нэп это: меньше зажима, больше свободы оборота, потому что эта свобода нам менее опасна. Меньше административного воздействия, больше экономической борьбы, большее развитие хозяйственного оборота. Борьбаться с частным торговцем не тем, что топтать на него и закрывать его лавку, а стараться производить самому и продавать дешевле, лучше и добротнее его».

Эти строки Сталин не выделил в статье, хотя она и испещрена его пометками. Генсеку было очень трудно понять: как можно давать свободу частному сектору? Разве это не подрывает диктатуру? Сталин слушал, читал Бухарина, мало, пока возражал, но где-то в глубине души все сильнее давало знать раздражение «экономическим капитулянтством» теоретика.

Бухарин не переставал повторять до конца своих дней, что его взгляды основываются на ленинских работах, и прежде всего последних, предсмертных пяти статьях, знаменитого «Завещания».

После смерти Ленина Бухарин из кандидатов был переведен в члены Политбюро. Его авторитет определялся прежде всего репутацией нового теоретика марксизма, поразительной человеческой мягкостью, исключительной доступностью для людей — в этом он был полным антиподом Сталина.

Бухарин долго стоял в стороне от борьбы фракций, групп, оппозиций. Не случайно Зиновьев после одной из своих безуспешных попыток заручиться поддержкой Бухарина в борьбе со Сталиным презрительно назвал его «миротворцем». Теоретик партии пытался нащупать основные тенденции социально-экономического развития страны, пути ее глубокой реконструкции, и здесь ему пришлось решительно выступить против так называемого «закона Преображенского», навязываемого партийному руководству. Его суть такова: сверхиндустриализация в такой стране, как Россия, возможна только на основе максимального «выдавливания» средств у крестьянства. Правда, справедливости ради следует сказать, что сам Преображенский отвергал административное насилие в отношении крестьянства, но считал необходимым широко «поставить» неэквивалентный обмен в рыночных отношениях между промышленностью и сельским хозяйством.

Бухарин убежденно считал, что «город не должен грабить деревню», что только политическая смычка, помноженная на смычку экономическую, поможет ускорить развитие промышленности и сельского хозяйства. Другими словами, теоретик новой экономической политики стоял за более гармоничные отноше-

ния между городом и деревней, допуская, правда, определенный перекося на начальном этапе в сторону выкачивания средств из крестьянства. У Сталина эти выводы поначалу возражений не вызвали.

Бухарин видел на пути кооперирования крестьянства, и это стоит особо подчеркнуть, возможные варианты ограничения влияния кулака, но ограничений не административных, а экономических. По сути, это было конкретизацией ленинских идей кооперирования крестьянства, но без насилия, реквизиций, давления и угроз.

Но уже в 1928-м и особенно в 1929 году и дальше слова «врастание в социализм», «кулацкие кооперативы» будут расцениваться Сталиным не просто как отступление от ленинизма, а как прямые «враждебно-диверсионные планы правого уклона». Все эти идеи будут однозначно расценены генсеком как оппортунистическая ересь «враждебных социализму элементов».

Бухарин пытался доказывать, что в Советской России не осталось крупных организованных враждебных политических сил, которые бы представляли серьезную опасность социалистическому государству. Насилие в отношении крестьянства будет иметь далеко идущие тяжелые последствия, пророчески предупреждал Бухарин. Но в своем подходе Бухарин, возможно, упускал две вещи: с одной стороны, медленные темпы развития, рассчитанные на десятилетия, ставили под угрозу само существование социализма в России, а с другой — без большого притока средств индустриализацию страны осуществить было невозможно. Оптимальное решение, видимо, лежало где-то посередине. Но что касается гуманной стороны доктрины Бухарина, она не может не вызывать уважения к ее автору за высокую этическую одушевленность, правильное, гуманное понимание созидательной стороны миссии пролетариата.

В 1925—1927 годах Бухарин вместе со Сталиным представляли самых влиятельных партийных руководителей. Он помог Сталину показать политическую несостоятельность и опасность оппозиции Троцкого, Зиновьева и Каменева, хотя старался поддерживать с ними лояльные отношения. В результате вывода из состава Политбюро Троцкого, Зиновьева и Каменева вес Сталина и Бухарина в решении текущих и стратегических задач заметно возрос. Совсем еще недавно, когда оппозиционеры, лишенные теперь политического влияния, нападали на Бухарина, Сталин запальчиво отвечал им:

— Крови Бухарина требуете?! Не дадим вам его крови, так и знайте.

Обращает на себя внимание не только сам факт защиты Бухарина, а содержание «кровавой» метафоры. Тогда это многим казалось случайностью...

В Политбюро два ведущих деятеля в известном смысле дополняли друг друга. Сталин решал все организационные, политические вопросы, а Бухарин занимался изложением теоретических принципов деятельности. Без преувеличения можно сказать, что до начала 1928 года Сталин во многом руководствовался бухаринскими взглядами на решение экономиче-

ских вопросов, как бы полагался на него. В этом факте мы еще раз отмечаем характерное заимствование Сталиным чужих взглядов, которые у него потом трансформировались в собственные. После Троцкого Сталин обогатил свое мировоззрение уже за счет идей Бухарина, его понимания аграрных проблем. Но чем же объяснить, что Сталин вдруг начал отворачиваться от Бухарина? Почему генсек, разделявший дотоле его взгляды, вдруг счел их «правым уклоном»? Почему их личная дружба быстро выросла в устойчивую неприязнь?

Думается, что причин здесь несколько. Прежде всего Сталина озадачивала растущая в народе и партии популярность Бухарина — теоретика, политического деятеля, обаятельного руководителя. Авторитет Бухарина в партии в тот момент мало чем уступал авторитету Сталина. Генсека насторожила и одна из статей Бухарина, посвященная Ленину, в которой тот писал: «Потому что у нас нет Ленина, нет и единого авторитета. У нас сейчас может быть только коллективный авторитет. У нас нет человека, который бы сказал: я безгрешен и могу абсолютно на все сто процентов истолковать ленинское учение. Каждый пытается, но тот, кто выскажет претензию на все сто процентов, тот слишком большую роль придаст своей собственной персоне». В этих словах Сталину послышался откровенный выпад в собственный адрес: ведь в упомянутых уже лекциях об основах ленинизма, которые генсек прочел в Свердловском университете, он выступил толкователем всего ленинского учения... Разве это не ясно? А потом: как это «нет единого авторитета»? А авторитет Генерального секретаря?

Другая причина кроется в волюнтаристски-волевых чертах характера генсека. Коллективизация началась в целом успешно, лучше, чем ожидали, чем то, на что ориентировал Бухарин. Сводки, реляции, доклады с мест, информация аппарата постепенно убеждали Сталина, что при соответствующем нажиме наметки, связанные с коллективизацией, могут быть радикально пересмотрены. Сталин все чаще говорил в узком кругу:

— Без решительного перелома в деревне, хлеба у нас не будет.

Ему охотно поддакивали Молотов и Каганович. У Сталина исподволь зрела идея сократить сроки переустройства сельского хозяйства. Когда же нажим вызвал глухое, но широкое сопротивление крестьянства, особенно кулака, неожиданно пришло «гениальное» решение — ускорить его «ликвидацию как класса».

Бухарин не был против ни индустриализации, ни коллективизации, он был не согласен прежде всего с методами решения этих исторических задач, ведь речь шла о человеческих судьбах. В конечном счете, рассуждал Бухарин, все преобразования должны служить человеку, социализму, а не наоборот! Но интеллектуальная совесть у тех членов Политбюро, от которых зависело принятие оптимально (а не обязательно радикального!) решения, не была столь утонченной, как у Бухарина. Еще один шанс совести был упущен.

Даже Троцкий, наблюдавший теперь со стороны борьбу в Политбюро, сказал своим помощникам: «Правые могут затравить Сталина», — имея в виду, что в распоряжении сторонников Бухарина пост главы государства, руководство профсоюзами, теоретическое лидерство. Шанс был... Неустойчивый баланс длился недолго, хотя одно время казалось, что умеренная линия Бухарина одержит верх. Сталин уже тогда был непревзойденным мастером аппаратной обработки, славился умением довести свое решение до конца.

Рыков, ставший преемником Ленина на посту Предсовнаркома, и Томский (настоящая фамилия Ефремов), почти бессменный руководитель советских профсоюзов, не видели в Сталине бесспорного лидера, а Бухарина поддерживали не из личных соображений, а по своим убеждениям. Попытки Сталина повлиять на них успеха не имели. Пятаков как-то назвал Рыкова и Томского «убежденными нэпистами». Думается, что это соответствует действительности. Но вся беда в том, что борьба против Сталина шла в стенах кабинетов, в самом узком кругу. Ни Бухарин, ни его сторонники не решились обратиться к общественному мнению, партии: опасность прослыть «фракционером» в то время была очень реальной. Бухарин, будучи глубоко убежденным в гибельности аграрного курса Сталина, не нашел, к сожалению, путей, чтобы получить широкую поддержку среди людей, не приемлющих насилия, диктаторства, «чрезвычайных мер». Он пробовал вернуться к спокойному диалогу со Сталиным, но тот принимал его только на условиях полной капитуляции. Опальный лидер мучительно размышлял: «Иногда я думаю, имею ли я право молчать? Не есть ли это недостаток мужества?» Презируя Сталина, он до конца своих дней так и будет надеяться, что у того проснутся благоразумие, порядочность, терпимость...

Этапом, резко ухудшившим их отношения, стала публикация Бухариным на страницах «Правды» 30 сентября 1928 года знаменитой статьи «Заметки экономиста». В ней упрямый Бухарин вновь утверждал необходимость и возможность бескризисного развития и промышленности и сельского хозяйства. Любые другие подходы в решении проблемы Бухарин называл «авантюристическими».

Через неделю Политбюро осудило это выступление Бухарина, и Сталин перешел в решительное наступление. В долгих злых дискуссиях в Политбюро компромисса найти уже не могли. Многие заседания не протоколировались, а записывались лишь решения, которые свидетельствовали о том, что Сталин все больше одерживал верх. Бухарин остался в меньшинстве. По ряду пунктов пошел на уступки Рыков, заколебался Томский. Сталин начал требовать, чтобы Бухарин «прекратил свою линию торможения коллективизации». В острой перепалке Бухарин запальчиво назвал Сталина «мелким восточным деспотом».

Видя, что позиции умеренных слабеют, Бухарин решился на необдуманный шаг, придя неожиданно 11 июля к Каменеву на квартиру, фактически пы-

таясь установить нелегальные отношения с бывшей оппозицией, которую ранее он сам помог Сталину разгромить. Затем был у Каменева еще дважды. Встречи были наедине. О чем долго беседовали два бывших соратника Ленина, видимо, мы никогда точно не узнаем. Правда, в записях Каменева, как утверждал Троцкий, говорилось, что Бухарин был и взбешен и подавлен. Он без конца повторял, что «революция погублена», что «Сталин — интриган самого худшего пошиба» и что он уже не верит, что можно что-либо изменить. Характерно, что содержание этого разговора троцкисты распространили в подпольной листовке, датированной 20 января 1929 года. За подлинность этих данных, естественно, ручаться нельзя.

Сталину, конечно, сообщили об этих контактах Бухарина, и на апрельском Пленуме (1929 года) они будут одними из самых страшных аргументов против Бухарина. Контакты с Каменевым совершенно ничего не дали умеренным, однако сталинский ярлык «фракционера» Бухарин заработал. Тогда он еще раз решил обратиться к общественному мнению. В пятую годовщину смерти В. И. Ленина в «Правде» 24 января 1929 года появилась статья теряющего под ногами почву Бухарина «Политическое завещание Ленина», представляющая изложение его доклада на траурном заседании.

В статье говорилось о ленинской концепции построения социализма, о важности неповской политики, о демократизме решений. Бухарин писал, что в ленинских статьях «развивается курс на индустриализацию страны на основе сбережений, на основе повышения качества работы при кооперировании крестьянства, т. е. наиболее легкого, простого и без всякого насилия (разрядка моя. — Д. В.) способа вовлечь крестьянство в социалистическое строительство». Пожалуй, в этой формуле — кредо Бухарина, но самое главное, заголовок статьи напоминал коммунистам (кто знал и кто помнил), что «Завещание» предполагало и перемещение Сталина с поста генсека на другой пост. Бухарин далее с горечью произносит глубоко пророческие слова: «Совесть не отменяется, как некоторые думают, в политике».

Сталин, как всегда, занялся «инвентаризацией» ошибок и промахов своего врага, на этот раз Бухарина, у которого их тоже нашлось немало. Генсек посчитал, что бухаринский лозунг «Обогащайтесь!» выражает суть кулацкого мировоззрения, а его установка на «припаивание» кулачества к социализму просто враждебна. Сталин, порывшись в своей памяти и покопавшись в бумагах, припомнил еще одно прегрешение Бухарина. Николай Иванович на одном из Пленумов ЦК, а точнее 25—27 октября 1924 года, когда обсуждались вопросы работы в деревне, неожиданно для всех выступил с предложением «колонизировать» деревню. Но под «колонизацией» Бухарин предполагал посылку 30 тысяч работников из города в село. И хотя партия прибегнет к этому совету позже, Сталин бросит не один увесистый камень в Бухарина за эту идею. Всем, как и Сталину, было ясно, что «колонизация» — в данном случае просто неудачный термин, выражающий оказание по-

мощи города селу. Однако Сталин умел и пустяк превращать в «политическое дело».

Апрельский и ноябрьский Пленумы ЦК и ЦКК, рассмотревшие в 1929 году вопрос о правом уклоне в ВКП(б), завершили начатый генсеком разгром группы Бухарина. В трехчасовой злой речи на апрельском Пленуме Сталин обрушился на Бухарина за отказ от предложенного ему Политбюро 7 февраля компромисса. А это означает, констатировал Сталин, что в партии теперь «есть линия ЦК, а другая — линия группы Бухарина». Сталин сыпал словами: «чепуха», «ерунда», «книжонки Бухарина», «немарксистский подход», «знахарство», «липовый марксист», «разглагольствования», «полуанархическая лужа Бухарина».

Главный удар в своей речи (не докладе!) Сталин нанес Бухарину как теоретика. Поскольку после Ленина Бухарин справедливо считался ведущим теоретиком в партии, Сталин решил его развенчать и заявил: «Теоретик он не вполне марксистский, теоретик, которому надо еще доучиваться для того, чтобы стать марксистским теоретиком». Здесь, конечно, Сталин не преминул привести ленинскую оценку Бухарина, сделав особый акцент на ее второй части. «В нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)». Таким образом, это, по словам Сталина, «теоретик без диалектики, теоретик-схоластик». И дальше он долго перечислял все разногласия, которые были у Бухарина с Лениным, расценив их как попытки учить вождя революции. Да это ведь и неудивительно, если еще недавно «теоретик-схоластик» состоял в «учениках у Троцкого, который вчера еще искал блока с троцкистами против ленинцев и бегал к ним с заднего крыльца!» В таком же духе выдержано все выступление Сталина, уже уничтожающей критике были подвергнуты и Рыков с Томским. К слову сказать, эта речь была опубликована лишь много лет спустя в собрании сочинений Сталина.

Бухарин и Рыков были смещены со своих постов, но пока остались в Политбюро. Поскольку резолюция Пленума была разослана во все местные партийные организации, началась проработка «правых» по всей стране. «Правда», другие органы печати систематически публиковали материалы, предававшие анафеме лидера «правых», а это служило одновременно и фактическим сигналом к форсированию коллективизации. О добровольности этого процесса уже не говорили, но Бухарин по-прежнему продолжал считать, что двадцатипроцентный прирост промышленной продукции — предел, после которого сельское хозяйство не выдержит.

В ноябре на Пленуме ЦК была утверждена «генеральная линия» ЦК на всеобщую коллективизацию. Бухарин все равно не хотел каяться, как от него требовали, и тогда 17 ноября 1929 года его вывели из состава Политбюро. Путь Бухарина от радикального левака до умеренного руководителя закончился. Правда, спустя неделю, мучаясь угрызениями совести и стыдясь своего малодушия, Бухарин, Ры-

ков и Томский написали краткую записку в ЦК, где осуждали свою позицию:

«Мы считаем своим долгом заявить, что в этом споре оказались правы партия и ее ЦК. Наши взгляды оказались ошибочными. Признавая эти свои ошибки, мы, со своей стороны, поведем решительную борьбу против всех уклонов от генеральной линии партии и, прежде всего, против правого уклона». Сталину не понравилось, что в заявлении не было прямо указано о его, генсека, правоте. Ну, да ладно. С Бухариным покончено.

Сталин расчищал себе место на пьедестале — еще один соратник Ленина оказался на обочине. Генсек почувствовал, что он может, вправе, в состоянии единолично принимать самые крупные решения. А разве, думал он, это противоречит принципам диктатуры пролетариата, роли вождя в революции?!

О ДИКТАТУРЕ И ДЕМОКРАТИИ

Томики сочинений В. И. Ленина в библиотеке Сталина густо испещрены рукой владельца. Но вот одна деталь: изучая, знакомясь, а может быть, просто выискивая нужную цитату или мысль у Ленина, генсек, судя по пометкам, мало интересовался ленинскими идеями о демократии, зато там, где речь идет о диктатуре пролетариата, им сделано много пометок.

...Шло начало 1917 года. Находясь в то время вдаль от России, Ленин с головой ушел в теоретическую работу. Записи в тетради, которые вошли в историю как знаменитая «синяя тетрадь», были озаглавлены — «Марксизм о государстве». В тревожные дни июля, когда Временное правительство пыталось разгромить партию большевиков и физически уничтожить вождя революции, Ленин продолжил свою работу над книгой, уже в Разливе. На основе богатых авторских заметок, собранных в «тетрадке», положений, идей, высказанных основоположниками научного социализма, Ленин за несколько недель августа — сентября написал свой известный труд «Государство и революция». Об этой книге написано множество работ, нас же сейчас интересуют ленинские идеи о государстве переходного периода, которое будет существовать в форме диктатуры пролетариата. Ленин вопрошает:

«Каково же отношение этой диктатуры к демократии?» — и отвечает словами «Коммунистического Манифеста»: «превращение пролетариата в господствующий класс и завоевание демократии». Да, подчеркнем это особо: Ленин видел в диктатуре инструмент для подавления эксплуататоров, угнетателей. Без этого нельзя было и браться за социальное переустройство общества, бороться за материализацию идеалов социализма. Но диктатура — явление исторически преходящее. Приведем еще одну выдержку из ленинской работы. Диктатура пролетариата, писал Ленин, непосредственно связана «с полным развитием демократии, т. е. действительно равноправного и действительно всеобщего участия всей массы населения во всех государственных делах».

Сталин никогда не понимал, не хотел понимать сути пролетарской демократии, самого существа на-

родовластия. Знакомство с его архивом свидетельствует: демократия для него была не более чем свободой поддерживать — только поддерживать! — решения партии, вождя. Ну, а поскольку, как полагал Сталин, партию олицетворяет он, вождь, генеральный секретарь, то подлинный демократизм заключается в согласии, одобрении его выводов, решений, намерений. Не сразу заметили, что, разделившись с Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Бухариным, Пятаковым, Рыковым и другими, мыслящими иначе, чем он, Сталин подчеркивал при этом их разногласия не с ним, а с ...ленинизмом. Это был один из самых коварных, антидемократических приемов Сталина, вот почему никто и не мог тогда оказаться правым в полемике, схватках со Сталиным — для этого, по сути, надо было развенчивать Ленина.

Да, конечно, есть вопросы, по которым Сталин выступал формально с ленинских позиций (о возможности построения социализма в СССР). Но ведь в конце концов Сталин так все представил, что его ошибки в национальном вопросе, отрицательное отношение к «позднему» нэпу, ложная концепция классовой борьбы и дифференцированное понимание сути коллективизации, роль аппарата в политической структуре государства были не чем иным, как истинной интерпретацией подлинного ленинизма! Однажды, схватившись с Бухариным накануне его вывода из состава Политбюро, Сталин гневно бросил:

— Вся ваша компания — не марксисты, а знахари. Никто из вас не понял Ленина!

— Что же, один ты понял?!

— Я повторяю, вы не поняли Ленина! Разве ты забыл, сколько раз тебя бил Ленин за левачество, оппортунизм и путаницу?

В узурпации монополии на толкование ленинских положений находится, повторяем, один из истоков многих трагедий будущих лет. Никто серьезно не смог тогда показать глубокую несостоятельность догматических претензий Сталина на единственного толкователя ленинского наследия.

В диктатуре пролетариата, родившейся в Октябрьские дни 1917 года, насилие занимало ведущее место. Шла борьба за то, чтобы победить, устоять, выжить. Но как-то так сложилось, что не только в буржуазной литературе, но порой и в марксистской, особенно в двадцатые и тридцатые годы, признавалась лишь эта грань диктатуры. В то же время Ленин предполагал в диктатуре пролетариата функцию созидательную, демократическую, которая с самого начала имеет тенденцию стать главной и единственной.

Сталин всегда был склонен считать аксиомы, сформулированные основоположниками научного социализма, как бы вечными, застывшими, непреходящими. Нет, на словах он часто соглашался с изменениями в ткани бытия и, естественно, в общественном сознании. Но что касается диктатуры пролетариата как формы власти трудящихся, для него навсегда главным остался насильственный элемент.

Подводя итоги первой пятилетки, Сталин включил в доклад специальный раздел об итогах и задачах

борьбы «с остатками враждебных классов». Хотя это и «остатки», Сталин тем не менее призвал вести с ними «непримиримую борьбу». И ни слова о перевоспитании, включении многих «бывших», членов их семей, специалистов в новую жизнь, которая быстрее и эффективнее способна менять их умонастроения и «классовые инстинкты». Сталин, рисуя социальную картину общества, говорил: «Остатки умирающих классов: частные промышленники и их челядь, частные торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы... расплозились по нашим заводам и фабрикам, по нашим учреждениям и торговым организациям, по предприятиям железнодорожного и водного транспорта и главным образом — по колхозам и совхозам. Расплозились и укрылись они там, накинув маску «рабочих» и «крестьян», причем кое-кто из них пролез даже в партию.

С чем они пришли туда? — продолжал Сталин. — Конечно, с чувством ненависти к Советской власти, с чувством лютой вражды к новым формам хозяйства, быта, культуры... Единственное, что остается им делать, — это пакостить и вредить рабочим, колхозникам, Советской власти, партии. И они пакостят как только могут, действуя тихой сапой. Поджигают склады и ломают машины. Организуют саботаж. Организуют вредительства в колхозах, совхозах, причем некоторые из них, в числе которых имеются и кое-какие профессора, в своем вредительском порыве доходят до того, что прививают скотине в колхозах и совхозах чуму, сибирскую язву, способствуют распространению менингита среди лошадей и т. д.»

После такой мрачной картины, рисуемой ситуацией в стране на конец 1933 года, честных людей брала просто оторопь. Кругом враги, вредители, «остатки эксплуататорских классов», которые почему-то так же опасны, как и в первые годы Советской власти. Конечно, людей, не принявших Советскую власть, было немало, и это естественно, но они совсем не представляли той грозной опасности, которую изобразил Сталин. А нарисовал он эту жуткую картину лишь для того, чтобы резюмировать: «Сильная и мощная диктатура пролетариата — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развезть в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации».

Таких выступлений Сталина в конце двадцатых — начале тридцатых годов было много. Настоящее безумие 1937—1938 годов не возникло бы, если бы сознание людей, вся система, ее институты исподволь к этому не готовились, если бы людей не приучали к мысли, что среди них везде — на производстве, в вузе, воинской части, творческом коллективе — есть «притаились» люди, ждущие своего часа... Призыв, лозунг, директива могли бросить многих граждан на то, чтобы, как говорил Сталин, «добить последние остатки капитализма». Отсюда один шаг до террора, или по крайней мере готовность к нему. Становится понятным, почему Сталин, делая пометки на тексте речи В. И. Ленина на заседании

Петроградского Совета 17 ноября 1917 года, оставил без внимания такие строки вождя: «Террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять». Правда, Ленину тоже пришлось применять. Сам он считал иначе. «Репрессии в области социалистического строительства, — заявил Сталин на XVI съезде партии, — являются необходимым элементом наступления».

Забвение демократической грани диктатуры пролетариата грозило рано или поздно «отлучить» массы от социального творчества, превратить людей в простых исполнителей, «винтики» гигантской государственной машины. Может быть, некому было напомнить Генсеку, «лучшему ленинцу», что социализм «невозможен, — говорил Ленин, — без демократии в двух смыслах: (1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготавливается к ней борьбой за демократию; (2) нельзя победившему социализму одержать своей победы». В. И. Ленин на другой день после Октября произнес слова, которые были актуальны в семнадцатом, очень нужны были нам при переходе от двадцатых годов к следующему десятилетию, да и сейчас не стоит их забывать: «Мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам».

Сталин не сомневался — ведь об этом писали классики! — диктатура имеет приоритетное значение перед демократией. А если и посещало его в редкие минуты смятение мыслей, окружающие вряд ли могли заметить это: лицо, не выражающее эмоций, словно было создано для множества мраморных копий, которые скоро появятся в сотнях, тысячах городов, дворцах, на площадях. До чего узко, начетнически трактует диктатуру и демократию компания Бухарина! Например, разве не ясно, что роль рабочего класса надо повышать, поднимать? Каждый крестьянин должен видеть в рабочем своего вождя! В октябре 1930 года Сталин предложил «закрепить твердо» рабочих за своими предприятиями, и тут до него дошли признаки глухого недовольства.

Он никак не мог понять: почему социал-демократическая печать, как и враждующий с ней Троцкий, столь яростно атакует его партийный аппарат, диктатуру? Разве не ясно, что это важнейший инструмент власти? Генсек вновь и вновь убеждал себя в своей исторической правоте: аппарат — орудие диктатуры, а без диктатуры бессмысленны даже разговоры о социализме, демократии.

Сталин много говорил о равенстве, общественных интересах, как исходных посылок социалистической демократии. Беседуя в 1936 году с группой работников ЦК, отвечающих за подготовку учебников, Сталин подчеркнул:

— Наша демократия должна всегда на первое место ставить общие интересы. Личное перед общественным — это почти ничего. Пока есть лодыри, враги, хищники социалистической собственности, — значит, есть люди, чуждые социализму, значит, нужна борьба...

«Личное перед общественным — это почти ничего». Не замечая глубоких изъянов подобной сентенции, мы постепенно воспитали людей в понятии, что все мы хозяева общественной собственности. А то, что принадлежит всем, как известно, не принадлежит никому — чувство хозяина-то исчезает. Постепенно восторжествовали уравнилельные принципы, сформировался тип равнодушного работника, боящегося «переработать», человека, спокойно смотрящего на приписки, откровенное воровство: «Что, государство станет от этого беднее?»

Сталин не выступал против демократии только потому, что понимал ее так, как может понимать деспот. Ведь те тоже не прочь создавать послушные парламенты, иметь традиционную атрибутику с выборами, присягами, клятвами. В беседе с Г. Уэллсом Сталин в центр всех своих рассуждений поставил власть «как рычаг преобразований», рычаг новой законности, нового порядка. Но ни разу (!) он не поставил власть в плоскость народовластия! Генсек ничего так не любил на свете, как власть, — полную, неограниченную, освященную «любовью» миллионов. И здесь он преуспел: ни одному человеку в мире не удалось и никогда, видимо, больше не удастся совершить фантастическое — уничтожить миллионы собственных сограждан и получить взамен слепую любовь еще большего количества людей.

Со временем для Сталина жертвенность стала одним из неотъемлемых атрибутов социализма. Когда затевалась новая стройка в Сибири, на Севере, то в «плановом порядке» определялась потребность в покрытии «естественной убыли». С конца двадцатых годов недостатка в дешевой и бесправной (часто обреченной) рабочей силе не было. Все предложения по использованию огромных масс заключенных Сталиным поддерживались. Он или бросал помощнику: «Согласен», или коротко расписывался на документе.

Для реализации своей силы такая диктатура пролетариата невольно требовала создания машины принуждения, крупного карательного аппарата.

Дефицит народовластия стал быстро вести к появлению первых мощных ростков переоценки роли одной личности, наделению Сталина некоей мифической, мессианской ролью.

Один из глубинных источников многих человеческих бед, в том числе и культового характера, заключается в дуализме (раздвоенности) личности, как у мольеровского Тартюфа. Для Сталина это стало нормой: осуждать вождизм и укреплять его; критиковать иезуитство и поощрять его на практике; говорить о коллективном руководстве и сводить его к полному единоначалию.

Уже в начале тридцатых годов Сталин резко сократил свои и без того крайне редкие выезды на предприятия, в области, воинские части. С одной стороны, он плохо знал производство и ему не хотелось вникать в «земные» дела, связанные с технологией, производительностью труда, рентабельностью. С другой — у него постоянно существовало предчувствие, что на него готовится покушение. Он знал, что у него есть враги, верил, что Троцкий или кто-нибудь

из «бывших» могут организовать покушение. Вот доклады же опять Ульрих о такой попытке:

«Секретарю ЦК ВКП(б), тов. И. В. Сталину.

16 декабря с. г. после двухдневного разбирательства в закрытом заседании Военная коллегия Верховного Суда СССР вынесла приговор по делу группы шпионов и террористов, подготавливавших по заданию германского подданного терркт на Красной площади 7 ноября 1935 г. Приговорены к расстрелу Г. И. Шур, В. Г. Фрейман, С. М. Певзнер, В. О. Левинский...»

Да, охотятся за ним, но он вырвет самые корни этих недобитков, вырвет.

Мало кто знает, что Сталин любил размышлять, стоя у карты, оглядывая, как владыка, гигантскую схему страны. Не обладая богатым воображением, он, однако, представлял, как миллионы людей трудятся в этот момент над воплощением его, вождя, указаний. Иногда он водил пальцем по карте: Турксиб, Магнитка, Днепрогэс, Беломорско-Балтийский канал, Кузбасс, долго задерживался взглядом на колымских краях. Даже чтобы разглядеть их, эти «края», надо было сделать несколько шагов вправо...

Сталин мог с удовлетворением и долго разглядывать карту, находя на ней Сталинград, Сталинск, Сталинабад.

Именно ему мы обязаны утверждением крайне негативной вождистской практики присвоения имен партийных, государственных, творческих деятелей городам, районам, предприятиям, вузам, театрам... Практически в стране уже к концу двадцатых годов не осталось областей, где бы имя Сталина не было присвоено какому-нибудь производственному, административному или культурному объекту. Славословия в адрес вождя становятся обычными в любом служебном докладе, где попутно превозносился уже и вождь «местного» масштаба.

Наиболее активными в создании культа вождя были Молотов, Ворошилов и Каганович. Их голоса звучали громче всех. Но, как это ни странно, в этом же хоре звучали и голоса Зиновьева, Каменева, Бухарина, некоторых других опальных руководителей. Порой просто неудобно читать их речи и статьи, особенно Зиновьева, покайнно секущего себя за прошлые ошибки и прославляющего «прозорливость и мудрость вождя партии товарища Сталина». Даже Н. И. Бухарин не удержался от ластивых слов в адрес человека, которого еще в 1928 году называл «Чингисханом». Кто знает, может быть, они действительно разуверились в том, за что боролись, или просто инстинкт самосохранения давил на разум? Больше всех старался Карл Радек, которого Сталин однажды в узком кругу называл «смелым троцкистом, к тому же без убеждений».

Потихоньку начали выходить сборники статей соратников Сталина о нем, незаметно стали пересматривать и недавнюю историю. В предисловии к Собранию сочинений Ленина В. Адоратский уже утверждал, что ленинские труды надо изучать вкупе со сталинскими, что концентрированное изложение

ленинских идей осуществлено в «Основах ленинизма».

Еще задолго до апогея культа делались попытки увековечить и политическую биографию Сталина. В его фонде есть письмо Е. Ярославского генсеку. В нем, в частности, говорится:

«Серго мне сегодня, уезжая, звонил, что говорил с Вами по поводу задуманной мною книги «Сталин».

На письме резолюция карандашом:

«Т. Ярославскому. Я против. Я думаю, что не пришло еще время для биографии. I.VIII.1931.

И. Сталин».

Весьма красноречиво: «Не пришло еще время». Триумф одной личности только начинался. Главное — постепенность, последовательность, неотвратимость... Важно сохранять на людях приверженность скромной манере держаться. Вот и сегодня он заметил, садясь не в первый, а во второй (!) ряд президиума совещания, как с новой силой вспыхнули аплодисменты, люди встали на цыпочки, чтобы рассмотреть его.

Рождается практика направления верноподданных писем-рапортов своему вождю. Началась деформация общественного сознания, которое отныне будет питаться не истиной, а все больше и больше культовыми мифами. Пропаганда все больше и больше делает акцент на веру: все, что сказал, выразил, сформулировал Сталин, непреложно, верно, не требует доказательств. Генсек в результате такой пропаганды выглядит человеком-полубогом, который никогда не ошибается, способен на высшее откровение, всевидение и всезнания.

В конце концов мифы, составляя духовную основу культа человека, сводятся к двум простеньким постулатам:

— Вождь партии и народа — в высшей степени мудрый человек. Сила его интеллекта способна ответить на все вопросы прошлого, разобраться в настоящем, заглянуть в ближайшее и дальнее грядущее. «Сталин — это Ленин сегодня».

— Вождь партии и народа — глубокое олицетворение абсолютного добра, заботы о каждом человеке, отрицающий зло, невежество, вероломство, жестокость. Улыбающийся усатый человек, держащий маленькую девочку с красным флажком в руках.

Система мифов, без которых невозможен культ личности, стала закрепляться ритуалами (обязательная ссылка на руководящие указания, принятие встречных планов, отправление благодарственных писем, насаждение внешней символики). Чем выше превозносили Сталина люди, творившие своего бога на земле, тем больше они объективно унижали себя. Прав был Лихтенберг: «Слава знаменитейших людей всегда отчасти объясняется близорукостью тех, кто ими восхищается».

Видел ли сам Сталин аморальность этого курса? Предпринимал ли генсек сознательные шаги по усилению цезаризма? На все вопросы следует ответить однозначно: да, видел, знал, делал. Даже отдельные жесты «скромности», которые иногда позволял себе

Сталин, служили, как мы помним, той же цели. Он же не мог не понимать уродливости положения, когда над головами демонстрантов плывут тысячи одинаковых портретов с его изображением, когда в каждом номере «Правды» можно насчитать десятки упоминаний его «стальной» фамилии, а любое положительно решенное дело всегда связывают с его мудростью, заботой, предвидением.

Сталин знал, что, кроме культов вождей, богов, императоров, в истории были попытки создания и иных культов. Еще Робеспьер и другие депутаты Конвента пытались утвердить в сознании народа культ «верховного существа». В декрете Конвента говорилось, что «культом, достойным верховного существа, является исполнение человеком его гражданских обязанностей». Это, по сути, была новая государственная религия республики. Робеспьер, держа в руках цветы и колосья ржи, выступил на грандиозном празднестве в честь «культа верховного существа». Он надеялся, что с его помощью граждане республики станут рыцарями долга и чести. Робеспьер жестоко ошибся. Сталин, читая книгу о Робеспьере, не мог понять, как такой вождь не понял главного: ему нужно было укреплять собственную власть, создать собственный культ, а не рождать эфемерные призраки общечеловеческой нравственности.

Чтобы не было никаких осечек, по указанию Сталина Товстуха, Двинский, Каннер, Мехлис, а затем и Поскребышев были обязаны просматривать и визиловать все более или менее крупные материалы о нем и его фотографии, предназначенные для печати, о наиболее же важных докладывать лично ему. Сам Сталин давно понял, что привлекательность образа вождя (как ныне говорят, «имидж» руководителя) больше всего зависит от внешнего спокойствия, невозмутимости, величавой медлительности. Разве в великой сумятице клокочущего мира это не является редким и даже уникальным?

Иногда люди пытаются определить, с какого момента начался культ личности Сталина. Кто первый «позвал» славословить генсека? Думаю, не в этом дело: если бы взахлеб не стал славить Сталина, положим, Ворошилов, это начал бы делать кто-нибудь другой — в тех условиях это было почти неизбежно. Почти полное отсутствие гласности в делах высших руководителей, придание особого веса «секретности», ликвидация всякого контроля трудящихся за деятельностью высших эшелонов власти — все это рождало условия для обожествления вождя.

«Тайны» культа не в личностях, а в том процессе, который стал быстро развиваться после смерти Ленина. Опыт социалистической государственности был очень незначительным: ослабление подлинной выборности на всех уровнях, отсутствие сменяемости и обновления руководства, создание «номенклатурных» работников, усиление роли аппарата, выдвижение в качестве универсального средства решения социальных вопросов насилия — все это и многое другое создали предпосылки глубоких деформаций в сфере общественного и индивидуального сознания.

Конечно, главные причины единовластия, продол-

жавшего расти, находились в недрах самого государства, его истории, традициях, особенностях создаваемой системы. Основная идейная «заслуга» Сталина здесь заключается в том, что он смог своим изощренным умом добиться, чтобы в конце концов его имя олицетворяло социализм. А дальше логика проста: славословие, защита, укрепление социализма есть одновременно и славословие, защита и укрепление позиций Сталина. И еще: после смерти Ленина, подлинного вождя, партия фактически не сомневалась, что вождь должен быть и после него. Цезаристские настроения в массах, огромное значение аппарата в деле узурпации власти стали понятными генсеку ранее, чем кому-либо другому.

В организационном отношении «заслуга» Сталина еще более очевидна: он смог превратить партию в инструмент, машину личной власти. Советы, заняв уже с конца двадцатых годов подчиненное, а затем вспомогательное, порой просто бутафорское положение, утратили реальную власть. Партия, которая должна была осуществлять политическое, идейное руководство обществом, полностью взяла на себя государственные функции, стала политическим орденом.

Нельзя отрицать и международное влияние на процесс формирования деспотического единовластия в стране. Наличие реальной угрозы империалистического нападения давало в руки партии постоянный, фактически бессрочный аргумент в необходимости централизации, ограничения демократии, превращения страны в «осажденную крепость», полувоенный лагерь, который, естественно, требует политического полководца. Коминтерн, все более терявший свою независимость, освящал авторитетом коммунистических партий вождизм Сталина. Да и редкие буржуазные деятели, решавшие вести дело с СССР, предпочитали иметь дело напрямую со Сталиным, чем с его огосударвленной партией.

Таким образом, все или почти все (кроме совести) «работало» тогда в большей или меньшей степени на Сталина. При этом нельзя отбрасывать и такие моменты, как его плебейское происхождение, жажда «мудрого» руководства, традиционное историческое сознание, «освященное» самодержавием и сохранившее свои «анклавы» у значительной части населения. Самое страшное заключалось в том, что подавляющее большинство народа и партии искренне верили, что сталинский курс на единовластие и есть настоящий социализм.

Как видим в портрете Сталина, еще больше укрепившего свое положение в партии и государстве, начали ярче проступать многие черты, которые мы прямо связываем с будущими бедами. Ленинские слова про мелочи в характере Сталина, которые могут приобрести решающее значение, оказались пророческими.

«СЪЕЗД ПОБЕДИТЕЛЕЙ»

Разгром «правых» в партии обещал как будто спокойную обстановку. Бывшие оппозиционеры искали поводы, чтобы подчеркнуть свою лояльность Ста-

лину, свое «прозрение» и «полное согласие с генеральной линией партии». Каменев с Зиновьевым, например, несколько раз пытались установить прежние «добрые» отношения со Сталиным, еще раз приезжали к нему на дачу с «мировой». Многие люди падение с высокого поста расценивают как личную трагедию, не были исключением и эти «политические близнецы». Каменев в свои сорок с небольшим лет как-то сразу сдал, поседел и выглядел «моложавым стариком». В тех нечастых разговорах со Сталиным, которых ему удавалось добиваться по телефону или лично, Каменев неизменно находил повод для осторожных напоминаний об их совместном прозябании в ссылке, об общих разговорах с Лениным, касался и драматических событий при утверждении Сталина на пост генсека на XIII съезде и позже. Зиновьев и особенно Каменев не теряли надежды на возврат к старому политическому сотрудничеству и, естественно, на место в верхних эшелонах партийной иерархии.

Сталин прекрасно понимал, в чем дело. Его реакция была снисходительно-покровительственной, иногда он даже давал какую-то надежду опальным политикам. Но в душе генсек понимал, что люди, которым он в значительной мере обязан нынешним положением, ему не только не нужны, но могут оказаться и опасными.

Все свое внимание в начале тридцатых годов Сталин сосредоточил на революции в сельском хозяйстве, рывке в индустриализации, на консолидации сил своих сторонников. Быстрыми темпами росла промышленность, форсированно завершенная коллективизация. В 1932—1933 годах целый ряд районов страны опять охватил неурожай и, как следствие, голод. Голод этот, заметим, был вызван не только причинами природными, естественными, но и несбалансированностью хозяйства: население городов ежегодно увеличивалось почти на два с половиной миллиона человек — росло число «едоков».

Во многих районах, особенно на Украине, хлеб выбирался полностью. Сталин торопил, настаивал: заключенные контракты на зарубежное оборудование требовали оплаты. Цена индустриализации была горькой, трагической: здесь не только самоотверженность рабочего класса, но и неисчислимые жертвы крестьян, испокон веков на Руси делящих самую тяжкую долю. И в новое, советское время они познали и голод, и бесправие, и долгую беспросветность.

Неразбериха с организацией сельхозпроизводства, низкая производительность труда не дали высоких прибавок в товарном зерне. Во многих колхозах была невысокой трудовая дисциплина, стало процветать хищение хлеба. В августе 1932 года по инициативе Сталина было принято специальное постановление ЦИК и Совнаркома СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». В сталинской редакции им вписана специальная фраза: «Люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа».

Голод охватил области с общей численностью населения в 25—30 миллионов человек. Особенно тяжелые последствия, как известно, были на Украине и в Поволжье. Недород был большим, а поставки государству остались прежними. Серьезной причиной голода была, повторяем, не только засуха, но и разлад крестьянского хозяйства в ходе коллективизации, насильственное изъятие сельхозпродукции. Новые коллективные хозяйства, еще не ставшие на ноги, получали повышенные задания по сдаче хлеба, а невыполнение планов расценивалось как саботаж, «подрыв политики партии в деревне».

Во многих случаях колхозники не получали даже минимума оплаты. Это привело к тому, что люди, вступившие в колхоз как вчерашние мелкие собственники, шли на различные нарушения, чтобы обеспечить себе пропитание.

Сталин, выступавший на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1933 года, ничего не сказал о голоде, а лишь глухо упомянул об имеющихся «трудностях и лишениях» в деревне.

Государство было не в состоянии оказать действительную помощь бедствующим районам. О голоде в стране не писали ничего — Сталин запретил публиковать какую бы то ни было информацию об этом, тем более что приближался очередной, XVII съезд партии.

Этот съезд, состоявшийся в январе — феврале 1934 года, партийная пропаганда назвала «съездом победителей», поскольку Сталин в Отчетном докладе ЦК назвал успехи партии и страны «великими и необычайными». Бесспорно, к 1934 году страна сделала заметный рывок в своем развитии.

Докладчик особо сделал ударение на том, что за три с половиной года после XVI съезда партии промышленность в стране удвоила объем выпускаемой продукции. Созданы новые отрасли производства: станкостроение, автомобильная промышленность, тракторная, химическая; появилось моторостроение, самолетостроение, комбайностроение; стали производить синтетический каучук, азот, искусственное волокно.

Тридцатые годы мы теперь привыкли измерять только трагическим масштабом, а ведь это были еще и годы невиданного энтузиазма, подвижничества, массового трудового героизма многострадального народа. Нам ведь сейчас порой даже трудно представить себе, как миллионы людей, часто имея минимум необходимого для человеческого бытия, верили, что они подлинны творцы коммунистического грядущего, что именно от их самоотверженности зависят не только их судьбы, но и судьбы мирового пролетариата.

Сталин всегда читал партийную газету полностью, а не выборочно, подчеркивая какие-то материалы. Чувство «единоличного хозяина» переполняло его.

Можно говорить с высоты сегодняшнего дня о наивности, прекраснотушии, огромной вере в Сталина простых людей нашего Отечества, которые построили для нас все то, на чем мы сейчас стоим. Но нельзя

не восхищаться их неукротимым энтузиазмом, гордостью за свершенное, уверенностью в том, что будущее в их руках. Невиданной силы высокая гражданственность, часто обрамленная культовыми ритуалами, — это и был тот огромный социальный заряд, рожденный Октябрем, верой в справедливость и лучшее будущее. Простые труженики были крайне неприятельны, довольствовались порой таким минимумом благ, который сегодня кажется просто катастрофическим. И мы всегда должны помнить этих людей, творцов, создателей, которых вождь чаще называл «массой», а реже «винтиками».

В это же время на страницах «Правды» встречаются сообщения, которые сегодня, когда мы многое знаем, вызывают у нас не просто настороженность, а глубокое понимание всей их трагической подоплеки.

В середине июля 1933 года «Правда» сообщала: «Товарищи Сталин и Ворошилов приехали в Ленинград и вместе с товарищем Кировым в тот же день выехали на Беломорско-Балтийский канал. По ознакомлении с работой канала и с состоянием гидротехнических сооружений выехали через беломорский порт Сорока на Мурманск».

Через две недели после этого публикуется постановление СНК СССР об открытии Беломорско-Балтийского канала имени т. Сталина.

На XVII съезде С. М. Киров в своей речи скажет: — Такой канал, в такой короткий срок, в таком месте осуществить — это действительно героическая работа, и надо отдать справедливость нашим чекистам, которые руководили этим делом, которые буквально чудеса сделали.

Точнее было бы сказать, что «чудеса» сделали сотни тысяч заключенных, недостатка в которых не было. После «раскулачивания», ужесточения борьбы с «остатками эксплуататорских классов» в распоряжении ОГПУ была огромная сила, которая построит не только Беломорско-Балтийский канал.

Широкое использование труда заключенных (а в тридцатые годы не было большей заботы, чем обеспечить их фронтом работ) не было новой идеей. Троцкий еще в середине двадцатых годов, развивая идею милитаризации труда, говорил, что «враждебные государству элементы должны направляться в массовом порядке на объекты строительства пролетарского государства». Совет сторонника насильственных методов, как видим, не остался незамеченным.

О достижениях в сельском хозяйстве Сталину в докладе говорить было труднее. Да, создано свыше 200 тысяч колхозов и пять тысяч совхозов, но развитие этой отрасли хозяйства, признал он, пошло «во много раз медленнее, чем в промышленности». Генсек подтверждал, что и отчетный период был для сельского хозяйства «не столько периодом быстрого подъема и мощного разбега, сколько периодом создания предпосылок для такого подъема и такого разбега в ближайшем будущем», и отметил тяжелое положение в области животноводства.

Обращает на себя внимание тот факт, что Сталин, громя на протяжении десяти лет многочисленные оппозиции, остался в конце концов без такой «работы».

Генсек и сказал об этом прямо: если на XVI съезде нам пришлось добивать приверженцев всяческих группировок, то на этом съезде и «бить некого». Хотя тут же, чтобы, не дай бог, не ослабили бдительность, противореча самому себе, сказал, что «остатки их идеологии живут еще в головах отдельных членов партии» и мы должны быть готовы их разбить. Но Сталин редко «бил» по идеологии, больше по ее носителям. Заявив, что страна идет к созданию «бесклассового, социалистического общества», тут же сделал вывод, что бесклассовости можно добиться только «путем усиления органов диктатуры пролетариата, путем развертывания классовой борьбы».

Среди 1225 делегатов съезда оказалось немало лиц, которые в свое время принадлежали к различным группировкам, фракциям, оппозициям, уклонам, — Сталин специально посоветовал Кагановичу обеспечить представительство этой немалой группы лиц, которые бы своими покаянными речами еще более усилили величие вождя, теперь уже одинокого на вершине власти. Все они, будучи «разгромленными», давно в различной форме повинились, искали возможности вновь заслужить расположение Сталина, теперь уже неизмеримо более сильного и авторитетного. Не все они, надо сказать, были беспринципными людьми, приспособленцами. Многие из этих бывших оппозиционеров искренне раскаивались часто в малозначащих «грехах», будучи подавленными в своей вине «громადьем» свершенного.

Спустя десятилетия, читая речи этих людей на том съезде, представляешь их унижение: как в религиозном покаянии они бичевали себя лишь для того, чтобы насытить чувство тщеславия и мести одного человека. Все это, однако, имело далеко идущие последствия для роковых 1937—1938 годов. Приведу несколько выдержек из выступлений бывших оппозиционеров, которые, по выражению Кирова, все эти годы «просидели в обозе». Кирову также принадлежат слова о том, что сейчас эти люди «пытаются... вклиниться в это общее торжество, пробуют в ногу пойти, под одну музыку, поддержать этот наш подъем... Вот возьмите Бухарина, например. По-моему, пел как будто бы по нотам, а голос не тот. Я уже не говорю о товарище Рыкове, о товарище Томском».

Вот что на «съезде победителей» говорил Бухарин, бывший «любимец партии» и ее теоретик: «Сталин был целиком прав, когда разгромил, блестяще применяя марксо-ленинскую диалектику, целый ряд теоретических предпосылок правого уклона, формулированных прежде всего мною... Обязанностью каждого члена партии является... сплочение вокруг товарища Сталина, как персонального воплощения ума и воли партии, ее руководителя, ее теоретического и практического вождя».

И нам трудно поверить в то, что это говорил человек, интеллектуальная совесть которого всегда была столь кристально чистой...

Теперь приведем фрагмент выступления вновь принятого в члены партии битого-перебитого Зиновьева, который был первым, кто выстроил в ряд четыре имени — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина: «Мы

знаем теперь все, — говорил он на съезде, — что в борьбе, которая велась товарищем Сталиным на исключительно принципиальной высоте, на исключительно высоком теоретическом уровне, что в этой борьбе не было ни малейшего привкуса сколько-нибудь личных моментов». Зиновьев назвал доклад Сталина «докладом-шедевром», долго и заискивающе говорил о «триумфе руководства, триумфе того (разрядка моя. — Д. В.), кто возглавил это руководство».

Да, это говорил человек, который много лет лично знал Ленина, учился у него, считал себя его соратником. Страх оказаться окончательно выброшенным на политическую обочину истории заставлял Зиновьева говорить все эти унижительные слова. Так же презрев достоинство и совесть, курили фимиами вождю Каменев, Радек, Преображенский, Ломинадзе, другие деятели партии, поверженные Сталиным в оппозиционной борьбе.

Генсек, сидя, как обычно, во втором ряду, с внешним безразличием, полузакрыв глаза, смотрел на выступающего Каменева. Быть может, ему вспомнилось в тот момент, как Каменев вел раньше съезды, заседания Политбюро, нетерпеливыми репликами стараясь повернуть выступления в нужную сторону. Однажды, когда их отношения уже испортились, Каменев бросил Сталину, перечислявшему ошибки оппозиции:

— Товарищ Сталин! Что вы, как овец, считаете: первое, второе, третье... Ваши аргументы не умнее этих овец...

— Если учесть, — быстро парировал генсек, — что вы одна из этих овец...

Что-то сейчас скажет Каменев?

А тот каялся, торопливо, неприлично, униженно, вымаливающе:

— Та эпоха, в которую мы живем, в которую происходит этот съезд, есть новая эпоха... она войдет в историю — это несомненно — как эпоха Сталина, так же как предшествующая эпоха вошла в историю под именем эпохи Ленина, и что на каждом из нас, особенно на нас, лежит обязанность всеми мерами, всеми силами, всей энергией противодействовать малейшему колебанию этого авторитета...

Думаю, даже Сталин тогда еще не знал, что через три года он сделает Каменева с Зиновьевым и многих других не просто «политическими трупами»: он физически уничтожит их руками своей «опричнины». Но что это — последнее на таком форуме выступление Каменева, Сталин уже знал тогда точно: хватит либеральничать!

Да, слушая все эти панегирики, он мог насладиться всей гаммой чувств триумфатора. Ведь он знал, что Каменев в разговоре с Троцким называл его «свиным дикарем», а Зиновьев в своем кругу именовал «кровавым осетином»; Бухарин не раз уязвлял Сталина за незнание иностранных языков; Радек, помнится, в первом издании книги «Портреты и памфлеты» не нашел для него, будущего генсека (!), и нескольких слов, а Преображенский, считавшийся крупным теоретиком, в одной из речей в 1922 году назвал генсека «неучем»...

Мест? Нет, это мелко! Пусть вся партия убедится, что во всех спорных вопросах, во всех дискуссиях, на всех переломных этапах правым оказывался только он, Сталин. И это говорит не он, а они, его бывшие оппоненты. Пусть все знают впредь, что он обладает не только политической волей, организаторскими способностями — это признается в партии уже давно, — но и то, что ему принадлежит особая мудрость, прозорливость, способность к предвосхищению и твердая рука... Съезд победителей? Может, съезд Победителя?

Если бы Сталин хорошо знал отечественную историю, то мог бы вспомнить весьма красноречивый эпизод. После разгрома Наполеона сенат решил преподнести Александру I в знак особых заслуг по спасению Отечества титул «Благословенный». Однако царь вежливо, но твердо отказался:

— Когда мы с Богом, то и Бог с нами...

А Сталин все ждал и ждал новых эпитетов, сравнений, новых клубов фимиама. Никто, правда, все же не додумался сказать: идет съезд Победителя, но многое тогда прозвучало впервые. Хрущев, как и Жданов, например, первым назвал Сталина «гениальным вождем», Зиновьев, мы уже отметили это, причислил его к лику классиков научного социализма, Киров определил генсека как «величайшего стратега освобождения трудящихся нашей страны и всего мира», Ворошилов сказал, что Сталин, «ученик и друг» Ленина, был еще и его... «оруженосцем».

Возможно, Сталин думал, что диктатура пролетариата должна иметь персональное олицетворение? Для демократии ведь не нужны лица, облеченные особой властью, чтобы её выражать, а диктатура класса... Все говорит о том, что Сталин считал нормальным для вождя первого в мире социалистического государства обладать неограниченными правами, которыми, как известно, обладают лишь диктаторы.

Устав от обвала восторженных эпитетов, Сталин с особым вниманием слушал выступления военных. После безудержного славословия, которого он ждал уже от каждого оратора, его неприятно поразила скупая на похвалы речь Тухачевского. Тот опять взялся за своё — излагает «проекты» технической реконструкции армии. Сказано же было ему, что слишком много фантазирует, — нет, не унимается. Сталину вспомнилось большое письмо Тухачевского, которое тот направил генсеку в начале тридцатых годов. В нем Тухачевский выражал свое недовольство отношением Сталина и Ворошилова к его предложениям по модернизации технической основы армии.

Сталин уже тогда из письма понял, что Тухачевский, у которого были натянутые отношения с Ворошиловым, полемизирует не с наркомом, а с ним, генсеком. Его удивила и независимость суждений этого военачальника, который, похоже, смотрит много дальше застывшего на уровне опыта гражданской войны наркома.

Когда на трибуну поднялся Ворошилов, то Сталин уже заранее знал, что скажет человек, ставший легендой, декорацией героического былого, — нарком

накануне съезда приносил показать ему свою речь. Ворошилов все ухищрялся найти в великом и могучем русском языке новые эпитеты. И, конечно, не обошелся без здравицы в честь генсека: «Имея такого испытанного, мудрого и величайшего вождя, каким является товарищ Сталин», нас не устрасит «никакое свиное или еще более скверное рыло, где бы оно ни появилось». Сталина, наверно, слегка покорибил самочинный вульгаризм наркома: «мудрый», «великий вождь» и рядом какие-то «рыла»...

Сталин хотя и знал, что так будет, но был удовлетворен и выступлениями Долорес Ибаррури, Белявского, Бела Куна, Кнорина и других руководителей международного коммунистического движения, которые величали его теперь не только вождем большевиков, но и «вождем всемирного пролетариата». Если бы все это ему приснилось два десятка лет назад в Курейке, под вой пурги, он, наверно, подумал бы, что сошел с ума. «Вождь всемирного пролетариата»...

Как все хрупко и эфемерно в нашем быстротекущем мире, Сталин почувствовал в последний день работы съезда. Казалось бы, предстояла простая формальность: избрать членов ЦК и определить состав двух новых комиссий (вместо ЦКК) — партийного и советского контроля. Персональный состав руководящих органов на Политбюро был, конечно, заранее «обговорен», и все вроде бы спокойно шло к завершению триумфальных чествований вождя. Счетная комиссия, избранная съездом, заканчивала свою работу. Но вдруг произошло неожиданное — в комнату к Сталину зашли возбужденные и крайне встревоженные Каганович и председатель счетной комиссии Затонский.

О том, что было дальше, рассказал в своих мемуарах, вышедших после его смерти, А. И. Микоян, член Политбюро с 1926 по 1966 год, делегат всех съездов партии, проходивших с 1920 по 1966 год. А. И. Микояну, в свою очередь, эту историю поведали многие люди — старые большевики А. Снегов, О. Шатуновская, И. Андреасян, бывший членом счетной комиссии.

Так вот, Каганович с тревогой объявил Сталину неожиданные результаты голосования: из 1225 делегатов, принявших участие в выборах руководящих органов партии, трое подали голоса против Кирова и около трехсот (!), почти четверть голосовавших, против Сталина. Это было невероятно!

Сейчас уже никто не может точно сказать, что ответил Сталин на столь потрясающее сообщение. Но, опять же по утверждению А. И. Микояна, было быстро принято решение: «оставить» такое же число голосов против Сталина, как и против Кирова, то есть три голоса, остальные бюллетени уничтожить. Сложившаяся практика выборов, сохраненная, к сожалению, и пятьдесят (!) лет спустя, подразумевала, что в списках для голосования обычно остается ровно то количество кандидатов, которое необходимо для избрания. В общем, это «выборы» без «выбора», фикция волеизъявления. Сталин, даже если бы учли те 300 голосов против, все равно вошел бы в состав ЦК

и, видимо, в любом случае был бы избран генсеком. Но если бы огласили подлинные результаты голосования, все бы сразу почувствовали, сколь призрачно величие вождя.

В «Истории КПСС», вышедшей в свет в 1962 году, отмечается, что «ненормальная обстановка, складывавшаяся в партии, вызвала тревогу у части коммунистов, особенно у старых ленинских кадров. Многие делегаты съезда, прежде всего те из них, кто был знаком с завещанием В. И. Ленина, считали, что наступило время переместить Сталина с поста генсека на другую работу».

Группа старых большевиков, свидетельствуют авторы различных мемуаров, узнавая о результатах голосования до их официального объявления, предложила Кирову, чтобы он согласился на выдвижение его генсеком. Киров отказался и вроде бы обо всем рассказал Сталину.

В этой драматической истории есть несколько объективных обстоятельств, придающих ей достаточно большую степень правдоподобности. Прежде всего на съезде оказалось немало бывших оппозиционеров; многие делегаты — партийные работники уже имели возможность испытать на себе бесцеремонность, грубость и диктаторские замашки Сталина. Обстановка в партии уже была такой, что открыто подвергать критике Сталина и тем более предлагать его сместить с высокого поста не мог никто, однако выразить свое подлинное отношение к Сталину с помощью тайного голосования эти люди, бесспорно, могли. В пользу достоверности этого запутанного дела говорит и то обстоятельство, как резко Сталин изменил свое отношение к Кирову, который теперь в его глазах стал реальным соперником.

СТАЛИН И КИРОВ

В выступлении Енукидзе на XVII съезде прозвучали такие слова: «Товарищ Сталин сумел окружить себя лучшими людьми в нашей партии, сумел вместе с ними обсуждать и решать всякие вопросы, сумел из этой группы людей создать такую могучую силу, которой не знала история ни одной революционной партии». Доля истины здесь есть: действительно, особенно в двадцатые — начале тридцатых годов в окружении Сталина было немало способных людей. Среди них был и С. М. Киров, хотя к понятию «окружение» он едва ли подходил, поскольку работал в Закавказье, а затем в Ленинграде, но был все же близким к Сталину человеком. Енукидзе, также личный друг генсека, преувеличивает, однако, когда утверждает, что всегда вокруг Сталина были «лучшие люди в нашей партии». Рядом с ним были разные люди: начетчики, теоретики и способные политики; подхалимы, главной заботой которых было угадать и исполнить желание вождя; и, к величайшему несчастью для народа, рядышком с ним стояли (особенно в конце тридцатых, в сороковые годы) те, которых иначе как преступниками не назовешь.

Сталин не был глупым человеком. Он хотел иметь возле себя верных, преданных друзей, соратников, а

главное — беспрекословных исполнителей, понимающих с полуслова его желание, намерение, жест. Хотя генсек, дабы хорошо выглядеть в глазах общественного мнения, всегда старался подчеркнуть, что отношения, основанные на личной преданности, не достойны высоких принципов.

Отвечая Шатуновскому на его письмо, Сталин пишет: «Вы говорите о вашей «преданности» мне. Может быть, это случайно сорвавшаяся фраза. Может быть... Но если это не случайная фраза, я бы советовал вам отбросить прочь «принцип» преданности лицам. Это не по-большевистски. Имейте преданность рабочему классу, его партии, его государству. Это нужно и хорошо. Но не смейте ее мешать с преданностью лицам, с этой пустой и ненужной интеллигентской побрякушкой».

На деле же Сталин руководствовался другим и в конце концов собрал около себя людей, которые не доставляли ему никаких хлопот. Это прежде всего касалось помощников. Их перебивало у него немало: Назаретян, Товстуха, Бажанов, Каннер, Марьин, Двинский, Поскребышев. Больше всего он привязался к двум: Товстухе и Поскребышеву.

И. П. Товстуха, человек с неплохой теоретической подготовкой, был способен сформулировать идею, заметить в тексте принципиальную ошибку. Сталин любил его за исключительную самоотверженность в работе — он понимал генсека с полуслова.

Короткое время у Сталина работал Б. Бажанов.

Генсек быстро проникся уважением к этому интеллигентному, высокообразованному человеку. Вскоре он, а не Мехлис, стал стенографировать заседания Политбюро. Однако этот человек, умело скрывавший свои подлинные взгляды, в 1928 году смог бежать в Персию, а оттуда перебрался в Англию. Целые десятки лет он подвизался на ниве истории, зарабатывая вначале комментированием того, что он знал, а потом сочинением самых разных домислов о нашей стране и ее руководстве.

Многие годы Сталин держал около себя Мехлиса, занимавшего затем ряд крупных постов. Человек, не лишенный способностей, но с откровенно полицейскими мозгами, он был одним из тех, кто регулярно доносил Сталину доверительную информацию о людях в верхнем эшелоне власти. Но едва ли это был человек идеи. Однажды в 1924 году он обратился к Сталину с просьбой, чтобы генсек сделал дарственную надпись на только что вышедшей книге «О Ленине и ленинизме». Сталин быстро начертил на титульном листе:

«Молодому другу по работе т-щу Мехлису от автора. 23.05.24.»

Самое интересное, что Мехлис, заполучив автограф, никогда ни разу не раскрыл книги: все листы теперь уже ссохшегося и пожелтевшего тома так и остались неразрезанными!

Но, пожалуй, наибольшим доверием Сталина пользовался А. Н. Поскребышев, которого Хрущев на XX съезде партии назвал «верным оруженосцем» генсека. Бывший фельдшер из Вятки отличался поразительной работоспособностью и исполнительностью.

Его старшая дочь рассказывала мне, что на работе отец был всегда не меньше 16 часов. Хотя незадолго до смерти Сталина Берия смог убрать Поскребышева с его поста, тот остался до конца своих дней преданным слугой вождя. Первая жена Поскребышева была дальней родственницей Троцкого, что в конце концов сыграло трагическую роль.

Вся информация любого характера поступала к Сталину через Поскребышева. Он знал о всех процессах в партии и стране не меньше, чем Сталин. Это был идеальный исполнитель: послушный, не возражающий, в любое время находившийся на своем посту. Бывший нарком путей сообщения И. В. Ковалев, который ежедневно всю войну, иногда по три-четыре раза в день докладывал Сталину о движении военных эшелонов, рассказывал мне, характеризуя Поскребышева: «Двужильный. Можно было быть вызванным к Сталину в любое время, его лысоватая голова всегда была наклонена над ворохом бумаг. Это был человек с компьютерной памятью. У него можно было получить точную справку по любому вопросу. Одним словом, энциклопедия».

Все это были близкие люди, как Сталин иногда говорил, из «обслуги». Но и другие, окружавшие Сталина, его самые близкие соратники — Маленков, Каганович, Ворошилов — отличались прежде всего абсолютным согласием с ним. Во всем. Мы о некоторых из этих людей еще будем говорить. Один из этой тройцы, К. Е. Ворошилов, при решении любых дел — самых мелких и самых ответственных — стремился прежде всего во всем поддержать вождя.

Когда известный военачальник Якир был арестован и приговорен к расстрелу, он обратился к Сталину с письмом, заверяя, что абсолютно не виновен в приписываемых ему преступлениях. Сталин отреагировал лаконично: «Подлец и проститутка», а Ворошилов, привыкший абсолютно во всем соглашаться не только по форме, но и по содержанию, написал:

«Совершенно точное определение. К. Ворошилов».

Но были и другие люди, которые считались соратниками Сталина и которые все же сумели сохранить свое доброе имя. Одним из них был Сергей Миронович Киров. Везде, где бы он ни работал, люди любили этого общительного и отзывчивого человека. Когда Кирова, по ленинской рекомендации, послали работать в Азербайджан, в его партийной характеристике значилось:

«Устойчивость во всех отношениях. Энергичный работник... В проведении принятых решений более чем настойчив. Уравновешен и обладает большим политическим тактом... Великолепный журналист. Первоклассный и великолепный оратор». Годы работы Кирова в Закавказье оставили о нем исключительно теплую память.

После XIV съезда, когда «новая оппозиция» пыталась сделать Ленинградскую парторганизацию своей опорой, ЦК партии направил Кирова в Ленинград, где он был избран секретарем горкома и обкома, Ю. Помпеев свидетельствует, что, когда Киров прибыл в Ленинград, один из самых близких его друзей,

Серго Орджоникидзе, прислал в губком такую любопытную записку:

«Дорогие друзья!

Ваша буза нам обошлась очень дорого: отняли у нас тов. Кирова. Для нас это очень большая потеря, но зато вас подкрепили как следует. У меня нет ни малейшего сомнения, что вы там справитесь и каких-нибудь месяца через два все будет сделано. Киров — мужик бесподобно хороший, только, кроме вас, он никого не знает. Уверен, что вы его окружите дружеским доверием. От души желаю вам полного успеха».

А чуть ниже Серго добавил постскриптом:

«Ребята, вы нашего Кырыча устройте как следует, а то он будет шататься без квартиры и без еды».

Сталин знал Кирова давно, с октябрьских дней революции. Трудно сказать, почему сухую, черствую, а порой и просто ледяную натуру Сталина потянуло к этому вечно улыбающемуся, энергичному крепышу. Они не раз с ним вместе отдыхали, дружили семьями, хотя и находились обычно далеко друг от друга. В одной из сталинских записок Г. Орджоникидзе, написанной в Сочи, упоминается Киров, его лечение (это просто удивительно — Сталина никогда не интересовало чужое здоровье!):

«Дорогой Серго!

...А Киров что делает там? Лечится от язвы желудка нарзаном? Ведь этак можно доконать себя. Какой знахарь «пользует» его?..

Привет Зине.

Привет от Нади всем вам. Твой Сталин.

Сочи. 30 июня 1925 г.»

Пожалуй, ни к одному политическому работнику Сталин не проявлял такого внимания и даже «любви». Там, где появлялся Киров, сразу же собирались люди. Было такое, теперь порядком подзабытое, выражение — «душа общества». Так вот, Киров был в самом хорошем смысле душой любого «общества»: партийного, рабочего, студенческого, красноармейского. На фоне застывшей непроницаемой маски Молотова, угодливого в самом выражении лица Кагановича, фигуры Ворошилова, весь вид которого олицетворял собой абсолютную готовность исполнять волю генсека, заметно, выгодно выделялась открытая и простая натура Кирова.

Почти каждый диктатор имеет свои «слабости», у Сталина она выражалась в интуитивном доверии очень небольшому кругу людей: Мехлису, Молотову, Поскребышеву, Кирову, может быть, еще двум-трем лицам. Чувства симпатии «обосновать» рациональными средствами трудно, а порой и просто невозможно, поскольку они целиком из области психологии. Сталин любил улыбку Кирова, его открытое русское лицо, уважал его за бесхитрость, одержимость работой.

Однажды в воскресный приезд ленинградского лидера они играли на даче в городки. Сталин взял себе в напарники кухонного рабочего Хорьковского, а Киров Власика.

— Что ты больше всего любишь, Сергей? — спросил хозяин гостя.

Киров удивленно посмотрел на Сталина и со смехом ответил: «Может быть».

— Большевику положено работу любить больше жены!

— А все же?

— Наверное, идею, — ответил Киров, выстраивая новую фигуру.

Сталин неопределенно махнул рукой, но больше не пытался: ему было непонятно, как можно «любить идею»? Может быть, для красного словца сказал? Но генсек знал, что гость его фальшивить не умел, как знал он и то, что Киров, пожалуй, как никто другой, может влиять даже на него, Сталина.

Вспоминается дело М. Н. Рютина, бывшего прапорщика старой армии, которого Сталин знал еще с начала двадцатых годов. В 1918 году он был командующим Иркутским военным округом, в 1920-м — председателем президиума Иркутского губкома, затем, во второй половине двадцатых годов, секретарем Краснопресненского райкома партии. Москвы, заместителем редактора «Красной звезды», кандидатом в члены ЦК ВКП (б). Потом этого большевика, как говорил Сталин, «понесло». Рютин стал одним из авторов нелегального пространного документа, изданного по рукам, — «Ко всем членам ВКП (б)». Главный удар в этом обращении наносился по генсеку, именовавшемуся в документе не иначе как «диктатор» с антиленинским «намордником» в руках. На заседании Политбюро Сталин настаивал не только на исключении Рютина из партии, но и предлагал вынести ему смертный приговор. Это был, видимо, первый случай, когда генсек стремился до судебного разбирательства предпринять судьбу человека. Члены Политбюро молчали. С одной стороны, по делу выходило, что Рютин пытается создать «контрреволюционную организацию», а с другой — за это сразу «смертный приговор»? «Партверхушка», как иногда говорил Сталин, была в замешательстве. И тут раздался голос Кирова:

— Нельзя этого делать. Рютин не пропащий человек, а заблуждающийся... черт его разберет, кто только не приложил руку к этому письму... не поймут нас люди...

Сталин тогда как-то быстро согласился. Рютин получил десять лет и окончательно сгинул в 1938 году. Да, генсек помнил: Киров может смело высказать свое мнение, не считаясь даже, если нужно, с ним, Сталиным.

Сталин очень немногим людям дарил свои книги с дарственной надписью. Так вот, Киров удостоился самого сердечного автографа вождя, казалось, абсолютно неспособного даже выговаривать такие слова. На титульном листе книги «О Ленине и ленинизме» рукой генсека четким и твердым почерком выведено:

«С. М. Кирову. Другу моему и брату любимому от автора. 23.05.24. Сталин».

Когда председательствующий на XVII съезде партии П. П. Постышев объявил на очередном заседании, что слово имеет товарищ Киров, зал взорвался овацией, все встали. Поднялся и Сталин. Зал долго рукоплескал еще одному «любимцу партии» — пожа-

луй, только сам генсек удостоился такого же приема у делегатов съезда. Речь Кирова была самой яркой, сочной, информативно насыщенной. Да, она, как и все без исключения выступления делегатов на этом съезде, была густо пересыпана хвалебными эпитетами в адрес генсека. Возможно, в чем-то здесь Киров даже «перехлестнул» многих других ораторов. Об этом можно лишь сожалеть, но надо понимать, что, хотя шанс совести существует всегда, его порой можно использовать, только перешагивая обычные нормы поведения, а это уже на грани гражданского подвига. Ни Киров, ни кто-нибудь другой на съезде, где на их глазах и с их помощью утверждался культ личности, не совершили этого шага. К истории нельзя ничего ни прибавить, ни убавить, иначе это уже не история, а ее фальсифицированная копия.

У мраморных богов Древней Греции и Рима лица непроницаемы, как у ящериц, чувства на них застыли на века и тысячелетия. Сталин, что удивительно для носителя южного темперамента, тоже умел сохранять каменную маску невозмутимости в самых критических ситуациях. Так было и после сигнала на съезде, известившего, что далеко не все разделяют радость превращения его в единоличного вождя. Все дальше шло, как и было запланировано. На Пленуме ЦК Кирова избрали членом Политбюро и Оргбюро, секретарем ЦК ВКП (б), и он также остался секретарем в Ленинграде. Сталин первоначально хотел сразу после съезда перевести Кирова из Ленинграда в Москву, но теперь передумал.

Работы у Кирова стало больше. Как секретарь партии Сергей Миронович ведал вопросами тяжелой и лесной промышленности, ему часто приходилось бывать в Москве. Сталин как будто остался по отношению к нему прежним: часто звонил по «вертушке», когда тот бывал в Москве, много раз встречался, обсуждал текущие дела. Казалось, ничего не изменилось у вождя по отношению к «другу и брату любимому». Некоторые историки, правда, считают, что генсек стал с Кировым более официален, холоден, что ленинградскому секретарю даже досталось от вождя за какие-то незначительные промахи. Возможно, но мои собеседники, знавшие этих лиц в то время, не могли мне сказать в этом плане что-то определенное, как, впрочем, и документы того периода.

А 1 декабря 1934 года в Смольном С. М. Киров был убит. В сообщении о трагедии говорилось: «Данными предварительного следствия установлено, что фамилия злодея-убийцы тов. Кирова — Николаев (Леонид Васильевич), 1904 года рождения, бывший служащий Ленинградской РКИ. Следствие продолжается».

За два дня до убийства Киров вместе с другими членами ЦК — ленинградцами вернулся из Москвы с Пленума, на котором было принято важное и радостное решение об отмене карточек на хлеб и другие продукты питания. В поезде живо обсуждали этот долгожданный шаг, поделились мнениями и о просмотренном спектакле Булгакова «Дни Турбиных»; поговорили о собрании партактива Ленинграда, ко-

торое назначено на 1 декабря. В общем, приехал Киров в приподнятом, деловом настроении.

В день актива, закончив подготовку доклада, Киров к половине пятого приехал в Смольный. Шел по коридору, здоровался, обменивался деловыми фразами с многими людьми. Свернув налево, в узкий коридор, направился к своему кабинету. Навстречу ему шел ничем не приметный человек. У дверей кабинета раздалось два выстрела. Сбежавшиеся увидели ничком лежавшего Кирова с папкой и бьющегося в истерике убийцу с револьвером в руке...

Через два часа после трагедии Сталин, Молотов, Ворошилов, Ежов, Ягода, Жданов, Агранов, Косарев, Заковский и некоторые другие выехали в Ленинград специальным поездом. На вокзале Сталин обругал всех встречавших нецензурными словами, а Медведя, начальника Ленинградского управления НКВД, ударил рукой по лицу. Медведь, как и его заместитель Запороженец, были потом переведены на работу на Дальний Восток, а в 1937 году, когда всю работу машина террора, их уничтожили.

По некоторым данным, первый допрос Николаева провел лично Сталин в присутствии группы людей, приехавших с ним. С самого начала целый ряд обстоятельств, связанных с убийством С. М. Кирова, носит загадочный характер. Об этом доложил на XX съезде партии Н. С. Хрущев. «Необходимо заявить, — сказал он, — что обстоятельства убийства Кирова до сегодняшнего дня содержат в себе много непонятного и таинственного и требуют самого тщательного расследования. Есть причина подозревать, что убийце Кирова — Николаеву — помогал кто-то из людей, в обязанности которых входила охрана личности Кирова. За полтора месяца до убийства Николаев был арестован из-за его подозрительного поведения, но был выпущен и даже не обыскан. Необычайно подозрительно и то обстоятельство, что когда чекиста, входившего в состав личной охраны Кирова, везли на допрос 2 декабря 1934 года, то он погиб во время автомобильной «катастрофы», во время которой не пострадал ни один из других пассажиров машины. После убийства Кирова, — продолжал Н. С. Хрущев, — руководящим работникам ленинградского НКВД были вынесены очень легкие приговоры, но в 1937 году их расстреляли. Можно предполагать, что они были расстреляны для того, чтобы скрыть следы истинных организаторов убийства Кирова». А ведь человек, который погиб в катастрофе, — сотрудник НКВД Борисов, — возглавлял охрану Кирова, и, по некоторым данным, именно он предупреждал Сергея Мироновича о возможном покушении. Во всяком случае, Борисова, дважды задерживавшего Николаева с оружием на пути следования Кирова и затем по чьему-то распоряжению отпускавшего его, кому-то надо было убрать.

В архивах, к которым автор получил доступ, нет материалов, позволяющих с большей степенью достоверности высказаться по «делу Кирова». Ясно одно: это не было сделано по приказу Троцкого, Зиновьева или Каменева, как стала вскоре гласить официальная версия. Зная сегодня Сталина, его исключитель-

ную жестокость, коварство и вероломство, вполне реально предположить, что это его рук дело. Одно из косвенных свидетельств — устранение двух-трех «слоев» потенциальных свидетелей, а это уже «почерк» Сталина. За рубежом имеется обширная литература по этому вопросу, но она часто носит слишком общий характер и основана, как правило, лишь на предположениях и умозаключениях. К числу таких можно отнести, например, выводы старшего эмигранта Б. Николаевского, завершившего свою жизнь в Соединенных Штатах.

Процесс по делу Николаева был проведен в спешном порядке. Уже через три недели в опубликованном обвинительном заключении утверждалось, что Николаев является активным членом зиновьевской подпольной террористической организации. Под заключением стояли подписи заместителя прокурора страны А. Я. Вышинского, с чьим именем будет связано еще немало трагических и темных страниц ближайшего будущего, и следователя по важнейшим делам Л. Шейнина. Как и следовало ожидать, все обвиняемые по этому делу, как и Николаев, были расстреляны.

Почему же «как и следовало ожидать»? Дело в том, что уже в день убийства Кирова по инициативе Сталина без обсуждения на Политбюро был принят документ, выражающий кредо беззакония. Секретарь Президиума ЦИК А. Енукидзе был вынужден подписать документ, вносящий изменения в существующие уголовно-процессуальные кодексы. В нем говорилось:

«1. Следовательским отделам предписывается ускорить дело обвиняемых в подготовке или проведении террористических актов;

2. Судебным органам предписывается не задерживать исполнения смертных приговоров, касающихся преступлений этой категории в порядке рассмотрения возможности помилования, так как Президиум ЦИК ССР считает получение прошений подобного рода неприемлемым;

3. Органам комиссариата внутренних дел предписывается приводить в исполнение смертные приговоры преступникам упомянутой категории немедленно после вынесения этих приговоров».

Ряд дел, рассматривавшихся в Москве, других городах, форсировали в соответствии с новыми указаниями. Поскольку убийство Кирова следствие связало с зиновьевцами, уже в декабре 1934 года во главе с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым большая группа деятелей — Евдокимов, Бакаев, Ку克林, Гессен и другие — была посажена на скамью подсудимых. Каких-либо прямых улик, доказательств, свидетельствующих об их причастности к трагедии, выявить не удалось.

Зиновьев после XVII съезда, партии, хотя и не был избран в ЦК, как-то оживился, посчитал, что гроза прошла стороной и для него, еще могут наступить лучшие времена. Он даже написал и опубликовал после съезда свою последнюю статью в «Большевике» — «Международная значимость истекшего десятилетия». Но после того, как он прочел в газе-

те комментарий к убийству Кирова, где говорилось, что в деле замешаны «троцкистско-зиновьевские мерзавцы», он понял, что теперь его ждет самое худшее. Под напором следствия, а затем и прокурора Зиновьев был вынужден «признать», что в «самом общем плане» бывшая антипартийная группа может нести «политическую ответственность» за случившееся. Этого оказалось достаточно — аргументов, доказательств «правосудию» больше не требовалось. Успешно прошла первая репетиция политических процессов. Зиновьев получил десять лет, Каменев пять лет тюрьмы, были осуждены и все остальные. Это, пожалуй, первый случай, когда идеологические взгляды, отличные от официально провозглашенных, были публично приравнены к уголовному преступлению.

Приговоры были вначале согласованы со Сталиным. Убийство Кирова знаменовало приближение зловещего времени. На тысячах митингов люди требовали революционных, решительных действий по отношению к террористам, классовым врагам. В стране зрела атмосфера, которая могла, по словам В. Окулова, также пострадавшего в 30-е годы, «разрядиться в любой момент массовым террором, где главными жертвами будут невинные люди». Печать непрерывно нагнетала обстановку, сообщая о все новых «вражеских центрах», «заговорах», «тергруппах».

1 декабря 1934 года сразу резко подняло «значение», как любил говорить Сталин, «карательных органов». НКВД стал численно быстро расти, полномочия «органов» расширились, постепенно они станут рядом с партийными комитетами, а затем и закроют их, выйдя из-под контроля. Самой популярной темой печати станет бдительность, которая, будучи гипертрофированной, начнет щедро сеять семена подозрительности, недоверия к каждому. За многими руководителями будет установлена слежка. Сталин, страшно боявшийся покушения на свою особу, резко усилит меры по охране. Каждая неудача, катастрофа, поломка, авария будут ассоциироваться с вредительством. Постепенно в стране созреет атмосфера, в которой Сталин сможет проводить свои кровавые чистки, рассчитывая на «поддержку» дезинформированных масс.

Еще до смерти Кирова по личному решению Сталина на ряд постов, имеющих немаловажное значение в механизме борьбы с «врагами народа» и партии, были выдвинуты лица, которым предстоит сыграть зловещую роль в беззакониях предстоящих лет. Это прежде всего Н. И. Ежов, член Оргбюро (он станет секретарем ЦК в начале 1935 года) и один из ведущих членов по чистке партии, А. Я. Вышинский, бывший меньшевик, ставший заместителем прокурора СССР, а затем и прокурором страны; примерно в это же время руководителем личного секретариата Сталина, заведующим особым сектором ЦК и ближайшим помощником генсека станет А. Н. Поскребышев, роль которого в силу особого расположения к нему генсека была значительно важнее официального статуса. От характера и содержания его докладов Сталину нередко зависело очень многое.

Директивы, циркуляры, печать просто требовали искать и разоблачать врагов. И как выяснилось, их «оказалось» немало — в центр пошли многочисленные донесения об этом. Вот несколько таких документов, хранящихся в архиве Верховного суда Союза ССР:

«ЦК ВКП(б) тов. Сталину И. В.
СНК Союза ССР тов. Молотову В. М.
Управлением Государственной безопасности
УНКВД по Северному краю закончено следствие по делу о контрреволюционной террористической группировке, подготовлявшей совершение террористического акта против члена ЦК и секретаря Севкрайкома ВКП(б), члена ЦИК тов. В. Иванова.

В качестве обвиняемых по настоящему делу привлечены к ответственности и преданы суду 7 человек: Ракитин Н. Г., Заостровский П. В., Попов П. Н., Левинов Г. Н., Ивлев Н. И., Заостровский А. В., Копосов Н. А. Из обвиняемых признал полностью виновным себя только Попов П. Н.

Дело Ракитина и др. предполагается заслушать Выездной сессии Военной коллегии Верх. суда СССР в г. Архангельске с применением закона от 1 декабря 1934 года.

Главных обвиняемых: Ракитина, Заостровского П. В., Левинова считаем необходимым приговорить к расстрелу, а остальных обвиняемых к лишению свободы на разные сроки. Просим Ваших указаний.

23 января 1935 г.

А. Вышинский, В. Ульрих».

Приведем еще одно донесение из множества таких же подобных:

«Секретарю ЦК ВКП(б)
товарищу И. В. Сталину.

9 марта с. г. Выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР под моим председательством рассмотрела в закрытом судебном заседании в г. Ленинграде дело о соучастниках Леонида Николаева: Мильды Драуле, Ольги Драуле и Романа Кулинера.

Мильда Драуле на мой вопрос, какую она преследовала цель, добиваясь получения пропуска на собрание партактива Ленинграда 1 декабря п. г., где должен был делать доклад т. Киров, ответила, что «она хотела помогать Леониду Николаеву». В чем? «Там было бы видно по обстоятельствам». Таким образом, нами установлено, что подсудимые хотели помочь Николаеву в совершении терракта.

Все трое приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. В ночь на 10-е марта приговор приведен в исполнение.

Прошу указаний: давать ли сообщение в прессу.
11 марта 1935 г. В. Ульрих».

Молниеносное правосудие: 9-го суд, в ночь на 10-е расстрел, 11-го утром доклад верховному Жрецу. Даже по одной-двум фразам доклада Ульриха

видно, сколь поверхностным было рассмотрение в суде.

Сталин сам поддерживал напряжение. В середине 1935 года опубликовали его интервью с Гербертом Уэллсом, которое тот взял у Сталина еще в середине 1934 года. И, видимо, не случайно: Сталин вновь напомнил о главном в диктатуре пролетариата — революционном насилии. На вопрос Уэллса: «Не является ли ваша пропаганда старомодной, ибо она является пропагандой насильственных действий?» — Сталин ответил: «Коммунисты вовсе не идеализируют метод насилия. Но они, коммунисты, не хотят оканчиваться застигнутыми врасплох, они не могут рассчитывать на то, что старый мир сам уйдет со сцены, они видят, что старый порядок защищается силой, и поэтому коммунисты говорят рабочему классу: готовьтесь ответить силой на силу... Кому нужен полководец, усыпляющий бдительность своей армией, полководец, не понимающий, что противник не сдастся, что его надо добить?»

Пока действовали сдерживающие тормоза решений XIII съезда партии (пожелание делегаций, ознакомившихся с ленинским письмом), пока у Сталина было свежо в памяти ленинское предостережение, отношение к оппозиционерам было как к идейным противникам. «Капитулянтов» (раскаившихся) обычно быстро восстанавливали в партии, поручали ответственные посты, публиковали их статьи. Например, Зиновьев и Каменев, восстановленные в партии в июне 1928 года, открыто выражали свою надежду, что «партия еще понадобится их опыт»; имея в виду, по всей вероятности, руководящие посты. Бухарина, Рыкова и Томского, не прекращая склонять в печати как «пособников кулачества», тем не менее на XVI съезде партии избрали в состав ЦК. Но потом Сталин с удовольствием начнет их всех «добивать».

Даже сталинская «любовь» к Кирову не остановила, по-видимому, генсека перед тем, чтобы устранить популярнейшего человека, своего потенциального противника. Подозрительность, жестокость, властность всегда у Сталина брали верх, когда нужно было сделать выбор между элементарной порядочностью и тем, что олицетворяло его власть.

Смерть Кирова явилась «хорошим» предлогом для ужесточения всего внутривластного курса в стране. Генсек не мог забыть, что четвертая часть делегатов XVII съезда голосовала против него, а сколько таких людей во всей стране? Поэтому мало еще кто мог предположить, что из 1225 делегатов с правом решающего и совещательного голоса 1108 человек скоро будут арестованы и большинство из них погибнет в подвалах НКВД и лагерях. Из 139 членов и кандидатов ЦК партии, избранных на том съезде, 98 человек будут арестованы и расстреляны, а ведь подавляющее большинство этих людей были самыми активными участниками Октябрьской социалистической революции, восстановления страны после разрухи. Это была сознательная ликвидация старой ленинской гвардии, которая слишком много знала. Сталину нужны были самоотверженные исполнители,

функционеры более молодого поколения, не знавшие еще прошлого.

Едва ли случайно, что в середине 1935 года Сталиным было поддержано предложение о ликвидации Общества старых большевиков и Общества бывших политкаторжан. Архивы этих ассоциаций принимали комиссии, где членами были Ежов, Шкирятов, Маленков. Многим из старых большевиков в страшные годы беззакония в конце тридцатых будут предъявлены обвинения в их «преступлениях» четвертьвековой давности. Не использовались ли здесь документы изъятых архивов?

К этому же времени относится начало возвышения Л. П. Берии, бывшего в то время первым секретарем в Грузии. В середине 1935 года Партиздатом ЦК ВКП(б) была опубликована «работа» Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Изданная на хорошей бумаге, в твердом переплете, что тогда было редкостью, книжонка наполовину состояла из сталинских цитат и безудержно превозносила генсека. Но главное, что мы хотим отметить, в «труде» Берии содержался прямой политический донос на двух видных большевиков — Енукидзе и Орахелашвили. И хотя первый из них был членом ЦК и ЦИК, давним личным другом Сталина, судьба и того и другого была решена. Сталин всегда верил доносам, и Берия это быстро усвоил. Правда, Орахелашвили пробовал протестовать. Он написал Сталину личное письмо с проектом опровержения в «Правде». Генсек в своем ответе, по сути, отверг заявление старого большевика:

«Товарищу Орахелашвили.

Письмо получил.

1) ЦК не думает ставить (не имеет оснований ставить!) вопрос о Вашей работе в ИМЭЛе. Вы погорячились и решили, видимо, поставить его. Это ни к чему. Оставайтесь в ИМЭЛе и работайте.

2) «Письмо» в редакцию «Правды» следовало бы напечатать, но текст Вашего «письма», по-моему, неудовлетворителен. Я бы на Вашем месте выбросил из «письма» все «полемиические красоты», все «экскурсы» в историю плюс «решительный протест» и сказал бы просто и коротко, что ошибки (такие-то) действительно допущены, но квалификация ошибок, данная т. Берия, слишком, скажем, резка и не оправдывается характером ошибок. Или что-нибудь в этом роде. Привет!

8.VIII.35 г. И. Сталин».

Страна и партия стояли перед страшными испытаниями. Человек, обожеествивший в диктатуре пролетариата лишь насилие, стал диктатором. На трагической ноте заканчивался 1934 год: «съезд победителей», а затем сигнал подготовки к террору. Может быть, действительно 1937 год начался вопреки всем астрономическим календарям 1 декабря 1934 года? Семена будущей трагедии уже давали свои зловещие всходы.

Отрицать ложных богов необходимо, но это еще не все: под их масками следует искать причины их существования.

А. Герцен.

Глава пятая. В ТОГЕ ВОЖДЯ

К середине тридцатых годов взгляды Сталина на роль вождя в общественном процессе претерпели заметную эволюцию. Он, видимо, знал взгляды Г. В. Плеханова на роль личности в истории. В свое время, когда Сталин создавал свою библиотеку, он поставил Плеханова в списке мыслителей пятым после Ленина, Маркса, Энгельса и Каутского; плехановские сочинения испещрены его рукой. Может быть, генсек листал тома Плеханова перед тем, как ехать в декабре 1930 года на встречу с бюро партячейки отделения философии и естествознания Института красной профессуры? Известно только, что, давая указания «разворошить и перекопать весь навоз, который накопился в философии», Сталин среди других установок дал и такую: «Плеханова надо разоблачить. Он всегда свысока относился к Ленину».

Так вот, думаю, Сталин знал слова Плеханова: «Великий человек является именно начинателем, потому что он видит дальше других и хочет сильнее других». Этот вывод, сделанный человеком, которого надо было «разоблачить», ему нравился. А вот слова Плеханова, которые следовали за этими — вождь не может «остановить или изменить естественный ход вещей», — едва ли импонировали Сталину, который считал себя теперь единственным в стране вождем.

Если в двадцатые годы слово «вождь» употреблялось в качестве эпитета при произнесении и других имен («вождь Красной Армии Троцкий», «вожди революции Зиновьев и Каменев», «вожди красных профсоюзов Томский», «вожди Интернационала», «вожди коммунистического Союза молодежи»), то теперь так именовался только Сталин. Думается, Ленин, употреблявший слово «вождь», обозначал этим не столько личное, персональное качество революционного руководителя, сколько политическое. Для Ленина, как свидетельствует анализ его работ, вождь — это прежде всего передовой представитель класса, общественной группы. Ничего культового, мифического, связанного с персонификацией власти, Ленин не допускал.

В своей работе «Насущные задачи нашего движения», написанной еще в 1900 году, он подчеркивал: «Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых (разрядка моя. — Д. В.) представителей, способных организовать движение и руководить им». Годом раньше, изучая попятное направление в деятельности русской социал-демократии, В. И. Ленин отмечает особую роль «рабочей интеллигенции», обладающей страстным стремлением к знанию и социализму. Именно из этой среды и берутся, писал он, «рабочие-передовики». Еще ленинская цитата: «Всякое жизненное рабочее движение выдвигало

таких вождей рабочих, своих Прудонов и Вальинов, Вейтдингов и Бебелей. И наше русское рабочее движение обещает не отстать в этом отношении от европейского». Ленин говорит, таким образом, о многих вождях как передовых руководителях пролетариата.

Логика действий Сталина и его окружения вела к тому, чтобы создать такую систему политических и социальных отношений в партии и стране, которая бы утвердила положение «господствующей личности» — это выражение Плеханова мы заимствовали из его критического анализа работ историка И. Тэна.

«ГОСПОДСТВУЮЩАЯ ЛИЧНОСТЬ»

Неуклонное восхождение одной личности на вершину вождизма стало возможным еще и потому, что партия, как это ни горько говорить, разрешила, согласилась с этим современным цезаризмом. Мы десятилетия говорили о «возрастании» роли партии в самых различных сферах нашей деятельности, но я не слышал и не читал ни в докладе Н. С. Хрущева на XX съезде партии «О культе личности и его последствиях», ни в известном постановлении ЦК по этому вопросу, ни в других документах о том, что партия хотя бы в какой-то степени виновна в уродствах культа. Но среди причин его появления она, эта причина, не последняя. Подобострастное отношение к своим руководителям, бесконтрольность, пожизненность должностей создали обстановку, в которой человек со злым, изощренным, хитрым умом, человек, не знавший компромиссов, каким был Джугашвили-Сталин, оказался «господствующей личностью» во всем. Партия не смогла, не искала тех защитных мер, которые уберегли бы ее и народ от единовластия.

В «Святом семействе» приводится глубокая и верная мысль, взятая из газеты «Лустало»: «Великие кажутся нам великими лишь потому, что мы сами стоим на коленях». Маркс к этому добавляет: «Поднимаемся!»

Имеется много высказываний Сталина, в которых он как будто верно трактует соотношение «вождь — масса», роль личности в истории, значение коллективного руководства. Так, в декабре 1931 года Сталин говорил: «Единоличные решения всегда или почти всегда — односторонние решения. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, с мнением которых надо считаться. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, могущие высказать и неправильные мнения... В нашем руководящем органе, в Центральном Комитете нашей партии, который руководит всеми нашими советскими и партийными организациями, имеется около 70 членов. Среди этих 70 членов ЦК имеются наши лучшие промышленники, наши лучшие кооператоры, наши лучшие снабженцы, наши лучшие военные, наши лучшие пропагандисты, наши лучшие агитаторы, наши лучшие знатоки совхозов, наши лучшие знатоки колхозов, наши лучшие знатоки индивидуального крестьянского хозяйства, наши лучшие знатоки наций Советского Союза и национальной политики. В этом

ареопаге, — продолжал Сталин, — сосредоточена мудрость нашей партии. Каждый имеет возможность исправить чье-либо единоличное мнение, предложение. Каждый имеет возможность внести свой опыт. Если бы этого не было, если бы решения принимались единолично, мы имели бы в своей работе серьезнейшие ошибки».

Хотел он того или не хотел, но последними словами Сталин невольно подтвердил мысль, что многие из «серьезнейших» ошибок, допущенных в процессе коллективизации, партийного и государственного строительства, в сфере культуры, стали возможны именно благодаря единоличным решениям одного человека.

Прежде всего это выразилось в устойчивой тенденции к свертыванию коллегиальности в работе Центрального Комитета, которой В. И. Ленин придавал такое огромное значение. Известно, что в первые шесть лет после Октября в соответствии с партийными нормами и политической необходимостью было созвано шесть съездов, пять конференций и сорок три Пленума ЦК. На всех этих партийных форумах шли настоящие дискуссии, не было давления авторитетов, коммунисты имели возможность свободно излагать свою точку зрения, формулировать позицию по тому или иному вопросу.

Когда же Сталин в очередной раз был «коронован» на XVII съезде партии и начал рельефно выступать очертания культа и обожествления его персоны, «вождь» принял меры к резкому ограничению коллегиальности в выработке решений, поскольку он уже не нуждался в других мнениях. С 1934 года, после XVII съезда, по 1953 год (год смерти Сталина), то есть за двадцать лет, состоялось всего два партийных съезда, одна конференция, двадцать два Пленума ЦК, перерыв между XVIII и XIX съездами партии выразился в тринадцати годах. Были годы — 1941, 1942, 1943, 1945, 1946, 1948, 1950, 1951, — когда Центральный Комитет на свои заседания не собирался ни разу! Со временем Сталин, что явствует из его решений и линии поведения, смотрел уже на ЦК не как на «ареопак мудрости», а просто как на партийную канцелярию, удобный аппарат для реализации его решений. А ведь, готовясь к XIV съезду партии в 1925 году и редактируя проект Устава ВКП(б) как секции Коммунистического Интернационала, Сталин подчеркнул в силу особой важности такие слова: «Очередные съезды созываются ежегодно. Центральный Комитет имеет не менее одного пленарного заседания в два месяца».

Жизнь, конечно же, внесла свои коррективы в эти строки, война, заставившая страну превратиться в военный лагерь, тоже не позволила скрупулезно придерживаться принятых норм, — это понятно, но чтобы полностью пренебречь ими... Единоличный вождь все прибирал к своим рукам: мысль, политическую волю, социальный арбитраж, и это становилось похожим на политическое самодержавие.

В. И. Ленин еще на III съезде партии в далеком 1905 году в докладе «Об участии социал-демократии во временном революционном правительстве» гово-

рил: «Революционный народ стремится к самодержавию народа (здесь и далее разрядка моя. — Д. В.), все реакционные элементы отстаивают самодержавие царя. Успешный переворот поэтому не может не быть демократической диктатурой пролетариата и крестьянства». Еще на заре века, задолго до победы социалистической революции, Ленин допускал лишь «самодержавие народа» в форме «демократической диктатуры», для Сталина теперь все эти старые речи о демократии, народном представительстве, коллективном разуме стали как-то сразу неактуальными, даже наивными.

Усилению бюрократических тенденций в партии способствовало специфическое понимание Сталиным партийного единства. Известно, что в двадцатые годы партии пришлось столкнуться с весьма активным противодействием в проведении своей политики со стороны отдельных групп коммунистов. Далеко не всегда это были «враги». Часто особые «курсы», «платформы» возникали от ошибочных оценок ситуации, своеобразного понимания перспектив движения, а иногда зарождались и на личной почве. Сегодня, анализируя весь спектр борьбы оппозиций, группировок, все больше убеждаешься, что одним из решающих пунктов разногласий и ожесточенных схваток были проблемы демократии, соотношения «вождь и партия», роли масс в революционном творчестве, хотя зачастую они скрывались за другими фразами. Во многих случаях оппозиционеры были людьми, не готовыми к единомыслию как духовной униформе. Мы, диалектики, зная, что жизнь движется вперед противоречиями, тем не менее часто иначе мыслили рассматривали как враждебное проявление, но, может быть, в нем выражалось стремление найти более оптимальную альтернативу. Разве бездумное единомыслие не плодит догматиков, безликих, равнодушных людей?

Было тогда, конечно, и немало таких людей, которые сознательно ставили перед собой цели, не вписывающиеся в программные установки партии. Как правило, они исповедовали другие приоритеты социальных ценностей. Перед лицом разрухи, внешней империалистической опасности, роста различных оппозиционных группировок по инициативе В. И. Ленина на X съезде партии в марте 1921 года была принята известная резолюция. После его доклада съезд обязал немедленно распустить все фракционные группировки. В резолюции ясно говорилось, что единство и сплоченность рядов партии, «обеспечение полного доверия между членами партии и работы действительно дружной, действительно воплощающей единство воли авангарда пролетариата, является особенно необходимым в настоящий момент». Эта установка, хотим мы или нет, была нацелена против разномыслия, борьбы мнений, но и против фракционных групп с политическими платформами, не совместимыми с программными и уставными целями партии.

Сталин часто обращался к этой резолюции, нанося «удары» по фракциям, оппозициям и уклонам. Постепенно в его устах слова «оппозиция», «оппозиционер» приобрели вполне определенный смысл, тож-

дественный понятиям «враг», «противник». В последующем любое, даже мелкое несогласие с политикой партии отдельных ее руководителей и тем более с его позицией расценивалось генсеком как «борьба с партией», «вражеская деятельность». Выступая за единство, но понимая его не диалектически, а догматически, Сталин постепенно добился полной ликвидации здоровой борьбы мнений, свободного высказывания своих взглядов коммунистами, критики вышестоящих партийных органов. В партии возникло «бездумное однодумство».

В сталинском понимании главными элементами единства выступают исполнительность, беспрекословное повиновение директивам, готовность поддержать любое решение вышестоящих органов. Часто малейшее отступление от догм, провозглашенных вождем, не просто осуждалось, но и было опасно для жизни «сомневающимся». Например, Г. М. Маленков, выступая на январском (1938 года) Пленуме ЦК, привел пример, когда в Калмыкии, в Сарычинской парт-организации был исключен из партии коммунист Кушев. «На занятиях по политграмоте, — говорил он, — Кушеву был задан вопрос:

— Можем ли мы построить социализм в одной стране?

— Построить социализм в одной стране можно, и мы его построим, — отвечал Кушев.

— А построим ли мы коммунизм в одной стране?

— Коммунизм в одной стране построим...

— А полный коммунизм?

— Построим.

— А окончательный коммунизм построим?

— Окончательный — вряд ли, — размышлял Кушев, — без мировой революции. Впрочем, посмотрю в «Вопросах ленинизма», что по этому поводу пишет тов. Сталин».

Вот за последний ответ Кушев был исключен из партии и снят с работы. Но Маленков усматривает здесь не проявление догматизма, не культовое уродство, требующее религиозного, политического единомыслия, а ищет «происки врагов», окопавшихся «на каждом предприятии, в колхозе и совхозе». Кушев допустил малейшее сомнение, «сбой» в единомыслии, и «враги» этим воспользовались.

Подобная трактовка уродует демократическое понимание единства, предполагающее синтез коллективной воли с одновременной возможностью излагать свободно свои взгляды и позиции. Ведь резолюция X съезда о единстве предусматривала, что партия неустанно будет продолжать, испытывая новые приемы, бороться всякими средствами против бюрократизма, за расширение демократизма, самостоятельности. Постепенно любой коммунист, рискнувший выступить с новым предложением, инициативой или несогласный с теми или иными аспектами политики, повседневной практики, рисковал быть ошельмованным, а то и просто причисленным к лику «врагов». Исподволь от коммунистов все более настойчиво требовали лишь «поддерживать» и «одобрять» и все меньше и меньше принимать реальное участие в обсуждении

крупных проблем партийной и государственной жизни.

На XVII съезде партии по предложению Сталина была ликвидирована Центральная Контрольная Комиссия, обладавшая прерогативами контроля за работой ЦК и Политбюро. Функции созданной Комиссии Партийного Контроля были перенацелены на контроль за исполнением партийными организациями решений центральных органов. Созданные Лениным контрольные органы наблюдали за деятельностью всей партии — от высшего руководства до низовых организаций, теперь же аппарат контроля следил за исполнением директив и прежде всего указаний «господствующей личности».

Постепенно решения Сталина превращались в решения партийные. Генсек принимал решение, которое затем обычно «оформлялось» как решение Политбюро или ЦК. Например, в сороковые годы, когда вошли в норму «ночные бдения» в кабинетах руководителей, Сталин частенько приглашал нескольких членов и кандидатов в члены Политбюро «поужинать» у него на даче в Кунцево. Чаще всего к нему приезжали Молотов, Каганович, Хрущев, Берия, Жданов, реже на эти ночные трапезы приглашались Андреев, Калинин, Микоян, Шверник, Вознесенский. Во время застолий решались различные политические и военные вопросы, государственные и партийные дела. Сталин обычно резюмировал итоги «бесед», и Маленков нередко оформлял их как «заседания» Политбюро.

Споры, дискуссии не возникали — соратники Сталина старались чаще всего угадать мнение вождя или вовремя подкакнуть. Даже самому «единодержцу» это иногда надоело.

Расскажу один случай. Когда за обедом накануне XVIII съезда партии зашла речь о подготовленном докладе Сталина и все начали хором дружно его хвалить, Сталин вдруг жестко бросил:

— Так я вам дал вариант, который я забраковал, а вы аллилуйю поете... Вариант, с которым буду выступать, весь переделай!

Все осеклись. Наступило неловкое молчание, но Берия быстро нашелся:

— Но уже и в этом виде чувствуется ваша рука. А если вы переделали и этот вариант, можно представить, каким сильным будет доклад!

Политбюро, избранное после XVII съезда партии — Андреев А. А., Ворошилов К. Е., Каганович Л. М., Калинин М. И., Киров С. М., Косиор С. В., Куйбышев В. В., Молотов В. М., Орджоникидзе Г. К., Сталин И. В., — собираются еще достаточно регулярно, но не всегда в полном составе. Чаще вопросы решались узкой группой: Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, позже — еще Жданов или Берия. Со временем Сталин создаст внутри Политбюро различные комиссии, так называемые «пятерки», «шестерки», «семерки», «девятки». Как сообщил в своем докладе на XX съезде партии Н. С. Хрущев, эта система, смахивающая на карточную терминологию, была закреплена специальным решением Политбюро.

Конечно, жизнь сложна, проблем много, и всегда,

как еще при жизни Ленина, возможно создание различных комиссий для решения тех или иных вопросов. Но, несмотря на важность работы комиссий, все принципиальные решения могли приниматься полным составом Политбюро, Центральным Комитетом. А сведения управляющей функции партии к мнению «пятерки», в которой, конечно, было тоже «одно мнение», обесценивало всякую коллегиальность.

На документах, во множестве им рассматриваемых, Сталин оставлял обычно резолюции: «Согласен», «За», «Можно», а иногда «бумаги» направлял своим соратникам для того, чтобы выяснить их мнение, хотя часто не придавал им никакого значения.

...В апреле 1936 года Пятаков пишет письмо Сталину с просьбой разрешить полет стратостата «СО-35-1» «при благоприятной метеорологической обстановке».

Сталин на документе пишет, как будто советуясь: «Т-шу Ворошилову.

Как быть?

И. Ст.»

Ворошилов отвечает:

«Товарищу Сталину. Думаю, что можно разрешить». К. Ворошилов. 7.4.36.»

Еще ниже на этом же документе следует категорическое:

«Я против. И. Ст.»

Подобная безапелляционность в решениях, которые без аргументов отвергали другие мнения и оставляли в силе лишь свое, постепенно создали обстановку, когда многие члены и кандидаты в члены Политбюро стремились прежде всего предвосхитить решения Сталина. Некоторым это хорошо удавалось, особенно Берии, когда он вошел в состав Политбюро.

Знакомясь с результатами многих поименных опросов, голосования по тому или иному вопросу, которые проводил Сталин, я не встретил ни одного случая, когда кто-нибудь хоть косвенно поставил под сомнение явно ошибочные, а порой и преступные предложения. Никто не желал серьезно возражать даже в самой деликатной форме. Мы знаем, чем бы скорее всего это кончилось, но часто даже люди, находясь у черты, которая отделяла жизнь от небытия, покорно соглашались с мнением вождя, означавшим для них смертный приговор.

Да, обсуждение любого вопроса проводилось на основании «указаний» и «установок» вождя. Даже формулируя часто верные хозяйственные, социальные, технические вопросы, пути их решения, участники совещаний, заседаний, пленумов непременно были вынуждены освящать их «идеями», «положениями», «выводами», высказанными в разное время Сталиным. После XVII съезда и до смерти вождя уже никто не мог публично что-то даже «добавить» или как-то «обогатить» тезис, сформулированный Сталиным. Фактически в партии постепенно утвердился принцип догматического единства. Известно, что этот постулат применим для военных систем в силу специфики их функционирования, но не для партии.

Взаимоотношения между партией и вождем,

полагал Сталин, надо закрепить в массовых, доступных всем коммунистам и народу изданиях. Таковыми явились «Краткий курс истории ВКП(б)», вышедший в 1938 году, и «Краткая биография» вождя, изданная десятилетие спустя. В девятом номере журнала «Большевик» за 1937 год Сталин опубликовал «Письмо составителям учебника истории ВКП(б)». Главный акцент в «Истории», пишет Сталин, должен быть сделан на борьбу партии с фракциями и группировками, антибольшевистскими течениями. И это не случайно, поскольку в данном случае в центре борьбы обязательно окажется он, ведь именно Сталин «разгромил» Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина. Слов нет, различных, чаще все же не антиленинских группировок в то время было немало, но история партии, конечно, не сводилась и не должна сводиться только к этой борьбе.

Сталин не постеснялся (он практиковал это уже давно) дать «указание» составителям учебника чаще ссылаться на его идеи. Например, предложил использовать «письмо Энгельса Бернштейну в 1882 году, приведенное в первой главе моего доклада VII-му расширенному Пленуму ИККИ «О соц.-дем. уклоне» в ВКП(б), и мои комментарии к нему». Без этих комментариев, пишет дальше Сталин, «борьба фракций и течений в истории ВКП(б) будет выглядеть, как непонятная склока, а большевики, — как неисправимые и неугомонные склочники и драчуны». Группа авторов по поручению ЦК за короткий срок подготовила «Краткий курс», на длительное время ставший основным, а часто и единственным пособием по идейно-теоретической подготовке миллионов советских людей. Книга, вышедшая в нашей стране общим тиражом более сорока миллионов (!) экземпляров, проникнута апологетикой сталинского «гения», его «мудрости» и «прозорливости».

Первоначально в корректуре труда и в первом издании отмечалось: «Комиссия Центрального Комитета ВКП(б) под руководством товарища Сталина и при его активнейшем личном участии разработала «Краткий курс истории ВКП(б)». Однако такая формулировка не удовлетворяла Сталина. В выпущенной позже «Краткой биографии» Сталина, которая им лично тщательно редактировалась, дополнялась и уточнялась, появилась новая фраза: «В 1938 году вышла в свет книга: «Краткий курс истории ВКП(б)», написанная товарищем Сталиным и одобренная комиссией Центрального Комитета ВКП(б)». Сталина уже не смущало то обстоятельство, что книга, прославляющая его самого, была, оказывается, написана... тоже им. Так осуществлялось идеологическое обоснование абсолютной роли вождя, его контроля над партией и государством. Устранив к тому времени практически всех видных соратников Ленина, Сталин «вычеркнул» их и из истории — в «Кратком курсе», кроме Ленина и Сталина, нет фактически конкретных творцов социализма, есть лишь «враги».

Книга, ставшая обязательной для коммунистов, студентов вузов, всей системы партийного просвещения и политического образования, однозначно изложила несколько сталинских «аксиом»: в революции

были два вождя — Ленин и Сталин; основная заслуга в построении социализма в СССР принадлежит Сталину; после Ленина у партии есть лишь один вождь — «мудрый», «дальновидный», «смелый», «решительный»... Сталинская концепция «вождь — партия», таким образом, в этом массовом издании была доведена до всего народа. Примитивизм изложения, элементарный схематизм сделали «Краткий курс» весьма доступным пособием практически для каждого человека.

После выхода книги в свет 1 октября 1938 года было проведено совещание пропагандистов Москвы и Ленинграда, на котором выступил Сталин. Стоит привести некоторые выдержки из его речи. «Одна из задач издания, — заявил Сталин, — ликвидировать разрыв между марксизмом и ленинизмом». Далее генсек дал понять, что пока существует лишь одна книга, которая в единстве рассматривает марксизм-ленинизм, — работа «Об основах ленинизма», тоже написанная им. Эта книга, без тени смущения продолжал докладчик, «излагает то новое и особенно, что внесено Лениным в марксизм. Не скажу, что там изложено все, но книга Сталина дает все основное, что внесено Лениным в марксизм». Вот так сам Сталин дал «высочайшую» оценку своему труду.

Гай Светоний, описывая жизнь Тиберия, уверял, что диктатор знал о своем будущем заранее и «давно предвидел, какая ненависть и какое бесславие ожидают его впереди». Сталин никогда даже не допускал такой мысли — его архив, записки, резолюции, письма, фотографии, кинохроника, стенограммы речей свидетельствуют об абсолютной уверенности вождя в своем бессмертии в народной памяти. После XVII съезда и до конца дней он, не будучи таким проницательным, как Тиберий, закреплял свою «славу» на века.

Постепенно «самодержавные» мотивы места вождя по отношению к партии, народу были закреплены во множестве культовых актов и «обрядов». Так, например, были учреждены Сталинские стипендии, Сталинские премии, хотя еще в августе 1925 года при участии Сталина было принято решение правительства об учреждении премии имени В. И. Ленина, но при единовластии вождя это постановление было просто забыто. Даже Государственный гимн, созданием и редактированием которого он лично руководил, отразил его роль в судьбе Отечества:

Нас вырастил Сталин на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

В гимне не было ни слова о партии, но оказались необходимыми слова о вожде... Постепенно в сознании советских людей утверждалась мысль, что Сталин — это не только вождь партии, но и вождь всего народа. В концентрированной форме эту идею публично в печати в декабре 1949 года выразил член Политбюро ЦК ВКП(б) Н. С. Хрущев:

«Все народы Советского Союза видят в Сталине своего друга, отца и вождя.

Сталин — друг народа в своей простоте.

Сталин — отец народа в своей любви к народу.

Сталин — вождь народов в своей мудрости руководителя борьбой народов».

Ем. Ярославский, один из придворных комментаторов сталинизма, в своей книжке «О товарище Сталине» выделяет специальную главу «Вождь народов». Главная ее идея: «рядом с Лениным, начиная с конца 90-х годов и всегда вместе с Лениным, всегда по одной дороге, никогда не сворачивая с этого пути, идет товарищ Сталин». В этой книжке-панегирике есть, однако, и верные мысли, которые, помимо своей воли, выразил автор. Так, в нескольких местах он нажимает на «беспоощадность Сталина к врагам». Что верно, то верно: вождь был беспощаден ко всем, кого он считал врагами.

Сталин, читая «творения», подобные книжке Ем. Ярославского, все больше утверждался в мнении, что высшей точки параболы своей судьбы он достигнет не скоро, — «вознесение», казалось, будет бесконечным. Так, как славили его, не славили ни одного российского императора! В конце концов он сам поверил в свою земную мессианскую роль: корни народной трагедии тем глубже погружались в социальную почву, чем торжественнее превозносился триумф вождя.

Отмечая все эти культовые уродства, следует вместе с тем сказать, что они на догматической основе играли стабилизирующую роль. Мы сегодня знаем, что сплочение народа, достижение его морально-политического единства возможно и на другой основе, но тогда, когда страна так и не приобщилась к социалистической демократии, упор на воспитание веры в вождя, его мудрость, непогрешимость быстро дал результаты. Несмотря на страшные репрессии конца тридцатых годов, тоталитарные тенденции в развитии государства, диктаторскую роль вождя, общество, его социальные устои были внешне прочными.

Спустя десятилетия после смерти Сталина, когда опубликованы многочисленные материалы о деяниях и преступлениях сталинских времен, есть еще очень много людей, которые по духовной, социальной инерции продолжают считать его великим преобразователем, мудрым вождем с «твердой рукой». Думается, что «тайна» живучести этой приверженности связана не только с временными, возрастными обстоятельствами («своя» судьба, «свое» время, «свои» кумиры), а прежде всего с тем, что всей системой пропаганды, воспитания, социальной жизни утверждалось: «социализм — это Сталин». Поэтому в огромной степени «верность» Сталину — это верность той давней, освещенной молодостью идее.

Дело, повторяем, не только в личных качествах Сталина: только силой своего влияния он был бы не в состоянии так изменить духовные и социальные структуры. Сама общественная практика, методы и политика возвеличивания роли одной личности постепенно создали определенную систему отношений. Только в этой системе Авторитет Вождя мог генерировать процессы, которые мы давно уже именуем «культом личности», только в этой системе отношений все или почти все стало «работать» на уси-

ние Авторитета Вождя. Но, конечно, особенно активно здесь «трудилось» непосредственное окружение, которое само стало неотъемлемым компонентом Авторитета. Да, в перекосе соотношения «вождь и партия» виновна не только одна личность.

Если бы все заключалось только в человеке, то после его ухода, смерти в этой системе, в этом механизме не надо было бы ничего менять: ведь носителя культовых явлений уже нет! Но в том-то и суть, что всё обстоит гораздо сложнее. Культ «господствующей личности», обожествляющий Авторитет Вождя, питается «соками» социальной среды, системы, где нет надежного демократического механизма гарантий, защиты от этого. Личностные деформации могут проявляться либо, как уже было в истории, в форме «субъективизма» или «волюнтаризма», либо в карикатурном самовозвеличивании и парадности, ведущих к социальному, экономическому и духовному застою.

Поскольку слишком часто (и это тоже справедливо!) указывают на большую роль в культовых уродствах личных качеств Сталина, попытаемся еще раз на новом уровне выделить в его портрете те черты, которые характеризуют интеллект генсека.

ИНТЕЛЛЕКТ СТАЛИНА

Интеллектуальные свойства в разной степени присущи каждому нормальному человеку. К. Маркс писал, что «человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы». Можно, пожалуй, сказать, что интеллект является не чем иным, как преимущественно рациональным уровнем сознания, выражающим способности человека к творческому освоению действительности. «Освоение» окружающего мира осуществляется интеллектом на уровне рассудочного мышления («здорового смысла»), разума (высшей мыслительной способности) и интуитивных операций. При общности основных характеристик каждый интеллект уникален, неповторим, своеобразен.

В последние годы, видимо, под влиянием все новой и новой информации негативного содержания о Сталине, его жизни и деяниях, стало складываться впечатление, что умственные способности этого человека не поднимались выше обыденного уровня. Иногда утверждается еще более категорично, что характеристика Троцкого в отношении Сталина как «выдающейся посредственности», по сути, является точной. С этим едва ли можно согласиться, поскольку трудно тогда понять, как человек, лишенный каких-либо приметных умственных способностей, мог с 1912 года входить в руководящие органы партии, как мог его Ленин называть одним из «выдающихся вождей», как удалось Сталину в сложнейшем клубке противоречий и политических лабиринтов беспощадной борьбы в двадцатые годы выйти победителем в борьбе с лицами, превосходившими его во многих отношениях.

Все дело в том, что, оценивая личность Сталина (и это естественно), вольно или невольно на первый план выдвигают его преступления, коварство, жесто-

кость, беспощадность к тем, кого он считал врагами. Но все это косвенно характеризует интеллект, а больше — нравственные грани человека. В этом смысле незаурядный интеллект Сталина — думаю, что он таковым и был, — как бы «обрамлен» многими атрибутами антигуманизма и потому глубоко обесценен. Если бы можно было охарактеризовать интеллект Сталина кратко, то, видимо, будет близка к истине формула «незаурядный злой ум». Ведь, например, при всей антигуманности нравственных воззрений Э. Теллера, «отца» американской атомной бомбы, никто не может отрицать у него мощного (возможно, дьявольского) интеллекта. Моральная ущербность сама по себе — огромная брешь в интеллекте, это его нравственные сумерки, без звезд и зарниц добра. Нравственные изъяны в структуре личности могут низвести даже сильный интеллект до функции счетной машины, логического механизма, до уровня рациональной сухой расчетливости.

Сталин, испытав еще до революции в интеллектуальных спорах с оппонентами немало тягостных, порой унижительных минут, не смирился с ролью статиста в этих диспутах, а старался максимально полно охватить круг обсуждаемых политических вопросов. При огромной загруженности — это удалось установить точно — Сталин весьма много работал над повышением своего интеллектуального уровня.

В личном архиве Сталина сохранился один любопытный документ. В мае 1925 года Сталин поручил своему помощнику Товстухе создать для него хорошую личную библиотеку. Товстуха, немного растерявшись от неожиданной задачи, спросил генсека:

— Какие книги должны быть в библиотеке?

Сталин, начавший было диктовать, внезапно остановился, сел за стол и в присутствии помощника на двух сторонах одного листа бумаги почти без раздумий за 20 минут написал записку библиотекарю, которую мы, несмотря на пространность, приведем полностью:

«Записка библиотекарю. Мой совет (и просьба)

1) Классифицировать книги не по авторам, а по вопросам:

- а) философия;
- б) психология;
- в) социология;
- г) политэкономия;
- д) финансы;
- е) промышленность;
- ж) сельское хозяйство;
- з) кооперация;
- и) русская история;
- к) история других стран;
- л) дипломатия;
- м) внешняя и вн. торговля;
- н) военное дело;
- о) национальный вопрос;
- п) съезды и конференции (а также резолюций), партийные, коминтерновские и иные (без декретов и кодексов законов);
- р) положение рабочих;
- с) положение крестьян;

- т) комсомол (все, что имеется в отдельных изданиях о комсомоле);
- у) история революций в других странах;
- ф) о 1905 годе;
- х) о Февральской революции 1917 г.;
- ц) об Октябрьской революции 1917 г.;
- ч) о Ленине и ленинизме;
- ш) история РКП и Интернационала;
- щ) о дискуссиях в РКП (статьи, брошюры);
- щ¹) профсоюзы;
- щ²) беллетристика;
- щ³) худ. критика;
- щ⁴) журналы политические;
- щ⁵) журналы естественнонаучные;
- щ⁶) словари всякие;
- щ⁷) мемуары.

2) Из этой классификации изъять книги (расположить отдельно)

- а) Ленина (отдельно)
- б) Маркса (—)
- в) Энгельса (—)
- г) Каутского (—)
- д) Плеханова (—)
- е) Троцкого (—)
- ж) Бухарина (—)
- з) Зиновьева (—)
- и) Каменева (—)
- к) Лафмарга (—)
- л) Р. Люксембург (—)
- м) Радека (—)

3) Все остальные классифицировать по авторам (исключив из классификации и отложив в сторону: учебники всякие, мелкие журналы, антирелигиозную макулатуру и т. п.)

29.V.25 г.

И. Сталин».

Учитывая, что это был фактически моментальный набросок, а также уровень «книжной цивилизации» того времени, нельзя не признать определенную широту взглядов Сталина. Если взять в качестве теста метод, невольно предложенный Сталиным, можно проверить себя на «энциклопедичность», степень универсальности, как и специализации. Во главу угла Сталин поставил, как видим, составные части научного социализма, историю, конкретные области знания, связанные с политической деятельностью и борьбой с оппозициями. Заметно беднее список персоналий, в котором мы видим, кроме Ленина, основоположников научного социализма, а также тех, с кем он полемизировал или будет полемизировать. В списке отсутствуют такие корифеи мысли, как Гегель, Кант, Фейербах, Руссо, Декарт, Дидро, многие социалисты-теоретики, бывшие его современниками.

На некоторых его книгах стоит экслибрис: «Библиотека №... И. В. Сталина». Мы уже говорили, что все тома первого издания Собрания сочинений В. И. Ленина испещрены подчеркиваниями, галочками и восклицательными знаками на полях. К некоторым работам Сталин, по-видимому, обращался не раз: отдельные строки из статей подчеркнуты и красным, и си-

ним, и простым карандашами. Больше всего Сталина, повторяем, интересовали мысли Ленина о диктатуре пролетариата, его борьбе с меньшевиками и эсерами, выступления на съездах.

Из современников Сталин чаще обращался к Бухарину и Троцкому. Например, книга: Академик Бухарин. «Техника и экономика современного капитализма», изданная в 1932 году, судя по подчеркиваниям красным карандашом, внимательно прочитана Сталиным, и его особенно заинтересовали выводы Бухарина о соотношении производительных сил и производственных отношений. На книге М. Смоленского «Троцкий», изданной в Берлине в 1921 году, подчеркнуты все места, критически оценивающие сталинского непримиримого оппонента: «Троцкий — колюч и нетерпим», «это натура властная, любящая повелевать», «политический властолюбец», «Троцкий — гениальный политический авантюрист». Сталин везде, где мог, искал аргументы против своего соперника. Видимо, много аргументов для борьбы с ним Сталин взял из брошюры самого Троцкого «Терроризм и коммунизм», изданной в 1920 году. Так же тщательно «изучена» книга Зиновьева «Война и кризис социализма», Каменева «Чернышевский», Бубнова «Основные моменты в развитии компартии в России», Нарвского «К истории борьбы большевизма с люксембургизмом», Стэна «К вопросу о стабилизации капитализма». Все, что касалось «борьбы», не оставалось вне поля зрения Сталина.

И еще. Постоянный, устойчивый интерес Сталин сохранил на всю жизнь к исторической литературе и прежде всего к жизнеописаниям императоров и царей. Книги Беллярмина «Курс русской истории», Виппера «Очерки римской империи», «Иван Грозный» и другие подверглись весьма тщательному изучению. У него всегда под рукой находились все учебники истории для средней школы, вузов с его пометами. Нетрудно догадаться, что в освещении соответствующим образом отечественной истории он также видел один из важнейших рычагов единовластия.

Помощники докладывали Сталину о заслуживающих внимания, по их мнению, материалах периодической печати из «толстых» журналов. В перерывах между работой над деловыми бумагами он иногда отвлекался на тридцать — сорок минут и брал в руки новинки художественной литературы, листал статьи в журналах. Порой после чтения нажимал кнопку звонка, входил помощник, и Сталин просил его позвонить тому или иному писателю, руководителю творческого союза с пожеланием, выражением мнения генсека. Бывали случаи, когда он сам брался за перо.

Так, пролистав книгу «В степях Украины» Корнейчука, сразу же набросал на листке короткое письмо: «Многоуважаемый Александр Евдокимович!

Читал Вашу «В степях Украины». Получилась замечательная штука, — художественно цельная, веселая, развеселая. Боюсь только, что слишком она веселая; есть опасность, что разгул веселья в комедии может отвести внимание читателя-зрителя от ее содержания.

Между прочим: я добавил несколько слов на 68 стр. Это для большей ясности.

Привет!

И. Сталин.

А «вставки» Сталина были следующими:

1) «налог теперь будут брать не от количества скота, а от количества гектаров колхозной земли».

2) «разводи сколько хочь колхозного скота, налог остается тот же».

Прагматический ум Сталина сработал и здесь — он не упустил случая, чтобы устами героев Корнейчука не пояснить одно из последних указаний ЦК.

Прочитав пьесу Эрдмана «Самоубийца», написал Станиславскому:

«Многоуважаемый Константин Сергеевич!

Я не очень высокого мнения о пьесе «Самоубийство» (так в тексте. — Д. В.). Ближайшие мои товарищи считают, что она пустовата и даже вредна... Не исключаю, что театру удастся добиться цели. Культпроп (т. Стецкий) поможет Вам в этом деле. Будут товарищи, знающие художественное дело. Я в этом деле дилетант.

Привет!

9.XI.31. И. Сталин.

Стараясь прослыть «либералом» в творческих кругах, Сталин кокетничает своим «дилетантством». А мы знаем, сколь категоричны его суждения по поводу не только пьес, но и книг, фильмов, музыки, архитектуры! Положение Первого лица в государстве, обязанного знать если не все, то очень многое, действительно делало Сталина «универсальным дилетантом», и он позволял себе иногда этим бравировать.

Сталин внимательно следил за литературой, выходящей и за рубежом. Ему почти все переводили (в одном экземпляре), что выходило из-под пера Троцкого. Просматривал Сталин и эмигрантские издания.

Бросается в глаза отношение Сталина к антирелигиозной литературе, которую он откровенно называет «макулатурой». Что бы ни говорили, а религиозное образование сказывалось у него всю жизнь. Часто элементы религиозного звучания проскальзывали в письменной и устной речи Сталина. Вспомним его драматическое выступление по радио 3 июля 1941 года, когда он обратился к народу с необычными для советской действительности словами: «Братья и сестры!»

Конечно, мы далеки от мысли утверждать, что, в мировоззрении Сталина существенную роль играли религиозные элементы. Но то, что ярко выраженный догматизм интеллекта имел своими истоками религию, представляется весьма вероятным. Сталин был апологетом формулы, заставших определений. Он мог часами искать нужное слово, выражение у классиков, чтобы «неотразимо», как он полагал, «ушутить», сразить своих оппонентов.

Мы уже упоминали, что во многих дискуссиях Сталин прибегал к одному и тому же приему, который всегда ставил в тупик оппонентов: он «подавал» себя «защитником» Ленина, исходил априори из того,

что только он правильно, верно истолковывает Ленина. Почти на любой аргумент противной стороны у Сталина быстро находилась цитата, выражение Ленина, иногда высказанные совсем по-другому поводу, — он давно заметил, что броня из ленинских цитат делает его практически неуязвимым.

Зиновьев, обсуждая однажды коминтерновские дела, когда их отношения уже основательно испортились, в споре бросил Сталину довольно удачную фразу:

— Для вас ленинская цитата — как охранный грамота вашей непогрешимости. А надо видеть ее суть!

— А разве плохо идея быть «охранной грамотой» социализма? — тут же нашелся Сталин.

Прямолинейность, наступательность, воинственность, грубость Сталина в конце концов помогли ему повергнуть своих оппонентов. Странное дело: нередко более тонкие, иногда даже изящные аргументы Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина не встречали поддержки в аудитории, а грубоватые, плоские, часто просто примитивные филиппики Сталина, тесно увязанные с «защитой» Ленина, генерального курса партии, единства ЦК и т. д., быстрее доходили до сознания людей. Сталин в бесчисленных спорах и полемике с ними одолевал их главным своим аргументом: они хотели «ревизовать ленинизм», а он его «защитил». Такая интерпретация уже с начала тридцатых годов стала официальной.

Сталинское мышление было очень схематичным, он любил все «разжевывать», популяризировать до элементарщины. И если оппоненты излагали свои идеи иначе, генсек это квалифицировал очень жестко: «немарксистский подход», «проявление мелкобуржуазности», «анархистская схоластика».

Догматический интеллект Сталина оказался неспособным постичь хотя бы относительные глубины философии. Генсек, мы знаем, чувствовал это сам, поскольку долго и настойчиво пытался расширить свои знания в области философии. По рекомендации руководства Института красной профессуры Сталин пригласил к себе для своеобразных «уроков по диалектике» известного в то время советского философа Яна Стэна, из плеяды старых большевиков. Стэн работал заместителем директора Института Маркса и Энгельса, был затем ответственным сотрудником аппарата ЦК, избирался делегатом ряда партийных съездов, был членом ЦКК. Как Карев и Луппод, он со временем будет объявлен «меньшевистствующим идеалистом», теоретическим «прислужником троцкизма». Но это будет потом, а пока Стэн выступил в качестве «учителя философии», а Сталин в роли «ученика».

Стэн разработал специальную программу занятий, в которую включил изучение трудов немецких классиков Гегеля, Канта, Фейербаха, Фихте, Шеллинга, а также Плеханова, Каутского, Брэдди. Дважды в неделю он приходил к Сталину в назначенный час и терпеливо пытался разъяснить высокому ученику гегелевские концепции о субстанции, отчуждении, тождестве бытия и мышления — понимания реального мира как проявления идеи. Высокая абстрактность раз-

дражала Сталина, но он пересиливал себя и продолжал слушать монотонный голос Стэна, изредка перебивая репликами: «Какое все это имеет значение для классовой борьбы?», «Кто использует всю эту чепуху на практике?», «Какое это имеет значение для теории марксизма?».

Сталин смог лишь отрывочно как-то понять закон перехода количественных изменений в качественные, но не одолел сути диалектического отрицания, единства противоположностей, а также, несмотря на все ухищрения Стэна, не смог усвоить тезис о единстве диалектики, логики и теории познания. Анализ сталинских «философских работ» и фрагментов свидетельствует, что все они на грани примитивизма и элементарщины. Уроки Стэна фактически не помогли генсеку придать более философский характер своему интеллекту. Может быть, поэтому у «ученика» ничего не осталось к «учителю», кроме неприязни. Стэн, как и ряд других философов, учеников Деборина, был в 1937 году арестован и погиб.

Казалось, что та же участь ожидает и академика А. М. Деборина, весьма близкого в конце двадцатых годов к Бухарину. Но Сталин ограничился тем, что надолго приклеил к крупному ученому ярлык «воинствующего идеалиста-меньшевика», отстранил его от активной общественной и научной работы. В октябре 1930 года состоялось заседание президиума Комкадемии, где обсуждался вопрос «О разногласиях на философском фронте». Заседание свелось, по существу, к долгой «проработке» академика Абрама Моисеевича Деборина за его «недооценку ленинского этапа в развитии марксистской философии». Деборин отчаянно защищался, но выступающие Милютин, Митин, Мелонов, Ярославский «уличали» его, а заодно и Стэна, Карева, Луппола в «недооценке» материалистической диалектики. После заседания президиума страсти в Академии продолжали бушевать — ученые не могли мириться с внесением полицейских методов в науку. Пожалуй, философия была первой жертвой сталинского «науковедения». Генсек ясно дал понять: в общественной науке лидер должен быть один, тот, кто является лидером политическим.

Сталин в декабре того же года выступил с докладом о положении на «философском фронте». Формально это было выступление на бюро партийной ячейки Института красной профессуры, который возглавлял Деборин. Речь Сталина была категоричной, она весьма красноречиво свидетельствует об уровне его философского мышления, рациональности его интеллекта:

— Надо разворошить и перекопать весь навоз, который накопился в философии и естествознании. Все, что написано, деборинской группой, — разбить. Стэна, Карева вышибить можно. Стэн, хорохорится, а он ученик Карева. Стэн — отчаянный лентяй. Он умеет лишь разговаривать. Карев важничает и ходит как надутый пузырь. Деборин, по-моему, безнадежный человек, однако в редакции (речь идет о журнале «Под знаменем марксизма». — Д. В.) его надо оставить, чтобы было кого бить. Будете в редакции иметь два фронта, но у вас большинство...

После выступления докладчику посыпались вопросы:

— На чем следует сосредоточить свое внимание Института в философской области?

— Бить — главная проблема. Бить по всем направлениям и там, где не били. Тегель для деборинцев — икона. Плеханова надо разоблачить. Он всегда свысока относился к Ленину. И у Энгельса не все правильно. В его замечаниях об Эрфуртской программе есть местечко насчет вращающегося в социализм. Это пытался использовать Бухарин. Не беда, если где-то в своей работе заденем Энгельса...

Вот так Сталин «наставлял» философию, примитивно разбираясь в ней. Главное — «бить»... А какой должна быть марксистская философия, он показал в специальном разделе «Краткого курса истории ВКП(б)». Его рубленые фразы делят всю философию на три основные черты, ничего больше! Это типичная метафизика, которую Сталин называл диалектикой. Для ликбеза при наличии других работ эта «философская азбука» могла еще сойти, но после сталинских работ никто из ученых уже не смел на эту тему писать, можно было только комментировать, разъяснять, прославлять. Сталинское время — период глубокой стагнации и деградации философской мысли. Да и философской ли только?

Ум Сталина отражал мир, действительность, естественно, не зеркально, созерцательно, а целенаправленно, если так можно сказать, «выборочно». Сталин изучал, анализировал все общественные и социальные процессы через призму классовости политических позиций, принятых программ. Интеллекту генсека была присуща высокая прагматичность. Есть свидетельства, что, обсуждая просмотренные фильм, спектакль, прочитанную книгу, Сталин нередко от высказываний о достоинствах или недостатках произведения прямо переходил к каким-либо практическим выводам, иногда имеющим весьма отдаленное отношение к просмотренному или прочитанному.

Мышление Сталина со временем приобрело, если так можно сказать, «директивный» характер. Очевидно, генсек хорошо усвоил истину: ум слабеет не от «износа», а «ржавеет» лишь от лениности мысли и бездеятельности.

А. П. Балашов рассказывал мне, что Сталин в течение суток перерабатывал колоссальное количество информации: доклады, справки, телеграммы, шифровки, письма, оставляя почти на каждом документе распоряжения. В иные дни Сталин «пропускал» через себя по сто — двести документов. Ум его всегда работал с «нагрузкой».

Прочитав кипу писем, адресованных ему лично, и набросав на них лаконичную резолюцию: «Поблагодарите за доброе отношение», «Помогите человеку», «Ерунда какая-то», он нередко выбирал одно-два из стопки и отвечал обстоятельно. Так он поступил, например, с письмом старого большевика Шнеева из Ленинграда, который спрашивал генсека об опасности реставрации капитализма и о том, есть ли уклоны в Политбюро.

Сталин на листе из большого блокнота написал четким, разборчивым почерком:

«Тов. Шнеер!

Опасность реставрации у нас существует. Правый уклон недооценивает силу капитализма. А левый — отрицает возможность построения социализма в нашей стране. Он намерен провести свой фантастический план индустриализации ценой раскола с крестьянством.

В Политбюро у нас нет ни левого, ни правого уклона.

27.X.28 г.

С ком. приветом И. Сталин».

Алексей Стаханов и Грант поставили перед правительством вопрос об «обучении на инженеров и техников» путем освобождения стахановцев от производства на один-два дня в шестидневку. Многие поддерживали это предложение, оно казалось новым, революционным.

Сталин прочел документ и коротко написал:

«т. Орджоникидзе.

Дело не серьезное.

И. Ст.».

По текущим, «мелким» вопросам Сталин принимал решения, как правило, не советуясь. Со временем его интеллект приспособился к быстрому переходу при решении самых различных вопросов: экономических, социальных, политических, военных, юридических, международных, идеологических, и нам непросто в таком случае проследить способности Сталина к творческому решению возникающих проблем. Мы помним, что он все стремился делать в соответствии со схемой, постулатом, устоявшимся представлением. Вместе с тем генсек был способен и к интуитивному мышлению, когда выводы и решения приходили, как бы «перескакивая» через этапы, ступени познания.

Болезненную подозрительность Сталина нельзя считать проявлением его интуитивного мышления (догадка, подозрение), она была следствием его глубоко ущербной позиции — во всех видеть потенциальных врагов. Беспочвенное подозрение обычно возникает при дефиците каких-то нравственных элементов в сознании, именно так и было у Сталина. Он мог посмотреть на кого-либо, из своих соратников и заявить: «Почему ты сегодня не смотришь прямо?», «Почему ты избегаешь смотреть мне в глаза?»

Следует назвать еще одну черту сталинского интеллекта — это воля. Наличие сильной воли делает интеллект активным, деятельным, целеустремленным. Обычно такой интеллект чаще встречается у военачальников и полководцев. Не случайно, что именно они прежде всего отмечают наличие сильного интеллекта у Сталина.

Мы еще будем рассматривать Сталина в роли Верховного Главнокомандующего, но сейчас, характеризуя его мышление, приведем некоторые свидетельства выдающихся советских полководцев Жукова и Василевского, много работавших с ним бок о бок в годы войны. Маршал Жуков отмечал в Сталине «способность четко формулировать мысль, природный аналитический ум, большую эрудицию и редкую память». В другом месте своих воспоминаний он

пишет, что Сталин «читал много и был широко осведомленным человеком в самых разнообразных областях знаний. Поразительная работоспособность, умение быстро схватывать суть дела позволяли ему просматривать и усваивать... такое количество самого различного материала, которое было под силу только незаурядному человеку... Он обладал сильной волей, характером скрытым и порывистым. Обычно спокойный и рассудительный, временами он впадал в острое раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он резко менялся на глазах, еще больше бледнел, взгляд становился тяжелым, жестким».

Маршал Василевский, отмечая многие характерные качества Сталина, выделяет у него «удивительно сильную память. Я не встречал людей, которые бы так много помнили, как он. Сталин знал не только всех командующих фронтами и армиями, а их было свыше ста, но и некоторых командиров корпусов и дивизий... В течение всей войны И. В. Сталин постоянно помнил состав стратегических резервов и мог в любое время назвать то или иное формирование».

Приведем еще одно свидетельство, характеризующее интеллект Сталина, на этот раз У. Черчилля. Когда он доложил о плане «Торп», Сталин быстро оценил его стратегические преимущества. «Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление», — писал английский премьер. — Оно доказывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей смогли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все оценил молниеносно».

Трудно что-либо возразить против наличия у Сталина немалой «мыслительной силы», высокой целеустремленности, сильной воли. Думается, не только игра случайности и различного рода стечения обстоятельств вынесли его в годы революции и гражданской войны в число соратников Ленина. Важно подчеркнуть: Сталину удавалось проявить свои сильнейшие качества — волю и целеустремленность — обычно тогда, когда в них была особая нужда. Может быть, поэтому они были тогда замечены; может быть, поэтому сам Сталин поверил в себя; может быть, поэтому ему удалось многое из того, что оказалось невозможным для других?

Интеллект Сталина, будучи незаурядным, но отнюдь не «гениальным» или выдающимся, не имел рациональных «тормозов» в оценке собственных возможностей. Сталин безапелляционно мог судить почти о всех сферах знания — от политической экономии до языкознания, наставлять специалистов в области кинематографии и сельского хозяйства, делать решающие выводы в области военного дела и истории. Эта всеядность в подавляющем большинстве оборачивалась его дилетантскими суждениями, которые хором «хвалителей» немедленно возводились в ранг высших откровений.

Для «обычного» человека, не «вождя» гигантской страны, «мыслительная сила» была достаточной. Но ее нужно обязательно сопоставить с масштабами ре-

шаемых человеком проблем. В этом случае исключительно меткой и проницательной окажется характеристика, данная Троцким Сталину. Она была высказана им 27 сентября 1927 года на заседании объединенного заседания Президиума Исполнительного Комитета Интернационала в присутствии Сталина. Троцкий в своем докладе заявил: «Личное несчастье Сталина, которое все больше становится несчастьем партии, состоит в грандиозном несоответствии между идейными ресурсами Сталина и тем могуществом, которое сосредоточил в своих руках партийно-государственный аппарат». Троцкий на этом заседании был исключен из членов Исполнительного Комитета Коминтерна, но тем не менее оставил провидческую характеристику ущербности интеллекта Сталина, не соответствующего размаху исторических задач. При всех своих ошибках и заблуждениях левака Троцкий довольно часто оставлял исторические следы революционера-пророка.

Приведем пример из истории уничтожения одного из величайших русских памятников культуры — храма Христа Спасителя. Как известно, по предложению группы геростратов-архитекторов Каганович и Молотов предложили Сталину для строительства Дворца Советов (в соответствии с решением, принятым еще в 1922 году) именно то место, где возвышался великолепный храм.

Сталин быстро одобрил предложение снести храм, его интеллектуальная ущербность в этом факте проявилась в полной мере: он оказался не в состоянии оценить бесценную историческую значимость этого памятника, построенного на пожертвования народа. И храм, создававшийся около полувека, был снесен 5 декабря 1931 года.

Примат политического всегда брал верх, когда речь шла об истории, культуре, искусстве. Сильный прагматизм интеллекта Сталина был не в состоянии сопоставить конкретные исторические и культурные ценности с вечностью, эпохой, временем. Например, заявление Хрущева на февральско-мартовском (1937 года) Пленуме о том, что, «перестраивая Москву, мы не должны бояться снести дерево, церквушку или какой-нибудь храм», встретило молчаливое одобрение генсека.

Мы отмечали, что интеллект проявляет себя преимущественно в сфере рационального сознания, однако для него свойственны и некоторые сложные чувства: любознательность, удивление, уверенность, сомнение. Эти чувства, которые условно можно назвать «интеллектуальными», сопровождают процесс проявления творческого мышления человека. Именно об этой роли чувств говорил В. И. Ленин, отмечая, что без эмоций никогда не бывало, нет и не может быть человеческого искания истины. Сталин умел «прятать» непосредственные чувства, он был чужд сентиментальности.

АТРИБУТ ЦЕЗАРИЗМА

В начале 1937 года немецкий писатель Лион Фейхтвангер посетил Москву. Результатом его поездки стала апологетическая книга «Москва 1937».

В этом «отчете о поездке для моих друзей» Фейхтвангер не скрывал, что он пустился в путь в качестве «симпатизирующего». За время пребывания в СССР его симпатии к стране еще больше возросли. Но что не мог не заметить Фейхтвангер и чему посвятил едва ли не большую часть своей книги — это место Сталина в жизни советских людей. «Поклонение и безмерный культ, которыми население окружает Сталина, — это первое, что бросается в глаза иностранцу, путешествующему по Советскому Союзу. На всех углах и перекрестках, в подходящих и неподходящих местах видны гигантские бюсты и портреты Сталина. Речи, которые приходится слышать, не только политические речи, но даже и доклады на любые научные и художественные темы пересыпаны прославлениями Сталина, и часто это обожествление принимает безвкусные формы».

Когда Фейхтвангер сказал об этом лично Сталину при встрече, тот лишь пожал плечами и ответил, что рабочие и крестьяне были слишком заняты другими делами и не могли развить в себе хороший вкус, и слегка пошутил по поводу сотен тысяч увеличенных до чудовищных размеров портретов человека с усами — портретов, которые мелькают у него перед глазами. Вот как объяснял Сталин массовое идолопоклонство: у народа не развит «хороший вкус».

Культовый вождизм можно назвать цезаризмом XX века. Напомню: цезаризм как политическая система ведет свой отсчет от владычества Юлия Цезаря. Будучи лишь магистратом, слугой народа, который являлся и должен являться единственным сувереном, Юлий Цезарь тем не менее сосредоточил всю верховную власть в полном объеме. Сохранив старые республиканские формы правления, признавая на словах ее демократические prerogatives, Цезарь превратил народные собрания в послушное орудие одобрения своей воли. Цезарь создал новую прослойку — патрицианское сословие, разновидность древней бюрократии, — которая стала главным инструментом его власти.

Разумеется, я далек от мысли проводить прямые аналогии, но косвенные можно. Цезаризм в условиях XX века — это диктатура единовластия при сохранении всех внешних атрибутов государственной демократии. Конечно, это не легитимная (монархическая) власть, данная «божиею милостью». Любой современный «цезарь» оскорбился бы, если бы был сделан хоть намек на это. Но термин «цезаризм» уместен как выражение узурпации власти отдельной личностью при сохранении формальных признаков народовластия. Другими словами, речь идет не об аналогиях, а о политическом принципе.

Как сложилась цезаристская, вождистская концепция, каковы ее предпосылки? Без выявления этих истоков трудно понять, как Сталин при всей своей жестокости, попрании элементарных общечеловеческих норм был популярным в народе. Сейчас еще многие пожилые люди, часто даже терпевшие в жизни невзгоды, связанных с культом личности, с немалой симпатией относятся к давно умершему вождю. Мы уже говорили ранее, что страна, жившая столетия под сенью царской короны, не могла, к сожалению, за несколько

лет после революции так легко отбросить груз старого мышления, как другой самодержавный хлам. Царя, династию, царские атрибуты в стране уничтожили, а мышление, склонное боготворить сильную, державную личность, осталось.

С конца двадцатых годов стал сильно ощущаться дефицит демократии. Начало двадцатых годов в этом отношении выглядит весьма привлекательно: издается множество журналов, существует большое количество добровольных обществ, в печати можно высказывать самые различные точки зрения, критика является естественным элементом повседневной жизни. Например, «Правда» считала нормальным сообщить, что, например, на XIV съезде РКП(б) за резолюцию по докладам Сталина и Молотова голосовало 559 делегатов, против — 65; сообщалось, кто наиболее существенно поддержал заем индустриализации и на какую сумму; можно было узнать, что на 1 сентября 1926 года было зарегистрировано один миллион двадцать шесть тысяч безработных.

Со временем правда станет жестко «дозироваться», будет строго определяться, сколько ее «выдать», когда и каким образом. В таких условиях людям сложно делать выводы в отношении тех, кто руководит народом, кто способен быть лидером. В. И. Ленин еще на заре века писал, что партия должна вести дело так, «чтобы она видела перед собой, как на ладони, всю деятельность каждого кандидата на этот высокий пост, чтобы она ознакомила даже с их индивидуальными особенностями, с их сильными и слабыми сторонами, с их победами и «поражениями». Открытость, гласность подобны свету, поэтому Ленин призывал и требовал: «Света, побольше света!» Правда воистину не может быть роскошью. Однако со временем и сам Сталин, и его окружение, и многие их решения окажутся отгороженными непроницаемой завесой от людей и общественного мнения. Возьмем акты незакония, репрессии против невинных людей. Что было известно о них? Знали лишь о крупных деятелях, известных ученых, выдающихся военачальниках, а основная масса несчастных исчезала незаметно в немоте ночи, и часто навсегда. Сама чудовищная форма, применяемая ко многим арестованным — «без права переписки», — была апофеозом преступной антигласности.

Постепенно люди научились потреблять лишь часть правды, совсем не зная о другой ее половине. Миллионы людей 20 февраля 1938 года узнают, что в Гренландском море ледоколами «Таймыр» и «Мурман» снята с дрейфующей льдины четверка отважных зимовщиков: И. Д. Папанин, П. П. Ширшов, Э. Т. Кренкель, Е. К. Федоров, но ничего не было сообщено, что одновременно заканчиваются последние приготовления к суду-спектаклю над Н. И. Бухариным, который начнется через две недели.

В условиях всеобщих запретов, контроля, цензуры, ограничений неосторожное слово, действие, поступок могут быть расценены как покушение на монополию истины.

«Заталкивание» правды в прокрустово ложе сталинских схем создавало духовные условия для утверждения концепции вождизма. Темные стороны, темные пят-

на, мрачные замыслы, коварные планы могут быть только у троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, всех, кто выступает против народа. Человек, который распознал, увидел, разгромил всю эту «нечисть», обладает прозорливостью, проницательностью, мудростью. И этот человек, Сталин, понимал, что нужно стимулировать энтузиазм, шире пропагандировать успехи, объяснять неудачи главным образом «вредительскими происками».

Тогу вождя, пусть и не пурпуровую, а в виде скромной красноармейской шинели, он не мог бы надеть без широкого контроля над умонастроениями людей. Власть над сознанием формировала нужные духовные состояния — энтузиазм был неподдельный, подвижничество было часто жертвенным, люди искренне требовали смерти, суровой кары изменникам. Даже такой пионер трудового героизма, как Алексей Стаханов, чье имя было у миллионов на устах, писал: «Когда в Москве происходил процесс сначала Зиновьева — Каменева, потом Пятакова и его банды, мы немедленно потребовали, чтобы их расстреляли. В нашем поселке даже те женщины, которые, кажется, никогда политикой не занимались, и те сжимали кулаки, когда слушали, что пишут в газетах. И стар и млад требовал, чтобы бандитов уничтожили».

Вырастали новые поколения, в основе убеждений которых была глубокая вера в правильность всех шагов «великого вождя». Мало кто задумывался, что вере очень недоставало полной истины. Когда ныне реабилитированы, то есть признаны невинными в том, что им инкриминировалось, практически почти все политические противники Сталина, совсем по-иному предстает и вся прошлая борьба в партии. Многие ошибались, но настоящих врагов, какими изображал их Сталин, повторяем, было очень мало. Однако инкомыслие представлялось Сталиным наихудшей разновидностью вражеской деятельности. Малейшее подозрение, только подозрение могло вырасти в обвинение, которое вело к трагическому концу.

4 августа 1938 года Ворошилов, например, направил Сталину статью М. Кольцова с такой запиской:

«Тов. Сталину.

Посылаю статью т. Кольцова, которую он так давно обещал. Прошу посмотреть и сказать, можно ли и нужно ли печатать. Мне статья не нравится.

К. Ворошилов».

Сталин резолюции на записке не оставил, однако, как удалось установить, отдал распоряжение внимательно «разобраться с Кольцовым», за которым уже следили. Этого было достаточно, чтобы подозрение закончилось трагедией писателя. Даже Цезарь не проявлял такую воинственную нетерпимость и беспощадность.

Сталин вообще, очень часто обходился без резюмирующих. Я, наверное, просмотрел не одну тысячу документов, адресованных лично ему, — документов о ходе сева, выполнении планов строительства, перемещениях руководящего состава, строительства военных заводов, расшифрованные телеграммы разведорганов,

переводы статей из буржуазной печати, различные «прожекты», с которыми к нему обращались изобретатели и просто одержимые маниакальной идеей люди. В большинстве случаев он просто расписывался: «И. Ст.» или «И. Сталин».

Поскребишь до доклада прикреплял «клапанок» — квадратик бумажки с возможным предложением по решению дела и кому его далее направить. Часто Сталин, соглашаясь с проектом решения, ставил свою подпись на этом крохотном листке, который для многих людей означал их дальнейшую судьбу. Передавая своему помощнику бумаги, Сталин отдавал отдельно сложенную стопку документов без его резолюций и коротко бросал: «Согласен».

Концепция сталинского цезаризма складывалась на основе все растущей централизации власти. Анализируя резолюции Сталина, убеждаешься, что часто ещё до решения высших государственных и правительственных органов власти все было предопределено. Одновременно сложилось глубокое разделение социального критерия общественного развития: все, что решалось успешно, творчески, новаторски, тут же приписывалось «мудрому руководству товарища Сталина», все, что было связано с отставанием, невыполнением планов, головотяпством, бюрократией, косностью, нехватками, объяснялось «происками» тропиков, двурушников, диверсантов, шпионов, вредителей.

Конечно, наивно смотреть на Сталина как на руководителя, который принимал только ошибочные решения, совершал преступления, делал все, чтобы целенаправленно ослабить общество. Это было бы большим упрощением. Сталин действовал в соответствии со своим, во многом глубоко ошибочным, представлением о социализме и путях его построения. Идеал, модель, контуры социализма он видел во многом, возможно, главным, иначе, чем это представляли Ленин и многие его соратники. А видел иначе не потому, что не понимал ленинской концепции, а потому, что в центре этой концепции он давно уже отвел место себе, «вождю на все времена».

Эпизодически Сталин делал «знаки», изображал «жесты», с помощью которых хотел убедить партию, массы в том, что он против своего прославления, идолопоклонства. С полной уверенностью можно сказать, что эти «протесты» были, как говорится, тонко рассчитаны «на публику». В его архиве, например, имеется такое письмо:

«Тов. Андрееву (Детиздат ЦК ВЛКСМ) и Смирновой (автору «Рассказов о детстве Сталина»).

Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина». Книжка изобилует массой фактических неверностей... Но не это главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория. Народ делает героев — отвечают большевики...

Советую сжечь книжку.

16 февраля 1938 г.

И. Сталин».

Написанное четким почерком письмо рассчитано на еще большее прославление Сталина. Кто может теперь сказать, что ему чужда скромность? Но здесь есть и другая сторона: вождь никогда не любил вспоминать свое детство, которое у него ассоциировалось с такой глубокой пропастью по сравнению с той вершиной, где он находился сейчас, что у него кружилась голова. Да и зачем людям знать, что он был такой же, как все?

Концепция культового вождизма питалась и тем обстоятельством, что, например, к трагическому 1937 году Сталин был на своем посту уже целых пятнадцать лет! Так уж произошло, что Ленин не успел в деталях разработать механизм ротации, периодической смены одних руководителей другими. Хотя, как мы говорили ранее, в последних работах Ленина содержались глубокие идеи постоянного обновления центральных органов государственной власти, руководства в партии. Сталин их просто не «заметил», а добившись к середине тридцатых годов единовластия, он, естественно, не намеревался создавать и отлаживать демократический механизм передачи власти от одного руководителя к другому. И никто уже не мог, разумеется, даже поставить вопрос о длительности пребывания генсека на посту.

Сейчас много спорят и пишут, как могла бы развиваться история нашего Отечества, выполни XIII съезд партии волю Ленина. В этой связи хотелось бы сделать одно замечание. История не запрограммирована. Мы можем давать научный прогноз на 2000 год, можем пытаться представить и более дальний эшелон прогноза, но как реализуется предвидение, с полной точностью никто сказать не может. Часто свершившееся кажется нам неизбежным, а потому и закономерным. В действительности же это лишь одна из многих реализованных возможностей. То, что Сталин остался у власти, — историческая реальность, но она не была неизбежной.

Кажется, зачем гадать по поводу того, что не произошло, не случилось? Но люди почему-то всегда возвращаются к прошлому и ищут, как выразился однажды Ключевский, то место, за которое они «запнулись». Мы хотим постигнуть корни былых ошибок, просчетов, промахов, которые обычно в истории оплачиваются слишком дорогой ценой. Поэтому сегодня можно утверждать, что если бы пребывание Сталина на посту генсека было определено конкретным установленным сроком, культового уродства почти наверняка бы не было, хотя, разумеется, сроки пребывания первого лица партии и государства на высшем посту не единственное условие гарантии народовластия.

В многочисленных письмах читателей, полученных мною, есть и такие, где говорится: «Не будь Сталина, кто знает, выжили бы мы или нет», «Кто может сказать, как повернулась бы война без Сталина?», «В трудное время выживания социализма нужен был такой сильный человек, как Сталин».

Обращение этих людей к Сталину, его времени, «порядку в обществе» не случайно. Главная причина реанимации интереса и возвеличивания давно умершего вождя выступает как своеобразная

реакция людей на годы застоя с коррупцией, разложением, бездуховностью, дуализмом. Та же «брежневщина» есть не что иное, как исторический продукт той системы, которую так долго создавал Сталин. Нынешние трудности обновления связаны, в частности, с заметной декларативностью и явно недостаточными конкретными результатами. При низкой демократической культуре многих людей гласность, другие реальные свободы и права слабо увязываются с обязанностями, делом, деятельной стороной перестройки. Тема обновления и «порядка» не столь уж консервативна, как иные понимают. Без высокой организованности, дисциплины, ответственности, законности быстро обесцениваются и демократические достижения.

Наш народ никогда не был беден на таланты и светлые головы. При демократическом способе определения своих руководителей на самых ответственных постах всегда могут оказаться люди, достойные исторического признания. Без боязни впасть в ошибку можно сказать, что все то, что мы стыдливо называем проявлениями «субъективизма», годами «застоя», по большому счету есть не что иное, как результат культового вождизма, последствий современного цезаризма. Предпосылки сталинского единовластия могли способствовать рождению культа личности только в условиях формальной демократии. Именно она, формальная демократия, привела к тому, что уже в тридцатые годы сложилась система административных отношений, когда партийные органы стали в огромной степени подменять государственную власть.

Партия, осуществляя роль идейного, политического, коллективного руководителя, незаметно сбилась на широкую подмену всех институтов Советской власти, стала главным инструментом сталинского единовластия. И когда Жданов в феврале 1937 года в осторожной форме поставил вопрос о «нежелательности подмены» партийными органами хозяйственных органов, Сталин, заключая обсуждение доклада «О подготовке партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР», не преминул однозначно и жестко подчеркнуть: «Нельзя политику отделять от хозяйственной деятельности. Партийным организациям нужно по-прежнему вплотную заниматься хозяйственными вопросами». Роль Советов «непосредственно» была низведена до второстепенного придатка партийной власти.

Для цезаризма всегда было необходимо уравнивание всех в бедности, единомыслие и бездумность, исключительно важны для него готовность откликнуться на лозунги и призывы, способность донести, «сообщить» в вышестоящие органы. У меня в архиве лежит несколько десятков писем (нет, не мне), а в вышестоящие органы с требованием, чтобы мне «запретили» писать о Сталине, чтобы меня «наказали», «пресекли», «разжаловали». Кроме жалости, эти люди сегодня ничего не вызывают. Но подобная психология опасна, и в прошлом благодаря ей отправили в могилы тысячи честных людей. Без доноительства цезаризм также существовать не может.

Цезаризм создавал гарантии не народовластия, а

«господствующей личности». Именно поэтому ни в Конституции, ни в партийном Уставе не были оговорены, например, prerogативы Генерального секретаря, его взаимоотношения с государственными институтами. Все это способствовало, как того и хотел Сталин, огосударствлению партии, превращению ее в аппарат, механизм власти, а не общественное объединение людей, приверженных определенной системе ценностей и идей. Подлинная демократия как главный гарант недопущения единовластия лежит в плоскости развития советского парламентаризма, повышении роли Советов, отчетности исполнительных органов, ротации кадров на выборных должностях.

Сегодня многие люди в условиях, когда у нас в стране идут, хотя и трудно, позитивные преобразования, считают, что культ личности после всего того, что мы знаем о Сталине, просто невозможен. Думаю, что это не так, — культ личности может иметь самые различные формы и проявления. И совсем не обязательно бояться только цезаристской, диктаторской формы. Она, эта форма, по моему мнению, может быть совсем другой, возможно, даже в «гуманистической» упаковке, если мы не создадим четкую систему правовых, политических, нравственных гарантий. Начиная от крупных мер: максимально широкого влияния людей на процесс выборов, выдвижения руководителей — и до «мелочей»: широкой гласности в назначении помощников, референтов, играющих тем не менее огромную роль в ходе принятия решений. У каждого решения должны быть конкретные авторы, и о них должны знать люди. Думаю, тот, например, кто когда-то предложил первым переименовать город с поэтическим, прекрасным названием «Набережные Челны» в город «Брежнев», заслуживает, чтобы о нем мог сказать свое мнение народ. А сколько подобных бездуховных и головотяпских предложений было реализовано? Однако действительные авторы их навсегда остались в тени.

Да, трудно измерить ущерб, который нанесли общественному сознанию мифы, культивировавшиеся в то время. И главный из этих мифов — «непогрешимость, мудрость и прозорливость всепобеждающего вождя», как его именовали официальные издания. Люди верили, когда читали такие, например, строки: «На мавзолее Ленина, окруженный своими ближайшими соратниками — Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Калининым, Орджоникидзе, стоял Сталин в серой солдатской шинели. Спокойные его глаза смотрели в раздумье на сотни тысяч пролетариев, проходящих мимо ленинского саркофага уверенной поступью лобового отряда будущих победителей капиталистического мира... К сжатой, спокойной, как утес, фигуре нашего вождя шли волны любви и доверия, шли волны уверенности, что там, на мавзолее Ленина, собрался штаб будущей победоносной мировой революции». Эти строки, написанные в 1934 году, принадлежат К. Радеку.

Со школьных лет человеку внушали: «Сталин думает о нас», — и это не просто «воспитывало» молодых. Непрерывный психологический «массаж» созна-

ния вел к перерождению кадров. Отныне ценились лишь те работники, которые готовы были соглашаться с самыми абсурдными постулатами, выводами, решениями, если они были освящены волей Сталина. Едва ли верил А. И. Микоян собственным словам, говоря в докладе, посвященном 20-летию ВЧК — ОГПУ — НКВД: «Учитесь у товарища Ежова сталинскому стилю работы, как он учился и учится у товарища Сталина!», о чем сообщала «Правда» 21 декабря 1937 года. Но так должны были говорить все, кто занимал хотя бы маломальский пост, да и не только они. Большинство верило в эти заклинания, а кто не верил, все равно произносил их. Тот трудный, едва уловимый в то время шанс совести, выражающийся в принципиальном несогласии с культовым вождизмом, цезаризмом, пытались использовать очень немногие. Как писал поэт Е. Евтушенко:

Потихоньку людей приручили
И на все налагали печать.
Где молчать бы — кричать приучили,
И молчать, где бы надо кричать.

Писать портреты ушедших людей не просто. И большую помощь оказывают мне воспоминания людей, знавших Сталина лично. Всем им сегодня далеко за восемьдесят. Слушая их негромкие голоса, словно смотришь в бинокль, но с обратной стороны... Все видится не просто уменьшенным, а удаленным растущей временной исторической дистанцией. Каждый такой рассказ о «великом вожде» непременно сопровождается полутным описанием и тех, кто как бы скрывался в его тени. При жизни о них знали мало. И не только потому, что некоторые из них лишь мелькнули на фоне Сталина и исчезли — Г. Я. Сокольников, Н. А. Угланов, С. И. Сырцов, В. Я. Чубарь, К. Я. Бауман, Р. И. Эйхе, — но и потому, что вождь любил тайну. Кроме десятка-полтора скупых слов в энциклопедиях, о людях из ближайшего окружения Сталина знать народу было не положено.

В ТЕНИ «ВОЖДЯ»

После XVII съезда партии из тех соратников, кто составлял ядро руководства партии десять лет назад, на XIII партсъезде, в составе членов Политбюро остался лишь Сталин. Бури междоусобиц смели с политической арены всех, с кем ему было тесно и неуютно. Те люди знали Кобу всяким: твердым и колеблющимся, напористым и растерянным, привлекательным и жадким.

После XVII съезда партии на трибуне мавзолея, в президиумах собраний, за столом Политбюро рядом со Сталиным появились новые лица, среди которых он быстро выделил новое ядро: Молотов, Каганович, Ворошилов. В составе Политбюро, среди его кандидатов скоро опять появились зияющие бреши: от руки убийцы пал Киров, скончался Куйбышев, покончил с собой Орджоникидзе, были выведены из состава Политбюро и стали жертвами репрессий Косиор, Постышев, Рудзутак, Чубарь... На глазах членов и кандидатов в члены Политбюро была разыграна едва ли не самая жуткая сцена в нашей истории. Эти люди

были не просто очевидцами и свидетелями происходящего, все в окружении ближайшей «тройки» были причастны к трагедии, никто не попытался остановить беззаконие, творимое вождем. Так кто же были эти люди, окружавшие Сталина?

До ноября 1986 года в подмосковной Жуковке можно было встретить медленно идущего по дорожке старого невысокого человека с высоким лбом и в неизменном пенсне. Постукивая тростью, старик внимательно вглядывался в редких прохожих своими выцветшими карими глазами. Видавшее виды ратновое пальто, стоптанные ботинки, потухший взгляд выдавали в нем очень старого человека. Но едва ли кто мог сказать, что ему шел девяносто седьмой год и что это не кто иной, как бывший Председатель Совнаркома, бывший член Политбюро, бывший народный комиссар по иностранным делам и один из самых близких соратников Сталина — Вячеслав Михайлович Молотов. Еще при Ленине этот долгожитель стал секретарем ЦК партии, первым кандидатом в члены Политбюро. И хотя история сохранила ряд нелестных замечаний Владимира Ильича о стиле работы Молотова в секретариате (например, о том, что мы плодим «под носом у себя позорнейший бюрократизм и глупейший»), это был именно один из тех могикан, кто многие десятилетия тому назад работал рядом с Лениным. Само по себе явление уникальное: встретить в середине восьмидесятих годов человека, который входил в состав ЦК, возглавляемого Лениным! У поэта Ф. Чуева, многократно встречавшегося с Молотовым, имеется много документальных свидетельств об этом ближайшем соратнике Сталина. «Был он скромн, точен и бережлив. Следил, чтобы зря ничего не пропадало, чтобы свет попусту не горел в других комнатах. Когда он умер 8 ноября 1986 года, — записал Чуев, — и вскрыли его завешание, в конверте была сберегательная книжка — 500 рублей на похороны».

Да, этот человек здоровался с Троцким и Бухариным, Рыковым и Зиновьевым; он провел не один час за столом переговоров с Гитлером и Риббентропом; его знали Черчилль, Рузвельт и Трумэн. Он один из главных «архитекторов» Пакта о ненападении с Германией и Договора о дружбе и границе с ней. Советские люди помнят драматические слова Молотова, произнесенные им (не Сталиным!) в полдень 22 июня 1941 года: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Сегодня мы точно знаем: Сталин был ошеломлен катастрофическим началом войны. До последнего момента у него в глубине души теплилась искра надежды: войны можно избежать, по крайней мере оттянуть ее начало. Генсек, доверявший не фактам, а лишь интуиции, оказался в плену эфемерного предположения, а точнее, своего желания. Потрясение было столь большим, что он отказался, как его ни уговаривали члены Политбюро, выступить с Обращением к народу, поручив это Молотову.

За долгие десятилетия Молотов стал настоящей тенью вождя. Везде рядом: на заседаниях Политбюро, на трибуне мавзолея, в газетных строках, на международных конференциях... Даже опубликовав

23 июня 1941 года выступление Молотова в «Правде», газета по привычке дала рядом большую фотографию Сталина.

О чем думал этот обитатель квартиры на улице Грановского и казенной дачи в Жуковке? Что вспоминал этот реликт былого могущества? Может быть, свои доклады на съездах? Молотов «специализировался» на организационных вопросах. Может быть, думал о том, что, когда сместили Рыкова с поста Председателя Совнаркома, Сталин сам предложил его кандидатуру? Тогда на заседании ЦК в декабре 1930 года Молотов сказал, что в течение ряда лет он проходил «школу большевистской работы под непосредственным руководством лучшего ученика Ленина, под руководством товарища Сталина», что он гордится этим. Надо сказать, что десятилетия после смерти Сталина не сделали его другим. А он помнил, что в конце жизни вождя его, Молотова, судьба висела на волоске — неожиданно пришла опала. Но незадолго до своей кончины он все равно сказал Ф. Чуеву о Сталине: «Если бы не он, не знаю, что с нами и было бы». До последних своих дней он считал Сталина гениальным, был убежден в том, что Тухачевский был военной силой правых — Рыкова и Бухарина, якобы готовивших заговор. До конца утверждал, что «1937 год позволил устранить у нас «пятую колонну» во время войны». Конечно, соглашался Молотов, «были допущены ошибки, погибло много честных коммунистов, но удержать завоеванное мягкими мерами было нельзя». У человека, которого овеяли самые разные ветры истории, мышление как бы застыло. А может быть, это была моральная мимикрия: попытаться использовать последнюю возможность для оправдания перед потомками? Этот послушный, усердный, настойчивый, педантичный, изощренный исполнитель воли Сталина несет особо большую ответственность за деформации законности, за превращение насилия в решающий инструмент власти.

На печально известном февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году Молотов сделал доклад «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов». Все содержание доклада было подобно призыву к социальному погрому: «Вчерашние колебания неустойчивых коммунистов перешли уже в акты вредительства, диверсий и шпионажа по сговору с фашистами, в их угоду. Мы обязаны ответить ударом на удар, громить везде на своем пути отряды этих лазутчиков и подрывников из лагеря фашизма... Мы должны торопиться доделать это дело, не откладывая его и не проявляя колебаний».

И он не «колебался». В июне этого же года один из доносчиков (ведь был призыв «доделать это дело», он не был брошен в пустоту) написал Сталину, что ответственный работник Совнаркома, старый большевик Г. И. Ломов якобы был близок с Рыковым и Бухариным. Сталин начертил наискосок: «Т-щу Молотову. Как быть?»

Ответ не заставил себя ждать и был немногословным: «За немедленный арест этой сволочи Ломова. В. Молотов».

Судьба человека была решена. Арест, зверские допросы, скорый приговор, расстрел. Член партии с 1903 года, делегат исторической Апрельской конференции, член ЦИК СССР, как и многие тысячи честных большевиков, росчерком пера был зачислен во «враги народа». Именно Молотов давал прямые санкции на арест первого секретаря Свердловского обкома Кабакова, наркома легкой промышленности Уханова, председателя Дальневосточного крайисполкома Крутова и многих, многих других товарищей. При прямом соучастии Молотова из двадцати восьми народных комиссаров Совнаркома, который он возглавлял, больше половины были репрессированы.

Для Сталина это был очень удобный человек, с полуслова понимавший намерения вождя и обладавший колоссальной работоспособностью. Сталин, что делал очень редко, не раз в присутствии других членов Политбюро отмечал рвение Молотова. Когда тому в марте 1940 года исполнилось пятьдесят лет, Сталин распорядился, чтобы Пермь стала городом Молотовом, хотя на карте Отечества уже был не один десяток городков, поселков, колхозов, совхозов, носящих это имя...

В тридцатые годы вокруг Сталина теоретиков не осталось. Большим «теоретиком» был, естественно, сам генсек. Но иногда он снисходил до того, что позволял и некоторым из своих сподвижников, прежде всего Молотову, проявить себя в теоретических изысках. В одном из писем Сталину Адоратский попросил вождя написать в готовящуюся Комкадемией «Философскую энциклопедию» статьи о стратегии и тактике ленинизма и об учении ленинизма о социалистическом строительстве. Сталин наложил на письме резолюцию:

«Т. Адор-ому.

Страшно занят практическими делами и никак не могу исполнить Вашу просьбу. Попробуйте обратиться к Молотову: он в отпуску и, возможно, у него найдется свободное время.

С ком. пр. И. Сталин».

Конечно, Молотов не был теоретиком, но на фоне сталинских соратников Ворошилова, Кагановича, Андреева и других выглядел предпочтительнее.

За внешней невозмутимостью, исключительной выдержкой, непроницаемостью, вежливой и официальной корректностью скрывалась сильная, злая воля. Черчилль, не раз встречавшийся с Молотовым, так характеризовал его в своих мемуарах: «Его подобная пушечному ядру голова, черные усы и смысленные глаза, его каменное лицо, ловкость речи и невозмутимая манера держать себя были подходящим выражением его качеств и ловкости... Его улыбка сибирской зимы, его тщательно взвешенные и часто разумные слова, его приветливая манера себя держать делали его совершенным орудием советской политики в дышащем смертью мире». С такой же одержимостью Молотов во всем поддерживал Сталина и во внутренней политике. В тени вождя это был едва ли не самый влиятельный и безоговорочный исполнитель его воли. Без таких исполнителей культовый вождизм едва ли был возможен.

Мало чем уступал в рвении Молотову другой соратник Сталина — Лазарь Монсеевич Каганович.

Свой выбор, не профессиональный, а политический, Каганович сделал еще в 1911 году, вступив в партию большевиков, в которой уже состоял его старший брат. Оказавшись в 1918 году в Москве, Каганович, будучи сотрудником Всероссийской коллегии по организации Красной Армии, познакомился со Сталиным. В 1920 году его послали в Туркестан. Но когда Сталин стал генсеком, он вытребовал Кагановича из Средней Азии и поставил его во главе организационно-инструкторского отдела ЦК. Так малограмотный, но исключительно напористый и в высшей степени исполнительный функционер стал быстро продвигаться по партийной и служебной лестнице вверх.

Он тоже из долгожителей. Во всяком случае, свое девяностопятилетие он отметил в ноябре 1988 года в своей квартире на Фрунзенской набережной в Москве и, возможно, думает дожить до ста лет, что не удалось Молотову.

Сталин любил Кагановича за нечеловеческую работоспособность, абсолютное отсутствие своего мнения в политических вопросах (он так и говорил, не дожидаясь выяснения вопроса, о чем идет речь: «Я полностью согласен с товарищем Сталиным») и за безропотную исполнительность. А она выражалась в постоянной готовности выполнять любые задания вождя, даже если они были дикими. Когда однажды Сталин перед одним заседанием спросил Кагановича:

— Лазарь, ты знаешь, твой Михаил (брат, министр авиационной промышленности, большевик с 1905 года) якшался с «правыми»? Есть точные данные... — Сталин испытующе смотрел на Кагановича.

— Надо поступать с ним по закону, — дрогнувшим голосом выдавил нарком.

Сообщив после заседания об этом разговоре по телефону брату, Каганович ускорил развязку — его брат в тот же день, не дожидаясь ареста, застрелился.

Сталин ценил таких людей. Ведь преданность ему, вождю, нужно постоянно доказывать, и доказывать не мелочами, не одним славословием. Разве Каганович не доказал ее, например, на длинном-предлинном Пленуме ЦК в феврале — марте 1937 года? Карательная машина еще только настраивалась, нацеливалась на «прореживание» рядов партии, интеллигенции, рабочего класса, крестьянства, военных, а Каганович уже отличился. В двухчасовом докладе «сталинский нарком» железных дорог излагал первые, «пробные» результаты:

«Мы в политаппарате дороги НКПС разоблачили 220 человек. С транспорта уволили 485 бывших жандармов, 220 эсеров и меньшевиков, 572 троцкиста, 1415 белых офицеров, 282 вредителя, 449 шпионов. Все они были связаны с контрреволюционным движением».

Нетрудно представить, что означали слова Кагановича об «увольнении» с дороги «шпионов и вредителей»! Генсек мог быть по-настоящему доволен анализом Кагановича, когда тот с жаром докладывал Пленуму: «Мы имеем дело с бандой оголтелых раз-

ведчиков-шпионов. В отношении железной дороги их приемы особенно ухищрены. Серебряков, Арнольдов, Лифшиц культивировали низкие нормы пропускной способности, организовывали крушения, противодействовали стахановскому движению. Особо вредили Кудреватых, Васильев, Братин, Нейштедт, Морщихин, Беккер, Кронц, Бреус — они мешали внедрению паровоза «ФД». Линия Москва — Донбасс строилась вредительно; Пятав строил Турксиб вредительно; Караганда — Петропавловск строилась Мрачковским вредительно; линия Эйхе — Сокур строилась Барским и Эйдельманом вредительно». Каганович, хотя газеты писали о перевыполнении планов перевозок, новаторстве, движении кривоносцев, продолжал нагнетать атмосферу психоза:

— Шермергон, начальник управления железнодорожного строительства, вредил. Тов. Сталин не раз нам говорил: «Плохой он человек, враждебный человек». Тов. Сталин прямым образом предупреждал о нем и предложил присмотреться, проверить его.

Все в докладе Кагановича было в том же духе: множество фамилий, брань, целые стаи вредителей, которые только тем и занимаются, что взрывают, делают пробки, плохо проектируют, срывают перевозки. Разве мог Сталин не оценить такого юмора Кагановича в докладе на Пленуме: «Емшанов, мерзавец, с 1934 года начальник Московско-Донецкой железной дороги. После снятия он уже другой работы не получил и пошел на жительство прямо к т. Ежову, в НКВД. Арнольдову объявлял, объявлял выговоры... все говорили — не сохранили человека. Вот его теперь и сохраняет-охраняет т. Ежов».

Будучи глубоко невежественным, Каганович, как и все соратники Сталина, тоже пытался создать себе некое теоретическое реноме. В статье Кагановича «Великий машинист локомотива истории», подготовленной его помощниками, нарком, как мог, соревновался с другими соратниками Сталина в славословии вождя.

Одно из постановлений ЦК обязывало руководителей учреждений, предприятий и ведомств лично вести марксистско-ленинские занятия с кадрами. Нарком путей сообщения в годы войны И. В. Ковалев рассказывал мне, как Каганович однажды собрал группу руководителей и открыл семинар. Вскоре Каганович предоставил ему слово.

«В своем выступлении, — говорил Ковалев, — я остановился на том, что пролетариат в силу своего положения, действуя стихийно, способен выработать лишь тред-юнионистское сознание... Каганович ошалоело смотрел на меня, смотрел и вдруг заявляет:

— Чего городишь, что еще за «юнионистское» сознание! Пролетариат может все выработать!

Все переглянулись. Сколько я ни пытался, опираясь на Ленина, растолковать Кагановичу о необходимости внесения в сознание пролетариата научной теории, до наркома это не доходило. Подозрительно глядя на меня, Каганович скоро свернул семинар и больше за проведение таких непосильных для себя вещей не брался».

Свой авторитет у Сталина Каганович поднял ча-

стыми наездами (по поручению генсека) для «наведения порядка» в те или иные области. Его поездки в Челябинскую, Ивановскую, Ярославскую и другие областные партийные организации сопровождались настоящим погромом: снятием местных работников, заведением на них «дел», кончавшихся нередко трагически для многих честных людей. Вот, например, какой результат имела одна из его поездок. Выступая на январском (1938 года) Пленуме ЦК, Каганович заявил:

— Я товарища Постышева знаю хорошо. Я ездил по поручению ЦК в прошлом году в Киев, когда вскрывали грубейшие ошибки товарища Постышева. Он показал себя работником, срывающим на практике директивы партии. Ильин, Радков, Сапов, Лейбман — злейшие враги народа, которых Постышев в свое время вырвал для себя, прямо лично к Сталину обращался: дайте мне этих людей. А это оказались враги народа... Наблюдая тебя в кулуарах, — продолжал Каганович, обращаясь к Постышеву, — и слушая твоё выступление на Пленуме, я утверждаю, что ты хитришь с ЦК партии... Что говорил здесь Постышев — это повторение враждебных разговоров.

Судьба Постышева была решена. Сталин был доволен «железным Лазарем», как он его не раз называл. Такие «соратники» ему и были нужны: беспрекословные, фанатично преданные, с полуслова понимающие намерения вождя.

Когда же Каганович решал судьбы людей на местах, он ни с кем не советовался, а просто выполнял инструкцию Сталина: «Посмотри там внимательнее на месте и решай... Не миндальничай». Архивы бесстрастно подтверждают, что нередко до окончания следствия Каганович лично составлял и «редактировал» проекты приговоров, вносил в готовящиеся материалы произвольные изменения, вроде того, что против него, наркома, готовились якобы «террористические акты». Чем все это в конце концов заканчивалось, теперь ясно.

Пройдя причудливый путь из Москвы в Туркестан, затем опять в Москву, он стал заведующим отделом ЦК, через который шли основные назначения на крупные посты. Уже в 1926 году Каганович становится кандидатом в члены Политбюро ЦК, ему было тогда тридцать с небольшим лет. В связи со сложной обстановкой на Украине по рекомендации генсека Каганович возглавляет партийную организацию республики — он первый секретарь ЦК КП(б) Украины. У него складываются сложные отношения с Председателем СНК Украины В. Чубарем, что в тридцать девятом году самым роковым образом скажется на судьбе последнего. Конфликты Кагановича с остальными руководящими работниками ЦК не прекращались. В 1928 году он был возвращен в Москву и избран первым секретарем Московского городского и областного комитетов партии. На XVI съезде партии он стал членом Политбюро.

В первой половине тридцатых годов влияние Кагановича было особенно сильным. Нарком неоднократно выезжал в районы, где коллективизация шла трудно, и сразу же после его «налетов» дело ускоря-

лось. Сталина мало интересовали методы, которыми пользовался «железный Лазарь». Жестокий по натуре, предельно грубый и невежественный, Каганович был типичным, более того — классическим представителем административно-бюрократического аппарата, с особой социальной бесцеремонностью бравшимся за любое дело. Долго помнили члены партии результаты его поездки на Северный Кавказ, после чего поток «раскулаченных», вывозимых на Север, увеличился; в Московской области он без колебаний снимал любого, кто не следовал его директивам; в соответствии с его невежественными заключениями были запрещены некоторые пьесы на московских сценах; будучи председателем Центральной комиссии по проведению партийной чистки, «железный Лазарь» вел ее беспощадно; именно его имя фигурирует и в центре загадочного инцидента по выборам в ЦК на XVII съезде партии. Он был одним из главных инициаторов уничтожения под видом реконструкции Москвы многих ее исторических памятников, в том числе знаменитого храма Христа Спасителя. Словом, Каганович успевал всюду.

Сталин по достоинству оценил безграничное усердие соратника, наградив его в числе первых только что учрежденным орденом Ленина. Этот человек вместе со Сталиным и его соратниками несет перед нашей историей полную ответственность за широкое внедрение бюрократических, административных, а бы сказал, «силовых» методов в социалистическом строительстве, за развязывание в стране кровавого террора.

Долголетие дает возможность продлить пир памяти. Кагановичу есть о чем вспомнить: его жесткое руководство на Украине, «победы» над Постышевым и Чубарем, особую благосклонность Сталина, которого он не раз замещал в тридцатые годы, когда вождь уезжал на юг; дружбу с Хрущевым; его «вклад в реконструкцию» Москвы, сопровождавшуюся сносом Сухаревой башни, разрушением Страстного монастыря, взрывом храма Христа Спасителя, сносом Иверских ворот и многих других «старорежимных» строений... Если прозревает совесть, можно пережить содеянное вновь, страдая. Если же она застыла несколько десятков лет назад, память может лишь восстановить в сознании мелькание немых черно-белых кадров былого. У людей с такой судьбой долголетие подобно наказанию. Ничего изменить нельзя. Все вечно в своей необратимости. Кроме тех оценок, которые люди давали, дают и будут давать прошлому.

В число ближайших соратников в тридцатые годы входил и Климент Ефремович Ворошилов, прославленный герой гражданской войны. Еще при жизни его имя стало легендарным. В те далекие теперь уже годы пионеры, комсомолы с энтузиазмом распевали:

Когда нас в бой
Пошлет товарищ Сталин
И первый маршал
В бой нас поведет...

К революционному движению Ворошилов приобщился рано. Еще в 1906 году, будучи делегатом IV съезда РСДРП, он познакомился с Лениным,

Сталиным, рядом других известных революционеров. Пройдя ссылки и аресты, Ворошилов встретил Февральскую революцию в Петрограде. Защита завоеваний Октября бросала Ворошилова по разным фронтам, особенно он был замечен в битве за Царицын, где и окрепла его дружба со Сталиным. Сражался будущий нарком обороны храбро, но без выдумки, отдавая дань партизанщине. Выступая на VIII съезде партии, В. И. Ленин, в частности, сказал:

«Ворошилов приводил такие факты, которые указывают, что были страшные следы партизанщины. Это бесспорный факт. Тов. Ворошилов говорит: «у нас не было никаких военных специалистов и у нас 60 000 потерь». Это ужасно... Героизм царицынской армии войдет в массы, но говорить, что мы обходились без военных специалистов, разве это есть защита партийной линии... Виноват тов. Ворошилов в том, что он эту старую партизанщину не хочет бросить».

Боевой путь Ворошилова впечатляющ: Первая Конная армия, где он был членом Реввоенсовета, бои на Северном Кавказе, в Крыму, против отрядов Махно; участие в разгроме Кронштадтского мятежа. За героизм и мужество в гражданской войне Ворошилов был удостоен двух орденов Красного Знамени. После X съезда партии он неприменимый член ЦК партии, а с XIV съезда (1925 год) и член Политбюро. Будучи после Фрунзе наркомом по военным и морским делам, Ворошилов внес определенный вклад в военное строительство Красной Армии. Успех этого дела, в частности, объяснялся и тем, что в наркомате, военных академиях, в ряде округов к тому времени находился ряд интересных, творческих военачальников, военных теоретиков как из числа тех, кого выдвинула революция, так и офицеров старой армии. К ним следовало бы отнести Б. М. Шапошникова, автора глубокой работы «Мозг Армии», М. Н. Тухачевского, написавшего «Вопросы современной стратегии», К. Б. Калининского, В. И. Величко, А. П. Верховского, А. М. Зайончковского, В. Ф. Новицкого, А. А. Свечина, Р. П. Эйдемана, И. Э. Якира и многих других.

Надо сказать, Ворошилов всегда был последовательным сторонником Сталина, часто просто бездумным. В тридцатые годы слава Ворошилова была поистине всенародной, он был для народа, повторяем, легендарной личностью.

Как Сталин относился к всенародной славе своего соратника? Спокойно. Он на нее мало обращал внимания, поскольку, возвеличивая Ворошилова, говорили о наркome только как о человеке, «выполняющем волю вождя», — «красный маршал под руководством товарища Сталина», «сталинский нарком». Сталин более чем кто-либо знал Ворошилова. Все считали, что они были друзьями. Но ведь в настоящей дружбе не должно быть должников, а Ворошилов всегда считал себя «должным» генсеку: за славу, почет, посты, награды, положение. Имеется множество фотографий Ворошилова рядом с вождем: на съезде, на юге, на даче Сталина, при осмотре новой военной техники, у Горького...

Да, Сталин знал «цену» Ворошилова... Уже в тридцатые годы это был абсолютно послушный ис-

полнитель, который не имел по важнейшим вопросам иного мнения, отличного от взгляда генсека. У него не было нечеловеческой работоспособности Кагановича, ума и хитрости Молотова, осторожности и осмотрительности Микояна, он уступал во многом и другим членам Политбюро. Но Сталину Ворошилов был нужен из-за того ореола легендарности, который сформировался вокруг «вождя Красной Армии». Генсек был уверен, что в решающую минуту нарком, не колеблясь, поддержит его. И Сталин не ошибся: когда пришел час выношенного им кровавого чистилища, Ворошилов без тени сомнения стал вместе с вождем разжигать костер репрессий военных кадров. Ворошилов не защитил трех расстрелянных Маршалов Советского Союза, не защитил сотен и тысяч командиров, ставших жертвами репрессий. В своей речи на печально известном февральско-мартовском Пленуме ЦК в 1937 году, перечислив поименно многих «врагов народа», проникших в РККА, Ворошилов решил проиллюстрировать сказанное примером, что, мол, не только «наверху» есть троцкисты-вредители. Нарком зачитал письмо арестованного майора Кузьмичева:

«Наркому обороны т. К. Е. Ворошилову.

Меня обвиняют, что я являюсь членом контрреволюционной террористической группы, которая готовила покушение на Вашу жизнь. Да, я в 26—28 годах входил в троцкистскую организацию. Начиная с 29 года я стремился загладить свою вину. В Вашем лице всегда видел не только вождя Красной Армии, но и чрезвычайно отзывчивого человека. Я награжден двумя орденами Красного Знамени. Как же меня зачислили в банду фашистских убийц?

По-видимому, меня расстреляют. Может быть, через несколько лет все же троцкисты скажут, зачем они оболгали честного человека, и вот когда раскроется действительная правда, я Вас прошу восстановить моей семье честное имя. Простите за маранье, больше не дают бумаги.

21.VIII.36. Кузьмичев».

Ворошилов обвел глазами зал и эффектно закончил:

— А через десять дней он признался: хотели терр-акт совершить в районе Белой Церкви во время маневров.

Ворошилов знал, как добываются эти признания. Докладывая Пленуму, он сказал, адресуясь, конечно, к Сталину, что часто «говорит с Ежовым в отношении лиц, подлежащих изгнанию из рядов армии». Иной раз отстаивает отдельных лиц: «Правда, сейчас можно попасть в неприятную историю: отстаиваешь, а он оказывается доподлинным врагом, фашистом». Видимо, эти же соображения руководили Ворошиловым, когда он выразил свое отношение к письму Якира, с которым тот обратился к нему накануне расстрела:

«К. Е. Ворошилову. В память многолетней в прошлом честной работы моей в Красной Армии я прошу Вас поручить посмотреть за моей семьей и помочь ей, беспомощной и ни в чем не повинной. С такой же просьбой я обратился к Н. И. Ежову.

Якир, 9 июня 1937 г.».

Ворошилов, прочитав записку, размашисто написал:

«Сомневаюсь в честности бесчестного человека вообще.

К. Ворошилов. 10 июня 1937 г.».

Передо мной несколько томов документов, подписанных Ворошиловым или с его резолюциями. Беру том с письмами тех командиров, которые до суда, до расстрела успели обратиться к наркому с просьбой, мольбой, криком о помощи. Письма Горячева, Кривошеева, Сидорова, Хахайяна, Букштыновича, Прокофьева, Красовского. Вот письмо М. Ефремова, бывшего командующего войсками Забайкальской военной округа (такие же письма Сталину и Микояну):

«Товарищи, располагая всеми данными, опровергающими возведенную на меня фашистами Дыбенко и Левандовским клевету, однако я на Политбюро 18.IV.38 г. так, к стыду моему и огорчению, был рассеян, что забыл привести доказательства моей невиновности и преданности партии Ленина — Сталина... Комвойск Дыбенко на себя говорит что-то невероятное. Он после учения, безусловно, помешался, иначе я не мог понять — ведь это был бы 1934 год! По показанию Дыбенко, он меня «завербовал»... и дает задание завербовать командный состав...

Все мои братья — коммунисты, четверо командиры РККА. Сын — 17 лет, комсомолец. Мать и сестры с двенадцатью детьми в колхозе «Путь социализма» в Орловской области. Дядя повешен в 1905 г. за восстание на флоте, отец убит кулаками. Сам я московский рабочий. Участвовал в войне в Китае. Имею ранения. Награжден: орденом Ленина, тремя орденами Красное Знамя, орденом Трудового Красного Знамени... Прошу Вас скорее прекратить мои переживания и муки.

Всегда Ваш Ефремов Михаил».

Письмо, как и тысячи других, осталось без последствий, то есть без вмешательства Ворошилова. Машину репрессий никто не тормозил и не сдерживал. По существу, такое отношение — тоже элемент этой беспощадной машины. Зато на запросы с мест Ворошилов отвечал лаконично. Приведу текст нескольких телеграмм из множества им подобных (в 1937 и 1938 года):

«Хабаровск. Блюхеру. На номер 88. Судить. К. Ворошилов»; «Свердловск. Горбачеву. На номер 39. Разрешаю арест. К. Ворошилов»; «Полярное. Командующему Северной Полярной флотилии. На номер 212. Судить и наказать как подобает. Ворошилов»; «Свердловск. Гайлиту. Найти, арестовать и строжайше судить. Ворошилов»; «Смоленск. Белову. Мезису. На номер 475. Арестуйте. К. Ворошилов»; «Ленинград. Дыбенко. Мегеру. На номер 16758. Разрешаю арестовать и судить. Ворошилов»; «Тбилиси. Куйбышеву. Апсе. На номер 344. Судить и расстрелять. Ворошилов».

В апреле — мае 1937 года Ворошилов направил Сталину одну, за другой ряд записок такого содержания:

«Политбюро ЦК ВКП(б)
тов. Сталину.

Прошу исключить из состава Военного совета при народном комиссаре обороны СССР:

Тухачевского М. Н.

Эйдемана Р. П.

Лонгва Р. В.

Ефимова Н. А.

Аннога Э. Ф.

как исключенных из рядов РККА.

25 мая 1937 г. К. Ворошилов».

Расписавшись, Ворошилов слово «исключенных» зачеркнул и заменил словом «уволненных», хотя он-то хорошо знал, куда всех их собираются «уволить». В последующие дни на имя Сталина шли такие же записки, но с другими именами: Горбачева, Казанского, Корка, Кутякова, Фельдмана, Лапина, Якира, Уборевича, Германовича, Сангурского, Огиля и других... Наркома, видимо, не волновало, что практически весь Военный совет при народном комиссаре обороны СССР оказался «шпионским», «фашистским», «троцкистско-бухаринским». И здесь тоже не пытались использовать редкий шанс совести; главное — не перечить, соглашаться, «поддерживать линию товарища Сталина».

Таким был еще один из тройки ближайшего окружения Сталина. Правда, его в отличие от других тень вождя укрывала не полностью — жизнь Ворошилова больше, чем других, была на виду у народа, однако на самостоятельности суждений это никак не сказалось. Соратники оказались под стать вождю.

Конечно, все эти люди, и особенно Берия, несут ответственность за все извращения и преступления, которые совершил Сталин. Но эту ответственность должны разделить и те, кто просто поддакивал, соглашался, голосовал, восхищался «мудрыми» решениями Сталина. Степень вины их различна, и история рассудит, кто больше, а кто меньше виновен. А. А. Андреев, А. А. Жданов, М. И. Калинин, А. И. Микоян, Н. С. Хрущев, Г. А. Маленков, некоторые другие из высшего политического и государственного руководства фактически и не пытались ограничить единовластие диктатора.

В тени вождя находились и люди, которые, хотя и не занимали официальных высоких постов, тем не менее весьма сильно влияли на политику, решения, исполнение воли Сталина. Так, в секретариате Сталина, насчитывавшем около 90 человек, который возглавлял А. Н. Поскребышев, в первой половине тридцатых годов трудились еще ряд заместителей заведующего, референты-докладчики Двинский, Герценберг, Иванов, Селицкий, Логинов и некоторые другие. Верным человеком, который с полуслова понимал Сталина, знал все его тайны, был, как мы уже говорили, Александр Николаевич Поскребышев, умерший в 1963 году. Члены его семьи рассказывали мне, что их отец все жалел, что не вел в свое время дневника, так много он знал. Правда, подумав, он всегда заключал, что если бы такой дневник у него был, то его самого давно бы не было в живых. Его неспешное перемещение в густой тени вождя обеспечивало Сталину возможность всегда быть в курсе дела по любому вопросу, влиять на решение любых проблем.

Хотя Поскребышев по натуре не был жестким человеком, перед ним заискивали — так много зависело от того, когда, как доложить «бумагу», что предложит сделать первый помощник.

В тени вождя свою особую, зловещую роль играл еще один человек, который некоторое время был помощником Сталина. Но еще 1 декабря 1926 года Оргбюро ЦК ВКП(б) постановило:

«Удовлетворить просьбу т. Мехлиса, освободив его от обязанностей зав. Бюро секретариата ЦК и пом. секретаря ЦК...

Секретарь ЦК Сталин».

Итак, Лев Захарович Мехлис. Он родился в Одессе, революционную деятельность начинал меньшевиком. Вступил в партию в 1918 году, со Сталиным познакомился в гражданскую войну. Занимал ряд видных постов в аппарате ЦК, «Правде», был народным комиссаром Госконтроля СССР, начальником Главного политуправления РККА. Но его влияние на генсека определялось не столько должностями, сколько отношением к нему самого Сталина. Мехлис бывал у него часто, подолгу оставаясь с ним один на один. Ему Сталин давал самые щекотливые поручения. Передо мной лежат целый том личных донесений Мехлиса из разных мест, куда его направлял генсек. Сотни шифровок, телеграмм, письменных докладов об одном и том же: «враги орудуют», «везде беспечность», «благодущие губят дело», «нужно ужесточить меры». Сталин верил Мехлису, пожалуй, больше, чем кому-либо другому. Он умел найти «врагов» там, где даже и подозревать-то было вроде смешно. В июле 1937 года, когда Краснознаменный ансамбль песни и пляски был на востоке, к Сталину поступила шифрованная телеграмма.

«Доношу: в ансамбле краснознаменной песни тяжелое положение. Прихожу к заключению: в ансамбле орудует шпионско-террористическая группа (разрядка моя.— Д. В.). Уволил на месте девятнадцать человек. Веду следствие. В составе есть бывшие офицеры, дети кулаков, антисоветские элементы. Привлек к работе нач. особого отдела. Пускать ансамбль в части? Мехлис».

Думаю, вопрос, заключающий телеграмму, был напрасным: арестовав полансамбля, кого «пускать»? Подозрительность Сталина нашла в Мехлисе идеальный источник для ее поддержания.

Мы коснулись не всего окружения, а лишь ближайшего. О некоторых других лицах, «исполнявших волю Сталина», мы еще скажем в других главах. Эти люди находились как бы в его тени, но был еще один человек, призрак которого часто посещал Сталина,— это, конечно, Троцкий.

ПРИЗРАК ТРОЦКОГО

После высылки Троцкого Сталин ненавидел его гораздо больше, чем тогда, когда он был рядом. Генсек проклинал ту минуту, когда согласился с предложением о его выдворении. Он не хотел себе признаваться в том, что все еще боялся Троцкого, этого нынешнего политического призрака. И от ощущения

бессилия, что он никак не может решить «проблему» Лейбы Давидовича, как он раньше мысленно обращался к Троцкому, злоба закипала в нем еще больше. Однажды Сталин не удержался и почти публично сказал об этом.

В беседе с Э. Людвигом, о которой мы уже не раз упоминали, Сталин, говоря об авторитетах, вдруг заявил:

— Троцкий тоже пользовался большим авторитетом. И что же? Как только он отошел от рабочих, его забыли.

— Совсем забыли? — переспросил Людвиг.

— Вспоминают иногда — со злобой.

— Все со злобой?

— Что касается наших рабочих, то они вспоминают о Троцком со злобой, с раздражением, с ненавистью.

Сталин был неискренен: возможно, и рабочие поминали Троцкого недобрым словом, но прежде всего так вспоминал о нем он сам, генсек, — «со злобой, с раздражением, с ненавистью». Сталин не мог забыть «одного из выдающихся вождей», думается, в силу ряда обстоятельств: когда он слушал Молотова, Кагановича, Хрущева и даже Жданова, ему нередко приходила мысль: насколько же Троцкий по уму был выше всех этих функционеров! На целый порядок! Он мысленно перебирал других своих соратников и в растерянности убеждался: ни по мышлению, ни по организаторской хватке, ни по ораторскому таланту, красноречию публициста они не могли с ним сравниться. Как он мог выпустить такого врага? Однажды он признался в своем кругу, что это была, пожалуй, одна из самых крупных ошибок в его жизни.

Другое обстоятельство, постоянно подогревавшее его ненависть к Троцкому (в этом он не мог признаться даже самому себе), заключалось в том, что в своей практике Сталин часто следовал рецептам изгнанного врага. Генсек помнил, что, когда шла борьба вокруг нэпа, Троцкий однажды заявил на Политбюро: «Рабочий класс может приблизиться к социализму лишь через великие жертвы, напрягая все свои силы, отдавая свою кровь и нервы». Эту же мысль он провел затем в октябре 1922 года на комсомольском съезде. Поверженный соперник не устал тогда повторять, что без «рабочих армий», «милитаризации труда», «полного самоограничения» революция рискует никогда не вырваться из «царства необходимости в царство свободы».

Почти весь пятнадцатый том сочинений Троцкого посвящен идее «милитаризации труда». Выступая на заседании фракции Всероссийского Центрального Совета профсоюзов, Троцкий призывал производственные районы превращать в милиционные дивизии; военные округа слить с производственными единицами, на особо важные объекты посылать «ударные батальоны, чтобы они повысили производительность личным примером и репрессиями». Необходимы «принудительные меры, необходимо установить военное положение в ударных областях... Нужно применить трудовую повинность с военными методами». В этих выкладках — классическая азбука «казарменного

коммунизма», певцом которого, как мы помним, в начале двадцатых годов был Троцкий. Полностью от этих идей он и позже не отказался.

Сталину всегда импонировала идея так поставить дело, чтобы люди были готовы добровольно «отдавать свою кровь и нервы». Троцкий в изгнании (на Принцевых островах, во Франции и Норвегии) не раз писал об «эпигонстве» Сталина, подразумевая, видимо, не только его компиляторские склонности, но и заимствования в социальной методологии.

Но главное, почему Сталина постоянно беспокоил призрак Троцкого, — это то, что его изгнанник создал свою политическую организацию — IV Интернационал — и при первой возможности ставил генсека на одну доску с Гитлером. Это уже было невыносимо. Страшный призрак мстил ему за поражение так больно и коварно, как не мог бы придумать и сам Сталин. Нередко у вождя создавалось ощущение, что их борьба, которая, казалось бы, закончилась в 1929 году, когда пароход «Ильич» незаметно покинул Одесскую гавань с Троцким на борту, в действительности только начинается.

Два «выдающихся вождя», будучи разделенными многими границами, каждый по-своему вели неравную борьбу. Один, «вознесшийся вождь», достигший редкого по силе единовластия, перед которым меркнут абсолютистские режимы, стремился сформировать у партии и народа устойчивую ненависть к Троцкому как предателю и пособнику фашистов. Другой, «вождь поверженный», не жалел своего богатого красноречия, чтобы доказать, что Сталин и Гитлер «стоят друг друга». Будучи в изгнании, поддерживаемый небольшими группами единомышленников ряда стран, Троцкий умел влиять на общественное мнение. Его выступления, устные и печатные, по-прежнему были эффектны, и, как раньше, главной мишенью его был Сталин, которого Троцкий величал «могильщиком революции».

Да, Троцкий много знал. В годы революции и гражданской войны будущий изгнанник был ближе к Ленину, чем Сталин. Даже, судя по опубликованной военной переписке, Ленин 78 раз обращался к Троцкому с телеграммами и письмами, а к Сталину 62 раза. Ленин не единожды брал Троцкого под защиту, ценил его организаторский и пропагандистский талант. Сталин помнил, что в то время, когда их отношения еще были терпимыми, он в основном с одобрением отнесся к некоторым левым идеям Троцкого, например, идти на Польшу, с тем чтобы ускорить революционный пожар в Европе, — и не возражал против идеи двинуться в Азию. Троцкий однажды в беседе уверял, что Азия более революционна, чем Европа. Что, мол, если создать на Южном Урале революционную базу, то поход в Азию с целью ускорить революцию реален, революции в Китае и Индии победят тогда обязательно. Собеседники тогда уклончиво отнеслись к этой идее, Сталин тоже не возразил. У Троцкого было много радикального: он пытался торопить время, мыслил уже не масштабами России, а мировой революции. Но Сталин понимал, что публично говорить об этих «грехах» Троцкого значит

бросить тень на самого себя, ведь сегодня он «наследник» революционных дел Октября...

Особенно сильно задевали Сталина слова Троцкого о том, что он не только говорит от своего имени, но и выражает взгляды своих замолчавших сторонников, всех притихших оппозиционеров, находящихся в СССР. Читая переведенные книги и статьи Троцкого «Сталинская школа фальсификации», «Сталинский термидор», «Открытое письмо к членам большевистской партии», генсек буквально терял самообладание. Какой он слепец! Выходит, его оценка, данная Троцкому в ноябре 1924 года, неверна? Тогда, выступая перед коммунистической фракцией ВЦСПС, он охарактеризовал Троцкого как человека, который хорошо действует при подъеме революционного дела и теряется, «дрейфит» при его поражении. Ведь сейчас Троцкий потерпел, кажется, полную катастрофу, но он не сдался! Сталина вновь и вновь терзают мысли о промахе: зачем он выпроводил Троцкого за кордон?

В своем докладе на февральско-мартовском (1937 года) Пленуме ЦК «О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников» Сталин, по обыкновению, выделил «главное звено». Им стал раздел «Современный троцкизм». Как всегда, генсек в первую очередь поставил перед слушателями, как перед семинаристами, вопрос: что такое троцкизм? И ответил: «Современный троцкизм — это оголтелая банда вредителей. Еще 7—8 лет назад это было ошибочное антиленинское политическое течение. Теперь же это банда фашистских вредителей». А дальше продолжил: «Каменев и Зиновьев отрицали наличие у них политической платформы. Они лгали. А Пятаков, Радек и Сокольников на процессе 1937 года не отрицали наличия такой платформы. Реставрация капитализма, террористическое расчленение Советского Союза (Украину — немцам, Приморье — японцам); в случае нападения врагов — вредительство, террор. Это все платформа троцкизма». Так Сталин повязал всех своих поверженных и потенциальных врагов придуманной им троцкистской веревочкой.

По истечении десятилетий наш взгляд на Троцкого, конечно, должен быть изменен. Мы уже имели возможность сказать о его интеллектуальных и нравственных качествах, весьма противоречивых, сложных. Амбициозная, в известном смысле авантюристическая натура Троцкого имела одну неизлечимую слабость: демон революции верил, был убежден в том, что он гениален, и почти не скрывал этого. Отсюда его непомерные амбиции, бонапартистские замашки, диктаторские выходки. И кто знает, одолел бы Троцкий Сталина, не столкнулся ли бы наш народ с диктатурой не менее ярко выраженного цезаристского типа?

Но при всем при том истина должна быть превыше всего: в годы революции и гражданской войны после Ленина следующим по значению лидером был Троцкий. Мы помним оценки Лениным этого «выдающегося вождя». Ленин не случайно подчеркивал, что это, «пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК». Никто не знает, каким бы был далее Троцкий,

будь жив Ленин. Конечно, я слишком много сейчас высказываю предположений, памятуя, что исследователь имеет право на гипотезу. Но одно могу сказать однозначно: Троцкий в годы его активной деятельности в партии (1917—1925 годы особенно) не был врагом революции и социализма. Он был врагом Сталина. Я совсем не хочу закрывать глаза на те антисоветские пассажи, к которым прибегал Троцкий в конце своей трагической жизни. В этот тупик, идейный и политический, его завела логика борьбы со Сталиным. Но он боролся с ним до конца.

Возможно, дореволюционная деятельность Троцкого, как и усидия антисоветского характера после его депортаций принесли вред нашему общему делу. Но нельзя не отдать должное Троцкому: он не сломался, как многие, перед диктатурой Сталина. Он раньше других рассмотрел диктаторскую сущность генсека и те грядущие беды, которые он нес народу и партии. Есть еще одно объективное обстоятельство, которое позволяет нам говорить, что по крайней мере в Октябре и первой половине двадцатых годов Троцкий шел с революцией. До конца своих дней он с уважением относился к Ленину. Как писал Луначарский: «Троцкий колюч и властен. Только в отношениях с Лениным после их объединения он проявлял трогательное и нежное, почтительное отношение, со скромностью, характерной для действительно великого человека, Троцкий признавал превосходство Ленина». Но, мы уже говорили, Троцкий любил себя в революции не меньше, чем саму революцию. Истоки его личной трагедии не столько в борьбе со сталинизмом, сколько в борьбе со Сталиным, борьбе за власть. Вечная горечь несостоявшегося взлета на самую вершину пирамиды власти окончательно выдвинула у Троцкого на шкале приоритетов, исторических и социальных, интересы личные. Возможно, мои размышления вызовут «справедливый» гнев некоторых людей. Думаю, нас рассудит время.

Какова была в тридцатые годы реальная опасность со стороны троцкизма? Существовало ли какое-то влияние Троцкого на политические и общественные процессы в СССР? Важно выяснить эти вопросы, поскольку некоторые мотивы «троцкистской опасности» послужат потом поводом для страшной трагедии партии и народа.

Пока Сталин укреплял свое единовластие, Троцкий скитался по миру. Принцессы острова в Мраморном море, Франция, Норвегия и, наконец, Мексика отметили путь депортированного лидера оппозиционеров. Вначале Троцкий надеялся на скорое возвращение в Союз, верил, что Сталин продержится недолго. Ему казалось, что интеллектуальные недостатки, бескультура, промах, грубость и хитрость Сталина столь очевидны, что они сами по себе должны генерировать очередную оппозицию, рождать все новых и новых противников генсека. Вновь, не в первый раз, Троцкий ошибся. «Отверженный гений» верил, что при его высокой популярности и известности он будет притягательным центром для всех сил, враждебно настроенных к Сталину.

Бродя среди коричневых валунов Бийюк Ада, кро-

шечного островка, затерявшегося в Мраморном море, Троцкий размышлял о причудливости человеческой судьбы. Когда-то этот остров был местом заточения знатных особ Византии, теперь здесь оказался один из «архитекторов русской революции», как называл себя изгнанник. Эти слова из дневника Троцкого, написанные на заброшенной вилле острова, еще раз подтверждают исключительно высокое самомнение главного оппонента Сталина.

Буржуазная пресса к высылке Троцкого вначале отнеслась настороженно. Одно время по страницам газет гуляла версия, что-де Сталин умышленно выслал одного из бывших вождей русской революции, чтобы способствовать подъему рабочего движения в капиталистических странах. В Германии, Англии буржуазные газеты даже описывали «детали» этого «дьявольского» плана Сталина, не отказавшегося от надежд на разжигание пожара мировой революции. О Троцком писали как о «революционной взрывчатке», и поэтому буржуазные правительства воздерживались от шагов по предоставлению ему политического убежища. Но постепенно в политическом мире Запада почувствовали, что, хотя Троцкий по инерции продолжал ругать фашизм, буржуазное филистерство, империалистическую политику грабежа, вектор его борьбы переместился к Сталину, его режиму, бывшей родине.

С помощью своих единомышленников-троцкистов, которые стали совершать из разных стран паломничество на Принцессы острова, опальный вождь установил довольно широкие контакты со многими мелкими группами, оппозиционно настроенными к Коминтерну, партии большевиков, лично к Сталину. С их помощью Троцкий вскоре наладил выпуск небольшого журнала «Бюллетень оппозиции», издававшегося на нескольких языках. Иногда, особенно до 1935 года, Троцкому удавалось засылать некоторое количество экземпляров «Бюллетеня» и в Советский Союз. В фонде Сталина есть несколько экземпляров троцкистского журнала с пометками генсека.

Стало ясно, что Троцкий пытается установить связи с бывшими соратниками и единомышленниками в Советском Союзе. Об этом сообщает в своей трехтомной биографии Троцкого и Исаак Дейчкер. Он пишет, например, что через немецкого корреспондента в Москве Соболевичкуса Троцкий получал важную информацию из России, справочные материалы, статистические данные для его книг и статей. Через руки Соболевичкуса и его брата шла значительная часть переписки Троцкого со своими корреспондентами в СССР, передавались шифры, письма, написанные тайными чернилами, адреса почтовых ящиков. И хотя эти связи Троцкого со своими сторонниками, надо сказать, были слабыми, все же до 1935 года он имел возможность получать некоторую информацию из СССР и направлять туда свои письма по нелегальным каналам. Известно также, что Троцкий вывез около тридцати ящиков со своими архивами и книгами. Сталин позже приписал это «преступной близорукости» органов, которым была поручена депортация. Долгих четыре года, что пробыл изгнанник на

Принцевых островах, были временем ожидания, выбора и определения дальнейших путей борьбы. У Троцкого постепенно гасла уверенность, что его «позовут» в Москву; он все чаще приходил к выводу, что единственный способ остаться на плаву — это продолжение борьбы со Сталиным. Ну, а пути, методы этой борьбы были ему пока неясны. Он еще не понимал до конца, что его третья эмиграция станет последней и он уже больше никогда не ступит на землю родины.

...Сидя вечером в своей комнатке, оборудованной под кабинет, с окнами в сторону моря, Троцкий под шум прибоя перелистывал страницы своих произведений. Вообще лучшим из всего написанного им, и он это сам знал, была книга «История русской революции», созданная уже после разрыва со Сталиным. Но главная ее слабость — обнаженный эгоцентризм автора. Трудно в это поверить, но к 1927 году Троцкий выпустил 21 том своих сочинений! Правда, некоторые тома не успели выйти.

Шелестят страницы... Сталину нет в них места. Пожалуй, ближе других ему был том о культуре. Наугад открывается том: «Бюрократизм и молчалинство». Вот как он писал несколько лет назад: «Все, что направлено против интересов революционной диктатуры, должно быть беспощадно отмечено. Но это не значит, что у нас не должно быть своей демократии, пролетарской, полнокровной, бьющей ключом. Мы ее должны создать. Социалистическое строительство возможно только в условиях роста подлинной демократии трудящихся масс. А там, где бюрократизм, там он рождает из себя молчалинство... Главным молчалинским принципом: угождать. Кому? Хозяину». Трудно не согласиться с этим мнением. Троцкий при всей любви к самому себе мог подумать, как все это теперь неактуально... У Сталина будут иные заботы, иные мотивы, иные приоритеты. Ему же остается только борьба, борьба со Сталиным. Едва ли с системой, прежде всего с личностью...

И. Дейчер, получивший после смерти Троцкого доступ к его закрытым личным архивам, показывает, что еще до своего окончательного поражения и высылки Троцкий, Зиновьев и даже Шляпников сделали попытку организовать своих сторонников в иностранных коммунистических партиях. Незначительные группы троцкистов оказались в ряде коммунистических и рабочих партий. Во Франции во главе их были Альфред Росмер, Борис Суварин, Пьер Менотт; в Германии — Аркадий Маслов и Рут Фишер (бывшие сподвижники Зиновьева); симпатизировал Троцкому Андреас Нин в Испании, в Бельгии поддерживали троцкизм Ван Оверштаттен и Лесойл, изгнанные из компартии. Малочисленные группы троцкистов возникли в Шанхае, Риме, Стокгольме, ряде других городов.

Троцкий надеялся из этих осколков создать новое движение антисталинского толка, но у него не было ни серьезной социальной базы, ни солидной программы. Он вновь стал пережевывать мотивы «перманентной революции», доказывая, что «доктрина социализма в одной стране есть национал-социалистическое

извращение марксизма». Другим элементом его «программы» был ярый антисталинизм, за проявлениями которого была все же видна прежде всего личная ненависть к Сталину, обида за крах своих амбициозных надежд, боль утраты близких в России.

Троцкий надеялся, что его последовательный антисталинизм найдет отклик в компартиях, но этого не произошло. В глазах коммунистов Запада достижения СССР в индустриализации, в области культуры, образования были связаны с именем Сталина. Там еще не знали многого о характере генсека, еще не начались громкие политические процессы в Москве, еще не сварена была та краска, которой можно было бы нарисовать подлинный портрет Сталина. Попытка Троцкого вызвать извне политическое давление на Советский Союз, Сталина, его политику была заведомо обречена на провал.

Еще меньше шансов имел Троцкий, чтобы «поднять» бывших сторонников непосредственно против Сталина. Но своими статьями, бюллетенями, речами, интервью на Западе Троцкий, хотел он этого или не хотел, без конца провоцировал, создавал впечатление, что оппозиция растет, что число его единомышленников увеличивается, что «идет консолидация антисталинских сил». Это был блеф, а крайне подозрительный и мнительный Сталин очень многое из этих трескучих заявлений брал на веру, и одно из них, возможно, сыграло трагическую роль. Генсек исходил злобой, но ничего не мог поделать — ряд своих книг Троцкий уже одними названиями адресовал против него: «Сталинская школа фальсификаций», «Преступления Сталина», «К политической биографии Сталина». Последняя работа, которую Троцкому помешала закончить его смерть, называлась красноречиво: «Сталин...»

Произведения Троцкого издавались в десятках стран. Образ Сталина в глазах мирового общественного мнения формировался — и это действительно так — не под влиянием Фейхтвангера и Барбюса, а прежде всего благодаря работам Троцкого, который изобразил генсека мрачным азиатским деспотом, коварным, жестоким, фанатичным, недалеким, мстительным. Изгнанник не жалел красок. И Сталина одна мысль о Троцком уже настраивала на жестокую непримиримость; в любом троцкисте он видел частицу их лидера и требовал, чтобы «к ним не было пощады».

Находясь в 1936 году в Норвегии, Троцкий написал книгу «Преданная революция». В ней он обратился к коммунистам своей бывшей родины фактически с призывом совершить государственный переворот. Правда, этот переворот он назвал «политической революцией», которую-де должны, обязаны совершить его сторонники, участники бывших разгромленных оппозиций, бывшие меньшевики, эсеры, выходцы из других партий. Слепая ненависть к Сталину, безысходность и бесперспективность собственного положения лишили Троцкого возможности трезво оценивать политическую ситуацию в СССР. Впрочем, как мы уже отмечали, Троцкий никогда не был сильным политиком.

«Преданная революция» была написана не только о том, «что было», «как было», по мнению Троцкого, но и содержала его долгосрочные прогнозы общественного развития в СССР. Будучи посредственным политиком, он оказался и в этом вопросе неудачным футурологом, поскольку уверенность в «политической революции» против Сталина основывалась лишь на его страстном желании поражения «вождя». Он, в частности, высказывал и такую мысль, что в случае, если Германия развяжет войну против СССР, Сталину не избежать поражения. Трудно однозначно утверждать, желал ли этого Троцкий или личная ненависть и здесь сказала его гносеологическое видение мира.

Своей книгой Троцкий между тем добился все же одного результата. Сталин, очень жалеющий, что принял в 1929 году ошибочное и в значительной мере единоличное решение, которое лишь задним числом одобрили члены Политбюро, о высылке Троцкого за рубеж, залпом прочел перевод этой книги. Он кипел желчью. У него давно зрели два «пункта» вынашиваемого решения. Именно вынашиваемого — Сталин редко прибегал к мерам, которые он долго не обдумывал. Теперь, он считал, решение созрело. Во-первых, нужно любой ценой устранить Троцкого с политической арены. Он понимал, что всякая «маскировка» убийства своего заклятого врага будет бесполезной. Все поймут, кто его инспирировал. Во-вторых, он еще больше утвердился в «правильности» принятого решения по окончательному устранению всех, кто потенциально мог быть врагом его диктатуры. Возможно, Сталин и сам не предполагал тогда, как далеко заведет его это решение.

Книга Троцкого «Преданная революция», доставленная Сталину в начале 1937 года, была одной из последних капель, переполнивших чашу его терпения ко всем «недобиткам». Чувство мести за пережитые в прошлом моменты глубокой неуверенности, почти унижения перед «интеллигентами», «соратниками» и «оппонентами» захлестнуло его. Он понимал, что скоро пробьет час, когда медлить и колебаться будет нельзя, тем более что Ежов все время докладывает об «активизации бывших оппозиционеров».

На днях нарком принес на большом листе «схему связи» Троцкого со своими единомышленниками в СССР. Сталин вспомнил полузабытое дело Блюмкина. Да, именно того эсера Блюмкина, который убил немецкого посла Мирбаха, чтобы сорвать мир. Тогда он был приговорен к расстрелу, но благодаря вмешательству Троцкого смертную казнь заменили на «искупление в боях по защите революции». Блюмкин довольно долго служил в штабе Троцкого, сблизился с ним, а затем перешел работать в органы ГПУ. Возвращаясь летом 1929 года из Индии через Константинополь, он встретился с Троцким. Для этого ему пришлось специально сесть на пароходик и побывать на Принцевых островах. Исаак Дейчер пишет, что «изгнанник» после долгих разговоров написал послание своим сторонникам в Москве, дал Блюмкину советы, как бороться со Сталиным. Когда Блюмкин вернулся в СССР, его быстро арестовали: то ли за ним следили в Турции и видели, как он са-

дился на пароход для поездки на Принцевы острова, то ли неосторожно поделился в Москве с кем-либо о своей встрече с Троцким. А скорее всего, по свидетельству И. А. Сац, бывшего секретаря Луначарского, произошло вот что: Блюмкин привез Радеку запечатанное письмо от Троцкого. Но тот, уже отрестившись от своего бывшего товарища, передал пакет, не распечатывая, Ягоде. А уже Ягода, в свою очередь, дал его Сталину. Реакция была быстрой: после короткого суда Блюмкина расстреляли — судьбе не было угодно вторично улыбнуться смертнику.

Сталин вспомнил о Блюмкине неспроста. А может быть, такие «блюмкины», проинструктированные Троцким, находятся где-то рядом? Ведь убили же Мирбаха... Сколько их? Кто они? Кто может знать размах реальной опасности? Как далеко запустил свои щупальца Троцкий? Сомнения, опасения, злоба, страх, раздражение, ненависть к Троцкому переполняли Сталина. Хотя смерть Блюмкина напугала многих троцкистов, кто может поручиться, что страх лишил воли к борьбе всех сторонников опального лидера? И здесь личные качества Сталина, его худшие черты, а их у него было немало, вновь в который раз сыграли зловещую роль.

Сталин в ряде своих выступлений провозгласил, что троцкизм является главной враждебной платформой, на которой блокируются все враги Советского государства. Призрак Троцкого, который не склонил перед ним, Сталиным, головы, гипертрофировался до размеров государственной угрозы. В любом провале, неуспехе, неудаче, катастрофе Сталину виделась рука Троцкого, его направляющие указания. Кстати, на политических процессах 1937—1938 годов одной из основных линий обвинения подсудимых являлось утверждение о прямых «связях», «директивах», «указаниях» Троцкого, даже встречах с ним то в Берлине, то в Осло и других местах. В политических докладах на февральско-мартовском и других Пленумах ЦК, которых в 1937 году состоялось четыре, чаще всего звучали слова «Троцкий», «троцкизм», «троцкистские шпионы и убийцы». Неважно, какой обсуждался вопрос, — тень троцкизма витала в зале. Но еще более густой эта тень стала на знаменитых «политических» процессах. Троцкий стал для Сталина олицетворением универсального зла.

В действительности же все было не так. Троцкий даже в пору своего наибольшего влияния в середине двадцатых годов имел не более двух-трех процентов активных сторонников в партии. После его высылки отдельные троцкисты сохранили ему верность, но таких были единицы, может быть, десятки, пусть — сотни. Многие почувствовали, что Троцкий уже давно и безуспешно ведет личную борьбу, которая выглядела явно бесперспективной. Другие отошли от активной политической деятельности или, осудив троцкизм, стали честно трудиться на ниве созидания. Те, кого Сталин «простил» и кому разрешил вернуться в Москву (Раковский, Преображенский, Муралов, Сосновский, Смирнов, Богуславский, Радек и другие), находились на третьестепенных постах. Сталин позволил бывшим оппозиционерам-троцкистам

заниматься экономикой, просвещением, но ни одного не вернул на значительный политический пост. Подавляющее их большинство покалится публично, в печати. Никто из них не был в состоянии представить хоть какую-то «угрозу» строю, внутренней стабильности общества.

Конечно, Сталин понимал, что он всех их идейно «кастрировал», заставив отказаться от «левого курса», осудить «перманентную революцию», принять трактовку демократии в своей интерпретации, но вождем понимал также, что в глубине души эти люди по-прежнему не согласны с ним, а это, по его мнению, представляло для него большую потенциальную опасность.

Факты говорят, что троцкизм в тридцатые годы не представлял серьезной опасности. После 1935 года Троцкий фактически (и это явствует из его публикаций того времени, писем) потерял какую-либо связь с СССР. Газеты и радио были его главными источниками. Проживая, «выживая» нужную ему информацию, Троцкий продолжал изображать себя человеком, который может влиять на социальные, политические и идеологические процессы в Советском Союзе. Сталин заставил себя в это поверить. Ему нужен был повод, чтобы «раз и навсегда» покончить со всеми, кто когда-либо не разделял его взглядов. Или кто может потенциально, в будущем, поступить враждебно по отношению к нему. Ведь не мог же он допустить реализацию пророчеств Троцкого, от воспоминания о которых Сталину становилось не по себе. Особенно его взбесила последняя книга Троцкого, которую тот написал за два-три месяца после январского, 1937 года, политического процесса в Москве над Пятаковым, Радеком, Сокольниковым, Серебряковым и другими. Одно ее название «Преступления Сталина» — могло вывести из себя кого угодно.

Троцкий, вновь утверждая (и невольно — инспирируя), что Советский Союз едва ли выдержит столкновение с западными странами, считал одновременно безнадежными в перспективе и позиции Сталина. Слова Троцкого звучали как зловещее предзнаменование: «Завтра Сталин может стать обременительным для правящей прослойки... Сталин стоит накануне завершения своей трагической миссии. Чем сильнее кажется, что он ни в ком больше не нуждается, тем ближе час, когда никто не будет нуждаться в нем. При этом Сталин едва ли услышит слова благодарности за совершенный труд. Сталин сойдет со сцены, обремененный всеми преступлениями, которые он совершил». Троцкий, как часто это у него бывало, ошибся в сроках прогнозов. Стремясь ликвидировать осколки бывших оппозиций, Сталин тем самым хотел нанести смертельный удар и по Троцкому, лишить его малейшей надежды на осуществление своих пророчеств.

Читая Троцкого, Сталин видел не только политические, подстрекательские призывы изгнанника. Троцкий все время говорил, что фигура Сталина на олимпе власти случайна, что это гримаса истории. В «Истории русской революции» Троцкий писал: «Из-за колоссального значения, которое приобрел приезд Ле-

нина, следует сделать лишь вывод, что вожди создаются не случайно, что они избираются постепенно и готовятся десятилетиями, что их нельзя заменить по капризу и что их механическое устранение из борьбы наносит партии громадную рану и во многих случаях может парализовать ее на длительный период». Троцкий не скрывает, что «устранение», смерть признанного вождя Ленина выдвинули не Сталина, а именно его, Троцкого, на роль лидера: «Теперь нет никого, за исключением меня, кто может выполнить миссию вооружения нового поколения революционным методом».

Около человека в тоге вождя все время стоял призрак, хотя этот призрак был пока живым человеком и находился далеко от Москвы. Для Сталина Троцкий, троцкизм стали олицетворением «перманентного» зла. А может быть, Сталин, думая о призраке, вспоминал начало века, партийный съезд в Лондоне? Тогда он впервые увидел Троцкого: вьющиеся волосы, энергичные движения, пенсне, красивая речь, театральные жесты. Тот привлекал всеобщее внимание. Троцкий несколько раз задержал свой взгляд на хмуром кавказце, который тогда еще носил фамилию Джугашвили. Знал ли в тот момент молодой Лейба, что этот загадочный представитель боевой дружины с Кавказа станет его спутником-врагом до конца жизни, которая оборвется по воле Сталина 21 августа 1940 года?

ПОПУЛЯРНОСТЬ ТРИУМФАТОРА

Уже в тридцатые годы славословие Сталина достигло, казалось, «человеческого предела». Даже на выставке картин Рембрандта, как писал в своей книжке Лион Фейхтвангер, красовался «колоссальный некрасивый бюст Сталина». Но следует сказать, что Сталин был тогда, как бы это странно ни звучало сегодня, действительно популярен в народе. О человеке, который на своем «лицевом счету» имел так много преступлений против собственного народа, подавляющее большинство людей судили тогда лишь по внешним проявлениям, не имея возможности проникнуть в сущность происходящего. С детского сада детей приучали скандировать здравицы в честь «великого вождя». Это было время, когда никто не мог себе позволить «не любить Сталина».

И все же каковы «тайны» популярности Сталина в народе? Думаю, что этот феномен может объяснить целый комплекс причин. Одна из них заключается в том, что, несмотря на огромные моральные провалы и физические жертвы, общество в целом не деградировало и добивалось немалых результатов в экономической, социальной, культурной сферах. Думаю, что, будь на посту генсека другой руководитель, руководитель ленинского типа, эти успехи были бы, конечно, большими. И тем не менее культовые уродства не заморозили полностью общественного развития.

В области промышленности был совершен рывок от глубокой отсталости к индустриально-промышленному государству. Люди, пережившие империалистическую, гражданскую войны, разруху, восстановление,

не могли не поражаться, сколь огромный потенциал энергии, творческого заряда имеется у народа, освободившегося от эксплуатации. Разумеется, и здесь глубоко сказались новизна дела, ошибки и перегибы, связанные с утверждением культового вождизма. Но тем не менее в национальном, народном самосознании настойчиво пульсировала гордая мысль: «Мы многое можем! Дашь пятилетку в четыре года!» Сталинские слова: «Жить стало лучше, жить стало веселее!» подтверждались изменением панорамы Отечества к концу тридцатых годов — появились сотни новых заводов, фабрик, дорог, городов, дворцов культуры, домов отдыха, больниц, школ, лабораторий.

Значительно хуже дело обстояло в сельском хозяйстве. Крупные ошибки в определении путей и методов кооперирования, помноженные на преступные деяния по раскулачиванию, на многие десятилетия определили безрадостную картину здесь. Если накануне коллективизации в стране было 25 миллионов мелких единоличных крестьянских хозяйств, то к середине тридцатых годов свыше девяноста процентов крестьянских дворов вошли в состав коллективных хозяйств, однако это не дало, как ожидалось, решающего прироста сельскохозяйственной продукции.

Стратегические просчеты, связанные с использованием насилия как основного инструмента решения проблем в сельском хозяйстве, не только породили долгую социальную напряженность в обществе, но и исторически «отомстили» хроническим отставанием в этой сфере деятельности. Что бы ни говорил Сталин в своих речах о крупных успехах в колхозном строительстве, о «решающих достижениях» здесь говорить не было оснований. Да, в колхозы пошла техника, специалисты, образование, культура, но разрушенные вековые структуры оказались совсем не просто заменить новыми.

Неизмеримо более впечатляющими выглядят достижения в области подготовки специалистов. Всеобщая грамотность населения, ставшая большим достижением народа, позволяла активно влиять посредством печати, радио, кино на миллионы людей, приобщенных к строительству социалистического общества. Подавляющее большинство простых людей верили, что это только начало, что скоро — завтра, послезавтра — откроются новые горизонты улучшения их жизни, труда, социального обеспечения. После отмены карточек, нормирования продуктов питания в витринах магазинов стало больше появляться не только промышленных товаров, но и продукции сельскохозяйственного производства. И хотя, по сегодняшним меркам, жилось трудно, тесно, без достатка, общая атмосфера в обществе была достаточно оптимистичной. Пропаганда настойчиво внушала, что все успехи, нынешние и особенно будущие, связаны прежде всего с «мудрым руководством вождя». Если бы не Сталин, проводивший мысль, мы не были бы индустриальной державой, у нас не было бы крова над головой и гарантированного куска хлеба. Несмотря на промахи, изъяды и прямые преступления Сталина и его окружения, народ строил, творил, дерзал. Самое парадоксальное и драматическое заключается в

том, что в дни, когда многие честные сыны Отечества отдавали свои жизни, будучи оклеветанными, те, кого миновала эта горькая чаша, своими делами изумляли страну, часто мир.

Почти в те же июньские дни 1937 года, когда М. Н. Тухачевский и группа других военачальников попали на скорый и неправый суд, «Правда» сообщала, что героический экипаж в составе В. Чкалова, Г. Байдукова и А. Белякова на отечественном самолете АНТ-25 совершил первый в мире беспосадочный перелет по маршруту Москва — Северный полюс — Северная Америка. Это был триумф советской техники, советских людей. «Правда» рассказывала, что Алексей Стаханов установил новый трудовой рекорд, но его обязательно увязывали с именем Сталина. А. Стаханов в своей книге «Рассказ о моей жизни», вышедшей вскоре после рекорда, пишет: «Когда я все припоминаю, все мысли собираю вместе, то мне хочется каждый раз сказать одно и то же: — Спасибо товарищу Сталину! Товарищ Сталин так поднял меня, рядового рабочего, что об этом я не мог и думать никогда. Я уже теперь привык к словам «стахановское движение», часто встречаю свое имя в газетах, слышу на собраниях. Первое время мне все это, откровенно говоря, непонятно было. Да и теперь я считаю, что наше движение справедливо звать сталинским, потому что рабочий класс, двинувшийся в сталинский поход за овладение техникой, родил мой рекорд и рекорды моих товарищей».

Папанин, Чкалов, Бусыгин, ткачихи Виноградовы, Кривонос, Дюканов, многие другие пионеры своего дела, патриоты, новаторы, энтузиасты пропагандировались не сами по себе, а непременно через призму «руководства», «участия», «заботы» Сталина о каждом из них, о каждом рабочем, о каждом человеке страны. Реальные успехи, рекорды, изобретения, достижения, увязываясь в контексте с ролью Сталина, создавали вождю устойчивую популярность. Часто это выражалось в самых необычных формах.

Недавно я получил письмо от члена партии С. Е. Плота. Он пишет, что его отец, крупный политработник Красной Армии, после рождения сына по единодушной просьбе друзей, слушателей Военно-политической академии имени В. И. Ленина, назвал его в честь вождя Сталием. Сталий Ефимович пишет мне, что дальнейшая судьба его отца, однако, сложилась трагически: 15 мая 1937 года он был арестован как враг народа, а 4 ноября, накануне очередной годовщины Великого Октября, расстрелян. И вот всю жизнь Плот носит имя, связанное с фамилией деснота, погубившего его отца...

Даже кампании поиска и уничтожения «врагов» увязывались с авторитетом и популярностью Сталина. Непрерывно в печати муссировалась мысль, что троцкистско-зиновьевские вредители имели целью осуществить террористические акты по отношению к руководителям партии и государства и прежде всего «хотели убить товарища Сталина». И вместе с тем «товарищ Сталин, постоянно подвергаясь опасности, проявляет внимание к каждому человеку, имевшему ошибки, если он хочет стать на путь исправления».

На февральско-мартовском Пленуме ЦК Молотов привел пример такого «бережного отношения товарища Сталина к кадрам», зачитав одно из писем генсека:

«Пермь; секретарю горкома тов. Голышеву.

До ЦК дошли сведения о преследованиях и травле директора моторного завода Побережского и его основных работников из-за прошлых грешков по части троцкизма. Ввиду того, что как Побережский, так и его работники работают ныне добросовестно и пользуются полным доверием у ЦК ВКП(б), просим вас оградить товарища Побережского и его работников от травли и создать вокруг них атмосферу полного доверия.

О принятых мерах сообщите незамедлительно в ЦК ВКП(б).

26 дек. 1936 г.

Секретарь ЦК Сталин».

«Вот как надо относиться к товарищам из бывших троцкистов, которые теперь честно работают на своем посту», — заключил Молотов. Даже в самый разгар репрессий Сталин и его окружение стремились создать вождю репутацию в высшей степени справедливого и внимательного человека. Надо признать, что страна, еще не остывшая от революционных бурь, активно воспринимала и впитывала в себя призывы к усилению бдительности, необходимости ужесточения борьбы с «врагами народа», живо реагировала на факты «разоблачений», не замечая в них ни мистификаций, ни фальсификаций.

Сталин, будучи чрезвычайно хитрым человеком, заботился даже о мелочах, если они были связаны с его «явлением народу». Его манера просто одеваться, просто говорить, весьма импонировала простым людям. Лион Фейхтвангер отмечал, что «Сталин определенно не является великим оратором. Он говорит медленно, без всякого блеска, слегка глуховатым голосом, затруднительно. Он медленно развивает свои аргументы, апеллирующие к здравому смыслу людей, постигающих не быстро, но основательно... Когда Сталин говорит со своей лукавой приятной усмешкой, со своим характерным жестом указательного пальца, он не создает, как другие ораторы, разрыва между собой и аудиторией».

Он тщательно готовился к своим редким выступлениям. Товстухе, а затем Поскребышеву поручалось к каждому выступлению подобрать дюжину интересных цитат из произведений основоположников научного социализма, художественной классики, фольклора. Как сообщал Антонов, работник секретариата Ворошилова, «референты-докладчики Сталина помогают ему подбором цифрового материала по соответствующим вопросам. Часто эти данные заказывают в соответствующих наркоматах. Из этих цифр тов. Сталин выбирает себе нужные. Никакого текста референты не дают». В ходе выступлений Сталин иногда их использовал. При этом генсек придерживался всегда определенной литургической тональности, усвоенной им еще в духовной семинарии. Выше я уже упоминал, что он любил катехизисную структуру своих речей: вопрос — ответ, вопрос — объяснение. Часто при-

бегал к рефрену, умышленным повторам, оказывающим, по его мнению, гипнотическое воздействие. И надо сказать, эта неброская, но продуманная манера производила немалое впечатление на участников различных совещаний и встреч. Самое главное, она настраивала людей на веру в его мудрость. А ведь давно замечено, что ничто так не способствует популярности, как уверенность людей в достоинствах ума их руководителя.

Сталин любил иконические образы своей личности: фотографии вождя в солдатской шинели — воплощение «пролетарской строгости», держащий на коленях или за руку ребенка — как «отец своего народа», в форме генералиссимуса — «великий полководец, победитель». Может быть, поэтому населявшие нашу жизнь бесчисленные скульптуры, портреты, фотографии удручающе однообразны и невыразительны. Во время работы над книгой мне удалось найти большое количество фотографий Сталина, но все они, сделанные в официальной обстановке, дают иконообразное изображение вождя. Наиболее содержательны те, которые получены «случайно», без позирования. Наиболее интересны в этом смысле фотографии Н. С. Власика и Н. С. Аллилуевой.

Сталин, заботясь об упрочении своего единовластия, исподволь способствовал формированию в стране целой иерархии руководителей, которые стояли на более низких ступенях власти, чем он сам. Можно было уже в начале, допустим, тридцатых годов взять подшивку центральной газеты и обнаружить неофициальную табель о рангах. Конечно, на вершине пирамиды — «лучший ученик Ленина». В отчетах пишут, что зал стоя приветствует вождя. Аплодисменты переходят в овации, непременно здравицы, «ура». Единодержцу долго не дают говорить. Восторг массы неподдельный. Состояние экзальтации. Настоящее идолопоклонение. Предела превосходным степеням, славящим эпитетам нет.

А вот как пишет газета о Молотове, Кагановиче, Ворошилове: «В президиуме появился славный соратник Сталина». Бурные, продолжительные аплодисменты. Могут даже назвать по имени-отчеству. Здесь же тоже неперенные эпитеты: «стойкий большевик-ленинец», «сталинский нарком», «руководитель сталинской школы».

Дальше, когда речь идет о руководителях рангом пониже (наркомы, секретари обкомов, руководители крупных ведомств), эпитеты уже более «взвешенные»: «верные большевики», «отличные чекисты», «самоотверженные руководители». Но, хотя эти люди стоят значительно ниже на иерархической лестнице, они управляют целыми областями, наркоматами, и до 1934 года их часто именовали «вождями» (регионального масштаба).

Те же, кто находится еще ниже, ведут непосредственную работу по претворению «гениальных» планов индустриализации, коллективизации, организуют подписки на воздушные флотилии, проводят митинги и шествия, раскулачивание и заполняют своими ликами Доску почета. Многим из них в конце десятилетия сильно повезет, если останутся живыми: они наверняка

ка поднимутся на следующую ступень — вакансий будет немало.

Цезаризм по своей сути не может существовать без широко разветвленной системы руководителей, управляющих, заведующих. Особенно много начальников. Они жестко дифференцированы, крепко держатся за свое место, смотрят главным образом вверх, а не вниз и не вокруг. И по сей день страсть к начальничеству, к сожалению, сохранилась. Во времена сталинского единовластия табель о рангах составляла одну из важнейших основ цезаризма. Чем меньше народовластия, тем всегда больше начальников.

Сталин, будучи умным человеком, понимал, что в простом народе, особенно среди крестьянства, еще не были изжиты подспудные «царистские» традиции. Века забитости и темноты не могли не оставить глубоких следов какой-то иррациональной веры во всемогущество любого правителя, особенно находящегося в столице. Эти культовые настроения существовали не только в связи непосредственно со Сталиным, но и с властью вообще.

Сталину много писали простые люди. В его большом секретариате готовили ответы, поручали местным органам разобраться в просьбе заявителей. Иногда Сталин собственноручно отвечал на некоторые письма. В архиве генсека удалось обнаружить десятки фотокопий этих ответов. Вот один из них:

«Ленинград. Семье Климкиных.

Дорогие товарищи!

Из-за перегруженности опоздал с ответом, за что прошу извинения. Выражаемое вами пожелание уже выполнено мною. Направлены облигации: на 100 рублей в распоряжение ЦК МОПРа и на 300 рублей — в распоряжение колхоза «Пламя Революции» в Хоперском округе — одного из застрельщиков массовой коллективизации деревни.

Высылаю детишкам карточку, как они этого просили.

7.04.30 г.

Привет!

И. Сталин».

Позднее каждое такое письмо становилось предметом широкой пропагандистской кампании в районе, области, крае как пример «простоты и заботы о народе вождя».

Удалось установить, что Сталин уделял немалое внимание не только, как бы теперь сказали, проблемам управления, но и непосредственно «технике единовластия». Он внимательно проштудировал работу В. Воровского «О природе абсолютизма», М. Александрова «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России», Ю. Казмина «Судьба властелина» и другие аналогичные труды. Можно сделать заключение, что тяга к исторической литературе у Сталина не была бескорыстной, простым читательским интересом. Ум его искал аналогии, «рецепты», изучил «технологию» власти, ее психологические нюансы. Так, например, генсек усвоил, что большое воздействие на сознание и чувства людей производят его выступления на различных торжествах, крупных совещаниях в Кремле.

После «съезда победителей» в течение 1935 года Сталин выступил в Кремле на совещании железнодорожников (30 июля), колхозниц-ударниц свекловичных полей (10 ноября), на совещании передовых комбайнеров (1 декабря), на приеме передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана (4 декабря), трактористов (20 декабря). Каждое подобное совещание широко освещалось в печати, отражалось в кинохронике. Сталин много фотографировался, умел выгодно «подать» себя. По мере роста популярности он, однако, пришел к выводу, что выступать, «являться» народу нужно реже — в этом случае в такой же пропорции растет значимость его общения с людьми. Сталин почувствовал, что «затворничество», закрытость дают большие возможности для распространения официальных легенд, мифов, сусальных штампов о вожде.

Страна, где веками народом правил самодержец, не может легко и просто «страхнуть» психологические напластования одними заклинаниями, нужно время. Поэтому Сталин для поддержания и наращивания своей популярности делал особый акцент на формировании у людей «веры в вождя», веры в его «заботу» о них, «веры в справедливость Сталина». Все те ошибки, просчеты и преступления, которые сопровождали его путь, он всегда объяснял «вредительством», «головотяпством», «тупостью» новых чиновников, местных руководителей, которые или не поняли, или исказили его указания. Эпизодически Сталин жертвовал, еще до массовых чисток, тем или иным республиканским, областным руководителем, наркомом, указывая тем самым на того, кто был «виновен» в провалах, нехватках, отставании. Эта линия срабатывала безотказно. Ведь даже сейчас есть люди, которые считают, что трагедия Сталина в том, что он «доверился» Ежову, а затем Берии, что Сталин «многого не знал», что размах репрессий был ему «неизвестен». Все это отголоски той утонченной идеологической кампании, которую Сталин вел многие годы.

Как только генсек почувствовал (а впервые он имел основания для этого лишь в 1927 году и окончательно после XVII съезда партии, в 1935 году), что может стать «долгосрочным» вождем, тут же начал особо заботиться о том, чтобы этот символ был для людей привлекательным. Фильмы, книги, исследования о сильной личности, диктаторах, «прогрессивных» царях стали в ходу. В искусстве исподволь насаждались произведения, фактически абсолютизирующие роль отдельной личности. Сталин, например, лично консультировал С. Эйзенштейна и Н. Черкасова, каким должен быть на экране Иван Грозный.

Сталин, как мы знаем, был крайне подозрителен, в каждом неосторожном жесте, слове, мысли он видел «знак», смысл, намерение. Есть доказательства, что рутинные, бессодержательные, апологетические статьи, написанные соратниками в честь его шестидесятилетия, семидесятилетия, он тем не менее очень внимательно анализировал. Будучи очень скрытным человеком, просматривал кипы журналов, книг, в которых писали о нем. Его тщеславие было ненасытным, но он умел его скрывать на людях, поддержи-

вая легенду о своей «исключительной скромности». Правда, несмотря на различные заголовки, они, эти статьи, были очень похожи друг на друга. Например, Молотову подготовили статью «Сталин как продолжатель дела Ленина», а Микояну — «Сталин — это Ленин сегодня».

Окружение знало об этой особенности генсека и «соревновалось» между собой в поиске эпитетов, возвышенных сравнений, исторических аналогий, которые бы могли еще больше прославить «великого вождя». Сплошь и рядом «хвалителям» изменяло не чувство меры, а просто здравый смысл. В 1939 году, когда еще не были подведены кровавые итоги искоренения «врагов народа», помощники генсека А. Поскребышев и Б. Двинский писали о нем как о человеке, которому присущи «величайшая человечность и гуманность». Эти оруженосцы вождя в статье «Учитель и друг человечества» заявляли: «Сталин вошел в революцию с образом Ленина в уме и сердце. О Ленине он думает всегда, и даже тогда, когда мысли его погружены в проблемы, подлежащие разрешению, рука его машинально, автоматически чертит на листке бумаги: «Ленин... учитель... друг...». Как часто после рабочего дня уносили мы с его стола исчерченные этими словами вдоль и поперек листочки».

Подобная сусальность должна была, по мысли авторов, воздействовать не столько на ум, сколько на чувства людей. О том, что это придуманная сусальность, могу судить по такому факту. В архиве (фонде) И. В. Сталина хранятся самые различные бумаги, документы: от имеющих историческое значение вплоть до малозначащих записок. Там есть доклады, с которыми Сталин выступал на съездах, и одновременно записки вроде: «т.т. Андрееву, Молотову, Ворошилову: Пора кончать. Закругляйте выступления. К четырем надо закончить пленум. И. Ст.». Так вот, в архиве есть и бумажки, на которых Сталин что-то машинально, автоматически начертил. Но это совсем не то, о чем писали Поскребышев и Двинский. На одном из заседаний Политбюро в руках у Сталина оказалась брошюра «О правой опасности в нашей партии». Он рассеянно слушал выступления и все время отвлеченно водил карандашом по обложке. Я переписал с нее следующие слова:

«Сталин. Признать. Учитель. О правой опасности. О правой опасности в нашей партии. Мухлатка. Частное совещание. Токио. Сокольников. Рабочее издательство «Прибой». Огонь. Дискуссия. Молотов».

В конце добавлено:

«1. Не общий документ, а от ПБ.

2. Ни в одном пункте не уступать».

По машинным записям, сделанным в конце двадцатых годов, можно сделать лишь один определенный вывод: Сталин жил борьбой. Утверждения Поскребышева и Двинского о том, что Ленин был у Сталина «в душе и сердце», со ссылками на подобные записи — увы! — не подтверждаются. В доказательство этого я мог бы привести немало тарабарщины, подобной той, что уже привел выше.

Популярность Сталина принимала у людей вместе с тем и уродливую форму социальной самозащиты.

Человек, не желающий навлечь на себя подозрения, в своих публичных выступлениях, разговорах не мог допустить промашки в отношении Сталина. Любое, даже косвенное «очернительство» роли вождя кончалось трагически для неосторожного человека.

Как мне рассказывал А. Федоров, в конце сороковых годов в одной МТС на Витебщине у них произошел такой случай. После побелки помещения конторы собирались вновь развесить портреты на стенах. Молодой тракторист, зашедший с улицы, нечаянно уронил портрет Сталина, прислоненный к стене, и, пытаясь удержаться на ногах, наступил на лицо вождя. В комнате было несколько человек. Наступило тягостное молчание. Затем мастер сделал трактористу резкое замечание. Как уж там развивались события дальше, никто не знал, но через три дня парня забрали и вернулся он лишь после XX съезда партии. Одна из машинисток в редакции районной газеты в словосочетании «Сталинский взор» допустила ошибку, вставив букву «д» («вздор»). Больше ошибаться ей не пришлось — тут же она исчезла.

Где-то в невидимом слое «популярности», если посмотреть на нее в разрезе существовавших отношений между людьми, постоянно присутствовал страх. Не все и всегда это осознавали, но люди, знавшие о репрессиях, те, у кого пострадали родные и знакомые, славил Сталина, держа в сознании известные им факты. Поэтому популярность вождя держалась не только на определенных достижениях, которых добивался народ, усилиях пропаганды и манипуляции общественным сознанием в угоду «величайшего из вождей», но и на понимании (не всегда ясно осознанном) возможности реальной кары за выражение сомнений в адрес генсека. Неудивительно, что самый расцвет популярности вождя совпал с расцветом и доминантностью как неизбежным следствием политики насаждения всеобщей подозрительности и шпиономании.

Естественно, было бы неправильно считать, что абсолютно все граждане нашей страны фанатично любили вождя и он у всех пользовался безоговорочной популярностью. Нельзя забывать, что в партии была большая прослойка коммунистов с дореволюционным стажем, которую часто называли «ленинской гвардией». Эти люди не по «Краткому курсу», отредактированному Сталиным, знали историю партии и реальную роль всех руководителей в Октябрьской революции. Старые коммунисты, по крайней мере большая их часть, узнали о Сталине значительно позже, поскольку в Октябрьские дни да и в годы гражданской войны будущий генсек находился на вторых-третьих ролях. Не случайно Сталин с особенным пристрастием относился к судьбам старых большевиков. Как человек исключительно честолубивый и обладающий незаурядным практическим умом, он понимал, что эти люди, даже не выступая открыто против него, потенциально оценивают генсека иначе, чем уже сложившееся общественное мнение. Люди с таким прошлым были ему не нужны, и в итоге старая «гвардия» понесла наиболее тяжелый урон.

Сталин видел, что, несмотря на движение вперед, многое получалось не так, как виделось ему; после ре-

волюции прошло столько лет, а пока он только призывал во имя будущего идти на ограничения. Крупных результатов в улучшении жизни людей не было. Если он, Сталин, скажет, что в них, этих трудностях, повинны вредители, разве народ не поверит? Тем более все эти люди — бывшие оппозиционеры, люди с подмоченной репутацией. Кто не видит: факты вредительства налицо в народном хозяйстве, в промышленности, в аппарате. Разве за рубежом не пытаются использовать бывших оппозиционеров? Вон, например, белоэмигрантская газета «Русское слово» прямо говорит, что у Сталина есть оппозиция не только в партии, но и в армии...

Только полное устранение потенциальных недоброжелателей безоговорочно укрепит его положение. Нужна крупная акция. И хорошо, что он еще раньше предупреждал: «Враги не сложили оружия».

Сталину казалось, что он дождался своего часа. Отныне даже в потенции, даже мысленно никто не сможет посягнуть на его цезаристское единовластие. Час трагического начала приближался. Решение зрело и окончательно оформилось, когда он был вдали от Москвы, в Сочи, где мог спокойно обдумать пути дальнейшего упрочения своей личной власти.

25 сентября 1936 года вместе со Ждановым, который на XVII съезде партии стал секретарем ЦК и быстро вошел в доверие к генсеку, он направил из Сочи на имя Молотова, Кагановича и других членов Политбюро телеграмму:

«Мы считаем абсолютно необходимым и спешным, чтобы тов. Ежов был назначен на пост Народного Комиссара внутренних дел. Ягода определенно показал себя явно неспособным разоблачить троцкистско-зиновьевский блок. ОГПУ отстает на четыре года в этом деле. Это замечено всеми партийными работниками и большинством представителей НКВД».

Сигнал был дан. Чудовищный, страшный сигнал. Едва ли кто мог предположить, как много будет обнаружено после него в нашем Отечестве «шпионов», «вредителей», «диверсантов», «террористов», просто «двурушников». Можно даже подумать, что не они жили среди нас, а мы среди них! А люди пели: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!»

Сталина ободрил и недавний процесс над Зиновьевым и Каменевым: народ горячо поддержал государственное обвинение. Еще не состоялся суд, неизвестны обстоятельства дела, а печать, радио дружно скандируют: «Уничтожить гадов!», «Смерть врагам!», «Никакой пощады двурушникам!». Генсек почувствовал, что он добился многого: отобрал истину у народа, превратил его в толпу, за которую теперь будет думать только он сам. Возможно, это преступление Сталина, а у него их длинный ряд, одно из тяжчайших.

Помните, вождь еще в 1933 году предсказывал, что «контрреволюционные элементы» могут «защелкаться»? Так и произошло! Речь шла уже не просто об унижении народа культовым уродством, а о чем-то большем и страшном. Надвигалась трагедия.

Все понять — отнюдь не значит все простить.

Э. Кестнер

Глава шестая. КУЛЬМИНАЦИЯ ТРАГЕДИИ

Наступал июнь, 1937 год. В Москве, других городах Отечества, тысячах сел и деревень огромной страны шла обычная в новогодние праздники суматоха: в клубах и тесных квартирах ставились елки, ребята клеили самодельные гирлянды, шли последние приготовления в кружках художественной самодеятельности, которые тогда были на каждом предприятии, в колхозе, школе. В последние год-два на прилавках и в витринах магазинов появился определенный выбор гастрономии. Новогодняя «Правда» 1937 года, например, в небольшой заметке «Праздничные покупки» сообщала: «Разнообразные вина от советского шампанского до муската, сотни сортов колбасных и рыбных изделий, торты, пирожные, фрукты — все это в большом количестве покупали вчера в магазинах москвичи. Тысячи агентов «Гастронома», «Бакалеи» и других продовольственных магазинов были заняты доставкой на дом покупателям различных продуктов к новогоднему праздничному столу...

По сообщению заведующего московским городским отделом внутренней торговли тов. Эпштейна, магазинами столицы было продано на 4 млн. рублей различных елочных украшений и игрушек».

Мужчины запасались одной-двумя бутылками «Московской», в магазинах крупных городов можно было купить и хорошее вино, «для женщин». В наркоматах, крайкомах, обкомах, райкомах завершали «подбивку» итогов года: надо было «рапортовать». А сказать народу было о чем: в минувшем году введен в строй Харьковский станкостроительный завод, был торжественно открыт Канский целлюлозно-бумажный комбинат, заработал Соликамский магниевый завод, в Армении дала промышленный ток Конакарская ГЭС, завершен ввод в строй Мурманского рыбного комбината, сотен других, больших и малых производственных объектов.

Количественные показатели (но отнюдь не качественные) впечатляли. Было о чем докладывать Сталину. Даже образованный лишь в 1936 году Наркомат оборонной промышленности, не выполнивший по многим показателям и заводам плана, послал Сталину письмо: «Оборонная промышленность будет лучшей в стране». Рапорты наркомов Кагановича, Микояна, Любимова радовали вождя: не только железнодорожный транспорт, но и легкая, местная промышленность наконец дали большую прибавку. Пусть все знают, что Сталин слов на ветер не бросает. Ведь по его указанию было принято решение 1936 год сделать ударным: прирост производства средств производства предусмотреть на 22, а предметов потребления — на 23 процента. По его указанию «Правда» дала специальную статью «План подъема благосостояния народа», где писала, что слова вождя «жить стало лучше, жить стало веселее» никогда не расходятся с делом. Пусть еще раз все убедятся в справедливости этого лозунга.

Пульс страны бился ускоренно и мощно. Шли годы,

а революционный энтузиазм, получивший заряд от октябрьского генератора, не иссякал. Жили еще очень бедно, одевались просто, скромно. Без конца были «ударные» декады, ставили производственные рекорды, печать пестрила именами героев труда. Социалистический облик страны был аскетическим, но устремленным в будущее. Говоря о соотношении общественного и личного, считалось даже кощунственным упоминать об интересах конкретных индивидов; общее дело целиком поглощало отдельного человека. Державные мотивы не позволяли ставить в полный голос вопросы о всестороннем, гармоническом развитии личности. Социалистические ценности, в центре которых должен быть человек, всей системой сформировавшихся отношений ставились в решающую зависимость от воли и разума одного лица. Припадание к идеологическому алтарю «господствующей личности» стало обязательным.

Передовая «Правды» за 1 января 1937 года озаглавлена «Нас ведет великий кормчий». Статья заканчивается красноречивым панегириком: «Советский корабль хорошо оснащен и хорошо вооружен. Ему не страшны штормы. Он идет по своему курсу. Его корпус сооружен гениальным строителем для борьбы с враждебной стихией в эпоху войн и пролетарских революций. Его ведет гениальный кормчий Сталин». Здесь же рядом огромный портрет вождя, возвышающийся над людским морем. Кто-то в этом «море» несет и небольшой портретик Ленина...

Отечественные газеты первых дней 1937 года передавали не только напряженное дыхание трудившегося народа, страницы полны предупреждений о грозной опасности, нависшей из-за кордона. Очередные корреспонденции М. Кольцова из Испании, подробности потопления фашистами советского парохода «Комсомол», постановление ЦИК СССР о присвоении звания Героя Советского Союза группе командиров РККА «За образцовое выполнение специальных и труднейших заданий Правительства». Все понимают — это «испанские» герои.

Здесь же статья Я. Рудзутака, которому осталось жить немногим больше года: «посредством своих агентов — Троцкого и его банды, фашисты пытались разстроить путем вредительства наше хозяйство, их руками они хотели убить лучших людей нашей страны, мозг и сердце нашей страны — товарища Сталина...».

Всего неделю назад Чрезвычайный VIII съезд Советов принял новую Конституцию СССР, провозгласившую расширение основных демократических прав и свобод советских людей, включая свободу совести, слова, печати, собраний и митингов, неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки. Над ней работали Акулов, Бубнов, Бухарин, Гамарник, Крыленко, Егоров, Тухачевский, Эйдеман, Уборевич, Якир, другие видные государственные, военные и общественные деятели. Создавая Основной Закон государства, провозглашавший на словах социалистическое народовластие, они еще не знали, что вопреки провозглашенному праву совсем скоро они будут безжалостно уничтожены. В условиях единовластия «господствующей личности» никакая конституция защитить не может.

А почти в это же самое время прокурор Союза СССР А. Я. Вышинский уже «шлифовал» свью огромную, многочасовую обвинительную речь на готовящемся втором открытом судебном процессе «троцкистских заговорщиков», которую он с пафосом, как артист, произнесет 28 января 1937 года.

Миллионы советских людей, полные искренней гордости за продолжающийся «затяжной рынок» к экономическому и оборонному могуществу страны, поздравлявшие друг друга в новогоднюю ночь и желавшие взаимного счастья, не могли и предполагать, каким кровавым будет наступающий год. Двадцатая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции станет кульминацией трагедии советского народа, эпицентром социального цинизма и, как казалось, необъяснимых замыслов вождя. Но об этой трагедии, как это ни звучит парадоксально, люди (в основном!) узнают почти через два десятилетия, и то далеко не полностью. А пока им предстоит вместе со всеми возмущаться, негодовать и проклинать «фашистских выродков», «шпионов» и «террористов». Даже такие люди, как А. Фадеев, А. Толстой, П. Павленко, Н. Тихонов, Б. Ясенский, Л. Никулин, в статье «Шпионы и убийцы» предадут анафеме тех, кто стал жертвами и актерами постыдного и преступного январского спектакля.

А Главный режиссер этого действия еще раз обратит внимание народа: мол, еще в январе 1933 года я говорил, что при определенных условиях «могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных элементов из троцкистов и правых уклонистов». Чем больше наши успехи — тем сильнее противодействие им... Вот она, жестокая классовая борьба, натягивающая тетиву противоборства до предела!

К XVII съезду была выпущена необычная книга. Называлась она «Канал имени Сталина». Тридцать шесть советских писателей под руководством М. Горького, Л. Авербаха и С. Фирина написали панегирик первому в истории опыту переделки «врагов народа в его друзей». Это, говорилось в книге, «отлично удавшийся опыт массового превращения бывших врагов пролетариата... в квалифицированных сотрудников рабочего класса и даже в энтузиастов государственно необходимого труда». Авторы писали, что «человеческое сырье обрабатывается неизмеримо труднее, чем дерево, камень, металл»; «книга рассказывает, как лечили и вылечили социально больных: как врагов пролетариата перевоспитали в сотрудников и соратников его. Тема огромнейшей и глубочайшей значимости». В толстом томе портреты «бывших вредителей» — инженеров, профессоров, учителей Н. И. Хрусталева, К. М. Зубрик, А. Г. Ананьева; тысячи других интеллектуалов (а не только кулаков, воров и рецидивистов) превращались в «соратников пролетариата». Преступление многих было лишь в том, что они думали иначе, чем Иосиф Сталин, которому, как пишут авторы, присущи «отлично организованная воля, проницательный ум великого теоретика, смелость талантливого хозяина, ин-

туция подлинного революционера, который тонко разбирается в сложности качеств людей и, воспитывая лучшие из этих качеств, беспощадно борется против тех, которые мешают первым развиваться до предельной высоты». А мешали Сталину не только какие-то качества. Мешали люди. Много людей. Страшно много.

Все эти «недобитки» мешали ему (потенциально, просто в сознании) окончательно утвердиться в роли единственного, безраздельного и всеми, именно в сем и любимого вождя.

«ВРАГИ НАРОДА»

Никакие справедливые цели и намерения не могут оправдать безнравственных средств. Ведь «в нашем идеале — и об этом писал В. И. Ленин — нет места насилию над людьми». А именно к нему широко прибежал Сталин в печальном, трагически вошедшем в нашу историю тридцать седьмом году, как и в году следующем. Это была кульминация трагедии единовластия не только в силу масштабов бесчеловечности (в 1929—1933 годах пострадало людей больше), но и в результате невиданного политического цинизма, который не мог своевременно разглядеть целый великий народ.

Кто ввел в обиход страшный термин «враг народа»? Конечно, дело не в понятии, а в попытке найти какие-то исторические, политические, логические обоснования, которые использовал Сталин для широкого применения социального насилия.

Мы уже говорили, что Сталин впервые познакомился с книгой об истории Великой французской революции в Туруханске. На него тогда произвела большое впечатление решительность Робеспьера и Кутона, добившихся в критическую минуту принятия Закона об упрощении судебного процесса над «врагами революции». Ему импонировала формула Робеспьера: «Кто ходит в шитых золотом штанах, тот враг всех санкюлотов». Кто не с революцией — тот ее враг, по-своему читал Робеспьера Сталин. Еще тогда он обратил внимание на интересное, по его мнению, место из речи Робеспьера в Конвенте 22 прериаля (10 июня) 1794 года: «Когда свобода добывается, по-видимому, блестящего триумфа, враги отечества составляют еще более дерзкие заговоры».

Хотя термин «враг народа» был в обиходе и раньше, Сталин после 1934 года наполнил его «конкретным содержанием». Еще в «Закрытом письме», которое ЦК партии направил в республиканские и областные парторганизации 29 июля 1936 года и к которому Сталин непосредственно приложил руку, подчеркивалось, что «враг народа» обычно выглядит «ручным и безобидным», что он делает все для того, чтобы «потихоньку вползти в социализм», что «враги народа» — это люди, не принявшие социализма, и что чем безнадежнее будет их положение, тем охотнее «они будут хвататься за крайнее средство».

Как мне рассказывал А. А. Епишев, работавший в 1951—1953 годах заместителем министра государственной безопасности, Берия любил на совещаниях под-

черкивать мысль, авторство которой он приписывал Сталину:

— Враг народа не только тот, кто вредит, но и тот, кто сомневается в правильности линии партии. А таких среди нас еще много, и мы должны их ликвидировать...

Епишев, скупой на рассказы о себе, как-то поделился со мной в редкие минуты откровений:

— Удалось с трудом вырваться из бериевского вертепа. После моих неоднократных просьб отпустить меня вновь на партийную работу Берия злоебно бросил: «Не хочешь со мной работать? Ну что же — как хочешь...» Через несколько дней меня направили в Одессу, вновь избрали первым секретарем обкома, а вскоре ко мне зашел начальник областного управления НКВД и предложил с завтрашнего дня оставаться дома. Я знал, что это значит: со дня на день будет арест... А тех, кто работал рядом с Берией и в чем-нибудь сомневался, министр считал не «простыми» врагами народа. Меня чудом спас счастливый случай: Берия в эти самые дни арестовали... «Враг народа», — продолжал Алексей Алексеевич, — это была универсальная формула отбора тех, кто не подходил под сталинский ранжир...

Ну, а не «подходили» под сталинскую модель, концепцию многие, большинство же просто подозревалось в том, что они «не подходят». Таким образом, сталинская концепция «врагов народа», внешне заимствованная из выступлений руководителей Великой французской революции, ничего общего с их пониманием не имеет. Робеспьер, установивший революционно-демократическую диктатуру, видел врагов в обладателях несправедливо приобретенного богатства и тиранической аристократии. Сталин — во всех тех, кто даже потенциально мог не разделять его взглядов. Даже инакомыслие, само подозрение в его существовании считалось враждебным деянием. Никто не выступал против единовластия Сталина, но генсек чувствовал, что в душе многие, особенно из ленинской старой гвардии, не могут его одобрять. Этого было достаточно, чтобы беспредельно подозрительный и жестокий диктатор постепенно созрел для страшного решения.

Подавляющее большинство советских людей безоговорочно поверили, что идет борьба не на жизнь, а на смерть с людьми, которые не оставили надежд реставрировать капитализм в нашей стране. Передовицы газет были красноречивыми уже в январе 1937 года: «Шпионы и убийцы», «Торговцы Родиной», «Троцкист — вредитель — диверсант — шпион», «Подлейшие из подлых», «Троцкистская шайка реставраторов капитализма»... Непрекращающийся «массаж» общественного сознания давал свои плоды; люди негодовали, «узнав» о подлости тех, кто так долго маскировался.

Почему Сталину и его окружению удалось убедить партию, народ в том, что они живут среди врагов? Каким было обоснование настоящего безумия шпиономании и вредительства? В значительной мере на эти вопросы отвечает февральско-мартовский (1937 года) Пленум ЦК партии.

На Пленуме, который продолжался около двух недель, было заслушано немало докладов. Начал Жданов, доложивший о подготовке парторганизаций к вы-

борам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе и перестройке партийно-политической работы. В докладе он поставил вопрос о состоянии внутрипартийной демократии как важнейшем условии нравственного здоровья ВКП(б). Но тут же привел цитату генсека о том, что не должны забывать указаний товарища Сталина: хотя «нам бьет в глаза культурная работа диктатуры», органы подавления сегодня так же нужны, как и в период гражданской войны; мы не можем не учитывать, что, «пока наши люди дремлют и расквашиваются, враги уже действуют». А в партии обстановка, по словам Жданова, непростая. Ряды партии редеют; в ней оказалось немало врагов. И здесь докладчик привел данные, которые были не просто симптомом. Жданов заявил: «Вредная практика кооптации укоренилась и зашла далеко. Практика кооптации нарушает законное право членов партии принимать участие в выборах своих руководящих органов».

Затем секретарь ЦК сообщил: в бюро райкомов и горкомов кооптировано до 59 процентов. В Киеве, например, 19 октября 1934 года в горком кооптировали сразу 14 человек, в том числе Ашрафьяна, Дзениса, Сенченко, Тодера и других, оказавшихся «врагами народа». В Харькове в горкоме из 158 членов и 34 кандидатов, избранных на IV городской партийной конференции, осталось только 59, а кооптировано 61. Бюро горкома, за исключением одного, состоит целиком из кооптированных. В Ленинском районе Харькова 4 апреля 1936 года ставился вопрос об «исключении целой пачки людей». Пригласили и актив. Зачем? А затем, что на пленуме присутствовало 10 членов, а надо было вывести 12 человек! «Так 10 человек сожрали 12 человек! (Смех среди участников Пленума.)» Жданов еще долго приводил подобные примеры.

То были не просто симптомы партийной антидемократии. В партии создавалась атмосфера законности беззакония, дозволенности широкого использования силовых методов. Сталиным и его окружением уже был подготовлен духовный, моральный климат широкого перехода от административных методов решения социальных проблем к методам прямого насилия над потенциальными противниками.

К моменту этого Пленума «господствующая личность» уже провела «разведку боем». Речь идет о расправе над Зиновьевым и Каменевым, группе других большевиков. Сталину мешали эти деятели, низведенные до мелких служащих, но некоторые очень много знали о нем такого, что было очень неприятно для вождя. Например, о тех совещаниях, которые проводил Сталин у себя в кабинете, настраивая Зиновьева и Каменева против Троцкого. Знали о его многочисленных интригах, подделывании старых протоколов (Сталин «организовал», например, записку Вл. Сорина и Е. Стасовой о необходимости внесения изменений в протоколы заседания ЦК от 23 февраля 1918 года о Брестском мире), о загадочной истории болезни и смерти М. В. Фрунзе и других сомнительных страницах былого, которые вождь никогда не ворошил. Зиновьев и Каменев уже сидели. 15 августа 1936 года их по личному решению Сталина вновь предают суду. Еще не начались заседания, не оглашено обвинительное заключение,

а газеты и радио дружно начали скандировать: «Смерть гадам!», «Нет пощады врагам!», «Врагов народа — на свалку истории!». Сталинская месть не знала компромиссов: его бывшие коллеги по Политбюро были приговорены к смерти и расстреляны. Их последняя мольба — письма о помиловании к Сталину — осталась без ответа. Вождь надеялся, что вместе с Каменевым умрет и его заявление на XIV съезде партии: «Я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба»; уйдут в небытие злые, ироничные слова Зиновьева о генсеке как «восточном деспоте, не ведающем, что такое совесть».

Сталин не любил ограничиваться одним «слоем» снятых врагов. Как у Зиновьева, Каменева, сотен, тысяч других, кому он «отказал в доверии», были уничтожены и их семьи. Например, вслед за Л. Б. Каменевым погибли его жена, два сына (один — не достигший совершеннолетия), брат Каменева с женой... Сталин вырубал не только дерево, но и поросль вокруг. А тогда, в тридцать седьмом, эта рубка шла день и ночь. Главный Дровосек, как кровавый прораб, руководил сечей. «Опоздание» на четыре года спешили ликвидировать.

Доклады Молотова, Кагановича, Ежова на Пленуме были посвящены зловещему вопросу: «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов». В них отсутствовали какой-то разумный анализ, реальное осмысление положения дел по той простой причине, что сам предмет обсуждения был миражем, видимостью. Было много крепких слов, заклинаний. Одновременно докладывались и первые «результаты», которые сегодня просто ошеломляют.

Молотов, начав доклад, заявил, что делает его вместо Орджоникидзе. За неделю до открытия Пленума Серго застрелился. В правительственном сообщении говорилось, что он умер от паралича сердца. По свидетельству ряда лиц, знавших семью Орджоникидзе, он крайне болезненно относился к нагнетанию шпионмании и выискиванию врагов. У него было по этому поводу несколько крупных и резких разговоров со Сталиным, генсек стал посылать Орджоникидзе доносы на него, поступающие в НКВД, явно намекая, что «дыма без огня не бывает». По существу, Орджоникидзе понимал, что вождь или требует полного послушания, или ждет ликвидации. В довершение всего Сталин поручил Серго сделать доклад на Пленуме «О вредительстве в тяжелой промышленности». Орджоникидзе предстояло своими руками отдать на заклинание многих командиров производства, принять прямое участие в произволе, с чем настоящий большевик смириться не мог. Свой шанс совести Орджоникидзе использовал, хотя и не лучшим, но в той обстановке, пожалуй, единственно достойным способом. В день трагического выбора люди Ежова передали Орджоникидзе протокол допроса его брата Популии. Были арестованы и некоторые другие родственники Серго. Его буквально подталкивали к роковому шагу, и Серго сделал этот шаг.

Сталин, прибыв на квартиру Орджоникидзе, приказал, чтобы в печать пошла «обоснованная» версия самоубийства. Письмо, написанное, по свидетельству

близких, покойным, оказалось у Сталина. Его содержание осталось, по-видимому, навсегда неизвестным для истории. Из-за похорон наркома Пленум пришлось перенести. Для Сталина смерть Серго была лишь эпизодом, он не любил тех, кто колебался. А Орджоникидзе перед лицом программы террора, которую должен был одобрить Пленум, не просто заколебался, а выразил протест, покончив с собой. Впрочем, так поступают в те годы и многие другие: Томский, Гамарник, Сабинин, А. Любченко...

Молотов в докладе сыпал цифрами, множеством фамилий «врагов народа», пробравшихся в тяжелую промышленность: Аристов, Гайдеров, Берман, Норкин, Карцев, Аркус, Азовских, Яковлев, десятки других руководителей. По его словам, всем этим шабашем «террористов и троцкистских агентов» руководил Пятаков. Чтобы показать, что нужно не только констатировать расширение вредительства в народном хозяйстве, но и активно бороться с ним, Молотов сообщил Пленуму о количестве осужденных в аппаратах ряда наркоматов к 1 марта 1937 года: Наркомтяжпром — 585; Наркомпрос — 228; Наркомлегпром — 141; НКПС — 137; Наркомзем — 102 человека. И так по двадцати одному ведомству. Докладывая Пленуму, Молотов все время делал акценты на то, что все эти вредители действовали по указаниям из троцкистского центра. Председатель Совнаркома объяснял «стратегию» вредительства лозунгом Троцкого: «Наносить чувствительные удары в чувствительных местах».

Однако, даже допуская, что факты вредительства могли быть и даже, возможно, где-то были, предсовнаркома должен был знать, что при огромных темпах проектирования, строительства, развертывания все новых промышленных и иных объектов делалось это часто в большой спешке, «кавалерийским наскоком», при безусловных случаях головотяпства и некомпетентности. Слабая техническая вооруженность, низкая производственная, технологическая культура и дисциплина приводили к многочисленным авариям, крушениям, пожарам, браку, рекламациям. Однако все это объявлялось только как результат «происков троцкистских вредителей».

В этом же духе был выдержан и доклад Кагановича, «осветившего» уроки вредительства применительно к железнодорожному транспорту. Здесь был другой набор: троцкисты вредили делу внедрения паровоза «ФД», не допускали «превышать нормы» (а как только, вопреки установкам «предельщиков», их нарушали, — следовали аварии и катастрофы), противодействовали стахановскому движению, срывали планы перевозок. У Кагановича тоже был длинный список вредителей-руководителей.

Ежов своим докладом еще дальше стал нагнетать обстановку, по которой выходило, что буквально всюду проникли «враги». Его обширная статистика, которую не стоит здесь приводить, оставляет самое мрачное впечатление...

Ежов, этот нравственный и физический пигмей, накануне Пленума был удостоен специально учрежденного для него звания Генерального комиссара государственной безопасности, которое до него никому более не

присваивалось. Его удостоится позже только Берия. Некоторые идеи его доклада были откровенно подстрекательскими, стимулирующими разворачивание обязательных доносов против «внутренних врагов». «За несколько месяцев, — заявил Ежов, — не помню случая, чтобы кто-нибудь из хозяйственников и руководителей наркоматов по своей инициативе позвонил бы и сказал: «Тов. Ежов, что-то мне подозрителен такой-то человек, что-то там неблагополучно, займитесь этим человеком». Таких фактов не было. Чаще всего, когда ставишь вопрос об аресте вредителя, троцкиста, некоторые товарищи, наоборот, пытаются защищать этих людей».

В специальном постановлении, принятом по докладу Ежова, снова отмечалось, что Наркомвнудел в борьбе с врагами запоздал по крайней мере на четыре года. Похоже, по мысли Сталина, кровавую чистку надо было провести накануне XVII съезда партии. НКВД вменялось «довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов до конца, с тем, чтобы подавить малейшие проявления их антисоветской деятельности». Но все это было прелюдией. Эмпирические сыскные выкладки Молотова, Кагановича, Ежова больше пугали здравомыслящих участников Пленума, нежели убеждали их в ситуации повального вредительства. Нужно было теоретическое и политическое обоснование. Первые докладчики обрисовали «ландшафт», где «резвились» враги, но их сущность, «природа» и причины активизации были неясны.

Была нужна четкая «программа» — и вождь сформулировал ее; нужно было теоретическое обоснование террора против «врагов» — Сталин проделал и эту работу; надо было «поднять» людей на «ликвидацию» троцкистских и иных двурушников — ему удалось решить и эту задачу.

По тщательности формулировок, продуманности структуры доклада, с которым выступил Сталин, содержанию его заключительного слова и резолюции, написанной им собственноручно, видно, сколь большое значение генсек придавал предстоящей кровавой чистке.

Доклад Сталина был озаглавлен: «О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников». По многочисленным зачеркиваниям, пометкам на полях, вставкам, сделанным четким почерком генсека, видно, как тщательно Сталин готовился к докладу. Он не «опустился» до мелкого «вылавливания» вражеских функционеров, чем самозабвенно занимались Молотов, Каганович и Ежов. Основной Докладчик все разложил по полочкам. Вначале Сталин охарактеризовал феномен «политической беспечности», затем перешел к последствиям капиталистического окружения. Здесь он верно отметил, что опасность со стороны империализма реальна и постоянна, она требует постоянного учета в процессе социалистического строительства. Но эту опасность Сталин органично связал, что не было оправданным, с троцкистской опасностью. Троцкистов он охарактеризовал как «оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств».

Фактически Сталин поставил троцкизм в центр опасности для социализма. Но идеология и платформа троцкизма в СССР были идейно и политически разбиты раньше. Однако Сталин, дав подробнейшую характеристику современного троцкизма, теневым сторонам нашего движения вперед, пришел к далеко идущему зловещему теоретическому выводу: «Чем больше мы будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее они будут идти на острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последнее средство обреченных».

Генсек давно привык к тому, что все его теоретические выкладки были обоснованием и оправданием политического курса. С одной стороны, еще в 1934 году Сталин утверждал, что эксплуататорские классы в СССР ликвидированы, а теперь, спустя три с лишним года, стал вдруг доказывать, что борьба «обостряется». Это, нажимал Сталин на Пленуме, стало возможным при условии маскировки бывших оппозиционеров, которые вели скрытую подрывную работу, консолидировали свои силы, дожидаясь своего часа. Для Сталина «классовая борьба» переместилась в «полицейскую область». Основной Докладчик насчитал целых «шесть гнилых теорий», которые мешают партии окончательно разгромить «троцкистскую банду»: мол, нельзя считать, что перевыполнение плана сводит на нет работу вредителей; мол, не стоит полагаться на то, что стахановское движение само по себе ликвидирует вредителей; мол, ошибочная позиция некоторых людей, полагающих, что троцкисты не готовят свои кадры, и так далее.

Если предыдущие докладчики и многие выступающие сосредоточивали свое внимание на «конкретных» фактах вредительства, то Сталин, как всегда, все загнал в жесткую схему. В заключительном слове 5 марта он заявил, что «есть семь пунктов, по которым у участников Пленума нет ясности». Были среди этих пунктов и отдельные как будто бы верные суждения (например, ряд бывших троцкистов заняли правильные позиции, и «их не следует опорочивать»), были суждения явно вождистские (надо иногда прислушиваться к голосу так называемых «маленьких людей»), суждения «мобилизующие» («врагов мы будем в будущем разбивать так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом»). Сталин заявил Пленуму: «Чтобы выиграть сражение, может потребоваться несколько корпусов. А для того, чтобы его провалить, — несколько шпионов. Чтобы построить большой железнодорожный мост, для этого нужны тысячи людей. Чтобы его взорвать, нужно всего несколько человек». Так Сталин подчеркнул особую опасность даже «отдельных шпионов», стимулируя тем самым повышенное рвение к их разоблачению.

Резолюция по докладу Сталина содержала двадцать семь категорических тезисов. Карандаш генсека придал им вид, который он весьма любил:

— осудить практику недооценки пропагандистского фронта;

— осудить практику превращения пленумов в средство парадных манифестаций;

— осудить практику кооптации и сведения выборов к пустой формальности;

— осудить практику артельности в деле распределения партийных сил;

— осудить практику бездушного отношения к судьбе отдельных членов партии...

Внешне вроде бы много верного в сталинских постулатах, но вся беда в том, что эти декларации несколько не влияли на реальное положение «судеб отдельных членов партии». Например, за два дня до принятия этих решений, обязывающих «осуждать бездушные», фактически была решена судьба Бухарина и Рыкова, а месяцем раньше был объявлен приговор Пятакову, Радеку, Сокольникову, другим «шпионам» и «террористам», а фактически — товарищам по партии. У Сталина вошел в привычку постоянный разрыв между словом и делом. То, что адресовалось для широкого «потребления», как правило, выглядело более или менее респектабельно, демократично, законно. То же, что оставалось в сфере информации узкого круга лиц, держалось в строгом секрете. Двойная мораль, двойные стандарты, двойные подходы уже стали нормой в сложившейся вокруг Сталина системе отношений. Особенно наглядно это проявилось в решении судьбы Бухарина и Рыкова.

По докладу Ежова 3 марта на Пленуме была принята резолюция «По делу Бухарина и Рыкова», которые до Пленума еще продолжали оставаться кандидатами в члены ЦК. Для выработки проекта постановления по этому вопросу создали комиссию под председательством А. И. Микояна, в которую вошли также Андреев, Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Езов, Шкирятов, Крупская, Косиор, Ярославский, Жданов, Хрущев, Якир, Берия, Эйхе, Багиров, Буденный, Чубарь, Косарев, Постышев, Гамарник, ряд других членов Центрального Комитета (всего 36 человек).

К заседанию этой комиссии Бухарин подготовил обстоятельную, страстную записку, в которой отверг все обвинения в его адрес. Опальный теоретик написал и несколько писем Сталину, пытаясь убедить вождя, что «показания» на него со стороны группы арестованных «врагов народа» инспирированы, что он никакого отношения к террористической, шпионской и другой подобной деятельности не имеет. Бухарину удалось по «вертушке» (специальной правительственной связи, аппарат которой все еще стоял в его квартире) дватри раза дозвониться до Сталина.

— Николай, не паникуй. Разберемся, — успокаивал его Сталин. — Мы верим, что ты не враг. Но раз на тебя «показывают» Сокольников, Астров, Куликов, другие двурушники, которые признавались в своем вредительстве, надо спокойно разобраться... Успокойся!

— Как можно даже думать, что я «пособник террористических групп»? — срывался Бухарин.

— Спокойно, Николай, спокойно. Разберемся... — И Сталин клял трубку.

Объяснения Бухарина и Рыкова на комиссии, по сути, слушать не стали. Главные «аргументы» были те же: участники «параллельного троцкистского цент-

ра» утверждают, что Бухарин, Рыков, другие будущие их «однодельцы» знали об их вредительской, террористической деятельности и помогали в ней. Бухарин был в отчаянии, Рыков вел себя сдержаннее, понимая, что их неотвратимо ждет судьба недавно расстрелянных Зиновьева, Каменева, а затем и Пятакова, Муралова, Дробниса, Шестова и других «подлых изменников». Бухарин объявил голодовку в знак протеста против чудовищно несправедливых обвинений.

Утром 27 февраля позвонил Поскребышев и пригласил Бухарина и Рыкова на Пленум, который уже шел (хотя они еще были кандидатами в члены ЦК, их, однако, приглашали уже не на все заседания). Кроме Уборевича и Акулова, никто не подал им руки. Началось заседание комиссии Пленума по делу Бухарина и Рыкова. Еще до доклада Ежова Сталин бросил в зал:

— Бухарин объявил голодовку. Николай, кому ты выдвигаешь ультиматум, Центральному Комитету? Проси прощения у него.

— Но ведь вы собираетесь меня исключить из партии...

— Проси прощения у ЦК.

Бухарин, как с ним бывало не раз, не выдержал. Ему почудились в словах генсека проблески надежды. Однако тут же он понял, что в основе рассмотрения его «дела» лежат «материалы следствия» НКВД, а его объяснение, письменное и устное, расценивается лишь как попытка «вести партию в заблуждение». Сейчас можно только догадываться, что испытали Бухарин и Рыков перед стеной не просто непонимания, а заранее запрограммированной враждебности. У членов комиссии были данные, которые опирались на «доказательства», «показания» уже осужденных, полученные недозволенными способами.

Бухарин на предложение председателя комиссии А. И. Микояна чистосердечно признать свое участие в антигосударственной деятельности резко, с места ответил:

— Я не Зиновьев и Каменев и лгать на себя не буду.

— Не будете признаваться, — тут же зло ответил ему Молотов, — этим и докажете, что вы фашистский наймит, они же в своей прессе пишут, что наши процессы провокационные. Арестуем — сознаетесь!

— В НКВД есть люди, которые, прикрываясь авторитетом партии, творят невиданный произвол, — продолжал Бухарин.

— Ну, вот мы тебя туда пошлем, — вмешался Сталин, — ты и посмотришь...

Пожалуй, все знали о фальши обвинений лишь Сталин, Ежов, его ближайшее окружение. Бухарин и Рыков, жизнь которых у партии была как на ладони, не могли быть врагами. Сталин почувствовал колебания членов комиссии, ознакомившихся с письменным заявлением Бухарина, и поспешил завершить обсуждение заранее обговоренным решением. Приступили к поименному голосованию предложения Ежова, которое гласило: «Исключить Бухарина и Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК и членов партии, с преданием их суду военного трибунала, с

применением высшей меры наказания — расстрела». Но следующий же голосующий, Постышев, заявил, что он «за исключение и предание суду, но без расстрела». Буденный, Мануильский, Шверник, Косарев — «за исключение, суд и расстрел». Антипов, Хрущев, Николаев, Шкирятов — «за исключение, суд, без расстрела»...

Сталин почувствовал, что единогласия комиссии уже не будет, и, как всегда, сделал свой ход, продумав его до конца.

— Я предлагаю, — сказал генсек, — исключить Бухарина и Рыкова из партии, суду не предавать, а направить это дело для расследования в НКВД.

Сталин знал, что это равносильно чудовищному и противозаконному: «исключить, судить, расстрелять», но внешне он выступил миротворцем. Возможно, у Бухарина и Рыкова после предложения Сталина вновь затеплился уголек слабой надежды. Естественно, что после сталинского резюме большинство членов комиссии стали с облегчением говорить: «Я за предложение товарища Сталина». Так сказали Крупская, Варейкис, Молотов, Ворошилов. Иные — Кошиор, Петровский, Литвинов — говорили, как Постышев: за суд без расстрела. Но из истории не выбросишь и того, что Косарев и Якир, например, ближайшие очередные жертвы беззакония, выступили и после сталинского предложения «за исключение, суд и расстрел». Как видим, пять членов комиссии высказались, как суд, заранее предсказав приговор; остальные изложили иное мнение, не предвещающее, казалось бы, ужасного конца. Микоян, председательствовавший на заседании комиссии, публично своего мнения не высказал. После опроса единогласно проголосовали за предложение Сталина:

«1. Исключить из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) Бухарина и Рыкова; суду их не предавать, а направить дело Бухарина и Рыкова в НКВД;

2. Поручить комиссии в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна и Ежова выработать на основе принятого решения проект мотивированной резолюции.

Председатель комиссии

27.02.37 г.

А. Микоян».

Сталин понял, что надо готовить еще один процесс: Исход его был для него ясен.

Бухарин и Рыков сразу же после окончания заседания, едва выйдя из зала, были арестованы. Начались долгие тринадцать месяцев заключения, которые после Пленума отделяли финал трагедии Бухарина и Рыкова.

Остается добавить, что по делу Бухарина и Рыкова была принята испещренная собственноручными поправками и вставками Сталина резолюция. Она явилась, по существу, политической инструкцией и «методологическим ключом» подхода в аналогичных делах. В резолюции были три пункта. Краткое их содержание таково:

1. На основании следственных материалов. Пле-

нум ЦК устанавливает, что тт. Бухарин и Рыков, как минимум, знали о преступной, террористической, шпионской и диверсионной деятельности троцкистского центра, но скрывали это, чем и содействовали преступному делу.

2. На основе следственных материалов НКВД, очных ставок Пленум ЦК устанавливает, как минимум, что тт. Бухарин и Рыков знали об организации преступных террористических групп со стороны их учеников и сторонников — Слепкова, Цетлина, Астрова, Марецкого, Нестерова, Родина, Куликова, Котова, Уланова, Зайцева, Кузьмина, Сапожникова и др. и не только не вели борьбы, но и поощряли их.

3. Пленум ЦК ВКП(б) устанавливает, что записка т. Бухарина в ЦК ВКП(б), где он пытается опровергнуть показания поименованных выше троцкистов и правых террористов, является по своему содержанию клеветническим документом.

Учитывая сказанное и принимая во внимание, что и при жизни Ленина т. Бухарин вел борьбу против партии и против самого Ленина (как и Рыков), все происшедшее не является случайным или неожиданным, а посему (здесь написано непосредственно рукой Сталина. — Д. В.): исключить Бухарина и Рыкова из состава канд. в члены ЦК ВКП(б) и из рядов ВКП(б). Передать дело Бухарина и Рыкова в НКВД.

Сокращений слов «товарищей» (тт.) здесь уже нет.

Просто так убрать этих большевиков Сталин еще не мог — их слишком хорошо знали в народе и партии. Нужен был процесс, а для того, чтобы обвиняемые к нему «созрели», требовалось время.

Решения Пленума ЦК стали чудовищной командой. В республиках, областях в марте прошли пленумы партийных комитетов. На них не только излагались установки вождя, но и докладывались первые результаты их выполнения. Вот, например, что поведал ленинградским коммунистам 15 марта 1937 года Андрей Александрович Жданов, который быстро входил в силу и в особое доверие к вождю:

«Бухарин и Рыков, как оказалось, ничем не отличались от зинovieвцев и троцкистов. Это одна шайка разбойников. Более позорного, более гнусного, более отвратительного поведения, как вели себя Бухарин и Рыков, я не припомню. Четыре дня мы добивались от них правды. Но даже искры, даже намек на человеческое отношение к партии мы не дождались. С их стороны было заявлено, что мы им не судьи». Далее Жданов пытался поунизительнее представить Бухарина. Мол, его голодовка — актерский прием: «в 12 часов ночи поплотнее поел, как следует, и до 10 утра объявил голодовку».

Жданову уже было что сказать и о развернувшейся в Ленинграде «работе» по выявлению врагов: «На Кировской и Октябрьской железных дорогах вскрыто 8 вредительских групп; 10 групп — на заводах города, а также в НКВД, в ПВО, в партийном аппарате». За короткое время в каждом аппарате райкома выявлены гнезда врагов: в Выборгском районе — 13 человек, Васидеостровском — 12, Кировском — 12, всего 223 партийных работника. «Можете представить засоренность партийного аппарата!» — патетически вос-

кликал Жданов. Энергичными мазками он продолжал рисовать картину засилия врагов в городе — колыбели революции. «Институт красной профессуры с 1933 по 1936 годы выпустил 183 человека. 32 из них уже арестовано. Из 130 оставшихся сейчас в Ленинграде — 53 выявлены как враги народа», — под гул негодования зала продолжал один из сталинских теоретиков и практиков террора. Такой же гул, раскаты возмущения шли по всей стране. Недоумение и страдание, скованные страхом, были, наоборот, немые, безмолвными.

Более полувека минуло с тех пор. Гул слепого возмущения деяниями «врагов» давно смыт паводками правды, а боль и страдания остались. Как мне пишет К. А. Кужела, восьмидесятилетний ветеран из Перми, «почти каждую ночь он видит себя, молодого, в далеком Колымском лагере и каждый раз просыпается от ужаса...».

ФАРС ПОЛИТИЧЕСКИХ СПЕКТАКЛЕЙ

На иконописных изображениях Страшного суда кистью художников «написаны» кары за грехи земные.

Главный Режиссер судебных политических спектаклей знал, чего хочет. И хотя Сталин ненавидел Троцкого, он вовсе не отвергал его многих теоретических взглядов. Мы уже говорили, что в библиотеке генсека были практически все книги Троцкого, но одна из них — XII том сочинений, «Основные вопросы пролетарской революции», — была ему очень близка по духу, особенно раздел «Терроризм и коммунизм». Там Троцкий пишет: «Революция требует от революционного класса, чтобы он добился своей цели всеми средствами, какие имеются в его распоряжении: если нужно — вооруженным восстанием, если требуется — терроризмом... Там, где он (революционный класс. — Д. В.) будет иметь против себя вооруженный разговор, покушение, мятеж, он обрушит на головы врагов суровую расправу. Вопрос о форме репрессии или об ее степени, конечно, не является «принципиальным». Террор может быть очень действен против реакционного класса, который не хочет сойти со сцены. Устрашение есть могущественное средство политики». Сталин, приступая к «великому очищению», скорее всего разделял идеи, высказанные Троцким еще полтора десятилетия назад. Он следовал этим рецептам периода революции, но применил их, однако; когда уже, по его словам, «социализм победил полностью». Нет никакого сомнения в том, что Сталин видел в массовых репрессиях «законный метод» диктатуры пролетариата и тогда, когда эксплуататорских классов в стране не осталось. Ведь именно так разъяснял в Ленинграде А. А. Жданов установки сталинского доклада: «Репрессия имеет воспитательную роль». Конечно, можно сказать: что понимать под «репрессией»? Едва ли есть сомнения в том, как понимал суть репрессий Сталин. В этой связи хотелось бы сделать одно отступление.

Некоторые мои корреспонденты хотели бы вывести сталинские репрессии за скобки. Согласны анализи-

ровать все его шаги, «заслуги», «свершения», но не хотят даже говорить о репрессиях, в лучшем случае отсылают к Ежову, Берия. Происходит своеобразное «расслоение» биографии: признается то, во что эти люди верят. Когда я читал тома дел с фамилиями невинно погибших по вине Сталина тысяч людей, я как бы слышал их голоса из давно ушедшего: вечно-го недоумения, смертельной тоски, отчаяния и утраченной надежды. Думаю, хорошо бы этим людям, пытающимся обелить деспота, дать почитать эти тома. Репрессии — крайнее выражение диктаторского единовластия — являются апофеозом аморализма. Сталин медленно, но неуклонно шел к тотальному террору. Но ему, человеку злого, хитрого ума, были необходимы «оправдательные» аргументы перед партией, народом, историей. Этих аргументов у него не было. Он их сфальсифицировал, и в частности с помощью политических процессов. Сталин, дирижировавший из-за кулис этими спектаклями, преследовал ясные для него цели.

Во-первых, с помощью судилищ генсек хотел нанести последний, сокрушающий удар по троцкистам, заклеив их как «оголтелую банду вредителей», ведущую «шпионаж, террор, убийства, поджоги». Троцкий был главной идеей и политической мишенью Сталина. Борьба с Троцким продолжалась, в ней не могло быть ничьей. Не случайно, что в обвинительном заключении по делу Ю. Л. Пятакова, К. Б. Радека, Г. Я. Сокольникова и других на нескольких страницах текста Троцкий упоминается пятьдесят один раз! Аналогична картина и в обвинительном заключении по делу Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, Н. Н. Крестинского, Х. Г. Раковского, А. П. Розенгольца и других несчастных.

Когда начались процессы, Троцкий из Мексики все время давал понять, что да, «судят его единомышленников, но судят за идеи». Так, почти в каждом выпуске своего журнала «Бюллетень оппозиции» Троцкий обязательно что-нибудь печатал о Раковском, Крестинском, Розенгольце, показывал их «несовместимость» со Сталиным, подчеркивал свою солидарность с ними. Почти регулярно изгнанник публиковал «протесты» против преследований своих «сторонников». Вся эта гуманитарная защита Троцким «врагов народа» Сталину была на руку, давала ему дополнительные «аргументы».

Во-вторых, Сталин чувствовал, что бывшие оппозиционеры, старые большевики, коммунисты, знавшие его еще с дореволюционных лет, в душе не могут примириться с его беспрецедентным возвышением. При своей мстительности он никогда не мог забыть своемыслия, «вольнодумства» Бухарина, Рыкова, Пятакова, других бывших соратников, знавших истинную цену ему, генсеку. Они мешали трактовать концепцию социалистического строительства так, как она ему представлялась. Большевиком после Октября, полагал Сталин, слишком заражен троцкизмом, метаниями всех этих уклонистов и оппозиционеров. А у некоторых из них, думал генсек, кроме дореволюционного партийного стажа, уже ничего не осталось.

В-третьих, Сталин чувствовал приближение войны

и боялся ее. Он не мог избавиться от ощущения, что смотрит на внешний мир глазами Троцкого, и в этом он, наверно, боялся признаться даже самому себе. Стоило генсеку прочесть что-либо, написанное Троцким, он чувствовал, что тот «каркает беду» не зря. Вот в той же «Преданной революции» он пишет: «Можем мы ожидать, что Советский Союз выйдет из приближающейся великой войны без поражения? На этот откровенно поставленный вопрос мы ответим также откровенно: если война останется только войной, поражение Советского Союза будет неизбежным. В техническом, экономическом и военном смысле империализм несравненно сильнее». Это звучало как приговор не только социализму, но и ему, Сталину. Нужно уже сейчас, до войны, убрать всех потенциальных пособников Гитлера! Ведь если фюрер придет с мечом, то посадит здесь Троцкого... Мы будем сейчас готовиться к грядущей войне, Гитлер и Троцкий не найдут здесь опоры... Такой ход мыслей у Сталина возможен, тем более что Молотов, как мы уже говорили, незадолго до своей смерти подтвердил курс Сталина накануне войны на максимальное ослабление социальной базы возможных квислингов и лавалей.

И последнее обстоятельство: несмотря на общий подъем, заметные успехи и консолидацию общества на вождистской основе, многочисленные недостатки в промышленности, хроническое отставание сельского хозяйства, очень медленный рост жизненного уровня народа требовали объяснений. Самым удобным для Сталина казалось свалить все на «вредительство и диверсии».

В ежедневных сводках послушные исполнители, точно уловив адрес классового врага, указанный вождем, докладывали ему. Вот, например, небольшая выдержка из сводки за 19 октября 1937 года:

«ЦК, товарищу Сталину

СНК, товарищу Молотову

Секретарю ЦК тов. Ежову.

— На Урале, в с. Таборы за развал колхоза приговорено к расстрелу 5 человек (в том числе пред. Таборинского РИКа Мотырев А. Л., пред. райзо Мешавкин Н. Л.).

— Минск. За умышленное засорение муки расстреляно 5 человек (в том числе зав. заготконторой Чудновский Р. Л., зав. конторой «Заготзерно» Левченко В. М., директор элеватора Капланский В. Н.).

— Саратов. Троцкистско-правая группа выпустила большое количество нефти в Волгу. К расстрелу приговорено 9 человек, в том числе: управл. Саратовской конторой Главнефть Братки М. Н., директор крекинг-завода Богданов В. Ф., профессор Саратовского университета Орлов Н. А.

— Ленинград. По заданию агентов гестапо в системе Ленэнерго систематические поломки с увечьями рабочих. Приговорено к расстрелу 10 человек».

Подобные перечни длинны. В конце, перед подписью «В. Ульрих», лаконичная приписка: «Все приговоры приведены в исполнение». Часто на этих чудовищных сводках в углу торопливая подпись: «Товарищу Сталину доложено. Поскребышев».

Эти массовые трагедии стали обычными в течение тридцать седьмого, тридцать восьмого годов после политических процессов. Сталин был уверен, что теперь каждому «ясно», кто мешает еще более быстрому движению вперед, кто «торгует» Родиной, кто готовит «убийство Сталина и его окружения», кто выполняет директивы Троцкого. Политические процессы в Москве стали своеобразными детонаторами взрыва насилия в стране, массового доноительства и террора по отношению не только к потенциальным противникам Сталина, но и в большинстве своем просто случайных людей, особенно руководителей, на предприятиях и учреждениях которых происходили пожары, взрывы, обвалы, аварии.

Где-то в конце тридцать седьмого года размах репрессий вышел, пожалуй, из-под контроля. Во многих наркоматах, иных высших ведомствах донос становился способом выживания.

Поражает та ледяная бесчувственность и беспредельная жестокость, с которой Сталин неизменно давал согласие на уничтожение людей, порой огромными списками.

У Сталина ни разу не дрогнули рука, голос, не взбунтовалась совесть, когда речь шла и о людях, которых он хорошо знал. Сталин, лично пообещав Зиновьеву и Каменеву сохранить им жизнь в случае самоговора в троцкистском вредительстве и подготовке покушения на его, вождя, жизнь, в итоге поступил иначе: как только смертный приговор был вынесен, он проследил, чтобы той же ночью его привели в исполнение. Он лично санкционировал расстрел своего бывшего заместителя по Наркомнау Н. Бройдо; своего бывшего помощника А. Назаретяна; Н. Горбунова, бывшего секретаря Ленина; своего друга А. Енукидзе; А. Косарева, о котором он в свое время говорил, что это «настоящий вождь молодежи»; Я. Стэна, своего «учителя философии»; С. Урицкого, известного разведчика, которого он весьма ценил; Л. Карахана, бывшего заместителя наркома иностранных дел, — его он ставил в пример другим; Я. Агранова, чекиста, с которым у него в свое время были дружеские отношения; А. Бубнова — с ним в годы гражданской войны ему пришлось выполнять поручения Ленина; И. Варейкиса, «крепкого большевика», по оценке самого вождя... Что мог думать человек, отбирая у людей самое дорогое, жизнь? У людей, с которыми он встречался, общался, которых хвалил, которым поручал, выражал знаки дружбы, расположения?

Сталин, обладая феноменальной памятью, пробегающая многочисленные списки осужденных или арестованных, часто отмечал про себя, что знает этих людей лично. Он мог бы о каждом из них что-то сказать, вспомнить. Вот секретари обкома, которые бывали у него в кабинете: И. Варейкис, И. Кабаков, П. Смородин, Б. Шеболдаев, Э. Прамнэк, Я. Сойфер, Л. Картвелишвили, Б. Калмыков, М. Хавкин... А об этих заметных партийных работниках знал не только он, знала и партия: Н. Гикало, С. Эфендиев, М. Кулиев, М. Нариманов, Г. Султанов, М. Кахиани, Н. Лакоба, А. Ханджян, С. Нурпеисов, А. Икрамов,

Ф. Ходжаев. Или вот ученые, с большинством из которых он имел личные контакты: Ю. Стеклов, В. Солин, М. Фурщик, И. Луппол, А. Гастев, Н. Вавилов, Г. Надсон, А. Свечин... Множество знакомых имен встречалось и в списках писателей, деятелей культуры: Б. Пильняк, Б. Ясенский, О. Мандельштам, А. Веселый, Н. Клюев, А. Воронский, Е. Чаренц, Ю. Таубин, Т. Табидзе, С. Сейфуллин... Читая списки работников Коминтерна, он как бы слышал шум зала, где проходил последний конгресс, видел лица Бела Куна, Лапиньского, Ф. Тора, А. Варского, Я. Энвельта, Я. Ленцманиса, О. Рестаса, Ф. Бошковица, Ф. Шульке, Р. Хитарова... А бесконечные списки военных — так знакомы все эти фамилии и имена! Тысячи людей со своими судьбами, надеждами, болями, страстями. Людей, которые славили его, вождя, и готовы были выполнить любую его волю.

Многие из них успеют написать ему и его окружению свои последние письма.

Сталин, как и все члены Политбюро, за полгода до ареста Бухарина получил его письмо. Только что прошло судилище над Зиновьевым и Каменевым и их четырнадцать «подельцами». Во время этого процесса, на котором подсудимые будут «показывать» на Бухарина, Рыкова и других, Вышинский объявит о начале следствия по «делу Бухарина». Бухарин был в то время в отпуске, в Средней Азии. Узнав по возвращении домой о заведенном на него «деле», он в отчаянии сразу же написал письмо Сталину, которое нам, к сожалению, обнаружить не удалось. Затем тут же он отправляет аналогичные письма членам Политбюро и Вышинскому.

Передо мной два письма Бухарина К. Е. Ворошилову. Чтобы понять, как драма Бухарина перерастала в трагедию, приведу отрывки из них.

«Дорогой Климент Ефремович!

Ты, вероятно, уже получил мое письмо членам Политбюро и Вышинскому: я писал его ночью сегодня в секретариат тов. Сталина с просьбой разослать. Там написано все существенное в связи с чудовищно-подлыми обвинениями Каменева. (Пишу сейчас и переживаю чувство полуреальности: что это — сон, мираж, сумасшедший дом, галлюцинация? Нет, это реальность.) Хотел спросить (в пространство) одно: и вы все верите? Вправду?

Вот я писал статьи о Кирове. Киров, между прочим, когда я был в опале (поделом) и в то же время заболел в Ленинграде, приехал ко мне, сидел целый день, укутал, дал вагон свой, отправил в Москву с такой нежной заботой, что я буду помнить об этом и перед самой смертью. Так вот, что же я неискренне писал о Сергее? Поставьте честно вопрос. Если неискренне, то меня нужно немедленно арестовать и уничтожить: ибо таких негодяев нельзя терпеть. Если вы думаете «неискренне», а сами меня оставляете на свободе, то вы сами трусы, не заслуживающие уважения...

Правда, я — поскольку сохраняю мозги — считал бы, что с международной точки зрения глупо расширять базис сволочизма (это значит идти навстречу желаниям прохвоста Каменева! им того только и надо

было показать, что они — не одни). Но не буду говорить об этом: еще подумаете, что я прошу снисхождения под предлогом большой политики.

А я хочу правды: она на моей стороне. Я много в свое время грешил перед партией и много за это и в связи с этим страдал. Но еще и еще раз заявляю, что с великим внутренним убеждением я защищал все последние годы политику партии и руководства Кобы, хотя и не занимался подхалимством.

Я, б. м., написал тебе какую-то нескладницу. Ты не сердись. Может, в такую конъюнктуру тебе неприятно получить от меня письмо — бог знает: все возможно.

Но «на всякий случай» я тебя (который всегда так хорошо ко мне относился) заверяю: твоя совесть должна быть внутренне совершенно спокойна; за твои отношения я тебя не подводил: я действительно ни в чем не виновен, и рано или поздно это обнаружится, как бы ни старались загрязнить мое имя.

Бедняга Томский! Он, быть может, и «запутался» — не знаю. Не исключаю. Жил один. Быть может, если б я к нему ходил, он был бы не так мрачен и не запутался. Сложно бытие человека! Но это — лирика. А здесь — политика, вещь малолиричная и в достаточной мере суровая.

Что расстреляли собак — страшно рад. Троцкий процессом убит, политически, и это скоро станет совершенно ясным. Если к моменту войны буду жив — буду проситься на драку (не красно словцо), и ты тогда мне окажи последнюю эту услугу и устрой в армии хоть рядовым (даже если каменевская отравленная пуля поразит меня).

Советую когда-либо прочесть драмы из французской Ром. Роллана.

Извини за сумбурное письмо: у меня тысячи мыслей, скачут как бешеные лошади, а поводьев крепких нет.

Обнимаю, ибо чист
Ник. Бухарин».

1-IX-36 г.

Ворошилов, прочитав письмо, счел необходимым тут же переслать его Сталину и ответить Бухарину, но так, чтобы об этом ответе знали Сталин и другие руководители. На всякий случай нарком запасается политическим алиби. Следует распоряжение своим помощникам. Быстро составляются два документа:

«Сов. секретно. Лично.

Товарищу СТАЛИНУ

« » МОЛОТОВУ

« » КАГАНОВИЧУ

« » ОРДЖОНИКИДЗЕ

« » АНДРЕЕВУ

« » ЧУБАРЮ

« » ЕЖОВУ

В дополнение к письму Н. Бухарина, направленному Вам 1/IX с/г. за № 2839 с. с., по приказанию тов. К. Е. Ворошилова направляю Вам копию ответа тов. Ворошилова Бухарину и копию ответа Н. Бухарина.

Приложение: на трех листах.

Адъютант наркома обороны СССР комдив
4-IX-36 г. Хмельницкий».

А ответил Ворошилов своему бывшему товарищу в духе нравов, уже царивших тогда в окружении единодержца.

«Тов. Бухарину.

Возвращаю твое письмо, в котором ты позволил себе гнусные выпады в отношении партруководства. Если ты твоим письмом хотел убедить меня в твоей полной невинности, то убедил пока в одном: впредь держаться от тебя подальше, независимо от результатов следствия по твоему делу, а если ты письменно не откажешься от мерзких эпитетов по адресу партруководства, буду считать тебя и негодяем.

3.IX.36. К. Ворошилов».

Можно представить, как был ошеломлен Бухарин, хотя в глубине души он понимал, что нож сталинской гильотины давно занесен над его головой. Боролся ли Бухарин? Судите сами. По прочтении убийственного письма Ворошилова у Бухарина еще хватило сил ответить «сталинскому наркому».

«Тов. Ворошилову.

Получил твое ужасное письмо.

Мое письмо кончалось: «обнимаю».

Твое письмо кончается «негодяем».

После этого что же писать?

У каждого человека есть или, вернее, должна быть своя личная гордость. Но я хотел бы устранить одно политическое недоразумение. Я писал письмо личного характера (о чем теперь очень сожалею), в тяжком душевном состоянии: затравленный, я писал просто к человеку большому; я сходил с ума по поводу одной только мысли, что может случиться, что кто-то поверит в мою виновность.

И вот, крича, я писал: «Если вы думаете «неискренне» (что я, напр., кировские статьи писал «неискренне»), а оставляете меня на свободе, то вы сами трусы и т. д. И далее: «А если вы сами не верите в то, что набрехал Кам...» и т. д. Что же, я думаю, по-твоему, что вы — трусы или обзываю трусами руководство? Наоборот, этим я говорю: так как всем известно, что вы не трусы, значит, вы не верите в то, что я мог написать неискренне статьи. Ведь это же видно из самого письма!

Но если я так сумбурно написал, что это можно понять как выпад, то я — не страха ради иудейска, а по существу — трижды, письменно и как угодно, беру все эти фразы назад, хотя я совсем не хотел сказать, что ты подумал.

Партийное руководство я считаю замечательным. И в самом письме к тебе, не исключая возможности ошибки со мной с вашей стороны, я писал: «В истории бывают случаи, когда замечательные люди и превосходные политики делают тоже ошибки частного порядка... Разве этого не было в письме? Это же и есть мое действительное отношение к руководству. Я это давным-давно признал и не устану повторять. Смею думать, я доказал это своею деятельностью за все последние годы.

Во всяком случае, это недоразумение прошу

снять. Очень извиняюсь за прошлое письмо, впредь отягощать никакими письмами не буду. Я — в крайне нервном состоянии. Этим и было вызвано письмо. Между тем мне необходимо возможно спокойнее ждать конца следствия, которое, уверен, докажет мою полную непричастность к бандитам. Ибо в этом — правда.

3.IX.36 г. Прощай, Бухарин».

Бухарин сказал «прощай». Но Сталин решил еще раз ослабить петлю на горле задыхающегося Бухарина. 10 сентября «Правда» объявила, что органы НКВД, не найдя должных данных преступлений, закрывают дело. Но это была лишь передышка — Сталин просто решил, что в следующем акте трагедии главным действующим лицом будет Пятаков. Он, вождь, сам установит очередность спектаклей. Очередь Бухарина подошла в феврале. Февральско-мартовский (1937 года) Пленум ЦК не только теоретически «обоснует» необходимость кровавой жатвы, но и бросит под сталинские серпы новые жертвы.

Сталин прочтет много подобных писем обреченных, но ничего уже не изменится. Человек с железной фамилией не знает жалости и сострадания, зова товарищества и чувства чести. Он, похоже, тоже, как и человек с косою челкой, считал совесть «химерой», во всяком случае, она никогда ему не мешала. Достаточно было поставить карандашом несколько букв на уголке списка или просто бросить Поскребышеву: «Согласен». И все. Это значило, что все эти люди сегодня же или завтра исчезнут навсегда. А со временем ему будут докладывать только об уже свершившихся актах и его согласие просто будет не нужно. Вышинский и Ульрих вместе с Ежовым так отлаживают карательную машину, что генсеку останется лишь знакомиться с сухими цифрами жуткой статистики. Но у него с детства были крепкие нервы.

Есть сведения, что Сталин несколько раз встречался накануне процессов с А. Я. Вышинским и В. В. Ульрихом. В документах генсека нет следов его разговоров с этими жрецами «правосудия», но они, как можно предположить, носили характер инструктажа. Армвоенюрист Ульрих чем-то нравился Сталину. Возможно, лаконизмом речи, строгостью и краткостью донесений о кровавой жатве, которые тот во множестве направлял Сталину в 1937—1938 годах. Можно лишь догадываться о реакции вождя на них. На некоторых из них стоит краткая мета генсека «И. Ст.», на других — завитушка Поскребышева. Они как бы «регистровали» уход из жизни тысяч обреченных. Но уход не чужестранцев-агрессоров, а своих соотечественников.

Поток, а затем просто лавина этих ужасных донесений должны были бы нравственно сломать нормального человека, напугать, потрясти до основания. Однако и в самый разгул репрессий Сталин, как обычно, бывал в театре, смотрел ночное кино, принимал наркомов, редактировал резолюции, устраивал полуночные застолья, диктовал ответы на письма, давал замечания по поводу тех или иных статей в «Правде» или «Большевике», говорил, что «кадры —

это самый ценный капитал». Даже если допустить (но это невероятно!), что Сталин безоговорочно верил в то, что террор косит подлинных врагов народа, можно только поражаться его абсолютной бесчувственности и жестокости.

Ульрих отвечал представлениям Сталина о судье, которому чужды сантименты. Сталин видел, что армвоенюрист, подписывая десятки, сотни смертных приговоров, сохраняет полную невозмутимость и спокойствие. Это была живая составная часть гильотины. Любому диктатору такие люди важнее мудрецов и героев.

По-другому выглядел Вышинский, коренастый, плотный человек в очках. Сталину нравилось красноречие прокурора Союза ССР, который своими обвинительными тирадами буквально парализовал сидящих на скамье подсудимых. Им оставалось в последнем слове лишь соглашаться с Вышинским. За рвение на бухаринском процессе по предложению Сталина Вышинского наградили орденом Ленина. На генсека, по-видимому, произвели немалое впечатление заключительные слова речи прокурора на том процессе:

«Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продававших врагу нашу родину, расстрелять, как поганых псов! Требует наш народ одного: раздавите проклятую гадину!»

Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа. А над нами, над нашей счастливой страной по-прежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге во главе с нашим любимым вождем и учителем — великим Сталиным...»

«Вождь и учитель» любил усердие. Вышинский в последующем стал заместителем председателя Совнаркома, затем министром иностранных дел, удостоился Сталинской премии, других знаков особого внимания генсека. Вышинский не меньше, чем Главный Режиссер процессов, знал цену политического фарса, который ему поручили разыграть. На последнем, третьем политическом процессе, состоявшемся в марте 1938 года, была завершена публичная обработка общественного мнения. Набор обвинений был прежним: выполнение «директив» Троцкого, шпионаж и диверсий, подготовка поражения СССР в грядущей войне, расчленение страны, замысел убить Сталина и других высших руководителей.

Для того, чтобы политические спектакли удались, их тщательно «репетировали». Да и опыт уже был: Процесс Бухарина готовился более года. Несколько месяцев ушло на то, чтобы сломить волю обвиняемых. Следователи располагали широким набором средств насилия, способных вырвать нужные показания. А это вопреки элементарным нормам считалось главным аргументом доказательства вины. Некоторые держались месяц, два, три, иные ломались быстро. А затем шли унижительные «репетиции».

Сломленных людей заставляли заучивать нужные версии, делать подсказанные заявления, «обличать» указанных людей. После многократных повторений этих постыдных инсценировок давали знать режиссуре о готовности тех или иных «актеров» к «премьере». Правда, были иногда и временные сбои.

Так, в обвинительном заключении, которое читал секретарь суда 2 марта 1938 года, говорилось, что подсудимый Н. Н. Крестинский «вступил в изменническую связь с германской разведкой в 1921 году», договорился с генералами Сектом и Хассе о сотрудничестве с рейхсвером за 250 тысяч марок ежегодно на троцкистскую работу. Когда после зачитания обвинительного заключения председатель суда стал опрашивать подсудимых, признают ли они себя виновными, Крестинский вопреки прежним показаниям стал их полностью отрицать. Среди режиссеров процесса произошел заметный переполох. Сделали перерыв, доложили Сталину. Тот зло выругался. «Плохо работали с дрянью». Дал понять: подобного больше слышать не намерен. Приняли экстренные «меры», и уже на следующий день к вечеру Крестинский вошел в «норму».

Крестинский: Свои показания на предварительном следствии я полностью подтверждаю.

Вышинский: Что означает в таком случае ваше вчерашнее заявление, которое нельзя иначе рассматривать как троцкистскую провокацию на процессе?

Крестинский: Вчера, под влиянием минутного острого чувства ложного стыда, вызванного обстановкой скамьи подсудимых и тяжелым впечатлением от оглашения обвинительного акта, усугубленным моим болезненным состоянием, я не в состоянии был сказать правду, не в состоянии был сказать, что я виновен.

Вышинский: Машинально?

Крестинский: Я прошу суд зафиксировать мое заявление, что я целиком и полностью признаю себя виновным по всем тягчайшим обвинениям, предъявленным лично мне, и признаю себя полностью ответственным за совершенные мною измену и предательство...

За исключением подобных нескольких мелких «осечек» процесс шел гладко. Обвиняемые дружно принимают чудовищные обвинения. Все соглашаются с прокурором, с готовностью уточняют любые детали своих злодеяний. Демонстрируется уникальное сотрудничество суда и обвиняемых! Никто ничего не опровергает, все обвиняют только самих себя.

Впрочем, не всегда и не все. Бухарин, например, понимая, что он обречен, пытался, иногда в прямой или эзоповской форме, а подчас и в виде трагической сатиры поставить под сомнение ложь обвинения. Возможно, прощаясь с жизнью, он думал о будущем, нашем времени. Вот лишь некоторые фразы Бухарина, свидетельствующие о сохранении им в самую трагическую минуту присутствия духа и высоты интеллекта. Свои «признания» Бухарин в конце концов опроверг единственной, исключительно глубокой репликой:

— Признания обвиняемых есть средневековый принцип.

В своем последнем слове он, в частности, заявил:

— Я считаю себя... и политически и юридически ответственным за вредительство, хотя я лично не помню, чтобы я давал директивы о вредительстве.

— Гражданин прокурор утверждает, что я наравне с Рыковым был одним из крупнейших организаторов шпионажа. Какие доказательства? Показания Шарапановича, о существовании которого я не слыхал до обвинительного заключения...

— Я категорически отрицаю свою причастность к убийству Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горького и Максима Пешкова. Киров, по показанию Ягоды, был убит по решению «право-троцкистского блока». Я об этом не знал...

— Голая логика борьбы сопровождалась перерождением идей перерождением психологии, перерождением нас, самих, перерождением людей...

Последний фрагмент из последнего слова Бухарина весьма примечателен. Это уже не признание, а скорее обвинение организаторов процесса, тех, кто, следуя «голой логике борьбы», привел к перерождению идей и людей. Косвенный намек на Сталина здесь весьма прозрачен. Бухарин пытался, как мог, использовать свой последний шанс совести...

Ежедневно Сталину подробно докладывали о ходе процесса. Сталин уточнял детали, давал советы. Ему первому показали кинохронику процесса, фотографии зала с обвиняемыми. По его указанию спектакль широко освещался в печати, на радио. Были приглашены иностранные корреспонденты и даже дипломаты. Все поражались, как преступники были идеально «сознательны»! Не нужно экспертиз, дополнительных расследований, судебных споров, диалога прокурора и защитников. На процессе безраздельно солирует прокурор, все остальные ему подыгрывают. Даже Лигон Фейхтвангер в своей книжке «Москва 1937» вынужден был признать, что «если бы этот суд поручили инсценировать режиссеру, то ему, вероятно, понадобилось бы немало лет и немало репетиций, чтобы добиться от обвиняемых такой сыгранности: так добросовестно и старательно не пропускали они ни малейшей неточности друг у друга, и их взволнованность проявлялась с такой сдержанностью. Короче говоря, гипнотизеры, отравители и судебные чиновники, подготовившие обвиняемых, помимо всех своих ошеломляющих качеств, должны были быть выдающимися режиссерами и психологами». В этом выводе немецкий писатель был прав: режиссеры фарса, особенно Главный Режиссер, были «выдающимися».

Кроме грубого нарушения законности во время следствия, актов насилия, существует еще одна причина полной безропотности людей, сидевших на скамье подсудимых. На протяжении недель и месяцев им внушали: их признание «нужно народу и партии». Только «признание поможет до конца разоблачить преступников». А это означало: надо «признаться» и оговаривать других... Раз нас судит народ, страна, то нужно говорить то, что они требуют. Этот мотив, очевидно, руководил действиями многих людей. В последнем слове он звучал по-разному. Подсудимый Гринько Г. Ф.: «Самый тяжелый приговор —

высшую меру наказания — я приму как должное». Подсудимый Крестинский Н. Н.: «Мои преступления перед Родиной и революцией безмерны, и я приму, как вполне заслуженный, любой ваш, самый суровый приговор». Подсудимый А. И. Рыков: «Я хочу, чтобы те, кто еще не разоблачен и не разоружился, чтобы они немедленно и открыто это сделали. Мне бы хотелось, чтобы они на моем примере убедились в неизбежности разоружения». Подсудимый Н. И. Бухарин: «Стою коленопреклоненным перед страной, перед партией, перед всем народом».

Сталин, читая эти слова, мог быть вполне доволен. Он расценивал эту «чистосердечность» как победу, не подозревая, что в ней кроются корни его, Сталина, неизбежного исторического морального поражения. История еще осудит «победителя». Генсек знал: первые три месяца ареста Бухарин «держался». Ему угрожали, требовали, но опальный академик и из тюрьмы все время пытался убедить Сталина (известно, что он написал несколько писем ему, своему бывшему соседу по квартире в Кремле, судьба которых неизвестна) в главной идее своего заявления на февральско-мартовском Пленуме ЦК: «Заговор, враги народа существуют, но главные из них находятся в НКВД». Однако Сталин не реагировал на эти сигналы.

Кто знает, может быть, судьба давала Бухарину шанс — бежать? Совсем недавно он несколько недель пробыл за границей в попытках заполучить некоторые архивы из истории марксизма. Бухарин уже тогда чувствовал, что петля на его шее затягивается, — Коба не умел шутить. Его шутки, как у висельника... Приходили ли ему мысли о невозвращении на Родину тогда, в Париже, сожалел ли он об этом упущенном шансе сейчас? Никто не знает. Однако вся его жизнь была такой, что, говоря словами М. Робеспьера, вместе с могилой он мог обрести бессмертие только в своем Отечестве.

Лежа на нарах в камере, Бухарин старался понять, почему ирония судьбы столь жестока? Ведь именно он помогал на каком-то этапе утвердиться Кобе... Если бы он с Томским и Рыковым были более решительными и последовательными, то, пожалуй, могли бы с помощью других в 1927 году обуздать Сталина. Однако Бухарин вновь, в который раз поверил тогда генсеку...

После того, как процесс признания Бухарина стал явно затягиваться, Сталин разрешил Ежову использовать «все средства», тем более что по его настоянию на «места» было еще ранее послано такое разъяснение: «Применение методов физического воздействия в практике НКВД начиная с 1937 года разрешено ЦК ВКП(б). Известно, что все буржуазные разведки применяют методы физического воздействия против представителей социалистического пролетариата и притом применяют эти методы в самой отвратительной форме. Возникает вопрос, почему социалистические органы государственной безопасности должны быть более гуманны по отношению к бешеным агентам буржуазии и заклятым врагам рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП(б) считает, что ме-

тоды физического воздействия, должны, как исключение, и впредь применяться по отношению к известным и отъявленным врагам народа и рассматриваться в этом случае, как допустимый и правильный метод».

По существу, это «исключение» стало обычным правилом, к нему прибегали тотчас же, как только обвиняемый проявлял неподатливость в «диалоге» со следователем. Фактически Сталин официально санкционировал нарушение элементарных норм социалистической законности. Поэтому, когда Сталину вновь доложили, что Бухарин «запирается», было предложено расширить «методы допроса». Когда угрозы по адресу его жены и крохотного сына в сочетании с «методами физического воздействия» стали применяться в комплексе, Бухарин сдался. Он подписал самые чудовищные выдумки следователя, заклеил себя как «троцкиста», «руководителя блока», «заговорщика», «предателя», «организатора диверсий». Невыносимо тяжело сегодня читать его слова: «Я признаю себя виновным в измене социалистической Родине, самом тяжком преступлении, которое только может быть, в организации кулацких восстаний, в подготовке террористических актов, в принадлежности к подпольной антисоветской организации. Я признаю себя далее виновным в подготовке заговора «дворцового переворота».

Но Сталин не спешил с началом процесса. Он не мог допустить осечки — Бухарин и его «однодельцы» должны были полностью «созреть». К тому же процесс, по замыслу вождя, должен был уже завершить первый этап широкой чистки и террора, развернувшихся в партии и стране. Сталин относился к процессу не только как к юридическому акту, венчающему ликвидацию наиболее опасных «врагов», но и как к всесоюзному уроку классовой бдительности, настороженности, непримиримости и ненависти ко всем, кто посмеет даже потенциально выступить против него, вождя, а следовательно, и социализма. Не случайны его указания о широчайшем освещении процесса в печати, по радио, организации бесчисленных митингов с требованиями «уничтожить фашистских гадов».

Народ, партия не могли, по мнению Сталина, не усвоить урока бесперспективности любой возможной оппозиции. Этими процессами он насаждал систему широчайшего взаимного социального контроля, в ходе функционирования которой все следили друг за другом. Только он, признанный и теперь окончательно единственный вождь, находился вне этой системы слежки и доносов. Но люди даже из ближайшего его окружения не могли себя чувствовать спокойно ни на миг. Судьба Косиора, Постышева, Рудзутака, Эйхе, Чубаря, других руководителей из самого верхнего эшелона власти красноречиво свидетельствовала об этом.

С другой стороны, политические процессы были организованы так, что Сталин как их Главный Режиссер находился в тени. Имеется очень мало публичных высказываний генсека по поводу процессов. Его истинная роль абсолютному большинству наро-

да не была известна. Создавалось впечатление, что «шпионов», «предателей» и «убийц» судит сам народ. Но если бы было возможно, чтобы весь народ непосредственно судил обвиняемых, результат, вероятно, был бы тот же. Страна еще не остыла от классовых схваток революции, гражданской войны, коллективизации. Социальные инстинкты, классовые нервы масс обнажены. Фашизм устроил пробу сид в Испании, идет милитаризация Германии, сколачиваются антикоминтерновские пакты.

Вот что, например, писала «Вечерняя Москва» 15 марта 1938 года:

«История не знала злодеяний, равных преступлениям банды из антисоветского «право-троцкистского блока». Шпионаж, диверсия, вредительство обер-бандита Троцкого и его подручных — Бухарина, Рыкова и других — вызывают чувство гнева, ненависти, презрения не только у советского народа, но и всего прогрессивного человечества».

«Они пытались убить нашего дорогого вождя товарища Сталина. Они в 1918 году стреляли в товарища Ленина. Они оборвали пламенную жизнь Сергея Мироновича Кирова, убили Куйбышева, Менжинского и Горького. Они предавали нашу Родину».

«Славная советская разведка, руководимая сталинским наркомом Николаем Ивановичем Ежовым, разгромила змеиные гнезда этих гадов!»

Так народ превращали в толпу, так «массаж» общественной психологии рождал феномен единения вокруг ложной идеи.

Троцкисты-вредители для всех были безусловными врагами. А как же иначе? В день завершения процесса, 13 марта 1938 года, был выпущен 200-тысячный автомобиль «ЗИС» на Московском автозаводе имени Сталина; люди впервые проехали по только что сданному Покровскому радиусу второй очереди Московского метрополитена им. Л. М. Кагановича; радио сообщило, что в Тульской области в передовых колхозах начали строить водопроводы (в колхозе им. Хрущева пробурена скважина глубиной 46 метров)... Каждая республика, каждая область, каждый завод и колхоз стремились порадовать партию и вождя новыми достижениями. Атмосфера общества, в каком-то иступлении строящего новые города и дороги, заводы и дворцы, была наэлектризована до предела.

Чудовищная мистификация процессов казалась реальным отражением продолжающегося обострения классовой борьбы. Отсутствие гласности, подлинной информированности облегчало манипулирование сознанием миллионов.

В те дни, когда закончился процесс над Бухариным, Рыковым и другими обвиняемыми по делу «антисоветского право-троцкистского блока», в газете «Правда» мы видим тени тех зловещих событий, которые развернулись в стране. В частности, говорилось о «вредной поспешности» в проведении партактива одним из комитетов, о «бюрократах из Куйбышевского обкома комсомола». Тень до предела сгущалась в статье Поспелова «Борьба Бухарина и Рыкова против Ленина и партии». Сталинский теоретик без за-

зрения совести, писал об обреченных бывших руководителях партии и государства как «банде преступников и наемников». Таким было то жестокое и одновременно подвижническое время. Где-то следователь Родос, о котором Хрущев сказал, что это «пустая личность с куриными мозгами», допрашивал новую жертву, а в Ленинграде выходит фильм «Великий гражданин»; В. В. Ульрих подписывает очередную сводку Сталину о работе трибуналов, а восторженные люди готовятся встречать героев-папанинцев...

Судить прошлое всегда легче, чем настоящее. Обогащенные опытом долгого пути, мы знаем больше, чем те, кто жил в то время. Справедливо ставя в эпицентр исторической вины одного человека, мы не должны вместе с тем забывать, что эта личность могла там-оказаться благодаря той системе отношений, которую в конечном счете создают сами люди. У Ж. Лабрюйера есть глубокая мысль: «Невинно осужденный — это вопрос совести всех честных людей». Сталин узурпировал власть и совершал преступления еще и потому, что ему позволили это сделать. Сегодня признания осужденных выглядят как вечное историческое обвинение организаторам спектаклей.

Нет, не только сейчас люди с горестным недоумением разводят руками: почему все они признались в несовершенных преступлениях? Уже во время процессов для западной печати, которая широко освещала их, это стало одной из самых больших загадок. Сталин, всегда внимательно следивший за барометром общественного мнения, и не только у «себя» в стране, немедленно отреагировал. По его указанию была быстро подготовлена и опубликована в «Правде» статья «Почему они признаются» за подписью Д. Осипова. В ней, в частности, говорилось: «Почему вы признаетесь, — спросил Вышинский, — может, есть давление со стороны?»

Подсудимые категорически отвергли такое предположение. Они подтверждают, что следствие велось в совершенно корректной форме, что ни о каком насилии, прямом или косвенном, не может быть и речи. Подсудимый Муралов заявил, например, что в заключении к нему относились все время «культурно и воспитанно». Муралов заперся 8 месяцев, Богуславский — 8 дней, Радек — 3 месяца. Они заговорили. Под ударами. Обвинение обосновано строго фактически. Подсудимые подавлены тяжестью неоспоримых улик. Так официально объясняли тогда феномен полных признаний.

В том, что подсудимые были «подавлены», сегодня не приходится сомневаться. Но только не «уликами». Как определила Комиссия Политбюро ЦК КПСС на своем заседании 5 февраля 1988 года, предварительное следствие «проводилось с грубыми нарушениями социалистической законности, фальсифицировалось, от обвиняемых недопустимыми методами добывались признательные показания». Не случайно и то, что, например, в «обойме» подсудимых по так называемому «антисоветскому право-троцкистскому блоку» собраны люди, часто даже не знавшие друг друга: партийный работник и врач, дипломат и нарком,

хозяйственник и республиканский руководитель. Организаторам политического фарса нужно было показать широкую сеть право-троцкистских предателей, развернутую в СССР. Дается понять, что существует реальная опасность попасть в эту сеть всякому, кто допустит благодушие, утрату классовой бдительности, ротозейство. Действия участников «блока» показывают, внушали организаторы процесса, что они не только «торгуют Родиной», готовясь ее расчлениить, но и занимаются шпионажем в пользу Германии и Японии, взрывом шахт и крушением поездов, убийством выдающихся советских людей, подготовкой покушений на Сталина, Молотова, Кагановича, Ежова, других руководителей...

Мало зная о реальных фактах, сопутствующих процессу, буржуазная пресса не поднялась выше абстрактных осуждений «антидемократизма». Генсека больше всего бесил Троцкий, который продолжал почти ежедневно изливать на страницах западных газет свои доводы, опровержения, разоблачения, и вдобавок стало известно, что изгнанник готовится провести свой пропагандистский «контрпроцесс». Совершенно вывела Сталина из себя издевательская статья Троцкого в 65-м номере «Бюллетеня оппозиции» за 1938 год. С присущим ему сарказмом и проничательностью Троцкий зло подметил фальшь процессов: «В этой преступной деятельности наркомы, маршалы, послы, секретари неизменно получают приказы из одной инстанции, не от их официального вождя, а от изгнанника. Троцкому стоит подмигнуть, и ветеранам революции достаточно стать агентами Гитлера и микадо. По «инструкциям» Троцкого, переданным через лучшего корреспондента ТАСС, руководители промышленности, сельского хозяйства и транспорта уничтожают производительные ресурсы страны. По приказу «врага народа номер 1», отданного из Норвегии или Мексики, железнодорожники уничтожают военные транспорты на Дальнем Востоке, а очень уважаемые врачи травят своих пациентов в Кремле. Эту удивительную картину рисует Вышинский, но тут возникает трудность. При тоталитарном режиме аппарат осуществляет диктатуру. Но если мои наймиты занимали все ключевые посты в аппарате, почему Сталин сидит в Кремле, а я в ссылке?»

Сталин пришел буквально в бешенство, прочитав эти строки. Обругав Ежова за «кретинизм» в фабрикации дел, он вновь, в который раз, задумался: не пора ли завершить всю эту кампанию процессов? Нет, пока еще рано: до тех пор, пока остаются люди, которые хотя бы в душе могут видеть в Троцком альтернативу ему, он остановиться не может. Генсек читал, кажется, в истории Французской революции: террор, остановленный на полпути, опасен. Выжившие полны страсти отмщения.

Политические процессы имели еще одну цель: ко всем бывшим оппозиционерам, троцкистам, бухаринцам, зиновьевцам, меньшевикам, дашнакам, эсерам, анархистам, бундовцам фактически «пристегнули» и большинство из тех, кто бывал за границей, — дипломатов, деятелей культуры, производственников, ученых, даже тех, кто воевал в Испании. К «врагам» от-

несли многих вернувшихся на родину эмигрантов, немало зарубежных коммунистов, работавших в Коминтерне или его организациях. Сюда же попадали и те, кто когда-то был исключен из партии, был «обижен» Советской властью, кто когда-либо выражал политические сомнения. Автоматически к «врагам» относились и близкие родственники репрессированных. Большую группу составляли чекисты. Некоторые из них уничтожались потому, что пытались хотя бы косвенно саботировать преступные замыслы, а иные, наоборот, попадали в разряд врагов, как, например, Ягода, Фриновский, Берман, за чрезмерное рвение, за то, что слишком много знали. На таких людей, как мы уже говорили, списывали все «перегибы», извращения, «вредительство в органах НКВД».

Особенно преследовались те, кто помнил о Ленине и подлинном ленинизме, кто в свое время боролся с царизмом, а значит, хотя бы инстинктивно ценил истинную свободу и демократию. Это были люди, которые понимали буквально указание В. И. Ленина о том, что «нет другого пути к социализму, кроме как через демократизм, через политическую свободу». Эти люди не хотели питаться суррогатами сталинского толкования ленинизма, но таких уже было меньшинство. Остальные попадали в репрессивные жернова попутно, касательно: одни работали под началом «врагов народа», другие их вовремя не разоблачили, третьи «пособничали» им в чем-то, о чем они даже сами не могли догадываться...

Всевидающее око подозрительности усиливало инерцию насилия. Едва ли В. Захаров, М. Мокиев и другие железнодорожники со станции Арзамас представляли, в чем суть «троцкистских» взглядов, но они, эти взгляды, вкуче с «намерениями к террористическо-диверсионной деятельности» послужили основанием для вынесения 31 октября 1937 года им смертных приговоров. Как докладывал в своей сводке Сталину председатель Военной коллегии Верховного суда СССР В. Ульрих, «все обвиняемые признали себя виновными полностью». Чудовищная подозрительность, трактуемая как «сталинская бдительность», исправно поставляла Молоху «правосудия» свои жертвы.

Еще одной особенностью этих процессов было стремление Сталина не просто физически уничтожить своих реальных и потенциальных оппонентов, но и предварительно вывалить их в грязь аморализма, «измены», «предательства». Все процессы являют собой беспрецедентный пример самоуничтожения, самооговоров, самоосуждений. Часто это выглядело просто абсурдным и продиктованным лишь низкой местью. Так, подсудимые, «актеры» спектаклей, назойливо твердили, что они «предатели», «шпионы», «двурушники», «вредители», «убийцы». Каменев, например, прямо заявлял, что «мы служили фашизму, мы организовывали контрреволюцию против социализма». Обещания снисхождения, угрозы репрессий по отношению к семьям, физическое насилие на допросах ломали этих людей, заставляли играть свои роли по сценарию, написанному «жрецами правосудия».

СТАЛИН: «ЦЕНИТЬ КАДРЫ...»

4 мая 1935 года Сталин произнес речь в Кремле на выпуске «академиков» Красной Армии. К этому времени кадровый погром еще не наступил. В руководящих эшелонах партийного, государственного, хозяйственного аппарата, среди профессиональных военных, технической и творческой интеллигенции, местных работников в республиках, краях, областях скоро будут зиять крупные бреши. словно эпидемия страшной чумы выкосит сотни тысяч людей. В начале 1939 года Сталин затребовал от Главного управления кадров РККА справку о командном составе армии и флота. Он долго молча всматривался в графы таблицы: около 85 % командиров были моложе 35 лет.

Может быть, Сталин подумал тогда, что, кроме трех маршалов и большой группы командармов первого и второго рангов, исчезли по его воле и другие способные военачальники? Многие из них при назначении побывали здесь, в кабинете генсека... Может быть, вспомнил речь Ворошилова на заседании Военного совета при наркоме 29 ноября 1938 года? Тогда нарком, как о великом достижении, доложил: «В ходе чистки в Красной Армии в 1937—1938 годах мы вычистили более сорока тысяч человек... За десять месяцев 1938 года выдвинули более 100 тысяч новых командиров. Из пятидесяти с небольшим членов Военного совета старого состава остались лишь десять человек». Какие чувства испытывал вождь, взирая на бреши в командном корпусе? Едва ли кто теперь расскажет об этом, только известно: Сталин после чтения справки предложил увеличить численность академий, создать новые училища. Но такие «пустоши» в кадровом составе были не только у военных...

Бывший нарком путей сообщения И. В. Ковалев как-то рассказывал мне:

— В тридцать седьмом году получил назначение начальником Западной железной дороги. Приехал в Минск, захожу в управление дороги. Пусто. Принять мне дела не у кого: Русакова, моего предшественника, арестовали и расстреляли. Вызываю заместителей — никого нет, тоже арестованы. Ищу того, другого — какая-то тишина страшная стоит, как смерч прошел. Даже удивительно, что поезда еще идут, — кто руководит всем этим огромным хозяйством?! Пошел домой к знакомому работнику из управления дороги. К моему удивлению, застал его там вместе с заплаканной женой.

— Ты чего не на работе? — не успев поздороваться, начал я.

— Жду. Сегодня, сказали, придут меня забрать. Вот белье собрал. Наседкин из НКВД каждого второго подчищает. Дорогу может парализовать...

Далее Ковалев рассказал мне, что, выяснив картину бедствия и осмелев от размахов погрома, он позвонил в Москву Сталину («Ведь если дорога не работает по-настоящему, быстрехонько возьмут и меня»). Ответил Поскребышев. Я рассказал ему об обстановке, и чудовищная вакханалия как-то быстро прекратилась. «Да и сажать-то было уже некого», — завершил свой рассказ Иван Владимирович.

Положение на той дороге не было исключением. Машина репрессий была запущена на полный ход. Как она работала, дают представление выдержки из выступлений участников октябрьского (1937 года) Пленума ЦК ВКП(б). Вот что, например, говорил Соболев, секретарь Красноярского крайкома партии, во время обсуждения доклада Молотова о ходе избирательной кампании (хотя вопрос был о выборах, говорили все же о «врагах народа»):

— Сейчас мы разоблачаем и уничтожаем врагов: бухаринцев, рыковцев, троцкистов, колчаковцев, диверсантов, всю эту сволочь, которую мы громим в крае. Они совершенно открыто делают выступления против нас... Я имею в виду одну из наиболее излюбленных форм диверсий в крае — это поджоги.

Пескарев из Курской области, в свою очередь, рисовал такую картину:

— В связи с тем, что в руководстве областной прокуратуры и областного суда у нас долго орудовали мерзавцы, вредители, враги народа, то оказалось, что они центр тяжести карательной политики перенесли на ни в чем не повинных людей: за три года в области было осуждено 18 тысяч колхозного и сельского актива (часто за то, что лошадь захромала или были опоздания на работу).

«Разоблачали и уничтожали» везде. К маю 1935 года, когда состоялось известное выступление Сталина в Кремле, о котором мы уже говорили, результаты этих «разоблачений и уничтожений» были еще на пороге. Но кто мог подумать тогда, слушая речь вождя в Кремле, что он решится на эту кровавую оргию?

В абсолютной тишине Кремлевского зала звучал его негромкий голос. Держа перед собой текст, Сталин редко в него заглядывал. Сотни глаз молодых командиров, политработников, инженеров, с новыми скрипящими портупелями на плечах, «кубарями» и «шпалами» в петлицах, напряженно всматривались в невысокую, плотную фигуру вождя.

— Вспоминаю случай в Сибири, где я был одно время в ссылке, — повествовал генеральный секретарь партии. — Дело было весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, унесенный разбушевавшейся громадной рекой. К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили: «Остался там». На мой вопрос: «Как же так, остался?». Они с тем же равнодушием ответили: «Чего же там спрашивать, утонул, стало быть». И тут же один из них стал торопиться куда-то, заявив, что «надо бы кобылу напоить». На мой упрек, что они скотину жалеют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: «Что ж нам жалеть их, людей-то; людей мы всегда сделать можем. А вот кобылу... попробуй-ка сделать кобылу...»

Тут было отмечено «общее оживление в зале». Полусогнутый указательный палец вождя застыл в воздухе, фиксируя парадоксальность ответа сибиряка.

— Так вот, равнодушное отношение некоторых наших руководителей к людям, к кадрам и неумение ценить людей, — продолжал Сталин, иногда по-прежнему

му взмахивая здоровой рукой, словно отрубая слова, — является пережитком того страшного отношения людей к людям, о котором я только что рассказал...

Так вот, товарищи, если мы хотим изжить с успехом голод (разрядка моя. — Д. В.) в области людей и добиться того, чтобы наша страна имела достаточное количество кадров, способных двигать вперед технику и пустить ее в действие, — мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника (разрядка моя. — Д. В.), способного принести пользу нашему общему делу. Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях кадры решают все.

Я привел эту пространную выдержку из речи Сталина по нескольким причинам. С одной стороны, мы видим, что генсек косвенно признал дефицит («голод») кадров. С другой, — зная роль и место Сталина в грядущих массовых репрессиях, еще и еще раз поражаешься политическому цинизму «вождя», его двуличию и жестокости. Готовя расправу над тысячами преданных партии и народу работников, тут же публично рассуждает о кадрах как «самом ценном капитале». Даже если допустить, что на каком-то этапе карательная ситуация вышла из-под контроля Сталина и беззаконие совершалось уже в силу страшной инерции, нельзя не испытать потрясения, сопоставляя фарисейские сентенции «вождя» и его личный «вклад» в дело предстоящего уничтожения кадров.

Я не располагаю официальными данными о количестве жертв в 1937—1938 годах, возможно, их пока и нет. Но на основании доступных мне материалов (составы съездов, партийные статотчеты, доклады того времени из областей, данные из архивов судебных органов и так далее) можно сделать осторожную оценку общего количества репрессированных. Наиболее точные данные в этом случае по Наркомату обороны. На основании целого ряда сведений, возможно, повторяю, недостаточно полных, в эти трагические годы — с 1937-го по 1939-й, — по моему мнению, репрессиям подверглось порядка трех с половиной — четырех миллионов человек. Из них получили смертные приговоры около 600—650 тысяч человек. Кроме того, и это мы знаем точно, очень многие сгинули в лагерях и тюрьмах, не будучи приговоренными «судом» к смерти.

Если говорить о персональной ответственности, то главный виновник случившегося — И. В. Сталин. «Вождь» лично давал указания Ежову о направленности и масштабах репрессий, нередко указывал конкретных лиц, которых, по его мнению, следовало «проверить». Чтобы избежать в переписке, телефонных разговорах упоминания слов «смертная казнь», «высшая мера наказания», Сталин предложил именовать эту меру наказания «первой категорией». Из документов известно, что по личному указанию Сталина были осуществлены репрессии в отношении многих известных лиц. Р. Эйхе, Я. Рудзутак, В. Чубарь, С. Косиор, П. Постышев были арестованы, осуждены и расстреляны по личной санкции Сталина. В аппарате ЦК, на

пример, генсек предложил «проверить» (а это означало самое худшее) заведующего отделом пропаганды А. Стецкого, заведующего отделом печати Б. Таля, заведующего сельхозотделом Я. Яковлева, заведующего отделом науки К. Баумана, ответственного работника Комиссии партийного контроля Ф. Зайцева, десятки других работников. Для всех их эта «проверка» закончилась расстрелом.

Когда дело приняло широкие масштабы, Сталин начал «одобрять» смертные приговоры большими списками, а в 1938 году, «устав» от этого занятия, предоставил это право — без всякого доклада — решать судам и трибуналам. Н. С. Хрущев на XX съезде партии сказал, что в 1937—1938 годах Ежов направил Сталину 383 списка с именами многих тысяч партийных, советских, комсомольских, армейских и хозяйственных работников. Все они были утверждены. Но Сталин не ограничился только этими списками. Их было больше.

Поскольку на этих бумагах часто стояли визы и других руководителей, немало документов после XX съезда партии просто исчезло. Как рассказывал мне А. Н. Шелепин в апреле 1988 года, списки с визой Хрущева, в частности, были по указанию первого секретаря изъяты из многих архивов. Серовым, бывшим в то время заместителем министра госбезопасности. Их передали Хрущеву, решившемуся на смелый шаг в разоблачении злодеяний Сталина: Никите Сергеевичу очень уж не хотелось выглядеть соучастником сталинских преступлений, но это было именно так. К слову сказать, я сам убедился, что ряд центральных архивов после XX съезда «почищен»; многие документы, касающиеся Сталина и его непосредственного окружения, изъяты. Все ли они целы? Очень сомневаюсь. Молотов, Каганович, Ворошилов, Маленков, Хрущев, другие руководители виновны в беззакониях или как соучастники, или как послушные исполнители, или как бездумные «поддакиватели». Но, конечно, Сталин несет перед историей главную ответственность за эти злодеяния.

Генсек заботился, как мы помним, чтобы его имя не часто фигурировало в качестве лица, санкционировавшего «ВМН» (высшую меру наказания), но все равно таких документов немало. У меня есть много писем, адресованных Сталину, Ворошилову, Молотову, другим деятелям партии с мольбами о помиловании. Как-то, из них они читали, чаще не оставляя своих «автографов» на письмах. Все писавшие погибли, и остается предположить, что Сталин предпочитал устно излагать свое решение, а иногда и вообще не рассматривать прошения о помиловании, поскольку судьба этих людей была им заранее предreshена. Вот эта «закрывать» роли Сталина как прямого, непосредственного участника террора и позволила возникнуть и долго существовать легенде о том, что вождь «не знал» о репрессиях. Старая большевичка Д. А. Лазуркина говорила, например, на XXII съезде КПСС, что, когда она сидела в тюрьме, то «ни разу не обвиняла тогда Сталина. Я все время дралась за Сталина, которого ругали другие заключенные, высланные и лагерники. Я говорила: «Нет, не может быть, чтобы Сталин допустил то, что творится в партии. Не может этого быть». По-

добная наивность могла проистекать лишь от незнания истинной картины. Как говорилось в докладе на XX съезде партии «О культе личности и его последствиях», произвол «одного лица поощряет и разрешает проявление произвола другими лицами. Массовые аресты и высылки многих тысяч людей, расстрелы без суда и нормального следствия создали обстановку, лишенную чувства безопасности и полную страха и даже ужаса».

Печальным и трагическим является то обстоятельство, что террор был развязан в условиях, когда прямой, непосредственной угрозы социалистическому строю в стране не было. Внешняя угроза, которая существовала всегда, не могла в такой степени воплотиться и реализоваться внутри самой страны, чтобы подобное насилие было хоть как-то оправданным. Вероятно, единичные проявления классовой вражды, неприятия нового строя в стране были, но совершенно нет доказательств наличия массовых вредительских и враждебных элементов. Сталин по-своему «развил» ленинское отношение к революционному террору.

«Террор был нам навязан терроризмом Антанты, — говорил Ленин в своем докладе о работе ВЦИК и Совнаркома 2 февраля 1920 года, — когда всемирно могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты. И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали». Сталин, видимо, не считал себя лично обязанным относиться к «собственной программе» как «обещанию». Это стало видно еще в декабре 1934 года, когда по настоянию Сталина было принято решение о широком применении смертной казни без сохранения возможности апелляции.

В 1937 году состоялось несколько пленумов ЦК партии. На каждом из них, кроме рассмотрения вопросов о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР, об ошибках при исключении коммунистов из партии, о мерах по улучшению работы МТС и других проблемах, непременно рассматривались и такие, как «о составе ЦК ВКП(б)». А это означало, что продолжалась чистка высшего партийного ареопага. Например, на октябрьском Пленуме ЦК в тот год из его состава было выведено 24 члена и кандидата! Среди них: Зеленский, Лебедь, Носов, Пятницкий, Хатаевич, Икрамов, Криницкий, Варейкис, Гринько, Любченко, Еремин, Дерибас, Демченко, Серебровский, Розенгольц, Птуха, Шубриков и другие. Все они, в основном большевики с большим стажем, представляющие костяк партийных кадров, квалифицировались как «враги народа». И так на каждом Пленуме... На декабрьском Пленуме ЦК — 4—8 декабря, — например, было утверждено (голосование опросом) следующее решение:

«На основании неопровержимых данных Пленум ЦК признает необходимым вывести из состава членов ЦК ВКП(б) и подвергнуть аресту как врагов народа:

Баумана, Бубнова, Булина, Межлаука, Рухимовича и Чернова, оказавшихся немецкими шпионами и агентами царской охранки; Михайлова, связанного по контрреволюционной работе с Яковлевым, и Рындина, связанного по контрреволюционной работе с Рыковым, Сулимовым».

Далее почерком Сталина дописано: «Все эти лица признали себя виновными».

Подумать только, как бедна фантазия Главного Инквизитора: более половины состава ЦК «шпионы» плюс «агенты царской охранки»! Двадцать лет спустя после краха дома Романовых их жандармское ведомство продолжало как ни в чем не бывало действовать! Все это похоже на безумие, пир злой силы. Просматривая пожелтевшие листки, которые рассылались членам ЦК при заочном голосовании, я не встретил ни одного (!) случая несогласия, возражения, сомнения. Только «за», «согласен», «безусловно согласен», «верное решение», «необходимая мера». Совесть безмолвствовала в заточении антиистины и страха.

К концу 1938 года почти не осталось кандидатов, которыми можно было пополнять страшную убыль. Как мы уже говорили, из 139 членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранных на XVII съезде, 98 человек, или семьдесят процентов состава, были арестованы и в 1937—1938 годах погибли. Та же судьба постигла не только большинство членов Центрального Комитета, но и основную часть делегатов съезда победителей. А ведь восемьдесят процентов участников того памятного съезда с правом решающего голоса были большевики, вступившие в партию до 1921 года!

Республиканский, краевой и областной партийные эшелоны также были страшно обескровлены. Многие обкомы были просто обезглавлены; все секретари таких комитетов попадали, по словам Кагановича, на «жительство» к Ежову. Назовем лишь несколько фамилий из тысяч периферийных партийных работников, кому довелось испить из «чаши Иосифа»: А. Богомолов, Т. Братановский, Е. Вегер, М. Гуссейнов, Б. Додобоев, Н. Журавлев, С. Зегер, В. Еременко, Ю. Коцюбинский, Г. Крутов, Н. Марголин, Д. Орлов, Н. Степанян, Я. Понок, А. Шпильман, А. Ханджян и многие, многие другие. Обобщенные данные мог иметь только Сталин. Неужели после чтения страшных сводок и докладов Ежова, Ульриха, Вышинского его даже не посещала мысль о том, что его концепция «врагов народа» чудовищна в своей нелепости и преступности? Нет, вождь отличался одним — последовательностью: раз принятое решение Сталин всегда старался довести до конца. С «очищенным» обществом, думал генсек, он добьется многого, очень многого, о чем будут «говорить в веках».

...Однажды, обсуждая с Ежовым очередной список, Сталин, не обращая ни к кому, обронил:

— Кто будет помнить через десять — двадцать лет всех этих негодяев? Никто. Кто помнит теперь имена бояр, которых убрал Грозный? Никто... Народ должен знать: он «убирает» своих врагов. В конце концов каждый получил то, что заслужил...

— Народ понимает, Иосиф Виссарионович, пони-

мает и поддерживает, — как-то машинально откликнулся Молотов.

Хотя оба они должны были знать, что народ безмолвствовал. Крики одобрения были гласом неведения, бесправия и подавленности.

В октябре 1937 года Ежов стал кандидатом в члены Политбюро. По его предложению органы НКВД стали готовить списки лиц, которые попадали под юрисдикцию коллегий военных трибуналов. Например, стоило вменить человеку вину в «шпионаже», как он предстал уже перед военной юстицией. О том же, как обходились со «шпионами» и как много их было, свидетельствует, например, такое донесение В. Ульриха:

«Комиссару государственной безопасности 1 ранга тов. Берия Л. П.

За время с 1-го октября 1936 года по 30-е сентября 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР и выездными сессиями коллегий в 60 городах осуждено:

к расстрелу 30514 человек	к тюрем. закл. 5643 человека
Всего	36157

15 октября 1938 года

В. Ульрих.

В 1937—1938 годах Ежов, а потом и Берия направили на имя Сталина множество списков «шпионов», где заранее, до суда, предлагалась конкретная мера наказания (в подавляющем большинстве случаев — расстрел). Но сначала они, как мы успели убедиться, получали донесения от Ульриха. Вот еще одно такое сообщение, взятое из Архива Военной коллегии:

«Комиссару госбезопасности 1 ранга, зам. наркома внутренних дел СССР тов. Берия.

В сентябре 1938 года Военной коллегией Верховного суда Союза ССР в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Хабаровске и других городах осуждено:

к расстрелу — 1803 человека
к тюремн. закл. 389
Всего 2192

В. Ульрих.

В октябре будет больше — 3588 человек. Но это — работа только военных трибуналов. А сколько работало «обычных» судов?! И просто «троек», «совещаний», «присутствий»? Сталин, любивший поговорить о том, что нужно заботиться о человеке, кадрах, проявлять внимание к каждому коммунисту, утверждал без колебаний эти страшные списки.

До сих пор есть еще немало людей, которые хотели бы отделить эту сторону деятельности Сталина, характеризующуюся предельной античеловечностью, от тех шагов и мер, которые он осуществлял, будучи главой партии и народа, по реализации социально-экономических планов и программ. Даже если, согласно логике этих людей, признавать его «заслуги» в этой области, мы не имеем права, прежде всего морального, выдавать Сталину индульгенцию, гласящую, что «он совершал преступления, искренне веря в то, что совершает их во благо страны». Каким же тогда выглядело

«благо страны», если для его фундамента требовались сотни тысяч, миллионы человеческих жертв? Очень спорно поэтому выглядит следующее заявление Н. С. Хрущева на XX съезде: «Мы не можем считать, что поступки Сталина были поступками безумного деспота. Он считал, что так нужно было поступать в интересах партии, трудящихся масс, во имя защиты революционных завоеваний. В этом-то и заключается трагедия».

С этим нельзя согласиться: Сталин сознательно создавал режим личной диктатуры, в условиях которой он считал себя абсолютно свободным в выборе средств. При чем здесь «защита революционных завоеваний»?! Страшное, пняющее чувство абсолютной власти и двигало им... Сталин хорошо знал, что ни Косиор, ни Постышев, ни Рудзутак, ни Чубарь, ни Эйхе не могли быть «врагами народа», в самом крайнем случае они могли в чем-то расходиться с ним, но и это практически не проявилось публично. Безнаказанность и бесконтрольность поощряли самые зловещие проявления жестокой натуры Сталина. Созданная им система открыла простор для любых действий диктатора. Полная свобода Сталина означала полную несвободу для всех, кто от него зависел. Но вождь в целях морального и социального камуфляжа продолжал публично фарисействовать. Абсолютная власть развратила его абсолютно.

Рассуждения о том, что «трагедия Сталина заключается в том, что он верил в наличие «врагов народа» и поэтому расправлялся с ними», не просто наивны, но и глубоко неверны. Это была трагедия не Сталина, а трагедия народа. Деяния «вождя» можно квалифицировать лишь как преступные. Созданная в его сознании модель общества предполагала естественным использование насилия как неперемennого атрибута пролетарской власти. Вполне вероятно, что Сталин по-своему хотел «процветания» общества, материального благополучия его членов и, бесспорно, создания сильного государства. Но он не желал (и даже не предполагал!) спрашивать этих членов общества: как, каким образом а з о м они хотели бы достичь социалистических идеалов?

При всей непреклонности в достижении поставленных целей Сталин не раз проявлял колебания перед лицом открывающихся масштабов репрессий. Именно этим можно объяснить обсуждение по инициативе генсека на январском (1938 года) Пленуме ЦК партии вопроса об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии. Слушая доклад Маленкова, выступления Багирова, Постышева, Косиора, Игнатьева, Зимины, Кагановича, Угарова, Косарева, Сталин не мог не поражаться размаху репрессий, масштабам беззакония и настоящего погрома кадров. Например, в выступлении Постышева отмечалось, что, приехав в Куйбышев, он столкнулся с обстановкой, когда в результате чистки была фактически парализована нормальная деятельность обкома, облисполкома, райкомов партии. В силу того, что во многих райкомах осталось по два-три члена, они фактически прекратили работу, и таких райкомов в области оказалось более тридцати! Сталин, Берия, Ежов, Маленков, Молотов тут же свалили

всю вину на Постышева, хотя он только что приехал работать в Куйбышев.

После знакомства с документами складывается впечатление, что решение «утопить» Постышева было принято еще до Пленума. Практически все выступающие, начиная с докладчика Маленкова, акцентировали особое внимание на ошибках Постышева. При одобрительных репликах Сталина главную роль «критика» Постышева на Пленуме взял на себя Каганович. Стоит привести некоторые его аргументы:

— Я Постышева знаю хорошо. Я ездил по поручению ЦК в прошлом году в Киев, когда мы вскрывали грубейшие ошибки т. Постышева в руководстве Киевской и Украинской партийными организациями. Постышев показал себя в Киеве работником, срывающим на практике директивы партии, за что ЦК его тогда и снял с Киева (так в тексте выступления. — Д. В.). Слепота т. Постышева к врагам народа граничит с преступлением. Он не видит врагов даже тогда, когда все воробьи на крышах чирикают... Наблюдая тебя в кулуарах и слушая твоё выступление на этом Пленуме, я утверждаю, что ты хитришь с ЦК партии.

— Я никогда в жизни не хитрил, — пытался парировать Постышев.

— Что говорил здесь на Пленуме Постышев — это повторение враждебных партии разговоров. Он не видит того, что за последний год мы имеем более ста тысяч выдвинутых новых людей. Это наша великая сталинская победа.

Каганович, говоря о «сталинской победе», невольно сказал о вынужденной огромной замене руководителей, «выбывших из строя». Колоссальную брешь в кадрах, возникшую в результате беззаконий, недалекие люди типа Кагановича оценили как ситуацию, способствующую революционному обновлению руководящего состава на различных уровнях.

Критические выступления Ярославского, Косарева, Угарова шли по нарастающей. Постышева уже не просто критиковали, а прямо обвиняли и судили. Было видно, что на этот раз выбран жертвой именно он. Чувствовалось, что свою давнюю неприязнь к Постышеву Кагановичу удалось передать и руководству партии. Довершил разгром Постышева второй секретарь Куйбышевского обкома Игнатов, приглашенный на Пленум. Он прямо назвал действия Постышева «антипартийными». Каганович тут же резюмировал, обращаясь к Постышеву:

— Ты и сейчас хитришь с ЦК. Это враждебная линия. Постышев как политический руководитель обанкротился...

— Я признаю целиком и полностью свою речь, которую я произнес здесь, — поднялся Постышев, — неправильной и непартийной. Как я произнес эту речь, я и сам понять не могу. Я прошу Пленум простить меня. Я не только никогда не был с врагами, но и всегда боролся против врагов...

Но спасти Постышева теперь мог только Сталин. Однако генсек, дождавшись полного унижения кандидата в члены Политбюро, старого большевика, который пытался иметь свое суждение, окончательно решил его судьбу:

— У нас здесь, в президиуме ЦК, или Политбюро, как хотите, сложилось мнение, что после всего случившегося надо какие-либо меры принять в отношении товарища Постышева. По нашему мнению, следовало бы его вывести из состава кандидатов в члены Политбюро, оставив его членом ЦК.

Все, естественно, проголосовали «за». Постышеву оставалось быть на свободе лишь месяц. По предложению Сталина Комиссия партийного контроля подготовила в феврале того же года проект постановления по Постышеву, которое Политбюро ЦК утвердило. Стоит привести основное содержание этого документа. Постышеву ставились в вину следующие преступления:

1) Роспуск 35 райкомов партии (они, как мы помним, просто перестали действовать, поскольку за пять месяцев 1937 года в Куйбышевской области было исключено из партии три с половиной тысячи коммунистов. — Д. В.);

2) Провокации против советских органов (на одном из заседаний горсовета было выведено 34 депутата);

3) Привлечение кадров на полевые работы, разбор общественных построек, вредительство, в разгар уборки;

4) За время работы в Куйбышеве Постышев мешал НКВД разоблачать врагов, направляя удары против честных коммунистов;

5) Помощники Постышева как на Украине, так и в Куйбышеве оказались врагами народа (шпионами);

6) Постышев знал о наличии контрреволюционной правотроцкистской организации в области...

Признать все указанные действия Постышева П. П. антипартийными, направленными на пользу врагов народа. Исключить Постышева П. П. из рядов ВКП(б)».

Все оставшиеся 49 членов ЦК и кандидатов проголосовали (опросом заочно) за это решение. Бюллетень Сталина вновь не оказалось... Он всегда старался, где только можно, оставлять меньше следов.

Судьба Постышева была решена — последовали арест и расстрел. Сталинская «забота о кадрах» весьма рельефно видна на примере «дела Постышева», который в силу ряда причин не устраивал генсека в качестве не только члена высшего партийного руководства, но и вообще как коммунист старой ленинской школы. Сталину иногда было достаточно услышать одну фразу, провести одну беседу, узнать один факт, чтобы вынести свое окончательное суждение о личности. В те годы это могло быть и приговором.

Так, после «инспектирования» Постышева в Куйбышеве Маленков доложил Сталину:

— Постышев политически вредный человек (на Пленуме Маленков повторил эту оценку. — Д. В.).

— Чего же его держать? — вопросом ответил Сталин.

Не все заметили, или, точнее, не придали особого значения тому, что во время выступления Косарева на том же, январском, Пленуме произошла его перепалка с Мехлисом. Косарев фактически критиковал Политуправление РККА, которое слабо организует работу с комсомольцами: «В армии 500 тысяч членов молодеж-

ной организации, а ежегодно принимают в партию лишь несколько тысяч».

Мехлис тут же парировал с желчью:

— ЦК комсомола не занимается армейским комсомолом. Я предложил Белобородову (секретарь ЦК. — Д. В.) пойти руководить комсомолом в армию, он отказался. Хотят руководить только из ЦК.

Имевшаяся и раньше неприязнь Мехлиса к Косареву могла усилиться, и, кто знает, не сыграла ли она роковую роль в судьбе комсомольского вожака?

Пленум, поставивший вопрос об ошибках при рассмотрении персональных дел коммунистов, незаметно свернул на старую роковую колею — оказывается, все эти «ошибки», «перегибы» есть опять же не что иное, как происки еще не раскрытых «врагов». Именно такой вывод и был сделан на Пленуме: «Пора всем парторганизациям и их руководителям разоблачить и до конца истребить замаскированного врага, пробравшегося в наши ряды». Как видим, слабые попытки зрелого подхода к оценке вакханалии беззакония в 1937—1938 годах были малоэффективными. Демон насилия брал верх над элементарным благоразумием. Ошибки в насилии Сталин видел в недостатках применения этого насилия. В результате вместо анализа причин перегибов, бездушного и преступного отношения к судьбам коммунистов был дан новый толчок к поиску «нераскрытых врагов».

Бывший секретарь Киевского обкома партии Кудрявцев, выступая на партсобраниях, спрашивал коммунистов: «А вы написали хоть на кого-нибудь заявление?» В результате таких призывов к бдительности в Киевской парторганизации доносы были поданы почти на половину членов партии. К слову сказать, одной из первых жертв стал и сам Кудрявцев...

Погром кадров, учиненный по инициативе Сталина и его окружения, привел не просто к их дефициту — поднялась волна доносительства, появилось немало нечистоплотных людей, пытавшихся (и порой небезуспешно!) сделать в сложившейся ситуации партийную, государственную, военную карьеру, а то и просто свести какие-либо старые счеты. В решении январского (1938 года) Пленума ЦК было сказано, что есть «отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвигаться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии». Верная констатация большой опасности для партии со стороны карьеристов, доносчиков никак не связывалась, однако, с самим курсом высшего политического руководства на репрессии, где и находились глубинные истоки трагедий и деформаций.

Ложь подобна снежному кому: одна неправда рождает другую. Произвольно «обострив» классовую борьбу, Сталин вызвал потоки инсинуаций и клеветы, перед которыми общество оказалось беззащитным. Ложь ежовских органов в союзе с бесстыдством суда и прокуратуры, враньем печати, бесчисленных речей в поддержку «справедливых приговоров» создала ситуацию поистине уникальную и глубоко трагическую: узнать, где причины вакханалии, — негде; обратиться за по-

мощью — не к кому; обличить явных негодяев — никто не позволит... Коронованная Сталиным Ложь распоряжалась судьбами миллионов. Генсеку не может быть прощено прежде всего то состояние, до которого он довел общество, когда людей заставляли покоряться, молчать или поддерживать решения, суть которых была для многих совершенно неясной. Сталин считал себя вправе «дозировать» правду, делать обобщения, обязательные для всего народа, определять, что нужно и что не нужно ему. Репрессии, беззакония того времени могли существовать лишь опираясь на ложь — универсальное зло.

Трудно заживающая рана 1937—1938 годов связана не только с болью, нелепостью, алогичностью пира насилия, который справил Сталин, — от этой раны берут начало и многие беды, связанные с утратой талантливых руководителей, хозяйственников, ученых, военных, деятелей культуры. А разве бреша в легионах кадров не позволили пробраться к постам, должностям, заняты выгодные позиции «карьеристам-коммунистам»? Февральско-мартовский (1937 года) Пленум ЦК ВКП(б) записал в решении не только «обязать Наркомвнудел довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов до конца, подавить (здесь и далее разрядка моя. — Д. В.) малейшие проявления их антисоветской деятельности», но и постановил «укрепить кадры НКВД». Критерии «укрепления» в то время были однозначными: слепое, фанатичное исполнение воли вождя. Люди с совестью тогда не могли уцелеть в «органах». Абакумовы, меркуловы, ежовы, берии, кобуловы, рухадзе, как и многие другие «выдвиженцы», по воле вождя поставили органы НКВД над народом и партией. Система сложившихся отношений в условиях единовластия рождала беспринципных людей, аллилуйщиков, подхалимов.

Конечно, приверженность истинно революционным идеалам, самоотверженность, неподдельный энтузиазм сохранили тогда многие люди, это не потонуло окончательно в тине лжи, славословия и бюрократических извращений того времени. Но, разумеется, позитивные атрибуты интеллектуального и нравственного потенциалов народа получили бы несравненно большее развитие, если бы они не столкнулись с тем, что составило кульминацию народной трагедии.

«ЗАГОВОР» ТУХАЧЕВСКОГО

Любимым одеянием Сталина станет со временем маршальский мундир. Облачившись в него, генсек с удовольствием разглядывал себя в большом зеркале: строгость униформы с блеском золотых погон отвечала его представлениям об эстетическом совершенстве.

Да, Сталин «любил» армию, «любил» военных, Вооруженные Силы были предметом его особой заботы. «Вождь» всегда с каким-то чувством внутренней гордости вспоминал свою деятельность на фронтах гражданской войны. Руководя одновременно двумя наркоматами, Сталин тогда, пожалуй, больше, чем кто-либо другой (за исключением Троцкого), бывал в действующих армиях, около двух десятков раз выезжал на фронты по прямому указанию Ленина. Генсек знал

лично почти весь руководящий состав — от командиров корпусов и выше. Маршалы и командармы в своем большинстве были ему хорошо знакомы еще со времен гражданской войны. Да и теперь, в конце тридцатых годов, назначения на все основные должности в РККА проходили через его кабинет.

Генсек обычно выслушивал краткий доклад военного, рекомендуемого на эту должность, внимательно смотрел в глаза человеку, молчал, а затем в течение семи — десяти минут беседовал. Его интересовали объем военного опыта, знание театра военных действий, взгляды будущего командующего на военное строительство в условиях быстрой моторизации армии. Иногда задавал неожиданные вопросы вроде: «Как вы оцениваете немецкие танки?», «Нужны ли в нынешних условиях «Уры» (укрепленные районы. — Д. В.)?», «Каково ваше мнение о новом Полевом уставе РККА?». В заключение беседы, вяло пожимая руку взволнованного командарма или комкора, желал успеха на новой должности и постоянной готовности проводить в жизнь «линию партии». И снова испытующе вглядывался в глаза человека, пытаясь прочесть в них самое важное для него: предан ли он «товарищу Сталину»?

Долгие часы Сталин проводил с наркома, конструкторами, учеными, создающими новые образцы боевой техники и оружия, лично осматривал военные новинки, бывал и на испытаниях. По его инициативе проводились совещания по различным вопросам военного строительства, на которых он тоже часто присутствовал. Выступал редко, но своими репликами и замечаниями всегда «поворачивал» ход обсуждения в то или иное русло. В 1939 году Сталин, например, целый день провел на совещании руководящего состава работников тыла РККА, решавшего вопросы вещевого снабжения, полевой и повседневной формы командного и рядового составов, качества обмундирования.

Конечно, генсек занимался всеми этими вопросами не из «чистой любви» к военному делу: подобно любому руководителю государственного уровня, Сталин прекрасно понимал, что политическая власть, ее реальная сила, место страны в мире в огромной мере определяются не только экономической, но и военной мощью. Многие его выступления второй половины тридцатых годов несут печать тревоги, вызванной ростом фашистской опасности, усилением империалистической угрозы на Западе и на Востоке. Можно без преувеличения сказать, что в эти годы приоритетными объектами внимания генсека были РККА и НКВД. Именно по линии НКВД с конца 1936 года к Сталину начали поступать тревожные сообщения.

Интересно, что первые симптомы коллизий в отношениях Сталина с высшим военным командованием в СССР уловила Германия. Начальник Главного разведывательного управления РККА комкор С. Урицкий еще 9 апреля 1937 года докладывал Сталину и Ворошилову о том, что в Берлине муссируют слухи о существующей оппозиции руководству СССР среди генералитета. Правда, успокаивал начальник ГРУ, этому там мало верят. В доказательство он привел высказывания некоего Артура Юста в «Дейче Альгемайне цайтунг»

о том, что сегодня «диктатура Сталина нуждается в исключительной опоре. В высшей степени странным было бы то, если бы именно сейчас начали потрясать устои армии. Ничто сейчас не является таким важным для Сталина, как безусловная надежность Красной Армии». Похоже, что именно так думал и сам генсек, но для «безусловной надежности» стал именно... «потрясать устои армии», тем более что сигналы об оппозиции, заговоре среди генералитета начали поступать сразу из многих источников.

В 1936 году от Ежова поступила записка с материалами РОВСа (белоэмигрантской организации «Русский обще-воинский союз») из Парижа, где утверждалось, что «в СССР группой высших командиров готовится государственный переворот». В этом документе, который был, вероятнее всего, фальшивкой или в лучшем случае выдумкой белоэмигранта, утверждалось, что во главе заговора стоит маршал М. Н. Тухачевский. Сталин передал записку Орджоникидзе и Ворошилову с резолюцией: «Прошу ознакомиться». Следов реакции его соратников на документе обнаружить не удалось. Скорее всего, откровенно бредовый характер записки не произвел впечатления на читавших, даже на Сталина, чрезвычайно мнительного и подозрительного человека. Следует при этом еще раз подчеркнуть, что Сталин всегда очень полагался на «бумагу», на заведенное «дело», на «доклады» органов НКВД.

Сделаем еще одно отступление и приведем такой пример. А. Т. Рыбин, работавший в тридцатые годы в одном из отделов НКВД, а затем и в охране вождя, рассказывал мне, что, когда Сталину устно доложили о «связях» Михаила Кольцова с иностранными разведками, он этой информации вначале не придал должного значения. В памяти у генсека еще была свежа недавняя беседа с писателем, который произвел на него неплохое впечатление. Но когда через месяц (кому-то это, очевидно, было очень нужно!) на стол генсека положили папку с доносом, двумя свидетельствами близко знавших Кольцова лиц, Сталин велел дать «ход» этому сфабрикованному делу — он даже в мыслях не допускал, что в письменных докладах его могут обманывать, вводить в заблуждение. Сталин полагал, что как вождь на это имеет право только он. Кстати, эту особенность генсека — безусловно верить «бумаге» — весьма активно использовал Ежов, а позже и Берия. Доносы, сообщения, доклады, нередко просто фантастические, находили в лице Сталина весьма благодатную почву, буквально «завораживали» его сознание. Доведенная до абсурда подозрительность выражалась, например, и в том, что он никогда полностью не доверял людям из своего окружения, родственникам, ближайшим помощникам.

Об исключительной мнительности Сталина мне рассказывали многие работники, хорошо знавшие его в пору личного «триумфа». Как мне говорил А. Н. Шелепин, генсек требовал от Берия особой проверки людей, охранявших его, и Берия «играл» на этом: периодически он «находил» в окружении Сталина «шпиона» или «террориста». Например, однажды Берия приказал арестовать уборщика Федосеева и его жену за подготовку «терракта». В комнаты Сталина без его вызова

никто не смел входить, кроме Берии. При уборке помещений менялись люди, наблюдавшие за работой obsługi. Даже гардины на окнах были подрезаны на полметра от пола, чтобы, не дай бог, кто-нибудь «спрятался». Никто не знал, где Сталин будет спать сегодня, — на диване в кабинете или в маленьком зале: постели на всякий случай были наготове и тут и там.

Хотя существуют версии, созданные окружением Берии, о нескольких попытках покушений на Сталина, каких-либо документов по этому поводу мне в работе над материалом обнаружить не удалось. Но, уезжая к себе на дачу в бронированном автомобиле, Сталин знал, что каждая такая поездка — целая операция по обеспечению безопасности его пути. Рядом с водителем Митрохиным всегда сидел либо Туков, либо Старостин (в сороковые годы), готовые в любой момент, как и люди в автомобилях сопровождения, «защитить» Сталина от «террористов». У вождя, как мы помним, была привычка пристально вглядываться в лица людей. Если кто-нибудь ему не нравился по «взгляду», больше у него уже не работал.

Власти, живущие в постоянном ожидании покушения на их жизни, начинают подозревать всех. Поэтому, постигая внутренний мир деспота, каковым и был Сталин, нельзя, рассматривая его отношение к другим людям, не учитывать эту гипертрофированную мнительность, присущую «господствующей личности». Хрущев в своем докладе на XX съезде партии подчеркивал, что крайне болезненную подозрительность Сталина ощущали на себе даже члены Политбюро. Может быть, полностью он доверял лишь Власику и Поскребышеву да, пожалуй, еще и Валентине Васильевне Истоминой, его «экономке», которая, как мы уже говорили, вскоре после смерти жены генсека, будучи еще молодой женщиной, пришла к нему в дом. До конца его дней она будет заботиться о старом вдовце, стараясь создать Сталину, насколько это возможно, обстановку домашнего тепла. И он, будучи очень черствым человеком, тем не менее не раз отметит бесхитростную, но искреннюю заботу о нем этой женщины...

В конце 1936 года Сталину из Чехословакии поступило сообщение от Бенеша, которое резко оживило затухшее было подозрение к Тухачевскому. Как сообщает В. Хаген, бывший сотрудник Кальтенбруннера, в своей книге «Тайный фронт», а также Х. Хегнер в мемуарах «Рейхсканцелярии 1933—1945 гг.» и У. Черчилль в своих воспоминаниях, Сталин «клянул» на сфабрикованный в Берлине документ о «сотрудничестве» Тухачевского и ряда других командиров Красной Армии с германским генералитетом. В ведомстве Канариса искусно подделали факсимиле подписи Тухачевского, оставленной Михаилом Николаевичем еще в 1926 году в Берлине на документе, который предусматривал техническое сотрудничество с одной из германских фирм в области авиации.

Фальшивка наводила на мысль, что Тухачевский установил тайные связи с представителями германского генералитета с целью насильственного свержения Сталина в СССР. В Берлине был разыгран спектакль с пожаром, кражей документов, чтобы они в итоге по-

пали в Прагу. О пожаре Ежов докладывал Сталину и Ворошилову следующее:

«В дополнение к нашему сообщению о пожаре в Германском военном министерстве направляю подробный материал о происшедшем пожаре (в ночь с 1-го на 2-е марта 1937 года. — Д. В.) и копию рапорта начальника комиссии по диверсиям при гестапо... Генеральный комиссар государственной безопасности Ежов».

Бенеш, президент Чехословацкой республики, вероятно, все же с благими намерениями приказал препроводить документы в Москву. Сталина новое донесение очень насторожило, но он пока ограничился лишь тем, что передал документы Ежову. За Тухачевским усилили слежку и стали собирать «материалы». Далее события, видимо, развивались так, как их излагает Б. А. Викторов, бывший заместитель Главного военного прокурора. После XX съезда партии он руководил специальной группой военных прокуроров и следователей по реабилитации невинно осужденных в годы беззакония и судебного произвола.

В своих записках он приводит много интересных фактов. Листая страницы дела следователя А. П. Радзивиловского, осужденного в 1957 году за нарушения законности, Викторов обратил особое внимание на такие строки его показания: «Я работал в УНКВД Московской области. Меня вызвал Фриновский (один из замов Ежова) и поинтересовался, не проходят ли у меня по делам какие-либо крупные военные. Я ответил, что веду дело на бывшего комбрига Медведева. Фриновский дал мне задание: «Надо развернуть картину о большом и глубоком заговоре в Красной Армии, раскрытие которого выявило бы огромную роль и заслуги Ежова перед ЦК». Я принял задание к исполнению. Не сразу, конечно, но я добился от Медведева требуемых показаний о наличии в РККА заговора. О полученных показаниях было доложено Ежову. Он лично вызвал Медведева на допрос. Медведев, заявив Ежову и Фриновскому, что показания его вымышленные. Тогда Ежов приказал вернуть Медведева любыми способами к прежним показаниям, что и было сделано. Протокол с показаниями Медведева, добытыми под физическим воздействием, был доложен наверх».

Вскоре после этого последовали аресты Тухачевского и других «заговорщиков». А буквально накануне Сталину доложили, что Троцкий в своем очередном выступлении заявил, что «недовольство военных диктатором Сталина ставит на повестку дня их возможное выступление». То было, невольно, подстрекательское заявление Троцкого, который действительно надеялся на выступление военных против Сталина. Это заявление резко качнуло настроение мнительного вождя в сторону силового устранения «назревшего заговорщического нарыва». Прежде чем принять окончательное решение об аресте Тухачевского — весьма популярного в народе военачальника, — Сталин выслушал Молотова, Ворошилова, Ежова, все еще что-то прикидывая и сообщая, Молотов сразу поверил сообщениям из-за рубежа (к слову сказать, бывший ближайший сподвижник Сталина до конца своих дней, как мы уже отмечали, настаивал на существовании заговора), Вороши-

лов вообще не скрывал своей давней неприязни к Тухачевскому, а Ежов хотел на этом деле подняться еще выше — и, естественно, они все поддерживали версию. В тот же день Сталин после некоторых колебаний сделал еще один шаг, резко обостривший кровавую оргию и имевший особо тяжелые последствия. Членам и кандидатам в члены ЦК был направлен для голосования (опять же опросом) документ следующего содержания:

«На основании данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Рудзутака и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Тухачевского в участии в антисоветском троцкистском заговоре с блоком и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии, Политбюро ЦК ВКП(б) ставит на голосование предложение об исключении из партии Рудзутака и Тухачевского и передаче их дела в Наркомвнудел.

Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин».

Все единогласно высказались «за». Никто не засомневался, никто не защитил военачальников. Люди, прекрасно знавшие Тухачевского с гражданской войны, слепо, на веру приняли сообщение провокаторов, даже не попытались выслушать самого маршала — инерция беззакония была уже слишком сильной. Ни у кого не возникло ни желания, ни смелости поинтересоваться, что же стоит за фразой: «На основании данных, изобличающих...». Некоторые из голосовавших пошли еще дальше предложения, подписанного Сталиным. С. М. Буденный, например, на своем бланке написал: «Безусловно «за». Нужно этих мерзавцев казнить. 25.5». Мехлис, как и в большинстве подобных случаев, несколько раз подчеркнул свое «за». Ни Ворошилов, ни Егоров — сослуживцы Тухачевского, ни Хрущев или Микоян, осудившие впоследствии этот акт беззакония, не нашли тогда в себе мужества, чтобы не написать это роковое «за». И вновь — в который раз! — Сталин оставил свой бланк голосования незаполненным. То ли он себя полностью отождествлял с Политбюро, то ли заботился о том, чтобы в истории осталось меньше его темных следов. А может быть, генсек уверовал в то, что останется в нашей истории навсегда святым и неприкасаемым?

Тухачевского Сталин знал давно, с гражданской войны. Помнил, как тот умело командовал 5-й армией, как был издан приказ Реввоенсовета Республики от 28 декабря 1919 года, в котором говорилось:

«Награждается Почетным Золотым Оружием командующий 5-й Армией тов. Михаил Николаевич Тухачевский за личную храбрость, широкую инициативу, энергию, распорядительность и знание дела, проявленные им при победоносном шествии доблестной Красной Армии на Восток, завершившемся взятием гор. Омска».

Сталин мог вспомнить их совместную работу на Южном и Западном фронтах. И победоносное наступление фронта в июле, и неудачу под Варшавой, в которой был повинен не один Тухачевский, — членом Военного совета Юго-Западного фронта был Сталин, задержавший, как мы знаем, выдвижение подкреплений.

Вот и сейчас, в полночь, у него назначена встреча с Ежовым — пусть доложит о следствии по делу Тухачевского.

И, слушая сообщение о ходе допросов военачальников М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича, А. И. Корка, Р. П. Эйдемана, Б. М. Фельдмана, В. М. Примакова, В. К. Путны, Сталин размышлял о самом молодом из всех пятерых Маршале Советского Союза. С одной стороны, он всегда отдавал должное высокой профессиональной компетентности Тухачевского, его оригинальному стратегическому мышлению, несомненному таланту теоретика. А с другой — еще с гражданской войны сохранял где-то в душе недоверие к «буржуазным военспецам», недолюбливал маршала за независимость и смелость суждений, знал о его довольно натянутых отношениях с Ворошиловым. Вспомнил генсек и записку Я. Гамарника на его, Сталина, имя, в которой начальник Главного политуправления РККА писал:

«Только сейчас, перед самым своим отъездом, получил копию письма тов. Тухачевского на Ваше имя о военных советах округов и поэтому не имею возможности подробно изложить соображения по поставленному им вопросу. Тов. Тухачевский, соглашаясь в записке с оставлением военных советов округов, предлагает вывести из их состава начпуокров...

Считаю предложение тов. Тухачевского абсолютно неправильным и вредным как для мирного, так и особенно для военного времени.

Я. Гамарник».

В тот момент Сталин поддержал Гамарника. В памяти всплыла еще более ранняя докладная записка Тухачевского, которую генсеку показал Ворошилов. В ней первый заместитель наркома обороны давал свои определения категорий военной науки: «глубокий маневр», «фронтальный удар», «обход фланга», «встречный бой» и другие. Сталин тогда молча выслушал несогласие Ворошилова с «теоретизированием» Тухачевского, которому нарком хотел ответить специальным письмом. В архиве оно сохранилось. Заканчивалось письмо такими словами наркома:

«Я советую Вам возможно скорее покончить с Вашими чрезмерными литературными увлечениями и все свои знания и энергию направить на практическую работу. Это принесет немедленную и ощутимую пользу тому делу, на которое мы с Вами партией поставлены...

С приветом К. Ворошилов».

Нарком обороны болезненно реагировал на теоретические изыскания Тухачевского, еще больше подчеркивающие низкую образованность его, Ворошилова, тяготевшего к старым, консервативным формам военного строительства.

Трудно было Тухачевскому рассчитывать, что Ворошилов оценит его по достоинству, легче предположить, что его незаметно переместят на другую, более низкую должность. Так и произошло: в мае 1937 года Тухачевского назначили командующим Приволжским военным округом, но там он пробыл две недели.

Сталин не мог не признавать, что по уровню интеллектуального развития, теоретической подготовки, свежести мышления Тухачевский значительно превосходил своего начальника, хотя ведь так часто бывает...

Трудно поверить полностью тому, что докладывает

Ежов, но ведь и Троцкий в своей «Преданной революции» опять же намекает на это. В одном из своих интервью в Осло этот «гражданин без визы» так и сказал: «В Красной Армии не все преданы Сталину. Там меня еще помнят». А Троцкий был лично хорошо знаком с Тухачевским... И Сталин все больше заставлял себя поверить в то, что «фашистский заговор» в РККА существует, что это — грозная реальность.

Во время очередного доклада Ежов сообщил: наконец «заговорщики сознались». Сталин имел, пожалуй, все основания вспомнить строки из 37-го Псалма Псалтири, за знание которого он когда-то получил высшую оценку: «И я сказал: да не восторжествуют надо мною [враги мои]». Именно его, а не народа!

Сталин приказал провести закрытый процесс максимально быстро, без задержек. «Всех расстрелять». На столе у него лежал открытый номер журнала «Большевик» со статьей М. Тухачевского «О новом Половом уставе РККА» — материал не успели «выбросить» из номера, так быстро развивались события.

В начале июня, до процесса, на Военном совете при нарком были заслушаны сообщения Ежова и Ворошилова о раскрытии контрреволюционной фашистской организации. В докладах говорилось, что заговорщики действуют давно и их деятельность тесно увязывалась с немецкими военными кругами. Утверждалось, что они готовили уничтожение руководителей партии и страны и с помощью фашистской Германии намеревались захватить власть. На заседаниях Военного совета были члены правительства, и о том, как они проходили, немедленно докладывалось Сталину. Судьба Тухачевского и его «однодельцев» была предрешена. Менее чем через две недели после ареста, 11 июня 1937 года, состоялся закрытый суд. В печати сообщение о передаче дела арестованных в суд появилось лишь в день процесса, а уже 12 июня, на следующий день, обнародовали приговор.

Суд был в высшей степени скорым и чудовищно неправым. Начался он в 9 часов утра и вскоре после обеда завершился вынесением приговора. За судебским столом сидели: председательствующий — все тот же армююрист Ульрих В. В., поднаторевший в этих делах, а также маршалы С. М. Буденный, В. К. Блюхер, командармы первого ранга Б. М. Шапошников и И. П. Белов, командармы второго ранга Я. И. Алкснис, П. Е. Дыбенко, Н. Д. Каширин и комдив Е. И. Горячев. Судили без защитников и права обжалования, как это и было предусмотрено законом от 1 декабря 1934 года.

Тухачевский, Якир, Уборевич, Путна, Примаков, Корк, Эйдеман, Фельдман сидели напротив своих боевых товарищей. Все хорошо знали друг друга. Едва ли кто из членов суда верил, что перед ними сидят «заговорщики и шпионы». Думаю, что и у Тухачевского и его сотоварищей могла где-то в душе шевельнуться надежда: ведь суд, состоящий из людей, с которыми они двадцать лет служили под одними знаменами, должен прислушаться не только к зову справедливости, но и к традициям боевого товарищества. Но этого не произошло...

Какие же доказательства существования «военно-

фашистского заговора» привел на суде Ульрих? Главным образом он опирался на контакты подсудимых с представителями вооруженных сил Германии. Как мы уже говорили, Тухачевский в 1926 году возглавлял советскую военную делегацию в Берлине; Якир учился на курсах Генерального штаба в Германии в 1929 году; Корк был там военным атташе. Многие встречались с представителями немецкого военного командования на дипломатических приемах, маневрах, в ходе различных переговоров, однако все, кроме Примакова, решительно отвергали какую-либо «шпионскую связь» с Германией. Например, Тухачевский говорил на суде: «Встречи, беседы с представителями немецкого командования носили только официальный характер. И все это имело место лишь до прихода Гитлера к власти».

Обвинения во «вредительстве» подсудимые частично признали, но не как умышленные деяния, а как недостатки, упущения в боевой подготовке, строительстве военных объектов. Одним из главных аргументов в поддержку версии «вредительства» была концепция Тухачевского о необходимости ускоренного формирования танковых и механизированных соединений за счет сокращения конницы. Здесь Ульриху активно помогал Буденный.

Поскольку обвиняемые не подтверждали данных на предварительном следствии показаний, председательствующий все время спрашивал: «Показания, данные вами в НКВД, вы подтверждаете?», вынуждая тем самым подсудимых идти по колее сфабрикованной до суда версии.

Как теперь установлено, по отношению ко всем этим видным советским военачальникам было применено в «полном объеме» физическое воздействие.

Наконец, еще один пункт обвинения гласил, что подсудимые якобы для успеха заговора намеревались устранить Ворошилова. Тухачевский, Корк, Путна, Уборевич говорили, что они вместе с Гамарником хотели поставить в правительство вопрос о смещении наркома, по их мнению, не справляющегося со своими обязанностями. Их откровенно высказанное желание было расценено судом как проявление «заговорщической деятельности». Но, по существу дела, подсудимые отвергли грязные домыслы о «шпионаже в пользу фашистской Германии и подготовке контрреволюционного переворота». В своем последнем слове Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич убежденно говорили о личной преданности Родине, народу, армий, особенно подчеркивали свою полную лояльность к «товарищу Сталину» и просили о снисхождении за возможные ошибки и промахи в работе.

Диссонансом на суде прозвучало последнее слово Примакова, который, по сути, полностью подтвердил официальное обвинение, заявив, что «всех заговорщиков объединило звание Троцкого, приверженность их фашизму». Далее он сказал, что назвал следствию более семидесяти человек, о которых он лично знает как о «входящих в военно-фашистский заговор». Мол, у «головки» заговорщиков есть «вторая родина»: у Путны, Уборевича, Эйдемана есть родственники в Литве; Якир имеет близких в Бессарабии; Эйдеман — в Америке. Примаков послушно говорил все то, что

ему поручили сказать следователи... Если остальные подсудимые были арестованы менее двух недель назад и еще сохранили силу духа, то Примаков, прославленный герой гражданской войны, удостоенный трех орденов Красного Знамени, находился в застенках уже более года. Его воля была окончательно сломлена, и бывший комкор отрешенно и бесстрастно произносил чудовищные вещи, подсказанные ему на следствии.

В то время в системе НКВД могли работать лишь следователи определенного склада: бессердечные циники и садисты, которым было неведомо такое понятие, как совесть. Генерал армии А. В. Горбатов, прошедший сталинские круги земного ада, вспоминал: «Я случайно узнал, что фамилия моего изверга-следователя — Столбунский. Не знаю, где он сейчас. Если жив, то я хотел бы, чтобы он мог прочитать эти строки и почувствовать мое презрение к нему. Думаю, впрочем, что он это и тогда хорошо знал... До сих пор в моих ушах звучит зловеще шипящий голос Столбунского, твердившего, когда меня, обессилевшего и окровавленного, уносили: «Подпишешь, подпишешь!» Выдержал я эту муку и во втором круге допросов. Но когда началась третья серия, как хотелось мне поскорее умереть!»

В «деле» Тухачевского особенно отличился следователь по особо важным делам Ушаков (он же Ушинский). В своих объяснениях, которые он дал Комиссии по реабилитации после XX съезда, Ушаков пишет: «Первым был арестован Фельдман. Он категорически отрицал какое-либо в каком-либо заговоре участие, тем более против Ворошилова... Я взял личное дело Фельдмана и в результате его изучения пришел к выводу, что Фельдман связан личной дружбой с Тухачевским, Якиром и рядом других крупных командиров... Вызвал Фельдмана в кабинет, заперся с ним, и к вечеру 19 мая он написал заявление о заговоре с участием Тухачевского, Якира, Эйдемана и других... Затем мне дали допрашивать Тухачевского, который уже на следующий день сознался. Я, почти не ложась спать, вытаскивал от них побольше фактов, побольше заговорщиков... Даже в день процесса, рано утром, я отобрал от Тухачевского дополнительные «показания» об участии в заговоре Апанасенко и других».

В одном из допросов Тухачевского участвовал «сам» Вышинский, который заставил его подписаться под словами: «Признаю, что виновен. Жалоб не имею». Но «жалобы», прошения о помиловании были написаны в адрес Сталина, Молотова, Ворошилова почти всеми.

Сотоварищи Тухачевского также прошли «энергичную» обработку: запугивание, обещания, угрозы семьям, неограниченное насилие. Во время следствия обвиняемым внушали: только признание сохранит им жизнь...

Ульрих с Ежовым перед объявлением приговора побывали у Сталина. Доложили о ходе процесса и поведении обвиняемых. Ульрих угодливо положил на стол проект приговора. Сталин не стал смотреть его, а лишь бросил: «Согласен». Помолчав, спросил:

— Что говорил в последнем слове Тухачевский?

— Говорил, гад, что, предан Родине и товарищу Сталину. Просил о снисхождении, — быстро ответил Ежов. — Но было видно сразу, что хитрит, не разоружился...

— А как суд? Как вели себя члены присутствия?

— Активно вел себя лишь Буденный... Члены суда в основном молчали. По одному-два вопроса задали Алкснис, Блюхер да, кажется, Белов...

Сталину с самого начала состав суда показался подозрительным, и он тут же распорядился «посмотреть» на этих людей внимательно. Кроме Буденного и Шапошникова, все вскоре будут арестованы, а командарма 2-го ранга И. Д. Каширина (как и двух его братьев) возьмут буквально через несколько дней...

На высказанные в последнем слове обвиняемых просьбы о пощаде реакции Сталина не последовало — он не любил, по его словам, «миндальничать». Ночью 12-го все были расстреляны. Примаков — тоже, хотя ему за оговор обещали сохранить жизнь.

В день суда над Тухачевским и его «однодельцами» нарком обороны К. Е. Ворошилов издал приказ, в котором сообщалось, что с 1-го по 4-е июня с участием членов правительства состоялся Военный совет при наркоме (через полгода его уже будет невозможно собрать — почти все члены совета будут репрессированы), который признал разоблачение «подлой контрреволюционной военно-фашистской организации». Журнал «Большевик» в 12-м номере — уже 15 июня! (прошайки больше не было допущено) — в передовой статье «Шпионам и изменникам Родины нет и не будет пощады» писал: «Мечом пролетарской диктатуры разгромлена еще одна банда предателей и врагов. Тухачевскому и К°, притаившимся в рядах нашей славной Красной Армии, не помогли ни глубокая законспирированность их преступной деятельности, ни весь опыт маскировки разведчиков... Их конечной целью было, как отмечается в приказе наркома обороны СССР маршала Советского Союза тов. Ворошилова, «ликвидировать во что бы то ни стало и какими угодно средствами Советский строй в нашей стране, уничтожить в ней Советскую власть, свергнуть рабоче-крестьянское правительство и восстановить в СССР ярмо помещиков и фабрикантов... Тухачевский и К° собирались в нашей великой стране сыграть ту же роль, какую играет Франко, презренный враг испанского народа».

Но на этом трагедия расправы над военными кадрами не закончилась, а только начиналась. Вовсю «работали» люди типа Мехлиса. Каждый их звонок, телеграмма, донесение отзывались болью, жертвами, наветами. Вот, например, две телеграммы Мехлиса, которые мы извлечем из тех трагических лет:

«Москва НКО Щаденко,
ПУРККА Кузнецову.

Нацштаба Лукин крайне сомнительный человек, путавшийся с врагами, связанный с Якиром. У бригады Федорова должно быть достаточно о нем материалов. В моей записке об Антонюке немало внимания уделено Лукину. Не ошибетесь, если уберете немедленно Лукина.

27 июля. Мехлис.

«Товарищу Сталину.

Уволил двести пятнадцать политработников, значительная часть из них арестована. Но очистка политпарбата, в особенности низовых звеньев, мною далеко не закончена. Думаю, что уехать из Хабаровска, не разобравшись хотя бы вчерне с комсоставом, мне нельзя...

28 июля. Мехлис».

От всех этих разбирательств «вчерне» еще чернее предстает картина террора в армейской среде. Мехлис и подобные ему с одобрения Сталина «ковали» поражения сорок первого года, которые обернутся для Отечества новыми миллионными жертвами. Списки командиров и политработников, сложивших головы не на поле брани за свободу нашей Родины, а погибших в ходе репрессий, когда их читаешь, выглядят как чудовищно страшный некролог, безумно горестный и нескончаемый.

После гибели Тухачевского сразу же был расстрелян комбриг Медведев, который, будучи сломленным, дал нужные показания на молодого маршала. Ежов, как и Ягода до него, стал замечать следы. Вскоре пало и большинство членов Специального присутствия, судивших группу Тухачевского: маршал Блюхер, командармы Каширин, Алкснис, Белов, Дыбенко. Мы располагаем письмом П. Дыбенко, которое тот успел послать Сталину из Ленинграда перед арестом. Вот что он писал генсеку:

«Дорогой тов. Сталин!

Решением Политбюро и Правительства я как бы являюсь врагом нашей Родины и партии. Я живой, изолированный в политическом отношении, труп. Но почему, за что? Разве я знал, что эти американцы, прибывшие в Среднюю Азию с официальным правительственным заданием, с официальными представителями НКВД и ОГПУ, являются специальными разведчиками? В пути до Самарканда я не был ни одной секунды наедине с американцами. Ведь я американским языком не владею...

О провокаторском заявлении Керенского и помещенной в белогвардейской прессе заметке о том, что я якобы являюсь немецким агентом. Так неужели через 20 лет честной, преданной Родине и партии работы белогвардеец Керенский своим провокаторством мог отомстить мне? Это же ведь просто чудовищно.

Две записки, имеющиеся у тов. Ежова, написанные служащими гостиницы «Националь», содержат известную долю правды, которая заключается в том, что я иногда, когда приходили знакомые ко мне в гостиницу, позволял вместе с ними выпить. Но никаких пьянок не было.

Я якобы выбирал номера рядом с представителями посольства? Это одна и та же плеяда чудовищных провокаций...

У меня были кулацкие настроения в отношении колхозного строительства? Эту чушь могут рассеять гг. Горкин, Юсупов и Евдокимов, с которыми я работал на протяжении последних 9 лет...

Тов. Сталин, я умоляю Вас дорасследовать целый ряд фактов дополнительно и снять с меня позорное пятно, которого я не заслуживаю.

П. Дыбенко».

Через несколько дней после своего письма командарм П. Дыбенко, член партии с 1912 года, бывший в октябрьские дни Председателем Центробалта, был арестован, «судим» и расстрелян. Едва ли его следователи (тогда удерживались в обойме механизма насилия люди не только без совести, но и без памяти) знали, что перед ними легендарная личность. Когда казаки генерала Краснова готовились выступить из Гатчины на Петроград, именно революционный матрос Дыбенко смог их «распропагандировать» и повернуть против Временного правительства...

Сталин на письме Дыбенко лишь коротко написал: «Ворошилову». Ни у генсека, ни у наркома обороны не было желания заняться судьбой старого большевика, которого к тому же перед смертью заставили «судить» Маршала Советского Союза Тухачевского.

После гибели самого молодого из пяти маршалов на очереди были еще двое. Сталин, уверовав если не в наличие, то в возможность «военно-фашистского заговора» против него, стал размышлять: кто же в отсутствие Тухачевского мог его возглавить? Он прочитал направленное ему заместителем начальника Разведывательного управления РККА Александровским одно донесение, полученное из Германии, в котором немецкими официальными военными кругами давалась оценка деловым качествам советских армейских руководителей. Мнение Берлина о Тухачевском его уже не интересовало. О Блюхере там писали, что он, возможно, из «обрусевших немцев», самый влиятельный и авторитетный из советских военных; о Егорове немецкие штабисты сообщали, что маршал обладает «аналитическим умом», весьма «сильный военачальник». А Сталину едва ли такие были нужны — его, мы знаем, своей послушностью и ординарностью мышления больше устраивали Ворошилов и Буденный.

И опять он вспомнил Троцкого. Вскоре после того, когда по инициативе генсека 20 февраля 1932 года был принят Указ о лишении Троцкого и выехавших с ним лиц советского гражданства, изгнанник ответил открытым письмом Президиуму ВЦИКа. Троцкий, в частности, писал там: «Оппозиция переступит через Указ 20 февраля, как рабочий переступает лужу по пути на завод». Письмо заканчивалось призывом: «Отстранить Сталина!» Спустя некоторое время после этого публичного обращения Троцкий в одном из своих выступлений заявил: «Даже на самом верху, в том числе в военной верхушке, есть люди, недовольные Сталиным и поддерживающие мой призыв: «Отстранить Сталина!». Таких людей там должно быть немало».

Теперь, когда нет Тухачевского, мог размышлять Сталин, осталось четыре влиятельных военачальника. В Ворошилове он не сомневался — это человек, вся жизнь, карьера которого основаны на легендах, на прошлом и... на его, Сталина, личной благосклонности. Буденный... Ревностный служака, и только. Вот,

правда, Ежов докладывает, что жена Буденного имеет связи с какими-то иностранцами, пусть разбирается... Нет, эти не способны выступить против него. А вот Блюхер и Егоров, которых генсек тоже хорошо знал по гражданской войне, заметно изменились. И немцы в Берлине о них как-то особенно хорошо пишут, и Ворошилов был недоволен Егоровым, когда тот служил начальником Генштаба. Надо дать проверить Ежову письмо, которое пришло от одного коммуниста о Егорове. И Сталин еще раз внимательно перечитал его:

«В ЦК ВКП(б), тов. Сталину.

Целый ряд важнейших вопросов организации РККА и оперативно-стратегического использования наших Вооруженных Сил, по моему убеждению, решен ошибочно, а возможно, и вредительно. Это в первый период войны может повлечь за собою крупные неудачи и многочисленные лишние жертвы.

Я прошу, тов. Сталин, проверить деятельность маршала Егорова в бытность его начальником Генерального штаба РККА, т. к. он фактически несет ответственность за ошибки, допущенные в области подготовки оперативно-стратегического использования наших Вооруженных Сил и их организационной структуры.

Я политического прошлого и настоящего тов. Егорова не знаю, но его практическая деятельность, как начальника Генерального штаба, вызывает сомнения.

Член ВКП(б) с 1912 года
9 ноября 1937 года, Я. Жигур».

Написал это письмо Ян Матисович Жигур, комбриг, офицер кафедры Академии Генерального штаба РККА. Бывший поручик царской армии, он без колебаний принял революцию, активно участвовал в гражданской войне, дважды был ранен, награжден орденом Красного Знамени. Бесконечные призывы к бдительности, вакханалия беззакония, ставшая нормой жизни в те кошмарные годы, сбивали с дороги многих честных людей. Но донос, однако, не спас Жигура — в том же, 1937 году он будет арестован и расстрелян.

Сталин приказал Поскребышеву передать Ежову, чтобы тот обратил внимание на Егорова, старого фронтового товарища «вождя». Через пару месяцев Ежов «проверил» и «разобрался».

В узком кругу генсека, обсудив с Молотовым и Ворошиловым результаты «расследования», решили вывести Егорова из состава ЦК и передать дело в НКВД, тем более что выявился еще один «компрометирующий» фактор, связанный с его женой.

28 февраля — 2 марта путем опроса членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК было принято следующее постановление:

«О тов. Егорове.

Ввиду того, что, как показала очная ставка т. Егорова с арестованными заговорщиками Беловым, Грязновым, Гринько, Седакиным, т. Егоров оказался политически более запачканным, чем можно было бы думать до очной ставки, и принимая во внимание, что жена его, урожденная Цешковская, с которой т. Егоров

жил душа в душу, оказалась давнишней польской шпионкой, как это явствует из ее собственного показания, — ЦК ВКП(б) признает необходимым исключить т. Егорова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б).

И. Сталин».

И опять решение приняли единогласно. Разумеется, бланк генсека вновь остался «чистым». А ведь в гражданскую Сталин не раз вместе с А. И. Егоровым хлебал из одной крестьянской миски, укрывался одной солдатской шинелью. Но то все было так давно и теперь для «вождя» не имело ровно никакого значения.

Оставался еще один «подозрительный» маршал — Блюхер Василий Константинович, возможно, если быть объективным, самый прославленный военачальник довоенного периода. У него было пять (!) орденов Красного Знамени, один из которых под номером первым. Такое же положение было и с одним из его орденов Красной Звезды, которым Блюхера наградили сразу же после учреждения этой награды. Блюхер также оказался и в числе первых, кто был удостоен двух орденов Ленина.

Сталин отрицательно настроился против Блюхера еще в ходе известных событий на Дальнем Востоке, когда японские милитаристы захватили две советские высоты — Безымянную и Заозерную. Нарком тогда отдал приказ: уничтожить захватчиков! Однако с выполнением приказа произошла заминка — командующий не бросился очертя голову выполнять это распоряжение, а стал тщательно готовиться. Блюхера, командующего Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией, вызвали к прямому проводу для разговора со Сталиным. Диалог, как свидетельствуют архивы, был красноречивым и недолгим:

Сталин: Скажите-ка, Блюхер, почему приказ наркома обороны о бомбардировке авиацией всей нашей территории, занятой японцами, включая высоту Заозерную, не выполняется?

Блюхер: Докладываю. Авиация готова к вылету. Задерживается вылет по неблагоприятной метеорологической обстановке. Сию минуту Рычагову приказал, не считаясь ни с чем, поднять авиацию в воздух и атаковать... Авиация сейчас поднимается в воздух, но боюсь, что в этой бомбардировке мы, видимо, неизбежно заденем как свои части, так и корейские поселки.

Сталин: Скажите, товарищ Блюхер, честно: есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту; а если есть желание, я бы считал, что вам следовало бы выехать на место немедля.

Мне непонятна ваша боязнь задеть бомбежкой корейское население, а также боязнь, что авиация не сможет выполнить своего долга ввиду тумана. Кто это вам запретил в условиях военной стычки с японцами не задевать корейское население?.. Что значит какая-то облачность для большевистской авиации,

если она хочет действительно отстоять честь своей Родины! Жду ответа.

Блюхер: Авиации приказано подняться, и первая группа поднимется в воздух в одиннадцать двадцать — истребители. Рычагов обещает в 13 часов иметь авиацию атакующей. Я и Мазепов через полтора часа, а если Брендинский полетит раньше, вместе вылетим в Ворошилов. Ваши указания принимаем к исполнению и выполним их с большевистской точностью.

Мехлис, направленный Сталиным на Восток, подогревал руководство в Москве своими сообщениями, компрометирующими Блюхера. Не случайно через сутки Ворошилов, разговаривая по прямому проводу с Мазеповым и узнав, что Блюхер заболел, спросил:

Ворошилов: Товарищ Мазепов, болезнь маршала проходит без участия Бахуса, или же это имеет место?

Мазепов: Отвечаю, что на протяжении последних трёх дней у меня не сложилось оснований к тому, чтобы утверждать, что этот процесс болезни проходит с участием Бахуса. Было два случая во время обедов, когда он просил к столу коньяк и выпивал только две рюмки, большего не было. У меня все по существу этого вопроса...

Вскоре Сталин, недовольный действиями Блюхера, вызвал его в Москву. Разговаривать с ним генсек не пожелал. Какое-то время маршал был не у дел, а затем 22 октября 1938 года арестован. Ордер на арест подписан Ежовым, который сам через считанные недели окажется там, куда он бросал людей тысячами...

Блюхер был втянут в машину репрессий, когда она уже замедляла свои обороты. Ноябрьское постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) отметило наличие грубых нарушений законности, процедуры ведения следствия. Сталин и его окружение, вызвав волны репрессий, которые два года гуляли по стране, не могли не почувствовать, сколь разрушительным было их действие. Но в официальных докладах, выступлениях вся эта вакханалия выдавалась за «великую сталинскую победу над троцкистско-фашистскими заговорщиками и вредителями». Берия, который уже руководил следствием по делу Блюхера, проигнорировал постановление.

Прославленного маршала допрашивали несколько дней, требуя от него признания в том, что он входил в «военно-фашистский заговор». Блюхер держался исключительно мужественно и все полностью отрицал. Кто знает, может быть, когда его истязали, маршал вспоминал о своем участии в неправом суде над Тухачевским в качестве члена Специального присутствия Верховного суда СССР? Хотя участие Блюхера в суде выразилось в его молчании. Но он тоже тогда не пытался использовать свой шанс совести. А теперь сам в руках Берии, тогда еще сравнительно малоизвестного человека.

По свидетельству Б. А. Викторова, проводившего расследование и по этому делу, Блюхера видели в последний раз 5 и 6 ноября невероятно, до неузнаваемости избитым. Лицо его было сплошным кровавым

месивом, один глаз выбит. Очевидно, в канун великого праздника инквизиторы Берии хотели завершить свое черное дело. От нечеловеческих побоев 9 ноября 1938 года в бериевских застенках погиб еще один Маршал Советского Союза. Но не сломался и не подписал чудовищных небылиц.

Нож гильотины беззакония к тому времени унес тысячи видных военных деятелей и политработников. Среди них И. Н. Дубовой, Я. К. Берзин, М. Д. Великанов, Е. И. Ковтюх, И. Ф. Федько, И. С. Уншлихт, А. С. Булин, Г. А. Осепян, М. П. Амелин, многие, многие другие.

Передо мной несколько томов со списками репрессированных военачальников: звание, фамилия, должность, когда погиб, награды... Большинство командиров сравнительно молоды — это цвет офицерского корпуса, прошедшего, как правило, гражданскую войну. Чтобы глубже почувствовать вечную боль от сталинского безумия, произвольно откроем один из томов и напомним имена погибших, но не в борьбе с фашизмом, а по воле «вождя». Вот лишь две страницы из тома на букву «К»:

Комкор Калмыков Михаил Васильевич. Командир 20-го стрелкового корпуса. Награды: орден Ленина и два ордена Красного Знамени. Расстрелян в 1937 году.

Комбриг Карев Герман Степанович. Командир 135-й стрелковой пулеметной бригады. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комдив Кассин Григорий Иустинович. Командир 45-го стрелкового корпуса. Награжден тремя орденами Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1938 году.

Комбриг Кириченко Иван Григорьевич. Командир 23-й кавалерийской дивизии. Награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени. Осужден в 1937 году и расстрелян.

Комдив Княгиницкий Павел Ефимович. Комендант Киевского укрепрайона. Награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды. В 1937 году осужден и расстрелян.

Флагман II ранга Кожанов Иван Кузьмич. Командующий морскими силами Черного моря. (Так в тексте. — Д. В.). В 1937 году осужден и расстрелян.

Комкор Косогов Иван Дмитриевич. Командир 4-го казачьего корпуса. Награжден двумя орденами Красного Знамени. В 1937 году осужден и расстрелян.

Комдив Коханский Владимир Станиславович. Командир 5-го тяжелого бомбардировочного авиакорпуса. Награжден орденом Красного Знамени. В 1937 году осужден и расстрелян.

Дивизионный комиссар Краснов Евгений Васильевич. Зам. начальника управления по командному и начальствующему составу РККА. В 1937 году осужден и расстрелян.

Комкор Куйбышев Николай Владимирович. Командующий войсками Закавказского военного округа. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени. В 1938 году осужден и расстрелян.

Комкор Кутяков Иван Семенович. Заместитель командующего войсками ПРИВО. Награжден тремя орденами Красного Знамени. В 1937 году осужден и расстрелян.

Комдив Кучинский Дмитрий Александрович. Начальник Академии Генштаба. В 1937 году осужден и расстрелян.

Комдив Кутателадзе Георгий Николаевич. Командир 9-го стрелкового корпуса. В 1937 году осужден и расстрелян.

Комбриг Круг Иосиф Михайлович. Начальник отдела штаба БОВО. В 1937 году осужден и расстрелян.

Флагман первого ранга Киреев Георгий Петрович. Командующий Тихоокеанским флотом. Награжден орденом Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Командарм II ранга Корк Август Михайлович. Начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе. В 1937 г. осужден и расстрелян.

Корпусной комиссар Карин Федор Яковлевич. Начальник отдела разведывательного управления РККА. В 1937 году осужден и расстрелян.

Командарм II ранга Каширин Николай Дмитриевич. Начальник управления боевой подготовки штаба РККА. Награжден двумя орденами Красного Знамени. В 1937 году осужден и расстрелян.

Комбриг Кейрис Ромуальд Исидорович. Помощник командира 61-й стрелковой дивизии. В 1937 году осужден и расстрелян.

Комбриг Ключко Иван Гаврилович. Начальник военно-исторического отдела Генштаба. Награжден орденом Красного Знамени. Осужден в 1937 году и расстрелян.

Комдив Кожевников Александр Тимофеевич. Заместитель командующего войсками Уральского военного округа. Награжден двумя орденами Красного Знамени. В 1938 году осужден и расстрелян...

Нет сил продолжать этот горестный список всего на одну лишь букву алфавита, но идут и идут имена безвинно погибших: Калинин, Кальнин, Кальван, Кальпус, Кангелари, Капцевич, Карпов, Кармалюк... И не видно конца. Сколько трагически оборванных жизней!

Списки всех этих и многих тысяч других военных прошли через руки Сталина, Ворошилова, других руководителей. Какой же чудовищной бесчувственностью надо было обладать, чтобы верить в дикие, бредовые донесения и доклады!

Удар по Вооруженным Силам был нанесен жесточайший: вряд ли могли предполагать гитлеровские спецслужбы, белогвардейцы-эмигранты, что их провокационные зерна попадут на столь благодатную почву подозрительности, недоверия и жестокости. Были уничтожены практически все заместители наркома обороны, большинство членов Военного совета при наркоме, почти все командующие округов и командармы. Согласно имеющимся у нас данным и произведенным подсчетам можно заключить, что в 1938—1939 годах погибло до 55 процентов командного и политического состава армии и флота от командира

полка и выше. В Великую Отечественную войну наша армия потеряла (убитыми, умершими от ран, пленными, пропавшими без вести, репрессированными) около четырехсот генералов. Сталин и его машина террора выкосили куда больше командиров, политработников, которых можно было бы по положению приравнять к генеральским должностям... А всего было репрессировано около 43 тысяч человек командного состава. При таких потерях в любой войне армия резко теряет боеспособность. Командарма, например, нельзя подготовить, как командира взвода, на ускоренных курсах за шесть месяцев — для этого требуются долгие годы службы и учебы. А база выдвижения была «прорежена» до предела. В преддверии большой войны Сталин и его окружение создали объективные предпосылки для ее крайне тяжелого начала; невинные жертвы «военного побоища» 1937—1938 годов откликнутся еще большими потерями на фронтах Великой Отечественной войны.

В конце ноября 1938 года состоялся Военный совет при наркоме обороны. В своем докладе Ворошилов привел страшные цифры:

«В 1937—1938 годах мы «вычистили» из Красной Армии около четырех десятков тысяч человек. Только в 1938 году выдвинуто и перемещено в должностях более 100 тысяч человек! В руководстве армией произошли огромные изменения». Из нескольких десятков членов Военного совета при наркоме осталось только 10 человек прежнего состава. Нетрудно представить себе, что творилось в округах!

В своем донесении в Москву в марте 1938 года командующий войсками Киевского округа С. К. Тимошенко и член Военного совета Н. С. Хрушев сообщили, как о большом успехе: «вычищено врагов» из войск округа за год 2922 человека, из них арестовано 1066 командиров, «обновлены» практически все командиры корпусов и дивизий, в результате «ликвидации троцкистско-бухаринских элементов» мощь войск округа возросла.

Неужели люди не видели грядущих последствий этого безумия? Многие видели, но не говорили об этом вслух. Правда, не все молчали: и в то жестокое время были люди, пытавшиеся использовать свой шанс совести. Передо мной, в архивном деле, лежит письмо полковника С. П. Колосова наркому обороны К. Е. Ворошилову. В нем, в частности, говорится:

«Встречаются два командира в трамвае: ну как дела? У нас — «Мамаево побоище»; арестовали того-то, того-то и т. д. Я теперь боюсь слово сказать, говорю другой. Скажи — ошибись, сейчас окажешься врагом народа. Трусость стала нормальным явлением...

Узнайте цифру, сколько Вы уволили из РККА за 1937 год, и Вы узнаете горькую правду.

Меня Вы можете назвать паникером-троцкистом — врагом народа и т. д. Я не враг, но считаю, что так мы можем дойти до ручки...

5 декабря 1937 года

Колосов».

Нам, к сожалению, неизвестна дальнейшая судьба С. П. Колосова, но с очень большой долей вероятности можно ее предсказать.

Обращаясь к этим горестным страницам нашей истории, вновь и вновь задаешься вопросом: как могла возникнуть и существовать такая атмосфера жестокости, полного игнорирования права, исключительной подозрительности, развязавшая руки многим подлецам?! Неужели все происшедшее свидетельствует о какой-то особой «силе» Сталина, возглавившего этот погром кадров? И как издевательски звучат сегодня слова генсека о том, что «человек дороже любой машины».

В самом деле, в чем проявилась «сила» Сталина? Ведь это он прежде всего вызвал социальный катаклизм, пожалуй, самый болезненный и трагический в нашей истории. Размышляя над этим вопросом, постепенно приходишь к выводу, что «сила» Сталина заключалась не в нем самом, его интеллекте, воле, злой целеустремленности и беспощадности, а «сила» эта в создании и использовании им послушного государственного и партийного аппарата, без которого он — никто. С помощью этой машины ему постепенно удалось сформировать такую систему отношений в обществе, когда его слово, директива, приказ, распоряжение могли вызвать цепную реакцию действий тысяч, а то и миллионов людей, принимающих эти сигналы на веру.

Добившись полного единовластия, Сталин понимал, что сохранение такого положения требует дальнейшего совершенствования аппарата: партийного, государственного и, как тогда говорили, карательного. С его помощью Сталин мог манипулировать общественным сознанием, проводить экономические, политические и культурные кампании, кроить ткань истории, закладывать основы «нового» мирозерцания, в центре которого должен быть он и его идеи, ставить цели, которые воспринимались как божественное откровение. И у него не возникало сомнения в том, что аппарат вытеснял из системы народ. Такое деформированное видение окружающего мира не просто обедняло социалистические идеалы, а объективно ослабляло их привлекательность и сеяло в конце концов сомнения в их истинности.

Укрепление храма личного культа в представлении Сталина не противоречило идеалам социализма. Он, похоже, полагал, что имеет право так трактовать эти высокие идеалы. Ну как тут не вспомнить Маркса и Энгельса, которые, критикуя содержание теории Карлейля о правах гениев и вождей на господство, проницательно заметили, что «новая эра», в которой господствует гений, отличается от старой эры главным образом тем, что плоть воображает себя гениальной. Сталин без плоти обходиться не мог. Но уже так много людей было засечено этой «плетью» на смерть, что требовалось сменить исполнителя.

СТАЛИНСКИЙ МОНСТР

Апогей насилия приходится на начало тридцать восьмого года. Сталину все чаще докладывали о катастрофическом положении с кадрами на том или ином заводе, железной дороге, в наркомате. Аресты вели к

«выявлению» новых «соучастников»; возможность выдвижения открывала дорогу карьеристам; поступали все новые и новые доносы, которые порой носили характер мести за репрессии против родственников, близких... Ситуация начинала все более выходить из-под контроля. Сталин уже где-то летом тридцать восьмого года изготавился осуществить по своему излюбленному сценарию одно дело — сменить исполнителей и возложить на них ответственность за «перегибы», «злоупотребления», «превышение власти».

Когда Сталин присмотрелся ближе к Ежову, кандидату в члены Политбюро, то оказалось, что это полное интеллектуальное и моральное ничтожество. Но к тому времени печать уже создала вокруг Ежова ореол «талантливого чекиста», «вернейшего ученика Сталина», «человека, который видит людей насквозь». Даже известный публицист Михаил Кольцов характеризовал в «Правде» этого чудовищного морального карлика как «чудесного несгибаемого большевика Ежова, который, дни и ночи не вставая из-за стола, стремительно распутывает и режет нити фашистского заговора».

Сталин весьма скоро выяснил с брезгливостью, что Ежов, человек, полностью лишенный каких-либо политических и нравственных принципов, вдобавок ко всему еще и пьяница. Генсека не отталкивали предельный цинизм Ежова, его злобность и жестокость (часто нарком вел допросы сам) — таких людей Сталин знал немало, — но он терпеть не мог в своем окружении человека безвольного. А по его глубокому убеждению, алкоголизм — визитная карточка безволия.

Люди из его свиты, которых он особенно ценил, — Молотов, Каганович, Жданов, Ворошилов, Андреев, Хрущев, Поскребышев, Мехлис, — кроме полной преданности «вождю», обладали еще и немалой волей, чтобы эту верность выражать. В семье почти у каждого своего приближенного генсек арестовывал кого-нибудь из близких родственников. Да, именно он, Сталин, арестовывал, поскольку ни Ежов, ни Берия без его санкции на такой шаг не решились бы. Тот, кто попытался бы в такой ситуации защитить своих родных или близких (Калинин, Молотов, Каганович, Поскребышев и другие), немедленно показал бы отсутствие у себя политической воли. И все знали, что Сталин бы этого не потерпел.

Но теперь дело заключалось в другом — нужен был очередной «козел отпущения», и эта роль была уготована Сталиным кровожадному пигмею-алкоголику. Назначение Берия заместителем Ежова осуществлялось генсеком, как всегда, с дальним прицелом. Уже в сентябре — октябре 1938 года, хотя Ежов формально был еще на своем посту, Берия уже фактически управлял аппаратом НКВД. В октябре 1938 года несколько донесений-отчетов, рассмотренных Военной коллегией Верховного суда СССР и подписанных В. В. Ульрихом, уже были адресованы, правда, без указания должности, «комиссару государственной безопасности I ранга Берия». Ежов был освобожден от обязанностей наркома внутренних дел 7 декабря 1938 года. Еще раз, уже будучи наркомом водного

транспорта, он мелькнул рядом со Сталиным на траурном собрании, посвященном пятидесятилетию со дня смерти В. И. Ленина 22 января 1939 года, после чего буквально растворился. Известно, что Ежова расстреляли, но когда, где, каким было предъявленное ему обвинение, никто не знает до сих пор. Впрочем, вопросы «когда» и «где» можно в таких ситуациях и не задавать.

В конце года Берия с благословения Сталина полностью включился в «работу». Первым делом он предпринял чистку «ежовских кадров». Такие зловещие фигуры, как Фриновский, Заковский, Берман, творившие свои темные дела еще при Ягоде, были осуждены и расстреляны. На смену им пришли люди типа Меркулова и Кобулова, Гоглидзе и Цанавы, Рухадзе и Круглова, отличавшиеся особой преданностью новому патрону.

Почему Сталин остановил свой выбор на Лаврентии Павловиче Берии? Почему этот человек так быстро вошел в особое доверие к всевластному генеральному секретарю партии? Как могло случиться, что этот авантюрист за короткий срок достиг самых высоких ступеней власти: через несколько лет он станет членом Политбюро, первым заместителем Председателя Совета Министров, Маршалом Советского Союза, Героем Советского Союза?

Сталин впервые встретился с Берией где-то в 1929—1930 годах во время своего лечения в Цхалтубо. Берия, бывший тогда начальником ГПУ Закавказья, обеспечивал охрану генсека на курорте. Сталин несколько раз беседовал с этим человеком, весьма неприятным даже внешне, но способным мгновенно улавливать желание вождя.

В начале карьеры Берия умело использовал знакомство своей жены Нины Гегечкори (как и ее брата, известного революционера) с Г. Орджоникидзе. Но очень скоро Серго «раскусил» этого авантюриста и крайне неприязненно и настороженно относился потом к выдвиганию Берии. Серьезная оппозиция Берии была и в лице многих честных большевиков, хорошо знавших его. Так, например, известный сотрудник ВЧК — ОГПУ — НКВД Тите Илларионович Лордкипанидзе пытался раскрыть глаза в Москве на этого вурдалака. Дело, однако, кончилось тем, что Лордкипанидзе был освобожден по предложению Сталина с поста наркомвнудел Закавказья, а Берия в тридцать седьмом году устранил его. И вообще у Берии весь путь вверх устлан многочисленными жертвами.

На Сталина произвели сильное впечатление хватка Берии, его властность, решительность и отличное знание положения дел в закавказских республиках. Да, Сталину говорили (кажется, Л. Картвелишвили) о темном прошлом Берии: связь с мусаватистами, «дашнаками» в годы гражданской войны, подчеркивали чрезмерные карьеристские наклонности начальника ГПУ Закавказья. Но в определенных случаях Сталин считал такие факты биографии положительными — эти люди всегда были как бы на крючке. Вон Вышинский, бывший меньшевик, подписывал ордер на арест самого Ленина, а как сейчас старается! Или

Мехлис, тоже бывший меньшевик, — нет ныне более преданного ему, Сталину, человека.

На генсека произвел впечатление опубликованный в печати и изданный отдельной книжкой доклад Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», сделанный им в июле 1935 года. Там Берия «разоблачил» А. Енукидзе как фальсификатора истории, а главное, доказал особую, исключительную роль Сталина в революционном движении Закавказья. Конечно, «вождь» видел в докладе многочисленные натяжки, фактические неточности, отсебятину, но усердие автора в стремлении рельефнее отразить место Сталина в истории большевизации края ему положительно импонировало.

Именно генсек добился в октябре 1931 года перевода Берии на партийную работу (вторым секретарем Заккрайкома), и опять же по его предложению через несколько месяцев Берия стал первым секретарем. Правда, для этого пришлось переместить из Закавказья Картвелишвили, Орахелашвили, Яковлева, Давдариани, возражавших против предложенной Сталиным кандидатуры. За несколько лет, по мнению генсека, Берия навел в Закавказье «порядок». Сталину нравилось, что на Пленумах 1937—1938 годов все реплики Берии были удачными, в русле размышлений и выступлений самого генсека.

Сталин мог вспомнить (забывчивостью он никогда не страдал), как вел себя Берия на печально известном февральско-мартовском (1937 года) Пленуме ЦК.

— Как вы могли взять Варданяна, когда мы его из Закавказья вышибли?! — бросил выступавшему Евдокимову, секретарю Азово-Черноморской парторганизации, будущий наркомвнудел. — Почему вы выдвинули Асилова, ведь мы его исключили из партии?

Или вот еще одно его заявление:

— Выполняя указания товарища Сталина о работе с кадрами, мы разоблачили семь членов ЦК КП Грузии, двух членов Тбилисского горкома. В прошлом году мы арестовали тысячу пятьдесят троцкистов-зиновьевцев.

Волна репрессий еще только поднималась, чтобы потом захлестнуть всю страну, а Берия уже предвосхищал события.

И все же справедливости ради следует сказать, что тогда еще очень немногие знали о подлинных «возможностях» Берии. Его назначение люди прямо увязывали с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» — Берия стал наркомом внутренних дел спустя несколько недель после принятия этого документа.

После XVIII съезда партии были реабилитированы некоторые невинно осужденные. Но по сравнению с общим количеством людей, брошенных в тюрьмы и расстрелянных, это была просто косметическая операция. Как бы ни перекладывали дело на Берию, признание массовых актов беззакония могло непременно бросить тень и на самого Сталина, а это было уже слишком — генсек не мог этого допустить.

Акты беззакония исправили прежде всего по отно-

шению к лицам, деятельность которых была связана с обороной. По указанию Сталина из тюрем и ссылки вернули некоторую часть командиров, которых не смогли полностью оклеветать и к которым у него осталось какое-то двойственное отношение, а также ряд ученых и конструкторов. Среди них следует назвать К. Рокоссовского, К. Мерецкова, А. Горбатова, И. Тюленева, С. Богданова, Г. Холостякова, А. Берга, А. Тушлева, Л. Ландау, В. Мясничева, Н. Поликарпова и некоторых других сыновей Отечества, игравших важную роль в его защите. Многим, как знаменитому конструктору С. П. Королеву, освобождения пришлось ждать неизмеримо дольше (он вышел на свободу лишь в 1944 году), основная же масса людей, те, кто выжил, вынесла все физические и нравственные муки ада, оказалась на воле только после тогда еще далекого XX съезда партии.

Хотя безумие, которое было в стране в тридцать седьмом — тридцать восьмом годах, в таких масштабах потом больше не повторилось, карательные органы никогда не сидели без «работы». Поставленные вне контроля партии и замыкавшиеся фактически лично на Сталине, они были достойным придатком, — нет, не культа! — а тирании личности. Все честные и достойные люди, хранившие традиции верности закону, из НКВД, как мы говорили, были удалены или уничтожены. По имеющимся у нас данным, в конце тридцатых годов погибло 23 тысячи коммунистов, работавших в органах НКВД и как-то пытавшихся затормозить раскручивание маховика насилия.

Порой люди, когда говорят о злоупотреблениях и преступлениях тех лет, акцентируют внимание только на личностях Ягоды, Ежова, Берии или Вышинского и Ульриха. Слов нет, эти выродки и законченные преступники явили собой крайнюю степень духовного и нравственного распада — по сути, это тип антилюдей. Здесь все ясно. Более существен вопрос: как такие люди могли занимать высокие посты в социалистическом государстве? И здесь надо сказать, что сталинская карательная система, будучи такой, какой она стала в конце тридцатых годов, всегда бы нашла «достойных» своих представителей. Отделение органов внутренних дел от народа, демократического контроля и подотчетности рано или поздно должно было превратить их в механизм тирании одного лица. Авторитарные методы руководства, опирающиеся на бюрократию, всегда чреватые закрытостью, отсутствием уважения закона и способностью использовать насилие в неправых целях. Беззаконие стало нормой жизни.

Пытались ли хотя бы отдельные коммунисты, проявляя высокое мужество и гражданственность, ставить эти вопросы перед генсеком? Все ли знал Сталин о таком авантюристе, каковым являлся Берия? Нам известны факты, когда такие попытки все же предпринимались. Но Сталину не надо было открывать глаза на преступления Ежова и Берии — он знал о них. Более того: генсек лично санкционировал самые злоешие деяния. Имеются данные, и мы их уже приводили, что Сталин вместе с Молотовым одобрил около четырехсот (!) списков лиц, «дела» которых должны были

рассматриваться только судами Военной коллегии. На них стоят лаконичные подписи Сталина и Молотова — «за». Списки — от десятка до нескольких сот человек! — одним росчерком сталинской руки превращались в некрологи обреченных.

Присвоив себе право распоряжаться судьбами и жизнями тысяч людей, Сталин и исполнители его воли покушались на гуманистические основы социализма, хотя на словах свои злодеяния они осуществляли именно во имя этих высоких ценностей. Здесь, я думаю, уместно вспомнить слова Ф. М. Достоевского, сказавшего однажды, что не для того же страдают люди, чтобы собой, страданиями своими унавожить кому-то будущую гармонию. Самые великие цели никогда не могут оправдать применение несправедливых средств.

Сформировавшись в условиях постоянной борьбы классовых страстей, бескомпромиссного мироощущения, Сталин на каком-то этапе своего становления как личности полностью утратил даже элементарные гуманистические качества, которые и раньше-то были у него крайне «дефицитными». Ему были чужды сострадание, милосердие, всякое понимание добра. Лексикон Сталина, его политический словарь переполнен словами типа: «бить», «разгром», «уничтожение», «искоренение», «пресечение». Они очень точно отражают глубокую нравственную ущербность его натуры. В силу этого люди, подобные Берии, способные абсолютно не ценить жизни других людей, не вызывали у него протеста, возмущения, неприятия.

Но вот когда самому Берии 23 декабря 1953 года был объявлен смертный приговор, члены Специального присутствия Верховного суда СССР, заседавшего в здании штаба Московского военного округа, могли воочию увидеть всю бездну ничтожества и никчемности этого человека, которому Сталин позволил преступно распоряжаться жизнями тысяч людей. Как рассказывал мне покойный маршал К. С. Москаленко, принимавший участие в аресте Берии и суде над ним, этот выродок стал на коленях извиваться в ногах своих судей. Однажды Ф. Энгельс пронзительно заметил: «Нельзя уйти от своей судьбы... от неизбежных последствий своих собственных действий».

Есть свидетельства (сейчас их, правда, трудно документально подтвердить), которые говорят о том, что у Берии незадолго до смерти Сталина созрели намерения узурпировать власть. Возможно, стареющий «вождь» сам это чувствовал, во всяком случае, в последние год-полтора жизни Сталина в их отношениях стало заметно похолодание. Об этом мне рассказывали многие люди, в то время тесно общавшиеся по работе со Сталиным. Особенно много интересного поведала мне Мария Семеновна Власик, жена генерал-лейтенанта Н. С. Власика, бывшего начальника Главного управления Министерства государственной безопасности.

Власик более четверти века был главным «охранником» Сталина, пользовался большим доверием вождя, многое знал. Берия его ненавидел, однако Сталин не давал трогать Власика. Но за год до смерти Сталина Берии все же удалось скомпрометировать Власика,

как и Поскребышева, и удалить их из сталинского окружения. При этом Власик был арестован и приговорен к десяти годам тюремного заключения и ссылки. Выйдя на свободу уже после смерти «вождя», абсолютно убежденный, он утверждал в разговорах, что Берия «помог» умереть Сталину. Ведь именно он в последний год убрал врачей, наблюдавших за здоровьем Сталина, устранил его, Власика, и Поскребышева, а также еще нескольких лиц из обслуживающего персонала. Незадолго до своей смерти Власик надиктовал Марии Семеновне тоненькую тетрадку воспоминаний, где, судя по тексту, это предположение, а затем просто уверенность бывшего начальника сталинской охраны занимают едва ли не центральное место.

Как бы то ни было на самом деле — умер диктатор своей смертью или «с помощью» Берии, — становится страшно: что же могло произойти с нашим Отечеством, если бы чудовищные планы этого монстра были реализованы! Ведь тогдашняя система абсолютно не исключала смену одного диктатора другим. То, что невозможно в условиях демократии, существовавшей тогда лишь на бумаге, превращается в грозную реальность в обстановке тоталитарности. У руководства партии и государства наконец достало мужества и проницательности, чтобы обезвредить чудовище. Думаю, кстати, немаловажным фактором для подобной решимости явилось понимание того, что Берия не преминет расправиться с большинством из руководителей, — близкие отношения у несостоявшегося диктатора были лишь с Маленковым.

Процесс над Берией, по словам маршала Москаленко, проходил в кабинете члена Военного совета Московского военного округа, но высшее партийное руководство в Кремле, куда была проложена специальная телефонная связь, внимательно следило за его развитием. Г. М. Маленкову, Н. С. Хрущеву, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Н. А. Булганину, Л. М. Кагановичу, А. И. Микояну, Н. М. Швернику, другим руководителям, также вполне ответственным за годы беззакония, предоставилась хорошая возможность заглянуть на самое дно бездны злодеяний, которые творил с помощью этого выродка Сталин.

Мы уже говорили о попытках людей предотвратить бериевщину. Но все было напрасно. Сохранились документальные свидетельства о том, что те люди исчезали быстро и навсегда: Берия не случайность, он устраивал Сталина. На одном из Пленумов ЦК в 1937 году (а их, повторяем, состоялось в том году несколько) нарком здравоохранения Каминский попытался сказать о подлинном лице Берии. Однако, едва Пленум закончился, Каминский был арестован и вскоре погиб. Старый коммунист Кедров также хотел сообщить Сталину о преступной деятельности злодея — результат был тот же самый. Приговор старому большевику сфабриковали уже после его расстрела и оформили задним числом.

Человек, который по роду своей деятельности должен быть в высшей степени предан Закону и только Закону, олицетворял собой абсолютное беззаконие и произвол. И ответствен за это прежде всего Сталин. Берия был идейно бесполым, для него не существо-

вало ничего святого — он боготворил только насилие.

Человек, носивший крошечное пенсне, с опущенными уголками рта, что придавало лицу капризное выражение, был леденяще холоден. Его глаза, как у ящера, почти никогда не мигали. Будучи садистом, Берия часто вел допросы лично, которые часто заканчивались трагически. Этот монстр совмещал свои преступные наклонности с меломанством. Рассказывают, что у него была уникальная коллекция пластинок классической музыки, и когда он слушал прелюдию Рахманинова, мог плакать. Истории тоже известны подобные парадоксы, которые лишь полнее высвечивают абсолютную пустоту души.

Генсек, хотя бы на словах ценящий аскетизм и пуританство, не мог не знать, что Берия был к тому же самым гнусным развратником. Он представлял собой тип людей, которым просто неведомы даже азы нравственности. Полковник Надорая, начальник его личной охраны, и адъютант, полковник Саркисов, «поставляли» Берии понравившихся ему женщин. Малейшее сопротивление его очередной жертвы влекло самые трагические последствия и для нее самой, и для ее близких. Преступник, политический авантюрист и нравственный подонок в одном лице, Берия навсегда останется личностным обвинением Сталину, допустившему его возвышение.

Немало подробностей о Берии я узнал от Е. П. Питовранова, работавшего в НКВД с тридцатых годов и ставшего после войны начальником управления и заместителем наркома. Кстати, сам он уцелел лишь потому, что оказался в тюрьме за «мягкость» по отношению к «врагам народа». По его словам, Берия был не только абсолютно безнравствен, но и глубоко аполитичен. «Думаю, — говорил мне Питовранов, — Берия ничего не понимал в марксизме, совсем не знал ленинских работ. Политика для него имела смысл лишь в связи с его собственными целями. И только власть, власть, власть над людьми! Трудно понять, почему Берия, о котором Сталин очень многое знал, так долго держался на поверхности. Обычно генсек взваливал на таких людей ответственность за все свои провалы и беспощадно их убирал, а Берия держался». Видимо, дело все же в том, что люди такого типа были близки Сталину своей готовностью выполнить любое его указание. И, надо сказать, Сталин давал Берии самые щекотливые поручения. Так, Троцкий, непримиримый личный враг «вождя», в конце концов был физически устранен во время «операции», утвержденной Берией.

Отсутствие каких-либо моральных принципов у этого монстра вскоре стало известно всему окружению Сталина, и не было человека, который бы откровенно не боялся Берии. Особое отношение Сталина к нему Берия порой демонстративно подчеркивал, перебрасываясь с «вождем» в присутствии членов Политбюро несколькими фразами на грузинском языке. В эти минуты все подавленно замолкало, и можно представить себе, что тогда думал каждый: а вдруг речь идет о нем?

Во время войны Сталин давал Берии задания, которые были в основном связаны с работой заключен-

ных в тылу: в предельно короткие сроки восстановить мосты, проложить железнодорожные ветки, открыть новые рудники. Так что «боевые действия» Берия в Великой Отечественной войне фактически ограничиваются двумя его поездками в качестве члена ГКО на Кавказ — в августе 1942-го и в марте следующего года. Архивы свидетельствуют: и здесь он от имени Сталина нагонял страх на военных работников, снимал неугодных ему людей, расстреливал. Сопровождали его в тех поездках Кобулов, Момулов, Мильштейн, Пияшев, Цанава, Рухадзе, Владзимирский, Каранадзе, Какучья, его собственный сын. Досталось Тюленеву, Сергацкову, Петрову, другим военачальникам. Каждый из них, выходило, имел не только противника перед собой, на поле боя, но и коварного заплечных дел мастера в тылу. Телеграммы наркома внутренних дел Сталину, как правило, играли решающую роль при назначениях. 1 сентября 1942 года Берия, например, докладывал генсеку:

«Командующим Закавказским фронтом считаю целесообразным назначить Тюленева, который, при всех недостатках, более отвечает этому назначению, чем Буденный. Надо отметить, что в связи с его отступлениями авторитет Буденного на Кавказе значительно пал, не говоря уже о том, что вследствие своей малограмотности безусловно провалит дело...

Берия».

В трудную минуту, как докладывал Тюленев в Москву, он обратился к Берия за разрешением использовать большой контингент внутренних войск, дислоцированных на Кавказе. «Берия согласился выделить лишь малую часть, — писал Тюленев, — и то по указанию Сталина».

Своей бурной деятельностью Берия создавал в штабах обстановку нервозности, подозрительности и взаимных доносов. Так, генерал Д. Козлов был вынужден обратиться к Сталину с жалобой на начальника особого отдела Рухадзе, который с ведома Берии пытался оказывать давление на руководство фронта при принятии оперативных решений. Но все эти слабые протесты игнорировались в Москве. Само присутствие монстра буквально парализовывало творческую мысль военачальников — никто не хотел оказаться его очередной жертвой. Когда Берия со своей длинной свитой уезжал, тут же спадало напряжение: за спиной не чувствовалось смертельное дыхание палача.

«Ленинградское дело», «мингрельское», «дело врачей», другие подобные акции — прямое проявление преступного «творчества» Берии. Он был могущественным человеком не только потому, что стал у пульта карательной машины, но и потому, что в его распоряжении была вся система ГУЛага. Когда американцы взорвали свои бомбы над Хиросимой и Нагасаки, Сталин приказал форсировать отечественные работы в этой области. Общее руководство было возложено на Берия. Его подручные, В. Н. Меркулов, В. Г. Деканозов, Б. З. Кобулов, С. А. Гоглидзе, П. Я. Мешик, Л. Е. Владзимирский, были послушными исполнителями злой воли. Это их усилиями, всячески одобренными Сталиным, получили «права гражданства» науч-

ные, инженерно-технические лаборатории в лагерях для заключенных. Мощь интеллекта многих выдающихся людей, закованных в прямоугольники «зон», напряженно искала жизненно важные решения, необходимые для того, чтобы в кратчайшие сроки ответить на грозные вызовы современности. Конечно, то, что советская атомная бомба была создана в кратчайшие сроки, вовсе не заслуга Берии — свободный разум в условиях нормального научного созидания справился бы с этой проблемой наверняка быстрее. Но Берия верил только во всемогущество насилия.

А старый большевик Кедров верил в справедливость. Приведу выдержки из его письма, адресованного Центральному Комитету партии:

«Я обращаюсь к вам за помощью из мрачной камеры лефортовской тюрьмы. Пусть этот крик отчаяния достигнет вашего слуха; не оставайтесь глухи к этому зову; возьмите меня под свою защиту; прошу вас, помогите прекратить кошмар этих допросов и покажите, что все это было ошибкой.

Я страдаю безо всякой вины. Пожалуйста, поверьте мне. Время докажет истину. Я — не агент-provocateur царской охраны; я — не шпион; я — не член антисоветской организации, как меня обвиняют на основании доносов. Я невиновен и в других преступлениях перед партией и правительством. Я — старый не запятанный ничем большевик. Почти сорок лет я честно боролся в рядах партии за благо и процветание страны...

Мои мучения дошли до предела. Мое здоровье сломлено, мои силы и энергия тают, конец приближается. Умереть в советской тюрьме заклеянным как низкий изменник Родины — что может быть более чудовищным для честного человека. Как страшно все это! Беспредельная боль и горечь переполняют мое сердце! Нет! Нет! Этого не будет! Этого не может быть — восклицаю я. Ни партия, ни Советское правительство, ни народный комиссар Л. П. Берия не допустят этой жестокой и непоправимой несправедливости. Я твердо убежден, что при наличии спокойного объективного разбирательства моего дела, без грубой брани, без гневных окриков и без страшных пыток — было бы легко доказать необоснованность всех этих обвинений. Я глубоко верю, что истина и правосудие восторжествуют. Я верю. Я верю».

В ответ на это письмо Берия приказал немедленно расстрелять Кедрова. Без суда. Но старый большевик оказался прав: истина, горькая правда победила.

ВИНА БЕЗ ПРОЩЕНИЯ

Пройдут годы, пока люди, узнав все без прикрас, недомолвок и недосказанностей, смогут хотя бы чуть-чуть спокойнее перелистывать кровоточащие страницы былого, на которых, надеюсь, с полной определенностью будет сказано, что главный виновник происшедшего — Сталин и созданная им бюрократическая система во всех ее проявлениях. Что бы ни сделал Сталин для укрепления государства, для

разгрома фашистской агрессии, вина в происшедшем в конце тридцатых годов безмерна, и за это ему никогда не будет прощения. А это только часть всей вины.

В 1937—1938 годах Сталин публично — ни устно, ни печатно — не выражал своего курса на ужесточение репрессий. Даже его выступление на февральско-мартовском (1937 года) Пленуме ЦК, позже опубликованное «Правдой» в сокращенном виде, больше сводилось к призывам о бдительности, недопустимости беспечности, опасности троцкизма, хотя зловещие ноты здесь чувствуются за каждой фразой. Но в действительности именно он управлял всей огромной машиной насилия. В сборнике «О подрывной деятельности фашистских разведок, троцкистско-бухаринской банды в СССР и задачах борьбы с ними», выпущенном рядом издательств, изложен доклад Сталина на Пленуме, доклад В. М. Молотова, напечатаны статьи Н. Рубина, Я. Сереброва, А. Хамадана, С. Урамова, А. Вышинского, передовицы из «Правды». Подобные публикации буквально нагнетали психоз шпиономании и вредительства, поощряли доноительство, создавали гнетущую обстановку надвигающейся беды. Сталин как будто стоял в «стороне», за кулисами. Но, находясь там, он не просто наблюдал, он умело дирижировал этим трагическим действием. Он не раз приглашал к себе в кабинет Ежова, Вышинского, Ульриха, обсуждал с ними ход следствия, сам процесс и приговор, особенно когда это касалось известных всем людей. Иногда от имени генсека передавал распоряжения Поскребышев. Во многих документах по «делам» арестованных и борьбе с «врагами народа» сохранились следы личной правки Сталина. Так, например, по докладу Ежова, сделанному на февральско-мартовском Пленуме ЦК, была принята специальная резолюция, некоторые пункты которой о «недостатках» были по предложению генсека уточнены в его редакции:

«б) Отмечается плохая постановка следственной работы. Следствие часто находится в зависимости от преступника (!) и его доброй воли дать исчерпывающие показания или нет...

г) Создан нетерпимый режим для врагов Советской власти. Их размещение часто более походит на принудительные дома отдыха, чем тюрьмы (пишут письма, получают посылки и т. д.)».

Далее предписывалось немедленно устранить эти «недостатки» в отношении «врагов». Нетрудно представить себе, как наводился «порядок», к которому призывал Сталин!

Даже после ноябрьского постановления 1938 года, когда кровавая вакханалия стала постепенно затихать, Сталин требовал «завершить незакрытые дела». Вместо того чтобы спокойно разобраться и освободить невинно арестованных — извиниться перед ними! — затухающие волны кампании смывали в небытие все новых и новых людей.

Вот одно из последних крупных донесений того периода:

«В ЦК ВКП(б)

товарищу Сталину И. В.

С 21 февраля по 14 марта 1939 года Военной коллегией Верховного суда СССР в закрытых судебных заседаниях в Москве были рассмотрены дела в отношении 436 человек. Осужденных к расстрелу — 413. Приговоры на основании Закона от 1 декабря 1934 года приведены в исполнение.

На судебном заседании Военной коллегии полностью признали себя виновными Косиор С. В., Чубарь В. Я., Постышев П. П., Косарев А. В., Вершков П. А., Егоров А. И., Федько И. Ф., Хаханьян Л. М., Бакулин А. В., Берман Б. Д., Берман Н. Д., Гилинский А. Л., Гей К. В., Смирнов П. А. (бывший нарком Военно-Морского Флота.— Д. В.), Смирнов М. П. (бывший нарком торговли.— Д. В.) и другие.

Некоторые подсудимые на суде от своих показаний, данных на предварительном следствии, отказались, но были полностью изобличены другими материалами дела...

Председатель Военной коллегии
Верховного суда Союза ССР

16 марта 1939 года

армвоенюрист В. Ульрих».

Кстати, в списке указан А. И. Егоров как «сознавшийся» и «осужденный». Это еще одна фальсификация — он не «сознался» и погиб во время следствия.

Как всегда, ничто не дрогнуло у Сталина, и, как всегда, короткая жестокая фраза Поскребышева: «Сталину доложено». Очень многие люди писали из застенков письма Сталину, но лишь единичные письма доходили до него. Реакция же генсека была всегда однозначная — не было случая, не встречал я такого, когда бы Сталин вмешался, заставил разобраться, спас человека.

После решения (опросом) членов ЦК в июле 1938 года был выведен из кандидатов в члены Политбюро В. Я. Чубарь, куда он был избран на XV съезде партии. Чубарь написал Сталину большую толковую записку о мерах по улучшению военно-оборонной промышленности. Генсек внимательно прочитал ее, отметил про себя дельный характер выводов и предложений, но ему не понравилась концовка письма:

«Все эти соображения я готовился доложить, но дело опять сорвалось и опять не по моей вине. Очень обидно и тяжело сознавать, что из-за потока клеветы и происков врагов народа мне приходится выбывать из упряжки, но где бы ни пришлось мне работать по вашему решению, везде и всегда буду честно и добросовестно бороться за наше общее дело, за процветание СССР и за коммунизм.

16 июля 1938 г. В. Чубарь».

«Хитрит», — по-видимому, подумал Сталин и велел переслать письмо Ежову. Сталина невозможно было разжалобить». Узнав из доклада Ульриха о казни Чубаря и других осужденных, генсек никак не отреагировал на это и, отложив в сторону рапорт Председателя Военной коллегии, стал неторопливо читать предложение М. Митина и П. Поспелова о необходимости подготовки «Краткой биографии И. В. Сталина».

Генсек мог вспомнить, что и Эйхе, и Рудзутак, и Постышев, и многие, многие другие просили его вме-

шаться и остановить расправу. Все клянутся в верности ему, «товарищу Сталину». Но почему они просят? Разве это достойно? «Если НКВД разоблачилось и решило, при чем тут товарищ Сталин?» — он любил и думать, и говорить о себе в третьем лице. Никакого сострадания... И еще раз обратимся к Ф. М. Достоевскому. «Кровь и власть пьянят: развиваются за grubелость, разврат; уму и чувству становятся доступны и, наконец, сладки самые ненормальные явления. Человек и гражданин гибнут в тирани навсегда, а возврат к человеческому достоинству, к раскаянию, к возрождению становится для него уже почти невозможен», — писал он в «Записках из Мертвого дома».

Е. П. Питовранов в своей беседе со мной сказал, что разжалобить Сталина было «дохлым номером». Он просто не обращал внимания на просьбы о помиловании, призывы к милосердию и справедливости. «Когда меня посадили за «мягкость к врагам народа», — рассказывал мне Евгений Петрович, — я сказал себе: все, конец. Ни один человек из руководящего состава НКВД, будучи арестованным, не выходил живым из Лефортово. В номере со мной сидел Л. Шейнин, следовательно и в будущем писатель. Ожидая со дня на день трагической развязки, я в то же время мучительно искал выход. И, как оказалось впоследствии, нашел. Выпросив лист бумаги, написал письмо Сталину, у которого я в качестве начальника одного из главных управлений НКВД не раз бывал на приеме. В письме не стал просить ничего, ни снисхождения себе, ни пощады. Написал только, что у меня есть принципиальные соображения по совершенствованию нашей контрразведки. Я добился, чтобы в камеру пришел начальник тюрьмы и сказал ему: «Об этом письме знают «наверху». Если вы не передадите его по назначению, вам будет плохо». Как мне потом рассказывали, — продолжал Евгений Петрович, — Сталину доложили об этом письме. Он позвонил в наше ведомство и спросил: «За что сидит Питовранов?» Ему ответили. Помолчав, Сталин бросил в трубку: «Возьмите его к себе обратно на работу. Кажется, человек он неглупый». Через несколько дней меня неожиданно выпустили. Сталину для этого понадобилось всего несколько слов. Но, как я понял, мне удалось сыграть на психологии диктатора: я не молил о пощаде, как делали все, а предлагал идеи и новые решения».

В секретариате генсека специальные люди анализировали содержание его почты. Иногда Сталину подавали обобщенную справку, наиболее интересные, по мнению работников, письма. Ему докладывали о прошениях в ЦК Н. И. Вавилова, крупнейшего биолога, генетика, ботаника и географа, гордости советской науки; он знал об аресте М. Е. Кольцова, которого ценил за его репортажи из Испании и с которым встречался в 1937 году; говорили Сталину, и о письме С. П. Королева, находившегося в одном из далеких лагерей Колымы... Сколько их было, таких писем! Но эти часто потрясающие документы абсолютно не волновали Сталина! Он полагал, что страдания людей неизбежны, они как закономерная рас-

плата за прогресс, за движение к великой цели, за успехи на пути строительства нового общества.

Великие идеи, в этом Сталин был уверен, требуют самоотверженности, самопожертвования, полной самоотдачи — без жертв социализм построить нельзя. А поскольку их, жертв, было так много, то Сталин к ним привык. Правда, никаких обобщающих данных, статистических выкладок о репрессированных в печати не сообщалось — генсек запретил это делать. Люди питались жуткими слухами.

В общественное сознание, нацеленное на достижение конкретных экономических, социальных, культурных вершин, дорогу прокладывал страх. Поселившийся в те годы под крышей многих жилищ, этот страх питался не реальной виной, а наветами, произволом, злобой случая. ...Кто-то не пришел на работу; ночью к соседям приехали четверо и забрали хозяина; кому-то осторожно говорили, чтобы передали семье: муж сегодня с завода не придет; то вдруг в школьной библиотеке стали вырывать страницы из учебников... Как будто кто-то невидимый прореживал своей рукой человеческое поле.

Сталин знал точные цифры, но они его не пугали. Правда, где-то во второй половине тридцать восьмого года к нему начали поступать тревожные донесения: поднятые по тревоге две дивизии Киевского военного округа с выходом в назначенное время в заданный район не справились: проектирование химического комбината осуществлено неудовлетворительно; конструкторское бюро по разработке транспортных самолетов запаздывает с выполнением задания... Становилось ясно, что дело не только во «вредителях». Страна, народное хозяйство были отброшены не на месяцы, а, скорее, на годы назад.

Сталин, как всегда в таких случаях, мы помним, нашел «виновного» — им оказался Ежов. А. С. Яковлев, известный советский конструктор, встречавшийся со Сталиным, вспоминал такие слова «вождя»: «Ежов — мерзавец, в 1938 году погубил много невинных людей. Мы его за это расстреляли». Арестованным кандидатам в члены Политбюро Постышеву, Рудзутаку, Чубарю, Эйхе, помимо других преступлений, вменялась и вина в «истреблении большевистских кадров». Сталин и на сей раз пытался переложить ответственность за террор на других людей.

Генсеку доложили об их письмах, в которых они полностью отрицали свою вину. А ведь Сталин вместе с ними обсуждал государственные и партийные вопросы, звонил им, давал поручения. Каждого из обратившихся к нему — Постышева, Косиора, Рудзутака, Чубаря и Эйхе — он знал по многу лет. Прежде чем рекомендовать их для избрания в состав Политбюро, Поскребышев, Мехлис, Ягода, Ежов изучили их родословную до «пятого колена». Они были проверенными людьми и писали об этом же Сталину в своих предсмертных обращениях, говорили на заседаниях неправого суда. Вот, что, в частности, написал Эйхе в своем послании Сталину:

«Я перехожу теперь к самой унижительной поре моей жизни — к моей действительно серьезной вине перед партией и перед вами. Эта вина — мое при-

знание в контрреволюционной деятельности. Но положение было таково: я не смог вынести тех пыток, которым меня подвергали Ушаков и Николаев, особенно первый из них — он знал о том, что мои поломанные ребра еще не зажили, и, используя это знание, причинял при допросах страшную боль — меня вынудили обмануть себя и других (своим признанием).

...Я прошу вас, я умоляю вас вновь рассмотреть мое дело не для того, чтобы пощадить меня, но для того, чтобы разоблачить всю ту гнусную провокацию, которая, как змея, обволокла теперь столько людей из-за моей слабости и преступной клеветы. Я никогда не предавал ни вас, ни партию. Я знаю, что гибну из-за гнусной, низкой провокации врагов партии и народа, которую они сфабриковали против меня».

Читая письмо Эйхе, Сталин не мог не знать, что «змею провокации» выпустил он сам, глава партии и государства. Генсек даже не стал советоваться с другими членами Политбюро: приговор Эйхе он уже сделал, когда дал санкцию на его арест, а своих решений Главный Инквизитор страны никогда не менял.

Сталину доложили и о заявлении Рудзутака на суде, продолжавшемся всего двадцать минут. Единственная просьба, с которой он обратился к суду, это «сообщить в ЦК, ВКП(б), что в НКВД есть еще не ликвидированный центр, ловко фабрикующий дела и заставляющий невинных людей сознаваться в преступлениях, которых они не совершали; у обвиняемых нет возможности доказать, что они не участвовали в преступлениях, о которых говорится в таких признаниях, вымученных от различных лиц. Методы следствия таковы, что они вынуждают людей лгать и клеветать на невинных». Рудзутак просил встречи со Сталиным, но генсек ответил на это грубой бранью. И старый большевик, отсидевший десять лет еще в царской тюрьме, погиб в сталинских застенках.

Накануне ареста, в мае 1937 года, Рудзутак был у Сталина и спокойно докладывал ему по вопросу, который интересовал генсека. Но «вождь» в тот момент уже не слушал его, а пытался понять, насколько был верен донос Ежова, в котором говорилось, что якобы еще со времен Генуэзской конференции Рудзутак завербован иностранной разведкой. Работая председателем ЦКК ВКП(б) и наркомом РКИ СССР, а в последнее время и заместителем Председателя Совнаркома, Рудзутак, выходяло, поддерживал связь с троцкистами. Сталин мог припомнить, что однажды, еще при жизни Ленина, Троцкий высоко отозвался о Рудзутак-дипломате как об эрудите, интеллигенте, владевшем несколькими иностранными языками. Вот уж тут сомнения сразу отпадали...

Вечером того же дня, подписывая прикрытие Советского правительства участникам экспедиции на Северный полюс, Сталин среди других увидел и подпись Рудзутака. После секундной заминки генсек своей рукой вычеркнул эту фамилию. А назавтра, 24 мая 1937 года, Сталин продиктовал текст извещения членам ЦК для заочного голосования (опро-

сом): «Органами НКВД неопровержимо установлено, что М. Тухачевский и Я. Рудзутак являлись немецко-фашистскими шпионами...» Замечательный советский полководец и крупный государственный деятель, большевик ленинской школы, волею Сталина оказались в одной трагической связке, но лишь с одной небольшой разницей: Тухачевскому предстояло прожить немногим более двух недель, а Рудзутaku — около года...

Диктатор, повторяю, лично предreshал судьбы многих тысяч людей. Практически все предложения Ежова, Ульриха, Вышинского о вынесении самых жесточайших приговоров поддерживались им. Я уже писал, что иногда Сталин просто устно говорил: «Согласен», но очень часто он снисходил и до того, что оставлял свой «автограф» на чудовищном некрологе: Те, кто до сих пор кивают на Ежова и Берия, что это, мол, дело их рук, глубоко ошибаются. Следы самого Сталина кровавы, и есть множество документов, свидетельствующих о его чудовищной беспощадности. Вот один из них:

«Товарищу Сталину.

Посылаю списки арестованных, подлежащих суду Военной коллегии по первой категории.

Ежов».

Резолюция лаконична: «За расстрел всех 138 человек.

И. Ст., В. Молотов».

Еще один потрясающий в своей жестокости документ:

«Товарищу Сталину.

Посылаю на утверждение 4 списка лиц, подлежащих суду: на 313, на 208, на 15 жен врагов народа, на военных работников — 200 человек. Прошу санкции осудить всех к расстрелу. 20.VIII.38 г. Ежов».

Резолюция, как всегда, однозначна: «За. И. Ст., В. Молотов. 20.VIII.»

Были и просто чудовищные «рекорды»: 12 декабря 1938 года Сталин и Молотов санкционировали к расстрелу 3167 человек! Эти списки, которые находятся в архиве, составлены без указания вины, результатов следствия. Фактически бывало и так, что после утверждения списков дело оставалось лишь за «формальным» вынесением приговоров. Подобную кровавую статистику можно приводить без конца. Но ведь за этими «списками», бумагами стояли конкретные люди! Со своими судьбами, муками, надеждами!

Передо мной лежит письмо почти девяностолетней Веры Ивановны Дерюжиной из Белой Церкви. Одно это ее письмо может стать страшным обвинением всему тому, что творила сталинская карательная машина.

«Когда страшной ночью 1937 года, — пишет Вера Ивановна, — пришли за моим мужем-шахтером, выполнявшим по четыре нормы, стахановцем, я думала, что это ошибка. Сказали мне: не реви, дура, через час придет твой муж. А пришел через двенадцать лет. Инвалидом. И что только я не перенесла с малыми детьми, престарелой матерью — описать невозможно! Из квартиры выгнали, везде на нас

стояло клеймо: семья врага народа. Если бы не добрые люди, то все бы погибли... Напишите о моей судьбе в своей книге где-нибудь в уголке».

Или вот еще письмо от москвича Степана Ивановича Семенова, отсидевшего в сталинских лагерях пятнадцать лет. У него расстреляли двух братьев и в тюрьме умерла жена. Сейчас это уже глубокий старик, у которого нет никого — ни детей, ни внуков. В его письме есть такие строки:

«Самое страшное, когда тебя никто не ждет, когда ты никому не нужен. У меня и братьев могли быть дети, внуки, семьи. Проклятый Тамерлан все изломал и растоптал. Он лишил будущего еще не родившихся граждан. Не дал им родиться, поскольку убил их отцов и матерей. Доживаю жизнь в одиночестве и до сих пор не могу понять: как мы не рассмотрели в «вожде» чудовища, как наш народ допустил такое?»

Гигантская машина террора — родное дитя сталинизма. Авторство генсека здесь несомненно. Поэтому встречающиеся рассуждения некоторых людей (об этом писал еще И. Эренбург в 1962 году, много позже повторяли эту идею и другие) о том, что «Сталин не знал того, что творил Ежов», «не представлял масштабов и размаха репрессий», это мол, «дело рук провокаторов, пробравшихся в НКВД», — не имеют под собой никаких оснований. Сталин руководил репрессиями, Сталин определял «стратегию» террора, Сталин корректировал акценты в этом насилии, Сталин пытался всячески скрыть подлинные масштабы разбоя, ликвидировав многих исполнителей его воли. Думаю, никто, кроме самого Сталина, не знал настоящего размаха, апофеоза тирании в «эпицентре трагедии».

Конечно, знали и знают немало об этом и те, кто был вольным или невольным орудием террора. В ходе работы над книгой я получил, как уже говорил, не одну тысячу писем от читателей. Но письма этих людей я узнавал сразу — часто они без подписи. Приведу несколько выдержек из них:

«Сталин, как санитар, очистил родину от швали. Да, жалко, плохо очистил, коли и сегодня есть такие, кто топчет это светлое имя». Ю. К.

«Поиграете в демократию, поиграете и позовете диктатора. В России никогда без сильной руки ничего путного нельзя было сделать. Сталин из страны с сохой сделал державу с атомной бомбой. Этим все сказано». Без подписи.

Однажды вечером у меня дома раздался телефонный звонок. Старческий голос представился «Иваном Николаевичем» (думаю, вымышленное имя). Без обиняков звонивший заявил, что «с удовольствием поставил бы меня к стенке», тем более что в 1937—1938 годах он этим занимался. «Не трогайте Сталина, — прошамкал бывший исполнитель приговоров, — он еще вернется к нам в другой форме», — и положил трубку.

Сознание таких людей как бы застыло на уровне 1937 года, и их ущербное мировоззрение «винтиков» не изменили ни годы, ни ветры перемен. Этих людей осталось немного, но о своем участии в великом тер-

роре они предпочитают публично не говорить. И если в восьмидесятые годы старец со скрипучим голосом говорит вам о том, что «он не сожалеет о своем соучастии», это уже не поза, а позиция. В сознании таких людей, сталинизм засел крепко, и покаяние им вряд ли доступно.

В истории всегда есть страницы, которые люди хотели бы поскорее забыть, но этого сделать невозможно и не надо. Все, что было, стало частью нас самих. Через это прошли главным образом те поколения, которых уже нет с нами. Чем больше мы живем, тем меньше остается людей, которые старше нас, и с каждым днем все больше тех, кто нас моложе. Но горькая память о безвинно погибших в годы сталинского безумия остается с нами.

Мы помним облик Сталина по фотографиям, кадрам хроники, видели монументы, бюсты, которые незаметно, но как-то быстро исчезли со своих пьедесталов. Генсек часто изображался с поднятой рукой, «указывающей» всем путь в светлое будущее, с доброй улыбкой, характерным прищуром желтоватых внимательных глаз. Кто мог тогда думать, что за этой улыбающейся маской скрывается патологическая жестокость, бессердечие и коварство, равных которым найти не просто даже в нашей многострадальной истории? Но это в полной мере почувствовали не только миллионы репрессированных и их семьи, но и родственники самого генсека. Один из пытливых исследователей жизни И. В. Джугашвили-Сталина, В. В. Нефедов, провел немалую работу по исследованию судеб ближайших и дальних родственников вождя. Ему удалось установить, что по линии Е. С. Сванидзе (первой жены) были репрессированы:

1. Александр Семенович (Алеша) Сванидзе, брат жены Сталина. Член партии с 1904 года. Был наркомом финансов Грузии, до 1937 года работал в наркомате финансов СССР. Один из ближайших друзей Сталина. Был обвинен в шпионаже и расстрелян.

2. Мария Анисимовна Сванидзе, жена А. С. Сванидзе. Оперная певица. В 1937 году арестована, приговорена к десяти годам тюрьмы. Умерла в ссылке.

3. Иван Александрович Сванидзе, сын А. С. Сванидзе. Был арестован как сын «врага народа». Вернулся из ссылки в 1956 году.

4. Мария Семеновна Сванидзе, сестра жены Сталина. В 1927—1934 годах — личный секретарь А. С. Енукидзе. Арестована в 1937 году. Умерла в тюрьме.

5. Юлия Исааковна Мельцер (Джугашвили), жена сына Сталина Якова. Была арестована, в 1943 году освобождена.

По линии Н. С. Алдилуевой (второй жены Сталина) были репрессированы:

1. Анна Сергеевна Алдилуева, сестра жены Сталина. Арестована в 1948 году и осуждена на десять лет за «шпионаж». Освобождена в 1954 году.

2. Станислав Францевич Реденс, муж А. С. Алдилуевой, нарком внутренних дел Закавказья, Казахстана. Делегат XV, XVI, XVII съездов ВКП(б), член

ЦКК — ЦРК ВКП(б). В 1938 году арестован как «враг народа», в 1941 году расстрелян.

3. Ксения Александровна Аллилуева. В 1948 году арестована и осуждена за «шпионаж» на десять лет. В 1954 году освобождена.

4. Иван Павлович Аллилуев (Алтайский), сын П. Я. Аллилуева. Член партии с 1920 года, редактор журнала «Социалистическое земледелие». Арестован в 1938 году; с помощью С. Я. Аллилуева освобожден в 1940 году.

Сохранились записки Ивана Аллилуева, племянника С. Я. Аллилуева, который был осужден «за участие в контрреволюционной организации» и отбывал срок в «Сороклагере». В них он описывает своих друзей по несчастью: комбрига Холодкова, начальника одного из управлений Московского военного округа Ланидуса, молодого парня Петра Жилу, который попал, кстати, во «враги народа» только за то, что однажды сидел рядом с Косаревым в президиуме съезда комсомола Украины.

Как потом выяснилось, за Ивана Павловича, осмелившись, стал хлопотать его престарелый дядя С. Я. Аллилуев. Не решившись просить об этом Сталина, он обратился к Берии и Кобулову, и, пожалуй, единственный раз монстр сжалился.

В своей жестокости Сталин не был избирательным — для всех одна мера. Свои и «чужие», знакомые и родственники, товарищи по ЦК и совсем незнакомые люди, молодые и старые большевики, неграмотные мужики и академики, мужчины и женщины, — если на их «деле» ставился штамп «враг народа», эти люди сразу превращались для Сталина в «лагерную пыль». Как только от Ежова или Берии поступала «сигналы» о «вредительской» или иной «контрреволюционной» деятельности (а среди родни Сталина было особенно много «шпионов», что и понятно, — источник-то «информации» самый высокий!) его близких, «вождь», не раздумывая, давал санкцию на арест. Обычно Сталин больше этим человеком не интересовался. Пожалуй, было лишь одно исключение. Когда ему сказали, что к расстрелу как «немецкий шпион» приговорен А. Сванидзе, Сталин сухо бросил: «Пусть попросит прощения». Перед расстрелом Сванидзе передали слова «вождя». «О чем я должен просить? — удивился узник. — Ведь я никакого преступления не совершал». И Сванидзе расстреляли.

Сталин, узнав о последних словах своего близкого друга детства и родственника, лишь обронил:

— Смотри, какой гордый, — умер, но не попросил прощения...

«Вокруг отца, — писала его дочь Светлана, — как будто очерчен черный круг, — все, попадающие в его пределы, гибнут, разрушаются, исчезают из жизни...»

Писать Сталину, повторяем, было бесполезно — будь ты кандидатом в члены Политбюро, рядовым человеком или близким родственником. Думаю, эта в известном смысле «личная» страница жизни Сталина, в который раз четко характеризует глубокую антигуманность его натуры, исключавшей малейшее милосердие и сострадание, а также то, что Сталин,

по-видимому, не мог соглашаться на аресты своих родственников без «уверенности» в том, что «так нужно». При исключительной мнительности Сталина его подозрительность почти не распространялась на доносчиков — генсек обычно верил наветам, и судьба его несчастных родственников еще одно подтверждение тому.

Знакомясь с архивами, раскрывающими кульминацию трагедии, встречаясь и беседуя с очевидцами и жертвами тех далеких уже событий, вновь и вновь приходишь к одному выводу: случившееся явилось крайним следствием установления единовластия и разрушения еще хрупких, бедных форм демократии. В истории не раз бывало, когда логика революции или контрреволюции вела к террору. И тогда она, история, самая жестокая из богинь, могла тащить, по словам Ф. Энгельса, свою триумфальную колесницу через горы трупов не только во время войны. Во второй половине тридцатых годов, повторяем, никаких видимых предпосылок к развязыванию массовых репрессий не было.

Народ принял муки, казалось бы, внешне спокойно, но так могло произойти лишь в условиях, когда не было создано никакого надежного механизма социальной защиты человека. Чем выше в обществе уровень демократии, тем меньше она зависит от личных качеств лидера. В конце концов настоящая демократия просто отвергнет непригодного. А террор, и опять вспомним Ф. Энгельса, состоит в большинстве случаев из бесполезных жестокостей, совершаемых перепуганными людьми для самоутверждения.

По Сталину, великая цель оправдывает широкое применение насилия для создания более «однородного» общества в смысле нивелирования мировоззрения и помыслов людей, живущих при социализме. Но «вождь» ошибся в главном: он плохо знал свой народ. Да, репрессии сделали народ «молчаливым», безропотно вынесшим безумие сталинских планов. Но веру, убежденность людей в социальной справедливости Сталин ослабить не смог. У значительной массы людей, чье сознание не было в полной мере замусорено культовой дребеденью, сохранилось резкое неприятие авторитаризма, загнанное глубоко внутрь. Они в то время не могли найти достойного выхода своему глухому недовольству. К слову говоря, многие честные люди по-настоящему задумались, лишь оказавшись за проволокой. Но зерна негодования, гнева, возмущения и скорби за поруганные насилием идеи много лет спустя дали свои всходы.

Сегодня, например, уже по-иному воспринимаются и строки, написанные Троцким в книге «Преступления Сталина» (1937 год). Изгнанник, конечно, смотрел на генсека прежде всего через призму своей личной ненависти и посему предрекал ему неизбежный крах. С поразительной проницательностью Троцкий видел в дымке грядущего крах диктатора. Троцкий писал, что падение Сталина неизбежно: монументы, воздвигнутые в его честь, будут разрушены или сданы в музей жестокостей, а жертвам сталинизма памятники.

наоборот, будут поставлены. Читатель имеет возможность сам судить о выводах Тройского.

Действия Сталина порой выглядят иррационально: трудно объяснить, например, какой-либо политической логикой резкое ослабление армии накануне страшной войны; он санкционирует уничтожение М. Кольцова, которого хорошо знал, встречался с ним, и не трогает Б. Пастернака с его независимыми взглядами. Действиями Сталина руководила беспредельная жажда власти, которую он так до конца и не смог утолить.

Нельзя смириться с тем, что Сталин сделал пассивными соучастниками своих деяний миллионы людей, которые поверили, что «так нужно». Ему удалось заручиться поддержкой (не столько путем убеждения, сколько страха) множества честных граждан.

Сталинская ложь оставила глубокие следы в памяти людей, в их психологии, в нашей культуре. Но ложь тогда не имеет шансов, когда ей противостоит истина в союзе с совестью. Именно совесть бывает самым требовательным и молчаливым судьей. Обмануть свою совесть невозможно. И сегодня мы знаем, что если совесть в те годы часто молчала, то прежде всего потому, что рядом не было истины.

На годы единовластия приходится кульминация трагедии народа и потому, что тогда насильно были

вырваны из жизни многие честные коммунисты, лучшие специалисты, высокие таланты, люди, подававшие особые надежды. Мы знаем, что их замена, часто поспешная, порой случайная и где-то корыстная, не могла быть равноценной. Но Сталин знал: выдвинувшиеся в годы репрессий люди более преданы ему, его «линии», его установкам. Он полностью мог рассчитывать на их преданность и усердие.

За два года до начала войны страна была как бы обескровлена. Нет, дымились трубы фабрик и заводов, бежали по рельсам поезда, студенты шли в университеты, и люди хранили надежду на лучший завтрашний день. Но «обессиленность» чувствовалась во всем: переполненные тюрьмы и лагеря, безвестье о канувших в небытие, поредевшие кадры военных и многое-многое другое. Так было совершено чудовищное надругательство над людьми и великой идеей, захватившей их. Сталин, совершив физический акт злодеяния против своего народа, совершил и преступление против мысли.

Нет, не Сталин остановил безумие: этот бессмысленный террор дошел до своего предела, угрожавшего на рубеже самых тяжелых испытаний функционированию самой системы.

Конец первой книги

Дмитрий Антонович Волкогонов

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ

(Политический портрет И. В. Сталина)

Книга первая

(Окончание)

Редактор В. Малюгин

Иллюстрация В. Терещенко

Художественный редактор А. Моисеев
Корректоры О. Коваль и И. Филатова

Технический редактор А. Кашафутдинова

Сдано в набор 14.06.90. Подписано в печать 13.08.90. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 11,34. Уч.-изд. л. 14,18. Тираж 3.360.000 экз. (1-й завод 1—2 610 000 экз.) Заказ 1255. Цена 1 р. 25 к.
Адрес редакции: 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература»
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати, 142300, г. Чехов Московской области

Рукописи ранее не опубликованных произведений редакцией не принимаются и не рассматриваются.

Во всех случаях полиграфического брака просим бракованные экземпляры отсылать для замены в типографию, которая его выпустила.

Уважаемые товарищи!

В 1991 году «Роман-газета» возобновляет печатание произведений зарубежных авторов. В первом квартале будет опубликован роман известного английского писателя Джона Фаулза «Подруга французского лейтенанта».

В основе сюжета этого произведения — история молодого дворянина, который вынужден делать выбор между благопристойным браком по расчету и любовью к бедной гувернантке.

В третьем квартале печатается сборник научно-фантастических рассказов зарубежных писателей — «Супруги, любившие уединение». В его составе писатели Великобритании, Испании, Канады, США: Лорд Дансени, Альфонсо Альварес Вильяр, Артур Порджес, Рэй Брэдбери и другие.

Редакция «Роман-газеты»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Валерий ГАНИЧЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Сергей АЛЕКСЕЕВ

Юрий БОНДАРЕВ

Семен БОРЗУНОВ

Витаутас БУБНИС

Олесь ГОНЧАР

Геннадий ГОЦ

Даниил ГРАНИН

Юрий ГРИБОВ

Владимир ДУДИНЦЕВ

Александр ЖУКОВ (ответственный секретарь)

Сергей ЗАЛЫГИН

Феликс КУЗНЕЦОВ

Леонид ЛЕОНОВ

Виктор МЕНЬШИКОВ (заместитель главного редактора)

Василий НОВИКОВ

Евгений НОСОВ

Петр ПРОСКУРИН

Валентин РАСПУТИН

Леонид ФРОЛОВ

РОМАН-20 ГАЗЕТА

